

Материалы международной
научно-практической конференции

**«ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»**

Иркутск, 27 марта 2020 года

Москва-Иркутск, 2020

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«Церковь, государство и общество:
исторические, политико-правовые
и идеологические аспекты взаимодействия»**

Иркутск, 27 марта 2020 года

Москва-Иркутск, 2020

ОРГАНИЗАТОРЫ И УЧАСТНИКИ

<p>Управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям</p>	
<p>Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная Ассоциация теоретиков государства и права»</p>	
<p>Местная религиозная организация Православный Приход Храма Свято-Троицкого г. Иркутска ИЕРПЦ</p>	
<p>Местная религиозная организация Православный Приход Храма в честь Входа Господня в Иерусалим г. Иркутска ИЕРПЦ</p>	
<p>Местная религиозная организация Михаило-Архангельский Харлампиевский храм г. Иркутска ИЕРПЦ</p>	
<p>Местная религиозная организация Православный Приход Храма Преподобного Сергия Радонежского г. Иркутска ИЕРПЦ</p>	
<p>Юридический институт Иркутского государственного университета</p>	
<p>Институт социальных наук Иркутского государственного университета</p>	
<p>Исторический факультет Иркутского государственного университета</p>	
<p>Отделение философии и теологии Иркутского государственного университета</p>	
<p>Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации</p>	
<p>Байкальский дискуссионный этнорелигиозный клуб «Время говорить»</p>	

УДК 322(082)
ББК 86.372.21-123.13я43

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. А. Арзуманов, д-р культурологии, канд. филос. наук, доцент;
А. Е. Смирнов, д-р филос. наук, профессор; **О. П. Личичан**, канд. юрид. наук; **В. А. Пак**, канд. юрид. наук; **М. Г. Тирских**, канд. юрид. наук; **И. А. Кузьмин**, канд. юрид. наук; **Е. С. Кузьмина**, канд. социолог. наук; **А. В. Степанов**, ст. преп. каф. теологии ист. факультета ИГУ, магистр религиоведения.

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

И. А. Арзуманов, д-р культурологии, канд. филос. наук, доцент;
С. А. Комаров, д-р юрид. наук, профессор;
А. Е. Смирнов, д-р филос. наук, профессор.

Ц44 **Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 27 марта 2020 г.)** / [науч. ред. И. А. Арзуманов; С. А. Комаров; А. Е. Смирнов]. – ООО «Сам Полиграфист», 2020. – 571 с.

ISBN 978-5-00166-185-6

В сборнике представлены результаты исследований, посвященных актуальным вопросам исторических, политико-правовых и идеологических аспектов взаимодействия Церкви, государства и общества. Его материалы представляют интерес для всех, кто занимается изучением природы и проблематики государственно-конфессиональных отношений в различных аспектах социально-политической действительности. Они могут быть использованы для преподавания правовых наук, социологии, культурологии, истории и других дисциплин в высших и средних учебных заведений.

**Сборник издан в целях реализации проекта
«Байкальский этнорелигиозный дискуссионный клуб
«Время говорить!»
(куратор проекта А.В. Степанов)**

ISBN 978-5-00166-185-6

(С) Коллектив авторов, 2020
(С) Издательство МАТГиП, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия участникам конференции.....	9
---	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пак В. А. Об отношении к вопросам веры и религии студентов Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.....	13
Тирских М. Г. Методы взаимодействия государства и религиозных организаций: политико-режимное измерение.....	15
Смирнов А. Е. О социальных импликациях православной антропологии.....	23

I. ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕСТВИЯ

Арзуманов И. А. Миссия религиозных институтов как фактор осуществления идеологической функции государства	33
Деревскова В. М. Религиозные суды в России после проведения судебной реформы 1864 г.	42
Кузьмин И. А. Юридическая ответственность на страже Декалога: (оценочный анализ первой каменной скрижали завета).....	51
Мушинский М. А. Взаимодействие церкви и государства в вопросах противодействия экстремизму: социально-правовые и аксиологические аспекты.....	59
Федоров М. А. Термин «секта»: нейтральность VS пейоративность.....	72
Бернацкий Г. Г. Догматы вероучения и принципы естественного права как объективные сущности.....	78
Волосова Е. Б. Взаимодействие государства и религиозных конфессий в сфере школьного образования (на примере учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»).....	84
Воробьев С. М. Участие представителей религиозных организаций в деятельности общественно-наблюдательных комиссий территориальных подразделений ФСИН России: вопросы теории и практики.....	90
Воротилина Т. В. Роль правового воспитания и юридического образования в формировании и повышении уровня профессионального правосознания и правовой культуры сотрудников правоохранительных органов.....	100

Дроботушенко Е. В. Православная церковь и общество в Читинской области в послевоенный период советской истории.....	106
Дроздова А. М. Взаимовлияние информационного общества и правосознания личности.....	113
Калинина А. С. Особенности взаимодействия православных верующих и Советского государства в административной сфере в 1929–1939 гг. (на примере Белорусской ССР).....	120
Камедина Л. В. Язык – фактор сохранения духовной безопасности государства.....	134
Косолапов Р. А., Косолапова Т. В. Нормативно-правовое обеспечение воспитательной функции церковно-приходской воскресной школы.....	144
Курдюкова Е. А. Общественный контроль оказания помощи осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе малолетних детей.....	154
Мартынов А. С. Положение православной церкви в регионе Донбасса в условиях нацистской оккупации (1941–1943).....	160
Мухаметзарипов И. А. Статус религиозных судов в рамках законодательства Российской Федерации.....	173
Тюменева Н. В. Идеологический нейтралитет в условиях светского государства	179
Рожкова А. К. К вопросу о выделении новых видов национальной безопасности: идеологическая безопасность (потенциал церкви).....	190
Цыганкова Е. А. Государственно-церковные отношения в современной России: правовое регулирование.....	198

II. ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕСТВИЯ

Агапов О. Д. Этика признания религиозной сферы	204
Буйленков И. О. Влияние изменений политической культуры общества на восприятие формы приходского управления (на материалах дискуссий Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг.).....	207
Дородонова Н. В., Чилькина К. В. Опыт реализации социальной доктрины римской католической церкви в политико-правовой сфере (на примере Германии первой трети XX в.)	218
Зарубаева Е. Ю. Религиозная толерантность современной молодежи	227

Зобков Р. А. Проблематика иератопии в дискурсе интегрального традиционализма.....	231
Ивентьев С. И. Религия и права души и духа человека.....	236
Коноплёв Н. С. Становление религии как результат перехода социальных связей в сферу государственно оформляемых общественных отношений	241
Корниенко Н. Н. Даурская духовная миссия: начальные страницы истории.....	247
Куйбарь В. И. К вопросу о виртуальных социальных сетях.....	254
Кульпинов С. С. Трудовая повинность обновленческого духовенства Восточной Сибири на рубеже 1920-х – 1930-х гг.: законодательная база, правоприменение, идеологические обоснования.....	258
Лю Болин. Религиозные споры между Россией и Украиной в 2019 г.	267
Митыпова Г. С., Фефелов Д. С. «Православие лайт»: формирование приходской жизни на территории Бурятии (XXI век).....	273
Осипов Н. С. Расцвет и упадок обновленческого движения в Восточной Сибири в 1922–1936 гг.	281
Панина М. Е. Актуализация концепта «богатство» на примере китайского Нового года в свете реализации проекта «Экспорт образования».....	290
Рыбалко М. Л. Основные современные тенденции в религиозной жизни США.....	296
Старцев Е. Н., Линчевская Т. В., Культурологические аспекты миссии Русской православной церкви для коренных народов Аляски и Алеутских островов.....	302
Степанов А. В., Десятириков Ю.В. Богословие Отечественной войны: от Парижа до Берлина.....	308
Шастина А. Р. Понятие «Вера» и «Религия» в контексте изменений Конституции РФ и международных стандартов правового регулирования.....	321
Шатравский С. И. Архиепископ ярославский Нил (Исакович) как исследователь буддизма в Сибири.....	326

III. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Бердников А. И. Социально-правовые аспекты домашнего насилия.....	336
Гандембул А. И. Проблемы организации участия граждан в государственном управлении в различные периоды истории России.....	346
Глушенко Я. А. Приемы правового регулирования: идеологический аспект доктринально – дефинитивного анализа.....	353
Далецкая Е. В. Инквизиция как закономерный итог слияния интересов католической церкви и феодального государства в Западной Европе.....	357
Данилевич М. А. Православная семейная педагогика как путь духовного обновления общества.....	368
Девятириков Ю. В. Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы и достоинства в контексте общественного восприятия.....	374
Денисенко Н. В. Смена пола: религиозные и правовые аспекты	381
Жигулина Д. М. Кротов М. С. Сила нотариального акта в гражданском обществе Российской Федерации и Франции	387
Жук У. В. Проблема дискриминации атеистов и агностиков в рамках российского уголовного законодательства.....	391
Зарубаева А. К. Исследование психотерапевтических функций христианства.....	398
Калинин В. А. Правовое обеспечение экологического просвещения как элемента идеологической функции государства.....	403
Карпец Д. В. Влияние правосознания граждан на правотворческую деятельность государства.....	416
Кобзова Д. Л. Институт брака в России: идеологический и правовой аспект.....	421
Козлова А.А. Соматические права: этико-правовые аспекты дефинитивного анализа	428
Кузьмина В. В. Особенности института ответственности за клевету	435
Кукель В. Е. Место религиозного искусства в современном российском обществе.....	448
Макаренко Е. К. Религиозный экстремизм как межотраслевой институт права.....	452

Макарова Ю. А. Вероисповедальная политика российского государства в период 1905–1917 гг.....	457
Маркова Е. А. Взаимодействие христианства и политики: социально-исторический анализ.....	468
Носырев Р. В. Особенности правового взаимодействия государства и религиозных объединений в России.....	476
Осипова Н. А. Организационное сопровождение международной деятельности Русской православной церкви.....	483
Пашков А. Н. Анализ опыта деятельности Комиссии по вопросам религиозных объединений в г. Владивосток.....	495
Пруцкой М. А. Церковь, государство и общество: отдельные проблемы взаимодействия.....	499
Роднёнок А. А. О содержании идеологической функции современного государства.....	504
Серый А. С. Роль и место религии в процессе общего хода всемирной истории и развития человечества.....	511
Ткаченко П. Н. Право на свободу совести и вероисповедания в Китае в контексте трансформации политического режима.....	525
Хаустов Д. А. Типичные нарушения федеральных законов в деятельности религиозных объединений.....	536
Чипизубов Д. А. Правовая основа деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны.....	542
Элтеко К. С. К вопросу о либерализации права в мусульманских государствах	550
Юлубаева А. Р. Нормативно-правовое регулирование отношений государства и церкви в современной России.....	556
Янчевская В. В. Ответственность власти в свете неолиберальной и консервативной идеологий	561
Резолюция Международной научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия» (Иркутск, 27 марта 2020 года)	569

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Высокопреосвященнейший Максимилиан,
митрополит Иркутский и Ангарский

Уважаемые участники конференции!

Предмет размышлений и тема конференции чрезвычайно важны для самой нормализации самого широкого круга общественных отношений, поскольку пронизывают все сферы социальной жизни. Исследование проблем исторических, политико-правовых и идеологических аспектов взаимодействия Церкви, государства и общества, безусловно, будет содействовать консолидации сообщества граждан, их интеллектуальных и моральных сил в преодолении опасностей утраты собственной идентичности и чувства патриотизма. Обсуждение проблем и перспектив совершенствования механизмов взаимодействия церкви, общества и государства особенно важно на этапе обострения социальных, политико-правовых и экономических вызовов, вставших сегодня перед российским обществом. Искренне желаю, чтобы результаты научно-практической конференции стали руководством к действию органам власти и управления всех уровней, а сформулированные предложения были услышаны и реализованы.

**Благодать Господа и Спаса нашего Иисуса Христа
да пребудет со всеми вами!**

В.В. Шпрах

Председатель Общественной палаты Иркутской области

Приветствую участников, гостей и организаторов Международной научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия»!

Современное общество трудно представить себе без постоянного взаимодействия между обществом и государством. Институты гражданского общества, к числу которых относятся и религиозные организации, играют важную роль, зачастую и образуют фундамент соци-

альных отношений. Их взаимодействие с государством – залог, как успешного развития социальных институтов, так и гарантия эффективной реализации функций государства, проведения общественного контроля над деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Религиозные организации, церковь в этом контексте являются одними из наиболее древних и одновременно одними из наиболее последовательных общественных сил, обеспечивающих духовное развитие общества и укрепление стабильности и целостности государства. Именно религиозные организации формируют базис духовности в обществе, закладывают начала общественной морали и нравственности. Церковь – является главным и естественным защитником свободы совести, одной из фундаментальных ценностей нашего общества, чья защита закреплена в Конституции Российской Федерации.

На современном этапе государство, церковь и общество переживают период больших испытаний. Они связаны, в том числе и с формированием новых культурных паттернов, возникновением общественных течений, во многом чуждых традиционным религиозным и духовным принципам нашего общества. Развитие общественных процессов и институтов сталкивается с защитным барьером российского общества в виде его духовно-религиозных принципов. В этих условиях все большее значение приобретает необходимость научного анализа взаимоотношений церкви, государства и общества.

Я благодарю участников конференции за то, что в рамках своего научного поиска они уделяют внимание таким вопросам как взаимодействие общества, государства и церкви, которые является одним из базисов построения современного российского общества и государства, обеспечения защиты права на свободу совести, заложения основ правового государства.

Искренне надеюсь, что в рамках работы конференции ее участники смогут в ходе обмена мнениями о современных тенденциях взаимодействия церкви, государства и общества найти решения злободневных проблем современного общества и принести свой вклад в становление российского общества на принципах верховенства права и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

От имени Общественной палаты Иркутской области желаю всем участникам конференции успешной работы, конструктивного диалога и плодотворных результатов!

Уважаемые участники конференции!

От имени ректората, профессорско-преподавательского состава и студентов Иркутского государственного университета приветствую участников научного форума!

В стенах Иркутского государственного университета ежегодно проходит большое количество научных мероприятий. Они посвящены актуальным и значимым проблемам науки и техники, новым достижениям в образовательных и исследовательских технологиях. Но, среди них всегда особняком стоят те, которые непосредственно связаны с жизнью общества, его развитием, реагированием на вызовы современности. Эта конференция, уверен, займет свое достойное место в череде научных форумов, посвященных проблемам современного общества и государства.

Духовное развитие человека и его существование в системе социальных и духовных ценностей имеет определяющее значение. Оно позволяет реализовать его творческие, познавательные, гуманистические начала. Оно дает основание для выбора жизненной позиции, принципов, взгляда на мир. Оно же способно обеспечить человеку возможность включения в жизнь общества. И в этом становлении и развитии человека огромный вклад триады: общества, государства и церкви. Таким образом, изучение взаимодействия этих явлений, их сопряженность в решении актуальных проблем человека является шагом на пути к обеспечению развития личности.

Анализ взаимодействия церкви, государства и общества в наше трудное время является такой же необходимостью, как и постижение законов природы. Благодаря научному познанию процессов социально-духовного взаимодействия перед обществом открываются новые горизонты развития, гармоничного и созидательного движения в направлении сохранения и преумножения духовных богатств, обеспечения становления в обществе морально-этических ценностей. Все это задачи нетривиальные, требующие детальной проработки и основательного научного анализа. Все это вызовы для современной науки и основания для фундаментальных научных исследований. Я надеюсь, что в ходе конференции участникам удастся не только обменяться мнениями по злободневным проблемам взаимодействия государства, общества и церкви, но и прийти к решению некоторых актуальных

вопросов современного российского общества, роли в нем церкви, возможностям государства обеспечить развитие духовных начал в современном российском обществе.

Уверен, что результаты работы Международной научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия» будут полезны всем участникам научного форума. Желаю всем участникам конференции плодотворной работы!

С.А. Комаров

Президент Межрегиональной общественной организации
«Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

От лица всех членов нашей Ассоциации приветствую уважаемых участников научно-теоретической и практической конференции. Ее проведение есть свидетельство того очевидного факта, что проблемы взаимодействия, координации усилий светской и церковной властей в деле воспитания обучающихся в современных условиях становятся все более актуальными.

Вступление нашей страны в информационную стадию развития с неизбежностью требует ответа на самые насущные вопросы нашего материального и духовного бытия. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него. А вечные человеческие нравственные, правовые, духовные ценности как никогда нуждаются в осмыслении и защите всеми имеющимися у человечества средствами.

И не последняя роль в этом процессе отводится Государству, Праву, Церкви. Ведь члены общества, народ, оставленный без нравственного руководства свыше, обречен. Граждане государства без норм права погружаются в пучину беспредела, безнравственности, беззакония. Поэтому в системе нормативного регулирования отводится немаловажная роль и нормам права, и нормам морали (нравственности), и нормам религиозных организаций!

Их возникновение и последующее развитие выражают тенденцию общества к самоподдержанию общественного порядка в процессе обмена духовными и материальными благами. Это ценности каждого общества, которыми нельзя пренебрегать!

Выражаю уверенность в том, что все участники Международной научно-теоретической конференции независимо от возраста и жизненного опыта приложат все усилия к дальнейшему осмыслению существующих проблем правового обеспечения эффективного взаимодействия Церкви, российского государства и гражданского общества!

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.А. Пак*

DOI: 10.25839/k3344-7154-8187-i

Об отношении к вопросам веры и религии студентов Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Уважаемые участники конференции!

В своем кратком сообщении хочу поделиться с вами информацией об отношении к вопросам веры и религии студентов Иркутского филиала Университета прокуратуры Российской Федерации.

При подготовке к участию в работе конференции, мне пришла мысль о том, что если в вопросах веры и религии мое личное отношение для меня понятно, то в отношении наших студентов юридического факультета такой информации нет вообще, хотя, на мой взгляд, этот вопрос не менее актуален, чем отношение студентов к жизни, к учебе и другим важным составляющим существования любого человека.

Поэтому я и декан юридического факультета разработали небольшую Анкету с вопросами об отношении студентов к вере и религии, а затем провели анкетирование студентов.

Анкетирование, естественно, было анонимным и, конечно же, полностью добровольным.

Из 209 студентов согласились ответить на вопросы Анкеты 138 человек.

Вопросы в Анкете были следующими:

1. Являетесь ли Вы верующим человеком?
2. Если Вы являетесь верующим человеком, то к какой конфессии Вы себя относите?
3. Посещаете ли Вы религиозный храм (церковь, синагогу, мечеть, дацан)? Если посещаете, то, как часто (сколько раз в год, месяц, неделю)?
4. Соблюдаете ли Вы религиозные праздники?

* Пак Валерий Александрович, директор Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», старший советник юстиции, кандидат юридических наук (г. Иркутск, Россия).

Pak Valery Aleksandrovich, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Senior Counselor of Justice, Candidate of Law (Irkutsk, Russia).

5. Если Вы не являетесь верующим человеком, то согласны ли Вы с утверждением, что существует какая-то высшая сила, которая влияет на судьбы людей и мира?

6. Если Вы не являетесь верующим человеком, то какая из конфессий все же ближе Вам по духу, по проповедуемым истинам и правилам?

7. Задумывались ли Вы когда-либо войти в число верующих (покреститься и т.п.)? Если да, то, что Вас остановило?

8. Остались ли у Вас хоть какие-то намерения войти в число верующих?

И вот какие результаты мы получили после обработки анкет:

Из 138 студентов 96 или более двух третей сообщили о себе, что являются верующими, что составило 69,6% от общего числа анкетированных.

Соответственно остальные 42 студента сообщили, что относят себя к неверующим. При этом надо сказать, что до начала анкетирования всем опрошенным разъяснялось, что под верующими в первом вопросе понимаются те, которые прошли определенный религиозный обряд посвящения, например: крещение и т.п.

Из числа верующих: православных оказалось подавляющее большинство, а именно: 87 человек, 7 человек заявили, что они буддисты и по одному опрошенному сообщили, что исповедуют шаманизм и язычество.

На вопрос о посещении религиозных храмов и частоте таких посещений верующие сообщили, что от 1 до 5 раз в год храм посещают 55 человек, более 5 раз в год 11 человек; один-два раза в течение одного-двух месяцев 4 человека, 1 раз в несколько лет 1 человек и 25 опрошенных, из числа верующих, сообщили о себе, что вообще не посещают религиозные храмы.

На вопрос о соблюдении религиозных праздников 7 студентов ответили, что соблюдают все праздники, 78 студентов ответили, что иногда соблюдают и 11 человек сообщили, что не соблюдают такие праздники.

В завершение своего выступления хотел бы обратить ваше внимание на то, как ответили на остальные вопросы те 42 студента, которые сообщили о себе, что не являются верующими.

18 из них или 42,9% согласились с утверждением, что все же существует некая высшая сила, которая влияет на судьбы людей и мира, а 23 студента заявили, что все в судьбе человека зависит только от самого человека. Таким образом, по факту, еще 18 человек можно отнести к числу людей верующих. При этом, надо не забывать, что 61 студент не стали отвечать на вопросы анкеты и, что среди них почти наверняка есть верующие, которые не стали "открывать душу" перед другими.

Дальнейшие ответы "неверующих" подтверждают, что вопросы веры и религии входят в круг их жизненных интересов, так как только 10 студентов из 42-х сообщили, что их не интересует никакая религия, а остальные сообщили о своем интересе к различным религиям: от православия до конфуцианства. При этом, 7 человек или 16,7% заявили, что у них в будущем есть намерения войти в число верующих.

Мы не стали в своей Анкете углубляться в вопросы соблюдения религиозных обрядов (соблюдение поста, причащения, исповеди и т.п.), но даже на поверхностный взгляд, можно сделать вывод о том, что вопросы веры и религии для студентов юридического факультета Иркутского филиала Университета являются важными составляющими их образа жизни.

В связи с этим, считаю, что вопросы, которые будут обсуждаться сегодня на конференции, являются актуальными и своевременными.

М.Г. Тирских*

DOI: 10.25839/v1972-2067-1960-a

Методы взаимодействия государства и религиозных организаций: политико-режимное измерение

Религиозная сфера является одной из традиционных сфер социальной детальности, поэтому взаимодействие государства и религиозных организаций, представляющих группы людей, исповедующих ту или иную религию, является неизбежным. При наибольшем приближении доминирующими методами взаимодействия представляются методы координации и субординации. Применение данных методов обусловлено спецификой государственно-конфессиональных отношений в условиях конкретного политического режима.

Ключевые слова: политический режим, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, государство, религиозная организация, правовое регулирование

Interaction methods of the state and religious organizations: political and regime measurement

The religious sphere is one of the traditional spheres of social detail, therefore, the interaction of the state and religious organizations, representing groups of people professing a particular religion, is inevitable. At the closest approximation, the dominant methods of interaction seem to be coordination and subordina-

* **Тирских Максим Геннадьевич**, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Иркутского государственного университета, к.ю.н., профессор (г. Иркутск, Россия).

Tirskikh Maxim Gennadievich, Professor of the Department of International Law and Comparative Law of Irkutsk State University, Candidate of Law, Professor (Irkutsk, Russia).

tion. The use of these methods is determined by the specifics of state-confessional relations in a specific political regime.

Keywords: political regime, democracy, authoritarianism, totalitarianism, state, religious organization, legal regulation

Современная социальная реальность связана с наличием конкурирующего идеологического дискурса в рамках устойчивого социального пространства. При этом, сравнительная религиозная толерантность, становится отличительным признаком практически всех государств. Это означает, что наличие в государстве широкой совокупности функционирующих религиозных организаций, представляющих различные конфессии, становится не только фактом реальной действительности, но и основанием для выработки в государстве системы методов взаимодействия между государством и религиозными организациями. Такая система методов с одной стороны должна быть сопряжена с имеющимися социальными доминантами в отношении вопросов вероисповедания и свободы совести, а с другой, гармонично вписана в систему методов, средств, приемов и способов осуществления политической власти (именуемую политическим режимом).

Многообразие политических режимов, казалось бы, должно предопределять неоднородность использования методов государственно-религиозного диалога. Однако, дихотомия демократических и антидемократических режимов, рассматриваемая без обращения внимания на исторические и культурно-духовные традиции общества, зачастую приводит к парадоксальному смешению аспектов методологии такого взаимодействия.

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся типологии государственно-конфессиональных отношений по Кардашевскому – Тирских [1] полагая, что она в достаточной мере обосновывает особенности отношений, возникающих между государством (как основным субъектом, реализующим те или иные средства, методы, приемы и способы политического управления) и религиозными организациями (в большинстве случаев, являющихся представителями и выразителями интересов религиозных конфессий).

При наибольшем приближении взаимодействие между государством и религиозными организациями имеют методологический базис, связанный с использованием координационного, или субординационного метода взаимодействия. Их применение целиком связано с восприятием религиозной организации государством, определением места и роли религиозной организации в существующей социальной реальности. При любых

обстоятельствах доминирующим субъектом отношений между государством и религиозными организациями всегда является государство, даже в случае имеющегося конфессионального доминирования того или иного вероучения. Это может показаться странным в контексте существования, например, теократических, или клерикальных государств [2].

Сам факт наличия таких государств, безусловно, означает особую роль той или иной конфессии, а равно и религиозной организации, представляющей данную конфессию. Однако, это не приводит к тому, что правила игры будет устанавливать сама религиозная организация. Просто государственный аппарат, будет осуществлять политику в интересах соответствующей конфессии. Возможно, в его состав будут инкорпорированы структуры, имеющие религиозную окрашенность, как, например, это происходит в Иране. Но, при этом, именно государство будет устанавливать правила игры, в том числе и для религиозной организации (религиозных организаций данной конфессии).

Наглядным образом необходимость в доминировании государственного аппарата в формировании методологии взаимодействия с религиозными организациями обоснованно его функциональностью, а также потенциальными деструкциями в самой конфессии.

Именно государственный аппарат создает позитивное право, принимая нормативные правовые акты, санкционируя обычаи, создавая систему прецедентов, подписывая нормативные договоры и т.д. Государство, наделяет религиозные организации совокупностью формальных прав и обязанностей, определяет ее правовое положение как юридического лица с особым статусом. Способность устанавливать формализованные общеобязательные правила поведения и обеспечивать их исполнение и соблюдение в конечном итоге позволяет говорить о доминировании государственного аппарата при любой роли религии в обществе. Наличие функциональной способности регулировать общественные отношения следует рассматривать как доминирующий фактор, при этом сам государственный аппарат может срастаться с конфессиональными институтами, либо функционировать в условиях доминирования политической идеологии, соотносимой с определенным религиозным течением.

Наличие деструкций в конфессии связано, например, с формированием альтернативных религиозных организаций лиц, исповедующих одно вероучение. Для таких организаций характерно конкурентное существование в пределах социума и, следовательно, конкуренция за влияние на государственный аппарат. В случае внутрiconфессионального раскола именно государство становится той структурой, которая определяет допустимость или недопустимость функционирова-

ния таких конкурирующих религиозных организаций. Примером такой государственной деятельности могут быть религиозные войны католиков и протестантов в княжествах Священной Римской империи германской нации, когда именно государство (светские власти) определяли для себя приемлемость признания той или иной религиозной организации (католической или протестантской) в пределах собственной территории. При этом, безусловно, средневековые оставалось периодом, в котором религиозная идеология являлась доминирующей социальной и политической идеологией.

Таким образом, доказано, что именно государственный аппарат является доминирующим в определении методологии государственно-религиозного взаимодействия. При этом государственный аппарат может рассматривать религиозные организации как субъект, либо как объект поэтических отношений, в том числе по вопросам вероисповедания. Субъектное выражение религиозных организаций означает, что они могут быть наделены государственно-властными функциями и могут самостоятельно формировать и продвигать в социальном пространстве дискурсы политического развития. Объектное восприятие, определяет недоступность для религиозных организаций участие в осуществлении политической власти. Для государственного аппарата, в таком случае, религиозные организации являются лишь объектом приложения политической воли, не допускаемые в процессы и процедуры принятия и реализации политических решений. При этом, участие представителей таких организаций в органах государственной власти (представительных органах), их работа в общественных советах, их деятельность в рамках органов государственно-общественного взаимодействия (например, общественных палатах) не является чем-то субъективирующим такие организации. Их представители воспринимаются как представители гражданского общества, отдельных социальных групп (избирателей), но не более. Сама религиозная организация по-прежнему остается объектом политических отношений, а не субъектом. Ситуация меняется тогда, когда такой религиозной организации придается статус агента власти, при этом обладающего самостоятельной волей в пределах соответствующей компетенции.

Следует отметить, что примеры такого субъектного выражения достаточно редки. Либо это может быть ситуация, при которой религиозная организация наделяется государственными функциями (например, Верховный раввинат в Израиле), либо приобретает право политического управления в пределах самостоятельных общинно-конфессиональных групп (например, в современной Индии, примени-

тельно к отдельным религиозным течениям). В таком случае, субъектное восприятие религиозной организации становится очевидным и наглядно проявляется в системе политических отношений в пределах конкретного государства.

Субъектное и объектное восприятие религиозных организации не исключает применения к обоим случаям субординационного, координационного, или смешанного подходов в определении методологии государственно-властного воздействия.

Субординационный подход построен на системе власти и подчинения, при которой государство в лице органов управления является доминирующим участником отношений и предписывает религиозной организации определенный вариант поведения. Такая субординационная методология взаимодействия может иметь два ракурса. Первый – это слияние государства и религиозной организации с фактическим подчинением ее государству. Второй – признание светского характера государства с сознательным десантированием от религиозных организаций с одновременным установлением механизма правого и иного регулирования деятельности религиозных организаций.

Примером первого подхода может служить взаимоотношение церкви и государства в Российской Империи после реформы, связанной с созданием Святейшего правительствующего синода и принятием Духовного регламента в 1721 году. Фактически религиозная организация самой массовой конфессии включалась в механизм государственного управления, приобретая функции, свойственные государственным органам. При этом, Синод действовал от имени Императора и подчинялся его указаниям. Однако, субъектность религиозной организации в данный период времени не вызывала сомнений, поскольку в значительном числе вопросов Церковь самостоятельно осуществляла квазигосударственное управление в пределах собственных полномочий.

Второй подход характерен для государств, сознательно выводящих религиозные организации из рамок политического процесса. Осуществление этого может происходить как в авторитарных и тоталитарных политических режимах, в которых развивается атеистический дискурс (остаточно распространённый с учетом того, что тоталитарная власть стремиться не допускать наличия в пределах общества, каких либо структур, способных помимо правящей тоталитарной партии конкурировать за идеологическое влияние на общество), либо религиозные организации являются государственными или квазигосударственными образованиями (в качестве примера может служить современное состояние ре-

лигиозных организаций в КНДР). Альтернативой этому подходу может служить ультрасветский подход в государствах с демократическим или либеральным режимом, при котором признается возможность существования религиозных организаций, однако исключается возможность их участия

в сфере принятия и реализации политических решений. Такой подход характеризуется подчеркнуто абсолютизированным равенством всех без исключения религиозных организаций. В этом случае, государство является единственным субъектом, обладающим возможностью регулирования отношения, связанные с деятельностью религиозных организаций при фактической независимости таких организаций.

Координационный подход определяет возможность государства рассматривать религиозные организации как партнера в реализации отдельных функций политического управления обществом. В частности, это сводится к использованию институтов государственно-частного партнёрства во взаимодействии органов государственной власти и религиозных организаций, включении представителей религиозных организаций в государственные консультативные органы, наделение их отдельными правами, обеспечивающими влияние религиозных организаций на жизнедеятельность общества. В таком ракурсе религиозная организация воспринимается как субъект отношений, в том числе связанных с политической деятельностью религиозных организаций. Использование метода координации подразумевает большую свободу деятельности религиозных организаций, в том числе, и в части политической деятельности, возможность осуществлять финансирование религиозной организации, с привлечением силы государства (например, установление религиозного налога в отдельных землях Германии). Религиозные организации, в таком случае, могут привлекаться как партнерские структуры в процесс реализации государственных программ по вопросам образования, здравоохранения, культуры и т.д. Такое взаимодействие при этом не нарушает ни государственный уклад, будь то признание допустимости идеологического плюрализма, в том числе по вопросам свободы совести, ни самостоятельности религиозных организаций. Вопросы религиозно-культурных такое взаимодействие вообще не затрагивает, вопросов оперативно-хозяйственных, связанных с распоряжением имуществом религиозных организаций, как правило, тоже. В такой ситуации координационный метод взаимодействия рассматривает религиозные организации в качестве разновидности институтов гражданского общества, играющих значимую роль в организации

общесоциального дискурса и обеспечивающего выполнение ряда важных социально-политических функций.

На наш взгляд, такую роль религиозных организаций ни в коем случае нельзя отрицать или принижать. В настоящее время повсеместно, именно религиозные организации являются наиболее системными и структурированными формами объединения интересов широких кругов общества, консолидированного вопросами вероисповедания и свободы совести. Разумеется, такая роль религиозных организаций нивелируется в последнее время в некоторых странах, уступая свое место совокупности иных общественных организаций, имеющих иной подход к решению некоторых социальных задач, хотя и не претендующих на вмешательство в собственно духовно-культурную сферу (речь идет в частности о современных европейских государствах, где в последние десятилетия сильно уменьшилось число лиц, ассоциирующих себя с той или иной религиозной организацией).

Дело в том, что религиозные организации имеют два контура своего функционирования. С одной стороны, являясь религиозными по своей природе, они осуществляют организационную деятельность в духовно-культурной сфере (организация богослужений, проведение религиозных мероприятий и т.д.), а с другой стороны, являясь объединителем больших общественных групп верующих, принадлежащих к определенной конфессии, они участвуют в формировании общесоциальных дискурсов. И, если в первом случае, какую-либо конкуренцию им оказывают исключительно другие религиозные организации, а также организации антирелигиозного характера (например, общества атеистов), то во втором религиозные организации выходят на общественную дискуссионную площадку с совокупностью иных организаций, имеющих самые разные структурные и идеологические базисы в политической, культурно-идеологической и общегуманитарной сферах.

Таким образом, необходимо признать, что координационный метод взаимодействия в современных условиях является более приемлемым, чем субординационным. Использование религиозных структур в качестве опоры для государства в реализации его политики может применяться, но не в качестве диктата и включения религиозной организации в государственный аппарат.

Отдельно в рамках анализа взаимодействия государств и религиозных организаций должна быть рассмотрена деятельность государственного аппарата по использованию ресурсов религиозных организаций в целях реализации интересов в сфере публично политики. Во

многих государствах наметилась тенденция использования механизмов взаимодействия с религиозными организациями посредством из материальной поддержки, в том числе установление субсидирования отдельных программ таких организаций, а иногда и просто предоставления денежных средств и имущества для осуществления организационной деятельности. Полагаем, что в таком случае политика государства является в определенной мере деструктивной. Оно имеет право на существование, если получение такого материального стимулирования не зависит от воли власти, в частности в вопросах, касающихся отбора религиозных организаций – получателей субсидий, а само предоставление денежных средств связывается, либо с функционированием обезличенного государства (не соотносимого с каким-либо органом или должностным лицом). Например, в случае установления налога, или универсальной выплаты. Зависящей от численности лиц, участвующих в деятельности религиозной организации. В случае же, если материальная поддержка определяется действиями или решениями конкретного государственного органа или должностного лица, такая ситуация неприемлема, как с точки зрения выстраивания отношений государства и общества в современном демократическом государстве, так и с позиций функционирования религиозных организаций, подпадающих под косвенную зависимость от государства и утрачивающих возможность критического отношения к отдельным решениям в рамках государственной политики.

В целом же, можно констатировать факт, что все многообразие взаимодействия государства и религиозных организации строятся в пространстве дихотомии методов субординации и координации и соотносятся с типом политического режима, присущего соответствующему государству на данном историческом этапе развития общества.

Источники и литература

1. *Кардашевский, А.В., Тирских, М.Г.* Современные концепции государственно-конфессиональных отношений «сущностные» модели / А.В. Кардашевский, М.Г. Тирских // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 2. – С. 25–33.

2. *Сергеев, А.Н.* Понятие теократии в современной отечественной научной литературе и феномен клерикального государства / А.Н. Сергеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 6. Ч. 2. – С. 163–165.

3. Указ № 3718 // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание Первое. – Санкт-Петербург, 1830. – Том 6. – С. 314–346.

О социальных импликациях православной антропологии

Цель работы заключается в выявлении социальных импликаций православной антропологии. Выявлено, что православное понимание личности опирается на специфическую религиозную онтологию, не тождественную классической греческой онтологии. Социальный смысл православной антропологии заключается в требовании непрекращающегося духовного усилия по сохранению открытости. Сообщество, основанное на любви, не есть корпоративная или договорная общность, но общность онтологическая.

Ключевые слова: личность, ипостась, бытие, онтология, природа, инаковость, общение.

On social implications of the orthodox anthropology

The objective of work consists in revealing social implications of orthodox anthropology. It is revealed, that orthodox understanding of the person leans on specific religious ontology, not identical classical Greek ontology. The social sense of orthodox anthropology consists in the requirement of incessant spiritual effort on conservation of openness. The community based on love, not is a corporate or contractual generality, but a generality ontologic.

Keywords: person, hipostasis, being, ontology, nature, otherness, dialogue.

Возрастание роли религии в современном обществе является фактом. Об этом свидетельствует не только статистика, но и увеличивающаяся интенсивность контактов между наукой и религией, религией и правом, религией и культурой, религией и образованием. Особого разговора заслуживает проблема взаимоотношений религии и государства. Речь при этом отнюдь не идет о консенсусе. Напротив, отношения религии с упомянутыми сферами общественного сознания и социальными институтами можно сдержанно характеризовать как оживленные. Имеющиеся в ряде случаев противоречия и недоразумения свидетельствуют о необходимости развития и распространения объективного и достоверного знания о религии во всех его видах и формах – знания философского, религиоведческого, теологического.

Нам представляется, что начало работы по выявлению социальных оснований православной антропологии будет отчасти способ-

* Смирнов Алексей Евгеньевич, профессор кафедры философии и методологии науки Иркутского государственного университета, доктор философских наук, профессор (г. Иркутск, Россия).

Smirnov Alexey Evgenievich, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Irkutsk State University, Doctor of Philosophy, Professor (Irkutsk, Russia).

ствовать прояснению отношений православной церкви с другими социальными институтами и сферами общественного сознания.

Цель работы заключается в выявлении социальных импликаций православной антропологии. В смысловом отношении статья делится на две части. Первая часть представляет собой сжатое изложение православной антропологии. Вторая часть посвящена выявлению ее социальных импликаций, подразумевающих определенную трактовку назначения человека и его жизненной задачи.

Православная антропология резервирует за человеком специфический онтологический статус. Человек сотворен «по образу и подобию» Бога [2, с. 103–106]. Это значит, что он обладает личностным бытием. Именно личность, таким образом, является бытийной основой человека. Личность – субъект бытия. Личность изначально предназначена к творению. Будучи онтологической основой человека, личность не может быть дана в онтическом опыте. Личность, следовательно, не просто «кто?», но условие возможности всякой «ктойности» и индивидуальности.

Личность в православной антропологии не тождественна своей «природе». Она онтологически первична по отношению к ней. Призвание личности – в постепенном овладении своей природой. Что должно найти выражение в выведении природы в предельную полноту существования. Личность должна сделать природу причастной Богу. Природа, в отличие от Личности, есть «что». Природа есть существование как таковое, и его характерные черты. Так, «природа человека» – то, что отличает его от остального мира, его специфические особенности, например, материальность и разумность. Природа, в свою очередь, обуславливает индивидуальность. Природа у всех одина, индивидуальность у всех своя. «Природа отвечает на вопрос "что?", индивидуальность – на вопрос "как?", личность – на вопрос "кто?"... Таким образом, личность – это *субъект* действий. Индивидуальность – *способ осуществления* действий. Природа – то, что действует, *источник* энергий, реализованных, воплощенных (...), действием. Личность оказывается надкачественным, надприродным бытийным стержнем, вокруг которого и группируются природные качественные признаки» [4, с. 208].

Личность, в православной антропологии, есть условие возможности человеческого, и это условие – от Бога. Что же касается реализации этого условия, то оно зависит от самого человека. Ибо человек – свободен. И свобода здесь реализуется через волю. Воля дает возможность дорасти до «подобия Божия». Но, через реализацию свободной воли в мир пришло зло. Человек использовал таланты, данные ему

Богом, во зло. Адам изначально – онтологически нормальный, в природном смысле «правильный» человек.

Проблема – в падении Адама. Падение Адама, грехопадение есть начало разделения, индивидуализации. Сущие отныне разделяются в своей ущербности. Потомки Адама есть от начала и до конца индивидуальности; они обособлены друг от друга. Вследствие разделения весь космос оказывается разделен. Грехопадение Адама есть ситуация выпадения из структуры Богообщения. Результат: нормальные взаимосвязи разных сторон его природы вышли из естественного состояния. Высшее оказалось в рабстве у низшего. Душа превратилась в служанку тела. Проблема, связанная с грехопадением, с порчей человеческой природы тотальна.

Но она решается Новым заветом. И это обстоятельство привносит важные дополнения в христианскую антропологию. Травма грехопадения будет нейтрализована, или, точнее, «уврачевана» Богом-Троицей. Что же именно есть причина того, что Бог есть и именно в Трех Лицах? Бытие Божье, Святая Троица, имеет причиной не божественную сущность, но *Отца*, конкретное существо. Единый Бог – это Отец. Три Лица обладают единой природой, *но она не является первичной*. Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов и их сподвижники разрабатывают онтологию Божества, опираясь на библейское, а не на греческое понимание бытия. Есть важное условие, при котором все вышесказанное имеет место. Если Адам первопричина человека, то он должен пребывать в постоянных отношениях со всеми существами, причем *не по природе, а непосредственно*. Но Адам тварен и смертен, это невозможно. Поэтому человечность как таковая, в смысле биологического вида, не может заявить права на то, чтобы быть основанием личностной онтологии. Но примечательно, каким образом эти права может иметь божественная природа. Отец, Сын и Святой Дух всегда вместе. Поэтому носителями всей полноты природы являются конкретные существа. И поэтому нет никакого противоречия между «одним» и «многими». «Что *должен* являть собой Адам, то *действительно* являет собой Бог» [3, с. 137].

Условие встраивания особенное в онтологию таково: *отношения* должны быть введены в саму сущность; бытие должно мыслиться как *реляционное*.

Если мы пытаемся помыслить некую вещь, мы должны рассмотреть ее в качестве подвижного фрагмента взаимоотношений, а не изолировать ее как нечто отдельное, самосущное. Таково условие построения онтологии личности.

Результат будет таков. Особенное полагается в качестве онтологически первичного. Оно мыслится в качестве *самого бытия*. Соответственно, оно ни от чего не зависит. Будучи отношением, оно неявным образом захватывает все. Никто не может быть *вне* этого отношения. Факт *отношения* говорит о реальности общения. Отношение всякий раз уникально, незаменимо и неотменимо. Это отношение Любви. Любовь здесь играет ту же роль, которая в классической онтологии отводилась сущности. Вывод: онтология сущности или природы чужда онтологии особенного.

Онтология сущности не вызывает вопросов при обсуждении проблемы бытия Бога. В этом случае богословы приписывают Богу первичность сущности. Но делается это для того, чтобы облегчить понимание человеку. Бог же, будучи нетварным, не сталкивается с данностью бытия. Бог абсолютно свободен в онтологическом смысле. Он сам является источником Своего бытия (Троицы). Поэтому особенное – Личность – является в онтологии первичным.

Но что же в этой связи можно сказать о человеке? Прежде всего: условием возможности постановки вопроса человека о самом себе является наличие некоего мета-уровня, каковым в греческой традиции полагается бытие (во всех его видах, идет ли речь об *arche, ousia, eidos* и т.д.), в новоевропейской философии – структуры трансцендентального сознания и т.д. В случае святоотеческой антропологии условия онтологии личностности существуют только и единственно в Боге. Вопросание человека о себе самом есть, по И. Зизиуласу, действие *imago Dei* в человеке. Смысл данного действующая в пределе сводится к непосредственному возвышению индивидуального до уровня онтологически первичного. Природа, как тварное бытие, такой возможности предоставить не может. Последовательное движение к реализации личностной онтологии требует соблюдения следующих условий.

А) Человек реализует цель религиозной жизни, напрямую обращаясь к высшему онтологическому уровню. Последний же состоит в *отношениях* Отца и Сына. Что, в свою очередь, означает принципиальную вторичность природы по отношению к личности, или личностному общению. Иными словами, *бытие* в данном контексте не является данностью – именно таков здесь смысл «нетварного». Б) Природные качества не являются внешними по отношению к личности. Будучи «воипостазированы», они, с одной стороны, неотделимы от личности в процессе существования, а с другой – прямо зависят от личности (как ипостаси). Личность же от природных качеств не зависит. Подлинная причина человеческого существования – особенное, а не общее. В процессе обретения онтологии личностности решающее

значение имеет ипостастное единство. В) Биологическое рождение предполагает зависимость от природы. Процесс опытного богообщения предполагает «второе рождение». Человек может (или должен) воспользоваться свободой волей для утверждения позиции в отношении собственной природы. Данный акт призван возвести человеческую природу к ипостастному существованию, от начала и до конца идентичному тому, которое возникает в отношениях Отца и Сына. Таков онтологический смысл крещения.

«И в случае Бога, и в случае человека идентичность личности признается и утверждается ясно и недвусмысленно, но это становится возможным в *отношениях* и через *отношения*, а не посредством объективной онтологии, в которой бы эта идентичность была бы *изолирована*, обозначена и описана сама по себе. Личностная идентичность будет полностью утрачена, если ее изолировать, поскольку ее онтологическое условие – отношения. Эта ипостастная полнота как инаковость может возникнуть только через отношения, онтологически столь конститутивные, что реляционность не следует из бытия, но есть само бытие. *Ипостастное (hypo-static)* и *экстатическое (ek-static)* должны совпадать» [3, с. 143–144].

Дальнейшая катафатическая разработка понятия личности в православной богословской традиции не прижилась в православной богословской традиции. Европейская философия, напротив, стремилась поставить личность во главу угла. Однако западная философия и западное богословие исходили из совершенно иной концепции личности. Личность для Запада есть, прежде всего, *внешнее проявление*. Прежде всего, это внешнее проявление человеческой *природы* – разумность, воля, индивидуальность (в смысле экземплярности, биологической единичности), самосознание, совесть, память и т.д. Личность есть совокупность социальных проявлений человека. Я тем в большей степени личность, чем больше у меня контактов, взаимодействий, чем в большей степени я проявляю себя, непосредственно влияя на внешний мир и т.д. Греки понимают личность по западному – как индивидуальность (в смысле экземплярности, биологической единичности, «только и именно этого»).

Индивидуальность – конкретное проявление природы; набор индивидуальных качеств (отличающий данный предмет определенного класса от других предметов этой же «природы» (или этого класса)). Эта кафедра, этот стул, эта аудитория. В православном богословии индивидуальность – это *качественность*, т. е. предикат субъекта, но отнюдь не сам субъект, не «кто»? Но именно «Кто» является здесь первичным. «Кто» – это и есть личность как ипостась. Православие –

это ипостасный персонализм, и именно такая, ипостасная трактовка личности определяет православное понимание Троицы. Троица обладает единой природой. У Троицы одно «что». В этой связи нет, и не может быть, никакого «качества», которое бы отделяло одно Лицо Троицы от другого. Троица – едина.

Но это единство трех личностных центров, трех ипостасей. И каждая из ипостасей первична по отношению к своей природе. Ипостась Отца дает начало ипостасям Сына и Духа. Здесь важны два обстоятельства. Первое: ипостаси Сына и Духа берут свое начало не от *природы* Отца, но от его ипостаси. Второе: ипостась Отца дает начало другим Лицам Троицы не во времени, но в вечности. Следовательно, все Лица Троицы равны в отношении своего бытийного, онтологического статуса. В Символе Веры сказано: *Сын рожден* от Отца, *Дух исходит* от Отца.

«Рождение» и «исхождение» здесь – апофатические термины. Следовательно, мы по определению не можем знать ни «физики процесса» рождения и исхождения, ни чем они отличаются друг от друга. Операциональное назначение терминов «рождение» и «исхождение» – различить Отца, Сына и Духа. Но это различие их именно как Лиц и личностей (ипостасей), а не как неких природных качеств (в отношении которых, кстати, божественные ипостаси неразличимы по причине их общей природы). В конце концов все учение о Троице обращается к тайне Личности: есть три Личности Вечного Бога, которые никак неотличимы для «качественно-природного» анализа, но которые экзистенциально не тождественны («Сын не есть Отец, но Он есть то, что Отец есть» (Св. Григорий Богослов) [5, с.60].

Православие: реальность личностна, трехипостаствна. Задача: опознать и раскрыть ее единство. Личность (ипостась) – потаенный внутренний центр самобытия («Ипостась есть существование само по себе» Иоанн Дамаскин) [5, с. 60]. Католичество: природа Бога едина; как получить из нее личностное бытие, причем не одно, а в трех лицах. Личность – внешняя соотнесенность, внешнее отношение. Латинская «persona» – «звучащее через», маска, надеваемая актером античного театра [6, с. 42]. Католицизм – юридическое понимание личности. Отсюда – совершенно различные мировоззренческие установки по отношению к действительности и в православии, и в католицизме. Об этом может свидетельствовать, например, различие крещальных формул в этих конфессиях.

Крещение как таковое представляет собой важный символический и психосоматический процесс. С символической точки зрения крещение есть акт тотального переустройства всего способа существования человека. Принимающий крещение как-бы переструктурирует себя

в соответствии с новой онтологией. Принципиальная новизна этого события символизируется трехкратным погружением в воду. Словесная формула крещения при этом в православии выглядит так: «Крещается раб Божий (имя рек) во имя Отца и Сына и Святаго Духа». В католицизме крещальная формула произносится от субъекта, осуществляющего крещение и выглядит так: «Я крещу тебя (имя рек) во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Процедура крещения при этом реализуется посредством кропления и обливания. Та же ситуация в отношении самого события таинства повторяется при миропомазании. В православии при миропомазании принята формула «Печать дара Духа Святаго». В католицизме же «Знаменую тебя знамением креста и утверждаю миром спасения во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [1, с. 109–110]. Налицо различие конфессиональных мировоззренческих установок. В случае православия таинство совершается, во-первых, символически включая *все тело* крещаемого (*погружение* в воду); во-вторых само действие совершается не конкретным лицом, а как бы *напрямую*, без посредников. В католицизме, как легко заметить, делается акцент на субъектном характере священника как носителя божественной санкции. Соответственно, в католицизме и православии различным образом выстраиваются «профили телесности», находящее свое непосредственное выражение в осанке, общении, манерах, этикете, но также и в отношении мотивов деятельности и «этоса» в целом.

В праве «персона» есть «физическое лицо», проявление субъекта вовне, его соотносительность с другими. Личность как персона – это *внешнее* отношение. Я, проявляя себя вовне, соотношусь с другим. Католические богословы посчитали, что в Троице «Святой дух исходит от Отца и Сына» («филиокве» – «И Сына»). Дух при этом – связующее отношение любви Отца и Сына. Святой Дух – *отношение*, которое возникает в их общей природе. Но, в соответствии с православным пониманием, личность не есть отношение. Личность не есть функция своих качеств. Личность не может возникнуть из безличной природы. Кроме того: если Дух исходит от Сына и Отца, то у них есть некое общее качество, которого нет у Духа – это способность «изводить дух». В таком случае либо способность «изведения духа» есть общее свойство природы Отца и Сына – и тогда Дух не единосущен с ними, а является онтологически вторичным; либо данная способность есть свойство именно ипостасей Отца и Сына; но тогда в Троице появляются индивидулирующие качества.

В личном, ипостасном бытии у Отца и Сына есть нечто, чего нет у Духа. Но индивидулирующее качество – это то, что по определению

тем или иным образом тиражируемо, может повторяться в других вещах, процессах, явлениях. С «филиокве» выходит, что некоторое качество Отца, отличающее его от Духа, присутствует в Сыне. А если так, то данное качество есть некая совершенно явная, *положительная* характеристика, индивидулирующая Троицу. И тогда Троица предстает как три индивидуальных (не единых) Божества. Или же Троица может мыслиться единой, но ее Лица онтологически вторичны по отношению к Единству. С принятием «филиокве» Запад вольно или невольно был вынужден мыслить Троицу как безличную субстанцию, в которой лишь возникают ипостаси. В итоге «Бог философов и ученых занял место Бога живого» (Н. О. Лосский). Но, по свидетельству Г. Паламы, «Не Сущий из сущего, а сущее из Сущего» [7, с. 228].

Итак, личность есть то, что общего у человека с Богом. Утверждая онтологический приоритет личности перед природой, христианство вменяет нам свободу, обрекает на «пластичность человеческого бытия» [4, с. 253].

Но что значит «пластичность»? Не что иное, как возможность измениться, открыться чему-то *иному*. В работе «Общение и инаковость» И. Зизиулас говорит об этом так. В христианстве боязнь иного составляет сущность греха. Боязнь иного становится боязнью инаковости. Мы не боимся лишь определенного, «одомашненного» иного. Отличие как таковое есть угроза. Радикальная же инаковость есть анафема. Как только боязнь иного становится боязнью инаковости, мы приходим к отождествлению различия и разделения [4, с. 2]. Нравственные последствия, в этом случае, весьма серьезны. Но, если бы речь шла только о нравственных последствиях, для разрешения проблемы достаточно было бы только морали.

Вследствие различия весь космос оказывается разделен. А на основании своих разделений он различен в своих частях. Это обстоятельство связывает проблему общения и инаковости с проблемой смерти. Смерть существует потому, что в творении общение и инаковость не могут совпадать. Различающиеся существа становятся существами отдаленными. Поскольку различие становится разделением, отличительная особенность становится дистанцией. Св. Максим Исповедник об этом говорит так: диафора (различие) должна поддерживаться, диарезис (разделение) является злом. Диарезис – извращение диафоры. Это же справедливо и в отношении диастазиса – распада. Отсюда – смерть. Все это результата диастима (промежутка – как в пространственном, так и во временном смысле), характеризующего творение из ничего. С сотворенностью связана смертность. Смерт-

ность = отвержение Иного – Бога и иного в любом другом смысле. Превращая, посредством отвержения иного, различие в разделение, мы умираем. Ад, вечная гибель, есть изоляция от других [4, с. 3–4].

Мораль в этой ситуации не спасет. Спасет лишь новое рождение. Это приводит нас к экклезиологии. Как реализуется отношение между общением и инаковостью? Каково место иного в церковном общении? Церковь есть сообщество, живущее внутри истории. Следовательно, речь о падшем состоянии бытия. Общение и инаковость трудно примирить. Трудно везде, в том числе и в церкви. Церковь состоит из грешников. Ей также присущ диастазис, разделение и распад существ. Но по своей сути церковь свята и безгрешна. В этом отличие православного взгляда от других конфессий.

Что говорит православная точка зрения об этом? Суть христианского бытия в церкви – покаяние. Покаяние может быть подлинным и непритворным, когда церковь и ее члены понимают истинную природу церкви. Вот почему необходима предельно высокая экклезиология и следующая из нее антропология. Что может послужить здесь образцом и ориентиром? Как для церкви, так и для человека есть единственный образец. Это Бог-Троица. «Если церковь хочет быть верной своей подлинной сущности, она должна стремиться быть отражением общения и инаковости, существующих в триедином Боге» [4, с. 5]. То же относится и к человеку.

Какие выводы по поводу инаковости и общения можно сделать из учения о Троице? Логика И. Зизиуласа такова: 1. Инаковость – одно из оснований единства, а не его следствие. Бог не есть сначала один, а затем три. 2. Инаковость *абсолютна*. Отец, Сын и Дух *абсолютно* различны (диафора). 3. Инаковость имеет не психологический или нравственный, но *онтологический* характер. «Мы не можем сказать, *каково* каждое из Лиц – мы можем лишь сказать, *кто* оно есть. Отличие каждого из Лиц Святой Троицы определяется не различием природных качеств (таковые общи для всех трех Лиц), а простым утверждением его как того, кто оно есть» [3, с. 6]. Таким образом, инаковость немыслима вне *отношений*. Отец, Сын и Дух – это имена, означающие отношения. Ни одно из Лиц не может быть отличны, если оно не находится в отношении. Общение не угрожает инаковости, оно порождает ее. Мы не можем быть «Образом Божьим» – ни на экклезиологическом, ни на антропологическом уровне, пока не включены в образ Отца, каковой есть воплотившийся Сын Божий.

Социальные импликации православной антропологии в таком случае таковы. 1. Необходим опыт *Креста*. Для общения с иным нуж-

но пожертвовать собственной волей. Только так реализуется предпринятый Христом *кенотический* путь. 2. При *кенотическом* подходе к иному общению не определяются качествами. «Принимая грешника, Христос строил общение в соответствии с образом Троицы: иного следует идентифицировать не на основе ее или его качеств, но просто исходя из того, что он или она *есть...*» [3, с. 7]. Христологическая модель не знает выбора между достойными или недостойными. 3. Личность есть инаковость в общении и общение в инаковости. 4. Личностность есть свобода. 5. Личностность есть творчество. Все сказанное обретает конкретную форму в церкви и формах церковного общения (крещение, евхаристия, служение).

Подводя итог всему сказанному, хочется отметить следующее. В Священном писании сказано: вера без дел мертва (Иак. 3,26). Этот тезис в нашем контексте следует понимать буквально: вера есть акт, действие. Верить – значит, прежде всего, *поступать*. Быть религиозным, с этой точки зрения, – значит принимать инаковость, вмещать в себя иное, становиться другим. Общение – это не состояние, которое, будучи однажды достигнуто, длится далее само собой. Социальный смысл православной антропологии заключается в требовании непрекращающегося духовного усилия по сохранению открытости. Открытость иному – залог целостности в общественных отношениях. Таков путь теозиса и кенозиса, так соединяется любовь к Богу с любовью к ближнему. Сообщество, основанное на любви, не есть корпоративная или договорная общность, но общность *онтологическая*.

Источники и литература

1. *Азаренко С. А.* Сообщество тела / С. А. Азаренко. – М.: Академический проект, 2007. – 239 с.
2. *Давыденко О. Д.* Катехизис: Введение в догматическое богословие: курс лекций / Протоиерей О. Давыденков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. – 232 с.
3. *Зизиулас И.* Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви / И. М. Зизиулас. – М.: Изд-во ББИ, 2012. – 407 с.
4. *Кураев А.* Вызов экуменизма / А. Кураев. – М.: Пиар-Пресс, 2019. – 560 с.
5. *Кураев А.* Введение в православное богословие // Лекции к курсу «Основы религиозоведения» / А. Кураев. – Новосибирск: Континент С, 1993. – 182 с.
6. *Лосский Н. О.* Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие / Н. О. Лосский. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
7. *Палама Г.* Триады в защиту священо-безмолвствующих / Г. Палама. – М.: Академический проект, 2011. – 279 с.
8. *Сапронов П. А.* Словарь ключевых понятий христианского богословия. / П. А. Сапронов. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2020. – 480 с.
9. *Хоружий С. С.* Диптих безмолвия / С. С. Хоружий. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. – 136 с.

І. ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕСТВИЯ

И.А. Арзуманов*

DOI: 10.25839/f4805-6549-0669-r

Миссия религиозных институтов как фактор осуществления идеологической функции государства

Рассматривается специфика структуры идеологии как позитивно-правовой дефиниции. Проводится анализ её доктринально-правовых интерпретаций в соотношении с пониманием миссии этноконфессиональных институтов. Делается вывод о методологических противоречиях, возникающих между культурологическим смыслом миссии религиозных институтов, доктринальным уровнем рациональных, и иррациональных механизмов формирования правосознания и неснимаемыми противоречиями в доктринальных основах конфессиональной культуры.

Ключевые слова: государство, идея, идеология, миссия, идеологическая функция, этноконфессиональные отношения.

The mission of religious institutions as a factor in the implementation of the ideological function of the state

The specific structure of ideology as a positive legal definition is considered. An analysis is made of its doctrinal-right interpretations in relation to the understanding of the mission of ethno-confessional institutions. The conclusion is drawn about the methodological contradictions arising between the cultural meaning of the mission of religious institutions, the doctrinal level of rational and irrational mechanisms of formation of legal awareness, and irreplaceable contradictions in the doctrinal foundations of confessional culture.

Keywords: state, idea, ideology, mission, ideological function, ethno-confessional relations.

Актуальность теоретико-правового анализа специфики осуществления идеологической функции государства в сфере этноконфессиональных общественных отношений обусловлена необходимостью выработки российским обществом идеологем, разделяемых большинством населения. В связи с этим, актуализируются и вопросы осуществления государством, как политической организации и центрального элемента политической системы общества, консолидационной функции, являющейся основным производным идеологической деятельности государства.

* Арзуманов Игорь Ашотович, доктор культурологии, канд. филос. наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Arzumanov Igor A., Doctor of Culturology, PhD, professor, Associate Professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Идеологическая деятельность является атрибутивным свойством государства, поскольку всякое государство требует идеологического обоснования своей деятельности по разрешению стоящих перед обществом задач [13, с. 377–378; 16, с. 32]. Если рассматривать идеологию как систему базовых ценностей, выражающую общенациональные интересы [4, с. 18], то в основе данной деятельности должна лежать выработка общенациональных интересов, политико-правовой доктрины, механизмов управления, функциональной проекции обеспечения социокультурной стабильности, упорядоченности общественных отношений [1, с. 61–63; 2, с. 9–17; 3, с. 74–148]. Концепции деидеологизации в профессиональном правосознании юридического сообщества с начала 90-х гг. XX в. базировались на интерпретации 13 ст. Конституции Российской Федерации. Вопрос ставился однозначно: государственной идеологии как наследия коммунистического периода отечественной истории быть не должно [7, с. 33; 24, с. 3–12].

Начавшиеся либеральные реформы, ознаменованные принятием Конституции в 1993 г. проходили на фоне системной трансформации функций государства в сферах социально-политической и социально-экономической жизни общества. Как отмечает А. Н. Фукс, в данный период «стали модными тезисы о «деидеологизации» исторического знания...», квалифицируя данные процессы как «внедрение новой идеологии, направленной на разрушение исторических традиций и преемственности национального исторического процесса» [23, с. 48–55]. Объективные параметры стратификации социума по различным основаниям – от политико-экономического, религиозного до индивидуально-личностных интересов, были положены в обоснование необходимости идеологического и производного от него политического плюрализма. В рамках концепции демократического и правового государства идеологическое многообразие само приобрело характер базового идеологического начала, характеристикой, обосновывающей как политический, так и идеологический плюрализм.

Однако, политический и идеологический плюрализм рядом авторов рассматривается в рамках понимания того, что сама Конституция РФ представляет собой доктринальное воплощение государственной идеологии, выражающейся в концепция правового государства, социальной справедливости, благополучия и безопасности общества [19, с. 43]. В этом ракурсе идеология, кроме аксиологического ядра, приобретает нормативный характер, материализуясь в конституционных и иных законодательных положениях [6, с. 6].

Как следствие, не может не вызывать вопрос положение, при котором из сферы непосредственного государственного влияния, в условиях формирования идеологического вакуума, фактического изымается политико-идеологический аспект. Что понимается под идеологией, которая согласно доктринальным источникам, содержащим интерпретационные положения Конституции Российской Федерации, не должна носить государственно-обусловленный характер?

подавляющее большинство авторов, членов юридического сообщества, понимают под идеологией систему, фактически представляющую из себя мировоззренческий комплекс. Входящая в него система взглядов на человека и мир, его окружающий затрагивает различные аспекты. Так, в комментарии к Конституции РФ, подготовленном авторским коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, под идеологией понимается система политических, религиозных, философских взглядов на социальную действительность, общество, и отношения людей между собой [8, с. 41]. В комментарии к Конституции РФ под редакцией С.А. Комарова идеологическое многообразие понимается как право отдельных личностей, социальных групп, политических партий и общественных объединений на свободную разработку теорий, взглядов, идей правового и иных форм устройства России; на возможность пропаганды своих взглядов с помощью средств массовой информации; на возможность защиты своих идеологических воззрений [11, с. 33].

В комментарии к Конституции РФ под редакцией В. Д. Зорькина и Л. В. Лазарева к идеологическому корпусу относятся политические, правовые, нравственные, религиозные, эстетические и философские взгляды и идеи [12, с. 145–146]. Аналогичные взгляды на структуру идеологии закреплены и в авторском комментарии к Конституции РФ В. Б. Борисова [5, с. 28]. В Комментарии к Конституции РФ под редакцией В. Д. Карповича, к перечисленным элементам добавляются этические, экологические и художественные идеи, воззрения и понятия [10, с. 95]. Аналогичный спектр идей и взглядов изложен в комментарии к п. 1 ст. 13 Конституции РФ данной Г. Д. Садовниковой [9, с. 36].

Таким образом, в приведенной аналитике комментариев к п. 1 ст. 13 Конституции РФ общими являются позиции понимания идеологии как система взглядов, по своей сути, отвечающей структуре философской концепции мировоззрения как системы взглядов на мир и место в нем человека и включающей такие базовые компоненты как мироотношение, миропонимание, мироощущение.

Но сопряженная с индивидуальной духовной свободой [10, с. 37], мировоззренческая структура отмечаемых правоведами элементов непосредственно увязывается с тем, что каждый из этих элементов в отдельности и в своей совокупности является детерминантой социально-выраженного поведения людей и оценки социально-политической действительности.

В связи с этим, необходимо иметь в виду, что оценочный критерий всегда базируется на идеальных представлениях о должном в той или иной проекции бытия человека как социального существа. Так, правоведаы в этом ключе рассматривают взаимоотношения, место личности в обществе, пути и перспективы общественного развития [10, с. 36], отмечая в качестве характерной особенности идеологии ее непосредственную связь с практикой и социально-политическую направленность в связи с утверждением, изменением либо преобразованием общественного строя [8, с. 41]. Солидарны с данными положениями и комментарии Конституции под редакцией А. Б. Борисова [5, с. 28], В. Д. Карповича [10, с. 95–99] и др.

Таким образом, в основе рассмотренных доктринальных положений, в качестве неотъемлемого компонента идеологической сферы рассматривается праксиологический аспект и значимость взглядов, входящих в идеологический корпус.

Исходя из приведенного анализа, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что идеологическое многообразие и равноправие идеологий, подразумевает не только атомизацию субъектов идеологического пространства, но достаточно широкий спектр прав по отстаиванию и защите своих ценностно-мировоззренческих установок в случае их соответствия законодательству страны и не противоречащих основам конституционного строя.

Государство, как политическая организация, сущность которой – осуществлять управление обществом – ставится "выше идеологии". Тем не менее, как отмечают исследователи, атомизация идеолого-политического пространства чревата углублением разрыва между идеологическими взглядами бюрократии, политических партий, социальных групп, представляющих национальные и религиозные идеи [14].

Более того, если следовать логике изложения и интерпретации положений ст. 13, то атомизация субъектов идеологического поля становится предельной и сводится уже к продуцированию идеологий отдельным человеком. Тогда встает вопрос о том, посредством чего формируется данный идеолого-мировоззренческий комплекс у инди-

вида и какова роль в этом государства, иных институтов политической системы общества?

Л. А. Морозова, рассуждая о соотношении идеологической функции государства и общегосударственной идеологии, выделяет ряд факторов, обуславливающих имманентность идеологической функции самому государству. Среди них: потребности процессов легитимации государственной власти; прогноз перспектив общественного развития; обеспечение демократизации государства; процессы глокализации (как реакции на глобализацию в политико-правовой сфере); необходимость в четких ценностно-мировоззренческих приоритетах и интеграции общества [17, с. 24]. Функции государства как основные направление деятельности, в котором проявляется сущность, роль в общественной жизни как субъекта политической системы [18, с. 629; 19, с. 59], определяются управленческой природой самой деятельности и механизмами воздействия на динамику развития процессов в различных сферах общественной жизни.

Функции государства в идеологической сфере во многом определяются функциями самой идеологии как формы общественного сознания, определяющей базовые ценности общества вне зависимости от его социально-политической стратификации. В. А. Лебедев определяет государственную идеологию как ценностно-мировоззренческий комплекс, лежащий в основе конкретных историко-культурных форм государственности, находящихся свое выражение в конституции государства [15, с. 41].

Функции государства в сфере этноконфессиональных отношений имеет ряд специфических черт и особенностей, отражающихся как в соотношении понятий «государство», «идеология», «государственная идея», «национальная идея», «идеологическая функция», «этноконфессиональные отношения», так и во взаимоотношениях институциональных элементов данной понятийно-категориальной системы.

Понятие миссионерской деятельности религиозных институтов обрело дефинитивные очертания в результате новелл в российском законодательстве последнего десятилетия. В частности, развернутое определение дается в гл. 3 пункте 1 статьи 24.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в результате изменений, внесенных Федеральным законом от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму») [21].

Целевыми установками данной деятельности законодателем определены вовлечение данных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемое уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети и «Интернет» либо другими законными способами (п. 1 ст. 24.1. гл. 3).

Суть данной дефинитивной новации сводится к фиксации внешнего вектора деятельности религиозных объединений по поводу публичного распространения информации, связанной с вероучением среди лиц, не принадлежащих к нему. Согласно данному положению, «Миссионерской деятельностью в Российской Федерации признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" либо другими законными способами» [21].

Таким образом, формально закрепленная дефиниция миссионерской деятельности отражает внешнюю сторону таковой, делая акцент на ее когнитивной составляющей. И это не удивительно, поскольку позитивное право регулирует внешние проявления – поведение человека. Но, тем не менее, факт того, что миссионерская деятельность в ее метафизическом ракурсе свидетельства о единении с Богом в любви является доминирующей по отношению к процессам пропаганды и передачи интеллектуальных знаний о вероучении посредством передачи опыта Богообщения, остается за рамками позитивно-правового контроля, ставит вопрос по поводу интерпретации положений ст. 28 Конституции РФ, гарантирующей право каждого на свободу совести, вероисповедания.

В доктринальном толковании данной статьи, в частности, делается акцент на том, что, несмотря на колоссальную роль указанных прав при формировании мировоззренческого статуса личности, государство имеет дело преимущественно с массовыми коллективными формами исповедания религиозных учений. И в этом ключе заинтересовано в их формально-закрепленном статусе юридических лиц, фактически ограничивая права на ряд закрепленных форм миссионерской деятельности со стороны религиозных групп и их членов [13, с. 264–265].

Таким образом, индивидуальная, внегрупповая деятельность каждого человека, связанная с пропагандой (свидетельством) о своей вере, если оно проходит без нарушения законодательства, остается вне формального контроля. Для миссионерства в позитивно-правовом ключе необходимо формально закрепленное выраженное разрешение на миссионерскую деятельность граждан от той организационно-правовой формы их вероисповедания, которую они представляют.

Государство может контролировать внешние проявления миссионерской деятельности и они, в рамках осознания со стороны адептов конфессиональных страт реальности процессов государственного контроля, могут носить вполне респектабельные формы – межрелигиозного диалога, миссии примирения, экуменизма и пр. Но вся суть в том, что данные формы как следствие «принуждения» со стороны государства к межконфессиональному миру, по сути, ничего не меняют в доктринальном императиве пропаганды истинности того или религиозно-конфессионального учения о Боге. И вопрос о том, насколько радикально может быть оценено со стороны государственных органов индивидуальное свидетельство-исповедание доктринальных основ религиозного учения его адептом остается открытым.

Достаточно показательным, с точки зрения наличия методологического коллапса (в ключе культурологического подхода) при их разработке, могут служить новеллы ст. 67 Конституции РФ. Тотальная апория прослеживается уже при сопоставлении содержательной части пп. 1 и 2 ст. 67.1.

В п. 1 декларируется правопреемство «Союза ССР на своей территории», а также то, что Российская Федерация является «правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах» [22]. При констатации атеистического характера политического режима советского периода, положения п. 2, определяющие «идеалы и веру в Бога» в качестве интегрирующего начала, звучат парадоксально и по логике и по смыслу.

При существующей модели государственно-конфессиональных отношений в режиме светского государства «Идеалы и вера в Бога», пусть в декларативной форме, но закрепленные в конституционных положениях, в социальной практике могут повлечь за собой ряд негативных последствий. Они, прежде всего, могут быть опосредованы механизмом перехода доктринального религиозно-конфессионального сознания на прагматический уровень миссии религиозных институтов как деятельности, связанной с пропагандой конфессионального

учения, что потребует в дальнейшем пересмотра или самой модели государственно-конфессиональных отношений со светской на иную, отражающую, по крайней мере, роль религиозных институтов в социально-политической жизни российского общества.

Но, на день сегодняшней, в свете предлагаемых новелл необходимо отметить латентную апорию между положениями ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Преамбуле которого обозначена роль традиционные религий и конкретикой доктринальных положений некоторых течений буддизма, имеющих откровенно атеистический характер [21].

И в этой связи, вопрос о том, как быть с убеждениями лиц относящих себя к атеистам или агностикам также остается открытым – их права на пропаганду своих мировоззренческих систем еще никто не запрещал.

Политические аспекты, связанные с деструктивными последствиями девиаций в сфере миссионерской деятельности религиозных институтов определены также в ряде нормативных правовых актов федерального уровня: Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [25], либо Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [26].

Данный дискурс соотносится с положениями доктринальной интерпретации положений 13 ст. Конституции РФ отмечающем права граждан и их объединений индивидуального и коллективного порядка, связанных с разработкой и развитием «воззрений и теорий идеологического характера, их распространение в непротиворечащих закону формам и в установленном им порядке [12, с. 145–146]. В основе данного дискурса также лежит лишь внешнее понимание этой деятельности. За его рамками остается императив религиозной миссии, имеющий глубинные антропо-культурные основы и касающийся как рациональных, так и иррациональных механизмов формирования правосознания и мировоззрения в целом, как и догматические неснимаемые противоречия в доктринальных основах конфессиональной культуры.

Источники и литература

1. *Арзуманов И. А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И. А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

2. *Арзуманов И. А., Личичан О. П.* Культурные ценности как факторы осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий / Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 27 мая 2019 г. / ред. И. А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 227 с.

3. *Арзуманов И. А., Камедина Л. В., Смирнов А. Е.* Байкальский регион – дрейфующий остров «Средины Земли»: социокультурные, религиозно-философские и конфессио-нально-правовые границы: монография / И. А. Арзуманов. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 235 с.

4. *Бернацкий, Г. Г.* Государственная идеология как оплот силы и эффективности правоохранительных органов государства / Г. Г. Бернацкий // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 33-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции молодых исследователей: в 2-х томах // Под редакцией Н.С. Нижник; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Том. 1. – СПб., 2016. – 308 с.

5. *Борисов, А. Б.* Комментарий к Конституции Российской Федерации : 3-е изд., перераб. и доп. / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2012. – 272 с.

6. *Буховец А. Н.* Идеологическая функция государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. Н. Буховец. – М., 2002. – 20 с.

7. *Гончаров, В. В.* Роль государственной идеологии в централизации власти в России: исторический опыт и современное состояние / В. В. Гончаров // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 31–36.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Изд-во БЕК, 1994. – 458 с.

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Г. Д. Садовникова, отв. ред. И. А. Коныхова (Умнова). – 7-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 219 с.

10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ.ред. В. Д. Карповича. – 2- изд., доп. и перераб. – М.: Новая правовая культура, 2002. – 959 с.

11. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. С.А. Комарова. – М.: Юрайт, 2019. – 333 с.

12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. – М.: ЭКСМО, 2009. – 1056 с.

13. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – М.: Норма, 2008. – 544 с.

14. *Лебедев, В. А.* Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышление о судьбе статьи 13 Конституции российской Федерации / В. А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. – 2010 – № 11. – С. 209–212.

15. *Лебедев В. А.* Конституционная идеология – идеология демократии // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран: материалы Междун. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова, 10–13 март. 2010 г. / ред. С.А. Авакьян. – М., 2010.–С. 41–55.

16. *Мартышин О. В.* Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации/ О. В. Мартышин // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 31–37.

17. *Морозова Л. А.* К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии / Л. А. Морозова // Государство и право. – 2015. – № 12. – С. 23–29.

18. *Нерсесянц В. С.* Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца.– М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 2001. – 832 с.

19. *Пожарский Д. В., Королев Р. В.* Охранительная и идеологическая функции российского государства в условиях модернизации / Д. В. Пожарский, Р. В. Королев // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (58). – С. 41–43.

20. *Пьянов Н. А.* Консультации по теории государства и права : учеб.пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – 571 с.

21. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

22. Закон Российской Федерации о поправках к Конституции от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 16. 03 2020).

23. *Фукс А. Н.* Школьная история Отечества как фактор обеспечения национальной безопасности / А. Н. Фукс // Консерватизм – парадигма современного развития: общество, политика, мораль. – 2014. – № 1. – С. 48–55.

24. *Якунин В. И.* Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход / В. И. Якунин // Власть. – 2007. – № 3. – С. 3–12.

25. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2002. № 30. Ст. 3031.

26. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // www.pravo.gov.ru.

В.М. Деревскова*

DOI: 10.25839/e6455-0110-6404-j

Религиозные суды в России после проведения судебной реформы 1864 г.

В статье рассматриваются вопросы закрепления религиозных начал в законодательстве судебной реформы 1864 г. и деятельности церковных судов Русской православной церкви и шариатских судов на примере отдельных территорий страны с мусульманским населением. Делается вывод о том, что эти суды существенным образом не преобразовывались. Первые в силу нежелания церкви выстраивать свою политику в новых условиях развития государства и общества, а вторые продолжали действовать в силу длительного подчинения нормам шариата части населения страны.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г.; Устав уголовного судопроизводства; церковные суды; шариатские суды.

Religious courts in Russia after the judicial reform of 1864

The article discusses the issues of consolidating religious principles in the legislation of the judicial reform of 1864 and the activities of church courts of the Russian Orthodox

* **Деревскова Валентина Михайловна**, доцент Иркутского юридического института (филиал) ФГКОУ ВПО «Университет прокуратуры Российской Федерации», к.ю.н., доцент (г. Иркутск, Россия).

Derevskova Valentina Mikhailovna, Associate Professor of the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Ph.D., Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Church and Sharia courts on the example of certain territories of the country with a Muslim population. It is concluded that these courts were not substantially transformed. The former, due to the reluctance of the church to build their policies in the new conditions of the development of the state and society, and the latter continued to operate due to the prolonged submission to the Sharia norms of a part of the country's population.

Key words: judicial reform 1864 year; Charter of criminal proceedings; church courts; sharia courts.

Судебная реформа 1864 г. занимает особое место в истории развития судоустройства и судопроизводства в России. Судебными уставами в России взамен сословных судов предусматривалось создание всесословных судебных органов со строго очерченной компетенцией. Но, при этом, они не распространялись на существовавшие специальные суды, в частности, церковные суды, находящиеся в юрисдикции Русской православной церкви. При реализации судебной реформы на территории Российской империи, где проживали народы, исповедующие ислам, необходимо было решать вопрос о действии шариатских судов.

Религиозные основы нашли свое отражение в законодательстве судебной реформы 1864 г., в частности в уголовно-процессуальном кодексе (Уставе уголовного судопроизводства – УУС). В ст. 442 УУС имеется указание на приведение к присяге свидетелей на стадии предварительного следствия, тогда, когда свидетели в последующем не могли свидетельствовать на суде: когда они уезжали и могли не успеть вернуться к судебному заседанию, когда проживали на значительном расстоянии от суда, в котором дело будет рассматриваться, и когда состояние здоровья свидетельствовало о нахождении лица в опасности для жизни [9, с. 160]. В ч. 2 ст. 704 УУС священники не допускались к свидетельствованию в отношении лиц, сделавших признание на исповеди [9, с. 249].

Не допускались к свидетельству под присягой: отлучённые от церкви по приговору духовного суда; малолетние, не достигшие 14 лет; слабоумных, не понимающих святости присяги (ст. 706 УУС). Стороны имели право на отвод поданным, которые не допускались к свидетельству под присягой: 1) лица, которые были осуждены к лишению всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных; 2) потерпевшее от преступления лицо, хотя бы оно не участвовало в деле, а также муж или его, родственники по прямой линии и родные его братья и сестры; 3) другие по боковым линиям родственники, как потерпевшего лица, так и подсудимого, в третьей и четвертой степенях и свойственники обеих сторон в двух степенях; 4) состоящие с участвующими в деле лицами в особенных отношениях или отношения усыновления или опеки, или свя-

занные делами по управлению имуществом, имеющие тяжбу с кем-либо из участвующих в деле лиц; 5) евреи по делам бывших единоверцев, принявших христианскую веру и раскольники по делам лиц, обратившихся из раскола в православие (ст. 707 УУС).

Первоначально разработки закона предполагали не допускать к свидетельству раскольников вообще по делам людей православного вероисповедания. Но, потом, было решено этого не делать, аргументировав это тем, что если по т. XV Свода законов к свидетельству под присягой по делам православных допускались евреи и мусульмане, то и лишать права свидетельствования раскольников по указанным делам было бы излишним, особенно при отмене теории формальной оценки доказательств, а ограничение в средствах доказательства препятствовало бы разрешению уголовных дел [9, с. 250–251]. От присяги освобождались священнослужители и монашествующие всех христианских вероисповеданий и лица, принадлежащие к вероучениям, в которых не предусматривалось присяга (ст. 712 УУС). Свидетели неправославного исповедания приводились к присяге согласно догмам и обрядам их веры духовным лицом их вероисповедания, но если в месте заседания лица такого лица не было, то свидетель к присяге приводился председателем суда (ст. 714–715 УУС) [9, с. 252–253].

Состязательность процесса, основанного на принципах гласности, устности, процессуальном равенстве сторон с отменой формальной оценки доказательств в бессловном суде, отделенном от административной власти, при возложении предварительного следствия на следователей, а дознания – на полицию, все это кардинально меняло ситуацию не только в гражданском суде. Эти изменения в государственно-правовом развитии должны были повлечь за собой и реформирование суда церковного. Т.В. Барсов писал, что введение Судебных уставов «провело разделительную грань между светским и духовным судом, двинув первый вперед и оставив духовный позади при старых недостатках» [3, с. 12]. Церковный суд создавался Православной церковью. Во-первых, церковный суд не был отделен от церковной администрации. Согласно «Уставу духовных консисторий» 1841 г. духовная консистория являлась не только присутственным местом архиерея, который управлял епархией, но и духовным судом. Духовная консистория формировалась епископами из священнослужителей, и утверждалась Синодом, и рассматривала дело на основе документов, собранных канцелярией, коллегиально и предварительное решение предоставлялось на решение архиерея. Архиерей решал дело по своему усмотрению. Если при рассмотрении дела Духовная консистория не мог-

ла прийти к единогласному решению, то оно высылалось в Священный синод для принятия окончательного решения [1, с. 42]. Архидьяконом мог не только высказывать особое мнение при решении дела, но и вмешиваться в ход судебного разбирательства, а потому внешнее разграничение епархиального суда и архидьякона было условным [8, с. 48].

Чрезмерная концентрация власти у архидьякона была порождена исторической традицией. Т.В. Кашанина отмечала, что Русская православная церковь с самого начала своего бытия имела только две инстанции административной и судебной власти: епархиального архидьякона и высшую церковную власть с XVIII в. в лице Святейшего синода. Сверхцентрализация власти являлась с её точки зрения «отражением общей закономерности, присущей российской цивилизации, развивающейся по азиатскому варианту» [4, с. 292].

Во-вторых, суд не отделялся от следствия. Функции следователей выполняли специально назначенные архидьяконом светские лица, находившиеся при консистории (они работали постоянно), или духовные лица, осуществлявшие разовые поручения преосвященного. Главным критерием отбора кадров являлся не уровень образования, а беспорочность поведения, лояльность властей к ним. В таких условиях говорить об объективности судебного разбирательства фактически невозможно [8, с. 49].

В-третьих, церковное судопроизводство характеризовалось определенными признаками. Возбуждение дела было возможным или по инициативе духовенства, или с согласия клира, следствие носило формальный и закрытый характер. Дело могло быть рассмотрено без участия обвиняемого, только на основании представленных материалов.

В-четвертых, к церковной юрисдикции относились дела, как лиц православного духовенства, так и лиц всех сословий и вероисповеданий, в случаях совершения преступлений против веры и нравственности. При рассмотрении дел, подсудных церковному суду, в случае необходимости применения норм государственного права, клир должен был сообщать об этом светским властям. Действовал принцип преюдиции, когда решение этих юрисдикционных органов имели определяющее значение при рассмотрении дела и вынесении окончательного решения. Например, крещенные татары, пожелавшие перейти в ислам, а также православные, ставшие членами сект скопцов, духоборов и других, перешедшие в старообрядчество, должны были подвергаться воздействию со стороны православных священнослужителей Главного управления духовных дел. Священники были обязаны попытаться отговорить этих лиц от совершения таких действий. Если вероотступник не отказывался от своего решения, то члены духовной консистории обяза-

ны были передать дело чиновникам МВД, которые после расследования передавали дело в светский суд для рассмотрения по существу.

При рассмотрении дел об евреях и бывших язычниках, перешедших из православия в другие верования, начальники губерний, прежде чем передать дело в суд для вынесения окончательного приговора, должны были получить от местной консистории решение, в котором указывалось, что данным лицам были сделаны увещания, однако они продолжали упорствовать в своем заблуждении. При совращении православных в лютеранскую веру предписывалось проводить следствие при наличии заключения консистории, а дела священнослужителей (католиков и лютеран) передавать не духовным судам католического и лютеранского вероисповедания, а светским властям [5, с. 68].

Священнослужители и церковнослужители, как за нарушения обязанностей их звания, так и за преступления против должности, благочиния (пьянство, дебоши, т.е. деяния, совершаемые в миру), предусматривающиеся нормативно-правовыми актами, действующими по духовному ведомству, могли подвергаться наказанию по усмотрению вышестоящего начальства [11, с. 33–35].

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. был предусмотрен раздел, посвященный судопроизводству по уголовным делам, производимым с участием духовного ведомства. В соответствии с законом, если за преступления и проступки, полагалось лишь церковное покаяние или отсылка к духовному суду, то такие дела рассматривал исключительно духовный суд, но если предусматривалось еще и другое наказание, то дело рассматривалось светским судом, а приговор сообщался духовному начальству для осуществления только покаяния. Однако при назначении каторжных работ осужденные покаянию не предавались (ст. 1002–1003 УУС). Все дела за преступления против веры и постановлений церкви, подлежали светскому суду, если предусматривались наказания или ограничение в пользовании правами состояния. Такая категория дел подлежала рассмотрению окружными судами с участием присяжных, если речь шла о преступлениях против православной веры, то закон требовал, чтобы присяжные были православными (ст. 1009 УУС).

Предварительное следствие по делам о совращении православных в иную веру или отступления от христианской веры начиналось только по требованию духовного начальства, поскольку именно духовная власть должна была осуществлять надзор за православными христианами. Преследовать за сектанство полагалось только тогда, когда власть духовная признавала это сектанством, а до этого можно было производить только полицейское дознание, но не предварительное

следствие. Сворачивание означало переход из православия в другую христианскую веру или какую-либо секту, или ересь. Но если ереси признавались особо вредными, или были связаны с посягательством на свою жизнь или других, то начиналось предварительное следствие без обращения духовного начальства (ст. 1006–1007 УУС). Если духовный суд, рассматривая дела, связанные с нарушением церковных правил, обнаруживал преступления, подлежащие компетенции светского суда, то такие дела должны направляться прокурорам окружных судов.

Светский суд, рассмотрев, например, дела о браках, заключенных насильственным путем, путем обмана или с недееспособным (ми) сумасшедшим (ми), направлял приговор духовному суду не только решения вопроса о действительности или недействительности брака, но и ответственности духовных лиц, удостоверивших такой брак (ст. 1011–1012 УУС). Судопроизводству по преступлениям духовных лиц, были посвящены ст. 1017–1029 УУС. Духовенство христианских вероучений за нарушение церковных правил подлежали суду духовному, по делам, подлежащим уголовному (светскому) суду должны были судиться на основании УУС [9, с. 359–366].

В целом, необходимо подчеркнуть, что в отличие от сословно-специальных судебных органов, таких как волостных, которые рассматривали дела крестьян, военных – военнослужащих, церковным судам были подсудны дела как духовенства, так и мирян, а само судопроизводство резко отличалось от формы и процедур процесса, которые предусматривались законодательством судебной реформы 1864 г. На фоне судебных преобразований церковный суд становился объектом критики со стороны общества, а необходимость модернизации церковного суда отвечала интересам государства и самой церкви.

С этой целью обер-прокурором Священного синода Д.А. Толстым в 1870 г. был учрежден специальный Комитет под председательством архиепископа Литовского Макария (Булгакова). Комитет рассматривал разные проекты. Например, проектом профессора церковного права Московской Духовной академии А.Ф. Лаврова-Платонова, предусматривалось сохранения власти за архиереем с созданием при нем в качестве судебного органа избираемой коллегии пресвитеров. Автор считал, что выборность, сменяемость судей и гласность суда будет гарантировать независимость церковного суда [1, с. 42]. К 1872 г. был выработан новый проект реформирования церковных судов, который попытался приблизить церковный суд к модернизированному светскому суду.

Разработчиками предлагалось отделить власть судебную от административной, заменить письменное производство устным, придать ему открытый характер, отменить теорию формальных доказательств и изъять из церковных судов бракоразводные дела, передав их по подсудности в светские суды. Первой инстанцией должен был стать духовный судья, избираемый епархиальным советом на альтернативной основе из священников или протоиереев старше 30 лет, распределяемых по участкам епархии и единолично рассматривающие дела. Такой «прообраз мирового судьи». Следующей инстанцией должен был выступать духовно-окружной суд, состоящий из председателя и членов суда, в составе не менее 3 человек. Председатель избирался из архиереев, члены – из пресвитеров. Высшей судебной инстанцией должен был стать судебное отделение Священного Синода. При каждом окружном суде предполагались должности прокурора и товарищей для осуществления надзора. Следствие должно было быть отделено от судебной власти, и после окончания предварительного следствия прокурор составлял обвинительное заключение, с которым знакомили обвиняемого, и дело передавал в суд. Обвинение должен был поддерживать прокурор, обвиняемого защищать адвокат, в этом случае реализовывался бы принцип процессуального равенства сторон. Приговор должен был быть или обвинительным, или оправдательным, оставление в подозрении, как в инквизиционном процессе не предполагалось. Окончательные приговоры стороны могли обжаловать [8, с. 53].

Такой проект приближал церковный суд к судебным образцам 1864 г. на основе прогрессивных принципов судоустройства и судопроизводства. Однако серьезных изменений не последовало: Устав духовных консисторий 1900 г. мало чем отличался от Устава 1841 г. Возобладавшие консервативные идеи, прежде всего руководства Русской православной церкви, свидетельствовали не столько о нежелании, сколько о непонимании серьезных изменений, произошедших в российском обществе, о страхе потерять положение господствующей конфессии и политическое влияние. Отказ от реформирования церковного суда подчеркивал внутренний кризис в Русской православной церкви и обострял государственно-церковные отношения.

Для мусульманского населения Российской империи действовали шариатские суды. Можно привести в качестве примеров действия религиозных судов на отдельных территориях страны, например в Уфимской губернии, которая значительный период времени находи-

лась в составе Российской империи (с конца XVIII в.) и Дагестанской области, включенной в состав России в середине XIX в. Судебная реформа 1864 г. в Уфимской губернии проходила поэтапно, сначала были введены мировые суды (1878 г.), а потом и общие суды (1892 г.), завершилась она в 1898 г. [7, с. 149–151], но в губернии для башкир функционировали шариатские суды. Им были подсудны дела, связанные с брачно-семейными и наследственными отношениями, мелкие ссоры и иски личного характера, дела по религиозным проступкам мусульман и по мелким проступкам по службе духовных лиц мусульман, если они не входили в компетенцию Духовного управления или общих судебных учреждений, а также споры о неправильных записях в метрических книгах. Шариатскими судьями до восстания башкир 1834–1835 гг. являлись все духовные лица мусульман, затем право исполнять судебные обязанности принадлежали только тем судьям, которые были избраны, прошли проверку на знание шариатских судов и утверждены губернатором [2, с. 13]. Для мусульманского духовенства существовало только два суда, в Оренбурге и Крыму. Так дело муллы в Пензенской губернии по обвинению его в оскорблении своего отца получило большой общественный резонанс среди мусульманского населения, и решением светского суда было передано на рассмотрение по существу в Оренбургское магометанское духовное собрание в 1863 г., которое лишило муллу сана [11, с. 68].

В Дагестанской области судебная реформа была проведена в 1875 г. [6, с. 319–320], но только в отношении лиц гражданского ведомства (преимущественно русского населения, не являющиеся жителями Дагестана) и сохранена обособленная система «народных судов» для жителей Дагестана, рассматривающих дела по адату (обычному праву) и шариату (нормам мусульманского права). Дагестанский народный суд рассматривал жалобы, поступающие туда по решению дел, разбираемых по адату и шариату в окружных судах и судах при ханских управлениях, и выносил по ним решения, а также решал дела, переданные командующим войсками Дагестанской области. Окружные суды создавались в округах во главе с военным начальником, и судебная власть совмещалась с административно-военной властью. В их состав входили кадии (судьи, рассматривавшие дела по шариату) и депутаты от населения (судьи, рассматривавшие дела по адату). Они были выборными от населения, должны быть компетентными в знаниях норм шариата и адата соответственно, и утверждались начальником Дагестанской области. Окружным судам были подсудны следующие дела: 1) по гражданским спорам; кражам, ссорам, дракам, увозу

женщин; хищениям и грабежам с насилием и угрозами, если эти угрозы не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья жалобщика; 2) споры между мужем и женою, родителями и детьми; 3) по религиозным делам мусульман. Семейные и наследственные дела суд решал по шариату, все остальные дела по адату. Как отмечает, А.К. Халифаева правительство не могло полностью отменить нормы шариата в крае с преобладанием мусульманского населения и делало все, чтобы ограничить его действие и поэтому начальникам округов предписывалось не приводить решения по шариату и адату, не соответствующие общему духу российских законов [10, с. 244–245, 254].

При этом, необходимо отметить, что шариатские суды для башкир рассматривали дела на основе норм мусульманского права, а «народные суды» для горского населения судили на основе и норм мусульманского и обычного права.

Таким образом, при проведении судебной реформы 1864 г. не затрагивалась деятельность религиозных судов. В случае с церковными судами Русская православная церковь не пошла на реформирование, а изменить деятельность шариатских судов было сложно в силу того, что население, исповедовавшее ислам, длительное время подчинялось решениям духовных лиц по различным общественным спорам. Система религиозных судов оставалась неизменной вплоть до 1917 г.

Источники и литература

1. *Абубекеров Р. А.* Церковный суд в России в 19 веке / Р. А. Абубекеров // Вестник науки и образования. – 2017. – Т. 1. – № 12. – С. 41–43.
2. *Асеева, И. А., Масалимов, А. С.* К вопросу о проведении судебной реформы в Уфимской губернии во второй половине XIX века / И. А. Асеева, А. С. Масалимов // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 6. – С. 7–14.
3. *Барсов Т. В.* Синод в его прошлом / Т. В. Барсов. – СПб., 1896. – 446 с.
4. *Кашанина, Т. В.* Происхождение государства и права: учебное пособие / Т. В. Кашанина. – М.: Юрист, 1999. – 335 с.
5. *Левин, В. Ф.* Церковное правосудие в истории России: основные формы и методы борьбы с религиозными преступлениями / В. Ф. Левин // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С. 65–71.
6. О введении в Дагестанской области Судебных Уставов 20 ноября 1864 года (с теми же от общего порядка отступлениями, которые установлены вообще для местностей Закавказья) от 4 февраля 1875 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1875. – № 22. – Ст. 278. – Спб.: Сенатская тип., 1875. – С. 319–320.
7. О введении судебной реформы в полном объеме в губерниях Оренбургской и Уфимской от 9 марта 1892 г. // Полное собрание законов. Собр. 3-е. – Т. XII: 1892. – № 8400. – Спб.: Гос. тип., 1895. – С. 149–151.

8. Павлушков, А. Р. Попытки реформы церковного судопроизводства во 2-й половине XIX века как новое видение правового статуса Русской православной церкви / А. Р. Павлушков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 47–57.

9. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны. – Изд. 2-е, доп. – СПб., 1866. – Ч. 2. – 495 с.

10. Халифаева, А. К. Судебная реформа в Дагестанской области: особенности формирования и функционирования судебных органов в дореформенный и пореформенный период / А. К. Халифаева // LEXRUSSICA. – 2005. – № 2. – С. 240–255.

11. Харланов, В. Л. Церковно-судебная практика Русской православной церкви в конце XIX – начале XX вв. (на примере Оренбургской епархии) / В. Л. Харланов // Система ценностей современного общества. – 2009. – С. 32–36.

И.А. Кузьмин*

DOI: 10.25839/u9791-7773-2860-a

Юридическая ответственность в контексте Декалога (оценочный анализ первой каменной скрижали завета)

Представлено авторское видение права и его охранительного средства – юридической ответственности в контексте Декалога. Предложена интерпретация первых четырех заповедей применительно к актуальным проблемам правотворчества и правоприменения. Сделан вывод о методологической ценности конститутивных религиозных положений для изучения совершенствования системы юридической ответственности.

Ключевые слова: право, юридическая ответственность, правовая политика, Декалог, религиозные нормы.

Legal liability in the context of the Decalogue (evaluative analysis of the first stone tablet of the covenant)

The author's vision of law and its safeguard (legal liability) in the context of the Decalogue is presented. An interpretation of the first four commandments is proposed in relation to urgent problems of lawmaking and law enforcement. The conclusion is drawn on the methodological value of constitutive religious provisions for studying the improvement of the legal liability system.

Key words: law, legal liability, legal policy, Decalogue, religious norms.

Религия и право на протяжении всей истории совместного существования находятся в неизменном взаимодействии, дополняя друг друга и взаимопроникая. Религиозные основания права находят себя в принципах правового, демократического и социального государства, а правовое (юридическое) обеспечение религиозных устоев является одним из важнейших условий реализации божьих заповедей для лю-

* Кузьмин Игорь Александрович, к.ю.н., доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия).

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

дей (как верующих, так и нет) в повседневной жизни. Как отмечает Е.В. Бабошина, религиозные нормы с развитием государственных институтов стали проникать в законодательство. Так, для христианской религии характерно закрепление религиозных норм в «священных писаниях» (Ветхом и Новом заветах), а для христианских государств свойственно закреплять эти нормы в высших нормативных правовых актах. Религиозные нормы зачастую носят авторитарный (императивный) характер, от правовых они отличаются тем, что имеют своей основой религиозные идеи и представления [1, с. 34].

Фундаментальным «документом» христианства, определяющим основы общения людей с Богом и в отношениях между собой признается десятизаконие, иначе называемое Декалогом.

Раскрывая содержание Декалога в контексте положений Ветхого Завета, М.А. Корзо видит в нём «религиозно-нравственные предписания (заповеди), данные Богом народу Израиля через Моисея на горе Синай... decalogus восходит к буквальному переводу еврейского "десять слов"». Отмечая связь Декалога с правом, исследователь утверждает, что первый не оказал особого влияния на правовые системы Средневековых государств, фрагментарно появляясь в ряде систематизированных документов (третьей ревизии Хелмского права, «Прусском Ландрехте» и некоторых иных). При этом представителям лютеранской Реформации приписывается отношение к декалогу как к источнику позитивного права. В свою очередь протестантская мысль XVI в. пришла к убеждению о наличии у светской власти функции хранить положения Декалога. В XVII в. светскими органами власти Новой Англии отрицание подданными обязанности следовать предписаниям Декалогу рассматривалось как угроза установленному порядку и основание для применения принудительных (репрессивных) мер [5].

А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян рассматривают Декалог как документ, содержащий мононормы (восходящий ко временам, когда общественное сознание было синкретичным и не подразумевало обособления религии от морали и права). Требования Декалога даны одновременно с их религиозным обоснованием и юридическими следствиями, они воплощают божественную правду, носят безусловный характер, не подлежат обсуждению и не допускают отклонений от них. Декалог ориентирован (подобно любому социальному регулятору) на внешнее проявление человеческой активности – акты действия и бездействия. Авторы полагают, что своеобразие Декалога можно понять через учение Моисея, выступающего как законодатель, стремящийся к учреждению государственного устройства Израиля и создания политиче-

ской сферы для развития народа. Интерес его заключался в осуществлении перехода общества от естественного состояния к государственно-правовому – от племен к народу, объединенному верой в единого Бога и подчиненному установленным заповедям [4, с. 55–56].

В.И. Татаркин, напротив, полагает, что Декалог отделен от закона Моисея. Декалог – установленный Богом для человечества моральный принцип жизни, по аналогии с законодательством государства, он является Конституцией, которую Бог никогда не давал разрешения церкви корректировать. Декалог является законом для всего человечества, сформулированным на двух каменных скрижалях (с 1 по 4 и с 5 по 10 заповедь), о которых говорится и в Ветхом Завете и в Новом Завете [14, с. 32, 37–38, 75].

В свете сказанного, Декалог может рассматриваться в качестве основных правил поведения, следование которым должно восприниматься как безусловный императив, и которые охраняют главные социальные ценности. Важнейшие регулируемые правом общественные отношения получают защиту от государства в виде установления юридической ответственности за их нарушение. В связи с этим, опираясь на положения частной теории юридической ответственности, с учетом нынешнего состояния правовой системы, мы предпримем попытку проанализировать и оценить возможности интерпретации основных заповедей божьих через призму системы юридической ответственности.

Мы используем Синодальный перевод соответствующей части Ветхого Завета (Исх. 20:1–20.17), представленный на портале Православной энциклопедии «АЗБУКА ВЕРЫ» [12]. Каждая заповедь будет рассмотрена нами с различных позиций, в том числе со значительным отходом от буквального толкования в пользу естественно-правового и формально-юридического восприятия соответствующей заповеди в условиях правовой действительности, включая и переносные смыслы. Рассматривая этические коннотации христианской культуры в контексте декалога (квинтэссенции абсолютных истин человеческого существования), мы обратимся к естественному праву, объективным пределам правового регулирования, общественным потребностям и общесоциальным ценностям – базовым объектам охраны для права и юридической ответственности в качестве элемента последнего. В данном контексте нас интересуют начальные четыре заповеди, предполагаемо находящиеся на первой каменной скрижали завета и определяющие отношения человека с Богом.

Первая заповедь гласит: «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Юридическая ответственность в государстве должна быть встроена в единую правоохранительную систему и обеспечивать

достижение максимального соответствия между формальным правопорядком (законом) и естественным правом, а на практике – между фактическим правопорядком и правовым законом (отвечающим сути естественного права). Следовательно, правотворческие органы должны в своей деятельности придерживаться единого понимания естественного права, выраженного в интересах общества и неотчуждаемых правах и свободах человека и гражданина. «Да не будет у законодателя иных целей, ориентиров и интересов, помимо общесоциальных».

В свою очередь, правоприменительным органам и должностным лицам следует при вынесении властных решений руководствоваться принципом справедливости (соразмерности) и общественным благом, а не сложившейся в противовес им юридической практикой или конъюнктурой. «Да не будет у правоприменителя иных устремлений, иначе как достижение справедливости и общественное благо». В данном контексте юридическую ответственность в объективном смысле (закрепленные в законе меры принуждения) следует дифференцированно устанавливать за социально-вредные деяния, а субъективную юридическую ответственность (обязанность конкретного лица претерпеть наказание) необходимо применять, руководствуясь принципом соразмерности деяния и санкции и стремясь способствовать развитию общественных отношений, не разрушая их [7]. Естественное право и обеспечиваемые им интересы общества и личности – это и есть «Высший ориентир» для законодателя и правоприменителя, который един, и содержание которого не допускается «корректировать» исходя из личных, корпоративных (политических) и иных антисоциальных устремлений.

Вторая заповедь гласит: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли». Общество – постоянно меняющаяся под действием внутренних и внешних факторов система. Адекватность правотворческих и правоприменительных решений, связанных с закреплением и возложением юридической ответственности, определяется степенью реальной включенности государства в потребности общества, уровнем и глубиной понимания властными субъектами процессов, протекающих в обществе. В этом плане излишняя «увлеченность» высших органов государства сторонними правовыми и псевдоправовыми конструкциями (из других стран, химерами из сознания и пр.) с учетом значительного дистанцирования субъекта управления от объекта приводят к неправильным, а зачастую и вредным, последствиям для общества. В частности, правовой идеализм (убежденность в том, что

принятие закона может решить любую проблему, независимо от других социальных регуляторов и возможности его реализации), присутствующий законодательным органам, может сыграть плохую роль при формировании предмета правового регулирования, в результате чего последний может выйти за рамки сферы правового регулирования. Как утверждает Н. И. Матузов, внешняя малозаметность правового идеализма обманчива, это явление причиняет такой же вред как правовой нигилизм. Деструктивные последствия идеализма обнаруживаются не сразу. «На право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не все-сильно. Наивно требовать от него большего, чем оно заведомо может дать... Непосильные задачи могут только скомпрометировать право... его нельзя возводить в абсолют [9, с. 22].

Следовательно, правотворческие и правоприменительные органы не имеют права устанавливать и реализовывать юридическую ответственность, руководствуясь исключительно своими «мыслительными кумирами» без привязки к конкретным сложившимся социальным условиям. В частности, решение суда возложить уголовную ответственность за оскорбление чувств верующих в виде «поимки покемонов» в храме вызвало вопросы относительно выбора степени наказания за это социально-вредное (но опасное ли?) деяние.

Третья заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно». Право должно упорядочивать только те общественные отношения, которые находятся в рамках сферы правового регулирования. Попытка подчинить праву все общественные отношения (и даже не поддающиеся правовому регулированию явления и процессы) в корне ошибочна и способствует разрушению устоев общества, извращая идею социального порядка и препятствуя нормальному функционированию иных социальных регуляторов. К примеру, замещение мотивов этичного поведения на правомерное создает ситуации, при которых граждане для разрешения возникшего между ними конфликта первоначально прибегают к правовой форме (обращаются в суд), вместо того, чтобы урегулировать спор между собой в процессе диалога, обратившись к основам нравственности. Равным образом «напрасное» введение юридической ответственности за деяния, которые не образуют социальной вредности, снижает степень доверия к власти, подрывая устои права. Формальный подход правоприменителя по привлечению к ответственности лиц, без учета сопутствующих социальных условий и факторов, также может повлечь возложение наказания, которое не позволит выполнить его функции, будет неадекват-

ным социальной среде. Е.А. Мамай также считает, что «существующее заблуждение о том, что правом можно урегулировать практически все, а доскональное, мелочное регулирование исключает возможность произвола со стороны правоприменителей», опровергается юридической практикой. В этой связи он признает необходимость оставить некоторые дискреционные полномочия для правоприменителей, при условии налаживания эффективного судебного контроля [8, с. 222].

Четвертая заповедь гласит: «шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему». Переосмыслив данную заповедь с позиции структуры правовой системы, можно предположить, что любой гражданин должен систематически посвящать время развитию своего правосознания и правовой культуры, основанных на религиозной культуре. С этих позиций жителю государства надлежит обращаться к изучению законодательства, специальным просветительским курсам на правовые темы и иным образом совершенствовать собственное юридическое мировоззрение, одновременно улучшаясь нравственно. Такой подход способствует усилению правопорядка и снижает риск совершения будущих правонарушений, то есть создает мощный профилактический эффект, повышающий регулятивную значимость юридической ответственности в объективном смысле. Сюда же входит и просвещение граждан относительно правовой политики в сфере юридической ответственности [6].

Основные органы, обеспечивающие «торжество» естественно-правовых аспектов в установлении и реализации правовых норм, а также соответствующих мер юридической ответственности – это судебные и близкие им по полномочиям правоохранительные органы.

На наднациональном уровне к таким органам относятся Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Европейский суд по правам человека и некоторые другие. А. Н. Вылегжанин и О. И. Зинченко, в частности, отмечают, что Международный Суд ООН нацелен на защиту глобального миропорядка и должен стремиться находить такие толкования Устава Организации Объединенных Наций, которые будут находиться в гармонии с естественным и обоснованным прочтением документа, при обязательном учете намерений спорящих сторон [3, с. 28]. Статут Международного Суда ООН в п. 2 ст. 38 предусматривает возможность для спорящих сторон уполномочить данный судебный орган на разрешение конфликта по «добру и справедливости» (*ex aequo et bono*) [15, с. 91]. Т. Н. Нешатаева убеждена, что философия естественных прав получила выражение в принципах права, основные из которых были сформулированы в Уставе ООН (равенство, сотрудничество, доб-

росовестное исполнение обязательств и пр.). Она полагает, что наиболее очевидно механизм формализации естественных принципов права наблюдается в Суде Справедливости в г. Люксембурге и Европейском суде по правам человека, использующих обозначенные принципы в качестве сверхимперативных норм [10, с. 123, 127].

В России защита естественно-правовой сущности закона и его осуществления отнесена к компетенции высших судов: Конституционного Суда Российской Федерации (Конституционный Суд РФ) и Верховного Суда Российской Федерации (Верховный Суд РФ). В своем выступлении действующий Председатель Конституционного Суда РФ предложил задуматься о том, что право имеет глубинную взаимосвязь с природой человека, это общая для всех народов мира, естественная основа для создания универсальных прав человека. Им также был поставлен вопрос о том, чтобы задуматься о новом «издании» концепции естественных прав (естественно-правовой конституции человека) [13].

В своих актах Конституционный Суд РФ нередко обращается к естественно-правовому смыслу тех или иных конституционных юридических положений. К примеру, естественно-правовыми были признаны право и обязанность родителей на воспитание и содержание своих детей [11]. Исходя из полномочий данного органа конституционного контроля, он разрешает дела о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, соответствующих актов органов государственной власти субъектов РФ, федеральных договоров и не вступивших в силу международных договоров России. То есть, у Конституционного Суда РФ имеются реальные средства пресечь издание важнейших источников права, если их содержание не будет соответствовать естественно-правовому смыслу конституционных положений.

Верховный Суд РФ также обладает полномочиями по единообразному и правильному толкованию законодательства РФ, в том числе для того, чтобы его применение не расходилось с естественно-правовым смыслом правовых основ Российской Федерации.

Конституционно-правовая ответственность в виде признания различных правовых актов «неконституционными» в данном контексте наглядно отражает синергетический потенциал права к самообновлению и самозащите [2].

Таким образом, становится очевидным, что первые четыре заповеди Декалога, устанавливая предопределенность и нерушимость человеческого существования лишь в единстве с Богом и его волей (как

высшей ценностью), иносказательно позволяют вывести мысль о том, что лишь общее и правильное восприятие государством идеи естественного права (единообразного ее понимания и воплощения) способно достичь желаемого состояния общественного правосознания.

Обращение к правовым коннотациям христианской культуры в политике позволит концептуализировать последнюю и качественно укрепить правовую систему, усилив ее гуманистическое, моральное наполнение и в целом социальную ориентацию.

Источники и литература

1. *Бабошина, Е. В.* Право и религия: теоретико-правовые аспекты взаимодействия / Е. В. Бабошина // *Юристь-Правоведь*. – 2009. – № 5. – С. 33–37.

2. *Вележев, С. И.* Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений / С. И. Вележев // *Вопросы экономики и права*. – 2012. – № 44. – С. 261–266.

3. *Вылегжанин, А. Н.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы / А. Н. Вылегжанин, О. И. Зинченко // *Московский журнал международного права*. – 2018. – № 4. – С. 7–32.

4. *Гусейнов А. А.* Этика: учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.

5. *Корзо М. А.* Декалог [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института философии РАН. – 2019. – Т. 5 // URL: <https://iphlib.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

6. *Кузьмин, И. А.* Проблемы и перспективы просвещения граждан относительно правовой политики России в сфере юридической ответственности / И. А. Кузьмин // Конституция Российской Федерации и правовая политика на современном этапе [Электронный ресурс]: мат. Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 12 дек. 2018 г. / отв. ред. Е. М. Якимова. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. – Ч. 1: Конституция Российской Федерации в международном и национальном измерениях: общетеоретические и отраслевые проблемы. – С. 71–78.

7. *Кузьмин, И. А.* Социально-правовые проблемы определения этического содержания юридической ответственности (частное мнение) / И. А. Кузьмин // *Право и этика в глобальном обществе риска: IX Байк. междунар. прав. шк. (22–28 авг. 2016 г.): материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»*, Юрид. ин-т; [отв. ред. Д. В. Шорников]. – Иркутск, 2016. – С. 133–137.

8. *Мамай, Е. А.* К вопросу об использовании опыта зарубежных стран в совершенствовании качества отечественного законодательства / Е. А. Мамай // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России*. – 2013. – Вып. 22. – С. 220–222.

9. *Матузов, Н. И.* Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания / Н. И. Матузов // *Вестник Саратовского государственной юридической академии*. – 2013. – № 4. – С. 19–27.

10. *Нешатаева, Т. Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т. Н. Нешатаева // *Хозяйство и право*. – 2004. – № 5. – С. 123–131.

11. По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах

организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2006 г. № 5-П // Российская газета, 2006, 24 мая.

12. Православная энциклопедия «АЗБУКА ВЕРЫ» // URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

13. Суть права: выступление Председателя КС РФ // Официальный сайт Конституционного Суда РФ // URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

14. Татаркин В. И. Возвращаясь к истокам христианского вероучения / В. И. Татаркин. – 1-е изд. – Тюмень: [б.и.], 2011. – 309 с.

15. Fellmeth A. X., Guide to Latin in international law / A. X. Fellmeth, M. Horwitz. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – 298 p.

М.А. Мушинский*

DOI: 10.25839/y2504-3191-6604-i

Взаимодействие церкви и государства в вопросах противодействия экстремизму: социально-правовые и аксиологические аспекты

В статье предпринята попытка анализа ряда аспектов взаимодействия государства с церковью в широком смысле – как с одним из институтов гражданского общества

в современной России, с позиций светского государства, с учетом социально-правовых и ценностно-правовых ориентиров, в том числе в сфере противодействия экстремизму.

Ключевые слова: государство, церковь, гражданское общество, правовое регулирование, правовая политика, социально-правовые ценности, противодействие экстремизму.

Interaction of the church and the state incountering extremism: social-legal issues and axiological aspects

The article attempts to analyze a number of aspects of interaction between the state and the church in a broad sense – as one of the institutions of civil society in modern Russia, from the perspective of a secular state, taking into account social-legal and value-legal landmarks, including in the field of countering extremism.

Keywords: state, church, civil society, legal regulation, legal policy, social-legal values, counteraction to extremism.

В условиях светской государственности решение вопросов, связанных с взаимоотношениями и взаимодействием церкви и государства, требует особой деликатности и взвешенных подходов. В данном случае,

* **Мушинский Михаил Аделиович**, к.ю.н., доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск, Россия).

Mushinsky Mikhail Adeilovich, Candidate of Law, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia).

термин «церковь» мы используем в широком смысле – как социальный институт, объединяющий верующих определенного вероисповедания (конфессии), зарегистрированный и функционирующий в соответствии с российским законодательством, основной задачей которого является создание для лиц, исповедующих какую-либо религию, благоприятных условий для удовлетворения их духовных потребностей и реализации свобод, зафиксированных в ст. 28 Конституции Российской Федерации.

Объединяя верующих людей – представителей какой-либо религии – на духовно-нравственной и на формально-организационной основах, церковь в этом смысле (как оплот веры, а также как формально узаконенное объединение единомышленников, представляющее для верующих организационные возможности для проведения обрядов, общения друг с другом, со священниками, и для других элементов духовной жизни, свойственной соответствующей религии) является институтом гражданского общества.

Как представляется, именно в таком контексте и должны выстраиваться отношения со стороны государства: церковь для государства – это один из институтов, образующих в совокупности с другими институтами структуру гражданского общества. В эту структуру входят такие институты, как семья (а также институты, замещающие ее для детей, попавших в трудную жизненную ситуацию), национальные объединения, природоохранные организации, профессиональные союзы, средства массовой информации, правозащитные структуры, благотворительные организации и многие другие. Каждый из этих элементов обладает определенной спецификой и выполняет свои функции, которые могут очень существенно отличаться своим содержанием и конечными целями от функций других институтов. Так, например, церковь, в отличие от профессиональных ассоциаций, нацелена на удовлетворение «чисто» духовных, сугубо внеэкономических интересов личности (хотя в тех ситуациях, когда церковь включается в реализацию благотворительных проектов, экономическая составляющая в ее деятельности по отношению к пастве все же появляется).

Государство, определяя основы своих взаимоотношений с теми или иным субъектом гражданского общества, безусловно, должно учитывать его специфику. Однако государство не должно при этом отдавать приоритет тому или иному институту, выделять его в качестве «важнейшего», системообразующего и т. д. Иначе это приведет к социальному диссонансу, разладит принципиальные основы отношений публичной власти и гражданского общества. Для глубоко верующего человека церковь, безусловно, является не только важнейшим институтом, но и не-

преходящей социальной ценностью: такой же, как и сама вера. Для светского государства церковь – это всего лишь один из институтов гражданского общества. При этом, определяя соответствующие фрагменты государственной правовой политики и осуществляя правовое регулирование, государство должно в полной мере учитывать сложную систему любой религии, включающую в себя, как точно заметил Р. Б. Головкин: веру, религиозное сознание, религиозные отношения, религиозные культы, религиозные нормы и религиозные организации [2, с. 281].

Противники этой концепции наверняка в качестве анти-аргументов приведут три весомых довода. Во-первых, то обстоятельство, что церковь является древнейшим из институтов, исторически оказавшим огромное влияние на судьбы мира. Во-вторых, что религиозные отношения, основным субъектом и регулятором которых выступает церковь, лежат в основе культурного кода большинства народов мира. Наконец, третий аргумент сторонников теории «особого» положения церкви в социальной структуре имеет количественные и качественные начала – нет ни одного другого социального института, который объединял бы, как церковь, одновременно десятки миллионов людей на разных континентах, причем объединял крепко и стабильно.

Все это так. И, тем не менее, соглашаясь в целом с приведенными доводами, мы склонны рассматривать «особость» церкви лишь в историческом и культурологическом аспекте. Взаимоотношения же современной церкви и современного государства, в том числе правовая политика и правовое регулирование, должны всемерно определяться принципом светскости, что предполагает, помимо прочего, следующие моменты.

1) Правовая государственность предполагает конструктивное сотрудничество публичной власти **со всеми без исключения** институтами гражданского общества. В то числе и с церковью. На сегодня в России сложились следующие основные векторы такого взаимодействия: а) духовное воспитание молодежи, развитие патриотического сознания; б) сохранение и воссоздание исторической памяти, сбережение памятников истории и культуры, способствование объективным историческим исследованиям прошлого; в) благотворительность, сиропитанье, сбор средств для нуждающихся в дополнительной социальной защите, поддержка института семьи, материнства и детства; г) защита традиционных общественных ценностей и противодействие деструктивным явлениям – преступности (в том числе рецидивной – путем ведения профилактической работы в местах лишения свободы), алкоголизму, наркомании, домашнему насилию, проституции, экстремизму; д) миротворчество, посредничество в межнациональных и иных конфликтах, и др.

Важно отметить, что все эти направления взаимодействия и сотрудничества именно из-за светскости государства имеют свои пределы, и по достижении некоей точки бифуркации сотрудничество должно быть прекращено, а иначе, оно может вызвать противоположные ожидаемым, негативные эффекты.

Например, по первому из названных направлений – духовное воспитание молодежи, развитие патриотического сознания. Очевидно, что церковь, как социальный институт, имеющий духовные, нравственные начала, не может остаться в стороне от этой работы. Однако очевидно и то, что каждая из религий имеет собственные представления о духовности, свои внутрицерковные ценности и идеалы. Кроме того, религиозная нравственность отличается известным консерватизмом и зачастую церковь и ее община продолжают придерживаться традиций и воззрений, от которых «остальное» общество в большинстве своем уже отказывается. Поэтому сотрудничество государства с церковью в этих вопросах уместно лишь до того момента, пока церковь воспитывает молодежь на общепризнанных исторических фактах и пропагандирует действительно общечеловеческие, признаваемые всеми (в том числе не воцерковленными, не религиозными гражданами) ценности. Однако как только в этой деятельности начинают проявляться миссионерские мотивы, стремление вовлечь молодежь в церковную жизнь, сделать людей приверженцами определенного верования (пусть даже и «мирового»), элементы прозелитизма, светское государство должно тут же прекратить сотрудничество и поддержку.

Отдельный, противоречивый и очень болезненно воспринимаемый частью общества, особенно в национальных республиках, аспект – это вопросы религиозного образования. Он настолько масштабный, что мы в данной небольшой по объему публикации сознательно не станем к нему обращаться, он требует отдельного тщательного анализа. Тем более с учетом самого широкого обсуждения соответствующей проблематики в научной литературе последних лет.

Очень аккуратно и деликатно, стараясь сохранять баланс интересов представителей разных верований и неверующих граждан, государство должно работать и по второму из названных направлений – сохранение и воссоздание исторической памяти, сбережение памятников истории и культуры, способствование объективным историческим исследованиям прошлого. Яркое свидетельство тому – ситуация, сложившаяся в связи с намерениями передачи РПЦ Исаакиевского собора, и ряд других подобных конфликтов, имевших место в разное время в нескольких регионах России в связи: 1) с идеями передачи церкви

сооружений, когда-то имевших культовое предназначение, но отнятых у церкви в советские атеистические годы; 2) с идеями строительства новых культовых сооружений (церквей в градостроительном значении) в общественных пространствах, местах традиционного отдыха горожан, в непосредственной близости от жилых массивов и т. д.

В силу названных обстоятельств, небесспорна на наш взгляд и требует дополнительной аргументации позиция отдельных членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, которые летом 2019 г. квалифицировали связанные с событиями на Украине и в Грузии «попытки дискредитации Русской православной церкви и раскола православия» как вмешательство во внутренние дела России (то есть в дела государства) и, более того – как угрозу российскому суверенитету. Вопрос был даже вынесен на обсуждение созданной в 2017 г. Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. СМИ со ссылкой на ТАСС процитировали следующие высказывания председателя комиссии: «Православие является основой деятельности РПЦ и во многом ассоциируется с нашей державой как таковой. **Понятно, что церковь отделена от государства, но мы сейчас говорим об общественных явлениях** (выделено мною – М.М.). Наши оппоненты считают дискредитацию этого духовного звена (через дискредитацию православия как такого) и ее отдельных представителей одним из способов расшатывания политической ситуации и введения некоего раскола». При этом он указал, что РПЦ действует не только в пределах территории России, **ее работа шире, чем государственные границы** (выделено мною – М.М.), что «позволяет атаковать структуры РПЦ там, где они не защищены» [3]. Как представляется, рассмотрение угроз, возникших вне территории России в отношении одной из церквей, имеющих представительство на ее территории, в качестве покушения на суверенитет, то есть на одну из основ российской государственности, не вполне обоснованно.

Сложным является вопрос о возможностях и перспективах сотрудничества и взаимодействия государства с не зарегистрированными в установленном порядке, не имеющими формальных оснований своей деятельности, религиозными сообществами. Такие институты можно, на наш взгляд, разделить на две группы: а) религиозные сообщества, деятельность которых запрещена на основании решения суда; б) религиозные сообщества формально не запрещенные, но не идущие на контакт с государством, функционирующие латентно, в условиях конфиденциальности.

В случае с первой категорией ситуация более или менее ясная. Очевидно, что государство не может и не должно сотрудничать с теми религиозными организациями и группами, деятельность которых признана деструктивной, общественно-вредной, нарушающей права и свободы граждан, содержащей признаки экстремизма. В соответствии со ст. 9 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», общественное или религиозное объединение может быть ликвидировано, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена [8]. Гораздо более обширный перечень деяний, объединенных понятием «нарушения законодательства», признается основанием для приостановления деятельности религиозного объединения, ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозного объединения в ст. 14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9].

Конституционный Суд РФ неоднократно формулировал по этому поводу правовую позицию, согласно которой государство вправе предусматривать правовые преграды, в том числе вводить посредством антиэкстремистского законодательства определенные ограничения свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации с тем, чтобы не допускать легализацию сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности, если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и свободам [7; 11]. Противоправная, «подпольная» деятельность таких организаций входит в структуру того, что мы назвали в одной из публикаций «антигражданским обществом». Важной его характеристикой является «не уважение к общепринятым в данном обществе установкам, воззрениям и сформировавшимся на их основе правилам. Неприятие и демонстративные отступления от требований общественной нравственности, нарушение интересов других членов общества и их организаций в условиях, когда их можно было не нарушить, нарочитая социальная конфликтность. В условиях правовой государственности, при наличии качественного в социально-правовом отношении законодательства такие действия одновременно будут и антиобщественными, и противозаконными» [6].

Хотя и в данном случае диалог, на наш взгляд, возможен в целях корректировки деятельности организации, устранения тех нарушений и деструктивных элементов, которые послужили основаниями судебного решения (если это, конечно, в принципе возможно с учетом кон-

кретных обстоятельств дела). Особенно поиск компромисса, устранения ситуации конфликта интересов, важен, если религиозная община данной организации объединяет значительное количество граждан Российской Федерации. Соответственно, в целях защиты интересов значительной части своих граждан, государство должно обеспечить благоприятные правовые условия для возможностей воссоздания деятельности организации (равно как и для любых других институтов гражданского общества, через участие в которых граждане реализуют свои права, свободы и законные интересы). Впрочем, механизмы восстановления статуса религиозной организации, отмены запрета на ее деятельность после устранения нарушений, в законодательстве отсутствуют, и в научной литературе этот вопрос не обсуждается. При определенных обстоятельствах это может послужить поводом для социальной напряженности, которой можно бы было и избежать.

Сложнее и противоречивее ситуация со второй категорией – с организациями латентными, не имеющими официального статуса, но при этом не нарушающими закон.

С одной стороны, мы последовательно отстаиваем точку зрения, согласно которой для инструментального, теоретико-прикладного исследования характерно представление о гражданском обществе в первую очередь как о совокупности в той или иной степени формализованных социальных институтов, затем – как о совокупности их отношений между собой, взаимосвязей и взаимодействий между ними и личностью, между ними и государством. Однако ошибочно представлять «состав гражданского общества как некую жесткую, четко оформленную структуру сугубо формализованных, «прописанных» в законодательстве институтов, подобную структуре государства. Безусловно, гражданское общество имеет более гибкое, не четкое строение, а гражданская активность, играющая для гражданского общества ту же живородящую роль, что и кровь для организма человека, проявляется не только через участие в вышеперечисленных организациях» [10, с. 88]. Неформальная активность, различные незарегистрированные формы общения граждан, это тоже гражданское общество. Государство всегда стремится установить для такого общения соратников какой-то «правильный» с точки зрения представляющих его (государство) чиновников формат, но далеко не всегда им (представителям государства) удается подобные социальные связи отформатировать. Объективно существуют такие организации индивидов, объединенные общностью их интересов и потребностей, которые не стремятся к формализации, к контактам со структурами государства и

с иными институтами гражданского общества. Например, сообщества современных компьютерных игроков. Но они могут существовать длительно и стабильно (достаточно вспомнить многовековую историю старообрядчества), а главное – они выполняют ту же задачу, что и остальные («официальные») институты гражданского общества, в том числе официальные церкви: создают для индивида условия для реализации, через контакты и взаимодействие с другими участниками организации, через отношения взаимовыгоды, своих интересов и потребностей, для пользования коллективными (групповыми) ценностями, не всегда относящимися к ценностям общегражданским, общепризнанным.

С другой стороны, очевидно, что государство как политический институт, всегда в современном мире претендующий на социальное лидерство и монополию власти, рассматривает в качестве возможного партнера в общественных отношениях только формализованные сообщества. Не случайно в соответствии с ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» даже религиозные группы, не имеющие, в отличие от религиозных организаций, регистрации в качестве юридического лица, тем не менее, обязаны уведомлять государство о своем существовании (ст. 7) [9]. Поэтому говорить о возможностях какого-либо взаимодействия, в том числе в вопросах противодействия экстремизму, государства с неформальными, не заявившими о себе, религиозными группами, не приходится.

2) Церковь, живущая в условиях светской государственности, безусловно, является институтом гражданского общества, однако при этом она лишена функции, которую выполняют многие другие институты (а для некоторых из них эта функция является определяющей). Мы имеем в виду функцию общественного контроля. Контроль церкви в отношении светского государства немислим и недопустим. Хотя, если исходить из соображений не сугубо юридических, но социально-политических и морально-этических, церковь должна сигнализировать обществу о наличии экстремистских проявлений со стороны самого государства, при появлении признаков «государственного экстремизма».

3) Для светского государства все религии и соответствующие им церкви равнозначны. Выделяя «традиционные», «мировые» религии по историко-культурному принципу, государство их не выделяет в аксиолого-правовом значении. Государство одинаково относится ко всем религиям, в том числе к отколовшимся от традиционных конфессиям, сектам-«новоточкам» и деноминациям, и создает для их представителей – верующих граждан и священнослужителей – абсолютно

равные правовые и организационные условия и возможности. Выделение какой-либо религии в качестве «основной» или «ведущей» вне историко-культурологического контекста тут же подорвет светские основы государственной власти и породит риски, связанные с негативным общественно-опасным явлением, вынесенным в заголовок настоящей статьи – с экстремизмом. Причем экстремистские проявления в данном случае будут весьма вероятны не только со стороны «недооцененных» церквей, но и со стороны церкви, представляющей «основную» («ведущую») религию.

Дополнительным аргументом в пользу нашего рассуждения выступает понимание светскости, выраженное в ст.ст. 14 и 28 Конституции РФ: никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной, и при этом каждый имеет право не только исповедовать любую из религий, но и не исповедовать никакой! Поэтому любой реверанс государства в сторону той или иной религии, а уж тем более законодательно установленные преференции, могут быть истолкованы как нарушение равенства прав не только верующих, но и ущемление прав не верующих, что опять же может спровоцировать экстремистские проявления со стороны воинствующих атеистов.

В свете сказанного небезукоризненным нам кажется правотворческое решение, когда в 2015 г. в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» была введена ст. 3.1. «Особенности применения законодательства РФ о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов» следующего содержания: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [8].

С одной стороны, логика новеллы вроде бы понятна: перечислены основные религиозные тексты четырех «мировых религий», охватывающих большую часть верующих россиян. Однако, при внимательном рассмотрении в этой норме антиэкстремистского законодательства можно увидеть значительный конфликтный потенциал и даже обстоятельства, могущие, наоборот, спровоцировать экстремистские настроения.

Во-первых, выделение в качестве «основных» каких-либо религий (и в качестве привилегированных – их текстов) в условиях светского государства не корректно и даже опасно. В этом отношении показательно содержание пояснительной записки к проекту Федерального закона, которым была введена рассматриваемая статья. В записке приводится следующий довод: исходя из преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», «именно христианство, ислам, иудаизм и буддизм составляют неотъемлемую часть историче-

ского наследия народов России». Поэтому «Библия, Коран, Танах и Ганджур, составляющие духовную основу упомянутых религий, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [12]. На самом деле в преамбуле к ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указано дословно следующее: Федеральное Собрание РФ принимает данный закон «признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии (*выделено мною – М.М.*), составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [9].

Таким образом, многочисленные «другие» религии, составляющие наряду с «мировыми» религиями неотъемлемую часть исторического наследия народов России, произвольно «выкинуты» из истории и сегодняшнего дня народов России. Налицо социально-правовой правотворческий дефект, который может повлечь весьма серьезные последствия. Жаль, что авторы данной новеллы не обратили внимание на следующую фразу преамбулы: закон был принят для того, чтобы «содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания». Некорректное искажение смысла законодательного текста, которое может затронуть не только религиозные чувства, но и права и законные интересы представителей иных верований, вряд ли поспособствует достижению указанной цели. Например, шаманистов, которые представлены в России сотнями тысяч, а возможно и миллионами граждан. По некоторым данным в Республике Алтай, Республике Саха (Якутия), Республике Тыва поклоняются духам предков и пантеону местных богов не менее 10 % населения, а всего шаманистов, представителей древних традиционных верований в России около 1.5 млн. человек. Или чувства, права и интересы, например, индуистов, или староверов. А также деноминаций и сект, «вышедших» их традиционных религий или (и) синкретических. В результате этого неосторожного законодательского решения могут быть признаны экстремистскими материалами священные для миллионов человек во всем мире религиозные и философские тексты (их части) – Веды, Араньяки и Упанишады, Авеста, Дашавайкаликасутра, Дао дэ цзин, Лунь Юй, Мэн-цзы, Кодзики и Нихонги, и другие.

Жаль, что в антиэкстремистском законодательстве было допущено такое несоответствие законодательству о свободе вероисповедания и религиозных организациях. Вероятно, в данном случае сказался пресловутый «общественный резонанс», с которым связаны поспешные

(в течение 3-х месяцев!) инициация и принятие рассматриваемой поправки. Этот резонанс спровоцировало вызвавшее возмущения в мусульманском сообществе России судебное решение, которое было принято в августе 2015 г. судьей Южно-Сахалинского горсуда. Судья признал экстремистским материалом книгу «Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в исламе», выпущенную тиражом 10 тысяч экземпляров по заказу Духовного управления мусульман азиатской части России. Обоснованием такого решения послужили, в частности, комментарии процитированных в данной книге некоторых сур Корана, в том числе первой суры «Аль-Фатиха», которой мусульмане придают значение «матери Писания». На сегодня это решение отменено вышестоящей судебной инстанцией. Таким образом, непродуманное и не достаточно обоснованное решение представителя судейского корпуса «включило» цепную реакцию, одним из эффектов которой стало принятие законодательного решения, опять же не до конца продуманного, корректного и согласованного с конституционной максимой «Россия – светское государство».

Во-вторых, с религиозоведческих позиций, имея в виду источниковые основы того или иного вероучения, предложенный перечень также не корректен, поскольку не полон и не точен. Например, почему здесь указан только лишь Коран и не указаны другие источники ислама? Получается, что цитаты из Корана не могут быть признаны экстремистскими материалами, а, например, хадисы из Сунны – могут? Для мусульманина это точно так же не приемлемо. Далее – о каком переводе Корана идет речь? Ведь их несколько, в том числе имеются альтернативные (по смыслу) переводы. В России живут приверженцы каждого из них. Что касается Ганджура, то это вообще собрание общим количеством около ста книг (в разных изданиях и переводах – разное количество, от 92-х до 108-и), часть из них на русский язык не переводилась, а некоторые издания вообще существуют только в рукописном варианте. Поэтому упрощенный перечень ст. 3.1. Закона о противодействии экстремистской деятельности может вызвать разночтения, правоприменительные ошибки и конфликты, и даже спровоцировать всплески религиозного экстремизма, если, например, верующие, представители какой-то религиозной организации сочтут погранными свои права и законные интересы.

В-третьих, создана и противоположная опасность: возможность камуфляжа, «маскировки» действительно экстремистских учений и материалов, попыток обойти закон с помощью цитат и ссылок на священные писания традиционных религий. Собственно, такие попытки уже предпринимаются. Так, через несколько месяцев после

внесения в Закон о противодействии экстремистской деятельности рассматриваемой поправки представители религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» обратились в суд с заявлением о пересмотре по новым обстоятельствам принятого в 2013 г. решения Советского районного суда г. Красноярска, признавшего книгу данной религиозной организации «Чему на самом деле учит Библия?» экстремистским материалом. В обосновании своего заявления «Свидетели Иеговы» указали, что эта признанная экстремистской в 2013 г. (до принятия закона) книга содержит 400 прямых цитат из Библии и 1472 ссылки на Библию, в силу чего в соответствии со ст. 3.1. Закона она не может быть признана экстремистским материалом. Суд отказал в удовлетворении данного заявления, указав, что экстремистским материалом признаны не цитаты из Библии, а сама книга, в которой помимо цитат содержатся комментарии, пояснения и выводы авторов издания [1]. Тем не менее, тенденция на лицо [5].

Таким образом, в процессе планирования и осуществления своей правовой политики в части взаимодействия с религиозными организациями и группами как институтами гражданского общества, равно как и в процессе непосредственно правотворческой деятельности, государство должно, опираясь на доктринальные разработки, более тщательно учитывать социально-правовые и аксиологические аспекты. Выстраивая это взаимодействие в контексте антиэкстремистской деятельности, представители государственной власти должны, в частности, четко понимать различия между правовыми и религиозными нормами как регуляторами общественных отношений и не воспринимать отдельные элементы «инакомыслия» представителей той или иной религии, выходящие за рамки стандартных правила поведения верующих, непременно как проявления экстремального мышления (о соотношении правового и религиозного регулирования см. статью А.В. Малько и Д.А. Липинского) [4]. Для того, чтобы признать те или иные воззрения общественно-вредными и экстремистскими, нужна взвешенная и авторитетная экспертная оценка. Ни в коем случае к производству такой оценки в качестве эксперта нельзя привлекать верующих людей, представителей той или иной религии (пусть и относящейся к «мировым»), священнослужителей. Экспертиза должна быть беспристрастной и осуществляться учеными, профессионалами в области теории и истории, социологии и аксиологии религий, подготовка которых – обязанность государства, но не церкви.

Источники и литература

1. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 09 ноября 2016 г. по делу № 33-15236/2016 [электронный ресурс]. Документ опубликован не был. СПС Консультант Плюс Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

2. *Головкин, Р. Б.* Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: дис. ... докт. юрид. наук / Р. Б. Головкин. – Н. Новгород, 2005. – 516 с.

3. Комиссия Совфеда обсудит угрозы суверенитету РФ в связи с попытками дискредитации РПЦ // Материал Рамблер со ссылкой на ТАСС [электронный ресурс] https://news.rambler.ru/other/42463477/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. Дата обращения 10.04.2020 г.

4. *Малько А. В.* Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов отношений / А. В. Малько, Д. А. Липинский // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 39. – С. 6–35.

5. *Мушинский, М. А.* Стратегическое планирование противодействия экстремизму / М. А. Мушинский, Д. А. Степаненко // Социальная компетентность («Социаком»): научное периодическое электронное издание. Иркутский национальный исследовательский технический университет. – 2016. – № 2. – С. 42–52.

6. *Мушинский М. А.* «Изнанка» гражданского общества. Часть 1. Понимание гражданского общества и его «теневая» сторона / М. А. Мушинский // Социальная компетентность («Социаком»): научное периодическое электронное издание. Иркутский национальный исследовательский технический университет. – 2017. – № 3. – С. 19–41.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части 3 статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1053-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 2.

8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

9. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

10. О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2009 г. – первая половина 2011 г.: доклад Общественной палаты Иркутской области / под ред. И. М. Головных, М. А. Мушинского. – Иркутск, 2011.

11. По делу о проверке конституционности абзацев 3 и 4 пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 51. – Ст. 6363.

12. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности"» // URL: <http://asozd.duma.gov.ru>

Термин «секта»: нейтральность vs пейоративность

Термин «секта», пришедший в русскую лингвокультуру в XVIII веке, нейтральный изначально, в контексте специфики его функционирования приобретает негативное созначение. В настоящее время можно говорить о функционировании двух его вариантов с разным понятийным объемом. Оценочный компонент в значении термина «секта» является причиной для выведения его из таксономии типов религиозных организаций и помещения в сферу религиозоведческой и правовой экспертизы.

Ключевые слова: секта, сектантство, термин, нейтральность, пейоративность.

The term “sect”: neutrality vs pejorativity

The term “sect” that appeared in the Russian linguoculture in the XVIII century, neutral in the beginning, acquired a negative connotation due to the specific character of its use. In the present time the term has two variants with different range of referent extension. The assessing element in the meaning of the term “sect” is the reason to withdraw it from the taxonomy of religious organizations and use it only within the sphere of legal or religious examination.

Key words: sect, sectarianism, term, neutrality, pejorativity.

В настоящее время на просторах Рунета присутствует большое количество публикаций, посвященных рассмотрению феномена сектантства, которые можно разграничить по таким аспектам как правовой, психологический, религиозоведческий, богословский и т. д. Термин «секта», как и многие термины гуманитарных наук, может характеризоваться многозначностью толкований и сфер использования. Данный термин восходит к латинскому «secta» (религиозная группа или интеллектуальное направление), причастию страдательного залога, образованному от глагола «sequi» (следовать) [27] или глагола «secare» (резать) [25].

Двойственная внутренняя форма данного термина как нельзя лучше характеризует сущность феномена сектантства, подчеркивая исключительную роль личности в становлении секты и ее противопоставленность религиозному большинству. К первым употреблением слова «секта» в христианском религиозном дискурсе в указанном значении можно отнести отрывок из трактата Иустина Философа «Разговор с Трифоном Иудеем», где оно относится к различным течениям

* **Федоров Михаил Александрович**, доцент кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, к.филос.н., доцент (г. Улан-Удэ, Российская Федерация).

Fedorov Mikhail Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Religious Studies and Theology, Buryat State University named after D. Banzarova, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor (Ulan-Ude, Russian Federation).

философии¹ или иудаизма² [9]. Тертуллиан в трактате «К Скапуле» относит этот термин к христианской Церкви³, отстаивая ее право на существование перед лицом римских властей [23], что свидетельствует об идеологической нейтральности термина.

В русской лингвокультуре данный термин объясняется «неслышанными свойствами животных»⁴ (1762), а в трактате Ф. И. Соимонова «Описание Каспийского моря» (1763)⁵ употребление данного термина вполне нейтральное, хотя и относимое только к другим религиям или конфессиям. Например, арх. Платон в «Православном учении», рассуждая о трех основных толках или сектах христианства, называет Католицизм, Лютеранство и Кальвинизм⁶. Таким образом, мы можем предположить, что в контексте концепции «Москва – третий Рим», подчеркивающей превосходство православного христианства, данный термин, относимый только к иным верованиям, приобретает пейоративную коннотацию.

Подтверждение этой мысли мы находим у Р.О. Сафронова, который отмечает, что стремление к нейтральности данного термина, присут-

¹ "Философия по истине есть величайшее и драгоценнейшее в очах Божиих стяжание: она одна приводит нас к Богу и делает нас угодными Ему, и подлинно святы те, которые устремили свой ум к философии; но многие не угадали, что такое философия, и для какой цели она испослана людям, иначе не было бы ни платоников, ни стоиков, ни перипатетиков, ни теоретиков, ни пифагорейцев, потому что это знание только одно. Отчего же она разделилась на многие секты, я намерен теперь сказать".

² "...всякий здравомыслящий не признает иудеями – Саддукеев или тому подобные «секты» – Генистов, Меристов, Гадиляев, Элливин, Фарисеев и Вапистов (не оскорбитесь если я говорю, что думаю), – иудеев и детей Авраама только по имени и устами только почитающих Бога, а сердцем, как Сам Бог говорит, далеко отстающих от Него".

³ "Мы, действительно, и не боимся и не страшимся того, что претерпеваем от незнающих; так как мы, желая достигнуть того, что Бог обещает, и боясь терпеть то, чем Он угрожает жизни развращенной, вступили в эту секту, приняв, конечно, условие ее договора – вести эту битву, жертвуя своею жизнью. Поэтому мы сражаемся со всякою вашею жестокостью, выступая против нее даже добровольно, и радуемся более тогда, когда нас осуждают, чем тогда, когда нас оправдывают". "За какое другое дело страдает христианин, кроме дела своей секты?"

⁴ Понеже никто ни отъ кого, не страдалъ гоненія. Одно только всегдашнее, но честное, между несогласниками было ревнованіе въ томъ, что каждая секта всячески силилась, изрядствомъ житія и нравовъ, оказать предъ другою, вѣры своей превосходство, и такъ, тщаніемъ тамашняг

о правительства здѣлано, что въ сторонѣ оной разность содержанія вѣры, не больше причиняла возмущенія, какъ сколько онаго причиняють, разные по торговымъ мѣстамъ купеческіе лавки, или художническіе фабрики, когда оныя, безъ всякихъ обмановъ, безъ всякаго насилія и ругательства одною товаровъ, или руководѣнія добротою, покупающихъ късебѣ привлекають [15].

⁵ Дождь сему огню не вредитъ, хотя множествомъ воды оной погасить можно. Въ каменныхъ полатахъ живутъ Индѣйскіе Пильгримы старинной Персидской секты Гевровъ, или почитателей огня, и питаются милостиною, въ чемъ не могутъ имѣть недостатку, потому что часто туда приходять люди изъ околележащія страны, а особливо живущіе въ Баку [15].

⁶ В нынѣшнія времена к великому соблазну Христианства видим мы три знатнѣйшія в Христианствѣ секты или толки, Папскую, Лютеранскую и Кальвинскую. Оне все себе взаимно противны [12].

ствующее в дореволюционной религиозной мысли, нивелировалось содержанием дефиниций, содержащих оппозиции «правильный – неправильный», «свой – чужой». В советский период апологетичность сектоведения получила переосмысление в идеологическом аспекте, сохранив свою негативную коннотацию [19, с. 99, 109], что затрудняет объективное изучение религиозных общин, не относящихся к господствующей Церкви. Другим наследием дореволюционного сектоведения можно считать то, что понятие секты распространялось как на старообрядцев и инославных, относящихся к основным христианским конфессиям, так и на радикальные религиозные группы, типа хлыстов и духоборов. Ярким примером может служить «Справочник по ересям, сектам и расколам» С.В. Булгакова [3], который относит термин «секта» к инославиям – Армяно-Григорианской, Коптской и протестантским конфессиям.

Негативное сознание, сохраняемое и на сегодняшний день, отмечается многими исследователями [7, с. 13; 8, с. 379; 13, с. 30; 14, с. 85; 22, с.173; 23, с. 102]. Так, М.Н. Артюхов указывает на научную необъективность термина «секта» по отношению ко всем НРД по причине его эмоционального содержания, задаваемого негативным его освещением в печати и в антикультовой литературе, что влечет за собой компрометацию альтернативных религиозных движений вне зависимости от их реального содержания [1, с. 125]. В этой связи звучат предложения перейти к уже апробированным НРД (новое религиозное движение) или НРО (нетрадиционная религиозная организация) как менее ангажированным и потому на данный момент характеризующимся большей объективностью. Хотя изначальная нейтральность термина «секта» и его последующая пейоризация не внушают особого оптимизма в отношении того, останутся ли данные аббревиатуры свободными от отрицательной коннотации. Тем более, что «новизна» является понятием относительным: некоторые НРД появились в XIX веке, а некоторые в конце XX или в последние пару десятилетий.

В этой связи достаточно показательной является следующая дискуссия в правовом дискурсе, где можно выделить две крайние позиции. С одной стороны, указывается то, что термин «секта» уже введен в правовой обиход и приводятся аргументы в пользу его правового закрепления [13, с. 32; 18, с. 56–57], с другой – приводятся аргументы в пользу юридической несостоятельности данного термина [8, с. 381] и опасности придания ему правового статуса, что может привести к ущемлению прав религиозных меньшинств по причине «всеобщей религиозоведческой безграмотности» [14, с. 87–88]. Впечатление о неразработанности данного вопроса усиливается тем, что один и тот же автор может характеризовать

секты как «поощряющие к осуществлению противоправных действий» и говорить о «защите и развитии нравственных ценностей», приводя в пример достаточно разнородные религиозные организации [18, с. 57, 58].

Более того, можно говорить не столько о неоднородности содержания этого термина, сколько о существовании как минимум двух вариантов, обладающих разным понятийным объемом. Так, на портале «Азбука веры» термин «секта» определяется как религиозное течение, отпавшее от основного религиозного направления, подвергшее существенным изменениям его вероучение, создавшее собственную организацию. При этом подчеркивается, что к сектам нельзя относить инославие, т. е. Армяно-Григорианскую церковь, Католичество и Протестантизм, поскольку последние сохраняют основные догматы христианства [20]. Если первые две конфессии имеют явное иерархическое единство, то сложность обращения к Протестантизму объясняется его дисперсным характером, поскольку данное течение представлено рядом конфессий и еще более длинным списком деноминаций. Как правило, для российских межконфессиональных реалий этот список упрощают до лютеран, реформатов, баптистов, пятидесятников и харизматов [4; 10; 12; 16].

Другой вариант термина «секта» включает в себя как представителей нетрадиционных для России религий, так и протестантов. Здесь можно выделить две категории публикаций. К первым относятся публикации, рассматривающие религиозные движения в историческом аспекте [21; 24; 26] и, соответственно, использующие данный термин в рамках религиоведческой традиции того времени. Ко вторым, как правило, относятся внеконфессиональные авторы [5; 6; 8; 17], которые, как создается впечатление, следуют советской религиоведческой традиции, где к сектам причислялись любые религиозные организации за исключением исторически представленных на территории СССР. Считаю, что имеется как минимум две причины отказаться от чересчур широкого толкования обсуждаемого термина. Во-первых, можно говорить о наличии консенсуса в том, что данный термин ассоциируется с тоталитарной и деструктивной деятельностью [14, с. 88; 2, с. 43; 17, с. 297–298; 6, с. 106], и, следовательно, его применение по отношению к широкому ряду религиозных организаций является, как минимум, ненаучным. Ссылки на словарные статьи, указывающие на «нейтральность» данного термина [13, с. 31; 14, с. 85], на наш взгляд, говорят о том, что эти статьи устарели и нуждаются в редакции, поскольку игнорируют пейоративные созначения, отмеченные выше.

Во-вторых, использование термина, в содержании которого имеются оппозиции «свой»–«чужой», «правильный»–«неправильный» [19,

с. 99], не только не отвечает требованиям научной объективности, но и нарушает светский характер религиоведческой проблематики, приобретая клерикальные тенденции. Не можем не согласиться с В.А. Куриловым, считающим, что втягивание конфессиональной идеологии в сферу политики может привести к противопоставлению людей на религиозной почве [11, с. 228], превращая религиоведческую проблематику в средство борьбы с инакомыслящими. Однако приведенные аргументы не означают невозможность использования рассматриваемого термина в религиоведческом дискурсе. Признание его оценочной составляющей, его синонимичность понятиям «тоталитарный культ» и «деструктивное религиозное объединение» означает обязательность его узкого толкования и отнесения только к тем религиозным организациям, деятельность которых несовместима с соблюдением прав человека и требованиями действующего законодательства. Акцентирование роли практики применения религиозных догматов можно увидеть у ряда авторов [14, с. 54–55; 18, с. 56, 58; 8, с. 381–382].

Так, А.Ф. Мещерякова считает, что одни и те же постулаты веры могут служить как положительным, так и отрицательным целям в зависимости от практики их толкования и реализации [13, с. 29], Д.П. Золотарев говорит о реализации рисков злоупотребления [7, с. 14], а Курилов – о реализации гипертрофированных идей, имеющих девиантный характер и способных вырасти в форму делинквентного поведения [11, с. 225]. Практические все источники подчеркивают ведущую роль деятельности стороны сект. Это значит то, что на первое место выходит термин «сектантство», как характеристика социально-неприемлемой практики применения религиозных постулатов, тогда как термин «секта», будучи оценочным, указывает на общину, в деятельности которой можно выявить признаки сектантства. В качестве наиболее явных характеристик сектантства мы отмечаем следующие, выбранные с учетом двойственной внутренней формы, включающей указание на роль лидера и отделенность от религиозного большинства:

1) сотериологическая избранность («спасемся только мы»), отделяющая и противопоставляющая ее членов всем остальным;

2) гносеологическая элитарность («вам нужно прочитать эту книгу/услышать эту проповедь»), создаваемая за счет введения новых устных/письменных сакральных текстов;

3) гипертрофированность роли лидера/лидеров общины («вам нужно послушать его проповеди/встретиться с лидером этой группы»).

Таким образом, говорить об адекватной реализации понятий «чуждости» и «неправильности», представленном в данном термине, можно

в том случае, если термин «секта» применяется в отношении не только и не столько специфики вероучения, сколько конкретной практики и последствий его применения. Оценочный, как минимум в русскоязычном религиозном дискурсе, характер термина «секта» выводит его из таксономии типов религиозных организаций, предложенных Вебером и Трёлльчем, помещая в сферу религиоведческой и правовой экспертизы.

Источники и литература

1. *Артюхов М. Н.* Секта: научная терминология или компрометация новых религиозных движений // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 5-2. – С. 123–126.
2. *Бондарев Н. В.* Секты и общество: психолого-психиатрический аспект. Медицина. – XXI век. – 2007. – № 7. – С. 43–46.
3. *Булгаков С. В.* Справочник по ересям, сектам и расколам https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Bulgakov/spravochnik-po-eresjam-sektam-i-raskolam/
4. *Гиллqvист П.* Возвращение домой. От протестантизма к православию [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sektu/vozvrashenie-domoj-ot-protentantizma-k-pravoslaviiu/> (дата обращения: 19.03.2020).
5. *Данилова Т. П.* Деструктивные секты и их влияние на подростков // Социальная политика и социология. – 2009. – № 8 (50). – С. 266–269.
6. *Елишев С. О.* Молодежная политика религиозных сект и новообразований в Российской Федерации // Вестник Московского университета. – Серия 18. – Социология и политология. – 2013. – № 4. – С. 104–118.
7. *Золотарев Д. П.* К вопросу соотношения понятий "тоталитарная секта" и "новое религиозное движение" // Сборник материалов международных научно-практических конференций. – М., 2019. – С. 12–15.
8. *Ильюк Е. В.* Секты и правоприменительная практика // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. – СПб., 2019. – С. 378–385.
9. *Иустин Философ* Разговор с Трифоном Иудеем [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/s_trifonom/ (дата обращения: 07.03.2020).
10. *Кураев, диакон Андрей.* Традиция. Догмат. Обряд // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: <https://azbyka.ru/tradiciya-dogmat-obryad/> (дата обращения: 12.03.2020).
11. *Курилов В. А.* Понятия секты, религиозного экстремизма и клерикализма в отечественных исследованиях второй половины XX – начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 2. – С. 221–229.
12. *Максимов, св. Георгий.* Вопрос, который никогда не задают протестанты. [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/vopros-kotoryj-nikogda-ne-zadayut-protentanty/
13. *Мещерякова А. Ф.* Дискуссионные вопросы употребления термина «секта» в юриспруденции // Современное право. – 2013. – № 6. – С. 29–32.
14. *Муру Р. Н., Со А. А.* Правовое определение понятия "секта" // Власть. – 2009. – № 5. – С. 85–88.
15. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>

16. Протестантизм. Краткая справка [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: <https://azbyka.ru/protestantizm>

17. Рюмишина Л. И. Тоталитарные секты: способы непосредственного и опосредованного психологического воздействия на adeptов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 10-2. – С. 296–301.

18. Саушкин С. О. К вопросу о необходимости создания юридических мер профилактики и противодействия деструктивной деятельности сект // Актуальные вопросы науки и практики XXI века // Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.С. Овечкина. – Нижневартовск, 2016. – С. 53–60.

19. Сафронов Р. О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 1: Богословие. Философия. – 2013. – № 5 (49). – С. 96–112.

20. Секта [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: <https://azbyka.ru/otekhnik/sekta> (дата обращения: 26.03.2020).

21. Сидорин А. И. Особенности проведения внутренней миссии русской церкви в отношении евангелических сект, историческая ретроспектива // Булгаковские чтения. – 2010. – № 4. – С. 96–102.

22. Сучкова О. А. К вопросу об использовании слова "секта" в русскоязычном дискурсе // В сборнике: Труды IV Конгресса российских исследователей религии "Религия как фактор взаимодействия цивилизаций". – Благовещенск, 2018. – С. 170–174.

23. Тертуллиан К.Ф.С. К Скапуле // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Tertullian/k_scapule/ (дата обращения: 19.03.2020).

24. Терюкова Е. А. Понятие сектантства в российском вероисповедном законодательстве начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 17. – Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 102–106.

25. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Словари онлайн» // URL: <https://vasmer.slovaronline.com/>

26. Храпцова Ю. С. Особенности деятельности секты штундистов на юге России во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 5 (55). – С. 185–190.

27. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: <https://www.etymonline.com/search?q=sect>

Г.Г. Бернацкий*
DOI: 10.25839/i1677-6348-1567-p

Догматы вероучения и принципы естественного права как объективные сущности

В статье утверждается объективная природа естественного права и связь его с религией, а также определяющая роль идеологии и культуры в социальном регулировании по сравнению с законодательством.

* **Бернацкий Георгий Генрихович**, д.ю.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия).

Bernatsky Georgy Genrikhovich, Doctor of Law, Professor, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia).

Ключевые слова: естественное право, религия, идеология, культура, законодательство, социальное регулирование.

The tenets of faith and principles of natural law as objective entities

The article asserts the objective nature of natural Law, its connection with religion and the main role of the ideology and culture in the social regulation in comparison with legislation.

Key words: natural law, religion, ideology, religion, ideology, culture, legislation, social regulation.

Право выступает основным регулятором общественных отношений в правовом государстве. Высокая правовая культура населения является необходимым условием утверждения правопорядка в стране. Вместе с тем религия рассматривается как второстепенный и малозначительный социальный регулятор в современном государстве. Это положение как будто бы не вызывает сомнений среди современных юристов. Вместе с тем принципы естественного права и религиозные догматы носят объективный характер и являются важнейшими регуляторами общественных отношений. Нарушения этих принципов и догматов оборачиваются для субъектов тяжкими последствиями.

Сущность права может пониматься в двух смыслах: право имеет субъективную, либо объективную сущность. Если право субъективно, то оно определяется волей правящей элиты, господствующего класса или даже волей, интересами одного всесильного правителя. В этом случае право определяется формулой: «чья власть, того и право». Так определяли сущность права философы-софисты в Античности.

Однако, позицию софистов решительно отвергали великие древнегреческие философы Платон, Аристотель, а также великие юристы Древнего Рима Цицерон, Ульпиан, Папиниан и др. Слабость позиции софистов особенно ярко проявляется при сопоставлении их концепции права с естественным правом. О его судостроении заявил еще Аристотель.

Естественное право по мысли римских юристов есть высший рациональный закон и порядок в природе и обществе. Естественное право – общий закон Мироздания, которому подчиняется природа и общество. Этот закон научил людей различать справедливость и несправедливость, добро и зло, должное и недолжное. Ульпиан утверждает, что естественное право – это то, чему учит вся живая природа, ведь это право свойственно не только человеку, но и всему живому, что рождается на земле, в море и присуще также птицам. Естественное право – это то, «что всегда является справедливым и добрым». Так записано в Дигестах Юстиниана – главном источнике римского права.

Основные предписания естественного права: «жить честно, не причинять вреда другому, каждому воздавать то, что ему надлежит». Отсюда следовал вывод, что все люди равны и рождаются свободными. Право, устанавливаемое людьми (позитивное право), не должно нарушать основополагающие принципы всеобщего естественного порядка – справедливости (*aequitas*), гуманизма (*humanitas*), доброй совести (*bona fides*). Великий римский юрист и философ Цицерон выделяет естественное и позитивное право. Естественное право – неписаное право, вечный и неизменный закон Мироздания, действующий в природе и обществе. Позитивное право – писаное право, исходящее от государства. Таким образом, по мысли римских и современных юристов, естественное право выступает определяющим, базисным в правовой системе государства, как «право, установленное самой природой» [5, с. 69].

Следует признать, что естественное право носит объективный характер и не всегда выражается в законах государства. Например, существуют мертвые законы – правители их принимают, но реализации их добиться не могут. Здесь мы сталкиваемся с неправовыми законами. С другой стороны, существуют правовые институты, которые переходят из одной эпохи в другую без особых изменений – и ни какие правители их не могут поколебать.

Обратим внимание, что существуют религиозные правила, аналогично правовым максимам, которые носят объективный характер. Эти правила действуют в обществе с такой же «железной» необходимостью, как физические законы в природе. Приведем некоторые из них из Священного Писания. «Не судите, и не судимы будете; прощайте, и прощены будете, давайте, и дастся вам... ибо, какою мерою мерите, такою и вам отмерится» [Лука 6;37]; «Нельзя служить и Богу и мамоне» [Матф. 6.24]. «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю» [Осия 8,7]. С религиозной точки зрения действие этих правил в обществе объясняется Божественным промыслом. Божественные установления действуют объективно, независимо от воли человека и человечества. Люди – это только те руки, тот голос, те действия, через которые данные установления воплощаются в реальность. Юристы Рима называли объективные юридические нормы, действующие в обществе, естественным правом, т.е. правом, которое исходит из разума и воли Богов. Выдающийся русский юрист и философ Е.Н. Трубецкой утверждал, что признание существования естественного права возможно только при условии, если мы допускаем существование Бога [1].

Хорошо известно, человек обладает свободой воли и может попирает естественное право, нарушать религиозные догматы. У юристов

это называется правонарушением, а в религии называется грехом. Человек в своей свободе воли часто слеп и не видит объективной необходимости. Он во весь голос кричит о своих правах как высшей ценности. Он упивается своей свободой. Однако он идет как слепой в коридоре. Он натывается то на одну стену, то на другую, набивая себе шишки, пока не находит для себя правильное направление коридора.

Аналогично этому индивид нередко становится законопослушным гражданином, обретает правовую культуру путем проб и ошибок. Но это для него не ординарное событие в жизни – человек испытывает глубокое духовное перерождение, приходит к убеждению, что свобода есть осознанная необходимость. Для религиозного человека эта необходимость осознается как реальность, заданная Богом. Бог определяет то, что может считаться справедливостью и правдой. Бог задает правильный путь. Бог является верным ориентиром. Именно поэтому его называют Спасом, Спасителем.

Вместе с тем люди могут принимать юридические законы по своей воле, против установлений Бога или против установлений Права, т.е. естественного права. Законодатели из великой гордыни могут вставать в позу богов. Но они не ведают, что творят. Для государства губительно преступать требования объективного естественного права. Расплата может быть жестокой. Еще юристы Рима предупреждали, что горе тем правителям и народам, кто идет против естественного права. Цицерон настаивал, что естественное право жестоко карает всякого, кто ему не покоряется. Всякий, кто, презрев человеческую природу, своевольно не покоряется данному праву – это беглец от самого себя, который неминуемо понесет величайшую Божью кару, если даже ему удастся избежать обычного человеческого суда.

Особую силу приобретает союз права и религии в вопросах юридической ответственности. Если право субъективно, и оно исходит из воли сильных, богатых, знатных, то тогда наказание за правонарушение – это наказание за нарушенные права богатого, знатного, сильного. «У сильного всегда бессильный виноват». Еще в Римской государственности говорили: «Справедливому делу нищих не дают суда». В этом случае бедный воспринимает наказание как месть со стороны богатого. И в данном наказании нет ничего от справедливости, а только стремление богатого покарать и унижить бедного и одновременно защитить свое сытое существование. Бедный в результате такого наказания не исправляется, а озлобляется. Он ненавидит мир сытых «жирных котлов». Сытые огородили себя пушками и защитили себя законами.

Если же право имеет объективный характер, то человек, совершив правонарушение, идет против Божественных установлений, он покушается на святых. Человек испытывает, не может не испытывать, угрызания совести. А совесть без Бога невозможна. Вспомним уже ставшую хрестоматийной фразу, которая приписывается Ф.М. Достоевскому: «Если Бога нет, то все дозволено». Преступник, оказавшись перед лицом Бога и испытав свою совесть, раскаивается. Он переживает духовный катарсис – очищение и исправление. Без этого духовного очищения и раскаяния любое внешнее материальное юридическое наказание не имеет смысла. Исключительно внешнее наказание не исправляет человека, а озлобляет. Нам возразят: есть такие люди, которые духовно черствы, совесть их молчит. Однако разве они могут избежать расплаты и душевных потрясений. Естественное право, Божий промысел достанет их неизбежно, Он потрясет их до самых кончиков волос. Аристотель говорил, что естественное право вступает в действие тогда, когда человеческое право дало промашку, когда ловкий преступник избежал человеческого суда. М.Ю. Лермонтов в своем знаменитом стихотворении пророчески писал:

«Но есть и божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный суд: он ждет;

Он не доступен звону злата...»

Из союза Права и Религии вытекает, на наш взгляд, очень важный вывод. Законодательство, позитивное право – вторичная сила в регулировании отношений между людьми. А первичная сила – это естественное право и религия. Эта сила выражается в вековой культуре народа, в идеологии, в непреходящих ценностях. Идеология – есть концентрированное выражение культуры. Идеология может носить религиозный или светский характер. Но идеология должна лежать в основе жизни народа. Это духовная скрепа всего народа.

Российское общество сейчас духовно разобщено. Мы разошлись по разным политическим партиям, по разным идеологическим взглядам, по разным регионам, по национальностям. Духовно нас объединяет сейчас, пожалуй, только одно – память о Великой Отечественной войне. В те трагические и славные годы за Россию, «за нашу советскую Родину» сражались бок-о-бок русский и украинец, татарин и белорус, чеченец и еврей. Однако для духовного единства современной российской нации такой памяти о прошлом уже недостаточно. Антиконституционный переворот в Киеве стал возможен благодаря распространению на Украине националистической идеологии и глубокому духовному расколу страны. Этот раскол ведет к распаду страны, к войне.

Сейчас как никогда для России необходима единая идеология, единая государственная идеология. В.В. Путин 12 сентября 2012 в Краснодаре говорил о необходимости единой идеологии для России и призвал всех патриотов страны сплотиться в деле укрепления России и возрождении наших исконных духовных ценностей. От себя заметим, что эти ценности не могут лежать вне традиционных религий России.

В.В. Путин говорил, что за умы и души россиян ведется острая идеологическая, информационная война, которая по важности сравнима с глобальной борьбой за минеральные ресурсы, он напомнил, что увядание православной идеологии в Царской России, а затем закат коммунистической идеологии в СССР стали причинами их разрушения [2]. Наше общество может противостоять этой идеологической войне только с помощью утверждения и защиты единой российской идеологии.

Государство не может существовать без единой государственной идеологии, которую разделяет и поддерживает население страны. Можно утверждать, что не столько экономика и военная мощь, сколько духовное единство народа и государства составляет оплот силы и могущества государства. Идеология – это система базовых ценностей (экономических, политических, нравственных...), выражающая общие интересы определенной социальной группы, класса, нации. Государственная идеология – это обязательная идеология, которая защищается и проводится в жизнь, даже насаждается государством. Как справедливо пишет Боброва Н.А.: «Государство без идеологии – это нонсенс, как и человек без головы (без мыслей)» [3]. Государство всей мощью своего аппарата убеждения и принуждения проводит в жизнь определенную государственную идеологию. И эта идеология поддерживается большинством населения.

Вместе с тем разложение государственной идеологии, которое выражается в дискредитации общих ценностей, низвержении героев нации, в моральной деградации, потере смыслов существования людей в обществе, приводит к упадку и разложению самого государства. «Государство сильно сознательностью масс» – утверждал В.И. Ленин и был в этом смысле совершенно прав [4]. На великое значение идеологии для обеспечения единства и силы государства указывали выдающиеся философы, юристы, писатели, политические деятели во все времена человеческой истории.

Источники и литература

1. *Трубецкой, Е.Н.* Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб.: Лань, 1998. – 224 с.
2. См.: *Путин В. В.* За умы и души россиян ведется война // http://ufoleaks.su/blog/putin_zh_umu_i_dushi_rossijan_vedetsja_vojna/2012-12-07-1561

3. Боброва, Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России / Н.А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С. 33–38.

4. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) // Полн. собр. соч. – Т. 35. – М., 2020. – 599 с. / URL: <http://nlr.ru/doplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (дата обращения 01.03. 2020).

5. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Е.Б. Волосова*

DOI: 10.25839/c1461-0720-5705-t

Взаимодействие государства и религиозных конфессий в сфере школьного образования (на примере учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»)

В статье рассматривается вопрос, посвященный взаимодействию российского государства и традиционных религиозных конфессий в начале XX столетия в сфере образования. Общим полем, в котором происходит объединение их интересов, является формирование нравственной личности, способной адекватно реагировать на жизненные вопросы современности. Этот процесс должен начинаться в младшем школьном возрасте на основе воспитания базовых традиционных ценностей, характерных для разных народов нашей страны. Интересы государства, религиозных конфессий, семьи и ребенка могут быть реализованы с помощью введения учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». В статье рассматриваются следующие вопросы: история данного вопроса, цели и задачи данного курса, его структура, трудности реализации.

Ключевые слова: базовые ценности, духовно-нравственное формирование, государство, религиозные конфессии, взаимодействие, учебный курс «ОРКиСЭ».

Interaction of the state and religious confessions in the field of school education (on the example of the training course “Basis of religious cultures and security ethics”)

The article discusses the issue of the interaction of the Russian state and traditional religious denominations in the early twentieth century in the field of education. The common field in which their interests are united is the formation of a moral personality that is able to adequately respond to the vital issues of our time. This process should begin at primary school age on the basis of the education of basic traditional values that are characteristic of different peoples of our country. The interests of the state, religious denominations, family and the child can be realized through the introduction of the training course "Fundamentals of religious cultures and secular ethics". The following issues are considered in the article: the history of this issue, the goals and objectives of this course, its structure, implementation difficulties.

Key words: basic values, spiritual and moral formation, state, religious denominations, interaction, training course «Basis of religious cultures and security ethics».

* **Волосова Евгения Борисовна**, канд. филос. н., доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Volosova Evgeniya Borisovna, PhD, Associate Professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Современные дети – какие они? Нет сомнения, что современные дети отличаются от тех, которые жили 20 и 50 лет назад. Причина, конечно, в том, что они растут в совершенно другом мире. Информатизация и компьютеризация, разрыв культурных традиций, усиление внешнего контроля на фоне ослабления традиционных институтов, коммерциализация образования, поликультурность, внешняя религиозность, огромное социальное расслоение – вот реалии современного российского общества. Данные явления выступают как факторы, которые влияют на современных детей, определяют проблемы, с которыми они сталкиваются, опасности, которым они подвергаются. К ним можно отнести отчуждение от семейных связей, насилие со стороны взрослых, неограниченный доступ к информации, неготовность к диалогу в поликультурном мире. Особенное внимание стоит уделить отсутствию у современных детей четких нравственных критериев. Система ценностей современного ребенка представляет собой смещение прагматизма, индивидуализма, стремления к вещественным ценностям, поверхностным отношением к учебе, ослаблением внутреннего контроля, тягой к досугу, знанием своих прав, но не знанием обязанностей.

Российское государство не оставляет данные вопросы без внимания. В ежегодных Посланиях Президента к Федеральному собранию ставится задача сохранения национального единства страны на основе нравственного воспитания. Данные вопросы обращены к общеобразовательной школе как государственному институту. Школа должна вновь вернуться к своим главным задачам, потерянным в 90-е гг. прошлого века. Она должна сосредоточить своей внимание на задачах воспитания и социализации ребенка. Перед ней стоят очень сложные задачи: возрождение традиционной морали и культурных традиций; формирование общечеловеческих ценностей; содействие становлению мультикультурной личности, способной к решению реальных жизненных проблем.

Одной из форм решения данных вопросов является введение в младшей школе нового учебного предмета «Основы религиозной культуры и светской этики». Впервые в документах об образовании, разработанных в постсоветское время, появились пункты о взаимодействии школы, православной Церкви и других конфессий в организации учебно-воспитательного процесса. Практическая реализация этих положений связана с обновлением базового гуманитарного образования, изучением религиозных культур народов России, взаимодей-

ствием школы, семьи, Церкви и других традиционных религиозных направлений в воспитании учащихся.

История решения данного вопроса показывает, что допущение религиозного образования в школу отражает заинтересованность российского государства на пути поиска единения российского общества. В 2007 г. в городе Калуга состоялось общение в форме конференции, в которой приняли участие представители русской православной церкви (епархий более чем 40 регионов) и министерства образования и науки РФ. Какие вопросы стояли на обсуждении? Прежде всего, речь шла о том, чтобы в школах появилась возможность преподавать такие предметы, как истории религий и религиозных культур. Группа светских и церковных деятелей разработала и представила на обсуждение просветительский проект «Духовно-нравственная культура», в контексте которого была одобрена концепция учебного курса «Православная культура». В ее рамках впервые было предложено ввести в базисный учебный план пять предметов по выбору: православие, ислам, буддизм, иудаизм, для нерелигиозных семей – этика и философия. По итогам работы конференции было предложено ввести данную концепцию в новый ФГОС, что, однако, было проигнорировано.

В 2009 году работа в данном направлении была продолжена. Президент РФ Д.А. Медведев и патриарх Кирилл, а также представители других российских религий, продолжили обсуждение возможности обучения школьников религиозным предметам. Министерство образования и науки вышло с инициативой проведения эксперимента, который предполагал, что с 1 апреля 2010 года в школах ряда регионов России, а при успешной реализации – с 2012 года во всех регионах, будет включена гуманитарная программа «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Школьникам младших классов были даны на выбор (самостоятельный или с помощью родителей) шесть модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Планировалось, что данный курс будет вестись в 4-й четверти 4 класса и 1-й четверти 5 класса, а к преподаванию будут привлекаться светские педагоги.

Эксперимент в целом прошел успешно. В 2010 г. появилась возможность сделать определенные выводы о его итогах. Да, проблемы были; но важно то, что было осуществлено взаимодействие государства и конфессий как в центре, так и в регионах. В качестве положительных итогов можно считать создание структуры квалифицирован-

ной подготовки школьных педагогов по изучению религиозных культур при участии представителей религиозных организаций или рекомендованных ими светских специалистов. Первый этап эксперимента был связан с многочисленными случаями нарушения права родителей на выбор модуля, что в дальнейшем было исправлено. Позитивное мнение в отношении эксперимента высказали как родители, так и учителя. Отмечалось, что отсутствовали конфликты между младшими школьниками на межрелигиозной или межнациональной основе. Родители подчеркнули, что главной целью изучения новых предметов они видят развитие своего ребенка на основе традиций, разделяемых его семьей.

Примерно в эти же годы одновременно с экспериментом осуществлялась разработка ФГОС начального общего образования (согласно Приказа министра А.А. Фурсенко от 16.10.2009). В новый план был включен учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в объеме 17 часов во втором полугодии 4-го класса. Такое малое количество часов фактически не давало возможность достижения как образовательных, а тем более воспитательных эффектов. Понимание данного факта привело к тому, что в 2012 г. был предложен проект преподавания нового курса целый год – в 4-м классе. В федеральный список учебников на 2011–2012 гг. были включены шесть учебников по основам религиозных культур, в том числе учебник А. Кураева по православной культуре [3].

Окончательное решение было принято на основании поручения президента РФ в 2012 г. Во всех школах РФ появился комплексный учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики», спланированный из расчета 34 часа учебного времени (второе полугодие 4 класса и первое полугодие 5 класса). Новый предмет требовал современного теоретического и методического обоснования. С этой целью была разработана рабочая программа, руководителем которой выступил А.Я. Данилюк [2]. В новой программе были предложены единые воспитательные и образовательные цели нового курса. Воспитательные: формирование нравственных ценностей у младших школьников, формирование их как порядочных, честных, достойных граждан своей страны, творческих и ответственных. Образовательные цели: расширение образовательного кругозора, знакомство с культурными и религиозными традициями многонационального народа России, представление о нравственных ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций, понимание их значения в жизни современного общества. Ведущим подходом был опреде-

лен культурологический, который предполагал не столько рассмотрение догматических основ разных религий, сколько формирование первичных позиций для понимания того, что наша жизнь соткана из множества культурных традиций, праздников, убеждений разных народов, проживающих на ее территории, что наша культура в то же время целостна и очень своеобразна, и это сформировалось исторически.

Концепция нового учебного предмета предполагала, что школьник сделает выбор сам (или с помощью родителей как его законных представителей) в пользу одного из шести модулей. Весь курс делится на четыре части. Первая («Духовные ценности и нравственные идеалы в жизни человека и общества») и четвертая части связаны с понятиями «патриотизм», «диалог», «согласие». На уроках, посвященным этим темам, собирается весь класс. Темами для совместной беседы могут быть единство многонационального российского народа, многообразие его культурных, духовных, религиозных традиций. На самом первом уроке дети должны почувствовать, что все люди разные, что каждый из нас имеет свой взгляд на мир, но при этом мы – народы России – имеем общий язык, культуру, историю, государство, и главное – единые нравственные основы.

Дадим характеристику второй части курса «ОРКиСЭ». Она называется «Основы традиционных религий и светской этики» и предполагает, что школьники делятся по группам в зависимости от избранного модуля. Работа по изучению конкретного модуля завершается подведением итогов по пройденному материалу и предполагает творческие задания. Третья часть имеет название «Традиционные религии и этика в России» и тоже ведется в зависимости от выбранного модуля. Только теперь задачи каждого модуля предполагают учет культурно-исторических особенностей нашей страны и конкретного региона, где проживает семья школьника. Тема Родины, семьи, гражданственности, служения Отечеству определяет направленность большинства тем этого блока, как в историческом, так и в современном контекстах.

Итак, структура учебного курса предполагает, что вторая и третья части изучаются школьниками одного класса отдельно, согласно избранному модулям. Но в педагогическом плане модули не отделены друг от друга, наоборот, их содержание объединено общечеловеческими ценностями (Россия, малая родина, семья, духовные традиции).

В четвертой части учебно-воспитательный процесс предполагает разнообразные творческие работы, например индивидуальные или групповые проекты, которые школьники презентуют перед всем классом. Примеры таких работ представлены, например, в учебном пособии Л.В. Левицкого [4]. Такая работа позволяет каждому составить целостное представление о многообразии и единстве духовных традиций многонационального народа РФ. Образовательный процесс может завершиться праздником, посвященным Дню народного единства, в котором будут участвовать дети, родители, ученики.

Преподавание данного курса возложено на преподавателей общеобразовательных школ, обучившихся по специальным образовательным программам повышения квалификации. Поскольку в рамках этого курса затрагиваются вопросы мировоззренческого и нравственного выбора, постольку повышенные требования определяются к личностным качествам самого школьного учителя.

Специфика данного учебного курса определяет трудности в его реализации. Они во многом связаны с неготовностью общества (прежде всего, семьи) к восприятию на практике данного предмета изучения; неготовностью самих учителей; сменой установок и парадигм; сложностью соотношения религиозной и светской морали в рамках одного образовательного проекта; отождествлением процесса усвоения содержания основ религиозной культуры с конфессиональным самоопределением индивида; поликонфессионализмом современного российского общества в условиях кризиса национальной идентичности; недостаточным уровнем общего образования учащихся, их слабой мотивированностью.

Таким образом, курс «ОРКиСЭ» интегрирует государственный и общественный заказ к созданию в школе условий для воспитания нравственной личности, получению ребенком образования, соответствующего культурной самобытности, языку и ценностям родителей. Реализация курса имеет определяющее значение для государственной политики в сфере образования. В системе задач общего образования задачи духовно-нравственного воспитания, воспитания гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к родине, ее истории, культуре нынче рассматриваются как первоочередные.

Вопрос об отношении школы и Церкви является предметом дискуссии между двумя позициями: светской (Б.Т. Лихачев) и религиозной (И.В. Метлик, о. Борис Ничипоров) [1]. В центре ее находится вопрос о природе духовности: это явление, исключая-

щее любые религиозные составляющие, или ее природа определяется только через традиционную для России православную веру. Сегодня нужно говорить о том, что религия и светская этика решают единую задачу духовного формирования человека, что традиционные конфессии и светское государство не противостоят друг другу в данном вопросе.

Источники и литература

1. *Быргазов П.С.* Тема духовности на страницах журнала «Педагогика» в период с 1990 по 1995 г. / П.С. Быргазов // Педагогика и современность. – 2012. – №1. – С. 67–72.

2. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст]: Учебное издание. – М.: «Просвещение», 2009. – 24 с. // Народное образование. – 2010. – № 1. – С. 39–49.

3. *Кураев, А. В.* Основы православной культуры. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразовательных учреждений /А. В. Кураев. – М.: Просвещение, 2010. – 95 с.

4. *Левицкий, Л. В.* Методические особенности преподавания комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»: учебно-методическое пособие /Л. В. Левицкий. – Екатеринбург, 2011. – 73 с.

С.М. Воробьев*

DOI: 10.25839/a0922-3725-0620-a

Участие представителей религиозных организаций в деятельности общественно-наблюдательных комиссий территориальных подразделений ФСИН России: вопросы теории и практики

Настоящая научная статья посвящена изучению проблем нормативного регулирования представителей религиозных организаций в деятельности общественно наблюдательных комиссий в местах принудительного содержания. Цель исследования является выработка предложений по совершенствованию деятельности религиозных организаций в сфере профилактики правонарушений в местах принудительного содержания. Статья будет представлять практический интерес для институтов гражданского общества в сфере взаимодействия с уголовно-исполнительной системой.

Ключевые слова: профилактика, правонарушения, религиозные организации, общественно наблюдательные комиссии, гражданское общество, места принудительного содержания.

* **Воробьев Сергей Михайлович**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права, Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия).

Vorobyev Sergey Mikhailovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Participation of representatives of religious organizations in the activities of public monitoring commissions of territorial divisions of the Federal Penitentiary Service of Russia: questions of theory and practice

This scientific article is devoted to the study of the problems of regulatory regulation of representatives of religious organizations in the activities of public monitoring commissions in places of forced detention. The purpose of the study is to develop proposals for improving the activities of religious organizations in the field of crime prevention in places of forced detention. The article will be of practical interest to civil society institutions in the sphere of interaction with the penal system.

Keyword: prevention, offenses, religious organizations, public monitoring commissions, civil society, places of forced detention.

Одним из институтов, способствующих выстраиванию конструктивного диалога между государством и гражданским обществом, а также влияющим на ограничение распространения социальных рисков – является общественный контроль. Институт общественного контроля отражает степень развитости демократических преобразований и в то же время служит юридическим инструментом для полноценного функционирования активно развивающегося гражданского общества в России.

Построение любого развитого правового государства обуславливает функционирование всей системы государственного механизма, деятельность которого строится на обеспечении и защите прав и свобод человека и гражданина, неукоснительном соблюдении законности при реализации властных полномочий, ответственности должностных лиц и гармоничном взаимодействии государственного механизма с институтами гражданского общества.

Положения ст. 2 Конституции Российской Федерации закрепляют государственную гарантию, ориентирующую механизм государства на действенное выполнение обязанности последнего в сфере признания, соблюдения и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. При этом, смысловое юридико-логическое содержание данной нормы указывает на приоритетный вектор развития для всего государства, предопределенный конституционным провозглашением человека, его прав и свобод высшей ценностью. Обозначенная гарантия государства имеет большое значение в контексте соблюдения положений ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, согласно которым граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В этой связи обеспечение должного состояния законности всеми субъектами общественных отношений является существенным признаком современного развитого правового государства.

Суть и важность действенного общественного контроля в государстве немецкий философ Г. Гегель (1770–1831 гг.), один из авторов философско-правовой теории о развитии гражданского общества, объяснял следующим образом: «Обеспечение государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерархии и ответственности, с другой – в правах общин, корпораций, посредством чего привнесению субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ставится препятствие, и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу»[1, с. 334–335].

С течением времени государства выработали самостоятельные правовые механизмы действия общественного контроля, определили его субъектов, виды и формы реализации в условиях современной социальной действительности. Тем самым институт общественного контроля стал опорой государственному механизму в преодолении всесторонних проблем различного уровня, в центре внимания которых был и остается человек. Институт общественного контроля в России обнаруживает в своей деятельности основные тенденции прогрессивного развития российского государства и общества, выступает индикатором в преодолении имеющих место проблем в различных сферах жизнедеятельности, требующих оперативного реагирования, и способствует их совместному решению. Практика правового регулирования общественного контроля на территории Российской Федерации свидетельствует о разносторонних сферах, предмете и механизме его действия.

В Российской Федерации процесс развития гражданского общества и его интеграция в правовые отношения во многом связаны с идеями и инициативами института Президента Российской Федерации. Политическая воля главы государства направлена на утверждение идеалов законности, социальной справедливости, гуманизма, создание в России демократического, правового и социального государства, что способствовало укреплению позиций гражданского общества в стране. Государственной властью России сделан осознанный шаг в осуществлении процессов гуманизации и модернизации российского общества – расширение взаимодействия между общественными и государственными институтами, в том числе посредством передачи отдельных функций государственных органов институтам гражданского общества. По убеждению Президента Российской Федерации В. В. Путина, «Общественное мнение, активное участие граждан в жизни страны, деятельное гражданское общество – это огромная сила, и ее значение для

уверенного движения России вперед, укрепления Отечества, консолидации нашего народа, без преувеличения, является решающим» [2].

Активное участие институтов гражданского общества в многообразных формах общественного устройства предопределило осуществление общественного контроля соблюдения прав человека в местах принудительного содержания. Нахождение лиц в условиях изоляции от общества связано, в частности, с изъятиями и ограничениями их прав и свобод, установленными законодательством Российской Федерации, созданием условий отбывания наказания, отвечающих требованиям соответствующих нормативно-правовых актов, проявлением гуманного отношения к ним, недопущением нарушений законодательства в области прав и свобод человека, содействием и оказанием помощи в ресоциализации лицам, освобождаемым от отбывания наказания, и др.

Соблюдение и обеспечение должных условий отбывания наказания в местах принудительного содержания непосредственно сказывается на состоянии законности в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; и ее эффективности; способствует снижению уровня недоверия населения во взаимоотношениях с правоохранительными органами; ориентирует российское законодательство на приведение его в соответствие с международными и европейскими стандартами. На данном обстоятельстве заострялось внимание в Заключении № 193 Парламентской ассамблеи Совета Европы «По заявке России на вступление в Совет Европы» (г. Страсбург, 25.01.1996 г.) [3].

В то время преодоление проблем, имевшихся в уголовно-исполнительной системе (УИС) России было возможным лишь посредством реформирования всей ее деятельности, что предполагало: качественное обновление правовых основ ее функционирования, переориентирование процесса исполнения уголовных наказаний в сторону гуманизации, обеспечение принятия оперативных мер реагирования на разнообразные нарушения прав человека в учреждениях и органах, исполняющих наказания; недопущение разложения системы изнутри, путем поднятия значимости статуса и престижа службы сотрудников пенитенциарных учреждений, и др. Безотлагательность решения обозначенных вопросов обусловило участие в преобразованиях деятельности УИС различных организационных структур гражданского общества. В этой связи возникла потребность в более или менее приемлемом механизме выстраивания доверительных взаимоотношений органов государства и общественных институтов. Такой механизм был выработан практикой института общественного контроля. Вместе с тем, развитие, приспособление последнего к структуре государственного управления, а также реализация результатов его

действий в местах принудительного содержания были весьма неоднозначны.

По мнению профессора В. И. Селиверстова, становление общественного контроля сопровождалось определенными трудностями, основными из которых являлись: слабые побудительные мотивы у социально активных граждан для занятия таким видом общественной деятельности; недостаточно проработанный механизм «отсеивания» из числа кандидатов в ОНК лиц, имеющих криминальные или коррупционные мотивы; отсутствие экономической (финансовой) основы для выполнения ОНК своих функций; недостаточность необходимых знаний (в том числе, юридических) по осуществлению контроля у членов ОНК; низкая эффективность проводимых контрольных мероприятий и др. [4, с. 398].

Принятие Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания и содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее ФЗ №-76), обуславливалось, в частности, активизацией действий государства по проведению демократических преобразований в УИС, направленных на дальнейшую гуманизацию процесса исполнения наказания и возросшей необходимостью должного обеспечения реализации установлений действовавшего уголовно-исполнительного законодательства относительно общественного контроля соблюдения прав человека в учреждениях и органах УИС, например, положений: ст. 23 «Участие общественных объединений в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека.

Содействие общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания» Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (ред. от 02.12.2019 г.), отражающих правовые основания и гарантии действия общественных наблюдательных комиссий, образованных в субъектах Российской Федерации в целях осуществления общественного контроля обеспечения прав человека в исправительных центрах, исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях; а также сферы полномочий общественных объединений, связанные с оказанием содействия администрации исправительных учреждений в исправлении осужденных, совершенствовании материально-технической базы исправительных учреждений, решении вопросов социальной защиты осужденных, в организации трудового и бытового устройства освобождаемых осужденных; ст. 38 «Контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы» Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля

1993 г. № 5473-I (ред. от 27.12.2019 г.), раскрывающих систему органов и должностных лиц, отдельные правомочия на реализацию осуществления контрольных функций, в частности право ОНК без специального разрешения посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы при осуществлении общественного контроля обеспечения прав человека в пределах соответствующих территорий [5].

Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» установлен порядок участия Общественной палаты и ее органов в формировании общественных наблюдательных комиссий, образуемых в субъектах Российской Федерации в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания (п. 12.1). За прошедшее с принятия Закона время в большинстве регионов сменились четыре состава общественных наблюдательных комиссий. Всего образовано 367 составов ОНК, рассмотрены документы на 6988 кандидатур, из которых 4344 человека назначены членами ОНК. В 2019 году работа Общественной палаты по формированию новых составов ОНК отличалась большей масштабностью: процедура формирования новых составов ОНК была произведена в 45 регионах России. В рамках кампании было подано 1165 заявок, из них признаны соответствующими требованиям законодательства – 971. В результате конкурса в состав 45 ОНК вошли 709 человек, или 60,8% от общего числа кандидатов. Впервые сформированы ОНК в Ненецком и Чукотском автономных округах (ранее их создание было затруднено ввиду недостаточного количества заявок от кандидатов). Максимальный состав ОНК из 40 человек сформирован в четырех субъектах Российской Федерации: Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Свердловской области. Численность членов ОНК увеличилась еще в 17 регионах, где проходила ротация (в Ростовской, Нижегородской, Владимирской областях, Республике Коми и др.) [6, с. 33].

В механизме исполнения уголовных наказаний особое место отводится общественному контролю, что обусловлено превентивным характером деятельности общественных структур, выполняющие контрольные функции за обеспечением прав человека в учреждениях и органах УИС, в других местах принудительного содержания, а также направленностью этой деятельности на максимальное сокращение правонарушений относительно прав, свобод и интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, на восстановление их нарушенного состояния.

Участие священнослужителей в работе ОНК благословил святейший Патриарх Кирилл в своем обращении ко всем Епархиям о выдвижении кандидатов в ОНК от РПЦ при образовании первого призыва ОНК в 2009 г. Во время формирования второго призыва ОНК в 2011 г. от председателя Синодального отдела по тюремному служению Московского Патриархата Преосвященного Иринарха поступило обращение ко всем правящим Архиереям о включении священнослужителей в работу ОНК [7, с. 255].

Епископ Красногорский Иринарх, отметил, что служение духовенства обратит многих заключенных к Богу, послужит их духовному возрождению и поможет сократить среди них количество случаев суицида, унижения достоинства человеческой личности и других противоправных действий [8].

В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, большое внимание уделяется вопросу гуманизации условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышения гарантий соблюдения их прав и законных интересов. Одним из своих положений Концепция закрепила необходимость использования сотрудничества со структурами гражданского общества, общественными объединениями, деятельность которых может быть полезна для гуманитарно-воспитательного воздействия на осужденных, активизацию взаимодействия с традиционными конфессиями, в частности, обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах, реализация совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов. Достижение целей, закрепленных в указанных правовых актах Правительства Российской Федерации, планируется обеспечить, в том числе, путем реализации федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 – 2025 годы)», концепция которой утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2808-р.

Для решения обозначенных проблем весьма значима проводимая общественными структурами, например ОНК, профилактическая работа, направленная на предупреждение совершения правонарушений в местах принудительного содержания, соблюдение законодательства осужденными и лицами, содержащимися под стражей, и сотрудниками этих учреждений. При посещении последних в частности, учреждений УИС, члены ОНК должны соблюдать требования, предусмотренные в Положении о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных

комиссий, утвержденном приказом ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652. В деятельности ОНК используются различные способы профилактики, например, объяснение спецконтингенту правил обращения с жалобами в соответствующие компетентные органы; разъяснение установлений российского уголовно-исполнительного законодательства; осуществление кино-, фото- и видеосъемки в целях фиксации имеющихся нарушений законных прав осужденных, лиц, содержащихся под стражей, что согласуется с имеющимися тенденциями в сфере совершенствования форм и методов общественного контроля в России.

Представители Русской Православной Церкви принимают активное участие в работе Общественных наблюдательных комиссий и Общественных советов: они выезжают с проверками по жалобам подследственных и осужденных, заседают в Административных комиссиях по условно-досрочному освобождению, которые в рамках реформирования уголовно-исполнительной системы расширяются в комиссии социальных лифтов, с наделением полномочиями по изменению условий содержания для осужденных в учреждениях. Также православные священнослужители привлечены в работе региональных комиссий по помилованию, созданных по Указу Президента России в 2001 г. В тех регионах, где священнослужители участвуют в работе ОНК и программах Общественных советов, отмечается плодотворное сотрудничество с общественными организациями и государственными структурами ФСИН [7, с. 256].

Одной из главных форм содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания в соответствии с п. 11 ст. 22 «Формы содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания» ФЗ №-76 является участие в проведении мероприятий по пропаганде законопослушного поведения, здорового образа жизни, поддержанию и укреплению социально полезных связей осужденных к лишению свободы, несовершеннолетних правонарушителей [9].

Данное положение согласуется с положениями ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (далее ФЗ №-76) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где приводится определение лиц, участвующих в профилактике правонарушений, – граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений. Однако, ст. 5 «Субъекты профилактики правонарушений» не рассматривает общественные объединения и иные организации (в том числе религиозные) в качестве субъектов профилак-

тики правонарушений. Тем самым мы наблюдаем внутреннюю законодательную коллизию обозначенных нами норм ФЗ №-76.

Кроме этого, системное противоречие наблюдается между законодательными положениями и церковными основополагающими документами Русской Православной Церкви. Основные церковные документы излагают базовые положения учений Русской Православной Церкви по вопросам церковно-государственных отношений, светским обществом и основным проблемам современности. В частности, Социальная концепция Русской Православной церкви, утверждена на Архиерейском соборе 13–16 августа 2000 г. предусматривает раздел IX Преступность, наказание, исправление, отражающий роль РПЦ в профилактике правонарушений.

Положения обозначенного нами раздела Концепции содержит подраздел IX.2. внутреннее содержание которого, посвящено вопросам организации профилактики преступности. Приведем некоторые положения этого подраздела: «Профилактика преступности возможна, прежде всего, через воспитание и просвещение, направленные на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей. В этом деле Православная Церковь призвана к активному взаимодействию со школой, средствами массовой информации, правоохранительными органами. При отсутствии в народе положительного нравственного идеала никакие меры принуждения, устрашения или наказания не смогут остановить злой воли. Именно поэтому лучшей формой предотвращения нарушений закона является проповедь честного и достойного образа жизни, особенно в среде детей и юношества. Пристальное внимание при этом нужно уделять лицам, входящим в так называемые группы риска или уже совершившим первые правонарушения. К таким людям должно быть обращено особое пастырское и просветительское попечение.

Православные священнослужители и миряне призваны участвовать и в преодолении социальных причин преступности, заботясь о справедливом устройении государства и экономики, о профессиональной и жизненной реализации каждого члена общества. Вместе с тем, Церковь настаивает на необходимости человеческого отношения к подозреваемым, подсудимым и гражданам, уличенным в намерении нарушить закон. Жестокое и недостойное обращение с такими людьми способно укрепить их на неправом пути или толкнуть на него» [10].

Из приведенных нами противоречий между законодательными положениями и основным церковным документов РПЦ прослеживаются проблемы, требующие детального глубокого юридического анализа на предмет внесения соответствующих изменений в российское

законодательство о профилактике правонарушений, закрепившие прямые нормы об участии религиозных организаций в вопросах профилактики правонарушений.

Мы видим неоднозначные положения ФЗ № 182 относительно деятельности религиозных организаций в вопросах профилактики правонарушений. С одной стороны, исходя из понятийной характеристики понятия лица участвующие в профилактике правонарушений, религиозные организации подпадают под эту деятельность, с другой стороны, они отсутствуют среди субъектов профилактики. Безусловно, во внимание на возникновение этого противоречия мог сказаться временной фактор между датами принятия положений обозначенных нами документов и разработчики ФЗ № 182 не приняли во внимание церковный документ.

Считаем, что Синодальный отдел по тюремному служению Московского Патриархата мог выступить с инициативой о необходимости проработки действующего российского законодательства в сфере профилактики правонарушений с целью законодательного закрепления религиозных организаций в качестве полноправных субъектов профилактической деятельности.

Данное положение будет положительно влиять на деятельность священнослужителей задействованных в работе ОНК и упрочит их правовое положение в сфере осуществления профилактических мер среди лиц находящихся в местах принудительного содержания.

Источники и литература

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права.* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Вручение госпремий за достижения в правозащитной и благотворительной деятельности // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59391/>
3. Информационная система по документам о правах человека и тематическим публикациям // URL: http://www.echr-base.ru/zakl193_1996.jsp (дата обращения: 24.02.2020).
4. Селиверстов, В. И. *Общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: новеллы 2018 года* / В. И. Селиверстов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 397–408.
5. См.: Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-I (ред. от 27.12.2019 г.) // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 19 августа 1993 г. – № 33. – Ст. 1316.
6. Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. – М., – 2019. – 78 с.
7. Скоморох О. Участие православных священнослужителей в работе общественных структур уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – Выпуск 2. – С. 253–258.

8. Синодальный отдел по тюремному служению Московского Патриархата // URL: http://www.anastasiauz.ru/index/privetstvennoe_obrashhenie_episkopa_krasnogorskogo_irinarka/0-109 (дата обращения: 04.03.2020)

9. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // URL: <https://base.garant.ru/12160914/>

10. Сайт Московского патриархата РПЦ // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422562.html>

Т.В. Воротилина*
DOI: 10.25839/o1183-1386-9136-i

Роль правового воспитания и юридического образования в формировании и повышении уровня профессионального правосознания и правовой культуры сотрудников правоохранительных органов**

Данная статья посвящена отдельным аспектам правового воспитания и вопросам формирования профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов. Автор предлагает различные средства и формы совершенствования современного юридического образования, которые помогут преодолеть негативные явления в проявлении профессионального правосознания сотрудников правоохранительной системы.

Ключевые слова: социальные регуляторы, профессиональное правосознание, правовое воспитание, юридическое образование, сотрудники правоохранительных органов.

The role of legal nurturing and legal education in forming and increasing the level of professional legal awareness and legal culture of employees of law enforcement officers

This article is devoted to certain aspects of legal nurturing and issues of the formation of professional legal awareness of law enforcement officials. The author offers various means and forms of improving modern legal education, which will help to overcome the negative phenomena in the manifestation of professional legal awareness of law enforcement officials.

Keywords: social regulators, professional legal awareness, legal nurturing, legal education, law enforcement officers.

* **Воротилина Татьяна Викторовна**, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, канд. юрид. наук, доцент (г. Ставрополь, Россия).

Vorotilina Tatyana Viktorovna, Associate Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, PhD in Law, Associate Professor (Stavropol, Russia).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00344 А).

Мыслителей всех времен волнуют вопросы формирования высокого нравственного состояния общества в целом и отдельных субъектов, в частности. Как известно, сознание и поведение людей формируют и регулируют различные социальные нормы: нравственные, религиозные, обычаи, традиции, нормы права, нормы этики, политические нормы и другие. Необходимо подчеркнуть, что многие правила совпадают в своем сущностном значении и являются одновременно несколькими социальными нормами. Например, библейские заповеди «не кради», «не убий» являются одновременно нормами права и нормами нравственности.

Не ставим целью данного исследования – выявление и анализ особенностей правовых норм, их отличительных черт от других социальных правил. Отметим лишь их особенность в виде всеобщности и обязательности, а также их важность в современном государстве и обществе. Практически все значимые сферы общественной жизни подвергаются правовому регулированию. Ведь правосознание – это форма общественного сознания, система понятий, представлений, идей о должном порядке правового регулирования общественной жизни [6, с. 409].

Однако даже самые совершенные нормативные предписания останутся декларацией, если не будут претворяться в жизнь, если отдельные личности и все общество не осознают ценность права и необходимость повседневного правомерного поведения. А поскольку легитимность государственной власти, ее авторитет и репутация, так или иначе, зависят от поведения отдельных государственных служащих, их правосознания уровня правовой культуры, весьма актуальными представляются нам вопросы формирования и повышения уровня правовой культуры у сотрудников правоохранительных органов.

Профессиональное правосознание сотрудников правоохранительных органов – это такое правовое сознание, которое складывается у них в ходе специальной подготовки. От уровня правосознания сотрудников правоохранительных органов напрямую зависит качество выполнения ими своих должностных обязанностей. Особая роль правосознания названных субъектов обусловлена тем, что они призваны обеспечивать безопасные условия реализации прав и свобод, законных интересов граждан Российской Федерации.

Правосознание профессионалов-работников правоохранительных органов характеризуется особым характером и объемом правовых знаний, солидарностью с правовыми предписаниями, наличием правовых навыков и умений, позитивными стереотипами правового поведения и особым правовым мировоззрением, причем все это имеет функциональный характер, т.е. нацелено на решение профессиональных задач.

Уровень правосознания сотрудников правоохранительных органов в значительной степени зависит от начальных этапов его формирования, т.е. от условий и целенаправленного воздействия, имеющих – место до их прихода в указанные органы. Особое значение при этом имеет нравственное состояние общества.

Исследуя процессы формирования высокого уровня профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов и роль юридического образования в этих процессах, нельзя упустить из вида вопрос о правовом воспитании, как парной юридической категории, а также о правовом нигилизме и о способах борьбы с этим крайне нежелательным для современного российского общества и государства явлением.

Мы глубоко убеждены в том, что в процессе формирования правовой культуры, существенное место принадлежит правовому воспитанию, находящемуся с правовой культурой в тесной взаимосвязи.

Обратимся к понятию правового воспитания. В общей теории права этому вопросу уделяется должное внимание, однако единого понимания этой правовой категории в отечественной доктрине нет. Так, А.Б.Венгеров считает, что «правовое воспитание – это целенаправленная система мер, просветительских образовательных и иных, формирующая установки уважения и соблюдения права, цивилизованных способов решения споров, профилактики правонарушений. Своим адресатом правовое воспитание имеет граждан, должностных лиц» [1, с. 298].

А.С. Пиголкин убежден, что формирование правовой культуры, ее содержательная определенность достигаются посредством правового воспитания, включающего привитие специальных правовых знаний, навыков, правил поведения, связанных с совершением тех или иных юридически значимых действий, поступков [2, с. 108].

В юридической литературе выделяют различные подходы к повышению уровня правосознания у сотрудников правоохранительных органов. Так, например, О.В.Пересадына предлагает выделять структурный и функциональный подходы. С позиции структурного подхода автор выделяет: «1) факторы, влияющие на правовую психологию юристов-профессионалов: умение анализировать полученную правовую информацию; умение оценивать значимость той или иной правовой нормы для себя; умение формировать соответствующее отношение к действующему праву, к своей и других субъектов юридической деятельности, к своим правам и обязанностям и к правам и обязанностям других; 2) факторы, влияющие на правовую идеологию юристов-профессионалов: способность воспринимать правовую информацию; активность по поиску пра-

вовой информации; доступность нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, входящие в предмет правового регулирования» [3, с. 13]. Если же за основу взять функциональный подход, то автор различает общие и специфические факторы. К общим относятся: внутренние, субъективные (психофизиологические, интеллектуальные) и внешние, объективные, которые зависят от всех сфер жизни общества.

Считаем необходимым подчеркнуть негативное влияние правового нигилизма на эффективность повышения уровня правовой культуры всех граждан вообще и правового воспитания сотрудников правоохранительных органов, в частности. Поскольку правовой нигилизм выступает абсолютной противоположностью правовой культуры и выражается в отрицании правовых ценностей, он, несомненно, должен отсутствовать в правоохранительной среде.

Вопрос об эффективных способах и средствах борьбы с правовым нигилизмом является нерешенным в отечественной юридической науке. А.Б. Венгеров, к примеру, убежден, что идеалом правового воспитания является юридический всеобуч. Профессор указывает на то, что «не следует преувеличивать роль правового воспитания. Иллюзией является представление, что если всех обучить праву, то исчезнут правонарушения. Все же главное – это жизненный юридический опыт каждого гражданина. И если этот опыт расходится с официальными и неофициальными просветительскими установками, приоритет будет за жизненным опытом. Не менее важны в правовом воспитании и качество законодательства, и формы правоприменения, и соблюдение договорных обязательств, судебная защита прав, свобод и законных интересов гражданина» [1, с. 301].

Обратимся к роли юридического образования в формировании профессионального правосознания и правовой культуры у будущих сотрудников правоохранительных органов. Направления развития современного отечественного юридического образования определяют уровень правосознания и правовой культуры всего общества. При этом в духовной составляющей не все компоненты будут играть одинаковую роль. В целом правовая культура общества всегда будет зависеть от уровня правосознания всего населения страны.

Однако, по нашему мнению, в правовой сфере важнейшим компонентом духовной культуры выступает профессиональное сознание юристов. Именно от его уровня зависит эффективность юридической деятельности – как правотворческой, так и правоприменительной. Поэтому, необходимо сначала на высоком уровне сформировать профессиональное правосознание юристов-практиков, а в последующем они

будут проводить целенаправленную работу по повышению уровня правосознания и правовой культуры всего российского общества.

Основной составляющей процесса формирования профессионального правового сознания является высшее юридическое образование.

А.В.Петров и М.К.Горбатова справедливо отмечают: «Высшее юридическое образование – часть правовой культуры российского общества, состоящая в образовательной деятельности, осуществляемой высшими учебными заведениями» [4, с. 17].

Юрист-практик, обладая развитым профессиональным правосознанием, может и должен стать энергичным носителем правовой культуры, идей демократии и справедливости, успешно участвовать в решении проблем укрепления законности, повышения правовой культуры и правосознания населения.

Согласимся также с мнением Э.Е. Абдрашитова: «При подготовке высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов необходимо также помнить, что мы готовим профессиональных юристов, которые будут обладать необходимым минимумом навыков и умений по работе как с законопослушным населением, так и с преступной средой, применять правовые нормы как средство, инструмент, регулирующий социальную жизнь и защиту прав граждан. Действия сотрудника-юриста даже потенциально не должны вызывать сомнений в их законности, ибо от этого зависит престиж власти и государства в целом» [5, с. 148].

Являясь частью правовой культуры личности, юридическое образование выполняет особую, пожалуй, основную, функцию по формированию профессионального правосознания студентов юридических институтов, а в последующем, в ходе реализации их профессиональных компетенций – играет особую роль в повышении уровня правосознания и правовой культуры общества в целом.

Рассмотрев вопрос о роли правового воспитания в формировании и повышении уровня правовой культуры сотрудников правоохранительных органов и всего общества в целом, мы пришли к выводу о том, что в отечественной правовой науке отсутствует единообразное понимание категории «правовое воспитание».

Считаем, что в настоящее время правовому воспитанию и юридическому образованию должны быть отведены главенствующее место и основополагающая роль в процессе формирования правовой культуры сотрудников правоохранительных органов. Наиболее распространёнными формами правового воспитания в научном и практическом плане являются следующие: правовое информирование, правовое обучение, правовое образование, оказание бесплатной юридической

помощи, правовая пропаганда, участие в общественном обсуждении законопроектов, самовоспитание. Эти формы правового воспитания в полной мере нашли свое отражение в образовательных учреждениях, осуществляющих подготовку юридических кадров.

Таким образом, в формировании профессионального правосознания, повышении уровня правовой культуры представителей правозащитных структур, как и всего общества через правотворческую, правоинтерпретационную и правоприменительную деятельность специалистов-юристов, особую роль играет высшее юридическое образование, которое является не только формой передачи необходимых профессиональных знаний и навыков, но и трансляцией передовых научных достижений, правового опыта, правовых ценностей и идеалов.

В связи с вышеотмеченным, предлагаем следующие средства и формы совершенствования современного юридического образования, которые, в конечном итоге, окажут существенную роль по преодолению негативных явлений в деформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительной системы:

- улучшение качества юридического образования за счет сокращения выпуска юристов непрофильными вузами, а также за счет сохранения специалитета как первого уровня высшего юридического образования;

- более активное и целесообразное внедрение современных информационных технологий в образовательный процесс;

- усиление интеграции юридического образования и практики (путем: обязательности для государственных правоохранительных органов предоставления мест практики студентам специализированных государственных вузов в пределах контингента, обучающегося за счет средств государственного бюджета; совершенствования системы практик за счет возможности использования скользящих графиков, заключения долгосрочных договоров с ведомствами, испытывающими трудности с кадрами).

Источники и литература

1. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

2. Пиголкин, А.С. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. / А.С. Пиголкин. – М.: Городец, 2003. – 258 с.

3. Пересадына, О.В. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Феде-

рации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В.Пересадына. – Екатеринбург, 2017. – 37 с.

4. *Петров, А.В., Горбатова, М.К.* Основные тенденции развития высшего юридического образования в современной России: Монография / А.В. Петров, М.К. Горбатова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. – 77 с.

5. *Абрашитов, Э.Е.* Правосознание современного сотрудника милиции / Э.Е. Абрашитов // Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 146–152.

6. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Е.В. Дроботушенко*

DOI: 10.25839/k1417-7370-7643-w

Православная церковь и общество в Читинской области в послевоенный период советской истории

В статье, на основе архивных источников, характеризуются особенности взаимодействия православной церкви и общества в Читинской области в послевоенный период советской истории, анализируется степень влияния православия на социум. В основу исследования легли некоторые документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Государственного Архива Республики Бурятия (ГАРБ), в которых находят отражение религиозные процессы в регионе. Автор отмечает, что, несмотря на яркую антирелигиозную, атеистически направленную политику советской государственности, православие оказывало определенное влияние на процессы в регионе.

Ключевые слова: православная церковь, общество, религиозны процессы, верующие, Забайкалье, Читинская область.

Orthodox church and society in the Chita region in the post-war period of soviet history

The article, based on archival sources, describes the features of interaction between the Orthodox Church and society in the Chita region in the post-war period of Soviet history, analyzes the degree of influence of Orthodoxy on society. The research is based on some documents of the State archive of the Russian Federation (SA RF) and the State Archive of the Republic of Buryatia (SARB), which reflect religious processes in the region. The author notes that, despite the bright anti-religious, atheistic policy of the Soviet state, Orthodoxy had a certain influence on the processes in the region.

Keywords: Orthodox Church, society, religious processes, believers, Transbaikalia, Chita region.

* **Дроботушенко Евгений Викторович**, канд. истор. н., доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия).

Drobotushenko Evgeniy Viktorovich, Cand. history. Sci., Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia).

Взаимодействие любой религии и общества, в целом, и православие здесь не является исключением – это важнейший маркер измерения социальных процессов в государстве. Для понимания динамики социального развития существенным является выявление особенностей названного взаимодействия на разных исторических этапах. Наименее изученным, в разрезе сказанного, для территориально большого региона – Забайкалья, является послевоенный советский период его истории.

К сожалению, на сегодняшний день, история религий на названной территории, в рассматриваемое время, не стала предметом серьезного научного анализа. Отдельные публикации по проблематике имеются, но, во-первых, их мало, а во-вторых, они только отчасти затрагивают религиозное развитие Забайкалья в советское послевоенное время [15 и др.].

Целью настоящего исследования является характеристика особенностей взаимодействия православной церкви и общества в Читинской области в послевоенный советский период, а также попытка определения степени влияния православной церкви на общество.

Измерение уровня взаимосвязи православной церкви и общества в советский период, причем, не только в послевоенный, возможно по двум критериям. Первый – это количественные показатели, которые приводятся в источниках относительно официально существовавших, зарегистрированных государством религиозных объединений и священнослужителей. Документы, в некоторых случаях, дают информацию об объемах поступавших средств от населения за исполнения обрядовой стороны, о количестве прихожан и количестве обрядов. Это позволяет в определенной степени, сделать попытку оценки значимости православия для общества.

Вторая составляющая – отношение к православию в обществе в районах, где не было зарегистрированных религиозных объединений, священнослужителей и действующих культовых построек. К сожалению, на сегодня, данный критерий остается только в области научного предположения, поскольку, по нему количественных данных нет.

Как и для иных регионов СССР и РСФСР, показательным для измерения степени значимости православия для общества в Забайкалье, стали годы второй половины пятого десятилетия XX в. Это предопределено изменениям отношения советской власти к религии в целом и к православию, главным образом. На практике данное изменение заключалось в разрешении, в некоторых случаях, на регистрацию религиозных объединений и открытие культовых построек для служб. Начало данному процессу по всей стране было положено встречей И.В. Сталина с высшими иерархами Русской Православной Церкви.

Читинская область оказалась в русле общих тенденций, причем, архивные источники показывают нам отношение к происходившему со стороны общества, во-первых, и к православию в целом, во-вторых.

Практически сразу после появления возможности регистрации религиозных объединений и открытия храмов для служб, в Читинской области, как в иных регионах начались массовые ходатайства верующих по поводу данного вопроса, а также по проблеме открытия для служб культовых построек. Однако, по сравнению с иными территориями страны, данный процесс несколько сдвинулся и начался в 1945 г., когда в созданный в 1943 г. Совет по делам Русской Православной Церкви поступило три ходатайства верующих об открытии церковью в г. Сретенск, селении Нижняя Хила Шилкинского района, а также в поселении Курия Усть-Карского района Читинской области [3, л. 2].

Все три названных ходатайства были удовлетворены. Для Читинской области это отнюдь не показательно. В дальнейшем абсолютно все прошения верующих будут отклоняться. Можно сделать предположение, что положительные решения по первым трем ходатайствам предопределено тем, что они попали в своеобразную «первую волну» прошений и власти, в достаточно большом количестве, давая разрешение на открытие храмов по всей стране в первые годы, дали согласие во всех трех случаях.

Собственно открытием названных храмов они и ограничились на весь послевоенный период. Отметим, что в отдельных архивных документах говорится о 4 церквях по Читинской области на 1947 г. Эти данные не находят подтверждения. Можно сделать предположение, что это было ошибкой, так как в самом документе, а это письмо Заместителя заведующего отделом Совета по делам Русской Православной Церкви на имя уполномоченного Совета по Читинской области товарища Редкозубова, критиковался отчет последнего, в котором он «умудрился» написать о 170 церквях в регионе [3, л. 1]. В то же время, предположим, что уполномоченный мог писать обо всех сохранившихся зданиях православных церквей, а не о действующих. Данный вопрос, очевидно, требует своего уточнения.

Количество открытых для служб в Забайкалье культовых построек православной церкви не является единственным измерителем религиозности православного сообщества, тем более, из трех открытых храмов на территории Читинской области относительно скоро два закроют. В Совет по делам Русской Православной Церкви ходатайства об открытии новых храмов поступали в значительном количестве и в последующие годы. Так, в 1947 г. поступило прошение об открытии, как минимум четырех

церквей в Читинской области, в г. Петровский Завод и в селах Акша, Старая Кука, Адриановка. По иной информации их было больше. Поступило четыре ходатайства об открытии храмов в поселках для спецпереселенцев. Продолжили поступать ходатайства и в дальнейшем. В 1949 г. появились прошение об открытии церквей в г. Балей, а также на станциях Ксеньевская и Оловянная [3, л.л. 3, 9, 12, 14; 5, л. 10].

Документы говорят о том, что ситуация с ходатайствами верующих изменится в Читинской области к началу 1950-х гг., когда прошения вообще перестанут поступать или станут единичными. В наблюдательном деле по Читинской области за 1950 г. отмечалось, что подъема религиозности в регионе нет [5, л. 2]. Здесь, однако, следует сказать, что уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви в Читинской области мог несколько приукрашивать ситуацию, чтобы избежать потенциально возможного наказания за трансформацию религиозной ситуации в худшую сторону.

С другой стороны, к тому времени стало очевидным, что своеобразный «рынок» по регистрации религиозных объединений и открытию храмов сошел на нет. Более того, церкви вновь стали закрываться. Соответственно сообщества верующих также понимали тщетность попыток ходатайств.

Ситуация с институализированным (официально закрепленным государством) православием в регионе в последующие годы останется без серьезных, качественных изменений. Вплоть до периода перестройки каких-либо изменений (в) не было. На территории Читинской области, десятилетия после закрытия церквей в г. Сретенск и с. Нижняя Хила, действовал только один храм – Свято-Воскресенская церковь в Чите, в помещении бывшего католического костела во имя Святых Петра и Павла [13, л. 162].

Одним из критериев религиозности общества является участие его представителей в обрядовой стороне того или иного вероучения. Отметим, что, согласно отчетам, обрядов, в рамках единственного зарегистрированного православного прихода на территории Читинской области, на наш взгляд, проводилось относительно много. Даже, по прошествии нескольких десятилетий в атеистической пропаганде, к примеру, в начале 1980-х гг. проводилось в год до 500 крещений, а отпеваний, при не слишком большом количестве очных, было до полутора тысяч заочно [13, л. 162]. Здесь, однако, отметим, что цифры не были одинаковыми во все годы. В середине 1970-х гг. по читинскому приходу, к примеру, крещений было около 300, а в начале десятилетия всего 85 [4, л. 52; 9, л. 132]. Чем объяснить подобные колебания, на сегодня, сказать сложно.

Иным показателем отношения к православной церкви со стороны населения можно считать объемы финансовых средств, тратящихся им на церковь. Доходы прихода состояли из нескольких статей: за проведение обрядов; от продажи предметов культа; пожертвования верующих. Совокупный доход читинского зарегистрированного религиозного объединения в начале 1970-х гг. составлял около 60 000 руб. в год, а в конце десятилетия почти 100 000 руб., что являлось не малой суммой [4, л. 53; 11, л. 167].

Еще один важный показатель, отражающий религиозность общества – количество жалоб на деятельность властей по притеснению религиозных сообществ. В отчетных документах Совета по делам Русской Православной Церкви можно встретить множество таких жалоб. Были они и по Читинской области, однако, главным образом, в первые годы, когда стали возможным открытие храмов и регистрация религиозных объединений. Верующие жаловались на отказы в удовлетворении их ходатайств. В дальнейшем появились жалобы на неправильное налогообложение священнослужителей и др. Однако количество жалоб, в целом, уменьшилось. В 1949 г. их было всего 6. В дальнейшем количество жалоб сошло на нет. Так, в конце 1970-х гг. их не было вовсе [5, л. 3; 10, л. 42].

Интересно, в свете рассматриваемой проблематики, и отношение верующих к священнослужителям, их позиция в приходской жизни. Так в самом начале 1950-х гг. прихожане читинской церкви участвовали в церковной жизни очень активно, правда, с несколько негативным окрасом. Сначала они разделились на два лагеря, выступавших на стороне разных священнослужителей, затем часть вообще ушла из прихода. Такую же картинку можно было наблюдать в сретенской церкви [5, л. 3].

Верующие периодически выступали с просьбами о проведении богослужений в населенных пунктах Читинской области, там, где не было действующих храмов. Иногда, правда, не совсем законно, такие службы проводились [5, л. 3]. С одной стороны названные просьбы говорят о религиозности общества, с другой, сами проводившиеся службы ее повышают.

Религиозная активность населения зависела от деятельности священнослужителей. В одном из дел, относящихся к 1950-у г. читаем о том, что в Чите резко снизилась религиозная активность общества. Количество прихожан читинской церкви сократилось с 300–400 до 100–200. Причина была в действиях священников, они пьянствовали, позволяли грубости во время служб [5, л. 18].

Согласно отчетной документации религиозность общества в Читинской области постепенно сокращалась, уменьшалось посещение церквей, причем даже на двенадцатые праздники [6, л.л. 20–25].

Остановимся еще на одном критерии, говорящем о религиозности общества – это наличие святых, особо почитаемых верующими мест и паломничество к ним. На территории Читинской области таковых не было, в отличие, к примеру, от буддистского вероучения, верующие которого особо почитали одну из трех основных священных вершин ламаизма – Алхана (Алханай) на территории Бурят-Монгольского (Бурятского) автономного округа Читинской области [1, л. 8; 12, л. 8].

Вернее же будет сказать, что святыми местами для православных на территории Читинской области были – озеро Иргень, место расположения бывшего Чикойского Иоанно-Предтеченского монастыря, и т.д., однако антирелигиозная деятельность власти, а затем активная атеистическая работа привели к тому, что на советском этапе, они были практически забыты и возродились в людской памяти только с возвратом свободы вероисповедания на рубеже 1980–1990-х гг.

К сожалению, имеющиеся в архивах отчетные документы по религиозной ситуации в Читинской области в разные годы рассматриваемого периода не приводят данных по деятельности незарегистрированных религиозных сообществ [7, л. 165; 8, л. 114; 9, л. 130; 14, л. 209 и др.]. Данная страница, на сегодня, остается чистой в истории православной церкви в Читинской области.

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на серьезные антирелигиозные действия властей, православная церковь получила в Читинской области в послевоенное советское время определенное развитие. Оно было несколько меньше, чем в значительной части иных субъектов РСФСР, но схожим с таковым в соседней Бурят-Монгольской (Бурятской) Автономной Советской Социалистической Республике и более значимым, чем, к примеру, в Якутской АССР.

Основную часть рассматриваемого периода на территории Читинской области действовало одно зарегистрированное религиозное объединение православной церкви и одна постройка культового назначения. При этом действовали они в административном центре региона. Отчетная документация показывает, что институализированное религиозное сообщество, несмотря на постоянную атеистическую работу органов власти, существовало и действовало относи-

тельно активно. Несмотря на отсутствие четко зафиксированных данных по количественному и качественному составу незарегистрированных православных религиозных общин, можно предположить, что располагались они по всей Читинской области. При отсутствии культовых построек и священнослужителей, православие находило свое выражение на бытовом уровне.

Из сказанного следует вывод, что православная церковь и общество в Читинской области в послевоенный советский период взаимодействовали, главным образом, на уровне зарегистрированных приходов, однако общество в целом не отошло от религии и там, где таковых не было. Это станет видно в период смены социально-политической парадигмы перестроечного периода, когда в кратчайший срок по всему региону появилось множество зарегистрированных религиозных объединений православной церкви. Это позволяет сделать вывод о реальности реализации конституционной нормы о свободе совести, свободе вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [16, ст. 28].

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р18-57. Оп. 1. Д. 35.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Т. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 213.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 306.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 526.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 602.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 99.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 389.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 884.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1548.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1726.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991, Оп. 6. Д. 1876.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2212.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3346.
15. Митыпова, Г. С. История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII-XXI вв.): дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / Г.С. Митыпова. – Улан-Удэ, 2006. – 390 с.
16. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

Взаимовлияние информационного общества и правосознания личности**

В статье с позиции современных подходов к правопониманию рассматриваются некоторые значимые аспекты воздействия инфокоммуникационных технологий на образование, правосознание и правовую культуру обучающихся в России. Анализируются различные подходы и взгляды ученых на место и роль современных средств массовой информации на сознание и поведение населения. Практическое значение и применение результатов сравнительно-правовых исследований видится в деформации правосознания молодежи и в необходимом его коррекции. Обсуждается позиция том, что каждый человек, обладая определенным изначальным уровнем психики и сознания, выбирает и формирует для себя мировоззренческую основу поведения в реальной жизни.

Ключевые слова: информация, информационное общество, нетократия, нравственность, правосознание личности.

The interaction of the information society and the human rights

The article considers some significant aspects of the impact of infocommunication technologies on education, legal awareness and the legal culture of students in Russia from the perspective of modern approaches to legal understanding. Various approaches and views of scientists on the place and role of modern media on the consciousness and behavior of the population are analyzed.

The practical significance and application of the results of comparative legal research is also seen in the study of the deformation of the legal consciousness of youth and in its necessary correction. The position is discussed that each person, having a certain initial level of psyche and consciousness, chooses and forms for himself the ideological basis of behavior in real life.

Keywords: information, information society, netocracy, morality, personality justice.

Извечным вопросом философов и юристов было обсуждение взаимоотношения государства и гражданского общества. Если обратиться к Гегелю, то он был уверен в том, что гражданское общество необходимо было контролировать государством, особенно политически, считая не без оснований приоритет государства над гражданским обществом, но разделяя их между собой по ряду признаков. Хотя были и другие точки зрения в плане того, что главенствующим элементом является гражданское общество, а государство осуществляет охрану и защиту общественных

* Дроздова Александра Михайловна, д.ю.н., профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Россия).

Drozdova Alexandra Mikhailovna, Doctor of Law, Professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант №20-011-00344 А).

отношений этого гражданского общества. В настоящий период времени дискуссии на эту тему не утихают, чему свидетельствует проводимая конференция и соответствующий интерес к ней.

Современное российское общество постоянно претерпевает перестроечные явления, модернизацию, цифровизацию и переустройство в ряде значимых сфер общественной жизни. К сожалению, несколько забываются в этой погоне за новыми, порой чуждыми нам веками, отечественные культурные и правовые ценности. Мы забываем про научные исследования нравственных начал российского законодательства, мы увлечены созданием огромного количества нормативных правовых актов, пытаемся возвести нравственные нормы в юридические, слабо исследуем и формируем правовое сознание нации и правовую культуру российских граждан.

Нельзя не согласиться с мнением Коваленко К. Е., которая указывает на то, что именно «Правосознание оказывает серьезное мотивационное воздействие на поведение людей. Оно содержится в общественном мнении и влияет на общественные отношения так же, как и нравственные нормы. Тесное взаимодействие и взаимопроникновение нравственности и права обуславливают особое значение воспитания правосознания и правовой культуры как важного фактора дальнейшего укрепления законности и правопорядка в обществе» [1].

Ради справедливости следует заметить, что коллектив кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института СКФУ пытается некоторым образом исследовать уровень правосознания обучающихся на всех курсах бакалавриата и магистратуры, провести сравнительный анализ уровня правосознания и правовой культуры в различных вузах Северо-Кавказского федерального округа. Коллективом разработаны опросники и методики исследования, проведено два научных семинара по указанной тематике с теоретическим исследованием. Общаются и анализируются полученные результаты анкетирования и интервьюирования обучающихся первого и второго курсов юридического института СКФУ. Запланированы конференции, круглые столы, дальнейшие теоретические и практические исследования на территории СКФО по проблемам формирования правосознания и правовой культуры обучающихся юридических вузов.

Возникает вопрос, а что сподвигло наш коллектив на данные исследования? Ответ ясен и прост. На очередном этапе приобщения к цивилизованному Западу (присоединение России в 2003 г. к странам, подписавшим Болонскую Декларацию), от нашей страны потребовалась реформа образовательной системы в целом и высшего образования особенно.

Уже заметно, что в ходе очередной модернизации образования, одного из лучших в мире на тот период времени, произошла некоторая замена требований по качеству и содержанию знаний, четко прослеживается значительное дробление учебных курсов из числа мировоззренческих, общетеоретических и отраслевых учебных дисциплин. Не в пользу творческого мышления и ЕГЭ, тестовые формы контроля, уменьшение объема аудиторных занятий и замена их самостоятельной подготовкой учебного материала. Комплексной характеристикой готовности выпускника применять знания становится компетенция, а чтобы знания уметь применить, их надо вначале вложить в этого обучающегося, его надо научить...

Еще одной тревожной проблемой стало то, что образование становится услугой и приобретает признаки капитализации. Мы уже не формируем истинного правосознания личности студента, не готовим творческую личность, называя его обучающимся, а реализуем установку на подготовку студента к участию в рыночных отношениях, к занятию бизнесом, умению быстро и много зарабатывать. Главным становится финансовая грамотность специалиста – профессионала. Через некоторое время мы сможем определить, выполнены ли поставленные перед исследовательским коллективом задачи и будет ли достигнута цель на разработку мероприятий по совершенствованию правосознания обучающихся в юридическом вузе и методиках противодействия деформации российского национального правосознания студентов и молодежи.

Очередной проблемой, которая нацелила нас на данное исследование, явилась цифровизация современного российского общества и образовательной сферы особенно. Сегодня на нас со всех сторон наступают инфокоммуникационные системы, которые делают нашу жизнь иной и требования общества к каждому человеку также изменяются быстро и кардинально. Объективно информатизация определенных сфер деятельности приносит огромные выгоды самим производителям и тем, кто может грамотно пользоваться информационными продуктами. Однако, вместе с тем, в случае отсутствия защиты информации, защиты от негативной информации, при массовом распространении вредоносных сведений и программ, испытывает опасность само общество и особенно сознание человеческой личности. Нравственность, правосознание и правовая культура как национальные ценности приобретают особую значимость, потому как от всего массива информационных технологий и продуктов человеческий мозг, сознание испытывают непосильные нагрузки. Разбираться и ориентироваться в информационной массе может зрелый, с высоким уровнем правового сознания человек, образованный, профессионально подготовленный и ориентирующийся в современном мире ИКТ.

Встает вопрос: как в системе вуза, при его коммерциализации, воспитать правосознательного специалиста с учетом того, что воспитывать-то его уже возможно и поздно, а перевоспитывать еще сложнее, т.к. при поступлении на первый курс обучения личность обучающегося уже сформирована в основном и продолжает формироваться под воздействием семьи, окружения и нового коллектива одногруппников.

Глубоко настораживает рождение новой социальной группы людей, которые сегодня называют себя нетократами и которую государство пытается ограничить и контролировать, но безуспешно. «У пользователей информационных сетей, проводящих значительную часть времени в виртуальном пространстве, возникают новые интересы, мотивы, цели и установки, а также формы сетевой социально коммуникационной активности» [2].

Сегодняшняя ситуация с трудоустройством и рабочими местами вынуждает и работодателей и потенциальных сотрудников к таким мобильным и удаленным формам работы как фрилансер, когда сотрудник не устроен на работу на предприятие официально, но фирма в нем крайне заинтересована, соглашается на удаленную форму сотрудничества еще и по причине того, что не надо обустроить, аттестовывать и т.д. рабочее место специалиста, а пользуется необходимой услугой и оплачивает эту услугу также удаленно. Более того, фрилансер, решая свои собственные проблемы, одновременно экономит ресурсы работодателя на организацию реального рабочего места.

Понятно, что современные нетократы создают свои корпорации для активных разработок в области информационного воздействия на аудиторию, порой и с целью контроля, только с целью привлечения новых участников для создания и расширения рынка продаж высокотехнологических и интеллектуальных продуктов. Что привлекает молодых людей в данном виде сотрудничества: мобильность, готовность к переезду, смена работодателя, изменение рода деятельности, возможность иметь несколько работодателей, создание своего имиджа, возможность стать квалифицированным, профессиональным, высококлассным специалистом в определенной сфере, свободный график трудовой деятельности и т.д.

Становится ясным и то, что взаимоотношение нетократов с государственной чиновничьей властью осложняются, т.к. государство не позволяет нетократу часто и постоянно менять место работы, сделав себе имя; а нетократ, в свою очередь, уже не хочет работать на государство, а хочет работать на себя; государство ограничивает свободу не только перемещения нетократа-фрилансера, но и ограничивает свободу его творчества, принятия быстрых решений, перемены вида деятельности, ограничивая его нормами трудового договора и иными обязатель-

ствами, зависимостями, препятствиями в творческой деятельности, и интересы личности и государства расходятся, что крайне печально. Информационное общество не объединяет нас, а разъединяет, индивидуализирует личность, которая формирует свое национальное правосознание под воздействием получаемой информации, под воздействием правил и норм, созданных такими же фрилансерами, притом, что все мы сегодня вынужденно занимаемся цифровизацией, информатизацией и даже готовимся сотрудничать с искусственным интеллектом.

Нас тревожит то обстоятельство, что обучающиеся в вузе студенты уже работают, становясь на путь фрилансеров, они выполняют конкретные работы для конкретных государственных институтов по договорам подряда, однако выполняют эту работу не только ради средств для существования, а и для удовлетворения собственного Я, создания собственного имени, создания конкретных продуктов и решений, во имя исполнения договоренностей и контрактов, но никак не во имя служения своему государству, не во имя его процветания и независимости, а также защиты его от внешних угроз.

Может быть, мы уже опоздали с проблемами исследования правосознания обучающихся, возможно уже поздно ставить, предложенный И.А. Ильиным, эксперимент по определению уровня правосознания личности? Настораживает то, что в обществе сами по себе неуправляемо протекают различные процессы, порой они проходят мимо преподавателей и обучающихся, а порой они оказывают воздействие и на тех и на других, но или незаметно, или принудительно, опасно и в том и в другом варианте. Приходится только сожалеть, что вуз не становится центром современной и полезной информации, центром добра и взаимопомощи, центром знаний, культуры, формирования сознания личности, а превращается в фабрику стандартов и компетенций, малопривлекательной продукции, невостребованных определенной частью населения услуг, экономически доходных сфер деятельности. Мы порой точно не знаем, чему хочет обучаться, поступающий в вуз абитуриент.

По мнению автора, важным этапом формирования профессионального правосознания выпускника юридического вуза является период семейного воспитания личности с момента рождения и до поступления его в учебное заведение, хотя и после поступления влияние семьи продолжается. Важно, какую нравственную личность мы все смогли воспитать, и, как в свое время указывал Д.К. Ушинский: «Нравственность не есть необходимое последствие учености и умственного развития, мы еще убеждены в том, что воспитание нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важ-

ную, чем развитие ума вообще, наполнение головы знаниями...» [3, с. 437], а также важно какими знаниями будут наполняться головы наших обучающихся, понимая при этом под нравственностью совокупность сознания личности, совокупность привычек и умений соблюдать правила, нормы и требования, выдвигаемые по отношению к индивиду в обществе, привычку к неуклонному правомерному поведению.

Понятно, что, осуществляя нравственное воспитание, мы формируем нравственное сознание индивида, воспитывая необходимые привычки по отношению к своим обязанностям и общественному долгу, как бы нас не уверяли в противном современные идеологи нетократизма, для которых не важны такие аспекты, как: формирование у личности качеств, определяющих отношение к государству, осознание гражданской политики самого индивида, отношение к Родине и Отечеству, воспитание в себе моральных качеств, таких как: принципиальность, честность, гуманность, коллективизм, взаимоуважение, готовность помочь слабому; формирование у каждого осознания общественного долга и конечно же чувства собственного достоинства. В детском и подростковом возрасте тем более важен моральный образец, становление нравственных оценок и мотивов поведения. Начиная формировать нравственную личность в детском возрасте в благополучной семье, где можно усмотреть моральный образец, становление нравственных оценок и мотивов поведения со стороны родных и близких, мы можем надеяться на воспитание патриотизма и гражданственности каждой личности в подростковом и взрослом возрасте.

Если мы создали и преподаем великолепные программы, даем качественные знания по ряду общественно значимых дисциплин, мы не сможем воспитать патриотов своего государства, не развивая в них нравственные чувства, такие, например, как совесть. «Совесть есть состояние нравственной очевидности» – писал И. Ильин. «В тот миг, когда акт совести составляет человек целен, един, непосредствен. Он не размышляет над ним, он не колеблется – поступает и действует. Это не есть навязанный ему поступок, предписанный чужою силою. Это его собственный поступок, он не может иначе поступить. Он и не должен и не смеет действовать иначе» [4, с. 293]. Хотелось бы верить в то, что еще возможно у наших детей и подростков воспитать такие нравственные чувства, что позволят сформировать уровень гражданственности. Можно даже не разрабатывать бизнес-планы и какие-то невероятные программы, надо элементарно воспользоваться имеющимся еще пока в наличии педагогическим наследием, сердцем, нежностью и любовью к детям, чтобы получить ожидаемый результат,

чтобы гордиться своим ребенком, своим воспитанником, гражданином своей страны, а затем страна своим гражданином. Хотелось бы слышать: «Здравствуйте» при входе в лифт; «Доброе утро» при входе в любое помещение; пожилым: «Садитесь, пожалуйста» в транспорте; хотелось, чтобы этому всему дети были научены уже родителями в семье.

В завершение всему отметим, что «Государственное и политическое обновление может прийти только из глубины правосознания и человеческого сердца. Ибо только оно сумеет найти новые основы для всенародного единения, и новые государственные цели, и новые формы политического устройства» [4, с. 294].

В вопросах взаимодействия с информационным обществом и появлением в управлении государством нетократов, нельзя не заметить, что традиционные, привычные нам средства массовой информации теряют заметно роль важного источника информации, что в свою очередь указывает на утрату самой возможности сколь серьезно оказывать воздействие на общественное мнение, тем более формировать мировоззрение и правовую культуру человека. Понятно сегодня большинству граждан, что все эти явления связаны с появлением, развитием и внедрением в социум Интернета, иных электронных составляющих информационной структуры современного общества, а также доступности с помощью родителей этих средств даже для малолетних детей [5]. Сегодня средства массовой информации представлены как поставщик сигнала – провайдер и поставщик информационного, смыслового содержательного сигнала – создатель контента, что как раз и влияет на сознание личности, с учетом того, что возможен мгновенный доступ к любому контенту: сегодня знакомятся, лечатся, учатся и даже рожают по интернету. Страшно то, что сам человек, обладая определенным изначальным уровнем психики и сознания, выбирает и *формирует для себя мировоззренческую основу* поведения в реальной жизни.

Источники и литература:

1. Коваленко, К. Е. Роль нравственности в правосознании / К. Е. Коваленко // Юридические науки. – 2014. – № 27-1 // Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/2629> (дата обращения 14.03.2020).
2. Глазунова С.А. Нетократия: власть в информационном обществе // Власть. – 2012. – № 7 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/netokratiya-vlast-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 16.03.2020).
3. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11 т. – М.: Изд-во АПН СССР, 1950. – Т. 8. – 567 с.
4. Ильин, И. А. Путь к очевидности. Сочинения / И. А. Ильин. – М., 1998. – 912 с.

5. См.: Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.

А.С. Калинина*
DOI: 10.25839/06933-2811-5916-0

Особенности взаимодействия православных верующих и советского государства в административной сфере в 1929–1939 гг. (на примере Белорусской ССР)

Статья посвящена проблеме административного давления Советского государства на церковно-приходскую жизнь православных верующих БССР, заключавшегося в применении властями целого комплекса мер, препятствующих естественному функционированию приходских церквей, и ответной реакции православного населения БССР на него.

Ключевые слова: православная церковь, церковно-приходская жизнь, антирелигиозная политика советской власти, изъятие церквей, форсированная коллективизация 1929–1930 гг., массовые репрессии 1937–1938 гг.

Peculiarities of the interaction of orthodox believers and the soviet state in the administrative sphere in 1929–1939 (on the example of the Belarusian SSR)

The article is devoted to the problem of the administrative pressure of the Soviet state on the parish life of Orthodox believers in the BSSR, when the authorities used a whole range of measures to impede the normal functioning of the parish churches, and the response of the Orthodox population of the BSSR to it.

Keywords: Orthodox Church, parish life, antireligious Soviet policy, confiscation of churches, forced collectivization of 1929–1930, mass repressions of 1937–1938.

История православной церкви в БССР в 1930-е годы представляет собой один из самых противоречивых и сложных для научно-исторического анализа и реконструкции периодов: конфронтация в церковно-государственных отношениях, столкновение религиозного и атеистического мировоззрений достигают точки наивысшей напряженности как раз в 1929–1939 гг. Причиной этому послужил переход к форсированному «строительству социализма в одной отдельно взятой стране», осуществившийся на рубеже 1920–1930-х гг. Непременным условием новой политической стратегии развития советского государства, по словам автора стратегии И.В. Сталина, должно было стать «обострение классовой борьбы» в обществе.

* Калинина Анна Сергеевна, к. и. н., доцент, Институт теологии БГУ (г. Минск, Беларусь).

Kalinina Anna Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Theology, Belarusian State University (Minsk, Belarus).

В рамках данной концепции высшее партийное руководство предпочло рассматривать религиозные организации как своего непримиримого идеологического противника и классового врага, который препятствует строительству социалистического общества, что предполагало неизбежное ужесточение политики советского государства в области религии. При этом одним из направлений антирелигиозной политики советского государства в 1930-е гг. являлось административное давление на религиозные общества и служителей культов. Цель данной статьи – наряду с выявлением характера и содержания методов государственного администрирования в религиозной сфере определить степень и формы ответной реакции православного населения на административное воздействие органов власти в БССР.

Законодательно новый курс был оформлен посредством принятия 8 апреля 1929 г. постановления Президиума ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях [41, с. 250–261], определившего правовое положение религиозных организаций в советском государстве на десятилетия вперед. Анализ положений документа показывает, что данное постановление жестко ограничивало все стороны жизни религиозных объединений, исключая непосредственное отправление богослужения в пределах молитвенного здания, и, будучи сильно перегруженным вопросами регистрации религиозного общества, условий передачи и ликвидации молитвенного здания (данным темам посвящено более половины всех параграфов постановления), способствовало применению мер административного характера при проведении религиозной политики. При этом, порядок регистрации религиозного объединения с последующей передачей ему храма по договору и найма священнослужителя подробным образом регламентирован не был и требовал дальнейшего уточнения. На основании нескольких внутренних подзаконных актов, изданных в БССР в 1930 г., складывается определенная практика, регулирующая возникновение новых религиозных объединений. Необходимо осветить основные моменты данной процедуры, чтобы представить, с какими административными «препонами» сталкивались рядовые верующие уже на первых стадиях реализации религиозного законодательства – регистрации общины.

Итак, прежде всего, верующие обязаны были составить список членов религиозного общества по следующей форме: 1) фамилия, имя, отчество; 2) возраст; 3) адрес местожительства; 4) социальное положение; 5) общественное и служебное положение за время до 1914 г.; 6) принадлежность к тому или иному сословию до революции; 7) имущественное положение; 8) время присоединения к данному ре-

лигиозному культу. Данный список должны были подписать все члены общества, а подписи заверить в сельсовете (если община регистрировалась в сельской местности). Кроме того, верующим следовало написать заявление с указанием храма, который они хотели получить, и оплатить так называемый гербовый сбор (2 руб.). Список и заявление подавались в административный отдел районного исполнительного комитета (далее – РИК), который предоставлял верующим право созыва (с ведома сельсовета в сельской местности) общего собрания для избрания исполнительного органа религиозного общества – церковно-приходского совета. После этого административный отдел РИКа заключал договор с членами совета о передаче по описи церкви со всем имуществом церковному совету. При заключении договора церковный совет обязывался предоставить устав религиозного общества в 3-х экземплярах, выработанный членами совета, утвержденный общим собранием верующих и также оплаченный гербовым сбором [2, л.л. 18–18об.].

После регистрации общины верующие должны были оплатить все задолженности по налогам и предоставить соответствующие справки в РИК, и только после этого им разрешалось проводить богослужения. Однако этим подготовительный этап не заканчивался: верующим необходимо было найти священнослужителя для «удовлетворения своих религиозных потребностей».

Если вопрос с кандидатом в приходские священники был решен, в присутствии представителей местной власти проводилось общее собрание верующих, на котором ставился вопрос о принятии данного священника в общину и дальнейшей процедуре регистрации его в местных органах власти, о чем составлялось письменное постановление с подписями всех присутствующих [7, л. 95–96об.]. Вместе с постановлением верующие писали отдельное прошение в РИК о регистрации священника. Помимо этого, они, согласно секретному постановлению НКВД БССР от 1 декабря 1930 г. [2, л. 32], должны были предоставить в регистрирующие органы анкету на данного священнослужителя в 2-х экземплярах, в ответ на которую религиозному объединению выдавалась справка-разрешение на культовую деятельность в данном районе [2, л.л. 32–33]. Кроме того, община направляла приглашительное письмо священнослужителю с обязательством материальной помощи приглашаемому священнику [7, л. 98].

Анализ порядка регистрации религиозного общества с последующей передачей культового здания и регистрацией священнослужителя позволяет выделить две черты, так или иначе препятствовавшие организации и дальнейшему функционированию общины. Во-первых, са-

ма по себе процедура регистрации была громоздкой и «бумажоемкой», трудновыполнимой, особенно в условиях сельской местности. Во-вторых, местные сельсоветы и РИКи имели практически неограниченные властные полномочия в вопросах регистрации религиозного общества и служителя культа и своим вмешательством или бездействием могли тормозить процесс создания нового религиозного объединения практически на любом этапе. При этом вариантов использования методов администрирования было достаточно: от запрета сельсоветом созыва общего собрания верующих для избрания исполнительных органов общины до отказа регистрировать священника в данной местности. Последняя мера особенно распространилась в 1932–1934 гг., причем диапазон причин, по которым священник не мог зарегистрироваться в данном районе, был широк: от якобы чрезмерной занятости начальства в связи с «куборкой хлеба» [38, л. 70] до открытых репрессивных мер – запугиваний священников со стороны органов госбезопасности [32, л. 58об.].

Наиболее показательными в данном вопросе являются следующие письма-жалобы архиереев, священников и верующих в обновленческий Синод и Центральный Исполнительный Комитет (далее – ЦИК) БССР: письмо рабочего из г. Добруша от 8 августа 1931 г. [32, л.л. 58–59], письмо Горвальского церковного совета от 15 июня 1932 г. (Речицкий район) [34, л.л. 13–14], рапорт обновленческого архиепископа Могилевского Сергия Добромыслова от 23 августа 1932 г. о ситуации в епархии [36, л.л. 3–3об.], четыре письма священника Емельяна Лескова из разных мест от 10, 12 сентября и 27 декабря 1932 г., от 9 марта 1933 г. [35, л.л. 18–19, 39–41об.; 37, л.л. 4–5 об.] и письмо протоиерея Сергия Лазурьевского из г. Лепеля от 25 ноября 1933 г. [37, л.л. 81–82 об.].

Из писем следует, что верующие (церковно-приходские советы как исполнительные органы религиозных обществ в первую очередь) пытались законным способом через подачу официальных заявлений в высшие церковные и государственные инстанции противостоять произволу местных органов власти, осознавая, что на низовом уровне происходит явное ущемление свободы совести и вероисповедания. Однако гражданская активность приходских советов в значительной мере ослабляется в тех районах, где в практику входят меры прямого репрессивного воздействия, в том числе в делах, непосредственно не связанных с церковью и религией (чрезмерное налогообложение и раскулачивание верующих крестьян-единоличников, исключение верующих и их семей из колхозов). В таких ситуациях верующие под давлением начинают уклоняться от решения любых церковных вопросов уже на этапе регистрации общины и священнослужителя, «пуска-

ют дело на самотек», вынужденно отказываясь от восстановления естественного течения церковной жизни.

Еще более остро, в сравнении с этапом регистрации общины и священнослужителя, складывалась ситуация с административным изъятием храмов и отношением к этому вопросу верующих. Дело в том, что самой распространенной официальной причиной закрытия церкви являлось «требование большинства населения для использования под культучреждения (на культурные нужды)». Однако при этом ни сама причина, ни порядок закрытия храма по указанной причине в известном постановлении «О религиозных объединениях» не оговаривался: речь в п. 36 идет исключительно о ликвидации молитвенного здания по «мотивированному постановлению» ЦИКа, «если это здание необходимо для государственных и общественных надобностей» [41, с. 255].

Тем не менее, факты свидетельствуют об уже сложившейся на начало 1929 г. повсеместной практике изъятия церковей именно на основании «требования большинства» под «культурные нужды». Советские и партийные работники старались наглядно продемонстрировать факт «отхода населения от религии», особенно в условиях урбанизации, через сокращение количества действующих молитвенных зданий, подчеркивая, что «просвещенный» и «окультуренный» рабочий народ сам отказывается от церковей для организации в них клубов и читален. Поэтому на протяжении 1929 г. в городах БССР (редко в сельской местности) проводились показательные кампании за закрытие церковей, завершавшиеся изъятием храма «под культучреждения».

Установленный общепринятый порядок изъятия церкви в городе проходил в несколько этапов. При этом следует помнить, что кампании по закрытию церковей велись на фоне активной антирелигиозной пропаганды со стороны Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) под лозунгами «борьбы с реакционной деятельностью церковников и сектантов, с мелкобуржуазным влиянием на рабочие массы, против старых традиций и обычаев – за новый культурный быт» [9, л. 63]. Сначала на заводе или фабрике созывались собрания для рабочих отдельных цехов либо проводилось общее собрание, на котором наряду с повесткой дня (например, выборы в горсовет) кем-либо из рабочих поднимался вопрос о закрытии местной городской церкви. Далее открытым голосованием при простом большинстве голосов принимали постановление ходатайствовать перед верховными властями о закрытии церкви. Ходатайство подкреплялось сбором подписей среди рабочих. Протокол собрания, ходатайство и подписи передавались в горсовет, а оттуда в ЦИК, на рассмотрение и утверждение

Церковной комиссии. Постановление ЦИК БССР ставило точку в вопросе изъятия молитвенного здания на законных основаниях.

Следует признать, что подобная практика закрытия церкви ставила под вопрос легальность самого законодательства о культах применительно к защите прав верующих. Здесь показателен пример с изъятием железнодорожной (Казанской) церкви в г. Минске, закрытой в начале 1930 г. Кампания по изъятию храма подробно освещалась в прессе, в частности, в газете «Звезда» [1, с. 3; 17, с. 2]. Данная церковь была построена на добровольные пожертвования железнодорожных служащих в начале XX в., но в конце 1928 – начале 1929 гг. на волне кампании по изъятию церквей на собраниях рабочих-железнодорожников стали поднимать вопрос о передаче Казанской церкви под клуб как построенной за счет «принудительных отчислений» из зарплат рабочих. На одном из таких собраний 25 февраля 1929 г. «за передачу было поднято рук меньше половины присутствующих, а когда спросил Яцкевич (председатель Минского окрисполкома и руководитель собрания), кто против или воздержался, никто не поднял руки, только с мест были слышны возгласы: «Подыми против, завтра вылетишь не только со службы, но еще и хуже». В результате собранием было постановлено церковь передать под культурные нужды» [8, л. 138].

Очевидно, что, постановив закрыть храм для устройства в нем клуба, участники собрания действовали по закону и не выходили за рамки вышеупомянутого п. 36, ведь здание церкви было национализировано и являлось народным достоянием, построенным на деньги рабочих. Однако, это означало, что можно было, не нарушая законодательства, игнорировать мнение 1500 верующих [6, л. 145], посещавших Казанский храм и по договору принявших его на свое полное материальное обеспечение («Наложите еще больше аренду, мы уплотим, я сама половину своего заработка кладу, чтобы только не закрывать», – слова одной из железнодорожных служащих и прихожанки Казанской церкви Софии Петняк) [8, л. 131]. Таким образом, законодательство о культах в вопросах использования и ликвидации молитвенного здания только внешне имело законный характер, по сути же было псевдозаконным, так как создавало условия для нарушения принципа свободы совести и вероисповедания.

Чтобы соблюсти видимость правопорядка, верующим было дано право обжалования в ЦИКе постановлений об изъятии, которым они достаточно активно пользовались. Например, в Витебске за сохранение действующей Покровской церкви за два дня было собрано 2000 подписей (подписи собирались в самой церкви на праздник Благовещения) [3, л. 173об.]. Однако, если при изъятии церкви были соблюдены

все внешние формальности, у Церковной комиссии при ЦИК БССР не было серьезных оснований возвращать храм общине.

За все десятилетие известен только один период – первая половина 1930 г., когда власти практически повсеместно пошли навстречу верующим в вопросе возвращения церквей. Данная уступка со стороны государства была связана с многочисленными выступлениями крестьян в начале 1930 г., зафиксированными не только в БССР, но и во всесоюзном масштабе вследствие массового закрытия церквей на селе в ходе сплошной коллективизации.

Этому процессу предшествовал ряд общесоюзных правительственных акций, в частности, кампания по запрещению колокольного звона, который якобы «противоречил принципу отделения церкви от государства», и снятию колоколов с церквей для получения «сырья ... для нужд народного хозяйства» [12, с. 102] осенью – зимой 1929 г. Помимо этого, 11 февраля 1930 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», согласно которому органам НКВД было дано право требовать исключения из списка руководящих органов религиозных организаций кулаков, лишенцев и других лиц, представлявших для советской власти потенциальную опасность, и отказывать в регистрации тем религиозным объединениям, которые не желали выполнять данное требование [39, с. 194].

Положение верующих еще более осложнялось в связи с усилением темпов коллективизации в начале 1930 г., побудительной причиной которому послужили известная статья И.В. Сталина «Год великого перелома», опубликованная в ноябре 1929 г. в газете «Правда» [43, с. 1], и постановление Центрального Комитета (далее – ЦК) ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г., принятие которого положило официальное начало «политике ликвидации кулачества как класса» [45, с. 85–86].

Все вышеизложенные факты в совокупности вызвали массовый произвол властей на местах в деле изъятия церквей. Форсированные антирелигиозные кампании по закрытию культовых зданий на селе вместе с политикой сплошной коллективизации начинаются в ноябре – декабре 1929 г., о чем свидетельствуют письма священников и верующих из разных районов БССР [26, л.л. 155–156; 27, л.л. 13–14об.; 30, л.л. 72–72об., 83–92об., 119–120об., 122–123об., 125–129], доклады и письма архиереев о состоянии дел в епархиях [28, л.л. 26–27; 29, л. 7об.; 29, л.л. 5, 6–8об., 12–14об.; 31, л. 82], советско-партийные документы (выписки из протоколов об изъятии церквей) [6, л.л. 11, 13, 16–17].

Агитация сельских активистов за закрытие церквей носила более агрессивный характер, чем аналогичные мероприятия в городе, причем допускались очевидные нарушения религиозного законодательства. Изъятия храмов чаще всего проходили следующим образом: без учета мнения верующего населения членами партийного актива на собрании положительно решался вопрос об изъятии местной сельской церкви под склад или клуб. Не дожидаясь официального утверждения вышестоящих исполнительных органов (окрисполкома, ЦИКа БССР, иногда даже РИКа) и оформления соответствующих документов, комсомольцы, члены местной ячейки СВБ либо члены сельсовета направлялись в церковь, выносили оттуда без описи всю церковную утварь и приказывали либо ссыпать туда зерно, либо начинать переоборудование под клуб. К весне 1930 г. ситуация с незаконным изъятием храмов, «раскулачиванием» священников и активных мирян стала критической по причине возникших «массовых недовольств» со стороны верующих [39, с. 194]. Вследствие этого для успокоения населения в газете «Правда» 2 марта 1930 г. публикуется статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», где он резко критикует «революционеров», которые «дело организации артели начинают со снятия с церковей колоколов» [44, с. 1] Затем появляется постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 14 марта того же года. Несколько позже, в июле 1930 г., выходит секретная инструкция к постановлению от 8 апреля 1929 г., резко осуждавшая разного рода нарушения революционной законности, препятствующие «служителям культов отправлению культов» [41, с. 282].

Что касается православных верующих БССР, то здесь с января по май 1930 г. было зафиксировано не менее 52 выступлений с требованием открыть церковь или не допустить ее закрытия: 15 на территории нынешней Гомельской области, 6 – Могилевской, 31 – Витебской, однако примечательно, что основное число выступлений – 46 из 52 – приходится как раз на время после опубликования вышеупомянутых постановлений. По самым общим подсчетам, всего по БССР в защиту церквей и священников выступили не менее 6680–6880 человек из 17 районов [11, с. 173].

Как фиксировали в спецсводках сами работники ОГПУ, «в беседах с целым рядом руководителей церковно-приходских советов выяснилось, что причиной движения за открытие церквей явились целый ряд статей советского правительства в центральной прессе о том, что религия не должна преследоваться и крестьяне, в том числе и колхозники, по своему усмотрению могут содержать священников и молиться в церквях» [4, л. 75]. Верующие зачастую негодовали не против самого факта закрытия

церкви, а против тех нарушений, которыми оно сопровождалось; особенно возмущало народ принятие постановлений об изъятии сельскими активистами без согласия верующих [5, л. 346] и надругательство над православными святынями непосредственно при закрытии церкви [10, л. 250].

Положение усугублялось приближением пасхальных праздников, так как верующие не желали оставаться без говения и праздничных богослужений во время самого главного православного торжества: например, в Бабиничском сельсовете Витебского района в конце марта 1930 г. «в течение недели приходили толпы в сельсовет численностью до 200 человек с требованием вернуть обратно церковь к пасхе» [5, л. 298]. Важно также отметить, что выступления верующих выходили за рамки защиты только своих религиозных интересов, к данной мотивации примешивалась озлобленность против насильственной коллективизации: так, в д. Браково Могилевского района после изъятия церковного имущества и закрытия церкви верующие «целый день осаждали сельсовет с руганью. В толпе было 75% колхозников колхоза «Гигант», которые тут же разобрали по своим домам обобществленный скот, а остальной скот простоял целый день некормленным. Приехавшим на место двум членам Райкома КПБ толпа категорически заявила: «До тех пор пока не возвратите нам церковь и изъятых вещей из нее, мы скота не отдадим и работать в колхозе не будем»» [18, л. 10].

В результате под давлением верующих, а также во исполнение п. 1 секретной докладной ЦК КП(б)Б от 12 апреля 1930 г. о «принятии мер к возвращению верующим тех домов культов, кои закрыты без согласия населения» «в стихийном порядке без утверждения центральными органами» [19, л. 6], ряд церквей в БССР к лету 1930 г. был возвращен верующим: например, в Витебском округе, где «церковное движение» было наиболее интенсивным, на 16 июня 1930 г., по сведениям ГПУ, было вновь открыто 14 приходов [40, с. 116].

В 1931–1936 гг. административное изъятие церквей против желания верующих продолжается, но не носит массового характера. Власти предпочитали не форсировать события и исполнять все формальности, требуемые законом, без антирелигиозной «истерии». При этом, они вооружались тактикой «измора» верующих, с одной стороны, используя бюрократическую волокиту в вопросе возвращения молитвенного здания общине, а с другой стороны, запугивая верующих репрессивными мерами (например, чрезмерным обложением налогами) в случае активной церковной деятельности по возвращению храма. Подробной иллюстрацией к методу «бумажных проволочек» служит история с Хоновской церковью Могилевского района [26, л.л. 155–

156об., 159–159об., 169–170, 179–179об.], которая была закрыта по требованию Хоновского сельсовета осенью 1929 г. без согласия 2000 человек прихожан, и, несмотря на многочисленные прошения верующих, на 8 августа 1931 г. вопрос о возвращении ее оставался открытым. В целом, в эти годы изъятию подвергались те церкви, которые бездействовали за отсутствием священников [24, л.л. 209–210; 25, л. 53].

В конечном счете, административное давление на религиозные общества в совокупности с экономическим притеснением и применением репрессивных мер приводит к тому, что количество действующих православных церквей в БССР на протяжении 1929–1936 гг. неуклонно снижается: в мае 1929 г. – 1123 [14, с. 66], на 1 января 1930 г. – 1013 [13, с. 85], на 17 сентября 1931 г. – приблизительно 540 [33, л. 16], к 1935 г. – не менее 162 [19, л.л. 81–82], на дату 20 декабря 1936 г. действовало уже только 74 церкви [22, л. 56].

При этом, в августе 1937 – ноябре 1938 гг. – период «Большого террора» – устоявшаяся практика административного изъятия церквей была дополнена жесткими репрессивными мерами, вызванными реализацией оперативного приказа НКВД №00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [46, с. 98–114]. Согласно данным докладной записки, предоставленной наркомом внутренних дел БССР А.А. Наседкиным в ЦК ВКП(б) 24 июня 1938 г., «функционирование церквей в БССР прекратилось в 1937 и 1938 гг., главным образом, вследствие арестов духовенства за активную антисоветскую деятельность», в то время как «значительная часть недействующих церквей формально не закрывались, от верующих не изымались и от ряда церквей ключи находятся у церковного актива» [22, л. 68]. Иными словами, в ходе массовых арестов и повсеместной ликвидации духовенства как «контрреволюционного элемента» необходимость даже в формальном соблюдении законодательства при изъятии церкви отпадала.

Закрытие храмов по причине «контрреволюционной деятельности попа» осуществлялось и ранее 1937 г., как это произошло, например, со Свято-Николаевской церковью Козыревского предместья г. Минска в 1935 г. [15, с. 182]. Однако именно во второй половине 1937–1938 гг. закрытие храмов в связи с арестами духовенства приобрело массовый характер. В результате, по сведениям А.А. Наседкина, на дату 21 июня 1938 г. «имелось действующих церквей – 2, одна в г. Орше и одна в г. Мозыре» [22, л. 56]. Ряд храмов, по предложению наркома, следовало открыть для «быстрейшего нанесения оперативного удара по антисоветскому церковному активу и для антирелигиозного разложения

отсталых религиозных масс» [22, л. 77]. Вероятно, после этого в некоторых церквях в течение 1938 г. богослужения были возобновлены, так как в докладной записке «О состоянии антирелигиозной пропаганды по Гомельской области по состоянию на 15 мая 1939 г.» упоминается о пасхальном богослужении в церкви по Комсомольской улице г. Гомеля [23, л. 181]. Кроме него, до 24 июня 1939 г. действовал храм в г. Бобруйске [22, с. 221]. Церковь в Гомеле была закрыта в конце 1939 г. [42, с. 290], после чего официально действующих церквей на территории восточной части БССР не оставалось вплоть до начала Великой Отечественной войны [14, с. 71].

Следует отметить, что после событий 1929–1930 гг. православные верующие в ряде районов продолжали попытки сохранить и наладить церковно-приходскую жизнь через подачу прошений о возврате/оставлении храма или регистрации священнослужителя на приход, т.е. действуя, в основном, в рамках советского законодательства. При этом в 1936 г. происходит резкий всплеск гражданской и религиозной активности верующих, выразившийся в попытках противодействия политике административного изъятия молитвенных зданий и других формах церковной активности, что связано с обсуждением и принятием 5 декабря 1936 г. новой Конституции СССР, п. 124 которой о «свободе отправления религиозных культов и антирелигиозной пропаганды» большинство населения восприняло как свидетельство положительных изменений в отношении советского государства к религии и церкви.

О попытках реализации своих конституционных прав духовенством и верующими свидетельствует, например, докладная записка «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Белоруссии» за 1937 г., составленная заведующим отделом партпропаганды и агитации ЦК КП(б)Б т. Сигналовым на имя секретарей ЦК КП(б)Б А. Волкова, А. Левицкого и В. Потапейко. В самом начале докладной автор отмечает, что «церковники всех мастей, пытаясь использовать широчайшую демократию, данную сталинской Конституцией и всемерно искажая Конституцию, бешено активизируют свою подрывную контрреволюционную деятельность в подготовке к выборам в верховный совет СССР» [20, л. 393]. Описывая общее положение «религиозных культов» в БССР, Сигналов приводит следующие факты: всего по «ходатайству трудящихся» в 1936 г. было закрыто 112 домов культов, при этом заявлений верующих об открытии молитвенных зданий поступило 235, в том числе об открытии церковей 158 заявлений из 51 района, в то время как закрыта по ходатайству трудящихся 81 церковь [20, л.л. 393–394].

Верующие продолжали отстаивать право на «свободу отправления религиозных культов» и в 1937 г. Сохранилась копия протокола заседания Комиссии по культам при ЦИК БССР за апрель 1937 г., в которой представлены сравнительно подробные сведения о подаче 38 заявлений от верующих различных исповеданий, касающиеся возврата молитвенных зданий и регистрации священнослужителей, в том числе 26 обращений со стороны православного населения [21, л. 51–56]. Следует отметить, что в некоторых случаях попытки верующих вернуть церковь перерастали в открытые конфликты с местными властями, подобные массовым выступлениям первой половины 1930 г. В архивных источниках зафиксировано 3 факта выступлений верующих: в Дрибинском, Чаусском и Шкловском районах [22, л.л. 66; 15, с. 65]. Последний из них, произошедший в Ничипоровичском сельсовете на праздник Благовещения 7 апреля 1937 г., подробно изложен в докладной записке «Об антисоветском выступлении в Шкловском районе 07.04.37 г.», составленной инструктором отдела партийной пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б т. Лакизо и адресованной секретарям ЦК КП(б)Б В.Ф. Шаранговичу и Д.И. Волковичу [23, л.л. 14–19]. Характерно, что во всех трех случаях попыток «захвата церковей» верующие были «спровоцированы» на выступления «путем контрреволюционного толкования Сталинской конституции» [22, л. 66].

О деятельности православного населения по возврату храмов в 1937–1938 гг. точных сведений практически нет. Можно предположить, что в условиях, когда публичная активность в церковных делах служила поводом для органов госбезопасности занести человека, согласно приказу НКВД №00447, в разряд «наиболее активных антисоветских элементов из церковников» [46, с. 104] с последующим арестом и приговором к расстрелу или 10-летней лагерной ссылке, возможность вернуть на законных основаниях храм, открыто продолжать участвовать в организации церковной жизни для верующих была исключена. Неизвестно также, принимал ли кто-либо из верующих участие в возврате тех 10–12 церковей, открыть которые в 1938 г. предложил А.А. Наседкин. Во всяком случае, изъятие последнего храма в конце 1939 г. означало ликвидацию всех православных религиозных объединений, а значит, исчезли условия для легальной организованной деятельности верующих вокруг церкви.

Таким образом, разделы религиозного законодательства, касавшиеся вопросов регистрации религиозного общества и священнослужителя, были сформулированы так, что предполагали всемерный контроль и препятствование при необходимости нормальному функционированию общины со стороны местных исполнительных органов власти.

Положения постановления «О религиозных объединениях», связанные с ликвидацией храма, также на абсолютно законных основаниях позволяли нарушать принцип свободы совести и вероисповедания, ущемляя права верующих на пользование молитвенными зданиями. Власти практиковали отказы в регистрации духовенства на приходы, изъятие церквей «по требованию большинства», административные запреты на проведение богослужений и т.д., основываясь на идее борьбы с религиозными организациями как «рассадниками контрреволюции».

Верующие в свою очередь противились административному давлению и стремились к сохранению храмов как центров церковно-приходской жизни, стараясь не преступать при этом рамок закона. Исключения составляют стихийные выступления населения против массового незаконного административного изъятия молитвенных зданий в период форсированной коллективизации в первой половине 1930 г. (на территории БССР было зафиксировано 52 случая выступлений с участием около 7000 человек), в связи с чем часть церквей была возвращена верующим. Тем не менее, в результате политики административного изъятия церквей количество действующих православных храмов в БССР уменьшилось почти в 15 раз: с 1123 в мае 1929 г. до 74 в конце 1936 г. В 1937–1938 гг. практически все церкви были изъяты в связи с арестами духовенства и членов церковно-приходских советов по обвинению в антисоветской деятельности. Последний официально действующий православный храм в БССР был закрыт в 1939 г.

Источники и литература

1. Адказ яго прэасвяшчэнству // Звязда. – 1930. – 17 студз. – С. 3.
2. ГАВО (Государственный архив Витебской области). Ф. 160. Оп. 1. Д. 23.
3. ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 745.
4. ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746.
5. ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 747.
6. ГАГО (Государственный архив Гомельской области). Ф. 509. Оп. 1. Д. 199.
7. ГАГО. Ф. 896. Оп. 1. Д. 175.
8. ГАМн (Государственный архив Минской области). Ф. 12п. Оп. 1. Д. 1096.
9. ГАМн. Ф. 162п. Оп. 1. Д. 303.
10. ГАООГО (Государственный архив общественных объединений Гомельской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 556.
11. *Калинина, А. С.* Трансформация церковно-приходской жизни православного населения БССР в 1929-1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02 / А. С. Калинина. – Минск, 2019. – 184 с.
12. *Кашеваров, А. Н.* Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и русской православной церкви, 1917–1945 гг. / А. Н. Кашеваров. – СПб. : СПбГГУ, 1995. – 139 с.

13. Конфессии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.): док.и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост.: М. А. Алейникова [и др.] ; под ред. В. П. Пичукова ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.] . – Минск: НАРБ, 2013. – 388 с.
14. *Кривонос, Ф.* Белорусская православная церковь в XX столетии спецкурс лекций для Минской духовной семинарии / прот. Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
15. *Кривонос, Ф.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / прот. Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 240 с.
16. *Маракоў, Л. У.* Рэпрэсаваныя свяшчэнна – і царкоў наслужыцелі Беларусі 1917–1967: энцыкл. давед.: у 2 т. / Л. У. Маракоў. – Минск: Беларус. Экзархат, 2007. – Т. 2. – 656 с.
17. Менск. Чыгуначная царква зачынена // Звезда. – 1930. – 28 лют. – С. 2.
18. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5030.
19. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 8989.
20. НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д. 11834.
21. НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д. 11853.
22. НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д. 13219.
23. НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д. 13928.
24. НАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1.
25. НАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2.
26. НАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6.
27. НИАБ (Национальный исторический архив Беларуси). Ф. 2786. Оп. 1. Д. 404.
28. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 411.
29. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 452.
30. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 454.
31. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 467.
32. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 486.
33. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 496.
34. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 511.
35. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 512.
36. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 528.
37. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 539.
38. НИАБ. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 545.
39. *Одинцов, М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 / М. И. Одинцов. – М.: Полит. энцикл., 2014. – 424 с.
40. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : док.и материалы / редкол.: М. В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.
41. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / Ин-т Рос. истории; отв. ред.: Я. Н. Щапов; отв. сост.: О. Ю. Васильева. – М.: Изд-во Библейско-Богословского ин-та св. ап. Андрея, 1996. – 352 с.
42. *Слесарев, А. В.* Гомельская православная епархия в первой половине XX века: образование, развитие, ликвидация / А. В. Слесарев // Труды Минской Духовной академии: библистика, богословие, патрология, история церкви, сектоведение: науч. журн. / Мин. духов. акад. – Минск, 2016. – № 13. – С. 269–305.
43. *Сталин, И.* Год великого перелома: К XII годовщине Октября / И. Сталин // Правда, 1929, 7 ноября.

44. Сталин, И. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) / И. Сталин // Правда, 1930, 2 марта.

45. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. / Рос. Акад. наук; Ин-т рос. истории [и др.]; под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 1999–2006. – Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / редкол: Н. Ивницкий (отв. ред.) [и др.]. – 2000. – 927 с.

46. Юнге, М. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447 / М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. – М.: Новый Хронограф: АИРО-XXI, 2008. – 784 с.

Л.В. Камедина*

DOI: 10.25839/k6956-8776-1047-p

Язык – фактор сохранения духовной безопасности государства

В статье поднимается проблема сохранения русского и церковнославянского языков в светском и церковном обиходе как языков русской православной цивилизации. Анализируется история трёх варваризаций русского языка, даётся их оценка. Делаются выводы о том, что результаты столкновений традиции и модернизации в области языковых изменений приводят к разрушительным последствиям в государстве, лишая язык «стабилизирующего ядра» и изменяя код национальной идентичности русского человека.

Ключевые слова: русский и церковнославянский языки, варваризация, раскол, обновленчество, либеральная модернизация, национальный код.

Language as a factor of maintaining the spiritual security of the state

The article raises the problem of preserving the Russian and Church Slavonic languages in secular and church life as the languages of Russian Orthodox civilization. The history of three barbarizations of the Russian language is analyzed, their assessment is given. It is concluded that the results of the clashes of tradition and modernization in the field of language changes lead to devastating consequences in the state, depriving the language of the «stabilizing core» and changing the code of the national identity of Russian people.

Keywords: Russian and Church Slavonic languages, barbarization, Split, renewalism, liberal modernization, national code.

Православный русский мир со времён Кирилла и Мефодия объединялся общностью церковнославянского языка. Именно через язык воспринималось нерасчленённое целое русской культурной цивилизации. На русское, национальное самосознание повлияли: фактор Православия как «русской веры»; обозначение «Руси» как особого народа и особого государства; противопоставление людей Русской земли

* Камедина Людмила Васильевна, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия).

Kamedina Lyudmila Vasilievna, Doctor of Culturology, Professor, Trans-Baikal State University (Chita, Russia).

«иностранцам» (немцам, варягам) и «иноверцам» («латинянам» и «басурманам»). Русской культуре свойственны: коллективность, сплочённость, типологическое сходство, что отсутствует в западноевропейской культуре. В многовековом окружении «иноверцев», неприятия Запада и Востока, русский народ выработал ощущение единственности, уникальности, несхожести с другими, поэтому на Западе существуют убеждения о загадочности и необъяснимости России и русской души. Ценность слова, языка составляют ключевую характеристику всей русской культуры.

Актуальность исследования проявляется в постановке проблемы защиты как русского языка, сформировавшего единство народа, сохранившего его душу и наполнившего духовным смыслом великую русскую культуру, так и церковнославянского языка в русском богослужении. Проблема сохранения языка богослужения в Русской православной церкви назревает давно.

Первая варваризация языка была совершена в XVII в., что породило Раскол Церкви и полное изменение формы государственного правления – Древняя Русь превратилась в Российскую империю.

Вторая варваризация осуществляется перед началом революций в России и заканчивается после 1917 г. созданием новой «обновленческой церкви» и полным отделением Русской православной церкви от государства, что опять породило новую форму правления и создание никогда не бывшего в мировой истории государства – Советского Союза.

Третья волна варваризации нахлынула в Перестройку, и с 2012 г. планомерно идёт разрушение богослужения на церковнославянском языке и, явно, закончится созданием какой-то новой (цифровой, онлайн и т.п.) государственности. Будет ли новое государство сохранять духовные основы православной цивилизации или окончательно разрушит их – вопрос ближайшего времени разрешения. События, происходящие в мире, накатываются с такой быстротой, что полное изменение мира можно ожидать по окончании короновируса – мирового поветрия 2020 г., посланного не только по попущению Божьему для вразумления и покаяния человечества, как это было неоднократно и в библейские времена, и позже, но и по духовному завоеванию человеческих душ Злом.

В 1866 г. Ф.М. Достоевский как писатель, которому был дан пророческий дар, писал в последнем сне Раскольникова: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа

микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. <...> Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. <...> Оставили самые обыкновенные ремёсла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. <...> Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всём мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса» [5, с. 511].

Достоевский предельно точен в описании ситуации сегодняшнего дня. Не всё ещё сбилось, но это тоже – дело времени. Далее писатель сообщает и об изменении мира вследствие заражения человечества моровой язвой, после которой останется на земле только небольшая часть людей «чистых и избранных»: «Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью» [5, с. 514]. Достоевский как писатель-пророк подчёркивает хронотоп мировой язвы: пространство её – весь мир, а время её – Великий пост и начало выздоровления на Светлой седмице. После очищения Достоевский оставляет миру семь лет, а дальше – «новая, доселе неведомая действительность», т.е. опять новое государство, вероятно, уже последнее. Нет оснований не верить русскому писателю, который предсказал все события XX в.

Все три варваризации церковнославянского, а шире – русского языка, привели к изменению картины русского мира. Сакральный язык призван сохранять Божественную вселенную, очищать её, преобразовать души людей к Любви, Добру, и Истине. Мир сотворён Словом, и любые изменения в Тексте Бога несут катастрофические изменения мира.

Алфавит отражает духовные знания народа. Азбука, созданная Кириллом и Мефодием, в отличие от древнейших алфавитов, ставит целью просвещение славянских народов через Слово Божие. Усваивая азбуку, человек, помимо запоминания букв и их названий, приобщается к христианскому мировосприятию. Первая половина азбуки представляет сакральный текст первоучителей святых Кирилла и Мефо-

дия. Исследователям удалось расшифровать послание святых братьев: «Аз (Я) Буквы Ведаю (знаю). Говорю Добро Есть. Жизнь Как Люди Мыслите. Наш Он Покой. Рцы (говори) Слово Твердо...». Современный перевод всей азбуки звучит так: «Я знаю буквы: письмо – это достояние. Трудитесь усердно, земляне, как подобает разумным людям – постигайте мироздание! Несите слово убеждённо: знание – дар Божий! Дерзайте, вникайте, чтобы сущего свет постичь» [8]. Существовали «Азбучные молитвы», одну из которых написал создатель славянской азбуки святой Кирилл, она называется «Аз словом сим молюся Богу». Славянская азбука, церковнославянский богослужебный язык и древнерусский язык должны были служить Богу и постигать смыслы его Истины через Слово. Древняя Русь строго следовала этой традиции.

В 1274 г. Кормчая книга митрополита Владимирского Кирилла, установила канон Литургического богослужения в его целостности со всеми постановлениями Вселенских соборов, православным правом, историческими, энциклопедическими сведениями, необходимыми для церковной деятельности, посланиями русских архиереев, за против что-либо менять, в том числе, и язык.

Царь Иван Грозный Собором 1551 г. окончательно закрепил нормы церковной жизни и церковнославянский язык как язык Божественной Литургии. Вопрос языка всегда был вопросом государственной политики.

Раскол в Русской православной церкви касался, прежде всего, языка. С восшествием на Патриарший престол Никона в 1653 г. началась правка книг. Решения Стоглава отменялись. Те, которые не согласились с исправлениями на новый лад, сказали: «Умрём за единый аз», т.е. за каждую букву. Раскололась не только Церковь, но вся Русь, состоявшая из церковных православных людей, духовной безопасности государства был нанесён непоправимый ущерб.

Н.Д. Успенский доказал, что образцами для исправления служили современные греческие богослужебные книги, изданные в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Никоновы правщики писали в предисловиях, что исправление проводится согласно «с древними греческими и словенскими» образцами [20, с. 15]. Взяв за канон греческую церковь XVII в., царь Алексей Михайлович и патриарх Никон фактически «правили книги» по латинскому образцу. Протоиерей Георгий Флоровский описывает деятельность Киевского митрополита Петра Могилы: «... всё пронизано чуждым латинским духом. Это была острая романизация Православия, латинская псевдоморфоza Православия. На опустевшем месте строится латинская и латинствующая школа, и латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богосло-

вие, и мировоззрение, и самая религиозная психология. Латинизируется самая душа народа» [21, с. 49]. Дореформенные богослужебные книги, переведённые с древнегреческих образцов, отличались от переводов с греческой униатской печати. По мнению, Флоровского, именно от украинского барокко идёт в «малороссийском» религиозном воззрении характерная «эмоциональная нетрезвость, мечтательная возбудимость, своеобразная религиозная романтика» [21, с. 56].

Профессор протоиерей Иоанн Белевцев, анализируя церковный раскол XVII в., заявляет о том, что никонова реформа была «богословски не обоснованной и совершенно не нужной» [4, с. 191–194]. Новое государство Петра I не нуждалось в церковнославянском языке и реформировало его для светских нужд. Литургический язык богослужения «закрылся» в монастырях.

В 1917 г. борьбу за отмену церковнославянского языка начала «обновленческая церковь», созданная большевиками. Цель второй варваризации языка – новый церковный раскол. В 1924 г. на «соборе» союза «Церковное возрождение» была принята резолюция, в которой говорилось: «Переход на русский язык богослужения признать чрезвычайно ценным и важным приобретением культовой реформы и неуклонно проводить его, как могучее оружие раскрепощения верующей массы от магизма слов и отогнания суеверного раболепства перед формулой. Живой родной и всем общий язык один даёт разумность, смысл, свежесть религиозному чувству, понижая цену и делая совсем ненужным в молитве посредника, переводчика, спеца, чародея. Русскую литургию, совершаемую в московских храмах Союза, рекомендовать к совершению и в других храмах Союза, вытесняя ею практику славянской, так называемой Златоустовой литургии...» [10, с. 580].

Обновленческие священнослужители были приверженцами русского языка в богослужении. Они модернизировали Литургию, открыли алтарь, собираясь в будущем водрузить престол посреди храма. Народ отказывался посещать службы на русском языке, церкви опустели. **Святейший Патриарх Тихон выступает против нововведений в церковно-богослужебной практике:** «Божественная красота нашего истинно назидательного в своём содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской ревности, молитвенного горения, подвижнического труда святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах устава, должна сохраняться в Святой Православной Русской Церкви неприкосновенною как величайшее и священнейшее её достояние» [13]. «Обновленческая церковь», в конце концов, за-

крылась. Русская православная церковь капсулировалась, отделившись от советского государства, и тем самым сохранилась.

Поместный Собор 1971 г. характеризовал реформу XVII в. как «крутую и поспешную ломку русской церковной обрядности», предпринятую в силу ошибочного взгляда на обрядовые различия, как на различие в вере [15]. Собор 1971 г. подвёл итог многолетней дискуссии по старому обряду и по языку, на котором должна совершаться Литургия. Сравнение современных литургических текстов с дореформенными (XVII в.) позволяет сделать вывод, что новые тексты значительно уступают по доброкачественности старым – к такому заключению пришли исследователи, проводившие основательную работу по сравнению текстов: А.И. Невоструев, М.Д. Муретов, Н.И. Ильминский, Н.Д. Успенский, Б.И. Сове, И. Белевцев, Б.П. Кутузов. Ими найдены ошибки: смешение падежей, превращение сказуемого в подлежащее, затемнение смысла, несоответствие библейским текстам; перечисляются «грехи не только против грамматики, филологии, логики, но и против истории, экзегетики, догматики» [19]. Исследователь Б.П. Кутузов свидетельствует, что под видом правки книг в XVII в. осуществлялась «идеологическая диверсия», и приводит множество примеров [9, с. 275; 378]. Правовые аспекты этого Собора изложены в статьях И.А. Арзуманова [3].

Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ) до 1980 г. сохраняла богослужение на церковнославянском языке, но в силу того, что выросло поколение, забывающее свой родной русский язык, то церковь перешла на местные языки в литургической практике. В 2007 г. произошло воссоединение РПЦ Московского Патриархата и РПЦЗ. Патриархом Алексием II была подтверждена позиция Церкви на язык богослужения и на обновление: «Никакой «подготовки литургической реформы в Церкви» нет и быть не может! Те, кто порой высказывают частные мнения о том, что нужно перевести богослужение на русский язык, о чём в своё время говорили обновленцы, или предлагают сократить богослужение, забывают, что Церковь, её уставы и правила вырабатывались тысячелетиями, и они должны свято соблюдаться. Я призываю всех вас соблюдать наши православные традиции и не смущаться частными высказываниями людей, пытающихся вернуть нас во времена *обновленчества*» [14].

В последние годы всё чаще раздаются голоса внутри самой Русской православной церкви о переходе на русский язык. Среди сторонников новой церковной реформы митрополит Иларион (Алфеев). В 2013 г. в издательстве Московской Патриархии вышла в свет его книга «Божественная литургия святителя Иоанна Златоуста с параллельным переводом на русский язык». Своё мнение митрополит Иларион обосновывает «весьма

сложными, богословски насыщенными» текстами службы, которые с одного раза невозможно усвоить на слух, и тогда «требуется либо какая-то разъяснительная работа», либо, чего он не исключает, «в некоторых случаях, по благословению Священноначалия, для определённой части богослужения **может использоваться русский язык**, например, для чтения кафизм Псалтири» [11]. Позже митрополит Иларион повторил свою мысль: «В итоге должно быть найдено компромиссное решение: если, допустим, в городе 100 храмов, почему бы в десяти или в трёх из них богослужение, по просьбе верующих, хотя бы частично, не **совершать на русском языке?** Ведь такая возможность существует» [1].

Богослужение на современном языке в Русской православной церкви поддерживали протоиерей Александр Мень, митрополит Никодим (Ротов), по сей день на русском языке проходят службы московского священника, ректора Свято-Филаретовского института, Георгия Кочеткова. Сторонники современного обновленчества выдвигают свои доводы в пользу русского языка в Церкви. Одни говорят о «непонятности церковнославянского языка», который, якобы отпугивает народ от храма. Другие заявляют о том, что на Западе богослужение давно уже ведётся на современных языках и никакого раскола там не происходит. Третьи ссылаются на статистику, которую провёл ВЦИОМ в феврале 2020 г., мол-де в результате опроса «инициативу патриарха Кирилла о частичной русификации богослужения, озвученную им в конце 2019 года, в той или иной степени поддерживают 75% православных россиян» [18]. Опрос проводился по заказу Свято-Филаретовского православно-христианского института, известного своей либерально-модернистской деятельностью.

В первую очередь, хотелось бы коснуться проблемы «малопонятности богослужебного языка». Многие церковнославянские слова и выражения будут неясны тем, кто привык к лексике газет и интернета, поэтому проблема понимания богослужения останется и после редактирования текстов. Малограмотные старушки, регулярно посещающие храмовое богослужение, понимают его язык без перевода. Сам по себе перевод на разговорный язык Литургического богослужения не делает его ни понятным, ни популярным для большинства. В Сербии, например, частично перевели богослужение с церковнославянского на сербский язык, но, по признанию самих же сербов, народ после этого в храмы не повалил. Болгары стали служить по-болгарски, и это не привело к литургическому возрождению в стране. Глава Элладской православной церкви, уступая предложениям «обновленцев», в качестве эксперимента позволил совершать богослужения на ново-

греческом языке в одном храме. Эксперимент провалился: народ не пошёл в этот храм, чтобы послушать «понятное» богослужение.

Исследователь языковой коммуникации Б.Ю. Норман пишет о том, что понимание – не обязательный компонент коммуникации, ведь в голове у говорящего формируется некий Смысл, который кодируется с помощью языковых единиц и передаётся слушающему, а тот, в свою очередь, воспринимая речевое сообщение, декодирует его с помощью той же знаковой системы, и в результате в его голове формируется Смысл, более или менее адекватный первому – такова классическая схема процесса коммуникативного акта [12]. Б.Ю. Норман приводит пример из рассказа А.П. Чехова «Мужики», в котором набожная женщина каждый день читает Евангелие и многого не понимает, но проникается особым духом: святые слова трогают её до слёз, и такие слова, как «аще» и «дондеже», она произносит со сладким замиранием сердца. Норман пишет: «Молитвы, заговоры, ворожба, проклятия, мистические откровения полны непонятных слов, «тёмных мест», и это не уменьшает силы их воздействия. В подтверждение приведём высказывание Иосифа Бродского: Оден говорил: ужасно приятно быть в церкви и слушать службу, не понимая языка, потому что тогда не отвлекаешься от главного» [12].

Сторонники позиции перевода богослужения на русский язык – западники, которые не знают русской православной культуры и не интересуются ею. Современный Запад захлестнула волна литургического творчества. Епископы становятся авторами божественной литургии. В Нидерландах, например, наряду с официальным «римским» переводом мессы в обращении находится и, так называемый «нидерландский», содержащий не переведённые, а сочинённые молитвы. Григорианское пение стало заменяться исполнением молитв на местных языках с новой мелодией. Новые песнопения приспосабливаются к музыкальным произведениям классиков, отчего богослужение в некоторых случаях напоминает концерт. Стали сочиняться службы, ориентированные на определённую аудиторию. Для молодежи была составлена своя месса, для влюбленных на день святого Валентина, чтобы приходили парами – своя, для неверующих и сомневающихся – месса св. Фомы; обсуждается возможность особой службы для пребывающих в трауре [22]. Стремление реформаторов снизить высоту звучания богослуженного языка есть признак интеллектуальной и духовной ограниченности, отсутствие способности постигнуть духовное значение слова, смысл образного звучания, психологический настрой речевого ритма – всего того, что русская народная культура всегда понимала и умела ценить.

Русификация литургических текстов недопустима потому, что она уродует и искажает мелодический строй богослужения и искажает духовный смысл текста. В основе рассуждений современных модернистов лежит теория об конвенциональности (условности) языкового знака. Лингвист, профессор А.М. Камчатнов пишет: «Эта теория широко распространилась по всему свету и стала в буквальном смысле слова предрассудком массового интеллигентского сознания под влиянием лингвистического учения швейцарского языковеда Ф. де Соссюра. Это учение явилось плодом протестантского богословия, которое психологизировало все духовные, интеллектуальные и языковые явления. В результате установилось поверхностное понимание языка как чего-то внешнего и почти произвольного по отношению к мысли и духу, как внешней их словесной одежде, которая может быть той или другой. <...> Догматически это можно обосновать так же, как и иконопочитание: как там мы поклоняемся не доскам и краске, а в видимом образе почитаем невидимый Первообраз, так и тут мы поклоняемся не звукам и грамматическим формам, а в слышимом образе поклоняемся неслышимому Первообразу» [6]. Иеромонах Амвросий (Тимрот) в докладе, прочитанном на Кирилло-Мефодиевских чтениях в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН приводит текст известной Богородичной молитвы, переведённой «обновленцами» на русский язык, в котором модернизаторы называют Деву Марию «Вечной Девушкой», а на украинском языке «Невеста невестная» звучит как «Дивка несосватанная». Странно будет слышать вместо возгласа «Мир вам» – «Будьте покойны». В Германии православные немцы перевели фразу «Пророки имели предвидение» как «Пророки имели телевидение» [2]. Говоря о возможности перевода церковнославянского богослужения, нужно принять во внимание уроки своей истории. Готовых уйти в раскол за один «аз» в русской церкви всегда было более чем достаточно.

В июне 2016 г. на греческом острове Крит, по инициативе Константинопольского патриарха Варфоломея, состоялся, так называемый восьмой, Всеправославный Собор 10 (из 14) поместных Православных церквей, о котором ещё Отцы Церкви и старцы пророчествовали как о последнем и разбойничьем. Папа Римский Франциск призывал католиков молиться об успешном проведении Всеправославного собора [17]. Среди правовых вопросов, которые должны были решаться Патриархами мира, стоял и вопрос о языке богослужения.

Существует ещё одна проблема, связанная с русским языком. Сегодня *кириллица* и *латиница* – два конкурирующих алфавита. Новых систем письма не создаётся, и на латинскую или кириллическую ос-

нову письма постепенно переходят всё больше и больше языков. Западный католический Рим постепенно навязал латиницу славянским народам: с XII в. – хорватам (у них кириллическое сопротивление прекратилось лишь в XIX в.), с XIII в. – чехам, с XIV в. – полякам. Православные румыны начали переходить на латиницу лишь в 1860 г. Славянские страны, такие, как Болгария, Сербия уже стараются уйти от кириллицы и освоить латиницу. С 2014 г. переход на латиницу осуществляется на Украине, где создана специальная комиссия по постепенному переходу на латинский алфавит.

В 2002 г. Государственная Дума РФ приняла закон, который требует, чтобы государственный язык республики в составе РФ обязательно использовал алфавит на основе кириллицы. В декабре 2014 г. на совместном заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству Президент России В.В. Путин выступил против излишней латинизации русского языка [16]. В последние годы русский язык подвергается иноязычному влиянию, в частности, американскому варианту английского языка. Американизмы атакуют разные языковые уровни – лексику, словообразование, морфологию и синтаксис, например: «в организацию требуется менеджер по клинингу» (уборщик); «для слайд-аэробики понадобятся слайд-носки» (с рисунком); «коллекция изобилует строгими костюмами, а также total-white образами» (модными белыми костюмами); «оплачивая покупки картой – Сбербанк дарит Вам своё спасибо!».

Язык отражает тип мышления, типичный для американской культуры. Уподобление подобных конструкций чуждым языковым моделям сигнализирует об определённых сдвигах в сфере национального самосознания русского человека, наблюдается утрата национальной идентичности. Язык – священная ценность, основа личного и национального бытия народа, фактор духовной безопасности нации. В корневой системе языка формируется национальная идеология, которая, при условии её сохранения, передаётся от поколения к поколению. Политолог С.Г. Кара-Мурза называет слова без русского корня «амёбами»: киллер, дайджест, бартер, модем, бестселлер, брифинг, топ-модель, бомонд, блокбастер, хит – они окутывают сознание русского человека, «устраняют из сознания стабилизирующий блок традиций» [7, с. 451]. Исчезновение русского корня лишает слово истинного смысла: при произнесении «наёмный убийца» человек испытывает неприятные ощущения, а слово «киллер» в сознании откладывается «нейтрально» как новая высокооплачиваемая профессия. Также психологически равнодушно православный человек будет слушать Литургию на русском языке.

Сейчас в Русской православной церкви одной из форм миссионерства выбран флэшмоб (мгновенное действие для толпы). В нём много форм: праздники, конкурсы, концерты, митинги, танцы, игры, брейн-ринги. Однако, сколько бы ни было усилий подражать западным технологиям и менять язык Церкви в угоду невоцерковлённой пастве, они никогда не заменят богослужение на церковнославянском языке, простое и доступное, наполненное духовными смыслами, преобразующее душу православного человека.

Борьба за язык Церкви становится правовым и государственным делом, фактором национальной и духовной безопасности, потому что в ситуации глобальной информационно-психологической войны со стороны западных держав тратятся огромные суммы денег на создание эффективных языковых технологий, изменяющих культурное ядро нации. Старания перевести богослужение на современный язык становятся всё более настойчивыми и даже агрессивными. Модернисты не чувствуют древний язык. Цели, которые преследуют новые реформаторы, – это либерализация Церкви, приближение православного богослужения к католическому и протестантскому и, в конечном счёте – раскол, сначала Церкви, а потом и русского общества, внесение неразберихи, хаоса, гражданского неустroения в государство, разрушение «стабилизирующего ядра» национальной идентичности – языка.

Источники и литература

1. Актуальные статьи: Благодатный огонь от 09.06.2014. [Эл. ресурс] // <http://www.blagogon.ru/news/313/> (дата обращения: 03.04.2020).
2. *Амвросий (Гимрот), иеромонах.* Опыт создания новых переводов литургических текстов на современный язык в свете славяно-русской переводческой традиции [Эл. ресурс] // azbyka.ru/bogoslužhenie/amvroсий_опыт_sozdaniya.shtml (дата обращения: 04.04.2020).
3. *Арзуманов И. А., Камедина Л. В., Смирнов А. Е.* Байкальский регион – дрейфующий остров «Середины Земли»: социокультурные, религиозно-философские и конфессионально-правовые границы. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 235 с.
4. *Белевцев Иоанн, протоиерей.* Русский церковный раскол в XVII столетии // Тысячелетие крещения Руси: междунар. церковная науч. конф. «Богословие и духовенство». – М.: Московская Патриархия, 1989. – Т. 2. – С. 191–194.
5. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. / Ф. М. Достоевский. – М.: Издательский дом Родионова, Литература, 2004. – 528 с.
6. *Камчатнов А. М.* Сакральный славянский язык в Церкви и культуре: Благодатный огонь от 21.04.2019 [Эл.ресурс] // <http://www.blagogon.ru> (дата обращения: 03.04.2020).
7. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 736 с.
8. *Кеслер Я.* Азбука – Послание к славянам: статья от 22.09.2015 [Эл. ресурс] // www.kramola.info (дата обращения: 04.04.2020).
9. *Кутузов Б. П.* Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. – М.: Три-Л, 2003. – 574 с.

10. Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты 1922–1946. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. Кн. 9. – 672 с.
11. Новости: Благодатный огонь от 04.06.2014 // <http://www.blagogon.ru/news/313/>
12. Норман Б. Ю. Коммуникация без понимания [Эл. ресурс] // cyberleninka.ru
13. Обращение Святейшего Патриарха Тихона от 4/17 ноября 1921 года к архипастырям и пастырям Православной Российской Церкви // <http://www.blagogon.ru/articles/305>
14. Первосвятители Русской Церкви о богослужебном реформаторстве: Благодатный огонь, № 20 [Эл.ресурс] // <http://www.blagogon.ru/articles/305/> (дата обращения: 02.04.2020).
15. Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая–2 июня 1971 года. Документы. Материалы. Хроника. – М.: Московская Патриархия, 1972. – 320 с.
16. Путин выступил против латинизации русского языка и обилия вывесок на иностранных языках от 24.12.2014 [Эл. ресурс] // tass.ru (дата обращения: 04.04.2020).
17. Радио Ватикана от 20.06.2016 [Эл. ресурс] // ru.wikipedia.org
18. РИА Новости от 03.03.2020 [Эл.ресурс] // ria.ru (дата обращения: 03.04.2020).
19. Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. – М.: Московская патриархия, 1970, № 5. – С. 25–68.
20. Успенский Н. Д. Коллизия двух богословий в исправлении русских богослужебных книг в XVII веке // Богословские труды: научно-богословский журнал РПЦ. – М.: Московская Патриархия, 1975, № 13. – С. 148–171.
21. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс: [б.и.] 1991. – 601 с. – Репринтное издание: Париж, 1937.
22. Хотеев Алексей, священник. На каком языке говорит Церковь? // http://kronsh.prihod.ru/publikacii,_doklady,_vystuplenija/view/id/1119474.

Р.А. Косолапов*

Т.В. Косолапова**

DOI: 10.25839/q4878-5295-1626-v

Нормативно-правовое обеспечение воспитательной функции церковно-приходской воскресной школы

В статье исследуется нормативно-правовая база, обеспечивающая возможность реализации воспитательной функции в церковно-приходской воскресной школе.

* **Косолапов Руслан Анатольевич**, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», старший преподаватель, аспирант кафедры философии и методологии науки факультета религиозоведения и теологии Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Kosolapov Ruslan Anatolyevich, Irkutsk State University, Senior Lecturer, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Religious Studies and Theology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

** **Косолапова Татьяна Витальевна**, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», директор церковно-приходской воскресной школы православного Прихода храма Святого благоверного князя Александра Невского г. Иркутска, кандидат педагогических наук (г. Иркутск, Россия).

Kosolapova Tatyana Vitalievna, senior lecturer at Irkutsk State University, director of the parish Sunday school of the Orthodox Parish of the Church of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky in Irkutsk, candidate of pedagogical sciences (Irkutsk, Russia).

Проводится сравнительный анализ изменений нормативной базы, регламентирующей деятельность церковно-приходских воскресных школ, разрабатываемой Синодальным отделом религиозного образования и катехизации Московского Патриархата.

Ключевые слова: *нормативно-правовое обеспечение, регламентация, воспитательная функция, религиозная организация, воскресная школа.*

Normative and legal support of the educational function of the parish sunday school

The article examines the legal framework that provides the possibility of implementing the educational function in the parish Sunday school. A comparative analysis of changes in the regulatory framework governing the activities of parochial Sunday schools, developed by the Synodal Department of religious education and catechization of the Moscow Patriarchate, is conducted.

Keywords: *legal support, regulation, educational function, religious organization, Sunday school.*

Религиозная организация, как добровольное объединение граждан с целью совместного исповедания и распространения веры, в процессе своей деятельности выполняет различные социальные функции. Одной из важных функций религиозной организации является воспитательная функция, которая представляет собой целую систему воздействия на человека с глубокими социально-историческими и психологическими корнями. Религиозное воспитание, осуществляемое в традициях определенной религии, является продуманной педагогической системой, осуществляющей воспитательную деятельность своих членов.

Конституция Российской Федерации говорит о светском характере государства вообще [13, ст. 14], так и образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях – в частности. Поэтому для осуществления религиозного воспитания в современных условиях необходимо ориентироваться в законодательстве и иметь представление о нормативно-правовом обеспечении.

Изучение научной литературы по данной теме показало, что проблема нормативно-правового обеспечения воспитательной деятельности религиозных организаций разрабатывается в самых разных аспектах. Так, например, анализ правового поля деятельности религиозных организаций приводится в трудах М.О. Шахова и С.Н. Астапова, а правовые аспекты религиозного образования в России исследовали А.А. Гурылева, В.Н. Ильиченко и А.В. Печерин, В.А. Арсеньев. Краткий анализ правовых оснований деятельности церковно-приходской воскресной школы приведен в исследовании иеромонаха Геннадия (Войтишко).

В соответствии с современным законодательством Российской Федерации, воспитательная функция религиозной организации осуществляется на основе следующих документов:

1. Основным нормативно-правовым документом является принятый 26 сентября 1997 года Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [11];

2. В 2009 году в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации «Об образовании», на основе ежегодных посланий Президента России Федеральному собранию Российской Федерации была разработана «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [1];

3. В новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [4], вступивший в силу с 1 сентября 2013 года, также включена статья «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования»;

4. 29 мая 2015 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [7].

5. 7 мая 2018 г Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [10].

В этих документах говорится о том, что воспитание детей, разделяющих традиционные нравственные ценности, является приоритетной задачей Российской Федерации, и предлагается расширение сотрудничества между государством, обществом, традиционными религиозными общинами и иными общественными организациями, и институтами в сфере духовно-нравственного воспитания детей.

Как видим, духовно-нравственное воспитание на основе религиозных традиций рассматривается как педагогическое направление, имеющее стратегическое значение. Поэтому на государственном уровне российской образовательной системе был сформулирован социальный заказ на такое воспитание подрастающего поколения российских граждан.

Опираясь на законодательство РФ Святейшим Синодом Русской Православной Церкви были разработаны документы, регламентирующие воспитательную деятельность на синодальном, епархиальном и приходском уровнях.

Органом методического и информационного обеспечения православных образовательных учреждений и координации их деятельности на синодальном уровне является учрежденный в 1991 г. Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II «Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви».

Благодаря деятельности этого синодального отдела были разработаны документы по регламентации нормативно-правовой основы воспитательной деятельности приходов, к которым относятся Указ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, вышедший 7 июля 1999 года «О повышении уровня и эффективности церковно-приходской воспитательной и образовательной деятельности» (№ 3786), утвердивший «Положение о Церковно-приходских воскресных школах для епархии г. Москвы», в котором были обозначены цель, задачи деятельности воскресной школы и определено, что «церковно-приходская воскресная школа является начальной формой религиозного образования, посредством которого у детей и взрослых пробуждается и воспитывается произволение ко спасению души, приводящее в итоге к духовному преображению личности и воцерковлению, формируется православное мировоззрение». Этот документ стал ориентиром для всех епархий Русской Православной Церкви.

Реализации положений этих документов не входила в противоречие с уставной деятельностью приходов, но реалии изменяющегося в соответствии с современными потребностями общества Российского законодательства требовали пересмотра и церковных документов.

Поэтому, Священным синодом Русской Православной Церкви был разработан и 10 октября 2009 года принят новый «Типовой устав Местной религиозной организации православного прихода» [9], учитывающий изменения в законодательстве Российской Федерации и расширение возможностей деятельности Приходов.

Новым Уставом было определено что, «Местная религиозная организация православный Приход является добровольным объединением совершеннолетних граждан Российской Федерации, объединившихся в целях совместного исповедания и распространения православной веры. Приход принадлежит централизованной религиозной организации Православная религиозная организация Московская епархия Русской Православной Церкви, в дальнейшем тексте настоящего Устава именуемой Епархия, входит в структуру и юрисдикцию данной Епархии, является ее каноническим подразделением и находится под начальственным наблюдением и высшим руководством Епархиального архиерея и под руководством назначенного Епархиальным архиереем Настоятеля данного Прихода» [9].

В Уставе сказано, что в целях реализации гражданами права на совместное исповедание и распространение православной веры Приход вправе осуществлять религиозное воспитание и обучение религии, а для обучения православному вероисповеданию детей и взрослых Приход может организовывать воскресные школы или воскресные

группы (в зависимости от возможностей Прихода). Следующим этапом в регламентации деятельности церковно-приходских воскресных школ стала разработка и утверждение Священным Синодом РПЦ (согласно журналу №125 от 25 декабря 2012 года) пакета документов:

1. «Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации».

2. «Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации».

В 2014 году дополнительно было принято «Положение об аттестации воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви». Целью аттестации воскресной школы являлось создание единой системы воскресных школ РПЦ и включение ее в епархиальный и общецерковный реестр.

Данные аттестации 2015–2017 гг. показали, что в РПЦ насчитывается порядка 6000 воскресных школ, их воспитанниками являются свыше 170 000 человек. Но по сравнению с данными о наличии церковно-приходских воскресных школ в 2014 году (более 10000) было выявлено, что наметилась тенденция к уменьшению их количества.

Таким образом, проведенный Синодальным отделом религиозного образования и катехизации мониторинг процессов деятельности воскресных школ показал необходимость корректировки подхода к образовательной деятельности воскресных школ.

По поручению Святейшего Патриарха Кирилла специальной рабочей группой при Синодальном отделе религиозного образования и катехизации была проведена экспертная проработка этого вопроса, что позволило выявить следующие проблемы:

1. «До 60 % детей в возрасте, начиная от 11 лет и заканчивая старшими подростками, покидают не только воскресные школы, но и сами приходы» [3, с. 4].

2. «Количество воспитанников в воскресных школах несоизмеримо мало в сравнении с количеством детей того же возраста, проживающих в том же регионе» [3, с.5].

3. Нормативные документы, регламентирующие деятельность воскресных школ по образцу общеобразовательных школ, стали обременительными для исполнения, так как не учитывали особенностей и возможностей Приходов и учащихся. Об этом же говорил Святейший Патриарх Кирилл на Архиерейском Соборе в 2017 году: «Некоторым учащимся школьный подход, может быть, близок, но для многих из них – обременителен. Такие учащиеся теряют мотивацию для по-

сещения воскресной школы, поскольку видят в ней лишь копию обычной школы, с поправкой на то, что здесь преподается не алгебра с физикой и биологией, а церковнославянский язык и церковная история» [2].

4. Жесткая регламентация Стандарта практически исключила творческую и духовную составляющую в деятельности воскресных школ. Слова Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе 2017 года подтверждают эту проблему: «Но ведь основная задача Церкви не в том, чтобы наполнить разум детей суммой знаний, а в том, чтобы помочь им войти в жизнь Церкви, найти в ней свое место, приобщить их к Священному Писанию и Преданию, к литургической жизни...» [2].

5. К проблемам стоит также отнести и то, что при организации деятельности воскресных школ педагоги не всегда ориентировались на психолого-педагогические особенности возрастных категорий воспитанников, и, соответственно, использовали малоэффективные методики ведения занятий.

Для решения обнаруженных проблем было принято решение об обновлении нормативной базы, регламентирующей деятельность воскресных школ – Положения о деятельности воскресных школ для детей Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации и Стандарта учебно-воспитательной деятельности в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации. Корректировка этих документов стала необходимой еще и по причине требований государственных контролирующих органов, так как они трактовали деятельность воскресных школ как образовательную, подлежащую государственному лицензированию.

В соответствии с этими требованиями в 2015 г. в Федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях» были внесены следующие поправки, касающиеся обучения религии и религиозного воспитания, осуществляемого в воскресных школах православных Приходов:

«Религиозные объединения вправе осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в формах, определяемых внутренними установлениями религиозных объединений, не являющихся образовательной деятельностью» [11].

Под обучением религии понимается просветительная деятельность без признаков образования: «не обязательно систематическая, без аттестации (экзаменов), без достижения некоего фиксированного уровня образования, без выдачи документа об образовании, обычно кратковременная и т.д. Обучение религии и религиозное воспитание

могут осуществляться без получения государственной лицензии, поскольку это не считается образованием» [12].

Под обучением религии понимается просветительная деятельность без признаков образования: «не обязательно систематическая, без аттестации (экзаменов), без достижения некоего фиксированного уровня образования, без выдачи документа об образовании, обычно кратковременная и т.д. Обучение религии и религиозное воспитание могут осуществляться без получения государственной лицензии, поскольку это не считается образованием» [5].

Одна из самых распространенных форм обучения религии и религиозного воспитания – это воскресные школы при приходах, монастырях.

Относительно этих поправок и вышеизложенных выявленных проблем по организации деятельности воскресных школ была проведена большая работа по исправлению синодальных документов. Свои замечания и предложения вносили практически все синодальные ведомства, высшие учебные заведения Церкви, представители педагогического и экспертного сообществ. На основе этих предложений «Положение о деятельности воскресных школ для детей Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации» [6], и «Стандарт учебно-воспитательной деятельности в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации» [8] претерпели восемь редакций. Новые документы были утверждены на заседании Священного Синода 9 марта 2017 года. В этих документах учтены все замечания, как со стороны Синодального отдела, православной общественности, так и со стороны государственных органов.

На настоящий момент, в соответствии с нормативными документами РПЦ и действующим законодательством РФ, Воскресная школа, как структурное подразделение Прихода без права юридического лица создается для обеспечения воспитательной функции Прихода. Особенностью церковно-приходской воскресной школы является то, что в своей деятельности она не реализует основные и дополнительные образовательные программы и соответственно не подлежит лицензированию в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. В процессе религиозного воспитания и обучения религии учащихся воскресной школы возможно использование различных видов воспитательной деятельности, таких как:

- богослужбная деятельность, в процессе которой происходит литургическое общение всех учащихся воскресной школы;

- учебная деятельность, которая регулируется нормативным документом «Стандарт учебно-воспитательной деятельности в воскрес-

ных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации», включающим в себя требования к объему и содержанию процесса обучения религии и религиозного воспитания детей в рамках воскресной школы, содержащим «комплекс базовых вероучительных знаний и опыт веры, передача которых направлена на приобщение воспитанников к духовной жизни в лоне Русской Православной Церкви, приобретение личного духовного опыта и на воспитание активной и многогранной личности православного христианина» [8];

– практическая деятельность, включающая прикладное, культурно-эстетическое, научное, концертное, патриотическое, паломническое, оздоровительно-туристическое, социальное и др. виды воспитания, не противоречащие Канонам православия.

Как видим, все занятия в воскресной школе направлены на приобщение и участие воспитанников в литургической жизни Прихода, церковных и приходских праздниках, в социальной, миссионерской и иной приходской работе.

Мы полагаем, что в целом реализация воспитательной функции церковно-приходской воскресной школы обусловлена специфическими чертами религиозной организации, таких как наличие религиозно-церковного и семейного компонентов.

При этом, под религиозно-церковным компонентом мы понимаем такую организацию воспитательного процесса, которая заключается в соподчинении всех сторон жизнедеятельности участников образовательных отношений религиозному началу, чем обеспечивается иерархическая направленность всего воспитательного процесса: духовное → душевное → телесное, соответствующая антропологическому устройству человека.

Под семейным компонентом подразумевается то, что религиозное воспитание осуществляется при участии всей семьи и реализуется через педагогическое и душепопечительское сопровождение семей учащихся. Чем обеспечивается социально-педагогическое взаимодействие всех участников воспитательного процесса (семьи, школы и церкви). Такая специфика воспитательной функции церковно-приходской воскресной школы, ориентирует учащихся на непреходящие нравственные ценности, свойственные национальной культуре и способствует эффективному духовно-нравственному воспитанию.

Таким образом, проведенный анализ показал, что благодаря нормативно-правовому обеспечению на всех уровнях законодательной власти осуществление воспитательной функции церковно-приходской воскресной школы в объеме, необходимом для религиозного воспита-

ния членов религиозной организации является возможным и не только не противоречит современному законодательству, но и помогает личности обрести духовное равновесие и опору в жизни, ориентирует учащихся на непреходящие нравственные ценности, свойственные национальной культуре, способствует органичному сочетанию полученных духовных знаний и духовной практики с современной жизнью и воспитанию морально компетентного и высоконравственного человека.

Источники и литература

1. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – 70 с.
2. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе 2017 г. [Электронный ресурс] // PATRIARCHIA.RU: официальный сайт Московского Патриархата – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5072836.html>
3. Иеромонах Геннадий (Войтишко). Создание благоприятной для детей среды – ключевая задача приходского попечения. О смене парадигмы в отношении приходской работы с детьми // Православный экономический вестник. – 2018. – № 5 (143). – С. 4–12.
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // www: // <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974>
5. Организация религиозного образования и катехизации в епархии. Правовая регламентация религиозно-образовательной деятельности [Электронный ресурс] // Православное образование – Режим доступа: <https://pravobraz.ru/organizaciya-religioznogo-obrazovaniya-i-katehizacii-v-eparhii-pravovaya-reglamentaciya-religiozno-obrazovatelnoj-deyatelnosti/>
6. Положение о деятельности воскресных школ для детей Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] // Православное образование – Режим доступа: <https://pravobraz.ru/polozhenie-o-deyatelnosti-voskresnyx-shkol-dlya-detej-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-na-territorii-rossijskoj-federacii-2/>
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // www: // <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>
8. Стандарт учебно-воспитательной деятельности в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] // Православное образование //www: <https://pravobraz.ru/standart-uchebno-vospitatelnoj-deyatelnosti-v-voskresnyx-shkolax-dlya-detej-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-na-territorii-rossijskoj-federacii/>
9. Типовой Устав прихода Русской православной церкви Московского патриархата [Электронный ресурс] // Московская епархия Русская Православная Церковь Московский Патриархат // www: <http://www.mepar.ru/documents/circulars/2009/11/20/3506/>
10. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" и Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденные Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 года № 8028п-П13 [Электронный ресурс] //www: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335693/ea8c22ebf4b1712274773710a52af45899b9eacd.

11. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ [Электронный ресурс] // www: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218.

12. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс] // www:// <https://rg.ru/2015/07/16/religia-dok.html>

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

Е.А. Курдюкова*

DOI: 10.25839/w8577-1386-6617-h

Общественный контроль оказания помощи осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе малолетних детей

В статье рассматривается вопрос общественного контроля в сфере материнства и детства, в местах лишения свободы, его правовая база, способы и методы осуществления, а также его положительное и отрицательное влияние на деятельность учреждений и органов УИС. Проблематика полной и всесторонней реализации общественного контроля в отношении женщин и детей, предопределяется действующим законодательством, в области исполнения уголовных наказаний. С целью преодоления указанных препятствий, осуществляется теоретико-прикладной анализ нормативно-правового осуществления контроля в Российской Федерации и за рубежом, а также приводят часто встречающиеся нарушения в этой области, на примерах судебной практики. Основным методом исследования, в статье, выступает системно-структурный подход, используемый при обосновании оптимальных форм и методов общественного контроля в сфере материнства и детства в местах лишения свободы. Результатами исследования стало, вскрытие проблемных вопросов, связанных с реализацией общественного контроля, что дает нам право на согласованность дальнейшего развития и усовершенствования вопроса совместной политики общественных наблюдательных комиссий и УИС.

Ключевые слова: материнство, детство, общественный контроль, общественные наблюдательные комиссии, надзор.

Public control about providing assistance to condemned pregnant women and women who have personality of children

This article considers the issue of public control in the field of motherhood and childhood, in prisons, its legal framework, methods and methods of implementation, as well as the positive and negative impact on the activities of institutions and bodies of the penal cor-

* Курдюкова Елена Александровна, преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права юридического факультета Академии ФСИН России (г. Рязань, Россия).

Kurdyukova Elena Aleksandrovna, Lecturer of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Law Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

rection system. The issue of full and comprehensive implementation of public control in relation to women and children is initially determined by the current legislation in the field of the execution of criminal sentences and thereby narrows it. For this purpose, a theoretical and applied analysis of the regulatory implementation of control in the Russian Federation and abroad is carried out, as well as frequent violations in this area are cited, using examples of judicial practice. The main research method, in the article, is the system-structural approach used to justify the optimal forms and methods of public control in the field of motherhood and childhood in prisons. The results of the study were the opening of problematic issues related to the implementation of public control, which gives us the right to coordinate further development and improvement of the joint policy issue of public monitoring commissions and the penal correction system.

Keywords: *motherhood, childhood, public control, public supervisory commissions, supervision.*

Избрание Российской Федерацией курса на гуманизацию и демократизацию исполнения уголовных наказаний послужило отправной точкой в возможности осуществления разностороннего контроля деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России.

Нельзя не согласиться с мнением профессора С.М. Зубарева, что вся структура уголовно-исполнительной системы, играет важную социальную роль не только в виде инструмента противодействия преступности, при помощи исполнения наказания, но и в виде общественного механизма, составные части которого призваны защищать законные права и интересы специфичной социальной группы.

Суть общественного контроля во всех сферах деятельности зачастую сводится к соблюдению такого конституционного принципа, как законность [4, с. 448-455; 5]. Он воплощает, с одной стороны признание верховенства Конституции РФ и иных нормативно-правовых актов, с другой – предопределяет абсолютное повиновение всех членов общества и государства, установленному законодательством поведению.

Профессор Н.И. Полищук, в свою очередь, определил правовую основу общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы в целом, как законодательные установления в пенитенциарной сфере четко определяющие, как следует поступать в той или иной нормативно очерченной ситуации, какое поведение является правоммерным, что можно, нужно или нельзя делать в определенном, урегулированном правом общественном отношении [1, с. 145].

Юридический базис общественного контроля деятельности УИС, осуществляется на основе:

– Конституции РФ, содержащей в себе основную суть контроля, а именно соблюдение принципов законности, справедливости, неотвратимости наказания;

– ФЗ от 21 июля 1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», содержащий в себе перечень лиц, которые либо в силу должностных обязанностей осуществляют контроль, в органах и учреждениях исполняющих наказание, либо специально создаваемые, примером чего являются общественные объединения;

– ФЗ от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», определяет формы общественных объединений, среди которых общественные организации, общественные движения, общественный фонд, общественные учреждения и т.д.

– ФЗ от 8 января 1997 г. 1-ФЗ «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», регламентирующий степень участия общественных объединений в осуществлении общественного контроля обеспечения прав человека, а также их содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания;

– ФЗ от 10 июня 2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», в котором устанавливаются правовые рамки участия общественных объединений в общественном контроле за соблюдением прав осужденных и в последующем создании условий для их ресоциализации.

Ведомственные нормативные акты, регламентирующие общественный контроль, призваны определить круг прав и обязанностей, а также их соблюдение, каждой категорией осужденных, в зависимости от их функциональных обязанностей до нарушения закона, к числу которых стоит отнести:

– Приказ Министра обороны РФ от 20 января 2009 № 17 «О порядке посещения членами общественных наблюдательных комиссий мест принудительного содержания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации»;

– Приказ ФСБ России от 16 февраля 2009 № 55 «Об утверждении Правил посещения членами общественных наблюдательных комиссий мест принудительного содержания, находящихся в ведении пограничных органов»;

– Приказ Генпрокуратуры России от 16 января 2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учре-

ждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и т.д.».

Исходя из названия общественного контроля, как вида деятельности можно сделать вывод, что это контроль со стороны институтов общества за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, а статья 23 УИК РФ, предписывает содействовать общественным объединениям их работе.

Общественный контроль, возможно, рассмотреть в рамках функционирования общественных организаций, примером которых является Фонд помощи заключенным, возглавляемый М.В. Каннабих, приоритетами которого выступают, попечение и забота об осужденных женщинах и детях, находящихся в домах ребенка при исправительном учреждении. Полномасштабный проект фонда «Аврора», запущенный в 2007 году, в виде социально-реабилитационного центра осуществляет значимую юридическую, психологическую и трудовую поддержку для освободившихся женщин московского региона.

УИК РФ содержит ограничительный перечень общественных формирований, к которым относятся попечительские советы, родительские комитеты в воспитательных колониях и общественные наблюдатели. Данный вид общественного участия в жизни осужденных широко развит в пенитенциарной системе Германии, где попечители оказывают содействие руководству исправительных учреждений посредством психологических тренингов и адаптации условий нахождения в неволе к общепринятым условиям в обществе.

Контроль со стороны СМИ и правозащитных организаций за деятельностью органов и учреждений УИС, выражается в праве на их посещение, но с оговоркой «наличие специального разрешения» администрации исправительного учреждения, а интервьюирование осужденных осуществляется с их письменного согласия.

Институт проблем современного общества, функционирующий в виде сетевого издания, осветил проблематику отбывания наказания женщинами с малолетними детьми, в колонии – поселении № 48 ГУФСИН России по Красноярскому краю. Вопрос о невозможности дальнейшего нахождения матери и ребенка в ИУ, возник после прокурорской проверки, которая показала, что **нет условий для проживания малолетних детей в колонии-поселении, а предыдущая десятилетняя практика такого сосуществования была неким социальным экспериментом.**

Внутриведомственным органом общественного контроля при ФСИН России с 2006 года, является Общественный совет по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы, целью которого является привлечение общественности к содействию в разрешении вопросов стоящих перед УИС, отстаивании прав и свобод осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. Совет действует на основе утвержденного плана основных направлений и основной его формой деятельности, являются заседания, проводимые не реже одного раза в полугодие.

Совет включает в себя шесть рабочих групп, одна из которых оказывает содействие в социальной адаптации и ресоциализации наиболее уязвимым категориям осужденных (несовершеннолетние, осужденные женщины и инвалиды). Члены группы это, представители общественных объединений, таких как «Союз благотворительных организаций России», «Общее дело», «Вера, надежда, любовь» и центра кризисной психологии.

Совмещение различных форм общественного участия в сосуществовании, с одной стороны неотвратимости исполнения уголовного наказания, с другой стороны неукоснительного соблюдения международных и национальных нормативно-правовых актов гарантирующих защиту жизни и здоровья каждому человеку, и вбирает в себя централизованную, последовательную и совместную работу, как органов и учреждений исполняющих наказание, так и общественных объединений.

Например, оказание специалистами детского правозащитного фонда «Шанс» правовой помощи осужденным женщинам в ИК-6, дети которых находятся в домах ребенка при ИУ, передача им игрушек, развивающей литературы и творческих наборов, облегчает деятельность в данном направлении администрации учреждения, а также снимает часть материальной нагрузки и позволяет ее перераспределить на другие нужды для указанной категории, например медицинское обеспечение или дополнительное вещевое имущество.

Таким образом, закрытость органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, не является препятствием для своевременной и всесторонней помощи осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе малолетних детей, по средствам организации социально-правовой, материально-бытовой, санитарно-гигиенической, помощи, во время отбывания наказания и после освобождения, общественными организациями, наблюдательными комиссиями и попечительскими советами.

Осуществление контроля и надзора со стороны должностных лиц и государственных учреждений, за деятельностью структурных подразделений ФСИН России в целом, позволит усовершенствовать существующее законодательство, своевременно и адресно принять необходимые нормативно-правовые акты, касающиеся такой уязвимой категории в исправительном учреждении, как малолетние дети.

В целях совершенствования сотрудничества с институтами гражданского общества и осуществления контроля за деятельностью УИС, необходимо рассмотреть возможность привлекать общественные объединения в рассмотрение систематических случаев нарушения режима отбывания наказаний, а не их участие в отдельно взятых инцидентах; осуществлять совместный контроль с представителями государственной власти и Уполномоченными по правам человека и уполномоченными по правам ребенка. Проработать наиболее важный пробел, заключающийся в своевременном информировании и разъяснении СМИ потенциально неправильно распространённой информации о жизнедеятельности ИУ.

Источники и литература

1. *Кохман В.Н., Полищук Н.И.* Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 205 с.

2. *Зубарев С.М.* О некоторых аспектах совершенствования правового регулирования государственного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания / В сб.: Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации зарубежных стран: материалы Всероссийского научно-практического семинара. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2017. – С. 141–149.

3. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ [Электронный ресурс] //URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.04.2020).

4. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 504 с. – (Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс).

5. См., подроб.: Социалистическая законность и юридическая ответственность в деятельности ИТУ. Учебное пособие // Комаров С.А., Рыбаков В.А., Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. – Уфа, УВШ МВД РФ, 1990.

Положение православной церкви в регионе Донбасса в условиях нацистской оккупации (1941–1943)

Настоящая статья посвящена проблеме выживания Православной Церкви в Донецком бассейне в период нацистской оккупации 1941–1943 гг. На основе материалов донецких региональных архивов и дополнительных исторических источников автор анализирует сложное и зависимое положение Православной Церкви и Её священников в тяжелых условиях германского «нового порядка». Также в статье рассматривается деятельность украинских национал – коллаборационистов из раскольнической «Украинской автокефальной православной церкви», пытавшейся установить доминировать в религиозной сфере Донбасса.

Ключевые слова: Православная Церковь, Донбасс, нацистская оккупация, коллаборационизм, украинский национализм.

Position of the orthodox church in Donbass region in terms of the nazis occupation (1941–1943)

Present article is devoted to the problem of the Orthodox Church surviving in Donbass basin during the Nazis occupation in 1941–1943. On the base of files out of the Donetsk regional archives and supplementary historical sources an author analyses difficult and dependent position of the Orthodox Church and Its priests in Donbass region in hardly terms of the German “New Order”. Also in the article are examined activities of the Ukrainian national collaborators out of the splitting “Ukrainian Autocephaly Orthodox Church” which had tried to establish its domination in religious sphere of Donbass region.

Keywords: Orthodox Church, Donbass region, Nazis occupation, collaboration, Ukrainian nationalism.

Постановка проблемы. Донецкий край еще со времен Киевской Руси являлся южной периферией Русской православной цивилизации. С XVI века на территории Дикого Поля началось становление Святогорской Свято-Успенской Лавры, ставшей важным духовным и культурным центром Юга России. Вплоть до самого крушения Российской империи в городах и поселках Донецкого бассейна развивалось строительство православных церквей и богоугодных заведений. Но, после революции 1917 г. большевистские гонения на Церковь пагубно отразились на православной жизни в Донбассе: в начале 1920-х годов была закрыта, частично разрушена и превращена в санаторий для партийной

* **Мартынов Алексей Сергеевич**, историк, свободный исследователь (г. Донецк, Донецкая народная республика (ДНР).

Martynov Alexey Sergeevich, historian, free researcher (Donetsk, Donetsk People's Republic (DPR).

номенклатуры древняя Святогорская Лавра; в течение 1930-х годов произошло массовое закрытие и разрушение церквей; многие священнослужители и верующие пострадали от политических репрессий.

К началу Великой Отечественной войны Православие в Донбассе находилось в глубоком духовном «подполье», но трагические события нацистской оккупации, а также вынужденное изменение политики руководства СССР в отношении Русской Православной Церкви привели к радикальному изменению церковной жизни в Донбассе: в условиях оккупации и коллаборационизма произошло определенное «религиозное возрождение» в регионе, началось открытие молитвенных домов и церквей, массовое воцерковление местного населения. При этом, вопреки расчетам гитлеровских оккупантов, значительная часть верующих сохранила патриотическую ориентацию на Московскую Патриархию, которая с самого начала войны заняла принципиальную антифашистскую позицию, и после освобождения Донбасса от гитлеровцев (осень 1943 г.) процесс церковного возрождения был продолжен в условиях советского государственного строя, претерпевшего определенную идеологическую и социально-культурную эволюцию за время войны.

Вышеуказанный сложный исторический процесс 1941–1943 гг. и последующих лет к настоящему времени недостаточно изучен в историографии истории Русской Православной Церкви эпохи Великой Отечественной войны. По существу, история Православного Донбасса периода нацистской оккупации отражена лишь в немногочисленных краеведческих исследованиях и требует дальнейшего системного изучения. Так, в работах Д.Н. Титаренко частично рассматривается использование религиозной тематики в политической пропаганде нацистских оккупантов в зоне военной администрации Донбасса [28; 29].

В исследовании луганского историка В.И. Абакумовой, опубликованном в 2013 г., проанализирована культурная и религиозная политика нацистских оккупантов в Ворошиловграде-Луганске [1]. В 2013 г. в Донецком национальном университете (ДонНУ) вышла монография профессора В.Н. Никольского по проблеме репрессий православного духовенства Донбасса советскими органами госбезопасности: в данной работе, основанной на рассекреченных архивах НКВД-МГБ, в том числе рассматривалась деятельность священников в период оккупации [16]. В 2015 г. в отдельной статье В.Н. Никольский обобщил патриотическую деятельность донбасских священников за годы войны [17].

Серьезными историко-архивными исследованиями являются статьи М.И. Ребровой о церковной жизни Донецкой области в условиях нацистской оккупации, в том числе о попытках проникновения в Донбасс раскольников из «Украинской автокефальной православной церкви» – УАПЦ [23; 24]. Деятельность коллаборационистов УАПЦ в Донецком крае подробно излагается в книге украинского националиста-эмигранта Льва Шанковского «Походные группы ОУН» [33], а также в сборнике документов националистического историка А. Добровольского «ОУН на Донетчине» [18]. Хотя книги Л. Шанковского и А. Добровольского имеют ярко выраженный антисоветский и русофобский характер и направлены на героизацию украинских националистов, тем не менее, в них содержится значительный фактический материал, характеризующий феномен украинского религиозного коллаборационизма в Донбассе.

Политика ОУН в сфере церковных отношений на Востоке УССР частично рассматривается в работе американского исследователя украинского национализма Джона Армстронга, изданной в 1955 г. [2, с. 225–250]. В целом же комплексное воссоздание общественно-религиозной истории Донбасса и Юга России в эпоху Великой Отечественной войны (и в особенности в годы оккупации) нуждается в проведении дополнительных исследований с привлечением документов региональных архивов.

В настоящей статье автор рассматривает особенности религиозной жизни Донбасса в условиях гитлеровской оккупации и украинского политического коллаборационизма, обобщает деятельность Православной Церкви на временно оккупированных территориях Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областей. Отдельно анализируется феномен прозелитизма раскольнической украинской «автокефальной церкви», тесно связанной с «Организацией украинских националистов» (ОУН) фракции бандеровцев.

Хронологические рамки исследования охватывают период оккупации Донецкого края с осени 1941 г. по лето 1943 г.

Работа основана на материалах Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР), а также дополнительных исторических источниках. Автор широко использовал публикации украинско-немецких оккупационных газет, содержащих важную информацию о деятельности церквей в регионе.

Религиозная политика гитлеровцев и Православие. Политика германских властей в отношении деятельности Православной Церкви на территории Украинской ССР разрабатывалась «Министерством оккупированных восточных территорий» рейхслейтера Альфреда Ро-

зенберга, на основе инструкций которого действовали власти рейхс-комиссариата «Украина» и «зоны военной администрации», в которую входил и Донбасс. В генеральном округе (генерал-бецирке) «Сталино» частично воспроизводились политические, социально-экономические и религиозные практики, применявшиеся в рейхскомиссариате «Украина». В начальный период оккупации рейхсминистр Востока А. Розенберг направил рейхскомиссару Украину Эриху Коху специальную инструкцию от 18 ноября 1941 г., в которой рекомендовал не вмешиваться в личную религиозную жизнь населения, но при этом внедрять украинский язык в богослужение и *«препятствовать любому влиянию русского Православия и его священников»*, а также не допускать политической деятельности конфессий. [34, с. 290].

В инструкции А. Розенберга особо оговаривалось, что украинско-го архиерея следует воспринимать *«исключительно в качестве назначенного рейхсминистром занятых восточных территорий украинского доверенного лица»* [34, с. 291]. В последующих инструкциях для рейхскомиссаров Остланда и Украины от 13 мая 1942 г. А. Розенберг снова поставил вопрос о поддержке раскольнической «автокефальной Украинской церкви» для противодействия Русской Церкви в «русских областях расселения» [34, с. 209–210].

По замыслу А. Розенберга, «Украинская церковь» должна была использоваться для *«раскола Православной Церкви московского направления, которая является носителем панславянской идеи»* [34, с. 210]. В своей речи перед немецкими оккупационными чиновниками в Риге 16 мая 1942 г. А. Розенберг прямо заявил: *«Русская Православная Церковь была инструментом власти царизма, и наша политическая задача состоит теперь в том, чтобы там, где существовала Русская Церковь, образовать другие церковные формы. В любом случае мы будем препятствовать, чтобы Великорусская Православная Церковь имела господство над всеми народностями»* [34, с. 230]. Таким образом, нацистский рейхсминистр Востока уже в начальный период оккупации советских областей определил Русскую Православную Церковь как основного религиозно-политического противника Третьего рейха в идеологической войне с СССР.

Командующий экспедиционным корпусом фашистской Италии на Юге России маршал Джованни Мессе в своих мемуарах сообщает, что германские власти также ограничивали деятельность и римско-католических священников на оккупированной территории: итальянским капелланам запрещалось проводить службы для местного населения, при этом Русская Православная Церковь «все еще оказывала

влияние на часть людей, несмотря на двадцать лет большевистского режима». Православное духовенство, по словам маршала Дж. Мессе, якобы примирительно относилось к католикам [13, с. 79].

В воспоминаниях Дж. Мессе констатируется, что немецкая политика на Украине имела «колониальный характер» и немецкие власти вызывали сопротивление гражданского населения, партизанскую борьбу [13, с. 80–81], в целом же Германия своими действиями «не вызывала доброжелательности и симпатий, а также дух сотрудничества у мирного населения» [13, с. 84]. Поскольку итальянские войска с осени 1941 г. долгое время находились в Донецком бассейне, приведенные оценки маршала Джованни Мессе можно прямо отнести к городам и районам Донбасса. Следует добавить, что массовое неприятие местным населением фашистского «нового порядка» могло служить дополнительным фактором активизации оккупантами религиозной пропаганды, рассчитанной на притесненную Советской властью группу верующего населения с антисоветскими настроениями.

Враждебность А. Розенберга к РПЦ помимо прочих объективных факторов объяснялась активной патриотической и антифашистской деятельностью Московской Патриархии, которая с начала войны выступила с изобличением немецко-фашистской агрессии. В своем обращении от 22 июня 1941 г. ко всем приходам РПЦ митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) призвал всех православных к борьбе за Родину и предостерег духовенство от измены Родине и пастырскому долгу [21, с. 15–17]. Обращение митрополита Сергея было проникнуто русским национальным и религиозным чувством, столь несвойственным тогдашней советской пропаганде: *«Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили ... о священном своем долге перед родной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и по вере»* [21, с. 16].

На молебне о победе русского воинства 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе Москвы митрополит Сергей выступил с речью о борьбе с немецкими захватчиками и одновременно высказал пожелание, которое могло быть иносказательно адресовано советским властям: *«Да послужит и наступившая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной, да унесет она с собой всякие тлетворные миазмы...»* [21, с. 83–86].

В 1941–1942 гг. за литургией в РПЦ читалась особая молитва о даровании воинству победы над врагами [21, с. 87–88], в церквях совершался «Молебен о нашествии супостатов» [21, с. 89–92]. Митрополит Киевский Николай (Ярушевич) во время литургии в Кафедральном Богоявленском соборе Москвы 3 августа 1942 г. произнес пространную речь с осуждением гитлеровской агрессии на Украине и призывом к верующим поддержать Красную Армию [21, с. 105–111]. Как отметил митрополит Николай, *«все гитлеровские крики якобы о «защите христианства», о «крестовом походе» во имя этой «защиты», – всё это маска лицемерного врага, который не гнушается никакими средствами для достижения своих гнусных целей»* [21, с. 109]. Такого рода антифашистские воззвания священноначалия РПЦ при поддержке советских спецслужб массово тиражировались в виде листовок и распространялись на оккупированной территории среди верующих, поддерживая патриотические настроения местного населения.

Православная жизнь Донбасса в условиях оккупации. Германские оккупационные власти при помощи пропаганды и популистских акций, демонстрировавших «религиозное возрождение» захваченных вермахтом областей, пытались дискредитировать Московскую Патриархию и дезориентировать верующих. Так, в сентябре 1942 г. в газете Юзовской (Сталинской) городской управы «Донецкий вестник» была напечатана статья «Свобода совести и религии на Востоке», в которой утверждалось: *«Великий Германский Рейх предоставил народам освобожденных германскими войсками областей полную свободу религиозной и церковной жизни».*

Фашистская пропаганда заявляла, что священнослужители каждой отдельной народности теперь могут исповедовать ту религию, которая им по душе [26]. В городе Бахмуте (Артемовске) немецкие оккупанты начали ремонт Свято-Троицкого собора, разрешили в нем службу и подарили колокол Всехсвятской церкви. После войны Всехсвятская церковь была закрыта, причём с неё даже снимали купола, были потеряны ценные иконы [11, с.47–48]. На праздники Рождества, Троицы и Пасхи немецкие военные власти устраивали выходные дни, в районе I танковой армии даже выдавали денежную и продовольственную помощь, открывали школы, передавали землю в аренду и т.д. Церковные праздники отмечались по григорианскому календарю [29, с.28].

В апреле 1942 г. к празднику Пасхи издававшаяся украинскими националистами «Мариупольская газета» опубликовала большую подборку материалов «Христос Воскрес!» с описанием широкого празднования Пасхальных дней в Мариуполе: проведение торжественных литур-

гий, трансляция по Мариупольскому радиоузлу ночной Пасхальной утрени и т.д. [32]. В апреле 1943 г. Пасха праздновалась в Донбассе также широко. Газета «Донецкий вестник» напечатала пропагандистскую статью «Пасха 1943 года – праздник возрождения» с благодарностью германской армии за то, что спустя 25 лет теперь можно без Сталина и НКВД «провести праздник святой Пасхи по своим старым обычаям». В этой же статье осуждались московские митрополиты, «под пистолетами НКВД» обманывающие русский и украинский народы [19].

Подобные публикации, дискредитирующие иерархов РПЦ, регулярно печатались в оккупационной прессе Донбасса. Например, 30 мая 1943 г. «Донецкий вестник» разместил статью «ГПУ в рясе епископов», в которой критиковались очередные воззвания митрополита Московского Сергия и митрополита Киевского и Галицкого Николая: в этих советских листовках слово «Бог» якобы писалось с маленькой буквы, а обращение «Вы» к Сталину с большой [10]. Если допустить, что такой факт действительно имел место (а подобные листовки часто тиражировались политуправлениями фронтов или партизанскими отрядами), то в данном случае немецкая пропаганда удачно его использовала. Для дискредитации РПЦ фашистские пропагандисты часто заявляли о репрессиях духовенства в СССР – так, в июле 1943 г. газета «Эхо Приазовья» сообщила о расстреле в Ростове и Ворошиловграде 10 православных священников, совершавших богослужение в период пребывания в этих городах германских войск [22]. Запугивая православных людей возможными репрессиями Советской власти, гитлеровцы стремились навязать духовенству и верующим убеждение в бессмысленности сопротивления и безальтернативности коллаборационизма.

Согласно материалам Управления НКВД Сталинской области за апрель 1943 г., на оккупированной территории Донбасса вели «контрреволюционную деятельность» духовенство созданных при оккупантах церковей и проповедники религиозных сект: в проповедях священники православной и «автокефальной» церковей и сектанты призывали население к борьбе с Советской властью и оказанию помощи оккупантам [7, л. 8 об. – 9 об.]. По данным УНКВД Сталинской области, еще в начальный период оккупации (до февраля 1942 г.) в поселке Яма (ныне город Северск) бывший бригадир сельхозтехникума, украинец, распространял фашистские листовки и «проводил антисоветскую религиозную пропаганду», заявляя: «...С приходом немцев мы стали праздновать рождение Христа, значит, жизнь будет новая на земле...» [8, л. 85].

В Донбассе проводились благодарственные молебны с упоминанием немецких солдат как борцов с «безбожным иудо-большевизмом», с амвонов церковей звучали призывы ехать на работу в Германию. В январе 1943 г. в Старобельске молились о том, чтобы большевики не приблизились к городу [29, с.26]. В Ворошиловграде с 1942 г. в кинотеатре «Безбожник» (в здании бывшего храма) оккупанты восстановили церковную общину, также были восстановлены иконостасы в церкви Казанской Божьей Матери и Свято-Николаевском соборе [1, с.121]. В декабре 1942 г. в селе Петривци Верхне-Теплиевского района Ворошиловградской области открылась церковь, и было проведено богослужение для жителей соседних сел, после чего в доме церковной общины был устроен обед [20]. В религиозной пропаганде гитлеровцы использовали даже школу. Так, в апреле 1943 г. гарнизонный комендант Юзовки-Сталино полковник Петерс, военный советник Норушат и бургомистр Эйхман организовали «Пасхальный утренник» для детей в школе № 18. На празднике с куличами, яйцами и оркестром было заявлено: *«Мы благодарим Германское командование и Вождя немецкого народа Адольфа Гитлера за их теплое отношение к нашим детям»* [31]. Стоит отметить, что немецкие военные преступники Петерс и Норушат являлись фактическими «хозяевами» Сталино и организаторами многочисленных гуманитарных преступлений во время оккупации.

Количественные показатели «религиозного возрождения» периода оккупации были довольно высокими. В 1940 г. в Сталинской области ни одно культовое помещение не использовалось по назначению, тогда как за период оккупации было открыто 79 православных церквей и 140 молитвенных домов, в которых служило 179 священников, 139 дьяконов и псаломщиков [28, с.62]. Первый молитвенный дом в Сталино был организован германским командованием уже 27 октября 1941 г., т.е. через неделю после оккупации города. В декабре 1942 г. этот молитвенный дом в качестве Преображенского православного храма был освящен управляющим Донецкой епархией – митрофорным протоиереем Арсением Книшевым. В храме еженедельно совершались службы по субботам и воскресеньям, в праздники в храм приходило до 500 человек. Примечательно, что храм сумел изыскать 130 тысяч рублей на изготовление иконостаса [6].

Уже в ноябре 1941 г. УНКВД Сталинской области отмечало *«особое покровительство деятельности церковников»* на оккупированной территории Донбасса: например, в Красноармейске был начат ремонт храма и два раза проводились богослужения [8, л. 32]. По сообщению «Донецкого вестника», 16 января 1942 г. в «Центральном молитвен-

ном доме гор. Юзовка» состоялось собрание православного духовенства «патриаршей ориентации» и представителей от приходов с целью избрания «временного церковного управления» и установления связи с православным епископом в Киеве [27]. Сам факт такого собрания свидетельствовал, что германские власти хотят централизовать церковную жизнь Донбасса и переподчинить местные приходы своим ставленникам в Киеве, а не Московской Патриархии.

К апрелю 1942 г. в документах Сталинского УНКВД отмечалось, что в городах Сталино, Макеевка и других открыты и действуют молитвенные дома [8, л. 142]. В Мариуполе к декабрю 1942 г. был разработан проект строительства кафедрального собора в византийском стиле с украинским орнаментом: здание должно было иметь 50 м. в высоту, площадь в 27 тыс. м³ и вместительность в 2 тыс. человек. Стоимость сооружения в ценах 1941 г. составляла около 25 млн. рублей [5]. Понятно, что этот архитектурно-пропагандистский «шедевр» эпохи оккупации так и остался на бумаге, но размах планов мариупольских коллаборационистов не может не удивлять, особенно на фоне нищенского существования населения Донбасса в условиях жесточайшей эксплуатации и террора фашистов.

В октябре 1942 г. «Донецкий вестник» сообщил, что уже 10 месяцев на городском центральном рынке Юзовки-Сталино работает магазин церковной утвари, в котором продаются кресты, иконы, священные книги и картины, воск для свечей, а из Святогорска регулярно доставляется ладан; это был единственный в городе церковный магазин [12]. Примечательно, что в Святогорске Свято-Успенская Лавра, закрытая еще в начале 1920-х годов, в период оккупации частично возобновила свою работу. О проведении богослужений в Славянске и Святогорской Лавре свидетельствует личный дневник местного архиерея Авраамия за 1942–1943 гг. [3].

Согласно записям Авраамия, в июле 1942 г. на собрании монашествующих в Троицком соборе Славянска благочинный протоиерей Константин Ружицкий предложил восстановить Святогорскую обитель, которая к тому времени находилась в запустении [3, с.97–98]. На Крещение 19 января 1943 г. на реке Донец возле обители было совершено богослужение в присутствии оккупационных властей [3, с.98–99]. Во время оккупации Артемовска священник Иван Крещановский восстановил и открыл 11 церквей, где проводились богослужения за победу над врагом, причем Крещановский имел в виду германскую армию, за что в 1942 г. был снят немцами с должности благочинного [16, с.128]. В июле 1943 г., за два месяца до окончания оккупации, «Донец-

кий вестник» сообщил верующим, что Донецкое епархиальное управление переводится из города Рыково (Енакиево) в центр епархии – Юзовку. При епархиальном управлении была оборудована «комната для приезжающих», все благочинные должны были явиться в управление за инструкциями [9]. В начале сентября 1943 г. Донбасс был освобожден от гитлеровских оккупантов и их пособников. К этому времени в Донецкой области было открыто 232 церкви [24, с.195]. После освобождения Донбасса открытые за время оккупации церкви в основном продолжили работать, но к концу 1940-х годов советские органы власти внедрили практику постепенного закрытия приходов. Часть священников, совершавших служение при оккупантах, была репрессирована.

Украинский религиозный коллаборационизм. В 1941–1942 гг. в рейхскомиссариате «Украина» Восточное министерство А. Розенберга инициировало конкуренцию между «Украинской автокефальной православной церковью» (УАПЦ) и «Автономной Православной Церковью» (АПЦ), объединившей оставшиеся в оккупации приходы Московской Патриархии; в целях ослабления «руссофилов» из Автономной Церкви ведомство А. Розенберга поддерживало раскольников УАПЦ [25, с.615–616]. В декабре 1942 г. германские военные власти планировали провести в Харькове Синод архиереев, на котором церковные круги региона должны были заявить о своей лояльности вермахту «в борьбе против большевизма» [34, с.323]. Все эти религиозно-политические противоречия привели к определенной экспансии украинских религиозных коллаборационистов в регионе Донбасса.

По воспоминаниям донбасского священника И. Крещановского, его дважды вызывал офицер гестапо, который требовал *«проводить богослужение на украинском языке, восхвалять Гитлера, германскую власть»*, на что И. Крещановский ответил, что знает только русский язык и вести службу на украинском не может [17, с.73]. Согласно сведениям, что приводит резидент бандеровской ОУН Евгений Стахив, Днепропетровский архиепископ УАПЦ Геннадий пытался распространить свое влияние на Донбасс, но у него ничего не вышло. В Мариуполе украинские националисты организовали одну парафию УАПЦ [18, с.295–296]. По данным Льва Шанковского, епископ УАПЦ Геннадий враждовал с епископом «Автономной Церкви» Димитрием и боролся против «местного русофильского элемента» [33, с.44].

В ноябре 1941 г. «Мариупольская газета» опубликовала пропагандистскую статью «Родная церковь», автор которой – доктор Степан Баран – утверждал, что в течение веков Православная Церковь на Украине была «инструментом в руках Москвы», потому необходимо

создать «самостийную», «родную церковь». Статья С. Барана завершилась лозунгом: *«Всяким москвофилам не место в духовном соборе Украинской Православной Церкви!»* [4]. В августе 1942 г. газета городской управы Горловки «Украинский Донбасс» напечатала прогерманские обращения архиепископа Луцкого и Ковельского Поликарпа с критикой митрополита Московского Сергия за его просоветскую и антифашистскую позицию. От имени раскольнической «Украинской православной церкви» Поликарп обвинил митрополита Сергия во вмешательстве в дела Украины и выразил благодарность «Великому Фюреру немецкого народа» за то, что он *«подарил нам свободу веры и исполнил наши религиозные пожелания»* [15]. Тогда же, в августе 1942 г. на праздник Спаса (Преображения Господня) в Ворошиловграде местный благочинный протоиерей Константин Анпилогов организовал молебен *«о даровании победы Немецкой и Союзным армиям, что освободили украинский народ от большевистского ярма»*; на мероприятии, собравшем более 7 тыс. человек, присутствовали представители немецкого и итальянского командования [30].

В ноябре 1942 г. в Ворошиловграде было открыто немецко-итальянское военное кладбище с тремя высокими крестами – украинцам предписывалось *«беречь эти могилы, любовно охранять и приукрашивать их»*. Впрочем, вскоре в Луганске был освящен памятник *«борцам за освобождение Украины от жидо-большевистской деспотической власти»* – очевидно, украинским коллаборационистам [1, с.138]. В январе 1943 г. издававшаяся в Славянске «Донецкая газета» патетически напоминала читателям, что большевики разрушали храмы Божьи и амвоны, учение Христа не живило больше украинцев верующих, но затем Адольф Гитлер и оружие немецкого народа помогли украинскому народу восстановить храмы [14]. Подобная лоялистская пропаганда с четко выраженным военно-религиозным контекстом и с украинской национальной фразеологией, видимо, была направлена на создание идейной и ментальной ассоциации между завоеванным населением и оккупантами.

Выводы. На основе вышеизложенных исторических фактов можно прийти к заключению, что в зоне военной администрации Донбасса, как и вообще на Юге СССР, главные задачи нацистских колонизаторов в сфере религии сводились к следующему: 1) использование религиозного фактора в интересах проведения антисоветской и прогерманской политической пропаганды среди гражданского населения; 2) обеспечение лояльности верующих путем контролируемой регламентации церковной жизни и националистической спекуляции на атеистических и репрессивных практиках Советской власти; 3) формирование коллаборационист-

ского контингента из числа антисоветских представителей духовенства и верующих с последующим использованием таких кадров в интересах германской оккупационной администрации; 4) внесение религиозного, национально-культурного и политического раскола в советское общество с целью дискредитации канонической Московской Патриархии, которая осуждала коллаборационизм и вела патриотическую антифашистскую пропаганду среди верующих СССР.

В таких специфических условиях осенью 1941 г. – летом 1943 г. в Донбассе состоялся процесс определенного «религиозного возрождения», в результате которого, несмотря на политико-идеологическую конъюнктуру и ограничительные меры оккупантов, в регионе была восстановлена Донецкая епархия, открывались десятки храмов и молитвенных домов, происходило активное воцерковление гражданского населения. В то же время данный процесс характеризовался коллаборационизмом части духовенства и использовался нацистами в целях отрыва приходов Донбасса от Московской Патриархии.

Проводя политику раскола Православной Церкви и принудительного изменения традиционной русско-культурной идентичности населения Донбасса, гитлеровцы активно эксплуатировали украинский религиозный коллаборационизм и поддерживали прозелитизм раскольнической «автокефальной церкви» (УАПЦ), что также соответствовало корпоративным политическим интересам украинских националистов, стремившихся при помощи оккупантов распространить свое влияние на Донецкий бассейн и вытеснить из региона Русскую Церковь. Религиозно-политическая история Донбасса периода нацистской оккупации, в том числе проблема регионального коллаборационизма, нуждается в дальнейшем исследовании на основе изучения архивных первоисточников.

Источники и литература

1. *Абакумова В. И.* Малоизвестные страницы оккупации Ворошиловграда / В. И. Абакумова // Очерки истории культуры Луганщины. Том II. / Под ред. В. Л. Филиппова. – Луганск: Луганская государственная академия культуры и искусств, 2013. – С. 117–138.
2. *Армстронг Дж.* Украинский национализм. Факты и исследования. / Дж. Армстронг. / Пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2008. – 368 с.
3. *Архидиакон Авраамий.* Отрывки из личного дневника 1942–1943 гг. // Святогорский плацдарм. 1941–1943. Документы и свидетельства участников боев. / Составитель В. Н. Дедов. – Донецк: Ваш имидж, 2008. – С. 97–102.
4. *Баран С.* Рідна церква / С. Баран // Маріюпільська газета, 1941, 18 ноября.
5. Будівництво собору в Маріюполі // Нове життя. – 1942. – 8 декабря. – С. 4.
6. *Вдовин, А.* Преображенский молитвенный храм / А. Вдовин // Донецкий вестник. – 1942. – 25 декабря. – С. 4.

7. Государственный архив Донецкой народной республики (ГА ДНР). Ф. 326. Оп. 2. Д. 38. 12 л.
8. ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20. 211 л.
9. Донецкое епархиальное управление // Донецкий вестник. – 1943. – 4 июля. – С. 8.
10. ДПУ в рясі єпископа // Донецька газета (Славянск). – 1943. – 30 мая. – С. 4.
11. *Копыл, А. Г.* Из истории храмов Бахмута. / А.Г. Копыл. – Артемовск: Артемовский государственный краеведческий музей, 1993. – 50 с.
12. Магазин церковной утвари // Донецкий вестник. – 1942. – 27 октября. – С. 3.
13. *Мессе Дж.* Война на Русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России. / Дж. Мессе. / Пер. с итал. – М.: Книжный мир, 2009. – 288 с.
14. Мораль єднання, сили й любові // Донецька газета, 1943, 8 января.
15. Московський митрополит знову провинився // Український Донбас (Горловка), 1942, 8 августа.
16. *Никольский, В. Н.* Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920-х – 1950-х годах (в документах и материалах). / В. Н. Никольский. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2013. – 194 с.
17. *Никольский, В. Н.* Выполняя пастырский долг: православные священники Донетчины в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Никольский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк: ДонНУ, 2015. – № 1. – С. 71–76.
18. ОУН на Донеччині (збірник документів та матеріалів). Том I. /Упорядник О. Б. Добровольський. – Коломия:Спадщина, 2014. – 352 с.
19. Пасха 1943 года – праздник возрождения // Донецкий вестник. – 1943. – 25 апреля. – С.1.
20. Посвячення церкви // Нове життя (Ворошиловград). – 1942. – 30 декабря. – С. 2.
21. Правда о религии в России. /Ред. коллегия: митрополит Николай (Ярушевич), Г. П. Георгиевский, А. П. Смирнов. – М.: Московская патриархия, 1942. – 458 с.
22. Расстрел десяти священников // Донецкий вестник (Юзовка- Сталино). – 1943. – 8 августа. – С.2.
23. *Реброва, М. И.* Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941–1943 гг.) / М. И. Реброва // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. – Серия II. – 2016. – Вып. 3. – С. 55–68.
24. *Реброва, М. И.* Особенности церковной жизни на территории Донецкой области в годы Великой Отечественной войны / М. И. Реброва // Религия и власть. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. – СПб.: Государственный музей истории религии, 2015. – С. 194–202.
25. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. /Составители: О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2009. – 768 с.
26. Свобода совести и религии на Востоке // Донецкий вестник. – 1942. – 8 сентября. – С. 2.
27. Состоится собрание православного духовенства // Донецкий вестник. – 1942. – 11 января. – С. 4.
28. *Сусликов В. Є., Титаренко Д. М.* Горлівка в період Великої Вітчизняної війни та перші повосенні роки (1941–1950): історичний нарис та джерела. / В. Є Сусликов, Д. М Титаренко. – Донецьк: Норд – Пресс, 2010. – 505 с.

29. *Титаренко Д.Н.* Праздники, торжества и памятные даты в жизни населения Украины в период нацистской оккупации (зона военной администрации) / Д. Н. Титаренко // Былые годы. Черноморский исторический журнал. – 2013. – № 29 (3). – С. 25–31.
30. Урочистий молебен у день Спаса // Нове життя. – 1942. – 21 августа. – С.2.
31. Утренник в школе в Пасхальные дни // Донецкий вестник. – 1943. – 1 мая. – С.4.
32. Христос воскрес! // Мариупольська газета, 1942, 5 апреля.
33. *Шанковський, Л.* Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941–1943 рр. /Л. Шанковський. – Мюнхен: Український самостійник, 1958. – 371 с.
34. *Шкаровский, М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. (Сборник документов) / М. В. Шкаровский. – М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья, 2003. – 365 с.

И.А. Мухаметзарипов*
DOI: 10.25839/v9915-3906-4976-z

Статус религиозных судов в рамках законодательства Российской Федерации

В статье рассматривается проблема функционирования религиозных судов в Российской Федерации. Дается авторское определение термина «религиозный суд», анализируются основные функции религиозных судов, приводится их классификация в зависимости от вероисповедания, по характеру деятельности и кругу лиц. Обращается внимание на опасность формирования враждебной к светскому государству и обществу системы «параллельной юстиции», предлагаются варианты решения.

Ключевые слова: религиозные суды, религиозные право, религиозные объединения, третейские суды, медиация, светское государство.

The status of religious courts under the legislation of the Russian Federation

The article considers the problem of the functioning of religious courts in the Russian Federation. The author gives his own definition of the term “religious court”, analyses the main functions of religious courts and proposes their classification depending on religion, the nature of the activity and the circle of persons. The article shows the danger of the formation of a system of “parallel justice” that is hostile to the secular state and society, and proposes solutions.

Keywords: religious courts, religious law, religious associations, arbitration courts, mediation, secular state.

Проблема религиозных судов и применения религиозных норм в рамках светского государства является одной из актуальных для постсекулярного общества в условиях возрождения и усиления рели-

* **Мухаметзарипов Ильшат Амирович**, к.и.н., заместитель директора по науке, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия).

Mukhametzaripov Ilshat Amirovich, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Science, Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

гиозных институтов. Изучение деятельности религиозных судов в современной России, выяснение их места и роли требует решения нескольких задач: определение термина «религиозный суд» с учетом современных условий; установление основных функций данных органов в рамках секулярной правовой системы; проведение классификации религиозных судов; выявление ограничений, предусмотренных законодательством в отношении религиозных судов.

Если в прошлом, например, в Средние века, государства возлагали на религиозные суды рассмотрение дел о вероотступничестве, ереси, колдовстве, нарушении клятвы, лжесвидетельстве; заключении и расторжении брака, раздела наследства и пр., то с распространением идей секуляризма религиозные объединения лишились подобных полномочий. Однако отделение государства от религии не привело к автоматическому исчезновению религиозных судов как особых институтов религиозных объединений, так как в любом человеческом сообществе имеются нормы поведения, традиции, правила общежития, которые иногда нарушаются, или нуждаются в переоценке, новом толковании применительно к изменяющимся условиям, в результате чего возникают конфликты, требующие разрешения. Соответственно, существование специальных институтов по разрешению споров между верующими обусловлено самой природой человеческих взаимоотношений. Применительно к религиозным объединениям это могут быть как авторитетные лидеры религиозных групп, к которым верующие обращаются за советом, так и специальные органы религиозных организаций, действующие в рамках сложной формализованной процедуры.

Полагаем, что в широком смысле под словосочетанием «религиозный суд» следует понимать внутренние органы религиозных объединений, основной целью которых является разрешение конфликтов между верующими на основе системы религиозных норм (установлений «религиозного права»). Религиозный суд можно рассматривать как единоначальный или коллегиальный орган религиозного объединения (организации или группы), санкционированный государством или действующий без подобной санкции, рассматривающий на основе религиозных норм: дела о дисциплинарных проступках членов религиозного объединения; семейные, имущественные, экономические и др. споры; а также осуществляющий толкование религиозных канонов, примирение верующих и их консультирование по религиозным вопросам [1].

Компетенция религиозных судов разнообразна и затрагивает многие сферы жизни, причем в своей деятельности данные органы сочетают различные способы урегулирования конфликтов в зависимости

от особенностей той или иной религии. К примеру, галаха («иудейское право») и шариат («мусульманское право») охватывают многие вопросы, включая обрядовые, семейные, имущественные, экономические, а нормы православного или католического христианства («церковное право») – лишь часть из них, в результате чего различается круг разбираемых дел (причем католические суды традиционно рассматривают дела о признании браков католиков недействительными). Влияют и особенности структуры религиозного объединения. Например, католические и православные церковные суды привлекают к дисциплинарной ответственности священнослужителей, монашествующих, работников из числа мирян. Во многих протестантских сообществах из-за менее сложной иерархии, отсутствия священства и разработанной системы «церковного права» при возникновении споров между членами общин могут прибегать к «христианской медиации» на основе библейских заповедей. Мусульманские казьяты при разборе проступков духовенства или работников религиозных организаций выступают в качестве дисциплинарных комиссий, а при рассмотрении споров между спорящими супругами или предпринимателями берут на себя функции «медиаторов», примиряющих стороны. Аналогично действуют раввинские суды.

Следовательно, классификации религиозных судов можно проводить по различным основаниям. Например, по вероисповеданию (христианские, мусульманские, иудейские, индуистские и др.), по характеру деятельности (внутренние «церковные» суды, «третейские» суды, органы «медиации»), по кругу участвующих в разбирательстве лиц (дисциплинарные органы или органы по разрешению широкого круга вопросов) [1].

Современное законодательство России предусматривает несколько краеугольных принципов, которые должны учитываться религиозными объединениями при организации любых видов религиозных судов. Это принципы: 1) отделения государства от религии; 2) равноудаленности религиозных объединений от государства и равенства их перед законом; 3) осуществления правосудия только судом (имеется в виду осуществление государственного правосудия только судами, прямо предусмотренными законами Российской Федерации) [5]. При этом государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений, и последние обладают правом на осуществление деятельности в соответствии со своими внутренними установлениями (при условии соблюдения ими законодательства). Под внутренними установлениями понимаются как правила, предусмотренные уставами, положениями и иными внутренними нормативными документами, так и нормы т.н. «религиозного права».

Функционирование религиозных судов должно осуществляться с учетом ограничений, накладываемых российскими законами на деятельность третейских судов и учреждений медиации, в форме которых иногда предлагается создавать религиозные суды. Например, Федеральный закон о третейских судах 2002 г. предусматривает: 1) их ограниченную компетенцию, так как третейские суды не могут рассматривать споры, возникающие из семейных отношений, за исключением дел о разделе между супругами совместно нажитого имущества; споры, возникающие из трудовых отношений; споры, возникающие из наследственных отношений; споры о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью; 2) возможность передачи спора на разрешение третейского суда только при наличии заключенного между сторонами специального третейского соглашения (в форме отдельного договора); 3) ограничение перечня норм, применяемых третейским судом (прямо предусмотрены только «условия договора и обычаи делового оборота», однако нет прямых указаний на этнорелигиозные обычаи и религиозные нормы); 4) правила третейского разбирательства должны быть согласованы сторонами, а каждой стороне предоставлены равные возможности для изложения своей позиции и защиты своих прав и интересов; 5) третейским судьей избирается (назначается) «физическое лицо, способное обеспечить беспристрастное разрешение спора, прямо или косвенно не заинтересованное в исходе дела, являющееся независимым от сторон»; 6) третейский судья, разрешающий спор единолично, должен иметь высшее юридическое образование, а если спор разрешается коллегиально, то высшее юридическое образование должен иметь председатель состава третейского суда [6]. Данные требования не позволяют в полной мере использовать третейские суды в качестве религиозных органов правосудия.

Ряд существенных ограничений накладывается Федеральным законом о медиации 2010 г. В частности, в законе предусматривается следующее: 1) процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения; 2) медиатор (медиаторы) – это независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора; 3) организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – это юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является деятельность по организации проведения процедуры медиации;

4) дискриминация по признакам пола и отношения к религии в процедурах медиации не допускается, требуется соблюдение принципов добровольности, сотрудничества, равноправия сторон, а также беспристрастности и независимости медиатора; 5) медиатор не вправе быть представителем какой-либо стороны; оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь; осуществлять деятельность медиатора, будучи лично (прямо или косвенно) заинтересованным в ее результате [4]. Отметим, что некоторые положения религиозных норм и традиционных правил религиозного судебного процесса не вполне удовлетворяют данным требованиям, иногда даже прямо противоречат им [2; 3]. К подобным нормам, в частности, можно отнести различие статусов участвующих в процессе религиозного урегулирования спора лиц в зависимости от их пола, вероисповедания или отношения к религии.

У религиозных судов есть и обратная сторона, особенно ярко проявившаяся в последние десятилетия на фоне проблем миграции и распространения радикальных религиозно-политических учений. Это попытки формирования отдельными представителями этнорелигиозных сообществ замкнутых общин, руководствующихся своими собственными «законами» и не признающих (подчас демонстративно) нормы светского законодательства, обычаи и традиции окружающего населения, например, в некоторых группах мигрантов из мусульманских регионов в ряде западных страны.

Такие же группы могут появляться и в христианских конфессиях, среди иудеев, индуистов, в новых религиозных движениях и др. Возникающая в результате деятельности радикальных религиозных лидеров «параллельная юстиция» может быть связана с криминалом (насилие, убийства, запугивания, вымогательства и т.д.) и становится проблемой не только для светских органов власти, но и для рядовых членов указанных этнорелигиозных общин (убийства чести, насилие в отношении женщин и «неверующих», «грешников»; дискриминация по признакам пола, отношения к религии и пр.). Подобные «религиозные суды» и «судьи» нарушают предусмотренные светскими законами права и свободы верующих (особенно женщин и детей), отрицательно относятся к социализации молодежи в рамках светского общества (запрет на посещение светских образовательных учреждений, «греховность» работы на «неверующих» работодателей и пр.). Все это, в сочетании с общими социально-экономическими проблемами отдельных территорий, «геттоизацией» мигрантов и ростом популяр-

ности криминальных субкультур повышает риск распространения религиозного радикализма.

Решение проблемы «параллельной юстиции» невозможно при помощи полного запрета любых форм религиозных судов, как это предлагается некоторыми приверженцами идеологии секуляризма. От государства и общества, кроме ограничительных (но не запретительных) правовых мер, требуется комплексное изучение ситуации в конкретных этнорелигиозных сообществах, выявление причин, внутренних и внешних факторов, принятие мер в виде повышения образовательного уровня и правовой грамотности, создания рабочих мест, социальной работы (особенно с семьями, женщинами, детьми, пожилыми людьми, другими уязвимыми членами общин), выстраивания контактов между меньшинством и большинством на основе доверия и взаимного уважения, профилактики преступности, предотвращения формирования радикальных религиозных групп, выявления и привлечения к ответственности правонарушителей.

Все эти меры способны отвлечь население от неформальных радикальных лидеров и «судей», подорвать их негативное влияние на единоверцев.

В современной России религиозные суды вполне успешно действуют без нарушения перечисленных выше требований светского законодательства в качестве структурных подразделений религиозных организаций, руководствуясь принципом автономии религиозных объединений и правом на применение собственных внутренних религиозных установлений. В частности, это церковные суды православной и католической церквей, «третейские» органы протестантских и иудейских организаций, казьяты и другие «арбитражные» органы при мусульманских духовных управлениях (включая обычно-религиозные советы и процедуры по примирению конфликтующих сторон на Северном Кавказе – «маслахат»).

В целом, религиозные суды в Российской Федерации представлены в виде негосударственных органов по урегулированию споров в составе религиозных объединений, действующих на основании религиозных норм, не противоречащих российскому законодательству. Существование перечисленных учреждений обусловлено, с одной стороны, потребностью религиозных объединений во внутренних дисциплинарных и консультативных органах, с другой – сохранением их авторитета среди части верующих (вопросы брака, раздела имущества, исполнения обязательств, примирения сторон, общая консультация и др.).

Кроме того, религиозные арбитры и медиаторы в составе религиозных организаций вносят свой вклад в сближение религиозных и светских правил поведения, поскольку они часто выносят решения на основе сочетания требований религии и светских законов, в результате чего происходит формирование актуального, современного понимания многих религиозных норм, наполнения их новым смыслом, взамен ультраконсервативным и радикальным толкованиям.

Источники и литература

1. Мухаметзарипов И.А. Правовой статус религиозных судов в России: третейские суды, учреждения медиации или неформальные институты вне правового поля? // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4 (127). – С. 9–22.
2. Мухаметзарипов И.А. Религиозные и правовые нормы в Российской Федерации: примеры взаимодействия и конкуренции // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5 (116). – С. 18–28.
3. Мухаметзарипов И.А. Религия и светское законодательство: применение института медиации при разрешении споров с элементом религиозных норм (на примере ислама) // Исламоведение. – 2014. – № 4. – С. 18–28.
4. Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26 июля 2019 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038
5. Федеральный закон № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 1 мая 2019 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218
6. Федеральный закон № 102-ФЗ от 24 июля 2002 г. «О третейских судах в Российской Федерации» (в ред. от 28 ноября 2018 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37831

Н.В. Тюменева*

DOI: 10.25839/p3413-1559-8647-u

Идеологический нейтралитет в условиях светского государства

В статье проанализированы модели соотношения государства и религии: идентификационная, сепарационная, кооперационная, охарактеризована специфика правовой связи государства и церкви в каждой из них. Изучена этимология термина «нейтралитет». Отмечена его многозначность и многоаспектность. Раскрыто политическое и юридическое значение нейтралитета. Сформулированы современные тенденции реализации рассматриваемого правового принципа. Отмечено расширение

* Тюменева Наталья Владимировна, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, к.ю.н. (г. Саратов, Россия)

Tyumeneva Natalia Vladimirovna, Associate Professor, Saratov National Research State University. N.G. Chernyshevsky, Ph.D. (Saratov, Russia).

интерпретации религиозного нейтралитета, как в России, так и в Европе; непротивопоставление официальной и религиозной власти. Автор приходит к выводу, что в культурологическом контексте все современные европейские светские ценности и нормы, непротиворечивы и связаны с ценностями религиозными, в частности, христианскими. Современный идеологический нейтралитет государства вполне допускает религиозное присутствие в публично-правовой сфере.

Ключевые слова: *религиозный нейтралитет, идеология, государство, религия, духовная жизнь, религиозные объединения, право на свободу совести и вероисповедания.*

Ideological neutrality in a secular state

The article analyzes the models of the relationship between the state and religion: identification, separation, cooperation, and the specifics of the legal relationship between the state and the Church in each of them. The etymology of the term "neutrality" is studied. Its ambiguity and multi-aspect are noted. The political and legal significance of neutrality is revealed. Modern trends in the implementation of the considered legal principle are formulated. The author notes the expansion of the interpretation of religious neutrality both in Russia and in Europe; non-contradiction between official and religious authorities. The author comes to the conclusion that in the cultural contest all modern European secular values and norms are consistent and connected with religious values, in particular, Christian values. The modern ideological neutrality of the state fully allows for religious presence in the public legal sphere.

Keywords: *religious neutrality, ideology, state, religion, spiritual life, religious associations, right to freedom of conscience and religion.*

Важным аспектом развития общества выступает духовная жизнь, осуществляемая в форме искусства, этики, морали и нравственности, науки, религии и пр. Конституция РФ гарантирует духовную свободу каждому человеку, т.е. свободу его сознания, мысли, творчества и пр. В ст. 2 Конституции РФ в качестве важнейшей ценности провозглашается человек и его права и свободы, а это значит, что государство должно создавать условия для формирования богатого духовного мира человека, уважения к нему, его достоинству, признание его самоценности, свободы мысли, совести и поведения [17, ст. 2].

Конституционный каркас духовно-культурной системы российского общества образован с одной стороны – провозглашением светского характера государства, которое нейтрально по отношению ко всем вероучениям, а, с другой стороны, – провозглашением многочисленных прав и свобод человека на духовное развитие во всех социальных сферах. Первый аспект формализуется через запрет на установление той или иной идеологии или религии в качестве государственной или обязательной. А второй аспект выражается в идеологическом многообразии посредством гарантирования разнообразных прав и свобод человека и гражданина.

Признание идеологического многообразия означает, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 3 ст. 13 Конституции РФ). Этот запрет относится равным образом к государственным деятелям, которые не должны руководствоваться своими идеологическими предпочтениями в своей официальной деятельности при осуществлении ими государственно-властных функций и полномочий. Для общественных объединений этот запрет означает признание антиконституционности провозглашения той или иной идеологии в качестве обязательной в сфере образования, художественном творчестве и иных сферах коллективной жизнедеятельности людей [1, с. 250].

Юридические механизмы и институционально-правовые формы взаимодействия государства с религиозными объединениями определяются спецификой типов, видов, моделей государственно-конфессиональных отношений. В науке отсутствует общепринятая классификация этих феноменов, хотя схожие черты, признаки имеются [2, с. 101–102]. Для нашего исследования важное значение имеет классификация моделей государственно-конфессиональных отношений, (реализуемые) реализуемых преимущественно в западных государствах:

- ✓ идентификационная модель – государственная церковь (Великобритания, Греция, Дания, Норвегия, Финляндия)
- ✓ сепарационная (отделительная) модель (США, Франция, Нидерланды)
- ✓ кооперационная модель – нейтралитет (Австрия, Германия, Испания, Италия, Португалия, Люксембург, Россия).

Каждая модель характеризуется «своими правилами игры» во взаимоотношениях государства и религии.

Так, в идентификационной модели религия и государство взаимовлияют друг на друга. Религия является государственной. Это обуславливает то, что, во-первых, человек с рождения имеет принадлежность к той религии, которая объявлена государственной. Во-вторых, в вопросах финансирования государство поощряет или даже обязывает уплачивать прихожан церковные взносы.

Сепарационная модель характеризуется тем, что в ней право на свободу совести провозглашается основополагающим в системе прав человека и широко трактуется. Государство и Церковь действуют автономно друг от друга, настолько, что государственное регулирование религиозной сферы отсутствует. Это обуславливает и отсутствие требования государственной регистрации религиозных объединений. До-

статочно в заявительном порядке получить официальный статус религиозной организации, правоустанавливающим основанием создания которой будет устав, составленный несколькими верующими [3, с. 178].

Кооперационная модель характеризуется дистанцированностью и разделением сфер деятельности между государством и Церковью. Церковь отделена от государства, а государство – от Церкви. В публично-правовой сфере сформировано законодательство, которое регулирует государственно-конфессиональные правоотношения по поводу создания и деятельности религиозных организаций. Провозглашается религиозная свобода, которая выражается в свободе вероисповедания, переходе из одной религии в другую, свободе выражения религиозных убеждений; действия, носящие сугубо религиозный характер, совершаются верующими без санкционирования органов власти.

Таким образом, принципами кооперационной модели взаимодействия государства и Церкви выступают: с одной стороны, конституционные гарантии реализации права на свободу совести и вероисповедания каждого, а, с другой, – государственный нейтралитет в мировоззренческих вопросах. Вместе с тем, государственный нейтралитет, понимаемый как невмешательство, не означает безразличия или индифферентности в вопросах религии. Напротив, государство заинтересовано в увеличении числа верующих, а не атеистов; поощряет религиозное воспитание, содействует осуществлению духовной заботы в медицинских учреждениях, местах лишения свободы и пр.

Однако, несмотря на установление принципа идеологической нейтральности, общество оказывается нуждающимся во влиянии религий на государственность.

В современной России государственно-конфессиональные отношения характеризуются нейтральностью и выстраиваются по правилам кооперационной модели, основным правилом которой выступает конституционный запрет на установление государственной или обязательной религии, а в отделении от государства всех религиозных объединений и их равенстве перед законом (ст. 14 Конституции РФ). Буквально принцип «светского государства» интерпретируется, как недопустимость государственным органам вмешиваться в религиозную сферу, связанную с установлением и реализацией религиозных норм, осуществлением религиозных обрядов и пр., равно как и духовенство не может вмешиваться в государственную деятельность, связанную с осуществлением внешней и внутренней политики, в правотворчество, в правоприменение, правосудие и пр. Религиозные объединения

не являются частью государственного механизма, а религия не выступает основой официальной политики.

Применяя правила функционального способа толкования нормы ст. 14 Конституции РФ [4, с. 33–34], государство и религия взаимно нейтральны, причем этот нейтралитет носит позитивный характер: государство не ведет атеистической пропаганды и гарантирует свободу религиозных объединений и граждан в духовно-религиозной сфере; духовенство же не препятствует осуществлению государственных функций и воздерживается от всего, что может способствовать насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности государства, подрыву его безопасности и пр.

Чтобы глубже понять значение слова, обратимся к этимологии термина «нейтралитет», который означает, во-первых, непримыкающий ни к одной из борющихся сторон, стоящий в стороне; во-вторых, одинаково относящийся ко всем, никого не затрагивающий; в-третьих, не оказывающий ни вредного, ни полезного действия [5, с. 487].

Идеологический нейтралитет государства многоаспектен и на теоретическом уровне сама идея нейтралитета спорна и не поддается однозначной интерпретации [6, с. 275]. Полагаем, что для характеристики современного состояния идеологического нейтралитета российского государства за основу необходимо взять этимологический аспект нейтралитета в значении «одинаково относящийся ко всем, никого не затрагивающий». Остальные два значения с пассивно-отрицательной приставкой «не», на наш взгляд, не подходят для уяснения сути государственного нейтралитета.

Первый аспект характерен больше для понимания государственного нейтралитета в контексте военной политики власти. Современная религиозная сфера – это априори сфера мирной деятельности, мирного сосуществования религиозных конфессий. Нельзя характеризовать религиозный нейтралитет и как деятельность, не оказывающую ни вредного, ни полезного действия. Это неверно, поскольку государство и религиозные конфессии не «равнодушны» друг к другу. Напротив, государство поощряет религиозное воспитание, образование, поскольку религия основана на добродетелях, закладывает ценности, морально-нравственные принципы, идеалы, т.е. формирует гуманистическое отношение к миру. Государство не проводит антирелигиозную или атеистическую политику.

Однако, как и всякое явление общественной жизни, понятие «религиозный нейтралитет» не остается неизменным. Будучи историческим понятием, религиозный нейтралитет может иметь различные

трактовки и периодически видоизменяться, подстраиваясь под условия современного мира. Следовательно, содержание религиозного нейтралитета меняется в соответствии с социокультурным, историческим контекстом, а также в соответствии с национально-государственным режимом.

Эволюцию «религиозного нейтралитета» можно проследить в контексте исторического развития России. В разные исторические периоды отношения государственной власти, институированной через государственный аппарат, и религии, институированной посредством религиозных объединений, было различным.

Например, авторитарная власть в царской России широко опиралась на православие, не мыслилась без него. Православие, интегрируя вокруг церкви верующих, способствовало поддержанию авторитета царя как «наместника Бога на земле», воспитывало покорность у подданных.

В Советской России связь государства и религии была разрушена, тоталитарная Россия первой трети XX века не нуждалась в духовенстве, т.к. использовала методы военного террора для подавления воли населения. Впоследствии религиозная догматика была заменена партийной (коммунистической), религиозная вера была под запретом, религиозные объединения не создавались, духовенство как класс было объявлено вне закона и лишено конституционных прав, например, избирательного права; провозглашался атеизм.

Современная Россия – это светское государство с нейтрально-лояльным отношением ко всем исповедуемым в обществе религиям. Полагаем, что в условиях многонационального и многоконфессионального общества невозможно его развитие без учета этноконфессионального фактора и сохранение свободы мировоззренческого выбора для человека. Свобода совести и вероисповедания реализуются на основе положений международных договоров и принципов международного права. Конституция Российской Федерации закладывает основы для реализации государственно-конфессиональных отношений на демократических принципах, которые являются нейтральными [7, с. 48].

Конституционная норма о светском характере государства и нейтралитете конкретизируется в текущем законодательстве. Так, в Федеральном законе от 26. 09. 1997 №125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [8] закреплены права, обязанности и запреты для религиозных организаций, установленные государством.

В частности, религиозные объединения:

– создаются и осуществляют деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирают, назначают и заменяют свой персонал согласно своим собственным установлениям;

– не выполняют функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений, органов местного самоуправления;

– не участвуют в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления;

– не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

Идеологический нейтралитет с политической точки зрения заключается в том, что в состав государственного аппарата (как выборные, так и назначаемые органы) не могут входить религиозные объединения и их представители; духовенство не может также входить в состав органов местного самоуправления, так как на них возложено осуществление государственных задач и функций. Религиозные объединения не должны участвовать, в том числе финансировать, деятельность политических партий, поскольку это общественный институт, через который граждане участвуют в управлении делами государства [9, с. 54].

Кроме того, деятельность государственных служащих не сопровождается религиозными обрядами.

С юридической точки зрения идеологический нейтралитет выражается в неиспользовании религиозных норм в правовом регулировании общественных отношений; неприменении религиозных актов и норм в судебной практике; запрете на выдачу религиозными организациями актов гражданской регистрации; религиозная символика не используется в официальных актах, наименованиях, государственной атрибутике.

В последнее время среди тенденций развития государственно-правовой системы России отмечается ее клерикализация. Это связано с повышением религиозной активности населения в целом. Религиозная направленность действий заключается не только в отправлении религиозных обрядах и культах, участии в церковной службе, но и в просветительской, благотворительной, миссионерской деятельности религиозных организаций. Существуют общественные движения и партии конфессиональной направленности. Кроме того, очевидна активизация взаимодействия российских властей и российской православной церкви по политическим вопросам, прежде всего в миротворческой сфере. Тесное взаимодействие государства и религиоз-

ных организаций выражается в том, что религиозные служители выступают членами различных общественных структур, созданных при государственных органах.

На европейском пространстве наблюдаются схожие процессы, связанные с расширением интерпретации принципа религиозного нейтралитета государства. Показательным является решение Европейского Суда по правам человека по делу «Лаутси», которое специалисты называют «поворотным пунктом» в вопросе соотношения политики, права и религии в публично-правовой сфере [6, с. 271].

Суть спора заключается в том, что в итальянских государственных школах на стенах классов размещаются распятия. У семьи Лаутси это вызвало негативную реакцию, так как, по их мнению, демонстрация распятия нарушает принцип светского характера государства, нарушает их право на образование, право на свободу мысли, совести и религии [10].

Обращение С. Лаутси рассматривалось разными государственными органами Италии – административным судом Венето, Конституционным судом Италии, Государственным советом Италии – и они не находили противоречий в размещении распятий в государственных школах с принципом светского государства. Обращение С. Лаутси было сделано и в Европейский Суд по правам человека, в итоговом решении которого было отмечено, что христианский символ – распятие – размещенный в государственных школах Италии не нарушает принципа религиозного нейтралитета государства. Распятие, по мнению Европейского Суда по правам человека, является пассивным символом, который не оказывает на учеников влияния, сопоставимого, например, с дидактической речью или участием в религиозной деятельности [10 § 72]. Кроме того, наличие распятия не является пропагандой христианства, не обязывает его изучать, не препятствует открытости школьной среды другим религиям.

Общая позиция, выраженная Европейским Судом, который встал на сторону национальных государств, заключается в том, что в некоторых государствах размещение религиозных символов в публичных местах имеет не только религиозный смысл, но должно интерпретироваться через призму национальной идентичности. Запрет размещения распятия в публичных местах, например, в школах, является нарушением культурных традиций итальянцев. В этой связи логичной выглядит позиция Европейского Суда, согласно которой он наделяет свободой усмотрения в этом вопросе суверенное государство, чтобы оно не было лишено части культурной идентичности только потому, что последняя имела религиоз-

ное происхождение [11, с. 21]. Дело «Лаутси» показывает, что соотношение между защитой основополагающих прав и свобод человека и религиозной моралью разрешается на европейском пространстве не столько категорично и прямолинейно, как например, в прошлом веке, но с учетом культурных особенностей страны-ответчика.

Еще одним показательным моментом, характеризующим религиозный нейтралитет государства, выступает вопрос равноправия религиозных организаций. Установление нейтрального отношения ко всем религиозным объединениям означает, что они равны между собой и в отношениях с государством. В этой связи актуализируется вопрос о понимании равенства и равноправия. По мнению ряда специалистов, это не одинаковые с конституционной точки зрения понятия. Так, А.М. Верховский настаивает на том, что равенство предполагает именно равноправие, то есть наличие одинаковых объемов установленных законодательством прав и обязанностей, что соответствует идее прав человека [12, с. 117; 18].

И.В. Понкин считает, что равенство религиозных организаций выражается лишь в равнозначности их правосубъектности, но фактически в отношениях с государством они могут быть не равны [13, с. 89]. Соответственно, конституционная норма о юридическом равенстве религиозных объединений перед законом императивно не закрепляет равенство всех религиозных объединений вообще. Фактически в России представители доминирующих религиозных объединений заявляют об ущемлении традиционных для конкретного общества ценностей, то есть о нарушении исторически сложившегося традиционного религиозного баланса [14, с. 45]. Неравенство заключается в юридическом нивелировании статуса религиозных объединений, приводящее к отказу от разделения объединений на «традиционные» и «не традиционные».

Прежде всего, это выражается в дифференциации законодателем религиозных объединений на религиозные организации, наделенные правоспособностью юридического лица и религиозные группы, которые в силу недостаточного времени своего существования лишены этой правоспособности (ст. 6, 7 и 8 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Рассуждения об идеологическом нейтралитете привели нас к мысли о том, что отделение государства от религиозных организаций является юридической фикцией, поскольку на самом деле речь идет об отделении от религии отдельных государственных институтов. По сути, разграничивается деятельность, осуществляемая религиозными объ-

единениями и государственными органами, ограничиваются формы этой деятельности – осуществление государственно-властных полномочий (государство) и отправлением религиозных обрядов (религиозные объединения)), методы воздействия на части общества – граждан (государство) и верующих (религия). Светский характер на уровне отношений индивидуальных субъектов не возникает, а может быть только тогда, когда появляется публичный участник правоотношений [15, с. 43].

Это суждение приводит к еще более глубокой мысли о том, что различные формы общественного сознания, в частности, религия и право, созданное государственной волей, не могут быть деидеологизированы, как не может быть неидеологическим само общественное сознание. Поэтому право и государство идеологично в той мере, в которой идеологично общество [16, с. 253]. И религиозный нейтралитет – это тоже идеология в форме невмешательства государства в религиозную сферу, а религиозных объединений – в государственно-властную.

В современном европейском и российском (как части европейского) обществах наблюдается тенденция сближения, в смысле непровопоставления официальной и религиозной, в частности, церковной власти. А это может означать лишь одно, что в культурологическом контексте все современные европейские светские ценности и нормы, непротиворечивы и сопрягаются, т.е. связаны с ценностями религиозными, в частности, христианскими [16, с. 256].

Очевидно, что в социокультурном контексте современного правоприменения понимание идеологического религиозного нейтралитета утрачивает жесткость трактовок, категоричность, формализованность, и заменяется на «мягкость», лояльность, неопределенность правовых пределов регулирования. Современный идеологический нейтралитет государства вполне допускает религиозное присутствие в публично-правовой сфере.

Источники и литература

1. *Эбзеев Б. С.* Конституционное право России: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 768 с.
2. *Шестопалов М. А.* К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 2 (18). – С. 101–106.
3. *Старостенков Н. В., Ляпунова Н. В., Погосян Л. В.* Государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации и зарубежных странах // Социальная политика и социология. – 2016. – Том 15. – № 5 (118). – С. 174–181.

4. Кузьмин И. А. Правовая природа и особенности практического применения функционального и телеологического способов толкования права // Социальная компетентность. – 2017. – Т. 2. – № 2 (4). – С. 33–37.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражение / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Рос. АН; Рос. Фонд культуры. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

6. Анниккино П. Между «пределами усмотрения» и нейтралитетом: дело «Лаутси» и новый баланс в сфере европейской защиты вероисповедания // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2013. – Т. 31. – № 2. – С. 270–284.

7. Тогузаева Е. Н. Нормы морали, права, религии как регуляторы поведения // Известия Саратовского университета. – Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 46–50.

8. Федеральный закон от 26. 09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 02.12.2019 г.) «О свободе совести и религиозных объединениях» // Российская газета, 1997, 01 октября.

9. Дураев Т. А. Трансформация политической системы в условиях многопартийности // В сб.: Выборы в конституционной системе власти: Материалы IX Международного Конституционного Форума. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. – С. 53–55.

10. European Court of Human Rights (далее – ECtHR) [GC]. Lautsi and others v. Italy. No.30814/06. Judgment of 18 March 2011 // <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-592%22%5D%7D>

11. Сырунина Т. М. Лаутси (LAUTSI) и другие против Италии. Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2011 года / Т. М. Сырунина // Международное правосудие. – 2012. – № 1 (2). – С. 20–24.

12. Верховский А. М. Границы секулярности России: правовые нормы и споры об их интерпретации // Свободная мысль. – 2007. – № 1. – С. 116–125.

13. Понкин И. В. Светскость государства и образования во Франции: взгляд на 2002–2003 гг. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2004. – 148 с.

14. Карпушкин А. В. Конституционное равенство религиозных объединений и традиционные ценностные системы в России // Альманах современной науки и образования. – 2009. – Часть 2. – № 11 (30). – С. 44–48.

15. Баев В. Г., Мещерякова С. В. Светскость государства как категория конституционного права: понятие и принципы // Социально-политические науки. – 2014. – № 1. – С. 40–45.

16. Кырлежев А. «Дело о распятиях» в Европейском Суде в постсекулярной перспективе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2013. – Т. 31. – № 2. – С. 233–269.

17. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 333 с.

18. Комаров С.А. Права человека: общее и особенное в процессе их становления в Российской Федерации: статья // Права человека: пути их реализации: Материалы международной научно-практической конференции (8-10 октября 1998 г.) – Саратов: СГАП, 1999. – Часть 1.

К вопросу о выделении новых видов национальной безопасности: идеологическая безопасность (потенциал церкви)

В статье представлена дискуссия по вопросу выделения новых видов национальной безопасности Российской Федерации, проанализированы положения базового документа стратегического планирования Стратегии национальной безопасности 2015 года, а также Федерального закона «О безопасности» с указанием на очевидные недостатки данного нормативно-правового акта. На примере экологической, энергетической и идеологической безопасности показан механизм выделения нового вида безопасности. Авторы считают, что идеологизация в России формальна и непродуктивна. Кроме того, объясняется значимость Церкви как института гражданского общества и ее возможности в сфере обеспечения идеологической (духовно-нравственной, культурной, цивилизационной) безопасности России.

Ключевые слова: *виды национальной безопасности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, идеологическая безопасность, идеология, институт гражданского общества, Русская Православная Церковь, духовно-нравственные ценности.*

To the question of issuing new types of national security: ideological security (church potential)

The article presents a discussion on the issue of identifying new types of national security of the Russian Federation, analyzes the provisions of the basic document of strategic planning of the National Security Strategy of 2015, as well as the Federal Law «On Security» with an indication of the obvious shortcomings of this regulatory act. On the example of environmental, energy and ideological safety, a mechanism for highlighting a new type of security is shown. The authors believe that ideologization in Russia is formal and fruitless. In addition, the significance of the Church as an institution of civil society and its capabilities in ensuring the ideological (spiritual, moral, cultural, civilizational) security of Russia are explained.

Keywords: *types of national security, National Security Strategy of the Russian Federation, ideological security, ideology, civil society institution, Russian Orthodox Church, spiritual and moral values.*

Вопрос о выделении новых видов безопасности является дискуссионным. На сегодняшний день считается, что законодатель закрепляет перечень видов национальной безопасности Российской Федерации в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия). Так, в п. 6 этого документа дается легальная дефини-

* **Рожкова Анна Константиновна**, помощник депутата Законодательного Собрания Иркутской области, магистрант Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Rozhkova Anna Konstantinovna, assistant to the deputy of the Legislative Assembly of the Irkutsk region, master's student of the Baikal State University (Irkutsk, Russia).

ция: «национальная безопасность включает в себя оборону и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [12]. На первый взгляд, это закрытый перечень, так как законодатель не употребляет такой оборот как «и иные», «другие». Но проблема в том, что в российском законодательстве очень часто встречается безопасность чего-либо.

Важно подчеркнуть, что такие термины как «безопасность» и «национальная безопасность» не являются тождественными, несмотря на то, что в ст. 1 Федерального закона «О безопасности» указано: «настоящий закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность)» [10].

Два очевидных промаха законодателя можно обнаружить в данной статье. Во-первых, категорически нельзя отождествлять термин «безопасность» и «национальная безопасность», ведь последняя является видом безопасности. В.Ю. Варламов считает, что «принятый Закон оказался несвободен от существенных недостатков» [3, с. 112], «что же касается правомерности использования термина «национальная безопасность», то ранее он в федеральных законах уже использовался, а содержание этого понятия определено Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [3, с. 113].

Во-вторых, «иные виды безопасности» – слишком широкая формулировка, так как по различным подсчётам выделяют от тридцати до сорока видов безопасности», некоторые авторы – до сотни. И дело даже не в том, что законодатель каким-то видам дает легальную дефиницию, а каким-то нет. Например, в 2019 году в п. 4 Доктрины энергетической безопасности закрепляется понятие энергетической безопасности – это «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики» [13], но, скажем, такой традиционный вид национальной безопасности как экологическая не имеет легальной дефиниции, хотя выделение ее как вида безопасности можно отнести к Закону «О безопасности» 1992 года. В ст. 13 данного нормативно-правового акта содержится перечисление видов безопасности и направлений деятельности Совета Безопасности Российской Федерации. В тоже время Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года в п. 1 не да-

ет легальной дефиниции, указывает только на то, что «экологическая безопасность является частью национальной безопасности».

Очевидно, что законодатель не имеет на сегодняшний день понимания, по какому критерию должны выделяться виды национальной безопасности. Создается впечатление, что в этот перечень попадают более разработанные направления безопасности, регламентированные в определенном документе стратегического планирования.

Многие исследователи причисляют к национальной безопасности такие виды: демографическую, продовольственную, радиационную, духовную и т.д. К примеру, Хмелевский С.В. полагает, что виды и уровни безопасности – тождественные понятия, и что выделять можно как «официальные, то есть закрепленные законом, иным нормативным правовым актом или публичной декларацией в форме стратегии, доктрины, концепции, основ государственной политики, так и неофициальные, такие как: политическая, медико-биологическая, продовольственная и прочие» [19, с. 153].

Хотелось бы привести и более «экзотичные» виды. Идеологическую безопасность крайне редко относят к виду национальной безопасности. Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [7].

Идеология – многогранное явление духовной сферы общества. Со времён К. Маркса к идеологии относятся как к «искажённому сознанием отражению базиса, в постсоветском политическом дискурсе она также воспринималась крайне негативно, нередко отождествляясь с единственным атрибутом пропагандистской работы КПСС», и сейчас ее редко связывают с выражением интересов социальных групп, которые, как правило, противостоят друг другу.

А.П. Рачков предлагает следующие определение: «идеология – это совокупность политических, правовых, этических, эстетических, философских и религиозных взглядов и ценностных предпочтений, которые исходят из интересов и устремлений определенных социальных групп, выступает по форме или по существу, как выражение потребностей общества, нации, государства и включающие в себя социально-ориентирующие и актуально-действенные рекомендации, императивы и предписания» [14, с. 152].

Несомненно, современное общество делится на определенные группы: классы, страты и т.д., которые «нуждаются в осознании своего места в обществе», безусловно это «осознание тесно связывается и необходимо переходит в толкование потребностей, трудностей

и противоречий, генеральных программ и путей развития, целей и идеалов, которые относятся ко всему обществу». «Идеологию можно считать не только идейной опорой, но и важным, постоянным атрибутом бытия каждого общества в целом» [14, с. 152]. Несмотря на это, современная юридическая наука избегает понятия идеологии в позитивном, содержательном смысле. Как феномен общественного сознания появляется она с возникновением самого социума, и развивается вместе с ним, поэтому, делает вывод П.А. Рачков, «очищенного от идеологии общества не может существовать, и потому все теории деидеологизации одинаково несостоятельны» [14, с. 153].

Соглашаемся и с позицией Мельникова В.Ю., «как известно, идеология является неотъемлемым атрибутом каждого государства, несмотря на отсутствие нормативного закрепления положений об этом в основных законах в одних странах (Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация) и установления обязательной государственной идеологии в других (Северная Корея, Куба). Государство не может жить без ясной идеологии» [8, с. 202].

В контексте обеспечения национальной безопасности, идеология употребляется только в контексте противодействия идеологии фашизма, терроризма, экстремизма, пропаганды насилия.

Любопытно, что при негласном запрете на использование термина «идеология», он все равно используется. Речь идет о национальной идее. Разработкой содержания данного понятия занимались известные всему миру русские философы Соловьев В.С., Бердяев Н.А., Флоренский П.А., Леонтьев К.Н., Булгаков С.Н. и другие. После объявленной в 90-е года прошлого столетия доктрины деидеологизации, политики и исследователи начали поиск национальной идеи России. На сегодняшний день не удалось разработать какой-то универсальной, внятной национальной идеи, но политики иногда говорят о таких исканиях.

Нельзя согласиться с позицией, согласно которой под идеологической подразумевают информационную безопасность. Так, Ф.А. Вестов и П.С. Новичков полагают, что сейчас «очевидна необходимость определённой защиты от подмены понятий и иных действий, направленных против граждан РФ в идеологическом контексте, компенсировать недостатки сможет только ряд мер, направленных на улучшение качества воспитания и обучения в школах, создание благоприятного фона в СМИ» [4, с. 130].

Следует согласиться, на наш взгляд, с позицией П.Н. Беспаленко: «отсутствие общенациональной идеологии чревато серьезными последствиями для функционирования общества, в том числе и в духов-

ной сфере». Отсутствие у населения общих ценностных ориентаций, целей, идеалов разрушает единство народа, что напрямую является угрозой национальной безопасности. Однако, низкий уровень дохода, обнищание работающих граждан, огромная пропасть между доходами самой богатой части населения и самой бедной сводят на нет любые попытки со стороны государства повысить культурный уровень своих граждан. Но, несмотря на это, исследователям, а затем и «законодателю необходимо обозначить некий идеологический базис, упорядочить идеологическую среду, зафиксировать устойчивую систему ценностей» [1, с. 215].

Вопрос уже не стоит, на наш взгляд, нужна или нет идеология либо национальная идея, от того как мы ее назовем, суть явления не изменится. Дело в том – какое должно быть у нее содержание.

Идеология на современном этапе развития общества должна сочетать интересы, как отдельной личности, так и общества в целом, и только потом государства. В этой связи, возникает и проблема идентификации гражданина России. Ни национальность, ни принадлежность к определенной конфессии не могут быть положены в ее основу. Национальное государство, по мнению авторов статьи, держится на трех китах: единый язык, история и культура.

В основе всякой цивилизации лежит определенный тип культуры. Как мы и ранее подчеркивали, она является по своей сути средством обеспечения духовной (цивилизационной) безопасности общества, «культура – система всех видов творческой деятельности человека и общества, а также результатов этой деятельности, воплощенных в материальных и духовных ценностях. Жизнь культуре обеспечивает иерархия ценностей» [16, с. 149].

Интересным является вопрос о месте Церкви в механизме обеспечения идеологической, культурной или духовной безопасности.

И хоть Россия – «светское государство, и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [7], нельзя недооценивать духовный потенциал Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). В преамбуле Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» законодатель акцентирует внимание на «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [11]. И хоть «Россия исторически была образована как многоконфессиональная держава, но для русского народа, являющегося титульным и системообразующим, православная вера и церковь выступают неотделимыми от его истории, традиции и ментальности» [9, с. 13], подчеркивает К.А. Лотарев.

Под обеспечением национальной безопасности законодатель понимает «реализацию органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворению национальных интересов» [12]. Хотя институты гражданского общества не имеют полномочий по обеспечению национальной безопасности, однако, они «участвуют в реализации государственной политики» в этой сфере [10].

Является ли РПЦ институтом гражданского общества? Граждане добровольно вступают в «каноническое подразделение: митрополии, епархии, викариатства, синодальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, братства, сестричества, духовные учебные заведения, миссии, представительства и подворья» [18]. Кроме того, РПЦ является юридическим лицом и выступает как «централизованная религиозная организация». Согласно п. 10 ее Устава: «канонические подразделения Русской Православной Церкви не ведут политической деятельности» так же и другие религиозные объединения, в свою очередь государство «не вмешивается в деятельность религиозных объединений» [11]. И все же нельзя отрицать, что и на современном этапе государство и церковь оказывают друг на друга определенное влияние.

Соглашаемся с позицией А.В. Ситникова: «с учетом принципа разделения политической, экономической и духовной власти Церковь может рассматриваться как один из институтов гражданского общества, не подопечного государству», ибо Церковь – особый, не похожий на что-либо институт, так как «обладает собственными, недоступными государству и другим организациям возможностями влияния» [17, с. 11].

Каковы же возможности Церкви как института гражданского общества в деле обеспечения национальной безопасности?

Так, «сохранение и развитие культуры и традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [12] считается национальным интересом на долгосрочную перспективу. Несомненно, что РПЦ оказала большое влияние на всю русскую культуру, что же касается традиционных духовно-нравственных ценностей, то именно Церковь выступает в их защиту перед лицом государства и мирового сообщества в условиях нарастающей глобализации. В п. 77 Стратегии законодатель верно подчеркивает связь российской идентичности, культуры и истории: «основой общероссийской идентичности народов России является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [12].

Что же можно к ним отнести? Это, прежде всего, приоритет духовного над материальным (Церковь возвела это положение в неоспоримый постулат), защита человеческой жизни (именно Церковь последовательно выступает против эвтаназии и абортов в России), прав и свобод человека, семья (РПЦ придерживается мнения, что семья – это союз мужчины и женщины), «созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость» [12]. Все эти ценности Церковь отстаивает и культивирует, внося свой вклад в «обеспечение культурного суверенитета России» [15, с. 281]. Так как она принимает «меры по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии» [12] (в этом контексте, на наш взгляд, речь и идет об обеспечении идеологической безопасности страны) и «деструктивного информационно-психологического воздействия, создает систему духовно-нравственного воспитания граждан, осуществляет культурно-просветительскую деятельность» (п. 82 Стратегии) и т.д. Пожалуй, ни один из институтов гражданского общества, на наш взгляд, так полно не участвует в реализации государственной политики обеспечения безопасности в сфере культуры.

Как полагает проф. Беспаленко П.Н., «церковь продолжает играть важную роль, способствуя поддержанию цивилизационной идентичности России, сохранению россиянами самобытной системы духовных ценностей, в основе которых лежат христианские представления о нравственности» [2, с. 41].

Так, М.Ю. Зеленков считает, в области обеспечения культурной (духовно-нравственной) безопасности следует «качественно улучшить взаимодействие институтов гражданского общества, общественных объединений, основных религиозных конфессий с органами государственной власти» [5].

В рамках неблагоприятных кризисных явлений XXI века, А.В. Костина полагает, что «роль идеологии, религии, культуры становится определяющей» [6], а «государство должно обеспечивать не только безопасность своих границ, но и безопасность информационного и культурного пространства» [15, с. 280]. И Церковь во взаимодействии с государством, по мнению авторов, имеет большой потенциал в области обеспечения духовной, культурной, идеологической безопасности России.

Этот вопрос требует дальнейших изысканий. Авторы в данной статье лишь обозначили проблемы выделения новых видов национальной безопасности Российской Федерации и на примере идеологической безопасности выявили некоторые аспекты взаимодействия государства и Церкви как института гражданского общества.

Источники и литература

1. *Беспаленко П.Н.* Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. – 2009. – № 7 (62). – С. 215–224.
2. *Беспаленко П.Н.* Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: автореф. дис. ... док. политол. наук. – Ростов-на-Дону. – 2009. – 54 с.
3. *Варламов В.Ю.* Проблемы совершенствования Федерального закона «О безопасности» // Право и безопасность. – 2011. – № 2. – С. 112–116.
4. *Вестов, Ф.А.* Идеологическая безопасность Российской Федерации как правовом государстве / Ф.А. Вестов, П.С. Новичков // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 1 (10). – С. 125–130.
5. *Зеленков М.Ю.* Духовная безопасность Российской Федерации: проблемы и пути решения [Электронный ресурс] //URL: http://zelenkov.ucoz.ru/publ/dukhovnaja_bezopasnost_rossijskoj_federacii_problemy_i_puti_reshenija/1-1-0-2
6. *Костина А.В.* Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры [Электронный ресурс] //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-kak-osnovnaya-funktsiya-kultury>
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.2014) // Российская газета, 1993, 25 декабря.
8. *Мельников В.Ю.* Необходимость формирования национальной идеи и правовой идеологии // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 5 (10). – С. 200–204.
9. *Лотарев К.А.* Консерватизм и некоторые факторы консолидации российского общества // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. – Т. 20. – С. 9–16.
10. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
11. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
12. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
13. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421.
14. *Рачков П.А.* Общественное сознание: Курс лекций. – М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. – 273 с.
15. *Рожкова А.К.* Культурный суверенитет в контексте обеспечения национальной безопасности // Материалы Международного Байкальского форума Конференции «Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование» под ред. Е.Р. Метелевой. – Иркутск. Изд. БГУ. – 2018. – С. 279–282.
16. *Рожкова А.К.* Сохранение и развитие общероссийской идентичности как стратегическая цель обеспечения национальной безопасности в области культуры // Материалы международной научно-практической конференции «Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности» под ред. Е.М. Якимовой. – Иркутск. Изд. БГУ. – 2018. – С. 146–151.

17. Ситников А.В. Церковь в структуре гражданского общества // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – М.: Аст ПРИНТ–Медиа, 2011. – Т. 1. – С. 11–17.

18. Устав Русской Православной Церкви принят на Архиерейском Соборе 2000 г. (в ред. 2017 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/>

19. Хмелевский С.В. Современная система национальной безопасности России: структурно-функциональный анализ // Социально-политические науки. – 2011. – № 1. – С. 152–161.

Е.А. Цыганкова*

DOI: 10.25839/d4697-0609-1445-n

Государственно-церковные отношения в современной России: правовое регулирование

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования общественных отношений. Особое внимание уделяется анализу отношений между государством и религиозными организациями. Определяются законы и подзаконные акты, регулирующие государственно-церковные правоотношения.

Ключевые слова: государство, церковь, правоотношения, закон, нормативный правовой акт.

State-church relations in modern Russia: legal regulation

The article deals with the legal regulation of public relations. Particular attention is paid to the analysis of relations between the state and religious organizations. The laws and regulations governing state-church legal relations are determined

Keywords: state, church, legal relations, law, normative legal act.

Одной из основных функций права является регулятивная, назначение которой заключается в упорядочивании общественных отношений, придания им правового характера. С помощью механизма правового регулирования происходит целенаправленное воздействие правовых установлений на общественные отношения в той или иной сфере социума. Итогом такого воздействия признается реализация правовых норм в поведении и практической жизни субъектов права.

Одной из сфер правового регулирования выступает сфера государственно-церковных отношений. Эти отношения в современных условиях наполняются новым юридическим содержанием. Отношения между Российской Федерацией и церковью возникают по ряду различных направлений и вопросов. К таковым можно отнести решение

* **Цыганкова Евгения Алексеевна**, к.ю.н., доцент, Ставропольский филиал РАНХиГС (г. Ставрополь, Россия).

Tsygankova Evgeniya Alekseevna, PhD in Law, Associate Professor, Stavropol Branch of the RANEPА (Stavropol, Russia).

вопросов о сохранении культурных ценностей, оказание социальной помощи нуждающимся, обсуждение проблемных моментов в области образования и воспитания подрастающего поколения. Государственно-церковные отношения регулируются правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус Русской православной церкви как религиозной организации, порядок их взаимодействия, правовой режим церковного имущества, сферы деятельности церковных организаций.

Общий правовой статус религиозных организаций определяется нормами Конституции России [1, ч. 4 ст. 13; ст. 30] и Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» [4, гл. II], в которых устанавливается право на создание объединений граждан и их равенство перед законом. Русская православная церковь является юридическим лицом, соответственно, наделяется всеми правами и обязанностями, вытекающими из данного статуса. Так, некоммерческие организации, в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ, вправе приобретать и отчуждать имущество, осуществлять предпринимательскую деятельность для достижения целей, выступать истцом и ответчиком в суде. Следует обратиться к нормативно-правовым актам, которые закрепляют особый специальный статус Русской православной церкви. Конституция России, в ст. 14, закрепляет светскость российского государства [13, ст. 14]. Это означает невозможность установления какой-либо религии в качестве общеобязательной или государственной, что отделяет религиозные организации от государственных институтов и устанавливает их равенство перед законом.

Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Обращает на себя внимание тот факт, что термины «свобода совести» и «свобода вероисповедания» указаны через запятую, следовательно, имеет место перечисление, а не отождествление понятий.

Гражданский кодекс РФ также содержит положения, регулирующие общие вопросы правового статуса религиозных организаций. Так, ст. 123.26 ГК РФ [2, ст. 123.26] дает понятие религиозной организации, которой признается добровольное объединение постоянно и на законных основаниях проживающих на территории России граждан РФ или иных лиц, образованное ими в целях совместного исповедания и распространения веры и зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве юридического лица (местная религиозная ор-

ганизация), объединение этих организаций (централизованная религиозная организация), а также созданная указанным объединением в соответствии с законом в целях совместного исповедания и распространения веры. Статья 123.28 ГК РФ затрагивает вопросы имущества религиозных организаций. Созданное, пожертвованное или приобретенное имущество утверждается в качестве собственности организации, определяется особый статус богослужебного имущества, в частности невозможность обращения на него взыскания по требованию кредиторов [2, ст. 123.28].

Значимая роль в регулировании деятельности религиозных организаций отводится Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4]. Преамбула правового акта признает от имени государства особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Анализ статьи 4 Федерального закона позволяет определить перечень запретов для государства в отношении религиозных организаций. Так, государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности; не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти и органов местного самоуправления; не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству РФ. Государство выполняет функцию обеспечения светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Ст. 21 рассматриваемого Федерального закона регулирует вопросы реализации права собственности Русской православной церкви. Данная норма была приведена в соответствие с концепцией Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [5], устанавливающего порядок безвозмездной передачи Церкви в собственность или безвозмездное пользование имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной или муниципальной собственности.

Положениями Трудового кодекса РФ [3, гл. 54; ст. 343] регулируются трудовые отношения, в которых сторонами по трудовому договору выступают религиозная организация и лицо, достигшее к моменту заключения договора 18 лет. Работнику устанавливается нормальная продолжительность рабочего времени – не более 40 часов в неделю. В случаях, установленных договором, работник несет полную материальную ответственность. Норма закона (ст. 343 ТК РФ) закрепляет и придает правовое значение внутренним установлениям религиозной организации, что в целом соответствует положениям Федерально-

го закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии со ст. 15 которого, государство уважает внутренние установления Русской православной церкви. Однако такое уважение имеет место только в случае строгого соответствия данных установлений с действующим законодательством РФ. Как отмечает Н.В. Михайлова [12, с. 101–104] к таким установлениям можно отнести Устав РПЦ как религиозной организации, а также систему церковного (канонического) права, которая весьма разнообразна. Среди современных источников РПЦ особый интерес представляет такой документ, как Основы социальной концепции Русской православной церкви. В его преамбуле указано, что он отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом, в частности, глава III Основ социальной концепции устанавливает принципы и виды таких взаимоотношений (или «сотрудничества»), объясняет природу как государства, так и Церкви, а также их значение в современном мире.

Однако, вступая в правовые отношения с Русской православной церковью, органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны руководствоваться, прежде всего, нормами закона и подзаконных правовых актов.

Нормативные документы Президента РФ возглавляют иерархию подзаконных актов. В соответствии со статьей 90 Конституции РФ Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения, в том числе по вопросам государственно-церковных отношений. К ним можно отнести Указы Президента РФ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» [6], «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу» [7], Распоряжение Президента РФ «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» [8]. В соответствии с последним подзаконным актом был образован консультативный орган, занимающийся подготовкой предложений для Президента РФ в области его взаимодействия с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества.

Акты Правительства РФ, как правило, издаются во исполнение принятых ранее федеральных законов, а также в целях реализации указов Президента РФ. В качестве примера можно привести Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специ-

альной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими» [9].

Следует отметить наличие внушительного массива подзаконных актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти: Приказ Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении разъяснения «О порядке включения в общий трудовой стаж периодов работы священнослужителей в религиозных организациях и участия в совершении религиозных обрядов» [10]; Приказ Минобрнауки РФ «О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ» [11].

Подводя итог, следует отметить, что религия в последнее время значительно влияет на политическую жизнь в государстве. Несмотря на светский характер России, достаточно много вопросов, которые решаются совместно представителями светской и духовной власти.

Проблемы обсуждаются в средствах массовой информации, проводятся «круглые столы», конференции, встречи с представителями религиозных конфессий и государственных органов. Религия меняет общественное сознание; способствует сохранению нравственности и поддержанию института семьи; реализует культурное, духовное и патриотическое воспитание. Представители Русской православной церкви содействуют сотрудничеству между различными этническими группами; вносят свой вклад в поддержание мира и согласия.

Сфера государственно-церковных отношений регулируется широким кругом законов и подзаконных нормативных правовых актов. Государство, уважая внутренние установления Русской православной церкви, в тоже время требует, чтобы такие установления соответствовали праву.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 16.12.2019) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.03.2020)

5. Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ (ред. 23.06.2014) «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

6. Указ Президента РФ от 14.03.1996 № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

7. Указ Президента РФ от 12.07.2012 № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

8. Распоряжение Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп (ред. 28.06.2010) «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

9. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

10. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.11.2004 № 280 «Об утверждении разъяснения “О порядке включения в общий трудовой стаж периодов работы священнослужителей в религиозных организациях и участия в совершении религиозных обрядов”» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

11. Приказ Минобразования РФ от 01.07.2003 № 2833 «О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

12. Михайлова Н. В. Правовое регулирование государственно-церковных отношений в России // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 101–104.

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

II. ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.Д. Агапов*

DOI: 10.25839/f0725-6953-2860-g

Этика признания религиозной сферы

В статье рассматривается смысл и значение концепции постсекуляризма (Ю. Хабермас, С. Хоружий, К. Штекль, А. Роккучи) состоящей в том, что она выступает как теоретико-методологический подход, связанный с деконструкцией идей, составивших «конституцию Нового времени / Модерна» (по Бруно Латуру) и поиск смыслов, открывающих возможность для интеграции максимального сообщества субъектов, способных к коммуникации и выстраиванию отношений в средне- и долгосрочной перспективе ответственного развития.

Ключевые слова: *постсекулярная парадигма, гражданский диалог, секуляризм, десекуляризация.*

The ethics of recognition of the sphere of religion

The meaning and significance of the concept of postsecularism (J. Habermas, S. Khorzhy, K. Stoeckl, A. Rocucci) is that it acts as a theoretical and methodological approach, aiming to deconstruct the ideas that made up “the Modern Constitution” (according to Bruno Latour) and to search for meanings, that open the possibility of integrating all of the entities capable of communication and building relationships in the medium- and long-term perspectives of responsible development.

Keywords: *post-secular paradigm, civil dialogue, secularism, desecularization.*

В Российской Федерации (в период 1997 – н.в.) религиозные организации рассматриваются как специфические социально-ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), они участвуют в программах Фонда Президентских грантов, Общественной палаты Российской Федерации и т.д. Подобная политика имеет положительное значение. К тому же основные в историко-культурном плане религиозные сообщества России (православных христиан, мусульман, иудеев и буддистов) сами способствовали распространению подобной интерпретации своей деятельности в структурах современного общества.

* Агапов Олег Дмитриевич, д-р филос. наук, профессор Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (г. Казань, Россия).

Agapov Oleg Dmitrievich, Doctor of Philosophy Sci., Professor of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova (Kazan, Russia).

Активность религиозных сообществ России, реализующих социальные стратегии, следует рассматривать как *социально-гуманитарную инновацию*, позволяющую переосмыслить исторический опыт XIX – XX вв. и определить новые формы взаимоотношений между государственными структурами и общественными организациями. Сам факт принятия Архиерейским Собором в 2000 г. «Социальной концепции Русской православной церкви» стал важной вехой для институализации новой модели социального поведения и коммуникации в российском обществе.

Специфика современности определяется тем, что формат государственно-общественных отношений устанавливается в ходе структурно-смыслового взаимодействия как государства, так и общественных организаций (среди них и религиозные НКО). Основная цель некоммерческих общественных организаций в установлении гибких и плюралистических отношений, где основанием выступают ценности справедливости, свободы, доверия, общительности, равенства.

Институализация гражданского общества требует от всех граждан навыков *рефлексии и медиации*. Коммуникация – это условие существования современных политий, внутри которых устанавливаются *герменевтические поля* согласования ценностно-жизненных приоритетов, определения актуальных аспектов совместной деятельности, формированию больших и малых сообществ людей по смыслам. Гетерономность глобального со-общества XXI в. требует от граждан компетенций *культуры интерпретаций*.

Для Ю. Хабермаса создание герменевтического поля гражданской идентичности секулярных и религиозных граждан требует соблюдения трех моментов. Во-первых, верующие «должны находить эпистемическую установку по отношению к чужим религиям и мировоззрениям». Во вторых, они должны понимать основания и пределы «секулярного знания и к общественно институализированной монополии научных экспертов на знание». И, в-третьих, верующие должны осознать секулярные основания современной политической системы [3, с. 133].

Очевидно, что концепция постсекуляризма выступает двойной альтернативой как *секуляризму Модерна*, так и политике *десекуляризации*. Деконструкция секуляризма связана с *самоизживанием* эпохой Модерна (XIX – XX вв.) ключевых интенций и идей философии Просвещения, особенно тех, которые не прошли *верификацию* историческим воплощением. Развитие секулярных нормативных кодексов в XVIII – XX вв. правомерно сравнивать с политикой: а) «мягкого»

вытеснения, б) «жесткого» выдавливания и, в) радикальной зачистки (в СССР в 20 – 30 гг.) религиозного мировоззрения и сообществ. Констатируем: десекуляризация не отменяет гегемонию жесткой *секулярной модели* государственно-религиозных отношений, а принципы политики десекуляризации невозможно трактовать установление равноправных партнерских отношений между светскими гражданами и верующими. Десекуляризация исходит из позиции *доминирующей асимметрии* светских государственных структур в отношении к религиозным институтам и традициям.

Кардинально новой по форме и содержанию выступает парадигма постсекулярности (Ю. Хабермас, Ч. Тейлор, К. Штекль, С. Хоружий, Д. Узланер), предлагающего *деконструировать*, как политику *секуляризма*, так и *антисекуляризма*.

Дмитрий Узланер пишет, что мы можем отнести к постсекуляризму тройко, как новой эмпирической реальности, нормативной установке и методологической «оптике» социально-гуманитарных дисциплин. Прежде всего, постсекулярное подразумевает «не отбрасывание секулярного, а продолжение работы над онтологией нас самих, которая на определенном этапе своего развития, по тем или иным причинам, оказалась выстроена вокруг секулярных дихотомий и имманентной рамки [2, с. 31].

Деконструируя процесс секуляризации, Тернер Брайн предлагает опираться на *этику признания* (recognition ethics), что предполагает ситуацию, в которой в политико-правовом пространстве религиозные утверждения не отвергаются в качестве иррациональных, а принимаются как законные элементы публичного диалога [1, с. 46].

На наш взгляд, теория постсекулярности обладает большим нормативно-правовым и когнитивным потенциалом для выстраивания политических и социокультурных практик современности. Парадигма постсекуляризма выступает как эпистемологический канон, деконструирующий круг ценностей Модерна и направленный на порождение *новых смыслов*, предусматривающих широкий формат диалога и интеграции субъектов современного гражданского общества в долгосрочной перспективе.

В религиозноведческом плане концепция постсекуляризма способна стать в современной исторической ситуации адекватной методологической «оптикой» восприятия динамики исторического развития XVIII – XXI вв., а также *моделью* «перезагрузки» отношений между светски и религиозно-ориентированными гражданами.

Источники и литература

1. *Брайн Т.* Религия в постсекулярном обществе / Т. Брайн // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2. – С. 21–52.
2. *Узланер, Д.* Введение в постсекулярную философию / Д. Узланер // Логос. – 2011. – № 3. – С. 3–33.
3. *Хабермас, Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи: пер. с нем. М.Б. Скуратова / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2011. – 336 с.

И.О. Буйленков*

DOI: 10.25839/x1846-4654-4129-w

Влияние изменений политической культуры общества на восприятие формы приходского управления (на материалах дискуссий Поместного собора православной российской церкви 1917–1918 гг.)

В данной статье анализируются влияния модернизации на семиотическую систему религиозной культуры на основании документов Поместного собора ПРЦ 1917–1918 г. Подробность сохранившихся документов позволяет восстановить различные течения мысли на соборе, что позволяет определить, как процессы модернизации отразились на формах замещения клира, а как следствие и на новое значение клира в семиотической системе ПРЦ.

Ключевые слова: модернизация, секуляризация, религиозная культура, политическая культура, семиотика, духовенство, Поместный собор ПРЦ 1917–1918 гг.

Influence of changes in the society's political culture on the perception of the form of parish government (based on the discussions of the Local Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918)

This article analyzes the impact of modernization on the semiotic system of religious culture based on documents from the Local Council of the ROC 1917–1918. The detail of the surviving documents allows us to restore various currents of thought at the cathedral, which allows us to determine how modernization processes affected the forms of clergy replacement, and as a result the new meaning of clergy in the semiotic system of the ROC.

Keywords: modernization, secularization, religious culture, political culture, semiotics, clergy, Local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918.

В XIX в. Российская империя переживала интенсивные процессы изменений во всех сферах общества. Такие перемены, в том числе, затрагивали религиозную сферу, т.е. и государственную религию Российской империи Православную российскую церковь (ПРЦ). Однако

* **Буйленков Иван Олегович**, магистр культурологии, аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Беларусь).

Builenkov Ivan Olegovich, master of cultural studies, postgraduate student of the Belarusian State University of Culture and Arts (Minsk, Belarus).

консервативность системы управления Российской империи была едва ли способной к адаптации к условиям современности, значит и ПРЦ, интенсивно включенная в систему государственного управления Российской империи, обретала ту же неспособность. Уничтожение имперской государственной системы, осуществленное в рамках Февральской революции 1917 г. обеспечило возможность государственного реформирования, а также обеспечило свободу церкви, которая также получила возможность своего переустройства, что воплотилось в Поместном соборе 1917–1918 гг.

Прежде чем перейти к анализу документов Поместного собора, необходимо определить какие характерные изменения переживает культура и общество. Наиболее точная характеристика состояния общества и культуры была дана Ю. Хабермасом в анализе философии Г.В.Ф. Гегеля, он, описывая общество модерна, характеризовал его как эпоху, «которая устремлена в будущее, которая открыла себя предстоящему новому» [0, с. 7]. Такое изменение имеет свои следствия для культуры, которая будет нами пониматься в ее семиотическом аспекте, т.е. понимается как «знаковая система» [7, с. 326].

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский на основании «отношения к знаку и знаковости» [7, с. 331] выделяли два типа культуры: культура с преобладанием направленности на выражение и культура с преобладанием направленности на содержание [7, с. 332]. Культуре выражения свойственно основание «на правильном обозначении, в частности, на правильном назывании, весь мир может представлять как некоторый текст, состоящий из знаков разного порядка, где содержание обусловлено заранее, а необходимо лишь знать язык, т.е. знать соотношение элементов выражения и содержания» [7, с. 332], как следствие, такая культура представляет себя как «правильном тексте (совокупности текстов)» [7, с. 333]. Культурам с приматом содержания характерна «известная свобода, как в выборе содержания, так и в связи его с выражением» [7, с. 333], соответственно, такому типу культур характерно представление о себе как о «системе правил» [7, с. 333] образования текстов. Соответственно, переход от примата выражения к примату содержания, рассматривается нами как характерная черта изменения культуры под влиянием процессов модернизации.

Такое понимание основывается на том, что предикат выражения характеризуется своим отношением к прошлому, если мы принимаем тезис о том, что культура при таком отношении к знаковости являет собой текст (совокупность текстов) это предполагает наличие оснований таковых текстов в прошлом. Примат же содержания делает куль-

туру более гибкой, и так как такая культура являет собой систему правил, предполагает механизмы адаптации культуры к будущему, соответственно является характерной чертой общества модерна. Кризис примата выражения может быть рассмотрен в терминах кризиса метанаратива или онто-гео-телео-фалло-фоно-логоцентризма [9, с. 544–545].

Смещение акцента с выражения на содержание имеет своим следствием изменение значения социального действия. Традиционный тип социального действия, «основанный на длительной привычке» [2, с. 628], связан с наиболее значительными изменениями. Конечно, он не утрачивает своей актуальности: будучи «автоматической реакцией на привычное раздражение» [2, с. 628], данный тип не перестает быть актуальным, однако кроме привычной реакции данный тип характеризует действия, сохраняющиеся в рамках общества лишь благодаря культурной памяти, и их эффективность может быть весьма сомнительной. Соответственно, в рамках процессов модернизации значение традиционных действий, не являющееся эффективной реакцией на внешние раздражители, подвергается переоценке. Непосредственно связанный с традиционным типом социального действия, традиционный тип легитимации [4, с. 27]. Соответственно, традиционная легитимация, в качестве оснований которой выступает «авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение» [3, с. 255] теряет свою силу, и требует укрепления с помощью других источников легитимации.

Кризис традиционной легитимации связан с изменением политической культуры. Г. Алмонд определял традиционную политическую культуру как парохильную (иногда ее называют приходской, **традиционной**, патриархальной – *И.Б.*). Такой политической культуре свойственно отсутствие рефлексии о политической системе [1, с. 32–33]; отсутствие знаний и представлений «о существующих структурах и ролях, о разнообразных политических элитах и о политических предложениях, которые присутствуют в восходящем потоке выработки политического курса» [1, с. 33]; отсутствие представлений о «нисходящем потоке проведения политического курса в жизнь, о структурах, индивидах и решениях, вовлеченных в эти процессы» [1, с. 33]; отсутствие рефлексии о своем месте в рамках политической системы. Такая политическая культура основана на традиционной легитимации: если существующий порядок является предзаданным традицией, нет смысла менять порядок, потому нет необходимости в рефлексии над политической системой и какой-либо активности на входе и выходе системы, кроме той, которая предписана традицией.

Кризис, как традиционной легитимации, так и политической культуры участия непосредственно связан с переходом от предиката выражения к предикату содержания. Традиционная легитимация, будучи предзаданной на основании культурной памяти, требует в обществе модерна связи, в том числе с содержанием данных институтов, т.е. с их воздействием на функционирование социальной системы. Соответственно, и восприятие управленческих институтов более не может иметь парохийный характер, которому свойственно безучастность.

Следствием такого кризиса является рост актуальности прочих типов легитимации, т.е. харизматической и основанной на «легальности» [3, с. 255]. Харизматический тип легитимации основан на аффективном или эмоциональном типе социального действия [4, с. 27] (т.е. «обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида» [2, с. 628]) и ценностно-рациональном типе (т.е. «основанным на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [2, с. 628]), т.е. предполагает легитимацию, основанную на качествах политической элиты, формирующих основания доверия [3, с. 255]. Легитимация, основанная на легальности, связана с целерациональным типом социального действия [4, с. 27] (т.е. «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве "условий" или "средств" для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели» [2, с. 628]), данный тип легитимации основан на убежденности в компетентности политических элит [3, с. 255].

Соответственно со сменой типа легитимации происходит смена политической культуры. Харизматической легитимации характерна подчиненческая политическая культура. Данному типу характерна рефлексия, как о самой политической системе, так и о месте индивида в рамках данной системы, также индивиды имеют представления о политическом курсе системы и активно задействованы в его реализации, однако не имеют непосредственного воздействия на этот курс [1, с. 32–33]. Такая политическая культура имеет основания в аффективном и ценностно-рациональных типах социального действия: т.к. легитимность основана на особых качествах политической элиты, нет необходимости во влиянии на политическую систему индивидов лишенных данных качеств. Однако эмоциональная и ценностная связь индивидов и политической системы предполагает рефлексии над политической сферой и поддержку проводимого курса (если политическая элита в действительности обладает легитимирующими качествами).

Легитимации основанной на легальности характерна политическая культура участия. Данный тип политической культуры, как и подчиненческая, характеризуется рефлексией, как о самой политической системе, так и о месте индивида в рамках данной системы, также индивиды имеют представления о политическом курсе системы и активно задействованы в его реализации, но в отличие от подчиненческой политической культуры индивиды также задействованы в определении политического курса. Соответственно, данный тип политической культуры основан на целерациональном типе социального действия: политическая элита находит основание своей легитимации в поддержке со стороны большинства общества, соответственно политические элиты вынуждены быть открытыми к представлениям большинства населения о надлежащем политическом курсе.

Соответственно, два названных типа легитимации и политической культуры связаны с приматом содержания. Они основаны на отказе от основания на традиции как решающем факторе и предполагают восприятие казуальности, т.е. влияние управленческих институтов (или убежденность в таковом влиянии) в качестве основополагающего фактора. Соответственно, и политическая культура обретает более деятельный характер.

Такие изменения в политической культуре имеют свои следствия в изменении семиотического значения институтов осуществляющих управление в различных сферах общества, в том числе, и религиозной. Соответственно, в данном случае, нас интересует проявление кризиса традиционной легитимации в религиозной сфере в области значения церковной власти в той или иной ее форме.

Поместный собор Православной российской церкви рассматривал вопрос о введении выборного начала при назначении членов причта на приход. Право выбирать священников в связи с потребностью замещения достаточно долго существовало в русской церкви. Что было закреплено в Духовном регламенте: «Приходящий ставленник да имеет в доношении известное от прихожан своих свидетельство, что его знают быть доброго человека, а именно, не пьяницу, в домосмотрении своем не ленивого, не клеветника, не сварлива, не любодейца, не убийцу, в воровстве и обманстве не обличенного» [6, с. 97]. Данные строки Духовного регламента фактически утверждали практику выборного начала на приходах, которое хоть и не повсеместно имело место на приходах. Такая форма замещения причта была окончательно устранена указом Павла I за немногим более 100 лет до Поместного собора. При этом прямо предписывалось не учитывать мнение при-

хожан относительно будущего члена клира: «ни от кого и ни в каких местах прошения, подписанные многими не принимать [...] при производстве в священно и церковно-служители, хотя бы и одобряем, кто был от прихожан производить не иначе разве от духовного правления и от благочинного будет о честном поведении его засвидетельствовано» [11, с. 81]. Т.е. влияние прихода на назначение членов клира было редуцировано, и полностью сконцентрировано в руках местной церковной организации.

Впоследствии, в Российской империи замещение духовенства определялось уставом Духовных консисторий, оный полностью обеспечивал полноту власти епархиального управления: будущие члены причта определялись епископом, кандидаты предоставлялись духовной консисторией [12, с. 28]. Таким образом, источником легитимности священнослужителя являлось епархиальное управление, т.е. духовная консистория и епископ. Соответственно, источник имел церковно-государственную природу, учитывая, «что Обер-прокурор ведал назначением и перемещением высшего духовенства» [10, с. 135], то можно говорить о влиянии факторов связанных с государственными выгодами, при этом ряд функций священства в частности метрификация населения определяло государственный интерес в особом контроле над духовным сословием, т.е. священство обретало при империи значение, в том числе, административное. Однако этим не ограничивалось значение священства. Несмотря на интенсивное влияние государства, клирик оставался назначенным и поставленным архиерейской властью, проходил через обряды инициации (хиротесия и хиротония), что наделяло его особой ритуальной значимостью. Таким образом, духовенство как группа соединяло в себе два значения с одной стороны административное, значение группы исполняющей предписания высшего начальства, кроме того сохранялась и сторона религиозная, причт – группа людей обладающая определенными навыками, знаниями и особой харизмой, обеспеченной прохождением обрядов инициации (хиротонии и/или хиротесии). Что выражается и в функциях исполняемых духовенством: оно осуществляло метрификацию населения (запись гражданского состояния), а также осуществляло религиозные ритуалы и заботу о духовном состоянии пастырей.

Таким образом, легитимация священства имела традиционный характер (проверка соответствия кандидата каноническим требованиям и прохождение им обрядов инициации), кроме того имела место легитимация основанная на легальности (влияние государственных чиновни-

ков). Отдел о благоустройении прихода хотел изменить сложившуюся практику. Первоначальный проект положения предполагал введения выборного начала в практику замещения членов причта [5, с. 807]. В сущности, проект отдела развивал практику, введенную Святейшим синодом после революции [8].

Докладчик отдела Н.Д. Кузнецов, обосновывал необходимость избрание членов причта, невозможностью эффективного назначения пастырей центральным органам управления, при наличии «миллионной паствы и тысяч духовенства» [1, с. 808], такая аргументация указывает на понимание того, что общество Российской империи на момент начала XX в. представляло собой сложную систему, эффективное управление которой возможно только при введении принципов децентрализации. Такой же аргумент использовался прот. А.Г. Альбицким, он указывал на невозможность учета особенностей прихода при принятии назначения как системы замещения причта: «Епархии у нас большею частью обширные, в них более 1000 приходов, и занимают они обширные территории. Епископу тяжело даже объехать епархию, а еще более тяжело – знать ее и управлять ею» [5, с. 933].

Особенно примечательно в аргументации докладчика Н.Д. Кузнецова разделение избрания и рукоположения: «В вопросе о выборном духовенстве обыкновенно смешивают две стороны, которые должны быть ясно разделены в нашем сознании. Это избрание кандидата в священнослужители и самое его посвящение. Последнее есть акт таинственный, совершаемый через епископа, который должен действовать в нем вполне сознательно, согласно с каноническими правилами и под своей ответственностью. Странники выборного начала вовсе не добиваются заставить епископа непременно посвящать избранного, хотя бы это противоречило канонам и его архипастырской совести» [5, с. 808]. Такая аргументация указывает на разделение сакральной (религиозной) стороны духовенства и его прочими функциями, т.е. указывает на секуляризацию в религиозной культуре.

Кроме того, выборное начало рассматривалось как солидаризирующее начало прихода, так докладчик приводил цитату Д.Ф. Самарина: «Выбор – устанавливает на первых же порах известный нравственный союз между избранным и избирателями, и дает прочное основание для той связи, которая должна существовать между священником и его приходом...» [5, с. 809]. На основании такого понимания выборного начала поддерживал учреждение выборного начала Г.И. Комиссаров [5, с. 892]. Прот. А.Г. Альбицкий прямо высказался о проблеме легитимации назначаемого причта: «Выборный священник опирается на

епископа и приход, а назначенный только на епископа» [5, с. 934]. Т.е. утверждение выборного начала в рамках приходов означает, что единство между избирателями и избираемыми играет более значимую роль, чем интересы епархиального управления, которые приносятся в жертву, учреждением выборности.

Материальные основания выборного начала точно выразил А.И. Июдин, представитель крестьянства, критикуя позицию противников выборного начала, он говорил: «А здесь предлагают так, что жалованье мы платить будем, а выбирать духовенство не будем» [5, с. 932]. На момент обсуждения данного проекта положений советская власть действовала уже значительный период времени, и самостоятельное обеспечение церковью своих нужд воспринималась как реальная перспектива. Для такого обеспечения было необходимо утверждение более прочной солидарности между причтом и приходом, что является одним из следствий введения выборного начала.

Таким образом, в аргументации сторонников выборного начала процессы модернизации выразились, с одной стороны, в понимании ограниченности эффективности епископской власти. С другой стороны, в разделении административных функций приходского духовенства и его религиозного значения. Кроме того, в понимании значения культуры участия как солидаризирующего фактора. Данные факты указывают на кризис традиционной легитимации, как высшего духовенства, так и низшего, значение традиционной легитимации воспринимается как необходимое, но только в вопросах религиозных, в прочих же делах, священнослужитель должен иметь иную легитимацию: народное признание. Соответственно, введение выборного начала предполагает дополнение традиционной легитимации священника, осуществляемой через право канонического контроля кандидата, предоставляемого епископу и таинство хиротонии; введением легитимации через признание кандидата народом, осуществляемое через выборы.

Одним из аргументов противников выборного начала явилось указание на злоупотребление выборным началом на местах. Такую точку зрения высказывал, в том числе, один из докладчиков отдела свящ. Ф.Ф. Григорьев [5, с. 813–815]. Данный аргумент, с одной стороны, обосновывался униженностью для духовенства; с другой стороны, спецификой критериев предъявляемых выборщиками. Первая проблема состояла в том, что духовенство должно было проходить кастинг, а значит, должно было подыгрывать интересам паствы. Второй аргумент основывался на том, что порой священство было выби-

раемо по критериям не соответствующим значению священника в церкви: подходит ли новому священнику наличное в приходе облачение [5, с. 814], материальной рентабельности кандидата [5, с. 813].

Аргументация в таком духе была характерна Н.А. Вознесенскому, он указывал на ограниченность кругозора прихода при выборе причта: «приход дальше своего носа почти ничего не видит, а потому выбор его падет на того, иногда единственного кандидата, который ему известен и который мало-мальски, по его понятию, подходит к занятию праздного места» [5, с. 818]. Соответственно, в качестве компетентного лица Н.А. Вознесенский рассматривал епископат: «В то время как кругозор прихода слишком ограничен, кругозор архипастыря сравнительно с приходом очень широк» [5, с. 818], соответственно, архипастырь может, реализуя право назначения духовенства, «искоренить в нем те или другие пороки, суеверия или недостатки и дать правильное направление всей приходской жизни» [5, с. 818–819].

Подобная позиция встречалась у многих ораторов: А.Г. Куляшев говорил об «охлократии в церкви» [5, с. 905], Н.Г. Малыгин о «грубости провинциальной массы» [5, с. 903], Г.А. Чайкин в своей аргументации прямо говорил «враждебности темных масс ко всяким проблескам образования» [5, с. 920]. Такая критика проекта достаточно обоснована, учитывая достаточно низкий уровень образования в Российской империи. Однако при этом она основана на идеализации компетентности епископата, учитывая размеры епархий, что более четко выразилось в оценке рисков при сохранении старой системы: «В злоупотребления со стороны архиереев я не верю, и, во всяком случае, они будут явлением редким, но гораздо большие ошибки и злоупотребления возникнут при выборах от приходов» [5, с. 820].

Если рассмотренные позиции противников основывались на невозможности принятия выборного начала в силу обстоятельств времени, то теперь мы обратим внимание на позицию, которая основана на представлении о церкви как институте, которому такое начало чуждо.

Так В.К. Недельский говорил прямо на невозможность принятия выборного начала: «Выборное начало несогласно с самою природою пастырского служения, с тем основным началом, из которого исходит пастырство и получает свою жизненную силу» [5, с. 889]. Сам же В.К. Недельский рассматривал идею посланничества как определяющей порядок замещения должностей причта, т.е. назначения со стороны епископа. При этом, послушание постановленному в такой форме священству рассматривается как форма благочестия: «истинно верующие православные христиане во всем, что касается их религиозной

жизни, должны быть проникнуты духом благоговейного подчинения воле Божией» [5, с. 890].

Более прямо выборное начало при замещении членов причта критиковал прот. Ф. Воловей: «Церковь Христова как Божественное установление была, есть, должна быть и будет чужда демократического начала в том смысле, в каком желали бы применить здесь это начало, как дань духу времени» [5, с. 906]. Причем такое мнение прот. подтверждает интерпретацией Евангелия: «Христос пришел не самовольно, Он был послан Богом Отцом. И это преемственное посольство легло в основу Церкви Христовой» [5, с. 906]. Соответственно, такое восприятие священства воспринимает его авторитет как непрекословный, только по факту того, что он послан от епископа, соответственно епископский авторитет наделяется также абсолютистским значением, как авторитета посланников апостолов. Такая позиция выражает наибольшее сохранение традиционного типа легитимации.

Таким образом, позиция противников введения выборного начала имела два основания. Первое основание состоит в факте неготовности приходов к введению выборности, что учитывая факт низкой грамотности населения российской империи и низкий уровень богословской грамотности прихожан. Соответственно, введение выборного начала рассматривается как угроза прекращения нормального исполнения церковью своих функций. Такая позиция основана на примате содержания: выборное начало не может быть установлено, т.к. она связано с рисками/вредом для церкви.

Второе же возражение основано на восприятии православия как чуждого выборности приходского духовенства. Такая позиция основана на придании высокого значения епархиальному управлению, легитимация, имеющая основания у высшего священноначалия рассматривается как достаточная при назначении клира. Соответственно такая позиция основана на придании высокого значения традиционной легитимации: прошедшие высшие обряды инициации (епископские хиротонии) рассматриваются как источник априори благоприятного решения. Такая позиция основана на примате выражения, так как наличие знака епископа, рассматривается как основание эффективности.

Таким образом, процессы модернизации религиозной культуры выразились в различных оценках системы замещения клира на приходах. Позиции, основанные на примате содержания, отстаивали главным образом сокращение традиционной легитимации приходского духовенства. В то время как позиции, основанные на примате выражения, напротив, за его усиление. Важно то, что данные позиции вы-

сказывались наравне, ни одна из них не была запрещена исходя из канонически оснований.

Такая ситуация указывает на развитие плюрализма в церкви. Границы, в которых традиция является фактором, однозначно определяющим церковное устройство, являются размытыми, что привело к формированию различного восприятия церковного начальства.

Корни такого плюрализма находятся в процессах модернизации. Радикальное стремление к сохранению традиции выразилось в оценках отсутствия участия в деле назначения клира как принцип, имеющих теологические основания. Стремления организовать замещение причта исходя из принципов политической подчиненческой культуры и участия исходили из различия оценок епархиальной власти и компетентности мирян: при большей доверии к мирянам и меньшем к епархиальному управлению члены собора предлагали организацию замещения причта с широким участием мирян; и, напротив, при высоком доверии епархиальной власти и низкой оценке компетентности мирян члены собора высказывались за ограничение участия.

Источники и литература

1. Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.

2. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер : пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–643.

3. Вебер, М. Политика как призвание и как профессия / М. Вебер // Власть и политика / М. Вебер: пер. с нем. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – С. 252–410.

4. Гайденко, П. П. Социология Макса Вебера / П. П. Гайденко // Избранные произведения / М. Вебер : пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–43.

5. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. – М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2018. – Т. 7: Деяния Собора с 66-го по 103-е. – 1280 с.

6. Духовный регламент Всепресветлейшего, Державнейшего Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссийского. – М.: Синодальная типография, 1904. – 200 с.

7. Лотман, Ю. М. Механизмы культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 326–380.

8. Определение святейшего синода (от 1–5-го мая 1917 года, за № 2668). О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении // Вестник временного правительства. – № 49, 6 мая. – Петроград, 1917. – С. 2.

9. Постмодернизм. Энциклопедия: Сост. и ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с.

10. Раскин, Д. И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. / Д. И. Раскин. – СПб.: Наука, 1998. – Т. 1. – 302 с.

11. Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего Синода. 1721–1878 г. – М.: Типография М. Н. Лаврова и Ко, 1879. – 505 с.

12. Устав духовных консисторий. – СПб.: Синодальная типография, 1883. – 206 с.

13. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас; пер. с нем. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 416 с.

Н.В. Дородонова *

К.В. Чилькина **

DOI: 10.25839/p3579-5336-4193-j

Опыт реализации социальной доктрины римской католической церкви в политико-правовой сфере (на примере Германии первой трети XX в.)***

В статье рассматривается содержание ранней социальной доктрины римской католической церкви на примере Энциклики 1891 г. Папы Льва XIII и её влияние на развитие законодательства в социальной сфере в Германии. Проводится анализ ряда нормативно-правовых актов Германии первой трети XX в. на предмет отражения в них идеи социальной доктрины римской католической церкви. Выдвигается гипотеза о том, что основой эффективного социального государства должны быть законы, реализующие не просто экономическую или политическую модель взаимодействия различных социально-политических институтов, а определенные коллективные навыки комплементарности.

Ключевые слова: римская католическая церковь, социальное учение, Энциклика, история государства и права, Германия, социальное государство.

Experience in realizing the social doctrine of the Roman Catholic Church in the political and legal sphere (on the example of Germany the first third of the XX century

The article discusses the content of the early social doctrine of the Roman Catholic Church on the example of the 1891 Encyclical Pope Leo XIII and its influence on the development of legislation in the social sphere in Germany. An analysis of a number of regulatory acts of Germany in the first third of the XX century needs for the reflection in them of the ideas of the social

* **Дородонова Наталья Васильевна**, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент (г. Саратов, Россия).

Dorodonova Natalya Vasilievna, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Ph.D., Associate Professor (Saratov, Russia).

** **Чилькина Ксения Владимировна**, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент (г. Саратов, Россия).

Chilkina Ksenia Vladimirovna, Professor of the Department of History of State and Law of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor (Saratov, Russia).

*** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00673.

doctrine of the Roman Catholic Church. A hypothesis is put forward that the basis of an effective social state should be laws that implement not just the economic or political model of interaction between various socio-political institutions, but certain collective complementarity skills.

Keywords: *Roman Catholic Church, social teaching, Encyclical, history of state and law, Germany, social state.*

Большинство современных государств заявлены как социальные согласно законодательству. Однако в ходе реализации экономических моделей поддержки различных групп населения, нуждающихся в этой поддержке, систематически возникают проблемы, ставящие под сомнение эффективность реализуемой модели. Представляется, что эффективность реализуемой государственной политики зависит не только от содержания законодательства, сколько от других, более глубоких и масштабных факторах в рамках развития государства.

К числу таких факторов следует отнести коллективные навыки самого общества, обеспечивающие определенную социальную стабильность. Социальная доктрина римской католической церкви отмечается современными специалистами в качестве источника концепции институциональной комплементарности [1]. Идеи о взаимодополняемости крупных социальных групп в обществе, реализованные в политико-правовых отношениях, позволяют создать прочные правовые основы социального государства. Данная гипотеза будет рассматриваться в настоящей работе на примере развития государства и права Германии первой трети XIX в. Такие катаклизмы как Первая мировая война, революция в Германии в 1918 г. рассматриваются в качестве политических факторов, способных принципиально изменить правовые инструменты обеспечения социальной стабильности, в случае их совпадения с данными координатами развития государства.

Первой папской Энцикликой, выражающей идеи социального христианства, выступившей программным документом, стала Энциклика 1891 г. папы Льва XIII “*Rerum Novarum*” – «О положении трудящихся». Данная Энциклика была издана на фоне конфликта светской и духовной властей в Германской империи [2]. В Германии наблюдалось сильное влияние католической веры посредством деятельности её ярых сторонников на законодательный процесс. В качестве активного реформатора социальной сферы отношений и немецкого законодательства выступала епископ Э.В. фон Кеттелер. Именно он в 1860-х годах обозначил те правовые инструменты, посредством которых можно было прийти к социальному миру и определенной стабильности. В центре внимания Кеттелера стоял рабочий вопрос. К числу необходимых правовых норм и институтов, регулирующих

трудовые отношения, он относил право коалиций, право забастовок, законное право на оплату труда, сокращение рабочего времени, гарантии времени отдыха, отмена фабричного труда для матерей. Необходимо отметить, что идеи Кеттелера формировались в условиях уже развивающегося законодательства в сфере труда. В частности, в 1869 г. был принят Промышленный устав (Gewerbeordnung) Северо-Германского союза, в дальнейшем Германской империи, и на протяжении следующих лет он постоянно дополнялся новеллами, отражающими требования политических партий и профсоюзов в сфере защиты прав трудящихся.

В самом общем виде, идеи Кеттелера, составляющие содержание его социального учения сводились к трем позициям:

- государственная социальная политика,
- самопомощь рабочих и самоорганизация в союзы для оппонирования концентрированным силам работодателей,
- благотворительная деятельность церкви [3].

Таким образом, в его социальной программе должны были участвовать три социальных института: государство, союзы рабочих (в первую очередь, профессиональные), церковь. Развитие Германской империи в последней трети XIX в. позволяет говорить о том, что все предложения Кеттелера находили отражение в реальной политике. Так, принимаемые Рейхстагом законы и архивные документы по социальной политике отражают активность всех трех данных институтов [4].

Энциклика «О положении трудящихся» в целом опиралась на идеи Кеттелера о необходимости солидарности, об активности самих трудящихся, о необходимости социальной, организационной и правовой поддержки нуждающихся трудящихся не только государством, но и всеми участниками промышленных и экономических процессов. Обращает на себя внимание критический настрой автора Энциклики в отношении государства: «Заботу о будущем незачем возлагать на государство. Человек древнее государства, а потому, по природе своей, вправе охранять и обеспечивать свою телесную жизнь прежде всех государств». Церковь заявляла о себе как о самостоятельном институте, способном решить социальную проблему (обеспечение прав трудящихся), в условиях, когда «общественные учреждения и законы отвергли веру отцов».

В качестве ключевых вопросов в сфере обеспечения трудящихся рассматривались вопросы о справедливой заработной плате, о благотворительной помощи. Главной задачей правительства рассматривалось общее и частное благо граждан. Благоденствию и процветанию государства содействуют, главным образом, нравственность, упорядо-

ченная семейная жизнь, уважение к вере и справедливости, умеренность, равное распределение общественных повинностей, успехи наук и промышленности, процветание земледелия – все, что делает граждан благонравнее и счастливее. ... правительство должно заботливо охранять интересы более бедных жителей, чтобы люди, содействующие в такой мере благосостоянию общества, сами пользовались благами, которые они создают – приличным жилищем, одеждой, пропитанием; чтобы здоровье их не подвергалось опасности, и жизнь вообще была менее тяжелой, более сносной. Правители должны ревностно оберегать общество и все его части: оберегать общество, ибо его сохранение и есть по преимуществу дело высших властей, а ради его целостности и существуют правительства...».

Кроме достойной заработной платы, Энциклика требовала установления выходных и праздничных дней, так как этого требовала вера и было связано с духовным развитием человека (посещение церковной мессы осуществлялось по выходным); запрета детского и женского труда на фабриках (так как дети еще не окрепли, а женщины более пригодны для сохранения семейного очага, воспитанию детей). Средством для трудящихся, если говорить о личной активности, повышения качества жизни, было объединение в профессиональные союзы, благодаря союзу каждый рабочий мог повысить уровень физического, духовного и экономического благосостояния. Одной из важнейших идей данной программы действий была о необходимости формировать широкий слой собственников. Заканчивалась Энциклика напоминанием людям, на кого возложена обязанность заботиться об общем благосостоянии, что церковь всегда будет оказывать помощь нуждающимся и тем более, чем меньше стеснена свобода её действий [5]. Энциклика произвела огромное впечатление на католиков и получила широкое признание и не только в кругах католиков [6, с.299,330].

Все требования Энциклики 1891 г. нашли выражение в принимаемом и реализуемом законодательстве. Некоторые разделы и новеллы Промышленного устава в конце XIX в. (новелла от 26.07.1897 г. раздел VI – основной источник законодательства о ремесле (§81 – 104)) обращали на себя внимание открывающимися перспективами развития трудовых отношений. Этот раздел регулировал отношения рабочих и работодателей в союзах, деятельность таких союзов. Лица, которые самостоятельно образовывали предприятия по смыслу Промышленного Устава, могли в целях укрепления общих промышленных интересов образовать союз. Обязательной задачей такого союза, который был корпорацией публичного права, была забота об общем

духе (Gemeingeist), а также поддержка и укрепление чести корпорации посредством участия в таком союзе, требование благотворных (полезных) отношений между мастерами и подмастерьями, а также обеспечение посреднических агентств, бирж труда [7, сс.479–485]. С 90-х гг. постоянно расширялась сфера правового регулирования в сфере труда. Изменения касались и Промышленного устава. Законы 1897 и 1900 г. вводили нормы, на основании которых был упорядочен процесс профессионального обучения, профессионального школьного обучения, было установлено время отдыха для торгового персонала в открытых торговых учреждениях и пр. [8, с.7].

В 1903 г. в форме новеллы к Промышленному уставу приняли норму, согласно которой запрещался труд детей младше 12 лет, в 1908 году – младше 13 лет. В 1908 были внесены значительные изменения в Промышленный устав 1869 г. Теперь запрещены были ночные рабочие смены для женщин и детей, длительность рабочего дня для подростков и женщин сократилась до 10 часов, был введен декретный отпуск. В 1904 году были учреждены Промышленные суды, предшественники современных судов по трудовым спорам. В 1911 г. был издан Свод законов о страховании, объединивший ранее принятые законы о социальном страховании 1880-х годов и действовавший до 1992 года.

В 1918 г. произошла революция, и политическая власть перешла в руки социал-демократической партии во главе с президентом Фридрихом Эбертом. Выделяя отличительные черты немецкой революции по сравнению с российской, специалисты называют рациональное сознание немцев, ценность порядка и уважение власти. Целями правящих партий было недопущение «красной анархии» и парламентская демократия [9, с. 44, 45].

Правовой основой нового порядка, помимо массы государственных законов, сохранивших свой действие со времен империи, особенно в части социальной поддержки населения, стала Веймарская конституция 1919 г., в которой закреплялся широкий ряд прав и свобод граждан, в том числе и социальных. Отличительной чертой данной конституции был раздел № 3 с названием «Религия и религиозные общества» (ст.ст.135–141) [10]. Данные статьи реабилитировали статус формальный статус церкви, а ст. 137 гарантировала свободу образования религиозных обществ.

В ней обозначалось, что объединение религиозных обществ в пределах рейха не подлежит никаким ограничениям, религиозные общества приобретают правоспособность соответственно общим постановлениям гражданского права. Религиозные общества остаются

публично-правовыми корпорациями, если они уже были таковыми. Другим религиозным обществам должны быть предоставлены, по их ходатайству, такие же права, если по своему устройству и числу членов они дают гарантию длительного существования. Если несколько подобных публично-правовых религиозных обществ объединяются в союз, то таковой союз является публично-правовой корпорацией.

К религиозным обществам приравниваются союзы, которые ставят себе задачей общественное поощрение какого-либо мировоззрения. Данный раздел конституции закреплял такую черту немецкой государственности, как тесная связь с церковью и религией. Статьи из этого раздела Веймарской конституции (ст.ст. 136, 137, 138, 139, 141) вошли в состав действующей Конституции ФРГ 1949 г. (ст.140).

В продолжение данных конституционных норм в 1924 г. был принят закон об управлении имуществом католической церкви от 24 июля 1924 г., который имел колоссальное значение для реализации позиций Энциклики 1891 г. [11]. Данный закон с изменениями действует до сих пор в земле Северный Рейн-Вестфалия. На основе Конституции и данного закона церковь признавалась правомочным институтом, участвующим в социальной политике. Закон 1924 г. регулировал комплекс отношений с участием ключевых социальных институтов – общины, государства, церкви, однако инициативно-организующим институтом здесь выступала церковь.

Законом обозначалось, что правление церкви управляет имуществом в церковной общине, представляет интересы общины и имущества. Имущество состоит из церковных земельных участков и местных фондов под управлением учреждений церкви. Правление церкви состоит из выбранных лиц. Количество данных лиц соотносится с количеством проживающих на данной территории (6 выбранных на количество от 1 до 1500 избирателей, 8 – на количество 1500 до 5000, 10 – на количество от 5000 до 10000, в больших общинах – 16 выбранных).

Право выбора членов правления имеют все члены общины, достигшие 18 лет, проживающие на этой территории более года. Должность члена церковного правления почетна. В § 15 данного закона определялись основания, когда решения церковного правления требовали разрешения государственных органов, к числу данных решений относятся продажа объектов, имеющих историческую, научную или художественную ценность; выпуск облигаций, которые предназначены не только для временной помощи; использование церковного имущества в иных целях, чем по назначению. Это не относится к решениям, которые не превышают в общей сложности 10% целевого

дохода за год; собрания, которые не связаны с деятельностью и целями церковных учреждений. В § 16 было закреплено право государственных органов проверять управление церковными активами в соответствии с законом; церковному правлению предоставлено право обжаловать решение государственного органа в судебном порядке. Епископальный орган может, после консультации с государственным органом, издавать инструкции об управлении и издавать правила проведения выборов (§ 21). Церковные общины могут образовывать церковный союз (§ 22).

Создание и расширение церковного союза происходит по решению епископского органа при согласовании и разрешении государственного органа. Решение о создании церковного союза или её расширении принимается голосованием простым большинством (§ 23). Церковный союз может взять на себя полностью или частично выполнение местных задач, а также обеспечение общины с помощью внешних церковных учреждений и средств для выполнения задач в соответствии с государственным законом. Он может устанавливать сборы, взимать налоги и брать кредиты (§ 24).

В том же 1924 г. был принят закон об обязанности обеспечения, в соответствии с которым, союзы по попечению земель и союзы по попечению округов выполняли следующие задачи: социальное обеспечение инвалидов войны, родственников умерших на войне и лиц, приравненных к ним на основании закона «Об обеспечении военнослужащих и их родственников» от 12.04.1920 г.; обеспечение получателей пенсии по инвалидности и застрахованных служащих, в том случае, если не относятся к числу лиц, обеспечиваемых другими учреждениями, обязанными к социальному обеспечению; обеспечение пенсионеров, получающих минимальную пенсию, и лиц, приравненных к ним; обеспечение лиц, имеющих тяжкое увечье и лиц, с сильными ограничениями трудоспособности посредством их трудовой занятости; обеспечение несовершеннолетних, нуждающихся в помощи; круглосуточное обеспечение.

Земля могла также расширить круг задач, выполняемых союзами попечения также попечением о бедных (таким образом, видим, что законодатель максимально старается обозначить круг лиц, нуждающихся в помощи, но список таких лиц – инвалиды войны, просто инвалиды, пенсионеры по возрасту, несовершеннолетние, нуждающиеся в помощи, – не является исчерпывающим, и общины продолжают нести обязанность по обеспечению всех вообще нуждающихся, проживающих на территории данной общины [12, с.238]. Закон об обязанности обеспечения был прямо связан с законом об управлении

имуществом католической церкви, последний выступал основой первого. Таким образом, политика государства в отношении церкви были системной, церковь наделялась правами в сфере социальной политики.

В целом, Первая мировая война послужила стимулом реализации идей социальной доктрины римской католической церкви в политико-правовой сфере, так как при понесенных потерях (человеческий и финансовый ресурсы) государство самостоятельно не могло справиться со стоявшими перед ним задачами. Политические программы социал-демократической партии заявляли те же требования, что и социальная доктрина католической церкви: защита рабочих, служащих и государственных служащих и повышение жизненного содержания широких масс населения, равные права для женщин в трудовой деятельности, еженедельный гарантированный отдых не менее 24 часов, заботу о регулировании необходимых (сверхурочных) работ доверить профсоюзам, наблюдение за всеми предприятиями и учреждениями трудовой инспекцией, гарантия юридической силы тарифного договора и оказание помощи в его заключении путём создания примирительных заседаний, самостоятельный трудовой суд, действующий отдельно от судов общей юрисдикции, единое трудовое право, социальная включенность лиц с ограничениями здоровья и безработных, широкомасштабные, профилактические, поддерживающие мероприятия в сфере народного благополучия, особенно воспитания, здоровья, экономической гарантированности, единое имперско-правовое регулирование общественного призрения, обеспечение содействия рабочему классу в его организации, содействие международным договорам и законодательству [13].

Практически все заявленные в программе требования, даже в условиях финансового кризиса, были реализованы в законодательстве в 20-х годах XX в. Развивалось трудовое право, сфера охраны труда. Отчасти это было вызвано еще и внешним фактором: в 1919 г. была образована Международная организация труда. В 1919 г. Германия подписала Международное соглашение о противодействии безработице [14]. Данная Конвенция обязывала любого члена Организации, ратифицирующего Конвенцию, направлять Международному бюро труда возможно чаще, но, во всяком случае, не реже, чем каждые три месяца, всю имеющуюся информацию, содержащую статистические и иные данные относительно безработицы, включая доклады о мероприятиях, которые им проводятся или которые он намерен провести для борьбы против безработицы. Во всех случаях, когда это осуществимо, данная информация собирается с таким расчетом, чтобы со-

обшить ее в течение трех месяцев, непосредственно следующих за периодом, к которому она относится. Данная конвенция оказала колоссальное влияние на развитие трудового законодательства в Германии.

Постановлением от 14.04.1927 г. был возвращен 8-часовой рабочий день; Законом от 9.07.1926 г. была установлена защита при увольнении престарелых служащих; а Законом от 16.07.1927 г. – женщин с малолетними детьми. В 1927 г. был принят Закон о трудоустройстве и страховании от безработицы. По мнению отдельных исследователей, наиболее значительной вехой в развитии трудового права в этот период стало принятие 23.12.1926 г. Закона о создании самостоятельных судов по трудовым спорам (*Arbeitsgerichtsgesetz*), выведшего рассмотрение споров из трудовых отношений на качественно новый уровень [15, с.106].

Представляется безусловно, важным наличие в определенных отношениях судебного органа, позволяющего защищать нарушенные права, однако, на наш взгляд, необходимо говорить о комплексной государственной политике в Германии, тесно связанной и реализующей идеи социальной доктрины римской католической церкви в социальной сфере. Следующей Энцикликой, основанной на содержании «*Rerum Novarum*», стала Энциклика Пия XI 1931 г. Здесь получили развитие идеи профсоюзного движения, собственности, субсидиарного участия государства в социальной политике.

Источники и литература

1. Hien Josef Institutional complementarities and the emergence of coordinated market economies. The case of catholic social teaching [Электронный ресурс] // ECPR Bordeaux 2013 – Complementarities in History //URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a052bf5e-625b-48f7-b63f-1c0ff36a7dc9.pdf>.

2. *Баев, В.Г.* Государство и церковь: о разграничении светской и духовной власти (на примере Германии 70-х годов XIX века) / В.Г.Баев // Современное право. – 2009. – № 7. – С. 135–140.

3. Nothelle-Wildfeuer Ursula (Freiburg i.Br.) Im Zeichen des Kreuzes – Christliche Mitverantwortung für Welt und Gesellschaft/

4. Quellensammlung zur Geschichte der deutschen Sozialpolitik 1867 bis 1914. 8. Band: Grundfragen der Sozialpolitik in der öffentlichen Diskussion: Kirchen, Parteien, Vereine und Verbände, bearb. von Ralf Stremmel, Florian Tennstedt und Gisela Fleckenstein unter Mitarbeit von Margit Peterle und Gisela Rust-Schmöle //URL: https://quellen-sozialpolitik-kaiserreich.de/fileadmin/user_upload/PDFs_der_Baende/QuellensammlungAbt1Band8.pdf

5. *Папа Лев XIII.* Rerum Novarum (О положении трудящихся) 1891 г. [Электронный ресурс] //URL:http://www.pseudology.org/Documets/Lio13_encic- lika.htm.

6. *Майка, Юзеф* (1918–1993). Социальное учение католической церкви [Текст]: опыт исторического анализа / Юзеф Майка; [перевод с польского: А. В. Гура]. – Рим-Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994. – 479, [1] с.
7. Lueger, Otto: *Lexikon der gesamten Technik und ihrer Hilfswissenschaften*, Bd.4 Stuttgart, Leipzig 1906. S. 479–485.
8. *Зидов Г.* Рабочее законодательство и рабочие реформы в Германии / Г.Зидов. – Одесса: книгоиздательство М. С. Козмана, 1905.
9. *Ватлин, А.Ю.* Германия в XX веке / А. Ю.Ватлин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 336 с.
10. Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г. //URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation
11. Gesetz über die Verwaltung des katholischen Kirchenvermögens vom 24. Juli 1924 [Электронный ресурс] //URL:https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_text_anzeigen?v_id=1320100122085231933
12. *Чилькина, К.В.* Взаимодействие двух систем социального обеспечения в Германии в XIX в.: системы призрения бедных и системы государственного социального страхования (анализ законодательства) /К.В.Чилькина //Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 229–238.
13. Программа социал-демократической партии Германии. Принята на партийном собрании социал-демократической партии Германии в г. Гейдельберг (1925) Programm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Beschlossen auf dem Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands in Heidelberg (1925)/ Das Görlitzer Programm von 1921 und das Heidelberger Programm von 1925 [Электронный ресурс] //URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0004_spd_de.pdf.
14. Конвенция МОТ № 2 о безработице (Вашингтон, 29 октября 1919 г.) [Электронный ресурс] //URL: <https://base.garant.ru/2541267/>
15. *Лысенко О. Л.* К вопросу о влиянии ноябрьской революции 1918 г. на развитие трудового права в Германии // Вестник Московского университета. – Серия XI «Право». – 2017. – № 2. – С. 100–111.

Е.Ю. Зарубаева*

DOI: 10.25839/n1942-5944-0420-r

Религиозная толерантность современной молодежи

Статья посвящена теме религиозной толерантности среди представителей молодого поколения. В статье раскрывается, описывается и уделяется внимание феномену толерантности. Также отдельно рассмотрено понятие религиозной толерантности. В частности, каков уровень религиозной толерантности в молодежной среде. Статья рекомендована социологам и психологам.

Ключевые слова: толерантность, религия, молодежь, религиозная толерантность, вера.

* **Зарубаева Евгения Юрьевна**, доцент Восточно-Сибирского филиала Российского Государственного Университета Правосудия, канд. юрид. наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Zarubaeva Evgeniya Yurievna, Associate Professor of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Ph.D in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Religious tolerance of modern youth

The article is devoted to the topic of religious tolerance among the younger generation. The article reveals, describes and pays attention to the phenomenon of tolerance. The concept of religious tolerance is also considered separately. In particular, what is the level of religious tolerance among young people? The article is recommended to sociologists and psychologists.

Keywords: *tolerance, religion, youth, religious tolerance, faith.*

На протяжении последнего десятилетия, одной из активно обсуждаемых тем на различных площадках, является вопрос о религиозной толерантности в молодежной среде. Это связано с рядом преобразований, происходящим в разных сферах современного общества: социальной, экономической, политической.

Также изменения испытывает и другая сфера общества – духовная. В частности, религиозная. У представителей различных религиозных воззрений, верующих и неверующих, существуют противоречия, которые могут приводить к столкновениям, на разных уровнях: межличностном, межгрупповом, межнациональном. Эта проблема становится острой в сегодняшних условиях глобализации, когда между собой приходится постоянно взаимодействовать носителям различных религий и культур.

Как известно, развитие межконфессиональных отношений в положительном ключе, в частности: стремление к пониманию людьми друг друга, доброжелательный контакт сторонников разных мировоззрений, выступает важнейшим критерием укрепления политической, а также социальной стабильности общества, прогрессивного государственного развития. Таким образом, особую актуальность приобретает такая тема, как религиозная толерантность в современной молодежной среде, ведь молодое поколение – это будущее, которое, исходя из своих жизненных принципов и ориентиров, будет напрямую влиять на будущее развитие. Именно молодежь – один из самых активных слоев общества, поэтому важно исследовать и оценивать уровень религиозной толерантности, который свойственен молодым людям.

Толерантность – это сложный противоречивый феномен. Смысловые и содержательные элементы данной категории формировались на протяжении многих веков, и этот процесс продолжается до сих пор. Впитывая в себя социальные интересы, установки и стереотипы, различные ценности, толерантность выступает как часть свободы и ответственности, а также является неким способом выживания в постоянно меняющемся мире [1].

Толерантность является востребованной темой для обсуждения во всем мире. Благодаря усилиям ЮНЕСКО понятие «толерантность»

стала международным термином. В Декларации принципов терпимости, которая была принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО, содержание принципов терпимости раскрывается следующим образом:

- уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности;
- единство в многообразии;
- достижение мира, переход от культуры к культуре мира;
- активное отношение, которое формируется на основе признания универсальных прав и основных свобод человека, обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма, демократии и торжеству права [2].

Теперь обратимся к следующему понятию – религиозная толерантность. Она подразумевает признание права на свободу религиозного самоопределения, уважение граждан к этому праву, к религиозному и культурному многообразию общества, которые утверждены как исходные положения и демократические нормы государства.

По тому, какова степень уважительного отношения между сторонниками религий, а также между верующими и неверующими, можно точно определить, какого культурного уровня достигло общество.

Толерантность в духовной сфере, а именно в сфере религии является первоочередной с разными конфессиональными воззрениями на одной территории.

В современной России существуют трудности обеспечения религиозной толерантности, в частности, среди молодежи. Это обусловлено рядом причин:

- сложным конфессиональным и этническим составом населения;
- наличием межрелигиозных разногласий;
- несовершенством законодательства, проявлением различных форм нетерпимости по отношению к верованиям, этносам и т.п.

В 2019 году в Восточно-Сибирском филиале Российского Государственного Университета Правосудия было проведено исследование среди студентов с целью выявления уровня религиозной толерантности. Для проведения исследования были выбраны следующие диагностические методы и методики: метод анкеты для определения отношения к религии (религиозной толерантности), экспресс-опросник «Индекс толерантности», опросник коммуникативной толерантности В.В. Бойко (Тест Бойко).

Результаты данного исследования, показали следующее: для большинства студентов характерен низкий, ближе к среднему уровень

религиозной терпимости, эти респонденты не признают религию, как важный элемент для общества, не признают существование различных религий, нет необходимости проявлять уважение к различным религиям для сохранения мира на Земле, как нет и необходимости в религии для людей с точки зрения любви и уважения к себе и ближнему.

Для меньшинства студентов характерен средний уровень религиозной терпимости, эти респонденты в каких-то вопросах проявляют терпимость к религии вообще, но с некоторыми положениями не согласны.

Данное исследование, проводимое автором, в очередной раз доказало, как много нужно еще сделать для стабильного существования общества и прогрессивного развития государства, как важно развивать межконфессиональные отношения в ключе уважения и доброжелательности. И особенно важно, научить молодое поколение принимать те убеждения, религиозные чувства, которые отличаются от собственных воззрений. Молодежи зачастую свойственна экспрессивность, однако стоит понимать, что взаимоуважение и принятие другого человека – это залог здоровых отношений и поведения в обществе, которое призвано мирно взаимодействовать друг с другом.

Сегодня уровень религиозной толерантности молодого поколения оставляет желать лучшего. Религиозное сознание молодых студентов не обладает устойчивостью. Следовательно, в обществе, в частности, среди представителей молодого поколения, необходимо укреплять добрые и вечные ценности. Только благодаря общему взаимодействию люди смогут налаживать диалог друг с другом и избегать конфликтов.

Для повышения уровня религиозной толерантности в молодежной среде можно рассмотреть введение университетской дисциплины, изучающей все религии мира; контроль за СМИ, которые могут пропагандировать, возбуждать негативные настроения в обществе; проведение мероприятий, посвященных повышению уровня толерантности.

Источники и литература

1. Толерантность // URL: <https://cyberleninka.ru/>
2. Декларация принципов терпимости // Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.

Проблематика иератопии в дискурсе интегрального традиционализма

Иератопия – это молодая наука, созданная А.М. Лидовым, как специальная область исследований сакральных пространств. Методология иератопии полагается на традиционалистскую парадигму Мирча Элиаде разделения на сакральное и мирское, и отходит от «предметоцентричного» позитивистского дискурса. Близость аксиоматических, эпистемологических подходов и историко-генетическая близость дискурсов Мирча Элиаде и Рене Генона, как традиционалистов, ставит вопрос о возможной рецепции элементов дискурса Рене Генона, как методологии иератопических исследований. Так же интересно привнесение методологии «традиционной науки» vastu в иератопию. Иератопия – это наука в постпозитивистской парадигме, vastu – это наука традиционного общества, эти науки находятся в разных семантических полях. Автором также ставится вопрос о возможности использования элементов дискурса Рене Генона, как трансляционной методологии для связи между «традиционными науками» о пространстве и иератопией, как некую нейтральную область для иератопической компаративистики и кросс-культурных исследований. Автор приводит ряд тезисов выделенных из дискурса Рене Генона, как основу возможной методологии.

Ключевые слова: Иератопия, А.М. Лидов, Рене Генон, Мирча Элиаде, vastu, традиционализм.

Problems of hieratopia in the discourse of integral traditionalism

Hieratopia is a young science created by A. M. Lidov as a special field of research of sacred spaces. The methodology of hieratopia relies on the traditionalist paradigm of Mircea Eliade to distinguish between the sacred and the secular, and departs from the "object-centered" positivist discourse. The proximity of axiomatic, epistemological approaches and the historical and genetic proximity of the discourses of Mircea Eliade and Rene Guenon, as traditionalists, raise the question of the possible reception of elements of the Rene Guenon discourse as a methodology of hieratopic research. Hieratopia is a science in a post-positivistic paradigm, Vastu is a science of a traditional society and they are in different semantic fields. The author also raises the question of the possibility of using elements of Rene Guenon's discourse as a translational methodology for the connection between the "traditional Sciences" of space and hieratopia, as a kind of neutral area for hieratopic comparativistics and cross-cultural studies. The author gives a number of theses selected from the discourse of Rene Guenon, as the basis of a possible methodology.

Keywords: Hierotopy, A.M. Lidov, Rene Guenon, Mircea Eliade, Vastu, traditionalism.

* Зобков Роман Александрович, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (г. Иркутск, Россия).

Zobkov Roman Aleksandrovich, post-graduate student of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia).

Иератопия – это молодая наука, созданная А.М. Лидовым в 2001 г. [9, с. 6]. Термин построен из сочетания двух греческих слов «иерос» (священный) и «топос» (место, пространство, понятие). Это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества [9, с. 9]. Лидов полагаясь на методологию Мирча Элиаде разделения на сакральное и профанное, и такое понятие как «иерофания» [13, с. 17], вводит понятие «иератопии» – науки о создании сакральных пространств.

Создание сакральных пространств является необходимым условием для осуществления иерофании. Термин «иерофания» как проявление сакрального и внемирского в мирских вещах введен Мирча Элиаде как общий структурный элемент феноменологии и истории религии, как системообразующий элемент традиции. [13, с. 18]. Иератопия берет свое начало из традиционалистского дискурса, о чем говорит сам Лидов, ссылаясь на Элиаде и его термин «иерофания». Так же автор иератопии указывает на преодоление «предметоцентричной» позитивистской методологии и использует такие словосочетания как «образы парадигмы», «сакральное» и т.д., что явно показывает тяготение к традиционалистским моделям и интерпретациям.

Такой исследователь традиционализма как А.И. Марков относит Рене Генона и Мирча Элиаде к наиболее влиятельным фигурам «рефлексивного типа традиционализма» [11, с. 7]. А их творческое наследие, как попытку выявить методологию и структуру, метаязык общества премодерна, как некую универсалистскую структуру и модель. В этом отношении дискурс Рене Генона чрезвычайно интересен – идеи анизотропности времени и пространства, центра мира, инициации и символизма. Ю.Ю. Завгородний утверждает, что именно Генон привнес этот комплекс идей, который позже был подхвачен структуралистами, религиоведами и антропологами (К. Леви-Стросс, М. Элиаде) [8, с. 176]. Такой исследователь традиционализма как А.Г. Дугин, говорит о Геноне как о создателе метаязыка традиции, хотя и критически относится к его метафизическому универсализму [7, с. 22].

Замечается некая аксиоматическая, эпистемологическая и историко-генетическая близость подходов иератопии Лидова, и дискурсов Генона и Элиаде. Поэтому закономерно поставить вопрос о возможности привнесения в иератопические исследования элементов и положений дискурса Рене Генона. Также интересным подходом к иератопии может являться подход такой религиозно-философской области

знания как *васту* (*vāstuvidyā*), это «традиционная наука» в значении вторичного и практического приложения принципов ведийско-индуисткой традиции к дизайну, архитектуре и символизму. Если иератопия – это наука в постпозитивистской парадигме, то *васту* – это «традиционная наука», эти две формы науки используют разные метаязыки традиции и современности. Также закономерно поставить вопрос об использовании дискурса Рене Генона, как трансляционной методологии взаимодействия между двумя метаязыками – современной постпозитивистской науки и «науки традиционной», как некоего плацдарма для компаративистских и кросс-культурных исследований.

В учении Генона символическое относится к сверхчеловеческому и сверхдискурсивному. Символическое является базовым для дискурсивного – символ может существовать вне дискурса на сверхчеловеческом уровне. Дискурсивное всегда для своего существования использует символическое, поэтому символ в эпистемологии Генона первичен. Для Генона отношение к символическому является маркером разграничения двух метаязыков – традиции и современности. Символическое, как выражение сверхчеловеческого просто не может существовать в секулярном и светском мировоззрении, но при этом оно является основой любой традиционной формы [2, с. 463]: «Истинное основание символики – это соответствие между всеми уровнями реальности, связывающее их друг с другом и простирающееся, стало быть, от естественного до сверхъестественного. В силу этого соответствия вся природа являет собой не что иное, как символ...» [2, с. 466–467].

Аналогическое соответствие, выраженное символом, имеющее основание одновременно в двух реальностях – священной и мирской может быть представлено идеей или образом (образ парадигма Лидова). Когда одна реальность может стать символом другой [1, с. 21; 2, с. 456], тогда символ становится медиатором, соединяющим две эти реальности. В этом аспекте иерофания предстает как соединение двух уровней реальности через аналогическое соответствие образа или идеи, которая есть связующий реальности символ. Задача иератопии это подготовить символическую среду во всех её многообразных проявлениях для возможности осуществления иерофании. Символическая среда – это феноменологическое поле, подчиненное символическому назначению: ритуальный жест как динамический символ, миф как символическое повествование, графическое изображение символического (икона, янтра, узор), звуковые символы (мантры), динамическое освещение, благовония [2, с. 447–456].

Положения дискурса Генона, которые могут быть использованы как одна из возможных методологий иератопических исследований, как в иератопии, так и в иератопической компаративистике и кросс-культурных исследованиях (также в тезисах приведены параллели и пересечения с «традиционной наукой» васту).

– Идея «Центра мира». Центр – это изначальное апофатическое единое, образ Принципа, сама традиция. Также идея центра всегда связана с идеей полюса, центром свастики [4, с. 87, 91]. (В текстах посвященных вастувидье ноль иногда упоминается как набха (санскрит *nābha*), что означает пуп (Омфалос) [12, с. 311], это выраженное антропоморфное, арифметическое и геометрическое символическое выражение метафизического апофатического принципа.)

– Символическое – это сверхчеловеческое и сверхдискурсивное. (Традиционная наука о пространстве вастувидья относится к сверхчеловеческому знанию – апаурушея (*apauruṣeya*) [10, с. 5]).

– Символ – это медиатор, соединяющий сакральную и мирскую реальности.

– Сакральное пространство и время анизотропны.

– Принцип «Универсального человека» как герменевтическая и системно-структурная методология. «Универсальный человек» – это принцип структурной идентичности между онтологической топикой и антропологической, которое известно как соотношение микрокосма и макрокосма [3, с. 51; 5, с. 54–55], что являет собой традиционный принцип «антропности» и «человекоразмерности» космоса. (В традиционной науке о пространстве – вастувидья (*vāstuvīdyā*), принципом универсального человека является Васту-Пуруша [6, с. 146]).

– Сакральный центр – это топика, где все аспекты «универсального человека» сходятся (политический, социальный, инициатический, пространственный).

– Традиционный центр должен всегда отражать две идеи – космогоническую и инициатическую, которые соотносятся с друг другом как уровень макрокосма и микрокосма, что может соотноситься между собой как соотношение онтологического и антропологического [4, с. 281].

– Основным принципом сакрального центра является медиация между макрокосмическим «Божественным градом» и микрокосмическим «Божественным градом» находящимся в «середине» человека в его «сердце» [4, с. 488].

– Сакральный центр – это воплощение логоса и законов мироздания, символически представленных фигурой Ману (в аврамических традициях Мельхиседеком), который есть «Царь мира» или архетип

совершенного правителя, дающего миру логос, дхарму, законы мироздания. Это воплощение Праджапати, как «владыки всего сотворенного», принципа совокупности проявленной реальности со всеми живыми существами в ней, который есть также Вишва-Карман, универсальный строительный принцип, что соответствует «великому архитектору Вселенной» западных инициаций.

– Сакральный центр есть также символ подлинной Традиции, как инициатической передачи сверхчеловеческих влияний.

Источники и литература

1. *Генон Р.* Духовное владычество и мирская власть // = *Autorite Spirituelle et Pouvoir temporel* / Рене Генон; Пер. с франц. Н. Тирос. – М.: Беловодье, 2012. – 196 с.
2. *Генон Р.* Заметки об инициации // *Символика креста* / Рене Генон; Пер. с франц. Т. М. Фадеевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 704 с.
3. *Генон Р.* Символика креста / Рене Генон; Пер. с франц. Т. М. Фадеевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 704 с.
4. *Генон Р.* Символы священной науки / Рене Генон; Пер. с франц. Н. Тирос. – М.: Беловодье, 2002. – 496 с.
5. *Генон Р.* Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика / Рене Генон; Пер. с франц. Н. Тирос. – М.: Беловодье, 2018. – 256 с.
6. *Денисенко, А. В.* Антропоморфизм как аксиологический компонент синкретической формы бытия духовности / А. В. Денисенко // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология».* – Том 26 (65). – 2013. – № 4. – С. 142–150.
7. *Дугин, А. Г.* Философия традиционализма / Дугин А. Г. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – 624 с.
8. *Завгородний, Ю. Ю.* Идея центра в работах Рене Генона. Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблема интерпретации эзотеризма и мистицизма / Ю.Ю.Завгородний // *Сб. материалов Третьей международной научной конференции* / Под. ред. С. В. Пахомова. – СПб.: ПХГА, 2010. – С. 176–187.
9. *Лидов, А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре / Лидов, А. М. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. – 362 с.
10. *Неаполитанский, С. А., Матвеев, С. А.* Секреты ведической архитектуры. Сакральная архитектура. Города богов / С. А. Неаполитанский, С. А. Матвеев. – М.: Амрита, 2013. – 288 с.
11. *Макаров А. И.* «История» и «традиция» в философии европейского традиционализма (Рене Генон и Мирча Элиаде): дисс. ... канд. философ. наук / А.И. Макаров. – Волгоград, 1998. – 173 с.
12. *Тюлина, Е. В.* Особенности описания пространства и измерений в трактатах по архитектуре (вастувидье) в канонических пуранах / Е.В.Тюлина // *Труды института востоковедения РАН.* – М.: Институт востоковедения РАН (Москва), 2017. – С. 303–316.
13. *Элиаде, М.* Священное и мирское. Перевод с французского, предисловие и комментарии Н.К. Грабовского / М.Элиаде. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.

Религия и права души и духа человека

В авраамических религиях (иудаизме, христианстве и исламе) особое внимание уделяется душе человека, которая, согласно четвёртому и пятому поколениям прав человека или концепции прав души и духа человека, наделяется определёнными правами и свободами. Права души и духа человека являются основой для межконфессионального диалога, а также связующим звеном между религией и правом.

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, права человека, религия.

Religion and the rights of the human soul and spirit

In Abrahamic religions (Judaism, Christianity and Islam), special attention is paid to the human soul, which, according to the fourth and fifth generations of human rights or the concept of the rights of the soul and spirit of a person, is endowed with certain rights and freedoms. The rights of the soul and human spirit are the basis for interfaith dialogue, as well as the link between religion and law.

Keywords: God, man, human soul, human spirit, human rights, religion.

С момента появления человека до наших дней актуальными так и остаются вопросы, касающиеся духовной реальности человека, его души и духа, которыми занимаются религия, философия, психология и другие научные дисциплины [1, с. 141]. В таких авраамических религиях, как иудаизме (от греч. Ἰουδαϊσμός; евр. יְהוּדִיּוּת – еврейство), христианстве (от греч. Χριστός – Помазанник, Мессия) и исламе (араб. الإسلام – покорность, предание себя [Единому] Богу), особое внимание уделяется душе человека [1, с. 141]. Согласно религиозно-философской концепции человека, издревле в человеке выделяют три составляющих: тело, душа и дух [4, с. 10; 14, с. 125]. При этом в христианстве, иудаизме преобладает указанная трихотомическая (трихотомия др.-греч. τριχότομία – разрубание, разделение натрое) концепция или мысль о трёхсоставности человеческого естества, а в исламе – двухсоставности человека (тело и душа). Существуют различные взгляды на душу и дух человека: бытовое понимание, философские концепции, религиозные, эзотерические и оккультные учения, науч-

* Ивентьев Сергей Иванович, юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ» (г. Казань, Россия).

Iventiev Sergey Ivanovich, legal adviser, theologian, specialist in the field of national and religious relations, LLC DELIL (Kazan, Russia).

ные теории и т.д. В связи с чем, отсюда возникает множество интерпретаций понятий «духовность» и «нравственность». Как указывают Багаутдиновы, «подобно христианству и иудаизму, ислам учит, что все смертные существа (как животные, так и люди) состоят из «глины» (хайула) – осязаемого, но неодушевленного материала, и «духа» (джинн) – неосязаемой бессмертной души, которая оживляет «глину» [2, с. 39–40].

Несмотря на то, что в науке отсутствует точное и единое для всех понятие «дух человека», в культурологии существуют так называемая «проблема воспитания духа» и даже понятия «культуроформирование духа» [12, с. 47], «качество духа» [13, с. 294]. В науке считается, что причиной появления представлений о «духе» и «душе» явилось формирование сознания в связи с интенсивной орудийной деятельностью древнего человека, абстрактным мышлением, ассоцированием «я» с «духом». На религиозной стадии развития человек разделил личный «дух» на «дух» Природы Бога [11, с. 122]. В свою очередь религия – с сотворением Богом человека, что соответствует действительности.

Как указывает С.А. Токарев, первые упоминания о душе прослеживаются в первобытных общинах в связи со сновидениями и болезнями человека, «но особенно хорошо видна связь идеи души с ведовством и с верой в злых духов (анимистическая модификация этой магии) на более высокой стадии развития, где идея души более оформлена» [16, с. 23]. По мнению Н.С. Минаевой, «в XIX веке понятие души стало вытесняться понятием психики, которому экспериментальная психология и материалистическая философия придавали весьма узкое, операционалистическое значение.

Аналогичное понимание породило определение психологии как науки о том, что можно наглядно и «научно» изучать, – как науки о поведении, к формированию таких направлений в психологии, как бихевиоризм, рефлексология. Позитивистская, а затем и марксистская философия сводили понятие души вообще к понятию сознания, отказавшись от анализа неосознаваемых влечений души. И в современной психологии чаще всего вместо понятия душа используется понятие психика» [7, с. 131–136]. В религиозных учениях понятие «дух», который присутствует в человеке и в окружающем мире, всегда увязывается с Богом и Святым Духом. Дух человека отличен от Святого Духа по свойствам и качеству.

По мнению автора, под духом человека следует понимать эманацию Бога. В философии «дух – это побуждающая к действию, орга-

низирующая, творческая сторона единого материально-духовного бытия; это вторая всё оживляющая сторона бытия – то в бытии, что побуждает, так или иначе действовать само бытие и всё в нём... и на уровне человека дух действует в виде сознания, неосознаваемого и души человека» [8, с. 9]. По вопросу наличия души человека в мировой философии на сегодняшний день сложились три позиции. «Первая – отрицает душу у человека. Вторая – признаёт душу человека на словах, но на деле игнорирует её, сводя её сущность и свойства, то к психике, то к сознанию, то к неосознаваемому. Но болит, например, не вся психика, а болит в ней душа. Третья – признаёт душу в человеке на деле, считая, что душа человека это особое образование в духе человека» [8, с. 9].

Хронология развития понимания духа человека имеет следующие стадии: «начинается с «души человека» в Древности, она превращается в полумистический «дух человека» в Средневековье, затем заменяется «сознанием человека» в Новое время, но постепенно открывается «психическая реальность» в Неклассическое время, которая дорастает до понятия «духовная реальность человека» в сегодняшнее Неоклассическое время» [10, с. 162]. С точки зрения современной философской научной рациональности и арелигиозной позиции «душа человека – это один из объективных элементов структуры духовной реальности каждого человека» [10, с. 291].

Под душой человека понимается такой компонент духа человека, который фокусирует в себе всю намеренную духовно-соматическую энергию и содержание, растрчиваемую специально на управление внутренним миром человека и его самозащиту [10, с. 245]. В исламе душа человека по своей природе, как и Бог, трансцендентна (от лат. *transcendens* – переступающий, превосходящий, выходящий за пределы) [3, с. 48]. По мнению автора, душа человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [1, с. 141–147]. Считается, что существует проблема идентификации «души человека» в структуре духовной реальности [9, с. 57–64]. Душа и дух человека, согласно четвёртому и пятому поколениям прав человека или концепции прав души и духа человека, которые провозгласили и провозглашают духовные и нравственные ценности личности, а также наделяются определёнными правами и свободами [1, с. 141].

10.12.1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав человека, в которой сформулированы основные

стандарты в области прав человека, имеющих моральное значение, к достижению которых должны стремиться все народы и государства. В дальнейшем ООН были приняты Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. После принятия Всеобщей Декларации прав человека ООН подписало большое количество международных договоров и актов, касающихся прав человека. Государства-члены Совета Европы, принимая во внимание Всеобщую Декларацию прав человека от 10.12.1948 г., подписали 04.11.1950 г. Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Все эти нормативно-правовые акты относятся к западной концепции (от лат. *conceptio* – система понимания) прав человека, которой придерживается и российская правовая система. В вышеуказанные международные договоры также было включено право человека на свободу совести и вероисповедания, которое включает в себя свободу менять свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в отправлении культа, учении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов. Данное право было конкретизировано и расширено четвёртым и пятым поколениями прав человека, открытыми и введёнными в оборот российской юридической науки в конце XX – начале XXI вв. Именно через право человека на свободу совести и вероисповедания религия связано с правом.

Основные права человека, отражённые в международном праве, нашли своё отражение в национальных конституциях и законодательствах. Первая своё отношение к правам человека публично выразила Католическая церковь. 07.12.1965 г. Ватиканский Собор принял Декларацию о свободе вероисповедания «*Dignitatis humanae personae*», согласно которой человеческая личность имеет право на свободу вероисповедания. Л.Р. Сюкияйнен указывает, что «религиозные институты в целом никогда не были в числе лидеров защиты прав человека. Но не подлежит сомнению тот факт, что, например, признание права на свободу вероисповедания (религии) в значительной мере обязано именно западному христианству. Кроме того, религиозные учения непосредственно отразились во включении обязанностей человека в общее представление о его правах и свободах» [15, с. 7–28].

Позиция Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в целом по правам человека открыто была выражена только в 2008 г. в «*Основах учения о достоинстве, свободе и правах человека*» (далее – *Основа*). Понимание прав человека РПЦ, как отмечает М.А. Краснов, было заимствовано из светского дискурса [6, с. 122–137]. В *Основах* исполь-

зуется, как указывает К. Штекль, «понятие прав человека для того, чтобы утвердить взгляд Церкви на общественный порядок» [17, с. 162]. В Основах отсутствует понятие «права души и духа человека», хотя упоминается о посмертных благах человеческой души [5, с. 141]. Данный документ не пересматривался и не уточнялся даже с учётом провозглашения четвёртого и пятого поколений прав человека (прав души и духа человека).

Багаутдиновы отмечают, что «в исламе вопросы свободы выбора и прав человека, составляющие основу современной западной политической философии, едва ли могли бы возникнуть. Единственный свободный выбор, который должен быть сделан, – это или подчиниться вечным законам Аллаха и тем самым обрести спасение, или не подчиниться им и быть осуждённым на вечные муки. И единственно важное право человека – неукоснительно следовать законам, которые были переданы Аллахом через пророков» [2, с. 6]. В целом христианская и мусульманская концепции прав человека не содержат понятие «права души и духа человека» в связи с неразработанностью важного для человека духовно-нравственного вопроса, несмотря на то, что понятия «душа человека» и «дух человека» существуют уже много тысячелетий.

Источники и литература

1. Боброва, Н.А., Ивентьев, С.И. Концепция прав души и духа человека как основа духовно-нравственной интеграции / Н.А. Боброва, С.И. Ивентьев // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Вып. 8. Том 2. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2019. – С.141–147.
2. Багаутдинов, А.М., Багаутдинов, А.М. Введение в историю и философию ислама: Учебное пособие / А.М. Багаутдинов, А.М. Багаутдинов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 139 с.
3. Багаутдинов, А.М. Природа духовности человека в исламе / А.М. Багаутдинов // Проблемы востоковедения. – 2010. – № 2 (48). – С. 46–48.
4. Гусейнов, А.А. Великие моралисты / А. А. Гусейнов. – М.: Республика, 1995. – 350 [1] с.
5. Ивентьев, С.И. Духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина / С.И. Ивентьев. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 143 с.
6. Краснов, М.А. Права человека в понимании Русской Православной Церкви / М.А. Краснов // Очерки идеологии постсоветского конституционализма: Сборник научных трудов / Под ред. М.А. Краснова и Ю.Г. Барабаша. – Харьков: Право, 2013. – С.122–137.
7. Минаева, Н. С. Современная психология о методах изучения души человека / Н.С. Минаева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 7. – С.131–136.

8. *Меньчиков, Г.П.* Душа человека: некоторые закономерности её существования / Г.П. Меньчиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 1. – С. 9–13.

9. *Меньчиков, Г.П.* О проблеме идентификации «души человека» в структуре духовной реальности / Г.П. Меньчиков // Вестник Пермского гос. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2013. – Вып. 4 (16). – С. 57–64.

10. *Меньчиков, Г.П.* Неосознаваемое в структуре духа человека / Г.П. Меньчиков. – Казань: Познание, 2012. – 381 с.

11. *Мальшико, А.А.* «Дух», «душа» и «виртуальная реальность» / А.А. Мальшико // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2008. – № 1. – Т. 11. – С. 122–125.

12. *Попова, Л.О., Ромах, О.В.* Культуроформирование духа человека / Л.О. Попова, О.В. Ромах // Аналитика культурологии. – 2011. – № 2 (20). – С. 47–50.

13. *Попова, Л.О.* Качество духа в жизни человека // Аналитика культурологии. – 2011. – № 1 (19). – С. 294–297.

14. *Слободской С. прот.* Закон Божий / С. Слободской. – Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (С-ТСЛ), 1993. – 728 с.

15. *Сюкияйнен, Л.Р.* Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов / Л.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 3. – С. 7–28.

16. *Токарев, С.А.* Ранние формы религии / С.А. Токарев; [Предисл. В.П. Алексеева]. – М.: Политиздат, 1990. – 621 с.

17. *Штекль, К.* Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // К. Штекль // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 3 (32). – С. 146–165.

Н.С. Коноплев*

DOI: 10.25839/q0934-0898-3694-m

Становление религии как результат перехода социальных связей в сферу государственно оформляемых общественных отношений

Рассмотрено положение, согласно которому религия (церковь) в качестве социального института закрепляется в период становления государственно воспроизводимой цивилизации. Испытывая идеологическое воздействие власти, религия как продукт иллюзорно-компенсаторной деятельности стремится выйти из-под его влияния.

Ключевые слова: вид Ното Саріепс, религия, социальные связи, общественные отношения, социально выраженная устойчивость, социально воспроизводимая изменчивость, диалектика, библейская книга Бытия, Ф. Энгельс, Конфуций, Иисус Христос, Сократ, Диотима.

* **Коноплев Николай Сергеевич**, профессор Иркутского государственного университета, д-р филос. наук, профессор (г. Иркутск, Россия).

Konoplev Nikolai Sergeevich, Professor of Irkutsk State University, Doctor of Philosophy sciences, professor (Irkutsk, Russia).

The formation of religion as a result of the transition of social relations in the sphere of state decorated public relations

The article considers the position according to which religion (church) as a social institution is fixed during the formation of a state-reproduced civilization. Experiencing the ideological influence of power, religion as a product of illusory-compensatory activity seeks to get out of its influence.

Keywords: *Homo sapiens species, religion, social relations, social relations, socially pronounced stability, socially reproducible variability, dialectics, Bible book of Genesis, F. Engels, Confucius, Jesus Christ, Socrath, Diotima.*

Место женского и мужского начал в становлении социальной формы движения материи.

Наш современник, представленный видом Homo Sapiens, существует двести тысяч лет. Медленно высвобождаясь от естественно-природной зависимости (обусловленной биологической формой движения материи), он наконец-то чисто человечески затвердился социальной формой движения. Зависимость от биологии приобретает опосредованный – из-за достижений НТР – характер. Ведь имплантируемая в тело искусственная среда по-разному влияет на живое: киборгизируясь, оно – живое – попадает в зависимость от неё.

При онтогенетическом подходе польза очевидна; с филогенетических позиций – несомненен вред. Задумываясь о грядущем, человек оперирует прошлым, стремясь найти в нём опору. Попытаемся с указанных позиций раскрыть предлагаемую тему. Упомянув социальную форму движения материи, обратимся к ней как к единственному способу существования реальной действительности. Движение пронизано взаимодействием устойчивости и изменчивости, составляющим его суть. Социальная форма движения объективируется диалектической соотносённостью женского – устойчивость – и мужского (воспроизводящего изменчивость) начал. Отсюда женщины воплощают традиции, связанные со становлением семейного уюта; и духовность социально выраженной устойчивости – очевидная мудрость. Сильный пол, организовывая материальный и духовный прогресс, оперирует интеллектом как своим достоянием. Конечно, интеллект присущ и слабому полу, но главное здесь остаётся за мудростью, поскольку эта сфера базируется на социально затверждаемой устойчивости (ибо её предметным основанием является репродукция поколений, и кроме женщин на это никто не способен). Но мудрость также присуща мужскому началу – в том отношении, согласно которому надлежит диалектичнее разрешить противоречия между социально заявленными

устойчивостью и изменчивостью. Чтобы выжить, необходимо указанные условия соблюдать. При их манкировании не состоялась, к примеру, неандертальская общность, а ведь наши «родственники» были близки к достижению своего самоутверждения.

Цивилизация «Запад».

В мире существовало свыше 20 цивилизаций. На первое место вырвался Запад, и вселенский расклад всё более определяется пришедшей оттуда НТР. «Облюбовав» белый свет, она цепко ухватилась за предоставившуюся возможность заправлять им. Мы, конечно, не против прогресса, если он не пятнает нас. Но приглядимся поближе к западной цивилизации, стремящейся всех опекать под видом понимания ею – и более никем – задач, решаемых современным человечеством. Соответствуя науке, насчитываем три общественно-экономических, классово-обусловливаемых уклада (рабовладельческий, феодальный, капиталистический). За скобками остаются первобытно-общинный и бесклассовый – именуемый коммунистическим – строй.

Значительная часть истории (первые 150 тысяч лет) связывает нас с наработкой и закреплением жизненно значимых культурных традиций. Решающая роль здесь была отведена женщине – главному организатору социального равенства, а также спокойствия в пределах Ойкумены. ... Традиции завершаются созданием моногамной семьи – своеобразным их пиком и торжеством коллективизма. Происходит смена положения: повсеместно сорганизовываемая моногамная семья отодвигает на обочину истории коллективизм, и его место теперь отведено отдельному человеку, проживающему в условиях массовой индивидуализации социума. С этим нужно согласиться, поскольку только массовый субъект в силах осуществить прогресс человечества – духовный и материальный. И если опять обратиться к истории – первые сто пятьдесят тысяч лет социум укреплял жизненную устойчивость, и женская мудрость достигает высот по обустройству социальной формы движения материи.

...Мудрость как торжество подлинной женственности далеко позади оставляет рацию, ибо она подчинена стремлению человечества обрести себя в собственном доме, имя которому – социальная форма движения материи. Механизм её становления был подготовлен женским началом (чего, очевидно, не произошло у неандертальцев, хотя они и мы происходим от одного и того же гейдельбергского человека), мужчинам оставалось дать ему полный ход. Сильный пол так и поступил – к примеру, на Востоке (Китай, Индия). Запад же переиначил си-

туацию. Там во время движения от культуры к цивилизации (т. е. примерно 15–10 тысяч лет назад), когда на базе прогресса последняя укрепляется за счёт замены безличных – культурных – социальных связей субъектно-насыщенными, общественными отношениями (с их формационно-классовым наполнением), произошёл разрыв между мужским и женским полами. Женщины, культурно обустроив первобытный социум, не были допущены к цивилизации, оставшись за бортом со всем его негативом...

Оценка Ф. Энгельсом ситуации перехода от культуры к цивилизации (преимущественно в её западном варианте).

Великий мыслитель Ф. Энгельс (1820–1895) так оценил случившееся: «Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [1, с. 60]. Результатом ниспровержения женщин стало одностороннее развитие западной цивилизации при становлении социальной формы движения материи. Поскольку женская устойчивость была изъята из цивилизации, последняя обрела «абсолютную опору» в сильном поле. На деле вышло так, что цивилизационное обустройство оказалось промеряемым частной собственностью, и предметом «купли-продажи» стали женщины. Тогда мужчины взвинтили интеллект... Было сделано всё, чтобы человек передал свой труд технике, ныне развернувшийся достижениями НТР.

...Бесправное положение женщин при переходе человечества от культуры к цивилизации во многом – прежде всего на Западе – сдержало развитие довольно молодой социальной формы движения материи (по времени её становление мы связываем с рождением цивилизации). И всё-таки названная форма овладела Ойкуменой. Мы это видим, хотя осознаём её частнособственнические провалы. ...Цивилизационное обустройство – повторимся – памятно печальной женской судьбой.

Мужской пол объявил себя хозяином древнего мира, а женщины бедствовали. Социально воспроизводимая изменчивость усиливала рабство своим «субъектно преломляемым действием». Тем самым она дискредитировала себя. Раздрай в мире, колониальные разбои древности, средневековья, нового и новейшего времён, включая две мировые войны, и всесветный оскал империализма с его «прогрессом» – всё идёт с того начального этапа. Со временем рабско-антропологическая зависимость перешла в сферу общественных отношений: рабами стали как женщины, так и мужчины. Положение выстраивается базис-

надстроечным – формационным – раскладом, и здесь уже внимание к «половому подбору» стирается.

Неолитическая революция как образец качественных преобразований в мире.

Известно, что цивилизация открывается неолитической революцией (10-е –3-е тысячелетия до н.э.), сыгравшей выдающуюся роль в организации социальной формы движения материи, развитии человечества. Здесь ещё сохраняется – пусть и в урезанном виде – материнское право: женщины принимают активное участие в сельском хозяйстве (включая доместикацию), бытообустройстве с обеспечением его семейно-интимной составляющей. И можно с полным основанием говорить о том, что неолитическая революция расцвела социальную форму движения материи. Более ярких успехов человечество не переживало. ... Чем быстрее утверждался прогресс, тем безропотнее становилась социально выраженная устойчивость и, воспроизводя поколения, сохраняла – теперь уже всемирную – цивилизацию от падения. Вот какие огромные трудности выпали на хрупкие женские плечи.

Начальные шаги религии. Зловещая роль государства.

Религия складывается под влиянием идеологической обработки «женского массива» со стороны ведущих представителей сильного пола. Так в библейской книге Бытия Адам напоминает «забывчивому» Богу о Еве, после чего довольно нелепо рождённая дева приступает к исполнению обязанностей жены. Отнести этот эпизод к «случайностям» никак нельзя: Библия создавалась «патриархатом», т. е. тем, кто не впустил женщин в цивилизацию.

Пронизанная «мужским шовинизмом» Библия приемлет представительниц прекрасного пола как функциональное дополнение к истории, которую творит сильный пол. Обладая бытийным статусом он – действительный хозяин положения. Пронизанная идеологическими (попутно отметим: идеология воплощает ложное, т. е. отчуждённое сознание) интенциями, Библия, как само собой разумеющееся, смотрит на мир глазами Бога, т.е. представителя сильного пола. Даже Иисус Христос, для которого несть ни эллина, ни иудея, не особо благосклонен к прекрасному полу. Он ценит «избранниц» с позиций богочеловечности. Но и на том спасибо. ... Когда, под влиянием суровых реалий, социально выраженная изменчивость идеологически «насытилась», она «прессингует» слабый пол образом Всевышнего.

Становящееся государство закрепляет цивилизацию, которая, руководствуясь религиозными принципами, приступает к расправе над

инакомыслящими. Среди них слишком много «ведьм», с которыми беспощадно расправляются. ... Хорошо знакомая история. Вместо того, чтобы учиться на примере женской мудрости, т. к. она – высшее достижение духовности, женщин – вспомним Жанну Д'арк (1412–1431) – сжигают на кострах. А вот Диотима ... Сократ (469–399 до н. э.) – её смиренный ученик. Именно она, признавался он, на многое раскрыла ему глаза, и он гордился этим. А каким парением духовности наделила мудреца Конфуция его великая мать Янь Чжэнцзай! И не женское ли начало как диалектически выраженная устойчивость, внутренне сочетаясь с социально воспроизводимой изменчивостью, содействовало существованию Поднебесной на протяжении последних пяти тысяч лет? ... Давно исчезли Египет, Вавилон, Греция, Рим, а Китай и сегодня ведёт народ к светлому будущему.

Вместо заключения: роль религии в современном мире.

Отметим, что религия как духовно-компенсаторное явление играет важную – земноутверждающую – роль, поскольку человек как субъект деятельности немислим вне иллюзорного отношения к действительности. Иллюзии наполняют цветами радуги нашу жизнь, и это имеет большое значение в непосредственном примирении с жизнью, которая не всегда идёт нам навстречу. Являясь важным компонентом иллюзорного самовыражения, религия совместно с фантазией (также представляющей иллюзией, и – попутно: способов иллюзорного видения мира очень много, и нам далеко до полного их охвата) открывает подлинные перспективы человечеству. Не следует, чтобы религия – и выше мы это постарались показать – подвергалась идеологической завербованности, что произошло с нею в ходе великого поражения женского пола. Однако, не случись этого – наши предки не создали бы набора авраамических религий. Последние прочно утвердились, и наша задача – отвести их от «идеологической заразы», преступным проявлением которой является ИГИЛ.

Источники и литература

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Т. 21 / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 23–178.

Даурская духовная миссия: начальные страницы истории

В статье проанализирован начальный этап Даурской духовной миссии и основание ею Троицкого Селенгинского и Посольского мужских монастырей за Байкалом. Исследован исторический опыт миссионерской, хозяйственной и культурно-просветительской деятельности Русской православной церкви в Забайкалье. Дана характеристика видных деятелей Даурской духовной миссии и их вклад в дело просвещения инородцев и приобщение к русской культуре местных жителей.

Ключевые слова: Даурия, духовная миссия, православие, христианство, миссионеры, Троицкий Селенгинский монастырь, Посольский монастырь, князь Гантимур.

Daurian spiritual mission: history start pages

The article analyzes the initial stage of the Dahurian spiritual mission and then the foundation of the Trinity Selenginsky and Posol'skiy monasteries beyond Lake Baikal by it. The historical experience of the missionary, economic, cultural and educational activities of the Russian Orthodox Church in Transbaikal region is investigated. The characteristic of prominent figures of the Daurian spiritual mission and their contribution to the enlightenment of foreigners and the introduction of local residents to Russian culture are given.

Keywords: Dauria, spiritual mission, orthodoxy, Christianity, missionaries, Trinity Selenginsky monastery, Posol'skiy monastery, prince Gantimur.

Решение об учреждении православной миссии в Даурии (Забайкалье) было принято при патриархе Иоакиме на Московском соборе 1681 г. и одобрено российским царем Федором Алексеевичем. На этом соборе было постановлено: «в дальние грады, на Лену, в Дауры... посылать от духовного чину архимандритов и игуменов, или священников добрых и учительных, для учения христианского закона и просвещения неверных; а епископам в тех дальних городах ныне быть не удобно малолюдства ради христианского народа» [11, с. 9].

В состав Даурской духовной миссии вошли двенадцать священников и монахов во главе с наместником Санаксарского Темникова Сретенского монастыря игуменом Феодосием. В феврале того же года миссионеры отравились из Москвы в Сибирь к месту будущего своего служения. Прибыв в главный город Сибирской епархии – Тобольск, священнослужители были снабжены здесь необходимыми указаниями и особой инструкцией (наказом) от Тобольского митрополита Павла

* Корниенко Николай Николаевич, к.и.н., Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия).

Kornienko Nikolay Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (Ulan-Ude, Russia).

[21, с. 48]. Согласно этой инструкции миссионеры, прибыв на реку Селенгу, занялись постройкой на левом берегу реки миссионерского монастыря. В то время на этом месте стояли ветхие полуразрушенные здания, представлявшие собой остатки существовавшего некогда монастыря, устроенного, вероятно, выходцами из Нерчинского острога.

Из сведений, относящихся к 1731 г., видно, что игумен Феодосий заново устроил Троицкий Селенгинский монастырь с двумя церквями: главной – в честь Живоначальной Троицы и другой – во имя святителя Николая Чудотворца. Любопытно, что ограда кругом монастыря была устроена с бойницами, а в самой монастырской казне имелись военные снаряды на случай нападений со стороны китайцев или монголов [20, с. 9]. На содержание при монастыре иноков-миссионеров, присланных из Москвы, велено было взять 300 руб. в Енисейске из «сибирских доходов». Кроме того, миссионеры привезли с собой много различной церковной утвари, подаренной при царском дворе, и даже царские врата, декорированные серебром, для будущего храма [12, с. 7]. Поступало много пожертвований в новообразованный монастырь и от частных лиц, особенно много жертвовал монастырю сибирский наместник и воевода, стольник Федор Алексеевич Головин. При нем монастырю была оказана помощь при его постройке в виде строительных материалов, рабочими и продуктами питания [5, с. 19]. Позднее Троицкий Селенгинский монастырь сам обеспечивал себя материальными средствами из отведенных монастырю земель и угодий, причем, в значительном количестве [10, с. 151].

В 1689 г. от царской казны было назначено регулярное жалованье селенгинским инокам-миссионерам и пособие на церковные потребности. Архимандрит Мелетий (Якимов) в своем труде «Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края и сведения о Даурской миссии» приводит текст царского указа, согласно которому «Великие Государи... пожаловали и велели учинить нашего Великих Государей жалованья годовые руги игумену пять рублей, попу три рубля, дякону два рубля, рядовым тридцать и двум человекам по рублю на год, а воск и ладан и вино церковное велено в тот Селенгинский Троицкий монастырь посылать из Тобольска по полуведра вина церковного, по полпуда воску, по гривенке ладану на год и проч.» [11, с. 22]. В 1704 г. жалованье из казны было заменено прикреплением к монастырю новых земельных наделов и угодий с предоставлением права селить на этих землях «гулящих» и других людей [6, с. 260].

Первой, отведенной в 1682 г. Троицкому Селенгинскому монастырю территорией была земля вблизи озера Байкал, в 90 верстах от

монастыря, на так называемом Посольском мысу. В этой местности, на юго-восточном берегу Байкала, игумен Феодосий решил устроить новую миссионерскую обитель – «пустынь для обитания монахов» [1, с. 58; 2, с. 47; 14, с. 17; 17, с. 41; 22, с. 5]. Сподвижником и главным помощником игумена Феодосия в миссионерском деле стал иеромонах Макарий, прибывший вместе с ним из Москвы. В последствии отец Макарий, уже в сане архимандрита, стал наместником Иркутского Вознесенского монастыря, в котором и скончался в 1713 г.

Прибывшая из Москвы Даурская духовная миссия двенадцать лет находилась под управлением игумена Феодосия. В 1692 г. по причине старости и слабого здоровья священнослужитель уезжает из Сибири в Москву. По дороге в столицу отец Феодосий скончался в Великом Устюге и был погребен в тамошнем Архангельском монастыре. По пути в Москву игумен Феодосий заехал в Тобольск, где рекомендовал Тобольскому митрополиту Игнатию (Римско-Корсакову) назначить вместо себя наместником Троицкого Селенгинского монастыря иеродьякона Мисаила, который также был из числа прибывших из Москвы миссионеров. Тобольский архиерей выполнил просьбу игумена Феодосия и иеродьякон Мисаил был возведен в сан архимандрита и был назначен настоятелем Селенгинской обители и начальником Даурской духовной миссии [7, с. 217–219].

Архимандрит Мисаил продолжил миссионерскую деятельность в том же духе и направлении, в каком действовал его предшественник. Особое внимание новоназначенный наместник уделял внешнему устройству Селенгинского и Посольского монастырей. В 1719 г. в Селенгинском монастыре его стараниями был возведён храм во имя всех святых, а в Посольском монастыре на Байкале переделал существовавшую там часовню в церковь в честь иконы Божьей Матери «Знамение», пристроив к часовне алтарь.

Второй начальник Даурской миссии архимандрит Мисаил скончался в 1742 г., в возрасте 110 лет, пережив всех своих коллег-миссионеров, прибывших с ним в Даурию из Москвы [11, с. 126–127]. Следует отметить, что Посольский монастырь, в начале своего основания представлял собой некое отделение Селенгинского монастыря, и только в начале XVIII в. получил самостоятельность благодаря купцу Г.А. Осколкову, ставшего главным благотворителем обители. По ходатайству Григория Афанасьевича в 1713 г. монастырь получил особый надел земельных угодий в дополнение к уже существующему земельному участку, который был пожертвован в 1709 г. тем же купцом [19, с. 71]. Главной задачей насельников Троицкого Селенгинско-

го и Посольского монастырей стала миссионерско-просветительская деятельность среди инородцев. Именно миссионеры, несмотря на свою малочисленность, смогли поменять/сформировать историко-культурный ландшафт российской территории за Байкалом посредством православной культуры. Известно, что в 1723 г. число вкладчиков и крестьян из новокрещённых, живших в отчинах Селенгинского монастыря, насчитывалось до 60 человек [13, с. 83].

По клировой ведомости 1733 г., в числе братии Троицкого Селенгинского монастыря значатся монахи из обращенных в православие инородцев: тридцатичетырехлетний Давид Филатов – новокрещённый «мунагалетин», служивший при монастыре больничным, и тридцатипятилетний Серафим Бухгольцов – новокрещённый «индеец», крестник бригадира И. Д. Бухгольца. У архимандрита Мисаила келейником был некто Василий, тоже из новокрещённых, крестник самого наместника. Упоминаются и еще два инока вышеупомянутого Селенгинского монастыря, которые также были из числа крещенных местных инородцев – иеродиакон Феодосий и иеромонах Трифиллий, из рода князей Гантимуровых [3, с. 51]. В отчетной ведомости за 1737 г, составленной и подписанной начальником Даурской духовной миссии, которая помещена в качестве приложения в книге вышеупомянутого архимандрита Мелетия, сказано, что «неверных крестилось не малое число» [12, с. 201]. Точно количество не было указано по причине пожара 1728 г., во время которого сгорела книга, в которых поименно записывали новокрещенных инородцев [16, с. 38].

Приведенные сведения показывают, что миссионеры смогли не только расположить инородцев к христианству, но и к иноческой жизни в монастыре. Показательным примером является крещение князя Гантимура, начальствовавшего над четырнадцатью Тунгусскими родами, во главе которых он перешел из Китая в подданство России. Гантимур, по своему происхождению даур, был влиятельным чиновником Цинского правительства в Манчжурии, родственником китайского императора. В 1684 г., вскоре по прибытию за Байкал Даурской духовной миссии, Гантимур принимает крещение в Нерчинске с именем Петр. Вместе с ним крестился один из 13 его сыновей Катанай, получивший в крещении имя Павел [18, с. 182.]. После принятия православия они были вызваны в Москву; на обратном пути князь скончался в Нарыме (Томская обл.) [4, с. 62]. Важной задачей, стоявшей перед членами Даурской духовной миссии, было обустройство школы для инородцев, в которой они могли бы обучаться русской

грамоте. Самим же миссионерам необходимо было выучить языки местного населения, в первую очередь, бурятский и монгольский.

Вышеупомянутый новокрещённый «индеец» инок Серафим, одним из первых был обучен в Селенгинском Троицком монастыре русской грамоте. Его примеру последовали иеродиакон Феодосий и иеромонах Трифиллий, знающие монгольский язык, научились писать и читать по-русски. Именно они, в качестве переводчиков, неоднократно принимали участие в «посольствах», направляемых сибирским митрополитом Филофеем в Пекин и Ургу. Кроме зарубежных командировок, они проповедовали христианство и среди своих соплеменников в Даурии [16, с. 45]. Даурская духовная миссия, распространяя православие, выполняла и культурную миссию царского правительства среди народов, населявших даурские земли. На обширных землях, принадлежавших Посольскому и особенно Троицкому монастырю, селились новокрещённые местные жители, приучаясь к трудовой земледельческой жизни, усваивая быт и склад русского населения, знакомясь с культурным наследием Русской православной церкви.

«Промышленные, вольные и гулящие» люди из числа русского населения вместе с новокрещёнными образовали своеобразное сословие пашечных монастырских крестьян, первое упоминание о котором находим в переписных книгах 1690 г. [10, с. 151]. Картину льготных условий новокрещённых (Ивана Романова и Тихона Сергеева) описывает святитель Мелетий (Якимов): «Се аз мунгальской породы новокрещённые Иван Романов да Тихон Сергиев, родом братья родные, дали сию запись на себя на Селенге в новом Троицком монастыре игумену Феодосию еже о Христе с братиею в том, что жить нам и с женами своими в том Троицком монастыре в крестьянех на их монастырской земле в род и род. А взяли мы у него игумена и у братии из монастырской казны в подмог без отдачи коня да корову, а брат мой тоже коня да корову, по двадцати пуд муки ржаной, по котлу медному, по топору, по косе, по два серпа, по сошникам. А пахать нам и детям нашим пахать на их монастырской обиход по десятине в поле, а сеять их монастырскими семяны, а хлеб поспеет, и нам пахать на себя их монастырской земли, елико мочь моя будет. И живучи нами во крестьянех быть от него игумена и от братии во всяком послушании без всякаго прекословия, зернью и карты не играть, не пить, не бражничать и никаким воровством не воровать и с воровскими людьми не знатца и пр.» [11, с. 23–25].

Чтобы увеличить численность населения в своих имениях, Даурская миссия пользовалась местным обычаем продавать и закладывать

опальных иноземцев. Миссионеры покупали инородцев, проводили катехизацию, готовили к принятию православия, а после крещения селили на вотчинах монастырей, приучая их к оседлой жизни. Вместе с тем, в виду крайнего недостатка в близлежащих землях русских женщин, миссия через уплату калыма покупала женщин из местного населения, которых, после принятия православия, выдавали замуж за своих соотечественников. Сама женщина считалась свободной, то есть, не о какой дальнейшей зависимости речь не шла. Все новокрещённые – и свободные, и выкупленные – имели право селиться как на монастырских землях, так и отдельно, работая при этом в имениях мужских обитателей. В результате таких поселений были образованы целые православные села/приходы – Троицкий, Посольский, Куюдский, Кударинский, Голоустный, Твороговский, Куналейский и Еланьский [8, с. 184].

Кроме своих прямых обязанностей, Даурская духовная миссия в лице своих начальников игумена Феодосия, архимандрита Мисаила, а также управляющего Посольским монастырем архимандрита Макария, исполняла и другие функции церковного управления. С учреждением самой миссии за Байкалом и основанием ею Троицкого Селенгинского монастыря, последний сделался своеобразным церковно-административным центром в Восточной Сибири в составе обширной Сибирской епархии.

Посредством настоятелей Селенгинского монастыря духовенство этого края, находясь вдалеке от местопребывания сибирских архиереев (управляющий епархией находился в Тобольске), находило решение своих вопросов в делах службы и получало от них рекомендации или даже распоряжения. Настоятели Даурской духовной миссии исполняли роль благочинных и следили за нравственностью священнослужителей и мирян [9, с. 33].

Таким образом, основание Даурской духовной миссии в 1681 г. и последующее образование двух мужских монастырей за Байкалом – Троицкого Селенгинского и Посольского – явилось важной страницей в истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири. Прибывшие иноки-миссионеры предприняли попытку проповеди христианства среди местного населения, обращения в православие жителей обширной Даурии.

В тоже время они способствовали укреплению позиций царского правительства среди инородцев, научив их оседлой жизни и обработки земли, а также заботились о повышении нравственного и культурного уровня сибирских народов.

Источники и литература

1. *Андриевич, В.К.* Пособие для написания истории Забайкалья / В.К. Андриевич. – Иркутск, 1885. – 158 с.
2. *Андриевич, В.К.* Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времен до 1762 г. / В.К. Андриевич. – СПб., 1887. – 237 с.
3. *Артемьев, А.Р.* России верное служение. (Род князей Гантимуровых) / А.Р. Артемьев // Забытые имена. История Дальнего Востока России в лицах. – Владивосток, 1994. – Вып. 1. – С. 47–59.
4. *Дамдинов, Д.Г.* О предках Гантимуровых (титуловых князей и дворян по московскому списку) / Д.Г. Дамдинов. – Улан-Удэ, 1996. – 92 с.
5. *Жалсараев, А.Д.* История православия в Забайкалье: (середина XVII – начало XX вв.) / А.Д. Жалсараев. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2015. – 263 с.
6. *Жалсараев, А.Д.* Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII – XX столетий / А.Д. Жалсараев // Энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 2001. – 448 с.
7. *Жалсараев, А.Д.* Даурская духовная миссия / А.Д. Жалсараев // Православная энциклопедия. – М., 2006. – Т. XIV. – С. 217–219.
8. *Затеев, А.К.* Прибайкальский район: 1646–2009: между прошлым и будущим / А.К. Затеев, Н.А. Затеева. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2009. – 528 с.
9. *Кудрявцев, С.* Очерк истории Забайкальской епархии / С. Кудрявцев // Православие в Забайкалье: История и современность. – Чита, 2004. – С. 29–74.
10. *Машанова Л.В.* Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1973. – С. 105–155.
11. *Мелетий (Якимов), архимандрит.* Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии / архимандрит Мелетий (Якимов). – Казань, 1875. – 233 с.
12. *Мелетий, епископ Рязанский и Зарайский.* Православие и устройство церковных дел в Даурии (Забайкалье), Монголии и Китае в XVII и XVIII столетиях / епископ Рязанский и Зарайский Мелетий. – Рязань, 1911. – 219 с.
13. *Минерт Л.К.* Памятники архитектуры Бурятии / Л.К. Минерт. – Новосибирск: Наука, 1987. – 191 с.
14. *Митыпова, Г.С.* Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX в.) / Г.С. Митыпова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. – 104 с.
15. *Наумова О.Е.* Иркутская епархия: XVIII – 1-я пол. XIX в. / О.Е. Наумова. – Иркутск, 1996. – 145 с.
16. *Наумова, О.Е.* Хозяйственная деятельность монастырей Русской православной церкви в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в. / О.Е. Наумова // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2016. – С. 35–41.
17. *Птицын, В.В.* Селенгинская Даурия. Очерк Забайкальского края / В.В. Птицын. – СПб., 1896. – 306 с.
18. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы / Под ред. С.Л. Тихвинского, Л.И. Думан. – М.: Наука, 1969. – Т. I. – 498 с.
19. *Санников, А.П.* Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря Иркутской епархии / А.П. Санников, О.В. Бычков // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. – Владивосток, 1998. – С. 70–78.

20. Токмаков, И. Историко-статистическое и археологическое описание Св. Троицкого-Селенгинского монастыря / И. Токмаков. – М., 1895. – 39 с.

21. Ухтомский, Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье / Э. Ухтомский. – Санкт-Петербург: Синод. Тип., 1892. – 47 с.

22. Шмулевич, М.М. Троицко-Селенгинский монастырь / М.М. Шмулевич. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд., 1982. – 64 с.

В.И. Куйбарь*

DOI: 10.25839/t3433-4505-6996-k

К вопросу о виртуальных социальных сетях

В статье предпринята теоретико-методологическая попытка социально-философского анализа виртуальных сетей в социуме, как все более доминирующего коммуникативного фактора его развития, управления и сохранения. Выделены наиболее важные аспекты функционирования виртуальных социальных сетей и рассмотрены некоторые из них.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальные социальные сети, теоретико-методологический анализ, иерархические социальные связи, цифровизация социума, цифровое общество, духовная безопасность.

On virtual social networks

The article makes a theoretical and methodological attempt at socio-philosophical analysis of virtual networks in society, as an increasingly dominant communicative factor of its development, management and preservation. The most important aspects of the functioning of virtual social networks are highlighted and some of them are considered.

Keywords: Social networks, virtual social networks, theoretical and methodological analysis, hierarchical social ties, digitalization of society, digital society, spiritual security.

Теоретико-методологический подход в данном случае заключается в выборе работоспособной концепции анализа виртуальных сетей функционирующих сегодня в социуме. Начать можно с терминологии, т.е. необходимо различать понятия социальная сеть и виртуальная социальная сеть, ровно как различать реальное и виртуальное.

Ранее автор уже обращался к этой теме и поэтому можно использовать определенные выводы.

Современной социум структурируется стремлением к виртуальности. Эта новая структура возникает из старой, привычной, при этом обнаруживаются «разрывы» между социально-реальным и социально-

* Куйбарь Владимир Иванович, д-р филос. наук, профессор, зав. отд. философии и теологии Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Kuybar Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophy sciences, professor, head. dep. philosophy and theology of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

виртуальным. Вопрос о том, что возникновение такого рода «разрывов» в разных сферах жизнедеятельности социума является признаком его изменения должен еще обсуждаться, но изучение трансформации общества, основанное только на теории либо глобализации, либо глобальной регионализации уже не способно дать целостной картины и необходимо учитывать еще и концепцию виртуализации общества, ее эвристические возможности [3].

При изучении окружающего мира (его иерархичности), в рамках субстанционального подхода к описанию реальностей разного уровня, можно считать, что онтологически не возникает ограничений на количество уровней иерархии реальностей. Пытаясь в теории выстроить эту иерархию, найти общие точки соприкосновения для разных реальностей, можно предположить, что физическая (технологическая) реальность это материальная порождающая основа, константная реальность для информационной реальности, та в свою очередь, создавая негэнтропийные информационные потоки (например, в сознании человека) является константной реальностью для виртуальной реальности циркулирующей в социуме в виде виртуальных социальных сетей [3].

Поскольку любая информационная система имеет иерархическую структуру, не исключение и виртуальная социальная сеть, поэтому ее можно интерпретировать как систему иерархических связей, возникших между пользователями информационно-коммуникационных сетей при использовании ресурсов этих сетей.

В социально-философском плане такой теоретико-методологический подход оказывается наиболее продуктивным, он прослеживается в работах М. Кастельса [2], А. Барда и Я. Зодерквиста [1], Б. Латура [5].

Виртуальная реальность возникающая и функционирующая в виртуальных социальных сетях формирует особое коммуникативное пространство для индивидов (субъектов) и безусловно способствует образованию и поддержанию между ними особых (часто иерархических если один из субъектов выполняет функции некоего социального института) связей.

Здесь можно отметить несколько важных аспектов функционирования виртуальных социальных сетей.

- Специфика коммуникации в таких сетях как раз в их виртуальности – высокая скорость и анонимность обмена информацией.
- Возникновение внутренней морфологии.
- Формирование процессов по управлению общественным мнением и запросами различных социальных групп, такие аспекты функ-

ционирования виртуальных социальных сетей прослеживается в работах многих отечественных и зарубежных исследователей [6, 7, 9, 10].

– Разновекторное использование виртуальных социальных сетей – от стимуляции социально позитивных активностей (здоровый образ жизни, занятия спортом), профилактика деструктивных активностей (девиантные практики, преступность, экстремизм), до негативных воздействий (разрушение традиционных духовных и нравственных установок, культивирование национальной и религиозной розни, экстремистских взглядов).

– Особо следует отметить возможность регулирования межрелигиозных и межконфессиональных отношений через единое духовное пространство этносов с единой аксиологической основой, сформированное в виртуальных социальных сетях, учитывая тот факт, что в виртуальные социальные сети могут (или должны) быть вовлечены различные этносы любых масштабов [4].

Виртуальные социальные сети как коммуникативно-информационная среда интенсифицируют и ускоряют любые социальные процессы, дают новые возможности для работы с общественным мнением, формируют новую управленческую практику.

Принято считать, что виртуальные социальные сети формируют неиерархические социальные связи, но поскольку мы отметили возможность создания с их помощью удобных площадок по управлению общественным мнением, социальными запросами и возможностью формирования ценностных критериев, то необходимо пересмотреть такой подход. Необходимо конструировать более сложные аналитические модели для понимания процессов в виртуальной среде социума [8]. Представление таких сетей неиерархическими, ошибочно, поскольку стремительная интернетизация общества позволяет осуществить «цифровизацию» социума, взять его под управление через виртуальные социальные сети создав новую социальную модель общества – «цифровое» общество. Как было заявлено на «Гайдаровском форуме – 2018» «архитекторами и строителями» этого общества, главным направлением в реформе государственного управления должно стать построение «государства как платформы». Под платформой подразумевалась совокупность взаимодействующих между собой аппаратных средств и операционных систем, под управлением которых функционируют различные прикладные программы, востребованные как в обществе, так и в системе управления им.

Цифровизация общества многоаспектна и может охватить (или уже охватывает) экономику, финансы, бизнес, медицину, культуру, обра-

зование, науку, безопасность и ряд других сфер [11]. Этот процесс несет как позитивные так и негативные стороны и это отдельная тема аналитической работы. Важно понимать, что этот процесс уже запущен и важно им управлять, создав его синергетическую модель, т.е. необходимо обозначить аттракторы, к которым должно стремиться общество и определить долгоживущие параметры порядка необходимые для управления этим процессом.

Важной сферой цифровизации общества, безусловно, являются культура, общественные ценности, духовная безопасность. В ходе цифровой трансформации появляется определенная опасность утраты национальной самобытности, своей культуры, языка и т.п., в том числе из-за того, что в виртуальных социальных сетях может происходить навязывание всему обществу смены вкусов и потребительских предпочтений и что хуже всего смены духовных ценностей, в которых не заинтересованы отдельные глобальные и даже региональные игроки и платформенные компании. В виртуальном мире легко возникают новые ценности, меняется культура и формы ее подачи.

Очевидно, что, прежде всего, молодое поколение, являясь активным проводником технологических инноваций в сетях, максимально подвержено переменам в качестве жизни, возможностях привносимыми цифровыми технологиями и в ценностных ориентациях общества [10]. Поэтому нужны новые этические нормы взаимоотношений в виртуальных социальных сетях, а также новая «цифровая» национальная культура [4] способствующая укреплению духовных ценностей общества, обеспечивающая национальную духовную безопасность и создавая благоприятную безопасную социальную среду для будущего – как виртуальную, так и реальную.

Источники и литература

1. *Бард А., Зодеркист Я. Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма.* / А. Бард, Я. Зодеркист. – С.Петербург: Изд-во Стокгольмской школы экономики в С.Петербурге, 2004. – 254 с.
2. *Кастельс, М. Галактика. Интернет: Размышления об Интернете, бизнес в обществе* / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. *Куйбарь, В. И.* Категория «информационно-виртуальная реальность» как фактор развития научно-философского знания. Теоретико-методологический аспект / В.И. Куйбарь // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ, 2010. – № 6.– С. 44–50.
4. *Куйбарь, В. И.* К вопросу о регулировании межрелигиозных и межконфессиональных отношений через единое духовное пространство этносов / В. И. Куйбарь // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. – Иркутск, 2020. – Вып. 31. С. 59–65.

5. Латур, Б. Сети, общества, сферы: Размышления одного из создателей акторно-сетевой теории / Б. Латур // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. – М., 2013. – С. 70–75.

6. Мальцева, С.М., Балашова, Е.С., Егорова, Т.А. Социальная сеть как средство удовлетворения потребностей человека в условиях виртуальной реальности / С. М. Мальцева, Е. С. Балашова, Т. А. Егорова // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2019. – № 6 (25). – С. 87–93.

7. Реутов, Е.В., Реутова, М.Н. Социальные сети в реальном и виртуальном пространстве местных сообществ: границы пересечения / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова // Власть. – 2017. – № 5. – С. 68–73.

8. Устинкина, К.Г. Виртуальные социальные сети как объект изучения / К. Г. Устинкина // Социология науки и технологий. – 2016. – № 1 (7). – С. 194–200

9. Jeske D., Shultz K. Using social media content for screening in recruitment and selection: pros and cons /D. Jeske D., K. Shultz // Work, Employment and Society. 2015. Vol. 30. № 3. P. 535–546.

10. Ridout B., Campbell A. The Use of Social Networking Sites in Mental Health Interventions for Young People: Systematic Review / B. Ridout., A. Campbell // Journal of Internet research. 2018. Vol. 20. № 12. P. 122–244.

11. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20-36.

С.С. Кульпинов*

DOI: 10.25839/k5733-4402-8916-w

Трудовая повинность обновленческого духовенства Восточной Сибири на рубеже 1920-х – 1930-х гг.: законодательная база, правоприменение, идеологические обоснования

В статье рассматриваются проблемы несения трудовой повинности обновленческим духовенством в Восточной Сибири на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Исследуется законодательная база практики привлечения служителей культа к трудовой повинности в Советской России – СССР. Анализируется практика привлечения обновленческого духовенства в Восточной Сибири к трудовой повинности на рубеже 1920-х – 1930-х гг., исследуется позиция в этом вопросе местных и краевых властей. Рассматриваются идеологические обоснования, подводимые самими обновленческими церковными структурами под практику несения духовенством трудовой повинности.

Ключевые слова: трудовая повинность, обновленческий раскол, Иркутское епархиальное церковное управление, Восточно-Сибирское краевое митрополитанское церковное управление, история Восточно-Сибирского края, «архиепископ» Алексей Петрович Копытов.

* **Кульпинов Сергей Сергеевич**, диакон, аспирант, Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви (г. Санкт-Петербург, Россия).

Kulpinov Sergey Sergeevich, Deacon, postgraduate student, St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church (St. Petersburg, Russia).

Labor conscription of the renovationist clergy of Eastern Siberia at the turn of the 1920s – 1930s: legislative framework, law enforcement, ideological justification

The article deals with the problems of labor service by the renovationist clergy in Eastern Siberia at the turn of the 1920s – 1930s. The article examines the legislative base of the practice of attracting religious servants to labor service in Soviet Russia - the USSR. The article analyzes the practice of attracting the renovationist clergy in Eastern Siberia to labor service at the turn of the 1920s–1930s, and examines the position of local and regional authorities on this issue. The article considers the ideological justifications that are brought by the renovationist church structures themselves under the practice of carrying out labor duties by the clergy.

Keywords: labor service, renewal schism, Irkutsk diocesan church administration, East Siberian regional metropolitan church administration, history of the East Siberian region, «archbishop» Alexy Petrovich Kopytov.

Проблема несения трудовой повинности православным духовенством в 1920-х – 1930-х гг. специально ранее не исследовалась. При анализе истории обновленческого раскола, вопрос о трудовой повинности духовенства, в равной степени, как и вопрос налогообложения культовых зданий и служителей культа, является иллюстрацией изменений в государственной политике в отношении обновленчества, произошедших на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Иными словами, опираясь на ряд изменений в государственной политике данного периода, можно предметно говорить об утрате Священным Синодом Православных Церквей в СССР статуса привилегированной религиозной структуры и фактическом начале гонений на обновленческий раскол в Советском союзе еще в 1930 г., что опровергает мнения исследователей, предполагавших, что обновленчество пользовалось безоговорочной поддержкой государственной власти вплоть до начала периода Большого террора [25].

В силу вышесказанного, настоящее исследование представляется актуальным, как в свете слабой изученности вопроса, так и по причине его важности для составления полноценной картины истории церковно-государственных отношений в СССР в довоенный период.

В рамках данного исследования ставится цель рассмотреть законодательную базу и практические особенности несения трудовой повинности обновленческим духовенством в Восточной Сибири на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Для достижения цели исследования выдвигаются следующие задачи.

– Рассмотреть законодательную базу привлечения духовенства к трудовой повинности в СССР на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

– Исследовать практику привлечения обновленческого клира к трудовой повинности в Восточной Сибири на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

– Проанализировать идеологические обоснования несения трудовой повинности внутри обновленческого раскола.

Фактически меры по привлечению населения к трудовой повинности в Советской России начали применяться еще в декабре 1917 г., и одновременно с этим происходит правовое оформление данной практики [24, с. 177]. Всеобщая трудовая повинность была закреплена в конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г. [19]. Согласно инструкции наркомата труда о проведении трудовой повинности от 11 декабря 1918 г. к трудовой повинности в обязательном порядке привлекались лица, «1) живущие на нетрудовой доход, 2) не имеющие определенных занятий и 3) не зарегистрированные на бирже труда» [21].

В той же инструкции оговаривались категории граждан, подлежащих освобождению от трудовой повинности [21]. В 1919–1920 гг. нормативные основы привлечения к трудовой повинности «нетрудовых классов» фактически были распространены на все советское общество, что отражалось в «Постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны о натуральной трудовой и гужевой повинности» от 19 ноября 1919 г. [23] и декрете Совета Народных Комиссаров от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» [17]. Последний документ прямо предписывал «привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению, независимо от постоянной работы по роду занятий, различных видов трудовой повинности» [17].

Параллельно с этим происходит законодательное урегулирование вопросов освобождения от трудовой повинности. В постановлении «Об освобождении от трудовой повинности» от 20 марта 1920 г. подробно рассматривались категории лиц, подлежащих освобождению от трудовой повинности, а также необходимые документы для подтверждения принадлежности к данным категориям населения [20]. Примечательно, что служители культа в рамках данного документа в отдельную категорию лиц не группировались, однако уже в 1921 г. был специально юридически оформлен вопрос о несении трудовой повинности священнослужителями. 15 августа 1921 г. было принято постановление «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, о трудовой повинности служителей культа, об издании религиозной литературы и о религиозных группах, объединениях и съездах», в котором со ссылкой на «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» (более известный по позднему названию, как «Декрет об отделении церкви от государства и школы

от церкви») от 2 февраля 1918 г. указывалось, что «служители всех религий и культов никакими особыми изъятиями, связанными с исполняемыми ими вероучениями, от трудовых или иных повинностей не пользуются». Вместе с тем оговаривалось, что при назначении служителям культа трудовой повинности должны быть принимаемы во внимание «бытовые условия их жизни и занятий» [22].

Вместе с тем, после окончания Гражданской войны в Советской России практика привлечения населения к обязательной трудовой повинности фактически сходит на нет. В период с 1923 по 1929 гг. массовое привлечение населения к трудовой повинности имело, скорее, исключительный характер. Аналогично исключительным явлением стало и привлечение духовенства к несению трудовой повинности. В частности, обращаясь к истории Восточной Сибири, можно указать, что чрезвычайные постановления о массовом привлечении населения (и в том числе служителей культа) к трудовой и гужевой повинности принимались в Тулунском округе Сибирского края в марте 1928 г. в связи с необходимостью ликвидации последствий наводнения. Иными словами, мобилизация населения для несения трудовой повинности имела чрезвычайный и временный характер. В то же время, следует отметить, что в упомянутой ситуации Тулунский окрисполком опирался на советское законодательство 1920 – 1921 гг., в своем распоряжении прямо цитируя декрет «О порядке всеобщей трудовой повинности» и постановление «Об освобождении от трудовой повинности» [16, л. 57].

Принципиально иной характер привлечение населения к трудовой повинности приобретает на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В рамках коллективизации трудовая повинность крестьянства вновь становится повсеместной регулярной практикой. Примечательно, что М. А. Безнин позиционирует данную практику, как фактическое восстановление феодального отношения к крестьянству, при котором трудовая повинность играла роль «новой барщины» [1]. На фоне развития лесопромышленного комплекса СССР [18, с. 84] приобретает особое значение привлечение крестьян к лесозаготовкам. Принудительное несение крестьянами трудовой повинности на лесозаготовках в ряде регионов СССР получает широкое распространение уже с 1929 г., однако законодательное оформление данной практики начинается только в 1933 г. [2]. Иными словами, в период с 1929 по 1933 гг. привлечение сельского населения к лесозаготовкам регулировалось, принятыми в начале 1920-х гг., законами о трудовой повинности.

Первые упоминания о привлечении сельского обновленческого духовенства к лесозаготовкам в Восточной Сибири относятся к фев-

ралю 1930 г. Следует отметить, что в этот период на фоне процессов коллективизации значительно сокращаются доходы духовенства, приобретают массовый характер аресты обновленческого клира по обвинению в уклонении от уплаты налогов и контрреволюционной деятельности. В связи с этим, привлечение священнослужителей к трудовой повинности не рассматривалось, как приоритетная проблема на заседаниях епархиальных церковных управлений. При этом, следует отметить, что уклонение обновленческого духовенства от трудовой повинности уже в этот период каралось привлечением к уголовной ответственности. Вместе с тем, центральные органы Сибирского края могли смягчить постановление местных властей. Показателен, в этом отношении пример священника Иркутской обновленческой епархии С. И. Литвинцева, который в конце января 1930 г. был принудительно освобожден местными властями от служения и направлен на лесозаготовки в район села Голуметь [4, л. 48 об.]. За самовольное оставление лесозаготовок и возвращение в приход села Евсеево в феврале 1930 г. он был арестован местными властями, однако, как служитель культа, 28 февраля 1930 г. оправдан прокуратурой Сибирского края с учетом «бытовых условий его жизни и занятий» [10, л. 1].

Примечательно, что вместе со священником С. И. Литвинцевым трудовую повинность в районе Голумети нес и священник А. С. Снегуровский, однако последний не нарушал режима лесозаготовок, поэтому к ответственности не привлекался [7, л. 5 об.]. В декабре 1930 г. имел место подобный случай действия краевых властей по делу «священника» (получил сан в обновленчестве) А. К. Родькина, привлеченного к уголовной ответственности за неявку на трудовую повинность в селе, в котором уже не проживал. По его делу краевой прокурорский надзор постановил освободить «священника» без суда и допроса [8, л. 2–3]. Здесь, однако, скорее имел место недосмотр местных властей, поспешивших привлечь служителя культа к ответственности, не вдаваясь в реальное положение вещей.

С другой стороны, на фоне значительного сокращения доходов духовенства в сельской местности в связи с коллективизацией имели место случаи добровольного ухода священнослужителей на лесозаготовки, поскольку оплата трудовой повинности превышала доход от религиозной деятельности. В частности, священник Л. Мищенко, оставил настоятельство в Тальцинском приходе и добровольно ушел на лесозаготовки, в результате чего приход перешел из обновленчества в Патриаршую Церковь, что бурно обсуждалось на заседании Иркутского епархиального церковного управления [6, л. 5]. Сам священ-

ник Л. Мищенко 30 мая 1930 г., принося покаяние в своем поступке, указывал, что «находясь в болезни и печали, ушел в тайгу работать на 4 месяца», желая поправить свое материальное положение [9, л. 9].

Фактически сельское обновленческое духовенство несло трудовую повинность наравне с крестьянами. При этом, епархиальные церковные управления неоднократно выступали против нарушений законодательства. В частности, 13 января 1931 г. ИЕЦУ подавало ходатайство в административное управление Восточно-Сибирского края об изменении условий несения повинности священником С. О. Сидоровым, подчеркивая, что священнослужитель должен иметь возможность нести повинность в том селе, в котором служит, а также получать освобождение на время проведения религиозных обрядов [11, л. 10]. В ответ на это административное управление подчеркнуло, что служители культа не освобождаются от трудовой повинности, однако действительно должны нести ее в тех селах, где служат [там же, л. 9]. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего 1930 г. эта норма в Сибирском и Восточно-Сибирском края полностью игнорировалась: привлечение духовенства к трудовой повинности никак не связывалось с местом его служения.

Постановлением Священного Синода Православных Церквей в СССР от 13 января 1931 г. на территории Восточно-Сибирского края была образована Восточно-Сибирская обновленческая митрополия с центром в Иркутске [5, л. 14]. Краевое митрополитанское управление в период с 7 марта 1931 г. по 17 октября 1934 г. рассматривало отчеты и рапорты восточносибирских епархий, в которых, в том числе, указывались сложности с исполнением духовенством трудовой повинности.

В январе 1932 г. сведения о нарушениях законодательства о трудовой повинности в отношении обновленческого духовенства поступали в канцелярию Восточно-Сибирской митрополии преимущественно из забайкальских епархий: Сретенской и Читинской. В Сретенской епархии из пяти служащих священников к 1 января 1932 г. двое были привлечены к трудовой повинности на лесозаготовках [12, л. 3], при этом отмечалось, что священник П. Литвинцев в общей сложности за 1931 г. провел на заготовках 10 месяцев, что никак не соответствует принятому законодательству. По данному вопросу Восточно-Сибирская митрополия ходатайствовала о начале расследования незаконных действий местных властей, материалы, касающиеся привлечения к трудовой повинности священника П. Литвинцева были направлены в Священный Синод Православных Церквей в СССР и административное управление Восточно-Сибирского края [4, л. 115].

Сведения о неоднократном грубом нарушении законодательства о трудовой повинности приходили также из Читинской обновленческой епархии. Занимавший Читинскую кафедру «архиепископ» Александр Васильевич Авдентов указывал, что грубо нарушает законодательство Читинский горсовет, направлявший городское духовенство на лесозаготовки в тайгу [15, л. 2].

Следует отметить, что в 1931 – 1934 гг. положение обновленчества в Забайкалье в целом было намного тяжелее, чем в других округах Восточно-Сибирского края: число действующих приходов многократно сократилось, местные власти позволяли себе откровенный произвол в отношении духовенства и верующих [12; 15]. В силу этого, представляется вполне логичным, что местные власти позволяли себе грубые нарушения законодательства о трудовой повинности в отношении духовенства: привлечение на несоразмерно длительные сроки к лесозаготовкам и направление городских клириков на работы в тайгу.

Отдельного внимания заслуживает идеологическая сторона вопроса о несении трудовой повинности обновленческим духовенством. Как известно, идея о «пролетаризации» духовенства была одной из ключевых в период институционализации обновленческого раскола. В Сибири символом этой идеологии стала фигура «митрополита» Петра Федоровича Блинова, после «архиерейской» хиротонии вышедшего к клирикам и мирянам в сермяге и лаптях и объявившего, что он будет «рабоче-крестьянским епископом» [3, л. 48]. Вместе с тем, пролетарский пафос обновленчества 1922 – 1923 гг. постепенно сошел на нет в последующие годы, что отражено в ряде источников личного происхождения [14, л. 9–11]. Как отмечалось выше, проблема трудовой повинности духовенства не была актуальна на протяжении большей части 1920-х гг., поэтому ее идеологическое обоснование не возникало в этот период внутри обновленческого раскола. Однако, в начале 1930-х гг., когда привлечение обновленческого духовенства к трудовой повинности стало массовой практикой, возникла и необходимость ее внутрицерковного идеологического обоснования. В частности, данная проблема должна была быть поднята на первом съезде Восточно-Сибирской обновленческой митрополии, запланированном на 28–30 мая 1932 г. В подготовленном к съезду докладе «архиепископа» Иркутского и Восточно-Сибирского Алексия Петровича Копытова «Современная пастырская приходская деятельность» отмечалось, что «пролетаризация духовенства содействует пастырскому влиянию на верующих», а «трудовая повинность духовенства содействует выработке пастырями авторитета» [13, л. 12]. Иными словами, «архи-

ерей» подчеркивал, что, благодаря несению трудовой повинности, духовенство сближается с рядовыми верующими и вырабатывает авторитет в их глазах. Необходимо отметить, что такое идеологическое обоснование базировалось, как на общей линии покорности решениям государственной власти, так и на стремлении показать положительные аспекты сложившихся условий существования духовенства.

Таким образом, понятие трудовой повинности закрепляется в советском законодательстве еще в 1918 г. Причем, очень быстро определяется всеобщий характер повинности, зафиксированный уже в Конституции РСФСР 1918 г., правила несения повинности и освобождения от нее, первоначально разработанные для «нетрудовых классов», к концу 1919 – началу 1920 г. были распространены на всех граждан Советской России, что получило законодательное закрепление. Порядок несения трудовой повинности служащими культа был законодательно закреплен в постановлении «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, о трудовой повинности служащих культа, об издании религиозной литературы и о религиозных группах, объединениях и съездах» от 15 августа 1921 г., согласно которому священнослужители не освобождались от трудовой повинности, но при ее назначении учитывались бытовые условия их жизни и занятий. После окончания Гражданской войны практика привлечения населения к трудовой повинности имела эпизодический и чрезвычайный характер, что отражается и в истории Восточной Сибири.

С конца 1920-х гг. вновь приобретает массовый характер привлечение сельского населения к трудовой повинности. При этом, законодательная база для несения трудовой повинности еще остается прежней, разработанной в годы Гражданской войны. В Восточной Сибири основным видом трудовой повинности в этот период становятся лесозаготовки, к которым обновленческое духовенство привлекается наравне с крестьянским населением. Следует отметить, что власти на местах на рубеже 1920-х – 1930-х гг. крайне небрежно относились к законодательству о трудовой повинности, допуская его грубые нарушения в отношении духовенства. Примеры подобного нарушения имели место в Иркутской, Читинской и Сретенской обновленческих епархиях. В то же время краевые власти постулировали беспрекословное следование букве закона. Имели место случаи, когда краевые структуры оправдывали священнослужителей, осужденных местными властями за нарушение режима трудовой повинности, апеллируя к тому, что клирики были привлечены к повинности с грубым нарушением действующего законодательства.

С идеологической точки зрения в рассматриваемый период трудовая повинность восточносибирского обновленческого духовенства позиционировалась митрополиями, как возможность сближения с пасторальной и выработки священнослужителями авторитета. Отчасти можно назвать данное идеологическое обоснование существующей практики продолжением идеи «пролетаризации» духовенства, свойственной периоду институционализации обновленческого раскола в Советской России. Несомненно, Восточно-Сибирская обновленческая митрополия в этом вопросе исходила из линии поддержки государственной власти и стремления найти положительные аспекты сложившихся условий, подводя идеологическое обоснование под весьма негативную для священнослужителей практику.

Источники и литература

1. *Безнин, М. А.* Повинности российских колхозников в 1930-х – 1960-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Хронограф // URL: <http://chronografvologda.narod.ru/web/librari/beznin3.pdf>
2. *Безнин, М. А.* Трудовая и гужевая повинность на лесозаготовках / М. А. Безнин // Лесозексплуатация // URL: <https://www.booksite.ru/forest/forest/hoz/2.htm> (дата обращения: 10.04.2020).
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 485. Оп. 2. Д. 31.
4. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182.
5. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 188.
6. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 193.
7. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 194.
8. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 195.
9. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 200.
10. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 203.
11. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 204.
12. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 210.
13. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 215.
14. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232.
15. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 234.
16. ГАИО. Ф. Р-218. Оп. ОЦ. Д. 48.
17. Декрет Совета Народных Комиссаров. О порядке всеобщей трудовой повинности // Исторические материалы // URL: <http://istmat.info/node/40946> (дата обращения: 13.04.2020).
18. *Зыкин И. В.* Лесопромышленный комплекс Советского союза в годы первых пятилеток: проблемы управления, финансирования, лесопользования / И. В. Зыкин // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. – 2019. – № 4 (181). – С. 83–91.
19. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // URL: <http://www.consultant.ru>.
20. Постановление Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности и Народного Комиссариата Труда и Социального Обеспечения. Об освобождении от

трудовой повинности (Правила) // Исторические материалы // URL: <http://istmat.info/node/41443>.

21. Постановление Народного Комиссариата Труда. О проведении трудовой повинности (Инструкция) // URL: <http://istmat.info/node/31959>.

22. Постановление НКЮста, НКВД, НКЗема и НК РКИ. Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, о трудовой повинности служащих куклыта, об издании религиозной литературы и о религиозных группах, объединениях и съездах // URL: <http://istmat.info/node/46528>.

23. Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Оборона. О натуральной, трудовой и гужевой повинности // URL: <http://istmat.info/node/38767>.

24. *Роцин Б. Е.* Российская трудовая повинность в первый год становления «пролетарской диктатуры»: идеолого-правовые основания / Б. Е. Роцин // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 175–180.

25. *Цыпин В. А., прот.* История Русской Православной церкви. 1917–1997 гг. [Электронный ресурс] / прот. В. А. Цыпин // Азбука веры // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/

Лю Болин*

DOI: 10.25839/1475-2374-9969-m

Религиозные споры между Россией и Украиной в 2019 году

В 2019 году борьба между Россией и Украиной в области религии все еще ожесточена. Православная Украинская Церковь (ПЦУ) и Украинская Православная Церковь Московского Патриархата начинают конкурировать за внутренние церковные ресурсы в Украине. Религиозные конфликты в Украине продолжаются. После разрыва с Константинопольской церковью Русская православная церковь предприняла ряд мер по противодействию действиям Константинопольского Патриархата по представлению новой церкви Украины автокефалию. Инцидент с украинской церковью вызвал кризис в православном мире: греческая православная церковь и александрийская православная церковь последовательно признали статус автокефалии новой украинской церкви после Константинопольской православной церкви. Правительство США продолжает поддерживать новую украинскую церковь.

Ключевые слова: религиозные конфликты, ПЦУ, русская православная церковь, кризис в православном мире.

Religious disputes between Russia and Ukraine in 2019

In 2019, the struggle between Russia and Ukraine in the field of religion is still fierce. The Orthodox Ukrainian Church (PCU) and the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate begin to compete for internal church resources in Ukraine. Religious conflicts in Ukraine continue. After breaking up with the Church of Constantinople, the Russian Or-

* **Лю Болин**, младший научный сотрудник отдела политики, общества и культуры России при институте России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР (г. Пекин, КНР).

Liu Bolin, Junior Researcher, Department of Politics, Society and Culture of Russia at the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Academy of Social Sciences of the PRC (Beijing, PRC).

thodox Church took a number of measures to counter the actions of the Patriarchate of Constantinople to provide autocephaly to the new church of Ukraine. The incident with the Ukrainian church caused a crisis in the Orthodox world: the Greek Orthodox Church and the Alexandrian Orthodox Church successively recognized the status of autocephaly of the new Ukrainian church after the Orthodox Church of Constantinople. The US government continues to support the new Ukrainian church.

Keywords: religious conflicts, PCU, Russian Orthodox Church, crisis in the Orthodox world.

11 октября 2018 года Константинопольский Патриарх решил предоставить автокефалию Украинской Православной Церкви. Эта резолюция была решительно отвергнута Московским Патриархатом, который объявил, что разорвет связь с евхаристией Константинополя. В декабре 2018 года представители трех существующих Православных Церквей в Украине совместно созвали «Конференцию Объединения», которая объединила три существующих Православных Церкви в Украине в новую Православную Церковь Украины (ПЦУ). Но Украинская Православная Церковь Московского Патриархата не согласилась с резолюцией. УПЦ лишила двух иерархов сана за участие в «объединительном соборе». В январе 2019 года Патриарх и члены епископальной церкви Константинополя подписали Томос, официально подтверждающий автокефалию Православной Церкви Украины (ПЦУ).

В результате ряда акций Константинополя, Церковь в Украине была разделена, что усугубило конфликт между Россией и Украиной, привело к распаду отношений России и Константинополя, а также вызвало беспорядки в православном мире в 2019 году. Россия и Украина всё ещё борются за религию в 2019 году.

Борьба за церковные ресурсы между УПЦ МП и ПЦУ. Со времени получения статуса автокефалии ПЦУ, религиозные конфликты в Украине продолжались, и религиозная ситуация была чрезвычайно тяжелой. Недавно созданная ПЦУ предприняла некоторые жесткие меры, чтобы бороться за приходские ресурсы Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, который вызвал осуждение со стороны России.

Митрополит ПЦУ Епифаний утверждает, что новая церковь укреплена в 2019 году, и около 600 приходов, ранее принадлежавших УПЦ МП, переданы ПЦУ. И он считает, что в будущем будет волна такого масштабного перехода.

С начала 2019 года ПЦУ захватили церкви УПЦ МП. Захват церкви часто сопровождается жестокими столкновениями, и даже местная

полиция участвовала в ней. Активисты ПЦУ обычно носят оружие и ранят священников и мирных верующих УПЦ МП, а местная милиция часто участвует в грабеже или ничего не делает.

За действия новой церкви, УПЦ МП неоднократно осуждала в СМИ. Представитель УПЦ МП заявил, что они подверглись публичной дискриминации и изгнанию со стороны тех, кто находится у власти, членов националистических групп и новой церкви, и что средства массовой информации выступили против них в украинских СМИ. Оккупирование УПЦ МП, арест духовенства, захват земли УПЦ МП, и таким образом украинские власти выполняют обещание об «исключительно мирном и добровольном переходе приходов, в четкой определенной законом процедуре» [4].

С 2019 года Русская православная церковь приняла ряд конкретных мер против решения Константинопольского Патриархата о предоставлении ПЦУ статуса автокефалии, чтоб защищать лидерство Московского Патриархата над Украинской Церковью. Русская православная церковь часто делает заявления об этих событиях, разоблачая и осуждая действия новой украинской церкви, и выражая свою позицию.

26 февраля 2019 года Московский Патриархат принял заявление о том, что Константинопольский Патриархат предоставил так называемой ПЦУ (путем искусственного объединения двух разделенных организаций) Томос «Об автокефалии церкви». Это действие углубило разделение Украинской Православной Церкви и действительно обострило отношения между Церквями.

Кроме того, на официальном сайте Московского Патриархата открылась колонка под названием «В защиту единства Русской Православной Церкви», в которой часто публикуются заявления о событиях, связанных с новой церковью в Украине. В качестве другого примера, в мае 2019 года Православная энциклопедия Церковного научно-исследовательского центра опубликовала сборник документов о возвращении Киевской митрополии епархии Русской православной церкви с 1676 по 1686 год. Эта публикация является наиболее полным архивом воссоединения Киевской митрополии с Русской православной церковью. В архиве официально фиксируется история возвращения Киевской митрополии епархии руководству Русской православной церкви, и ее авторитет не подвергался сомнению ни одной поместной церковью. Согласно записям, в то время Константинопольская церковь полностью признала юрисдикцию Русской Православной Церкви над Киевской митрополией епархией.

Русско-украинские церковные споры особенно заметны в Крыму. 28 января 2019 года российские власти конфисковали собор Святых равноапостольных Владимира и Ольги, который принадлежит ПЦУ. Это единственная церковь ПЦУ в Симферополе. В июле 2019 года российское министерство имущественных и земельных отношений в Крыму начало реконструировать собор. Епископ ПЦУ Климент дал в интервью, что «собор был разграблен» [1].

Кроме того, крымские власти неоднократно отказывались регистрироваться ПЦУ. Украинские власти говорят, что ни одной украинской церкви не разрешено регистрироваться. Точная причина будет известна при получении документов. Сергей, юрист украинского «Регионального центра по правам человека», сказал: «Они каждый раз делают разные отказы. Они делают это просто для того чтобы не регистрировать. Когда они ищут какие-то недостатки в представленных документах, то, как правило, второй раз подают, устранив их. Они находят новые, о которых раньше не говорили. Два отказа уже таких было» [3].

Спор между Русской Православной Церковью и Константинопольской Православной Церковью. В дополнение к усиленной борьбе с Украиной продолжалась борьба между Русской Православной Церковью и Константинополем. Их борьба была сосредоточена как на том, к кому западноевропейский экзархат русских приходов принадлежит, так и на том, кто имеет право пасти турецких православных. В сентябре 2019 года большинство священников в западноевропейском экзархате русских приходов приняли призыв к слиянию с Русской православной церковью. До этого они принадлежали Константинопольскому Патриархату.

По мнению украинской стороны, «После предоставления автокефалии ПЦУ Москва спровоцировала раскол в западноевропейском экзархате русских приходов Константинопольского патриархата.» «произошла беспардонная церковная аннексия, которую вполне можно сравнить с путинской аннексией Крыма.» [2].

Помимо конкуренции с Константинополем за ресурсы в православном церковном округе Западной Европы. Обе стороны также соревнуются за православных христиан Турции. После разрыва с Константинопольской церковью Русская православная церковь постепенно проникла в Турцию, которая традиционно принадлежит Константинопольскому канону.

С того момента, как Русская Православная Церковь отделилась от Константинопольской Церкви, Русская Православная Церковь постепенно начала готовить богослужения для русскоязычных православ-

ных христиан в Турции. Глава отдела внешних церковных связей РПЦ митрополит Иларион сообщил, что «Сейчас, в ситуации разрыва, у нас не будет иного выхода, кроме как направлять священников Русской православной церкви для пастырского окормления наших верующих» [5].

Российские политологи считают, что богослужения священнослужителей Русской православной церкви в патриархальной зоне Константинополя нужны не только русскоязычным людям – этот шаг должен помочь всем жителям Константинополя – православным христианам в «расколотом» царстве. Православные верующие в Турции традиционно являются пасторами в Константинопольском Патриархате, так как Турция исторически была ее канонем.

Российский политолог Аркадий Малер считает, что «С того момента, как Константинопольский патриархат оказался в ереси, он потерял свою каноническую территорию. Любая поместная православная церковь, в том числе Московский патриархат, теперь может заниматься своей миссией и открывать там приходы – и чем скорее, тем лучше. Иначе миллионы православных людей останутся в заложниках у раскольников» [6].

Потрясение православного мира из-за Русско-украинских церковных споров. В 2019 году Русская православная церковь вела борьбу с ПЦУ и Константинопольским Патриархатом за церковные ресурсы и общественное мнение. Кроме того события в Украинской Церкви также вызвали большой шок в Православной Церкви: до создания ПЦУ, 13 других поместных церквей в мире (за исключением Константинополя и Русской Православной Церкви) взвешивали партии. Они думают о плюсах и минусах, потом примут собственное решение – признают статус ПЦУ или последуют темпам Русской Православной Церкви и решительно выступают против законности ПЦУ. ПЦУ признана тремя местными автономными церквями в 2019 году (включая поместную церковь в Константинополе). Это большое достижение для новой украинской церкви в 2019 году, но для Русской православной церкви это провал церковной дипломатии.

В октябре 2019 года Элладская православная церковь признала ПЦУ, которая является первой поместной церковью после Константинопольской Патриаршей церкви, признающей новую украинскую церковь. Потом Русская православная церковь решила отказаться от общения с ней. 8 ноября 2019 года Патриарх Александрийский официально признал ПЦУ.

Видно, что сейчас Россия сталкивается с большими проблемами в православном мире. В ответ Патриарх Московский отказался произ-

носить имена Александрии и патриархов Африки в молитве. После Константинопольского Патриарха и Епископа Эллады, Патриарх Александрийский в лице одной из старейших церквей в мире, был также исключен из списка местных церковных лидеров.

26 декабря 2019 года синод московского патриархата принял решение об отмене юрисдикции Александрийской церкви над Русской православной церковью в африканском приходе. И синод также решил прекратить представительство Патриарха Александрийского в Москве, а представительство Московского и Всероссийского Патриарха Кирилла в Александрии станет приходом Русской Православной Церкви в Египте.

ПЦУ поддерживалась США с момента ее создания. В январе 2019 года, в начале создания новой украинской церкви, государственный секретарь США Помпео поздравил Украину с ее статусом автономной церкви. Очевидно, что православный мир не будет спокойным в 2020 году. Россия и Украина будут продолжать конкурировать в дипломатии и стремиться к внешней поддержке для себя. Россия по-прежнему сталкивается с проблемами в православном мире.

Вывод. 2019 год – первый год, когда ПЦУ получила Томос Патриарха об автокефалии церкви. Этот год был тревожным годом для Русской Православной Церкви и для Украинской Православной Церкви. С одной стороны, Русская Православная Церковь должна защищать положение и право УПЦ МП в Украине и реагировать на религиозные споры в Украине посредством общественного мнения и практических действий; с другой стороны, необходимо также сохранить свой статус и влияние в православном мире на события украинских церковных споров и дать отпор церкви Константинополя, сохраняя свой авторитетный статус среди русских православных верующих.

Наконец, спор между Русской Православной Церковью и Украинской Православной Церковью вызвал большой шок в Православной Церкви: некоторые местные церкви могут быть вынуждены делать разные выборы из-за внешнего давления или из-за своих собственных потребностей в развитии. Поэтому Русская Православная Церковь также сделает разные выборы в 2019 году. Активно реагируя на внешнюю ситуацию, в которой местные церкви в других частях мира выражали свою поддержку новой украинской церкви, они также стремились к поиску внешних сил поддержки себе и дипломатической борьбы с Украиной и поддерживающими её силами.

Кроме того, правительство США всегда выражало свою поддержку ПЦУ, и его глубокое намерение не меньше, чем уменьшить влияние Русской Православной Церкви в православном мире, а затем

ограничить Россию религиозными вопросами. Короче говоря, 2019 год – это год волнений в Православной церкви, а в 2020 году русская и украинская церкви будут продолжать конкурировать на этой основе, чтобы усилить свою силу и влияние.

Источники и литература

1. В Крыму разграбили собор ПЦУ [Электронный ресурс] // Аналитический портал // URL: <https://ru.slovoidilo.ua/2019/07/25/novost/obshhestvo/krymu-razgrabili-sobor-pcu>.
2. «Именно так Кирилл и Путин понимают веру» (Портников предупредил о мести РПЦ) // Ежедневное украинское газетное интернет-издание // URL: https://www.dialog.ua/blogs/194239_1573286050 (дата обращения: 10.03.2020).
3. Оккупационные власти отказали в регистрации ПЦУ в Крыму // Украинское интернет-издание // URL: <https://flot2017.com/okkupacionnye-vlasti-otkazali-v-registracii-pcu-v-krymu/> (дата обращения: 10.03.2020).
4. Представители «новой церкви» попытались захватить храм УПЦ // РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20190808/1557309072.html> (дата обращения: 13.03.2020).
5. РПЦ направит священников в Турцию для богослужений на время конфликта с Константинополем // Интернет-издание // URL: <https://mk-turkey.ru/life/2018/11/12/v-turciyu-dlya.html> (дата обращения: 14.03.2020).
6. Эксперты оценили решение РПЦ проводить богослужения в Турции // РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20200122/1563757677.html> (дата обращения: 13.03.2020).

Г.С. Митыпова^{*}

Д.С. Фефелов^{**}

DOI: 10.25839/o1397-1527-5023-g

«Православие лайт»: формирование приходской жизни на территории Бурятии (XXI век)

В настоящей статье рассматриваются основные положения формирования приходов православной церкви на территории Бурятии, его основные параметры, прослежены основные этапы устройства приходов и их динамика, рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся церковных приходов. Применена попытка изучения прихода через призму понятия «облегченное восприятие» и уровня востребованности православной церкви в жизни современного общества на данной территории.

Ключевые слова: епархия, духовенство, церковь, приход, прихожане, территория, «облегченное православие».

^{*} **Митыпова Гунсема Сандаковна**, доктор исторических наук, доцент, Бурятский республиканский институт образовательной политики (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: gunsema53@mail.ru

Mitypova Gunsema Sandakovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Buryat Republican Institute of Educational Policy (Ulan-Ude, Russia). E-mail: gunsema53@mail.ru

^{**} **Фефелов Денис Сергеевич**, учитель истории и обществознания ГАПОУ Республика Бурятия «Селенгинский Политехнический техникум» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: denisfefeloff@gmail.com

Fefelov Denis Sergeevich, Teacher of history and social studies, GAPOU Republic of Buryatia "Selenginsky Polytechnic College" (Ulan-Ude, Russia). E-mail: denisfefeloff@gmail.com

«Orthodoxy light»: the formation of parish life in the territory of Buryatia (XXI century)

This article discusses the main provisions of the formation of the parishes of the Orthodox Church in the territory of Buryatia, its main parameters, traces the main stages of the organization of parishes and their dynamics and discusses some issues related to church parishes. An attempt is made to study the parish through the prism of the concept of “facilitated perception” and the level of demand of the Orthodox Church in the life of modern society in this territory.

Keywords: *diocese, clergy, church, parish, parishioners, territory, “facilitated Orthodoxy”.*

Современные исследователи отмечают процесс трансформации жизни с различных сторон, отмечая тенденции к серьезному ухудшению качества жизни населения страны, его дифференциации, деградации человеческого потенциала с ростом безработицы, маргинализация общества. Все это требует переосмысления как методологии исследования социально-религиозных явлений с позиций философско-мировоззренческих подходов – материалистической, идеалистической диалектики и сопряженной с последней метафизическим дискурсом [1, с. 76; 2, с. 69; 3, с. 10]. Актуализация данного спектра методологии усиливается в связи с историческим модусом анализа процессов формирования религиозно-конфессиональных институтов, и в первую очередь институтов православной церкви в восточносибирском регионе.

Православная церковь обращает свое пристальное внимание на формирование церковного прихода в селах и городах России и в том числе в Бурятии. Со времени восстановления институтов православной церкви на территории Бурятии прошло уже более четверти века. С 90-х гг. XX в. исследование состояния формирования православных приходов, их численности, численность приходов, «наполняемость» верующими восстановленных и отстроенных вновь зданий церковью является одной из актуальных проблем в жизни современного общества и одним из важных индикаторов духовного здоровья народа [6].

Наглядна динамика роста религиозных организаций в республике в постсоветский период. Если в 1994 году было зарегистрировано 56 религиозных организаций, то в 1995 г. – 81 организация, в 1998 г. – 113, 2006 г. – 184, в 2009 г. – 190, в 2015 г. – 228. В этом ряду религиозных организаций, количество зарегистрированных приходов православной церкви, относящихся к Московскому Патриархату, насчитывается порядка 77, не прошедших регистрацию, где-то 37, которые активно начинают свою деятельность [8]. Активизация деятельности православной церкви по формированию церковных приходов на территории Бурятии, наличие сформированной церковно-административной структуры, каким и являются современные Улан-Удэнская и Бурят-

ская епархия, Северобайкальская и Сосновозерская, позволила подойти к изучению вопросов о церковных приходах в регионе.

В 2015 году определением Священного Синода РПЦ, была образована Бурятская митрополия, в состав которой вошли Улан-Удэнская и Северобайкальская епархии. Таким образом, после реорганизации Улан-Удэнской и Бурятской епархии из её состава была обособлена Северобайкальская епархия, куда вошли восточные и северные районы Республики Бурятия. А территория Улан-Удэнской епархии в свою очередь включала в себя центральные, западные и южные районы республики Бурятия и округ города Улан-Удэ, который остался центром образованной митрополии.

На сегодняшний день в рамках церковной организации действуют структурные подразделения по основным направлениям деятельности: отдел религиозного образования, отдел по работе с молодежью, информационный, миссионерский и др. отделы.

В настоящее время в Бурятии «общее количество храмов, часовен и иных молитвенных помещений насчитывает 138 единиц. Число мужских обителей – 2, женских – 1. Число приходов, имеющих юридическую регистрацию – 77. Число приходов, не имеющих юридической регистрации – 37. Всего на канонической территории епархии несут свое служение 60 священнослужителей» [8].

В современной религиозной ситуации в Республике Бурятия присутствуют ряд признаков:

- 1) сохранение исторически свойственной для региона православной среды в социокультурном пространстве.
- 2) интенсивное развитие процесса религиозного возрождения, повышение роли православной церкви в культурной политической и общественной жизни республики.
- 3) увеличение доли зарегистрированных организаций, относящихся к Московскому Патриархату.

В целом, наблюдается позитивная динамика возрождения православия в республике Бурятия в данное десятилетие период прошла по тому же сценарию, что и в других регионах России. В 2014 г., обсуждая тему границ приходов, Священный Синод подчеркнул «важность воссоздания общинного строя приходской жизни», уровень и степень приходов в жизни современного общества интересует исследователей.

Сегодня многие иерархи православной церкви считают, что облегченное восприятие православной веры – это лишь одна из многочисленных проблем существования христианства в современном мире. Понятие «православие – лайт» рассматривает, как «облегченное

православие», что – это «вера мира сего». Раскрывая данное положение, Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин, отмечает, например, что для человека проявления веры сводятся к каким-то внешним обрядам, традициям, этнографическим обычаям – ко всему тому, что не только не является сутью веры, но и вообще довольно условно и видоизменяемо во времени.

«Православие – лайт» нужно не столько людям верующим, сколько тем, кто называет себя таковыми при социологических опросах. Известно, что сегодня не прекращается дискуссия, сколько же в России православных. Одни говорят, что 80%, другие – что не более 1–5%. При таком разбросе мнений найти истину бывает нелегко. В последнее время пытаются подсчитывать количество верующих людей и по числу присутствующих на Пасхальном богослужении [5].

Одной из задач исследования является не только статистическая «чистота» данных о численности прихожан, но и роли церкви в жизни человека. Приведем таблицу, которая знакомит с данными о крещении, венчании и отпевания, т.е. характеризует процесс «воцерковленности» прихожан Северобайкальской и Сосновоозерской епархии [7].

Данные за 2017 г.:

Населенный пункт	Крещение до 1 года	Крещение от 1 года	Венчания	Отпевания
Северобайкальск	59	205	9	68
Таксимо	30	103	0	11
Новый Уоян	7	28	0	12
Нижнеангарск	5	71	0	15
Сосново-Озерское	2	33	0	24
Хоринск	11	100	0	40
Багдарин	3	58	0	8
Кижинга	4	41	0	17
Новокижингинск	1	22	0	5
Верхние Тальцы	11	25	0	0
Баргузин	16	9	0	44
Усть-Баргузин	20	87	0	42
Максимиха	4	35	0	0
Курумкан	6	15	0	11

Теперь о соотношении жителей тех или иных населенных пунктов и численность верующих периодически посещающих церковь. Согласно данным, предоставленным церковными службами, мы видим,

что в населенных пунктах, таких как Северобайкальск (24 101 чел.), Баргузин (5 982 чел.), Таксимо (8951 чел.), Хоринск (9 401 чел.), Багдарин (5 700 чел.), Сосновоозерск (6444 чел.), имеются приходы, в которых священник находится постоянно, богослужения проводятся регулярно. Фиксируемые статистические факты крещения, венчания и отпевания (основные жизненные вопросы), по которым обращаются прихожане, дают нам численные данные – при крещении присутствуют родители, старшее поколение семьи, крестные и друзья, это порядка 10–12 человек, при венчании могут быть меньшее количество человек, чем при самом свадебном торжестве – порядка 5–7 человек, отпевании более 10–20 человек, сопричастных ушедшему. В целом в 3-х церковных таинствах принимают участие не менее 30 человек, при простом подсчете только на крещение, венчание и отпевание численность верующих в г. Северобайкальск составило не менее 10 тыс. чел., когда как численность населения в 2015 г. составляет 24 101 чел.

Особо отметим, что количество крещеных детей возрастает, а вот восстановление традиции венчания еще далеко от традиционных до-революционных показателей, когда все жители, относящиеся к тому или иному приходу, венчались в храме [4]. Вместе с тем, отмечаем, что необходимо также определение уровня соотношения проблем публичной ритуализации частной жизни прихожан в храме, связанной с явлениями семейной жизни, рождения и смерти, бракосочетания и отпевания в контексте непосредственных элементов региональной культуры, поскольку данные факторы являются одним из необходимых элементов формирования приходской жизни.

Были проведены опросы, интервью и беседы у жителей различных районов Бурятии. Ответы на вопросы: «насколько часто посещаете церковь?», «считаете ли себя верующими, православными?», показали, что церковь, в основном, посещают в праздничные дни: ставят свечку, красят яйца, в родительский день поминают родителей. Таким образом, подтверждается в какой-то мере тезис об «облегченном православии» («православие лайт»). Предварительный анализ за 2015, 2016, 2017 гг. посещения церквей в городах Улан-Удэ, Кяхта и Северобайкальск верующими показал, что основными категориями посетителей можно считать женщин, есть дети, изредка встречается молодежь, мужчины. Опрос жителей показал, в частности, что православными считают себя из 42-х опрошенных где-то порядка 50%, но посещают церковь в основном в праздничные дни, на исповеди и причастии бывают менее 10%. Хотя мы считаем, что эти цифры достаточно условны. Также при опросах жителей в возрасте 30–40 лет,

занимающихся образовательной деятельностью, проживающих в разных районах республики, выявлены респонденты, одновременно посещающие буддийские дацаны и православные храмы. Есть респонденты, которые себя относят к атеистам, что свидетельствует о полирелигиозном характере части населения, а также индифферентном отношении в вопросах обращения к священнику, посещению храма [7].

Подводя итоги, можно выделить несколько позиций, характеризующих анализируемые процессы.

I период – это период динамичного восстановления приходов *в исторически сложившихся городах и населенных пунктах*, где до начала XX века, до ликвидации церкви, как социального института, уже существовали приходские церкви, в это время основу прихожан составили участники восстановительного процесса.

Таким образом, объединяющим началом формирования церковных приходов явился процесс восстановления храмов, в эти годы и сформировалось ядро духовенства и прихода церкви.

II период – как *время формирования новых приходов, строительство новых зданий церквей в местах промышленного освоения территорий в XX веке*, в данном процессе, имеются и свои особенности: в проблематике сопряжения православной церкви с миссиологической точки зрения применительно к данной территории, можно обозначить следующий аспект:

Города, поселения Бурятии – это города Гусиноозерск, Северобайкальск, часть г. Улан-Удэ, районы которых отстроены в годы индустриального развития (авиазавод, мелькомбинат и мясокомбинат), новые поселения, такие как район Тугнуйского угольного разреза и другие сформированы в советское время, в условиях отделенности церкви от государства. В этих городах и микрорайонах проживают люди, выросшие в атеистическое время, задачи современного исследователя, понять каким образом религиозные вопросы, отношение к той или иной конфессиональной структуре, в том числе и православной церкви, могут «примкнуть» наши сограждане.

III период – связан с созданием самостоятельной Улан-Удэнской и Бурятской епархии, а впоследствии и с образованием митрополии, включающей в себя две епархии. Усилило влияние православной церкви создание епархии, а впоследствии и митрополии как самостоятельной церковной структуры на данной территории, пополнение духовенства за счет обучения в семинарии, катехизаторского курса и т.д.

Предварительное изучение позволяет выявить сложности и проблемы в «окормлении паствы» церковью: удаленность приходов, территориальная «разбросанность» населенных пунктов, бездорожье, отсутствие связи и т.д., этническая и конфессиональная неоднородность населения, среди жителей региона, где есть представители различных религиозных течений; сложное социально-экономическое состояние региона в целом, этот тезис относится и ко всей Бурятии.

Таким образом, процесс полного восстановления приходской жизни, вопрос сложный и неоднозначный и к основным выводным положениям по материалам исследования необходимо отнести следующее:

- сохранен приход, как место компактного расселения потомков русского православного населения;

- основной миссиологической задачей возрождающего прихода является «возвращение» понятия нравственных основ смысла жизни в приходе посредством «воцерковления» – включения в общинную жизнь местного населения;

- к инновациям можно отнести усиливающую роль социальных сетей, разработаны сайты церковных приходов, имеется «связь» личностного плана между настоятелем, священником и прихожанином через информационные системы, в блогах социальных сетей и т.д.;

- появление приходов в моногородах, новых микрорайонах городов и новых поселений, образованных в результате промышленного освоения территорий, можно с уверенностью назвать данное явление расширением и углублением миссионерского поля православия;

- возглавляют церковные приходы подготовленные кадры священнослужителей, имеющих наряду с духовным, богословским образованием и светское высшее образование, что позволяет вести беседы с прихожанином на различные актуальные темы современности;

К проблемным вопросам, относящимся к формированию и деятельности приходов, можно отнести следующее:

- интенсивное восстановление и строительство храмов и храмовых комплексов в исторически традиционных территориях и вновь сформированных содержание зданий храмов становится проблематичным, оплата за коммунальные услуги, электрическое освещение, поскольку многие приходы из-за малочисленного состава прихожан, затрудняются содержать здания;

- недостаточное количество священников, многие приходы «обслуживаются» священниками по определенному графику, т.е. отсутствует приходской священник в малонаселенных территориях, а

наибольшая «концентрация» священников приходится на храмы г. Улан-Удэ и других городах;

Возвращаясь к рассуждениям современного иерарха православной церкви, епископа Лонгина: «Нужно постараться принять то богатейшее, ни с чем несравнимое наследство, которое они нам оставили – нашу веру. Став православным по-настоящему – по духу, человек своей жизнью, без лишних слов, будет доказывать миру истину Православия и несостоятельность «православия-лайт» [5].

Есть надежда, что восприятие в облегченном «походе» в храм нашего современника уйдет в прошлое, а станет реальностью наполненная верой жизнь человека верующего, отводящего своего ребенка на крещение в храм.

Источники и литература

1. *Арзуманов, И.А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И.А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

2. *Арзуманов И.А., Личичан О. П.* Культурные ценности как факторы осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий / Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: материалы Междунар. науч.–практ. конф. Иркутск, 217 мая 2019 г. / [науч. ред. И. А. Арзуманов]; ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – С. 9–17.

3. *Арзуманов, И.А., Камедина, Л.В., Смирнов, А.Е.* Байкальский регион – дрейфующий остров "Середины Земли": социокультурные, религиозно-философские и профессионально-правовые границы: монография / И.А. Арзуманов, Л.В., Камедина, А. Е. Смирнов. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 235 с.

4. Материалы текущего архива Северобайкальской и Сосновоозерской епархии Бурятской митрополии. 2019 г. // <http://sbk-eparhia.ru/>

5. *Митрополиит Саратовский и Вольский Лонгин.* Прихожане, захожане и верующие. 23 ноября 2011 г. // URL: <http://www.pravoslavie.ru/50029.html>

6. Обращение Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 23 декабря 1998 г. // Московский церковный вестник, 1998, 29 декабря.

7. *Фефелов Д. С.* Полевые материалы автора 2015–2019 гг. Записи в ходе научно-практических конференциях, круглом столе в рамках 1 Региональных Рождественских образовательных чтений на тему: «Северный Байкал: православие и магистраль», на региональных Рождественских чтениях в г. Северобайкальск, 20–23 октября 2016 г.; Записи о посещении храма в Нижнеангарске, кафедрального собора Казанской Божией матери в г. Северобайкальск, январь, 2016 г.; Записи и интервью о религиозной ситуации в районах республики, январь 2018 г. Улан-Удэ, Еравнинский район, Селенгинский и Кабанский район, Посольский и Селенгинско-Троицкий монастырь.

8. Электронный ресурс // Сайт Бурятской Митрополии РПЦ МП, 2015 // URL: <http://www.uud-eparh.ru/index.php/700-let-prp-sergiyu>

Расцвет и упадок обновленческого движения в Восточной Сибири в 1922 – 1936 гг.

Статья раскрывает неизвестные страницы истории обновленческого движения в Восточной Сибири в 1922–1936 гг. Основное внимание уделяется вопросу распространения идей обновленчества, что было частым явлением на территориях, принадлежащих Русской Православной Церкви (далее РПЦ), в обозначенный период. Именно в эти годы набирает силу, а затем стремительно угасает обновленческое движение внутри РПЦ. Не обошли стороной эти события и приходы Восточной Сибири. Сибирское духовенство приняло активное участие в деле церковного обновления: в своё время были учреждены общесибирские обновленческие органы управления, и поставлены раскольнические митрополиты. Исследование положения церковных дел в Восточной Сибири в обозначенный период имеет историческую ценность, так как работ, посвящённых данной теме, очень мало.

Ключевые слова: обновленчество, Восточная Сибирь, тихоновцы, обновленцы, Русская Православная Церковь.

The rise and decline of the renewal movement in Eastern Siberia in 1922–1936

The article describes the unknown pages of history of the revisionist movement in Eastern Siberia in 1922–1936, he focuses on the question of the dissemination of ideas of renovations, which was frequent on territories of the Russian Orthodox Church (hereafter ROC), in the indicated period. It is during these years that the renewal movement within the ROC is gaining strength and then rapidly fading away. The parishes of Eastern Siberia were not spared these events. The Siberian clergy took an active part in the work of Church renewal: at one time, all-Siberian renewal authorities were established, and schismatic metropolitans were appointed. Study of the situation of Church Affairs in Eastern Siberia during the designated period has historical value, as there are very few works devoted to this topic.

Keywords: renovationism, Eastern Siberia, Tihonovna, the Renovationists, the Russian Orthodox Church.

Обновленческое течение в церкви, окрепшее и оформившееся в первые годы Советской власти, зародилось ещё в царское время. В 1905 году в Петербурге отдельные представители наиболее либерального петербургского духовенства открыто выступали за необходимость реформы церковной жизни. Низшие слои духовенства тяготились церковной самодержавной властью в лице высшей церковной иерархии, допускавшей всевозможный произвол по отношению к низшим «чинам», ставившей преграды к продвижению низового ду-

* Осипов Николай Сергеевич, священник РПЦ, Свято-Успенский храм (г. Братск, Россия).
Osipov Nikolai Sergeevich, Priest Russian Orthodox Church, Holy assumption Church Bratsk, Russia.

ховенства по службе и поддерживавшей и углублявшей экономическое неравенство среди служителей культа.

В годы Первой мировой войны всё сильнее стал ощущаться кризис православной церкви. Он был вызван двумя обстоятельствами: отдалением духовенства от народа из-за того, что официальная церковь требовала выполнения многих формальных обязанностей и прославляла терявшее свой авторитет самодержавие, и кризисом отношений между духовенством и монархической властью. Это ясно осознавали и церковные владыки. В отчете за 1915 г. епископ Забайкальский и Нерчинский Иоанн писал: «Отношения между духовенством и прихожанами с 1906–1907 гг. со времени так называемого освободительного движения, ухудшились...» [1, с. 135].

Изначально отношение Советской власти к сибирской церкви было однозначным и категоричным: «Церковь, активно участвовавшая на стороне буржуазии в совершении контрреволюционного переворота, отдаёт себя в полное распоряжение колчаковской реакции. По всей Сибири духовенство проводит епархиальные съезды, мобилизуя все силы реакции на поддержку установившейся военной диктатуры Колчака. Епископ киренский Зосима (в 1922 г. примкнул к обновленчеству. Управлял Иркутской епархией до 1923 г. ... В этом же году снял с себя сан, и вступил в брак, открыто выразил желание всей религиозной контрреволюции быть верной и надёжной опорой колчаковской власти: «Приветствовать верховного правителя и всеми силами помогать правительству в его работе» [2, с. 24].

По России наблюдался повсеместный спад духовной жизни, и в первую очередь это явление затронуло духовенство. В чём это выражалось? Высшее духовенство (епископы, архиепископы и митрополиты) вело роскошную и разгульную жизнь, оно погрязло в пышности и практически забросило дела церковные. Видя это, белое духовенство начало открытую борьбу с черным духовенством. Священники перестали подчиняться епископам, и тем самым, ощущая свободу, сами впадали в мирские дела. Стали нередкими второбрачие священства и блудное сожителство. Многие сельские священники стали спиваться. Монастыри стали самостоятельной церковной силой, которая жила по своим законам. Естественно, в такой ситуации простой народ стал удаляться от церкви, их отталкивали, как и сама разруха в церковных делах, так и отсталость самой церкви от реалий современной жизни (например, многие выступили за замену церковно – славянского языка русским).

Постепенно в рядах священства стали появляться прогрессивные круги, которые выступали за церковное обновление. Обновленческий

раскол в Русской Православной Церкви был далеко не единственным расколом в истории Русской Церкви XX века. Ещё до революции в России существовали раскольники внутри Церкви. Наиболее массовыми были духоборы, христоверы, молокане, субботники и новоизраильцы. Все они выступали за различные изменения канонов Русской Православной Церкви. Обновленческое движение в начале не было единым. В 1922 г. возникшая «Живая Церковь» раскололась, породив группу под названием «Церковное Возрождение». В то время как «Живая Церковь» осуждала монашество, была сторонницей ликвидации монастырей и ориентировалась на рядового священника, оставляя в стороне мирян, группа «Церковное Возрождение» стремилась сохранить монашеский институт и ориентировалась на либеральные круги верующих и городское духовенство.

Наряду с этими выделилась ещё одна группа – «левое крыло Живой Церкви», которая ставила своей целью борьбу с поповством и шаманством, за систему выборности служителей культа и т. д. Все эти обновленческие течения существовали и в Сибири. Сибирским центром живоцерковников вначале был г. Томск, а затем центр был переведён в г. Новосибирск. В среде духовенства возникло новое движение, так называемая «живая церковь» или «обновленчество», вставшее на путь «признания» советской власти и её законов. Это течение в 1922 г. перекинулось и в Сибирь, где была отображена вся последующая борьба внутри Русской православной церкви. В 1923 г. Сибирский областной церковный совет обновленческой церкви опубликовал воззвание к «православному народу», в котором патриарх Тихон был выставлен, как противник советской власти и виновник церковного раскола.

Сибирский обновленческий церковный совет в том же году в газете опубликовал официальное заявление, в котором даже настаивал на предании суду патриарха Тихона. В Новосибирске было организовано второе сибирское церковное управление, стоявшее на платформе «церковного возрождения». Затем эти группы ликвидировались, перейдя или к тихоновцам или к обновленцам. Сибирским центром живоцерковников вначале был г. Томск, а затем центр был переведён в Новосибирск. Декларация областного церковного совета обновленческого движения в Сибири содержит очень интересные и характерные фразы: «Сибирская церковь стоит на принципе признания справедливости совершившейся в России социальной революции» и «сибирская церковь осуждает всякую контрреволюцию со стороны церковных деятелей, как вовлечение церкви в несвойственную её, приви-

тую веками сожиганием церкви с государством, область политиканства мешающую ей стоять на возвещённых в евангелии основах правды христовой... Наиболее реакционная часть сибирского духовенства, так называемые тихоновцы, враждебно встречали обновленцев. Стронники патриаршей Церкви Тихона всячески клеймили обновленческих попов и для отпугивания от них верующих масс обвиняли их в продажности коммунистам и Советской власти» [3, с. 36].

1 февраля 1923 г. обновленческое ВЦУ вынесло постановление о созыве собора, который оно именovalo вторым Всероссийским поместным собором православной церкви. 2 мая (в некоторых источниках указана дата 29 апреля) 1923 г. в Москве в захваченном храме Христа Спасителя открылся Поместный Собор РПЦ. Собор должен был пересмотреть все стороны церковной жизни: веро – и нравоучения, богослужение, церковноприходское управление и т. д. Но в процессе работы собора выяснилось, что сами обновленцы не были готовы к столь радикальным преобразованиям. Собор лишь единодушно одобрил социалистическую революцию, осудил капитализм, была отменена анафема в адрес Советской власти, патриарх Тихон был лишён не только патриаршего сана, но и монашества.

Положительно были решены ещё девять вопросов [4, с. 626].

1. О белом и женатом епископате (собор признал необходимым ввести в жизнь женатый епископат).

2. О второбрачии духовенства (собор разрешил второбрачие духовенства).

3. О мощах (собор осудил фальсификацию их нетленности и предложил вскрытые мощи оставить в открытом состоянии).

4. О монастырях (собор постановил закрыть городские монастыри).

5. О реформе календаря (собор предложил перейти с 12 июня 1923 г. на новый стиль).

6. О духовной эмиграции (собор отлучил от церкви «Русскую православную церковь за границей»).

7. Об управлении РПЦ (собор во главе поставил Высший Церковный Совет из 18 человек).

8. Об автокефалии Украинской Церкви (собор её признал).

9. О реформах Церкви (по этому вопросу не было принято каких-либо общих мер, собор лишь признал необходимость этих реформ).

Собор продолжался в течение шести дней. В лжесоборе участвовало 476 делегатов [5, с. 97]: 287 выборных от епархий и 139 назначенных ВЦУ. Среди них – 62 архиерея, 56 епархиальных уполномоченных и 70 представителей от центральных комитетов раскольниче-

ских группировок, которые разбились на партии: 200 «живоцерковников», 116 делегатов от СОДАЦ, 10 «возрожденцев», 3 беспартийных обновленца и 66 человек, которых называли «умеренными тихоновцами», подчинившихся ВЦУ по малодушию, были также и женщины. Ни одна православная Церковь не прислала на лжесобор своих представителей. Почётным председателем избрали лжемитрополита Московского Антонина, председателем – лжемитрополита Сибирского Петра (Блинова). «Лжесобор» от «живоцерковников» приветствовал Красницкий, от СОДАЦ – А. Введенский, и оба говорили во здравие Советской власти. Один из инициаторов обновленческого движения в Сибири Пётр Блинов [3, с. 40]. Самой главной задачей собора, поставленной Советской властью, была полная дискредитация Святейшего патриарха Тихона. Документ, лишавший патриарха Тихона первосвященнического сана, был подписан 54 архиереями.

4 мая 1923 г. особая комиссия во главе с лжемитрополитом Сибирским Петром была допущена к патриарху Тихону. Она вручила ему грамоту о лишении сана. Патриарх Тихон написал: «Прочёл. Собор меня не вызвал, его компетенции не знаю и потому законным его решения признать не могу» [5, с. 98]. Но обновленцы, всё же, известили Восточных Патриархов о низложении Тихона и просили восстановить братское общение с РПЦ. Решения собора, касающиеся реформ, восстановили против них немало священнослужителей и мирян. Этим воспользовался патриарх Тихон, решивший дать обновленчеству открытый бой. 6 мая А. Введенского в храме Христа Спасителя торжественно хиротонисали в архиепископа Крутицкого. В рукоположении участвовало 11 архиереев [6, с. 298]. Лето 1923 г. для обновленцев нанесло серьёзный удар – неожиданно, внезапно освободили патриарха Тихона. И он, в свою очередь, 16 июня 1923 г. написал обращение в Верховный суд РСФСР с письмом следующего содержания: «...заявляю Верховному Суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо – белогвардейской контрреволюции» [7, с. 98]. 4 июля 1923 г. в «известиях ВЦИК» появилось написанное Тихоном обращение к епископату, духовенству и мирянам.

Оба документа имели принципиальное значение: они санкционировали переход на позицию лояльности к Советской власти всей РПЦ. 15 июля 1923 г. Тихон пишет ещё одно послание, в котором объявляет о своём возвращении к руководству церковью. Собор обновленцев был осуждён и его решения считались недействительными. Все рукоположенные епископы, священники и диаконы обновленцами счита-

лись лжесвященнослужителями. С этого времени начинается открытая борьба патриарха Тихона с обновленцами. Лидеры обновленцев не смогли нейтрализовать критические выпады патриарха. Ряды их сторонников редели, большинство их сторонников возвращались в патриаршую церковь. С кончиной патриарха Тихона у обновленцев возросли надежды на победу над тихоновщиной. Невозможность выбрать нового патриарха вызовет, как им казалось, смятение среди верующих, и тогда им удастся переманить к себе большую часть паствы. Правда, надежды на успех разделяли не все деятели раскола. Один профессор в статье, напечатанной в обновленческом «Вестнике», трезво и достаточно мрачно оценивал позиции своих единомышленников – пустые церкви, нищие священники, окружённые ненавистью народа [7, с. 98].

Тем самым внутри Русской православной Церкви образовалось три центра [3, с. 35]. Местоблюститель митрополит Сергей (основные центры в Сибири – Омск, Минусинск, Иркутск, Красноярск и Новосибирск); Синод обновленческой церкви (основной центр в Сибири – Новосибирск); ВВЦУ (основные центры в Сибири – Томск, Барнаул и Красноярск).

Вступление Сергея в должность заместителя патриаршего местоблюстителя вызвало сопротивление со стороны Советской власти. Ему было запрещено выезжать из Нижнего Новгорода.

Изданный летом 1926 г. митрополитом Сергием проект Декларации «Православным преосвященным Архипастырям и пастырям и пасомым Московского Патриарха» от 10 июня 1926 г., в которой говорилось: «Одною из постоянных забот нашего почившего Св. Патриарха было выхлопотать для нашей православной Патриаршей Церкви регистрацию и вместе с ней возможность полного легального существования в пределах СССР» [7, с. 130]. Проект был отвергнут официальными властями, потому что, помимо стремлений легализоваться, не устраивала Советское государство и сдержанность документа: не было запрещено священнослужение русских зарубежных епископов, государство не получало согласия митрополита Сергия на беспрепятственное перемещение неугодных властям иерархов. Проект не разрешили даже опубликовать. Невозможность стабилизировать положение церкви правовым путём, а также боязнь смерти находившегося в тюрьме Петра толкнули митрополита Сергия на организацию тайных выборов патриарха путём опроса епископов. Властями этот шаг был рассмотрен как политический заговор. Количество обновленческих и тихоновских приходов в Сибирском крае в 1929 г. выглядело так: обновленческих – 740 приходов; тихоновских – 1480 приходов.

Из них: а) Сергиевцы – 1115 приходов, б) Григорьевцы – 315 приходов, в) автокефалисты – 50 приходов [3, с. 38].

В первое время обновленческое течение имело значительные успехи. В 1924 г. в Сибирском крае и Бур – Монголии ССР у обновленцев было 1158 приходов, а у тихоновцев 807. Но в последующие годы тихоновское течение быстро берёт перевес в борьбе с обновленчеством, и к 1927 г. имеет уже 1566 приходов, оставив в распоряжении обновленцев только 724 прихода. Постепенно начинают исполняться условия легализации Церкви. Синод издаёт указы о поминовении за богослужением властей, об увольнении на покой сосланных епископов и назначении вернувшихся на волю епископов в дальние епархии. На имя митрополита Сергия стали приходить письма с выражением протеста против новой линии Патриархии. Внутри церкви вновь начинаются распри.

По оценке А. Долотова, «борьба внутри церкви, алчность попов и их нравственная распущенность способствовали также и разочарованию в религии верующих масс. Понижается посещаемость верующими богослужений и не соблюдаются многие религиозные обряды. К 1929 г. по Сибири было уже несколько десятков бездействующих церквей» [3, с. 40]. Внутренние противоречия в среде деятелей церкви всех направлений, интриги, склоки и скандалы, хорошо характеризуются следующими документальными свидетельствами: «Из доклада высокопреосвященнейшему Василию, архиепископу Иркутскому и Верхотенскому от председателя Новониколаевского Епархиального церковного совета, митрополита Петра, следует: «Тихоновский епископ, приживающийся в Новониколаевске, Никифор (Асташевский), приблизительно 73 – летний старец, перерукоположил: священников каннской епархии: Василия Ананьева, Иоанна Евстигнеева, Прокопия Калиновича, и диакона Берского». Митрополит также докладывает, что Асташевскому было послано письмо, для обоюдного решения вопросов и возможности примирения обновленцев и тихоновцев. Но Асташевский остался верен себе. Он ответил молчанием и на беседы не явился» [8, с. 8–13].

Доклад архиепископа Сергия в Сибирский Областной Совет о деятельности протоиерея Николая (Асташевского) гласил: «Асташевский служит в Преображенской церкви г. Томска с 20 ноября 1922г. 25 мая 1923 г. он был уволен за противообновленческое направление. Асташевского поддержали близкие ему люди – Успенский и профессор Миролюбов. Асташевский критиковал выпущенные архиепископом обновленческие идеи в «Азбуке церковного обновления». Доклад высокопреосвященнейшего Василия, архиепископа Ир-

кутского, свидетельствует о не слишком высоком авторитете трёх сибирских епископов – монахов традиционной ориентации.

– Алексей Буй – в Омске с марта 1924 г. по февраль 1925 г. Он был на поводе у тихоновских городских попов и кулаков. Они давали ему деньги. Буй посылал своих уполномоченных по епархии, и, они зачастую развезжая на велосипедах, мучили народ. За всё время пребывания на кафедре не сказал ни одной проповеди. Имел много поклонниц – женщин.

– Анатолий Каменский – в Омске был меньше месяца. Внезапно скончался от припадка астмы в Братской церкви, куда приехал к Всенощному бдению.

– Виктор Богоявленский – в Омске с апреля 1925 г. заявил, что приехал устроить епархию. Действует дипломатично и необычно хитро. Часто ездит по всей епархии. Рукополагает попов без разбора. Пишет послания, в которых объявляет обновленцев еретиками. Знаком с бывшим патриархом Тихоном, который его и поставил.

К 1930 г. около 37 архиереев отказались от административного подчинения митрополиту Сергию, выступая против компромиссов с властью и не признавая никаких реальных внешних обстоятельств церковной жизни. Помимо внутри церковных распрей ещё и государство усиливало свой нажим на религию. Духовенство и клирики были лишены избирательных прав или ограничены в отдельных политических и гражданских правах; с 1930 г. они отдавали в казну 75% своих «нетрудовых доходов». Была установлена для священников высокая квартплата.

К 1 января 1930 г. осталось только 224 церкви в Москве [5, с. 188]. Это почти в два раза меньше по сравнению с 1917 г. По всей России шла борьба с колокольным звоном, иконами и т. д. В 1929–1931 гг. арестам, ссылкам, тюремному заключению подверглись тысячи священнослужителей. Но помимо правительственных акций против Русской Церкви, её продолжали раздирать и обновленческие расколы. Постепенно они стали сходить на нет, из – за отказа официальных властей их поддерживать. Раскол епископа Григория (Яцковского) сохранил влияние в 30-х гг. лишь в некоторых епархиях Поволжья и Урала, более всего в Свердловской и Ульяновской. 26 апреля 1932 г. скончался лидер раскола Григорий Яцковский. В 1933 г. покончил жизнь самоубийством видный деятель этого раскола епископ Борис (Рукин). Некоторые священники-обновленцы прибегали к проверенным способам поднятия своего авторитета в приходе: «Осенью 1927 г. в с. Тогучино, Новосибирского округа обновилась якобы икона. Началось паломничество к ней, моления и конечно, сбор денег. Местный поп Смеловский опроверг это обновление» [3, с. 46]. Крах обновленчества стал наблюдаться уже с 1926 г., т. к. мно-

гие держались обновленчества, надеясь, что обновленческий Собор 1925 г. принесёт примирение с патриаршей церковью. Когда этого не случилось, многие стали возвращаться в патриаршую Церковь через покаяние. Уже к 1929 г. количество тихоновских и обновленческих приходов в Сибирском крае по округам и в Бур – Монголии составляло:

1. Томский – тихоновских – 182, обновленческих – 101;
2. Бийский – тихоновских – 154, обновленческих – 32;
3. Новосибирский – тихоновских – 114, обновленческих – 60;
4. Барнаульский – тихоновских – 148, обновленческих – 17;
5. Омский – тихоновских – 98, обновленческих – 52;
6. Иркутский – тихоновских – 100, обновленческих – 30;
7. Барабинский – тихоновских – 47, обновленческих – 72;
8. Красноярский – тихоновских – 75, обновленческих – 29;
9. Бур – Монгольский – тихоновских – 59, обновленческих – 37;
10. Минусинский – тихоновских – 65, обновленческих – 30;
11. Каменский – тихоновских – 71, обновленческих – 21;
12. Рубцовский – тихоновских – 52, обновленческих – 41;
13. Канский – тихоновских – 28, обновленческих – 60;
14. Славгорский – тихоновских – 62, обновленческих – 23;
15. Кузнецкий – тихоновских – 45, обновленческих – 30;
16. Тарский – тихоновских – 46, обновленческих – 23;
17. Тулунский – тихоновских – 33, обновленческих – 36;
18. Ачинский – тихоновских – 45, обновленческих – 18;
19. Ойратия – тихоновских – 52, обновленческие отсутствуют;
20. Хакассия – тихоновских – 7, обновленческих – 11;
21. Киренский – тихоновские отсутствуют, обновленческих – 16 [3, с. 38].

Обновленческий раскол оставил заметный след в истории Русской Православной Церкви. До сих пор в России есть те священнослужители, которые продолжают дела, начатые первой группой обновленцев. В 1923 г. Сибирский областной церковный совет обновленческой церкви опубликовал воззвание к «православному народу», в котором патриарх Тихон был выставлен «контрреволюционером», противником советской власти и виновником церковного раскола, подлежащим уголовному преследованию. Дальнейшая история раскола в Восточной Сибири наполнена метаниями высших иерархов из одного лагеря в другой, перерукоположениями и недостойными поступками священников. Характерно, что к началу коллективизации поддержка обновленцев населением и клиром стала угасать и численности «живоцерковных» приходов резко снижаться.

1920–1930-е гг. – для восточносибирских епархий стали чуть ли не самыми трагичными за всю историю православия в России. Буквально за одно десятилетие, во время и чуть позже «безбожной» пятилетки, было уничтожено большинство храмов, многие из которых простояли несколько веков, репрессировано огромное количество священнослужителей и простых мирян. Церковь была поставлена на грань уничтожения. Внешняя опасность сплотила остатки приверженцев РПЦ и помогло изжить, преодолеть раскол, который нарушил церковное единство более чем на двадцать лет. К 1938 г. прекратили своё существование все обновленческие приходы Восточной Сибири.

Источники и литература

1. Дулов, А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. / А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск, 2006. – 302 с.
2. Абросенко, К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири / К. П. Абросенко. – Иркутск: облиздат, 1938. – 76 с.
3. Долотов А. С. Церковь и сектантство в Сибири / А. С. Долотов. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930 (Иркутск: тип. изд-ва "Власть труда"). – 128 с.
4. Русской православие: вехи истории / Науч. Ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 976 с.
5. Прот. Владислав Цыпин. История Русской Церкви (1917 – 1997) / Прот. Владислав Цыпин. – Кн. 9. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 354 с.
6. Левитин, А. Очерки по истории русской церковной смуты / А. Левитин, В. Шавров. – Кн. 9. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 397 с.
7. Свящ. Георгий Митрофанов. РПЦ в России и в эмиграции в 1920-е годы. Из истории РПЦ в XX века. (К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920 – 1927 гг.). С приложением документов / свящ. Георгий Митрофанов. – СПб.: Изд-во «Ноах», 1995. – 258 с.
8. ГАИО (Государственный архив иркутской области). Ф. 485. Оп. 2. Д. 32.

М.Е. Панина*

DOI: 10.25839/g2653-4831-8170-i

Актуализация концепта «богатство» на примере китайского Нового года в свете реализации проекта «Экспорт образования»

Рассматривается концепт «богатство» в рамках празднования главного традиционного китайского праздника – Новый год. Проводится анализ процессов изучения традиционной культуры народа для выявления особенностей менталитета

* Панина Мария Евгеньевна, аспирант Забайкальского государственного университета (г. Чита, Россия).

María E. Panina, postgraduate Transbaikal State University (Chita, Russia).

и ценностных ориентаций в целях привлечения иностранного контингента из КНР в рамках реализации федерального проекта «Экспорт образования».

Методология базируется на семиотическом методе, позволившем выявить ценностные приоритеты китайцев.

Ключевые слова: концепт «богатство», лингвокультурология, традиционная культура, «Экспорт образования», Китайский новый год.

Actualization of the concept "wealth" on the example of the Chinese spring festival in the field of the implementation "Export of education" project

The concept of "wealth" is considered as part of the celebration of the main traditional Chinese holiday – Chinese Spring Festival. The analysis of the processes of studying cultures to identify the characteristics of mentality and value orientations in order to attract foreign troops from China within implementation of the Federal project "Export of education". The methodology is based on the semiotic method that allowed us to identify the value priorities of the Chinese.

Keywords: concept "wealth", cultural linguistics, traditional culture, "Export of education", Chinese Spring Festival.

В связи с утверждением паспорта национального проекта «Образование», утвержденного 24 декабря 2018 года по итогам заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, был принят федеральный проект «Экспорт образования». Согласно нему в период с 01.01.2019 по 31.12.2024 года должно быть «увеличение числа иностранных граждан, которые обучаются в российских вузах, до 435 тысяч человек, ежегодное обучение как минимум 15 тысяч иностранных граждан в летних и зимних школах» [2, с. 1]. Ввиду того, что изо дня в день китайско-российские отношения становятся все более зрелыми, устойчивыми и крепкими, целесообразным представляется для привлечения все большего иностранного контингента из КНР, подробно изучить традиционную культуру народа, так как в ней заложены особенности менталитета и система ценностей, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Целью данного исследования является рассмотреть концепт «богатство» в период празднования Китайского нового года, его значимость для китайцев и отражение данного концепта в традиционной культуре. Новизна исследования заключается в том, что ранее не предпринималось попыток исследовать концепт «богатство» традиционного китайского нового года в рамках реализации федерального проекта «Экспорт образования». Методом исследования является семиотический метод, с помощью которого исследуется Китайский новый год с позиций знаковой теории.

Ю.С. Степанов делает акцент на культурологическом аспекте, согласно которому вся культура понимается как совокупность концептов. «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1, с. 43].

Концепт в лингвокультурологии является основой языковой картины мира, которая отражает взаимосвязь между мышлением, языком и способом восприятия человеком окружающего мира. «В лингвокультурологии концепт – это не просто лингвистический продукт, а культурно-когнитивное образование, в котором тот или иной народ, социальная группа или личность средствами вербализации оформляет свои представления о мире, установки, идеалы» [3, с. 48]. В культурном концепте сочетаются значения различных языковых единиц, что позволяет культурному концепту быть важным компонентом самосознания нации. Культуры разных народов могут иметь схожие концепты, но в каждой культуре один концепт может иметь разное значение и свою специфику, характерную только для традиционной культуры.

В китайской традиционной культуре главным праздником является Чуньцзе (春节) – Китайский новый год/ Праздник Весны. Китайский новый год отмечают по лунному календарю, и он длится в течение пятнадцати дней. За неделю до праздника все члены семьи возвращаются домой, покупают новые вещи и одежду. Клеят парные надписи на двери дома, на окна приклеивают вырезки из красной бумаги. В ночь встречи Праздника весны для изгнания злых духов китайцы взрывают петарды и фейверки, встречают новый год за круглым столом. В рамках данного исследования целесообразным представилось изучить актуализацию концепта «богатство» Китайского нового года. На Праздник Весны китайцы особое значение уделяют блюдам и их приготовлению.

Традиционным китайским новогодним блюдом являются Цзяоцзы (饺子) «пельмени» – блюдо в виде вареного пресного теста с начинкой из мяса и овощей. Для того, чтобы в новом году было изобилие денег и удачи китайцы 饺子 (пельмешкам) придают форму Цзиньюаньбао (元宝, «золотого слитка») – «слиток золота в форме башмачка, денежная мера в древнем Китае весом 250 грамм» [6, с. 10]. И тогда получается новогоднее блюдо Цзиньюаньбао шуйцзяо (金银元宝水饺) – пельмешки «слиток золота в форме башмачка» [5, с. 18].

В тесто для приготовления пельмешек добавляют кусочки тыквы, которые придают тесту золотой оттенок для того, чтобы блюдо максимально было похоже на деньги. Следовательно, древняя денежная мера становится формой для блюда, которое принесет богатство в новом году. К тому же, в Китае при приготовлении пельменей существу-

ет традиция лепить Цзисянцзяоцы (吉祥饺子, «счастливый пельмень»).

Традиция лепить «счастливый пельмень» обозначает, что в начинку одного из пельменей кладут монетку, затем пельмени варят и тот, кому попадет пельмень с монеткой – будет счастливым и богатым в новом году. Вложение в начинку денег (монетки), также говорит о том, что концепт «богатство» ассоциируется с пожеланием материального благополучия на Китайский новый год. Также, при поиске информации на китайском сайте о традиционном китайском новогоднем блюде – пельмешках, встретился такой заголовок 连年有余 – 金鱼蒸饺 «Год за годом будет достаток – пельмешки на пару в форме золотой рыбки» [7, с. 1].

В Китае устойчивое выражение, состоящее из четырех иероглифов – чэньюй Ляньляньюй (连年有余 «год за годом будет достаток»), в нем чтение иероглифа 连 (лянь, «соединять») созвучно иероглифу 莲 (лянь, «лотос»), который обозначает благополучие; иероглиф 余(юй, «богатство») созвучен иероглифу 鱼 (юй, «рыба»). Таким образом, китайцы готовят пельмешки в форме рыбы, которая созвучна богатству, для того, чтобы богатство их весь год не покидало. Тесто пельменей в форме рыбок, в основном, месят красного цвета, поскольку « с красным цветом часто ассоциируют солнце, также, красный – цвет огня. Поскольку Солнце и огонь приносят людям яркость и тепло, красный подразумевает счастье, благополучие, радость» [4, с. 118]. Следовательно, в китайской культуре красный цвет культурно-коннотативен в процветании, успехе, удаче и достижениях.

Концепт «богатство» ассоциируется с красным цветом. Красный цвет является символом важных китайских праздников. В период празднования Китайского нового года все украшено в красном цвете. По легенде, ежегодно в канун китайского нового года в деревню приходило страшное чудовище Нянь (年), которое поедало людей. Для того, чтобы Нянь не поедал людей, китайцы разжигали в доме огонь и украшали дом красным. Когда Нянь прибежал в деревню и увидел огонь и красный цвет, испугался и больше никогда не появлялся в деревне. С тех пор появилась традиция на Китайский новый год украшать дом красным цветом, который защищает от злых духов, приносит счастье и богатство.

Китайцы часто прикрепляют к обеим сторонам двери парные надписи Хундуйлянь (红对联, «аутентичные двусторонние на красной бумаге»), на двери дома клеят перевернутый иероглиф на красной бумаге 福 (фу, «счастье»). Выражение Фудао (副倒, «счастье перевернулось») в китайском языке звучит как Фудао (福到, «счастье пришло»).

Китайцы клеят на оконные стекла Чуанхуа (窗花, «вырезки из красной бумаги для защиты дома от злых духов»), взрывают Паочжу (炮竹, «длинную красную связку хлопушек для отпугивания злых духов»). Старшее поколение дарит младшему Ясуйцянь (压岁钱, «деньги в красном конверте»).

На юге Китая красными конвертами украшают мандариновые деревья (аналог русской елки). Мандариновое дерево – символ финансового богатства и достатка, как мандариновые деревья усыпаны плодами мандаринов, так же как и богатство придет в дом. По традиции перед входом в дом ставят два мандариновых дерева, поскольку в Китае четные числа несут счастье, нечетные – имеют отрицательное значение.

На созвучии Юй (鱼, «рыба») и юй (余, «богатство») также основаны Няньхуа (年画, «новогодние лубочные картины, которыми китайцы украшают двери и стены жилых помещений на новый год»). Также, рыба на таких картинах красного цвета, который приносит счастье и удачу в новом году. Новогодние лубочные картины символизируют мир, благополучие и богатый урожай, который являлся богатством для жителей Древнего Китая.

В Китае большой популярностью пользуются 财神爷的年画 – новогодние лубочные картины с изображением Бога Богатства Цайшэнье (财神爷, досл. «дедушка духа богатства»). В китайской культуре образ Бога Богатства имеет несколько прототипов.

По мнению Б.Л. Рифтина, все Божества Богатства, разделены на 2 группы: гражданские и военные. Военным Богом Богатства является Гуань Юй (160–219 гг.), который стал «героем народного эпоса, позднее он был включен в качестве одного из главных действующих лиц романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» [3, с. 126]. Гражданским Богом Богатства является Ши Чун (249–300 гг.), который был госслужащим и создал состояние при помощи успешной торговли.

В монастырях даосов достаточно часто целые залы посвящены Богу Богатства. В центральном монастыре школы Совершенной истины Храме Белого Облака Пекина в зале Бога Богатства установлены скульптурные изображения трех божеств богатства. «Рождение божества богатства отмечается в народе во время Праздника Весны / Китайского нового года, в пятый день первого лунного месяца» [3, с. 128].

Следует отметить, что фигурки Божеств Богатства в Китае встречаются почти везде, так как китайцы верят, что при помощи них можно привлечь финансовое благополучие и успех во всех начинаниях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт «богатство» в рамках празднования Китайского нового года имеет четкое выражение. Для того, чтобы быть богатыми, китайцы готовят пельмени в форме золотого слитка, также пельмени готовят в форме рыбок красного цвета, которые созвучны со словом богатство.

Китайцы украшают дома на Праздник Весны лубочными картинками с изображением рыб, созвучных богатству. Также, дарят на праздник денежки в красном конверте и выставляют перед входом в дом пары мандариновых деревьев, украшенных красными денежными конвертами. В Китае существуют даже, Божества Богатства (Цайшэнье, Гуань Юй, Ши Чун), которые способствуют получению достатка и благополучия.

Отношение к материальному богатству у китайцев очень велико, поскольку это заложено в традиционной культуре празднования Китайского нового года, следовательно, стоимость обучения для абитуриентов из КНР – это один из особых и самых важных показателей для выбора страны обучения, который необходимо учитывать в рамках реализации федерального проекта «Экспорт образования». Концепт «богатство» очень важен в китайской культуре, поскольку с древних времен до наших дней, китайцы очень ценят богатство и материальный достаток, который имеет большое значение в системе ценностей китайского народа.

Источники и литература

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 104 с.
2. Минпросвещения России. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 07.03.2020).
3. Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28815906> (дата обращения: 08.03.2020).
4. Research-journal.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/culture/syaokan-socializm-s-kitajskim-licom>
5. 金银元宝水饺 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.meishij.net/zuofa/jinyinyuanbaoshuijiao.html> (дата обращения: 07.03.2020).
6. 金元宝 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/>
7. 连年有余金鱼蒸饺 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.w1school.com/archives/tag/> (дата обращения: 04.03.2020).

Основные современные тенденции в религиозной жизни США

В статье рассматриваются основные направления и изменения в религиозной жизни в США в настоящее время. Соединенные Штаты представляют собой особый исключительный, девиантный кейс государств Запады. Религиозность анализируется в контексте социальных трансформаций, происходящих в американском обществе. Определяется взаимосвязь религиозных объединений в США. Также исследуются воздействие религиозных институтов на политическую жизнь страны.

Ключевые слова: религиозная жизнь, религиозность, протестантизм, православие в США, опросы общественного мнения Pew Research, евангельские христиане, мегацерквы.

Main contemporary trends in the religious life of the United States

The article discusses the main directions and changes in religious life in the United States nowadays. The USA is a special exceptional case of Western countries. Religiosity is analyzed in the context of social transformations taking place in American society. The relationship of religious associations is distinguished. The impact of religious institutions on US political life is also examined.

Key words: religious life, religiosity, Protestantism, Orthodoxy in the USA, opinion polls from Pew Research, evangelical Christians, mega-churches.

Религиозная жизнь в Соединенных Штатах Америки представляется неактуальной в силу своей географической удаленности и относительно незначительного освещения в российских новостях. Больше внимание в российских СМИ уделяется политическим и экономическим инициативам Вашингтона на мировой арене. Страницы российских газет и журналов отражают международную деятельность США. Изменения в религиозной жизни Соединенных Штатов представляют фрагментарно и непоследовательно.

Почему опыт религиозной жизни США может быть интересен для научного мира? В Соединенных Штатах представлены практически все основные религиозные деноминации в мире. В эпоху глобализации такой опыт интересен для других стран, особенно для тех, где исторически доминировала только одна религия.

В условиях либерализации политической и экономической жизни западные государства раскрывают возможности деятельности для целого спектра религиозных организаций из-за рубежа. Примеры таких

* Рыбалко Михаил Леонидович, к.и.н., доцент Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Rybalko Mikhail Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

изменений можно легко найти на постсоветском пространстве. После краха коммунистической идеологии свобода религиозной деятельности привела к появлению новых религиозных объединений из-за рубежа. Именно США являются страной, откуда направляется основная миссионерская деятельность многих протестантских церквей. Значительная часть религиозных объединений Штатов принадлежит к евангелическому направлению, которое направлено на распространении своей веры, особенно в других государствах.

После периода гласности М.С. Горбачева и распада СССР количество протестантских церквей резко возросло на постсоветском пространстве. В России может быть интересен опыт жизни и функционирования большого числа религиозных объединений других государств. В этом случае, некоторые тренды религиозной жизни в США определяют возможные перспективы взаимодействия многочисленных религиозных объединений посткоммунистических государств.

Одна из отличительных особенностей США заключается в формировании первых колоний с помощью религиозных групп. Наиболее известный пример – достаточно радикальные группы в Европе, последователи Жана Кальвина -пуритане – сформировали первые поселения англичан в Новой Англии (северо-восточной части будущих США).

Еще до основания США американские колонии открыли свою страну для представителей различных религиозных направлений. Благодаря иммигрантам из всех стран мира, в США функционируют практически все религиозные деноминации, в том числе православные. Наличие православных центров на территории США представляет наиболее интересную тему для современной России. Наибольший процент населения, который исповедует православие, находится в штате Аляска – около 5 % населения, согласно самым последним данным по религиозным предпочтениям в этом штате (1). Это связано с исторической связью Аляски с России, в том числе с миссионерской деятельностью Русской православной церкви до продажи Аляски.

Именно в тот период в православие перешли коренное население штата – индейцы и эскимосы. За последние годы православное население в этом штате уменьшается – еще совсем недавно отмечалась цифра в 18 %, потом 12%, в настоящее время 5%. Православные церкви находятся во многих главных городах США; их создание связано с местом проживания иммигрантов из православных государств. В настоящее время процент православного населения США составляет около 0,5 % (2).

Религиозная основа определяла формирование первых колоний, которые в дальнейшем образовали Штаты будущего государства. Тем не менее, интересен политический выбор первых лидеров США – отцов-основателей, определивших будущей политический фундамент государства. В самом начале своего становления в 1789 г. Соединенные Штаты Америки приняли первую в мире конституцию, которая стала эталоном для других государств мира.

В первой поправке 1791 г. американской конституции (в Билле о правах) определялся светский характер США – церковь отделялась от государства. При этом, основная часть населения принадлежала христианским конфессиям. Такой светский характер государства позже будет присущ и многим другим государствам Запада. Следовательно, опыт взаимодействия светского государства и, во многих случаях, религиозного большинства, интересен для стран постсоветского пространства, которые в 1990-е годы ориентировались на конституции западных государств.

По многим политическим, экономическим и социальным индикаторам США представляют собой особый, девиантный кейс. Обычно богатые западные государства сравнивают по показателям / измерениям ОЭСР / OECD (Организация экономического сотрудничества и развития – Organization of Economic Cooperation and Development). Согласно данным опросов в Соединенных Штатах большинство населения (53 %) признает важность религии в своей жизни. На протяжении последних десятилетий число американцев, верящих в Бога, остается практически неизменным – около 90 % .

Такая религиозная специфика США значительно отличается от других западных государств, партнеров США по НАТО. В Западной Европе положительный ответ на вопрос о важности религии в своей жизни дает только меньшинство населения – в Великобритании, Швеции и Германии по 10 %, а во Франции – 11 %. Интересно, что Россия мало отличается от большинства западноевропейских государств – только 16 % российских респондентов положительно отвечают на вопрос о важности религии в своей жизни (3). В США намного больше людей, которые молятся ежедневно (около 55% взрослого населения). Такая сравнительно высокая роль религии в США трудно объясняется современными теориями.

В исследовании опросов мировых ценностей (World Values Survey) политологи Пиппа Норрис и Рональд Инглхарт отмечают определенную закономерность – чем выше продолжительность человеческой жизни, тем меньше процент людей, которые посещают религиозные службы. В

дополнение, религиозность населения страны имеет тенденцию к снижению при повышении уровня образования, улучшения экономических возможностей (4). Все это не позволяет объяснить высокий уровень религиозности в США.

Что характеризует религиозную жизнь в США в современное время? С каждым годом религиозность в США имеет тенденцию к снижению. По сравнению с предыдущими годами уменьшается процент американского взрослого населения, которое считает себя христианами (77% – 2007, 65% – 2018/2019). В этот же период увеличивается процент американцев, которые не связывают себя с какой-либо определенной религиозной деноминацией (с 16 до 26%). Уменьшается процент как протестантского (с 51 до 47%), так и католического населения (с 24 до 20%) между 2007 и 2019 гг.

Все больше американцев посещают церковь очень редко – несколько раз в год (с 47% в 2009 г. до 54% в 2018 г.). Сокращается число американцев, которые ходят в церковь раз в месяц (с 54 до 45%). Растет число тех американцев, которые вообще не посещают церковь – с 11% в 2009 г. до 17% в 2019 г. В целом, если в начале 1970-х годов процент американских респондентов, которые заявляли об отсутствии религиозных взглядов, составлял 6 %, то в современный период число атеистов и агностиков составляет 22%. (5).

Несмотря на общие тенденции к снижению роли религии в жизни США, религиозные представления играют значительную роль в политических предпочтениях американцев. Многие вопросы, определяющие ключевые различия демократов и республиканцев США, отражают религиозные взгляды – аборт, семейные ценности, права групп ЛГБТ. Либеральные (секулярные) ценности отражаются в программе и политике демократической партии, а консервативные (религиозные) подходы находят поддержку в республиканской партии США.

Религиозные объединения являются активными группами интересов; они активно участвуют в политических выборах США, предоставляя финансовую поддержку кандидатам на всех уровнях выборов. После победы своего кандидата религиозные группы интересов внимательно следят за деятельностью избранного политика в исполнительной и законодательных ветвях власти.

Консервативные ценности являются приоритетными для сторонников евангелического направления из числа белого населения США. Так, согласно последним данным опросов Pew Research Center, 63% евангельских христиан не поддерживают однополые браки (которые были разрешены на всей территории США в 2015 г.), 77% выступают

против разрешения аборт (при любых обстоятельствах). Президенты из республиканской партии могут рассчитывать на поддержку такой религиозной части своего электората.

Например, согласно исследованию Pew Research Center от 12 марта 2020 года представители евангелического направления в протестантизме из числа белого (европейского) населения США позитивно воспринимают роль президента Дональда Трампа, отстаивающего религиозные взгляды. При этом, большинство населения страны (63%) не считает, что Дональд Трамп является примером религиозного, честного человека, живущего по моральным принципам. С этим согласно и большинство религиозных американцев – 52% признают, что он, только в какой-то степени, является религиозным. Для евангелистов приоритет заключается в том, чтобы президент отстаивал религиозные убеждения христиан в США (6).

США представляют пример страны с большим количеством деноминаций. В жизни обыкновенного американца постоянно встречаются представители из других христианских церквей. Религиозная жизнь очень важна для социализации, формирования дружеских отношений. Церкви проводят десятки мероприятий в год – праздники, благотворительные акции, приглашение детей в летние бесплатные лагеря, бесплатные обеды, игры, конкурсы, изучения Библии, совместные поездки, миссионерская деятельность, волонтерские мероприятия и многое другое. Благодаря богатым пожертвованиям церкви обладают внушительными финансами, которые направляются на поиски новых неофитов – новых членов.

Неудивительно, что среднестатистический американец получает большое количество приглашений на вышеуказанные мероприятия церквей. Церкви используют многие, иногда нетрадиционные, методы для привлечения дополнительных членов. Для богослужения может использоваться и громкая музыка. Этим известны мегацеркви, которые проводят службы для двух и более тысяч людей.

В южной части США, которая в науке определяется как Religious Belt (религиозный пояс), религиозность намного выше, чем в среднем по стране. Здесь большую роль играет социальное воздействие окружающих, которые активно участвуют в религиозной жизни своих общин.

Можно выделить два главных последствия деятельности сотен церквей в пределах одного среднестатистического города. Во-первых, это феномен «Church Hopping» (перепрыгивание из одной церкви в другую), который обозначает посещение церквей нескольких дено-

минаций. Другой феномен заключается в том, что человек меняет свои деноминации в течение жизни в зависимости от обстоятельств – семья, друзья, брак, работа, переезда в другой штат или город. В православной церкви США можно найти много бывших протестантов, которые в процессе духовного поиска перешли в православие. При этом эти люди не имеют этнических корней, которые могли бы привести их в православную русскую или греческую церковь.

В США растет число деноминаций. Процесс создания новых церквей определяется такими salient (значимыми, важными) вопросами в американской политике и обществе, как ординация (назначение на высшие позиции в церкви женщин). Это привело к расколу многих деноминаций, так как не все соглашаются с социальными изменениями. Изменения в жизни американского общества, связанные с правами ЛГБТ, также раскалывают религиозные деноминации. Стремление многих представителей этих групп к получению возможности активного участия в религиозной общине (занятие должностей священников, епископов) вызывает несогласие ряда членов и приводит к формированию новых церквей.

Религиозные группы играют важную роль в американской жизни, что неоднократно подтверждается данными опросов Pew Research Center (7). Роль религиозных взглядов в политике и определении приоритетов США отмечается многими исследованиями. США значительно отличаются от других западных государств.

Религиозность американцев имеет тенденцию к снижению, что постепенно приближает эту страну к другим богатым западным государствам. Для будущих исследователей представляет научный интерес изучение механизмов воздействия религиозных организаций на процесс принятия политических решений.

Источники и литература

1. Данные опросов Pew Research Center. Alaska // Pew Research Center // URL: <https://www.pewforum.org/religious-landscape-study/state/alaska/>
2. Pew Research Center. Religious Landscape Study // Pew Research Center // URL: <https://www.pewforum.org/religious-landscape-study/#religions>
3. Pew Research Survey. 13.06.2018. // Pew Research Center // URL: <https://www.pewforum.org/2018/06/13/why-do-levels-of-religious-observance-vary-by-age-and-country/>
4. Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide / P. Norris, R. Inglehart. Cambridge University Press, 2000. 329 p.
5. Pew Research Center. In U.S., Decline of Christianity Continues at Rapid Pace. 17 October 2019 // Pew Research Center // URL: <https://www.pewforum.org/2019/10/17/in-us-decline-of-christianity-continues-at-rapid-pace/>
6. White Evangelicals see Trump as fighting for their beliefs, though many have mixed feelings about his personal conduct. 12 March 2020. Pew Research Center // Pew Research

Center // URL: <https://www.pewforum.org/2020/03/12/white-evangelicals-see-trump-as-fighting-for-their-beliefs-though-many-have-mixed-feelings-about-his-personal-conduct/>

7. Данные опроса Pew Research Center // URL: <https://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2019/10/Detailed-Tables-v1-FOR-WEB.pdf>

Е.Н. Старцев*

Т.В. Линчевская**

DOI: 10.25839/i2558-7962-4995-i

Культурологические аспекты миссии Русской православной церкви для коренных народов Аляски и Алеутских островов

В статье рассмотрена деятельность Духовной миссии Русской Православной Церкви на территории Аляски и Алеутских островов в период конца XVIII – начала XIX вв. Также в статье рассмотрены культурологические аспекты, повлиявшие на нравственное преобразование местного населения.

Ключевые слова: *Русская Америка, Духовная миссия, Алеутские острова, Русско-Американская компания.*

Cultural aspects of the mission of the Russian orthodox church for the indigenous peoples of Alaska and the Aleutian Islands

The article examines the activities of the Spiritual mission of the Russian Orthodox Church in the territory of Alaska and the Aleutian Islands in the late XVIII – early XIX centuries. The article also examines the cultural aspects that influenced the moral transformation of the local population.

Keyword: *Russian America, Spiritual mission, Aleutian Islands, Russian-American company.*

Датой основания Православной церкви на Североамериканском континенте исследователи называют 24 сентября 1794 года. В этот день на остров Кадьяк высадилась первая духовная миссия, которую возглавлял архимандрит Иосаф [7, с. 1317]. С этой экспедиции началось распространение православной веры в Америке. Успехи этой миссии затем закрепили и успешно развили миссионеры, прибывшие позже. В первую очередь, влияние православия на Американском континенте выразилось в расширении географических границ. Так, в каж-

* Старцев Евгений Николаевич, Протоиерей, настоятель Михаило-Архангельского Харлампиевского храма. Русская Православная Церковь (г. Иркутск, Россия).

Startsev Evgeny Nikolaevich, Archpriest, Abbot of the Mikhailo-Arkhangelsk Kharlampievsky Church. The Russian Orthodox Church (Irkutsk, Russia).

** Линчевская Татьяна Викторовна, заведующая учебной чатью воскресной школы при Михаило-Архангельском Харлампиевском храме. Русская Православная Церковь (г. Иркутск, Россия).

Lincevskaya Tatyana Viktorovna, head of the educational chapter of the Sunday school at the Mikhailo-Arkhangelsk Kharlampievsky Church. Russian Orthodox Church (Irkutsk, Russia).

дом населенном пункте Русской Америки строились православные храмы. Во-вторых, даже после продажи Аляски Соединенным штатам Америки, деятельность Русской Православной Церкви распространилась на всю территорию США.

Правительство Российской Империи стремилось христианизировать народы, недавно вошедшие в состав империи. Это способствовало более успешной колонизации и сближению коренного населения осваиваемых территорий с русскими поселенцами.

О том, что нужно крестить население Алеутских островов и полуострова Аляска, начали говорить еще первые, появившиеся там российские купцы и промышленники. Конечно, некоторые промышленники преследовали в этом личные выгоды. Об этом писал Святитель Иннокентий (Вениаминов): «ибо окрещенные Алеуты, уважая восприемников своих, как отцов, служили им исключительно и усердно, и никто другой из Русских не мог приманить к себе чужих крестников» [2, с. 228]. Так, крещеные алеуты становились приверженцами своих крестных, отдавали исключительно им свою добычу, т.к. считали их своими наставниками. Этнограф Ляпунова Р.Г. так пишет по этому поводу: «так создавалось промысловое партнерство, которое по алеутским традиционным нормам составляло особый вид родства» [8, с. 129].

Но, не только лишь личная выгода промышленников влияла на распространение христианства. Был интерес к православной вере и у самих алеутов. Это может быть подтверждено тем, что вот уже более 200 лет алеуты и индейцы Аляски сохраняют любовь к Русской Православной Церкви и России. Такое устойчивое чувство не могло быть насаждено искусственно, но лишь добрым отношением русских людей, миссионеров в частности, к аборигенам.

Одним из первых задумался о необходимости направить духовную миссию в Русскую Америку первый руководитель Русско-Американской Компании Григорий Шелихов. Побывав на острове Кадьяк и вернувшись в Иркутск, он писал в Петербург о том, что нужно прислать в Русскую Америку «к просвещению пришедших народов в греко-кафолическое исповедание...два священника и диакона» [1, с. 224]. После того, как Шелихов прибыл в Петербург, он, вместе со своим компаньоном И. Голиковым, начал ходатайствовать о направлении православных миссионеров в Русскую Америку. Екатерина II, Священный Синод и митрополит Гавриил всецело поддержали Шелихова. Выбор пал на иноков Коневского и Валаамского монастырей. Выбор был не случайным. Дело в том, что климатические и природные условия Ладоги были очень схожи с аляскинскими, это

суровая зима, голые скалы, постоянные заморозки, тонкий слой плодородной почвы... При этом, монахи умело организовывали свое хозяйство и быт в таких суровых условиях. Кроме того, Валаамский монастырь славился своей высокой духовной внутренней строгостью. Таким образом, валаамские и коневские монахи могли стать хорошими миссионерами на Алеутских островах и Аляске.

От Валаамского монастыря в состав миссии вошли: иеромонахи Ювеналий и Афанасий, монах Герман и послушник Косьма Евсеев. От Коневского монастыря – иеромонах Макарий и послушник Михаил Говорухин. От Александро-Невской Лавры в экспедицию был направлен иеродьякон Нектарий. Возглавил миссию архимандрит Иосаф. Митрополит Гавриил поручал Духовной миссии как наставлять уже крещеных алеутов, так и вести проповедническую деятельность среди других народностей на островах и материке. Миссионерам вменялось знакомить аборигенов лишь с основными положениями православной веры, «дабы не отягощать их умы» [5, с. 279]. Наставлять местных жителей следовало своим собственным примером.

Итак, 24 сентября 1794 года на остров Кадьяк прибыла Первая духовная миссия. Первым делом миссионеры взялись за строительство и освящение первого православного храма в Америке – храма Воскресения Христова. С первых же дней миссионеры начали проводить свою просветительскую деятельность. Интерес аборигенов к православной вере и доброе отношение монашествующих к местному населению способствовало успешному обращению их в христианство. Архимандрит Иосаф писал в 1795 году: «они нас любят, а мы их, и живем хорошо» [3, с. 446].

Уже за первый год работы православной миссии было крещено более 9000 аборигенов и венчали более полутора тысяч пар [7, с. 1366]. Так в первый год иеромонах Макарий крестил всех алеутов Уналашкинского отдела. «После него не осталось ни одного некрещенного алеута» [7, с. 1369] – замечает св. Иннокентий (Вениаминов). На других, близлежащих островах тоже велась просветительская работа. Монах Герман писал в то время: «Ныне отправляется для проповеди крещения отец Макарий по Алеутским, Лисьевским и Андрияновским островам, а после, в скором времени, отправятся отец Ювеналий на мареру, начиная с Кенайской губы – В Чугачи, Алегмют, дальше Колоши...даже до Чилхата» [9]. Миссионеры проповедовали аборигенам Закон Божий, обучали их православной морали, крестили, венчали. Также, привлекали аборигенов к строительству храмов на разных островах. Так, например, иеромонах Макарий основал церковь

на острове Уналашка. Кроме того, монахам приходилось защищать местное население от посягательств промышленников.

На Уналашке, в середине 1790-х годов, столкнулись интересы двух компаний – братьев Киселевых и Шелихова и Голикова. В результате столкновения руководители артелей открыто стали притеснять алеутов. Макарий заступился за них и тем самым заслужил уважение и доверие туземцев. Иеромонах Ювеналий совершил проповедническую поездку по континентальной Аляске. На своем пути он крестил не одно индейское племя: чугачей, эскимосов, индейцев-атапасков и др. [9]. Можно сказать, что Православная миссия в первые годы своей работы в Северной Америке была успешной. Множество туземцев были обращены в православную веру. С помощью новообращенных христиан были построены церкви и часовни. Об успехах миссии стало известно в столице Российской Империи. Там был поднят вопрос об утверждении викариатства на Аляске и избрании епископа Кадьякского [10, с. 140]. Так, в апреле 1799 состоялась хиротония в епископа Кадьякского архимандрита Иосафа. Но первый епископ так и не смог встретиться со своей паствой. Летом 1799 года фрегат, на котором он отправился на Аляску, разбился на подступах к острову Кадьяк.

Лишившись главы миссии и новоизбранного епископа, миссионерская деятельность в Русской Америке приостановилась. Одной из причин застоя стало сокращение численности миссионеров – их было лишь четверо (иеромонах Афанасий, иеродиакон Нектарий, монах Герман и монах Иосаф). Еще одной причиной стало напряжение взаимоотношений между членами миссии и промышленниками. Очень долго Синод не вмешивался в положение дел в Русской Америке. О гибели епископа Иосафа стало известно в столице лишь в 1802 году. Назначение нового епископа встретило сопротивление РАК. Компания не желала содержать кафедру и очень активно дискредитировала деятельность оставшихся на Аляске монахов, которые продолжали заступаться за угнетаемых и эксплуатируемых туземцев. Баранов и другие работники РАК запрещали миссионерам не только проповедовать и крестить, но, часто даже совершать богослужения в храме и вообще выходить из келий [7, с. 1369]. В эти годы совершение православных богослужений, проповедей и крещения аборигенов были практически прекращены.

Для изучения положения местного населения и миссионеров, а также для возобновления миссионерской деятельности, Синод отправил на Аляску иеромонаха Александро-Невской лавры Гедео́на. Когда Гедео́н прибыл на Кадьяк, он ужаснулся тем, насколько безнравствен-

ным было поведение русских промышленников. Он увидел притеснения миссионеров и холодного отношения к православной вере [4]. При Гедеоне в Русской Америке возобновилась приостановленная миссионерская работа. Так, на острове Кадьяк, иеромонах Гедеон «крестил 503 души от 1 до 10 лет; в том же числе 22 души сорокалетних; 38 пар обвенчал» [7, с. 131]. Так как большая часть туземцев Кадьяка и близлежащих островов была уже крещена, Гедеон уделял особое внимание просвещению местных жителей, обучению их христианской вере. Иеромонах Гедеон взялся за составление словаря и грамматики кадьякского языка, переводил молитвы на кадьякский язык.

Стараниями Гедеона, в 1805 г. вновь начала свою работу школа, которая была закрыта с 1799 года. Миссионеры обучали аборигенов чтению, письму, математике, знакомили с Катехизисом. В школе обучались не только алеуты, но и тлинкиты и другие местные народности [5, с. 279]. Но и Гедеон не смог обрести поддержку РАК. Компания продолжала притеснять и алеутов, и миссионеров. Положение дел кардинально изменилось с 1818 года, когда от должности правителя РАК был освобожден Баранов и колонией стали управлять морские офицеры, имеющие отличное образование, воспитание и твердую веру. Офицеров утверждал сам император. «До конца правления Баранова христианство распространялось уже не только по Алеутским островам, Кадьяку, но перешло на материк, дошло до Ситки и двинулось на юг до Калифорнии» [6]. Так мы видим, что, несмотря на достаточно тяжелое положение дел Духовной миссии в течение 17 лет, позиции Православной веры начали укрепляться на Американском континенте.

Состав миссии постепенно уменьшался. В итоге, с 1825 года на Аляске остался лишь монах Герман, который вынужденно руководил миссией с 1807 года. Особенность миссионерского подвига монаха Германа заслуживает особого внимания. Дело в том, что он не совершал миссионерских поездок ни по островам, ни по матерiku, но примером своей жизни оказывал глубокое влияние на всех, кто его знал. Рассказывая о жизни старца его ученик, Игнатий Алиг-яга, говорил: «Да, трудную жизнь вел батюшка, и никто не может подражать его жизни! Все, что он приобретал таким тяжким трудом, все отдавал бедным и сиротам; особенно он любил детей – угощал их сухариками, пек для них крендельки, и малютки отвечали ему взаимной любовью» [2, с. 228]. Местные жители видели бескорыстие инока, его высоко нравственное поведение, самоотверженное служение ближнему, и проявляли интерес к православной вере и принимали крещение.

В 1922 году руководство Русско-Американской компании обратилось в Священный Синод с просьбой отправить на острова священнослужителей. Так, по указанию Синода на Уналашку был назначен Иннокентий Вениаминов, на Кадьяк – Фрументий Мордовский, на Атку – креол Иаков Нецветов. Итак, на Аляске, в среде основных народностей региона утвердилась православная вера. Миссионеры показали пример твердой веры и добродетели, просвещали только словом, наставляли лишь добрыми делами, они защищали местных жителей от беспредела русских промышленников. Все это еще больше способствовало появлению глубинного интереса коренного населения Аляски к православной вере. Жители Алеутских островов на протяжении столетий смогли сохранить Православную веру, более того, называют православие – исконной религией алеутов [11, с. 142].

До принятия христианства в местных племенах царили довольно свободные нравы. В их семейном укладе было распространено многоженство и многомужество. Существовал групповой брак, когда группа мужчин считалась потенциальными мужьями группы женщин. Были возможны браки между двоюродными братьями и сестрами. Счет родства велся по материнской линии. Гостеприимный хозяин по обычаю предоставлял свою жену на ночь гостю. После принятия христианства на Алеутских островах и материковой Аляске перестал быть обычаем калым, т.е. выкуп или отработка за жену. Исчезли многоженство, многомужество и гостепреимный гетеризм. Вместе с тем распространились обряды сватовства и венчания [2, с. 232]. История Русской Америки закончилась в 1867 году. Аляска была продана Соединенным Штатам. Несмотря на это, Православие и русская культура до сих пор присутствуют и оказывают влияние на этот регион. Несомненно, что это связано с самой историей православного миссионерства, которое не уничтожило местные традиции, но старалось придать им новый, христианский импульс.

Источники и литература

1. *Андреев, А.И.* Русские открытия в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII веке / А.И. Андреев. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, 1948. – 381 с.

2. *Гринёв, А. В.* Индейцы глинокиты в период Русской Америки (1741–1867) / А. В. Гринёв. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. – 317 с.

3. *Иоасаф (Болотов), архимандрит.* Письмо ректору Ярославской духовной семинарии / Иоасаф (Болотов) // Ярославские епархиальные ведомости. – 1894. – № 28. – С. 446–467.

4. Из рукописи соборного иеромонаха Александрo-Невской лавры о. Гедeона // Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rezanov.krasu.ru/commander/gedeon2.php> (дата обращения: 09.03.2020).

5. *Климент (Капалин) митр.* Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Климент (Капалин). – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 604 с.

6. *Львов А.* Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке православной миссии, об основании Кадыякской епархии и о деятельности там первых миссионеров: (К столетнему юбилею православия в Америке) [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003668034/ (дата обращения: 09.03.2020).

7. *Ляпунова, Р.Г.* Алеуты: Очерки этнической истории / Р.Г. Ляпунова. – Л.: Наука, 1987. – 226 с.

8. Очерк из истории Американской православной духовной миссии (Кадыякской миссии 1794–1837 гг.). – Санкт-Петербург: Валаам. монастырь, 1894. – 292 с.

9. *Петров, А.Ю., Комаров, С.Г.* Исторические традиции развития Русской Православной Церкви на Аляске и Алеутских островах / А.Ю. Петров, С.Г. Комаров // Вестник МГЛУ. Выпуск 23 (709). – 2014. [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-traditsii-razvitiya-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-na-alyaske-i-aleutskih-ostrovah>

10. Творения Иннокентия, митрополита Московского / Собр. Иваном Барсуковым. Кн. 2. – М.: Синод. тип., 1887. – 494 с.

11. *Тихменев, П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени: В 2-х ч. – Ч. 1./ П.А. Тихменев. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1861. – 464 с.

12. *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени: В 2-х ч. – Ч. 2. / П.А. Тихменев.– СПб.: Тип. Э. Веймара, 1863. – 784 с.

А.В. Степанов*

Ю.В. Десятириков**

DOI: 10.25839/e1870-1310-3573-m

Богословие Отечественной войны: от Парижа до Берлина

В статье рассматривается смысл и значение феномена войны с религиозедческой позиции, с точки зрения Священного Писания. Рассматривается отношение русской религиозной философии к этому феномену. Особое внимание уделяется богословскому осмыслению войны в трудах митрополита Филарета (Дроздова). Выясняется, что его оценка этого феномена является камертоном и в современном подходе к этой проблеме. Выдвигается тезис о том, что наследие Победы 1945 г. является единственной духовной

* **Степанов Андрей Васильевич**, протонерей, настоятель Входа-Иерусалимского храма г. Иркутска, ст. преподаватель кафедры теологии ИГУ, магистр религиозедения (г. Иркутск, Россия).

Stepanov Andrey Vasilievich, arciopreste, rector de la Iglesia Entry-Jerusalem en Irkutsk, art. Profesor del Departamento de Teología de ISU, Máster en Estudios Religiosos (Irkutsk, Rusia).

** **Десятириков Юрий Витальевич**, студент 3 курса исторического факультета ИГУ, кафедра теологии (г. Иркутск, Россия).

Devyatirikov Yury Vitalievich, 3rd year student of the Faculty of History, ISU, Department of Theology (Irkutsk, Russia).

скрепой на постсоветском пространстве. Обращено внимание на предлагаемую поправку в ст.67 п.2 Конституции в свете рассматриваемой темы исследования.

Ключевые слова: антиномия войны, Бессмертный полк, Богословие войны, Война Господня, День Победы, русская религиозная философия, Отечественная война 1812 г., сотериология, феномен войны, эсхатология.

The theology of the patriotic war: from Paris to Berlin

The article discusses the meaning and significance of the phenomenon of war from a religious perspective, from the point of view of Holy Scripture. The relation of Russian religious philosophy to this phenomenon is considered. Particular attention is paid to the theological understanding of the war in the writings of Metropolitan Filaret (Drozdov). It turns out that his assessment of this phenomenon is a tuning fork and in a modern approach to this problem. The thesis is put forward that the legacy of the 1945 Victory is the only spiritual staples in the post-Soviet space. Attention is drawn to the proposed amendment in Article 67, Clause 2 of the Constitution in the light of the research topic under consideration.

Keywords: antinomy of war, Immortal regiment, Theology of war, War of the Lord, Victory Day, Russian religious philosophy, Patriotic war of 1812, soteriology, the phenomenon of war, eschatology.

В текущем году мы празднуем 75-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Этому событию уже посвящено множество научных конференций. Вопрос о смысле и значении феномена войны всегда стоял остро, но в этом юбилейном году он приобрел особую актуальность. Нам необходимо снова осмыслить наследие этой войны и дать ей соответствующую богословскую оценку. История России знает не одну войну, но только две из них получили название «Отечественной».

В разные времена видные церковные иерархи и философы высказывали свою точку зрения по этому поводу, ведь необходимо было понять смысл тех великих жертв и потерь, которые были принесены на алтарь Победы. Но, самая главная проблема заключалась в том, как объяснить саму войну с точки Божественного Промысла, как быть с очевидной антиномией войны с учетом того, что вся имеющаяся христианская литература говорит о том, что заповеданная в Священном Писании любовь к ближнему является одним из важнейших нравственных императивов. Более того, именно она будет критерием, определяющим вечную посмертную участь каждого человека. Но, несмотря на это, история человечества изобилует войнами, жертвами которых становятся не только воины, но, даже в большей степени, мирные люди.

Особую актуальность теме исследования придает факт обсуждения внесения поправок в ряд статей Конституции Российской Федерации, в частности, предлагается дополнить ст.67 п. 2 следующим обра-

зом: Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство [2].

Предполагаемая поправка, на наш взгляд, должна пролить свет на следующие вопросы: а) является ли наследие Великой Победы некоей государственной идеологией, способной сплотить многонациональный и поликонфессиональный российский народ; б) что такое война – взаимное истребление народов в борьбе за природные ресурсы и рынки сбыта или же это орудие Божественного Провидения, а патриотическая доблесть, как элемент религиозно-нравственного сознания, надежное консолидирующее основание национального самосознания. Отказываясь по букве Основного закона от государственной идеологии, не лишаем ли мы российский народ некоего смысла существования, обрекая, по сути, на колониальный статус. В случае принятия этой поправки и закрепления понятия о Боге в основном законе нашего государства, мы тем самым наполняем смыслом и сам факт войны, какой бы трагичной она не была, да и сама война вместо грозного бича Божия становится средством очищения и спасения.

В нашем исследовании мы рассмотрим феномен войны с религиозно-ведческой позиции, ознакомимся с тем, как война понимается в Священном Писании и церковном учении, а также в русской религиозной философии. В качестве объекта исследования нами взята богословская интерпретация видных иерархов Русской Православной Церкви Отечественной войны 1812 и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

С религиозной точки зрения, война это – противостояние дьявола, демонов Богу и Его Ангелам, имеющее эсхатологический характер и отражающееся в человеческой истории. В узком смысле война – это борьба человека со своими страстями [5]. Война противопоставляется миру (как состоянию без войны) и понимается как следствие греха, внутренней духовной болезни, поразившей тварный мир, злоупотребление богоданной свободой и противление воле Божией. После грехопадения войны стали постоянным спутником цивилизации и будут продолжаться вплоть до завершения человеческой истории во Втором пришествии Христа. Христианская письменность говорит о том, что причиной войны являются человеческие пороки: «ничто не бывает столько причиной вражды и раздора, как любовь к земным благам, пристрастие к славе, богатству или удовольствиям; непосредственной причиной войны становится любостыжательность, которую вызывает нужда как следствие греха, желание приобретения чужой собственно-

сти» [5, с. 215]. Война, как духовная брань, становится необходимым средством борьбы со злом с точки зрения аскетической и эсхатологической, чего не скажешь о социологическом аспекте. Здесь война, в зависимости от эпохи, нравственных ценностей, правовых норм того или иного общества сама может представлять зло.

Ветхий Завет изобилует повествованиями о войне и военных конфликтах, которые являются темами отдельных библейских книг. Надо сказать, что военная символика вообще присуща ветхозаветной истории, хотя убийство, без которого не обходится ни одна война, рассматривается как тяжкое преступление, ибо человек сотворен по образу Божию (Быт. 1.26–27). Возникает вопрос, как объяснить с позиции 6-й заповеди Декалога «Не убивай» (Исх. 20.13) военную риторику священной истории. Это противоречие объясняется концепцией «войны Господней», «войны Божией», т.е. «такой, которая ведется израильским народом в силу полной преданности Промыслу Божию, в сирергии с Богом.

Отношение Ветхого Завета к иным народам и религиям, отмеченное исключительностью Израиля, определяется в значительной степени мотивами религиозной педагогики в контексте Божия Помысла о спасении человека, и тогда опыт войны приобретает религиозное значение» [5, с. 215]. Под водительством Бога во исполнение завета Израиль должен завоевать обетованную землю и это будет военная акция, он истребит населяющие обещанную ему земли народы, которые поклоняются иным богам и приносят им человеческие жертвы, т.к. их религия противна Богу. Именно в концепции войны Господней находит оправдание вооруженная борьба. Но эта концепция, как было сказано выше, требует от Израиля полной преданности, ведь пока он верен завету с Богом, Израиль является проводником Божественного Промысла в истории, но когда он уклоняется от единобожия, то Бог предстает ревностным «мужем браней» и в отношении Своего народа попускает военные поражения и даже порабощения. И в таких случаях даже язычники становятся «оружием» Божественной справедливости [5].

В отличие от Ветхого, в Новом Завете мы не встречаем выраженной военной риторики, здесь нет суждений о войне в значении сражения и битвы. Война в значении битвы рассматривается в эсхатологической перспективе, в смысле последней битвы и окончательной победы Христа над диаволом. Христос говорит о войне как об одном из признаков наступления последних времен: «Когда услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это еще не конец» (Мк 13.7–8) [5, с. 217]. В Новом Завете понятие войны

часто используется в духовно-аскетическом смысле, для обозначения духовной борьбы с грехом. Встречающаяся в Посланиях апостола Павла военная символика несет большую смысловую нагрузку. Апостол часто сравнивает апостольское служение с воинским, называет христианина добрым воином Иисуса Христа, рисуя жизнь христианина, использует военные термины: «возьмите щит веры ... шлем спасения ... и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф 6. 16–17) [5, с. 218].

Новый Завет противопоставляет вражде и ненависти не справедливое возмездие, а любовь. Высшей степенью любви к человеку, по словам Христа, является жертва собой, отдавание своей души за друзей (Ин 15.13). Такой жертвенной любовью является, в том числе, и гибель на поле сражения, смерть от ран и перенесенных лишений во время войны в защиту отечества. В Новом Завете мы сталкиваемся с антиномией: Христос приносит «на землю ... не мир ... но меч» (Мф 10.34). С одной стороны, христианство провозглашает любовь как норму отношений, в том числе, к ненавидящим и обиждающим, и бескомпромиссная борьба со злом, с другой стороны. Борьбу с грехом и силами зла в человеческой истории продолжает Церковь Христова, поэтому вплоть до Второго Пришествия, до тех пор, пока мир лежит во зле, Церковь, основанная Христом, пребудет Церковью воинствующей [5].

Особенностью русской религиозной философии в понимании феномена войны является стремление объяснить характер и содержание этого понятия в свете Божественного Промысла. Несмотря на различие подходов, война есть несомненное зло. В оценке войны русские философы выделяют три аспекта.

1. **Общенравственный** – война есть зло, порожденное грехом вражды, и здесь принципиально важно борясь с грехом не приобщаться к нему. «Тот, кто сопротивляется злодеям силой, мечом, должен быть выше и чище своей борьбы, иначе не он поведет ее и завершит победой, а она увлечет его. Владеть оружием может лишь тот, кто владеет собой, т.е. своими страстями» [5, с. 219]. Такое понимание войны прослеживается в сочинениях В. Соловьева и такой взгляд решительно отвергает идею непротивления злу силой, поскольку любовь должна быть главенствующей в отношениях между людьми.

2. **Исторический** – этот аспект рассматривает значение войны в общечеловеческой истории с точки зрения справедливости. Справедливость хоть и является высшим, но не единственным критерием оценки истории. Историческая борьба народов за свое существование имеет глубокий религиозный и моральный смысл и в свете Божественного Промысла один народ может быть лишь относительно бо-

лее прав, чем другой. «Война есть столкновение судеб, поединок, обращенный к высшему Суду ... В поединке, который есть апелляция двух к Третьему, к Провидению, один может быть более прав, чем другой» [5, с. 220]. Такой поход прослеживается в философии Н. Бердяева. А в трудах Ф. Достоевского понимание войны, как необходимого орудия, дополняется проповедью мира и признанием ее спасительности: «не всегда война бич, иногда и спасение» [Там же].

3. Лично-нравственный – этот аспект предполагает, что цель войны не убийство, а безопасность. С этой точки зрения война открывает для христианина поприще истинно нравственного отношения не только к своим, но и к неприятелю, побуждает не только полагать душу за други своя, но и любить врагов [2]. По мысли того же В. Соловьева: «война, помимо всего прочего, есть для народов реальная школа любви». Другой мыслитель, И. Ильин, выдвигает следующий тезис: «Война освободительная, объединяя нацию, равняет людей в самом высшем проявлении человеческого достоинства – в жертве жизнью за общее дело, за отечество» [5, с. 220]. В целом, как уже и было сказано выше, понимание феномена войны укладывается в христианское русло. Чувствуется живая связь с евангельским преданием.

В церковном учении мы находим идею справедливой войны, основанной на словах Христа: «... взявшие меч мечом погибнут» (Мф 26.52), – и, исходя из этого, – «Церковь не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости» [5, с. 218]. Таким образом, в церковном учении мы находим высказанную еще русскими философами идею справедливой войны, а с нравственной позиции такая война приобретает даже характер священного долга в плане патриотической доблести. Перед тем, как мы перейдем к непосредственной теме нашего исследования, нам необходимо сказать следующее. Хотя эти две войны разделяет довольно значительный промежуток времени, у них есть общая характерная черта, а именно – эсхатологизм. В случае Отечественной войны 1812 г. мы видим почти апокалиптическое напряжение. Здесь, казалось бы, сбываются самые несбыточные опасения и предчувствия. «Общим становится чувство какого-то совсем осязательного водительства Божия, как бы снимающего или растворяющего в себе отдельные человеческие воли ... Отечественная война многими была пережита и осмыслена именно как Апокалиптическая борьба, «суд Божий на ледяных полях». И низложение Наполеона было истолковано как победа Зверем», – такую оценку дает прот. Георгий Флоровский [10].

Эсхатологизм Великой Отечественной войны имеет несколько иную окраску, это не апокалиптическая мнительность, а скорее ожидание Божьего возмездия: «страшно гневается Господь на Россию! Никогда еще не было в мире такого гнева Божия, как теперь над Россией» [3, с. 174]. И этот гнев Божий вызван агрессивным безбожием со стороны советской власти. Гитлер не апокалиптический Зверь, а скорее бич Божий, орудие праведного воздаяния за годы большевистских гонений на православную веру. С другой стороны, на передний план выходит сотериологический аспект, здесь не только время возмездия, но и время спасения. Для сравнения вспомним Достоевское «война не есть только бич Божий, но и спасение».

Святитель Филарет (Дроздов) и война 1812 г. Говоря о значении войны 1812 года, мы должны обратиться к наследию ее современника, святителя Филарета (Дроздова), которое посвящено осмыслению этой войны. Будучи видным богословом, святитель не оставил единой концепции понимания происшедшей трагедии, он как бы вскользь касается этой темы. В целом, его понимание феномена войны соответствует библейскому подходу, в чем мы и убедимся по мере нашего исследования. В слове, сказанном при освящении домово́й церкви во имя Живоначальной Троицы в доме князя А.Н. Голицына через месяц после вступления Наполеона в Москву, он описывает, видимо, самый трагический момент Отечественной войны: «Нет сомнения, что только неослабным подвигом и даже болезнью мы можем достигнуть того, да возобразится в нас Христос (Гал. 4:19). Уповая на помощь Божию, святитель призывает соотечественников: «Отрекитесь прежде сами от нечистот своих искренно и постоянно, и потом, с совершенною доверенностию, представьте Богу продолжать или переманять купель, им для вас поставленную» [7, с. 39].

После изгнания французов требовали осмысления и понесенные тяготы и жертвы войны. В слове, сказанном после благодарственного молебна на третий день после Рождества Христова, мы видим пока еще прикровенную оценку противостояния искренней веры русского народа и «мудрований» европейских народов: «Самая высокая человеческая мудрость есть такое светило, которое поколику само идет неопределенным еще путем, потолику и не может быть надежным путеводителем, и которое чем славнее в свое сиянии, тем страшнее в своем затмении» [7, с. 40].

Более откровенно свои мысли святитель высказывает в напечатанном «Сыне Отечестве», «Рассуждении о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне». Цель «Рассуждений»

– доказать, что «неимоверные подвиги народа русского имеют свое начало и основание в беспредельной вере к Богу, в природной, простой нравственности, суемудрием не искаженной, верности к Царю ... по закону Божию, и любви к Отечеству» [7, с. 41]. Русский народ одержал долгожданную и нелегкую победу, и автор «Рассуждений» следующим образом рассуждает об этой победе: «Верный народ не поколебался, но вверил судьбу свою Богу и монарху. Крепкий союз любви между подданными и государем... есть другой источник силы, сохранившей невредимой целостность государства против напряженнейших усилий к его потрясению и сообщившей благоустройство и живость его действиям в дни нестроения. Будучи уверен в чувствах своего народа, он пригласил его к всеобщему восстанию против врага, и, точно, все восстали.

Простые, но чистые и твердые правила нравственности, переданные от предков и не ослабленные иноплеменными нововведениями, поддерживали сию верность к своим обязанностям среди опаснейших соблазнов и величайших трудностей. Когда глас законов уже почти не слышен был среди шума бранного, закон внутренний говорил сердцу россиянина столь же сильно и повелительно: «Не смущайся сомнением и неизвестностью; в клятве, которую ты дал в верности царю и Отечеству, ты найдешь ключ к мудрости, разрешающей все недомыслия. Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество – ты примешь жизнь и венец на небе» [10, с. 314–315]. Надо сказать, что «Рассуждение» стало камертоном дальнейшего осмысления войны 1812 г., ее значения для истории России и Русской Православной Церкви не потеряло своей актуальности и в наши дни.

Дальнейшее продолжение нравственного и богословского значения войны развивалась святителем Филаретом в слове, сказанном у гроба М.И. Кутузова. «Никакая человеческая мудрость не может объять Промысла, и никакая земная сила не может покорить Его себе. Лишь те, «которые сами ничего не ищут, кроме славы Божества и блага человечества» в покорении себя Промыслу, получают надежду и безопасность, «в Его власти – основание своего могущества, в Его славе – источник своего величия». Именно это осознали российский император, его главный воевода М.И. Кутузов и русский народ в совершившемся бедствии – и с земным Российским царством совершилось по милости и истине Божией» [7, с. 44]. 18 января 1814 года в уже в упомянутом Троицком храме святитель высказывает опасение, что победа уже не переживается как милость Божия в ответ на покаяние и жертвенность русского народа в «шуме плещущих и веселящих-

ся»: «... если кто еще не слышит или не узнает тихого голоса Божия в приключениях собственной жизни, да не затворит, по крайней мере, слуха и сердца от тех всемирных гласов судеб, которые вдруг поражают племена и народы» [7, с. 45].

Таким образом, святитель Филарет видел в войне 1812 г. несомненное сотериологическое значение: она выявляла действие Промысла Божьего, наказания и милосердия Господня, ведь для Русской Церкви, несомненно, это было временем покаяния и исправления и потому не только сама война и ее причины, предпосылки и последствия и поведение русского народа в военных условиях являются частью Священной истории, истории спасения. Сама война становилась достоянием богословия, поскольку она получала экклесиологическое измерение потому, как победа русского народа была тесно связана сохранением чистоты христианского учения русским православием.

Своеобразным наследием войны является и то обстоятельство, что пожар Москвы просветил сердце монарха, осознававшим себя носителем священной идеи [10], война повлияла на его личные христианские достоинства и чистоту вероисповедания, осознание им ответственности перед Богом за вверенный народ и послушания воле Божией [7].

После Отечественной войны 1812 года в русском обществе значительно снизилось западное (особенно французское) влияние, и произошел подъем национального самосознания, основными составными частями которого стали Православие, Самодержавие и Народность [6]. Государь Николай I и выразитель его воли С.С. Уваров избрали и определили девизом России эту трехсоставную формулу, не без видимого ее противопоставления девизу революционной Франции, также состоящему из трех слов [12].

Наследие Великой Победы 1945 года. Оценка смысла и значения Великой Отечественной войны созвучна таковой у святителя Филарета (Дроздова). Как уже было сказано выше, оценка войны получила двоякую оценку. Часть эмиграции, в том числе и духовенство, увидели в этом кару Божью. С этим невозможно не согласиться. В своем выступлении, посвященном Наследию Победы, патриарх Кирилл так обозначил позицию Церкви: мерзость запустения царя на святом месте. А сколько храмов было определено к уничтожению, и только начало войны помешало совершить эти злодеяния?

Но все эти внешние разрушения и святотатства были бы невозможны без огромного внутреннего слома, который произошел в народной жизни. Новые власти объявили войну религии и в первую очередь православной вере – всему тому, что на протяжении веков

формировало и созидало русскую культуру. Вместо этого стала насаждаться новая «религия» со своими кумирами, со своими святынями и святыми, с мучениками, со своей эсхатологией в виде наступления эпохи всеобщего равенства, благополучия и справедливости. Эта языческая по своей сути вера пленила значительную часть народа, буквально поработила народное сознание [1].

Фашистская Германия иным казалась спасителем Русского государства от агрессивного безбожия. Видя карающую Десницу Божию, они смогли разглядеть только бич, но не расслышали призыв к покаянию. «Лучшие люди всех народов, – писал митрополит Анастасий (Грибановский) Адольфу Гитлеру, – видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду. Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под этим рабством, ожидающий своего освобождения, постоянно возносит к Богу молитвы, чтобы Он сохранил Вас и дал Вам свою всеильную помощь» [9, с. 95–96].

Впоследствии один из ее иерархов РПЦЗ вспоминал, как поначалу надеялся на благородство Германии и скорое освобождение русского народа от марксистских пут. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере и по крови, – как замечательно высказывался митрополит Сергей (Воскресенский), глава Псковской миссии, – затмили мечты о восстановлении свободного Русского государства у некоторой части зарубежного духовенства и политически активных мирян, отнесшейся к германской агрессии с воодушевлением [3]. Нападение на Советский Союз ими было воспринято как крестный ход против советского правительства, а не война против русского народа. Печальнее всего то, что такое понимание своей, якобы патриотической миссии, сохранилось у них и в послевоенные годы. Да, в этом была своя правда, но это скорее была правда мечтательного самообмана.

Для тех, кто оказался по другую сторону окопов, война оказалась, не бичом, а скорее спасением: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгонят всякие миазмы: равнодушие к благу Отечества, двурушничество, служение личной наживе и пр. У нас уже имеются некоторые признаки такого оздоровления. Разве не радостно, например, видеть, что с первыми ударами грозы мы вот в таком множестве собрались в наш храм и начало нашего всенародного подвига в защиту родной земли освящаем церковным богослужением» [4]. В этих словах, сказанных Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), с первых дней война приобрела характер священной

борьбы с врагом и средством очищения от людских пороков, ведь именно они признаны причиной войны и именно от них через всенародный подвиг призван очиститься русский народ. Иерарх призывает забыть обиды и встать на всенародный подвиг.

«Повторяются времена Батыя, – говорит он далее, – времена немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины» [4]. Конечно, понимание того, что война была наказанием за грех богоотступничества всего народа, за попрание святынь и за кощунство не покидало православную часть русского, но, в отличие от зарубежников, он очень хорошо понимал, что не спасение несет Германия, а гибель не только государства, но и православной веры и что только самоотверженным подвигом даже тех, кто столь ревностно претворял в жизнь «пятилетку безбожия» возможно спасение. И русский народ оказался способным на это самопожертвование.

Победа была воспринята русским народом как милость Божия в ответ на всенародный подвиг. В Слове в День Победы 9 мая 1945 г. уже патриарх Алексий (Симанский) обращается к своей пастве: «Слава и благодарение Богу! ... Бог посрамил дерзкие мечты злодеев и разбойников, и мы видим их теперь несущими грозное возмездие за свои злодеяния. Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня, – дня, в который изрек Господь праведный суд Свой над злейшими врагами человечества, – и Православная Русь, после беспримерных бранных подвигов, после неимоверного напряжения всех сил народа, вставшего как один человек на защиту Родины и не щадившего и самой жизни ради спасения Отечества, – ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно зывая к Самому Источнику побед

и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы и за дарование мира всему миру» [8].

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для нашего Отечества. Но стремление к Победе объединило народ, побудило вспомнить о Боге и православных духовных корнях. И милосердие Господне привело нас к победе в святые Пасхальные дни, когда торжествуется главная Победа – победа Христа над смертью. На протяжении веков наш народ черпал духовные силы в православной вере, вдохновлялся идеалами евангельской святости, стремясь сделать их содержанием своей жизни. Благодаря православной вере русский народ усвоил в качестве одной из важнейших своих национальных черт способность к подвигу и самопожертвованию, самоотверженности и жертвенной любви. Эти благородные свойства души нашего народа и его характера со всей яркостью проявились в годы Великой Отечественной войны. Солидарность, единство народа, его возвращение к духовным корням стало источником и прочным основанием Победы [2].

Память о наследии Великой Отечественной войны – важная составляющая самосознания и наших соотечественников, проживающих в странах дальнего зарубежья. Зримым свидетельством этого является акция «Бессмертный полк». Миллионы людей по всему миру с благодарностью и любовью вспоминают тех, кто на фронте и в тылу вносил свой вклад в приближение победы над злом, победы, завершившейся полным разгромом фашизма.

Заключение. Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы особо акцентировать внимание на следующих моментах. Квинтэссенцией богословия войны, на наш взгляд, является библейская концепция «Войны Господней», которая требует полной преданности, ведь в плане священной истории у каждого народа есть свое предназначение, и пока он верен этому предназначению, каждый народ является проводником Божественного Промысла в истории, но когда он уклоняется от единобожия, то Бог предстает ревностным «мужем браней» и в отношении Своего народа попускает военные поражения и даже порабощения. И, в таких случаях, даже язычники становятся «оружием» Божественной справедливости. Именно такое понимание смысла и значения войны мы видим, как в богословском наследии православных иерархов, но и в наследии русской религиозной философии, которая также понимает антиномию войны в свете Божьего Промысла и Его действия в истории.

Наследием Отечественной войны 1812 г. явилась известная триада «православие, народность, самодержавие», которая стала на тот момент государственной идеологией синодальной эпохи. Такое же наследие, на наш взгляд, имеется и у Великой Отечественной войны.

Это, без всякого сомнения, ставшая не только общероссийской, акция «Бессмертный полк». Ведь именно солидарность, единство народа, его возвращение к духовным корням стало источником и прочным основанием Победы и память о наследии Великой Отечественной войны – важная составляющая национального самосознания.

И в связи с этим предполагаемая конституционная поправка должна стать надежным гарантом сохранения этой исторической памяти. А сама идея «Бессмертного полка» способна стать государственной идеологией, поскольку в ней имплицитно отражена библейская истина о необходимости полной преданности Промыслу Божию, синергии с Богом как истинного предназначения народов в свете священной истории вплоть до ее завершения во Второе Пришествие Христово.

Источники и литература

1. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений: www.patriarchia.ru/db/print/5582481.html (дата обращения 01.03.2020).

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // www.consultant.ru URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=346019&fld=134&dst=1000000001,0&md=0.41436204709511903#007170301466341233>

3. *Кострюков, А. А.* Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008): Учебное пособие / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 368 с.

4. Послание пастырям и пасомым Христовой православной церкви местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941г. <http://pravoslavie.ru/35145.html>

5. Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, т. 9 / Владимирская икона Божией матери – Второе Пришествие. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – 752 с.

6. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны // lhistory.ru URL: <http://lhistory.ru/statyi/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-gody-velikoj-otechestvennoj-voynu> (дата обращения: 9.02.20).

7. Русское богословие: исследования и материалы. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 272 с.

8. Слово в День Победы 9 мая 1941 г. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. <http://www.pravoslavie.ru/35143.html> (дата обращения 11.03.2020).

9. *Троицкий С. В.* О неправде Карловацкого раскола. – Париж: Editions de l'exarchat patriarcal russe en Europe Occidentale, 1960. – 148 с.

10. Филарет митрополит Московский и Коломенский. Творения / Филарет (митрополит). – М.: Изд-во «Отчий дом», 1994. – 476 с.

11. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия / Георгий Флоровский. – М.: Вильнюс, 1991. – 602 с.

12. Хомяков, Д. А. Православие, Самодержавие, Народность. / Д. А. Хомяков. – М.: «ДАРЪ», 2005. – 464 с. (Серия «Христианский мир»).

А.Р. Шастина*

DOI: 10.25839/h3205-0834-7426-h

Понятия «вера» и «религия» в контексте изменений Конституции РФ и международных стандартов правового регулирования

Автором рассматриваются вопросы правового регулирования понятий «вера» и «религия» в условиях включения в текст российской Конституции слов «вера в Бога». Отмечается следующее: чтобы быть совместимым с международными стандартами в области прав человека, термин «вера» должен иметь широкую сферу охвата и должен быть отделен от религии, с тем, чтобы было ясно, что закон защищает свободу религии и веры в очень широком смысле, т.е. также теистические, нетеистические, атеистические и агностические убеждения. Автор приходит к выводу, что вера в Бога один из аспектов убеждений человека, которые в Российской Федерации защищаются в равной степени на основании конституционных прав каждого человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания.

Ключевые слова: вера, религия, свобода совести, свобода вероисповедания, поправки к Конституции.

Notions of belief and religion in the context of changes in the RF constitution and international legal regulation standards

The author considers the issues of legal regulation of the notions «belief» and «religion» in the conditions of including the words «belief in God» into the text of the Russian Constitution. The following is noted: in order to be compatible with international human rights standards the term «belief» must have a wide scope and be separated from religion in order to make it clear that the law protects freedom of religion and faith in a very broad sense, i.e. also theistic, non-theistic, atheistic and agnostic beliefs. The author concludes that belief in God is one aspect of the human belief that is protected in the Russian Federation equally on the basis of the constitutional rights of every person and citizen to freedom of conscience and religion, freedom of thought and speech.

Keywords: belief, religion, freedom of conscience, religious freedom, amendments to the Constitution.

* Шастина Анжелика Размиковна, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет» (г. Иркутск, Россия).

Shastina Anzhelika Razmikovna, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Baikal State University" (Irkutsk, Russia).

Принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [5], предусматривающего включение в её текст указания на веру в Бога, переданную народу России предками (ч. 2 ст. 67.1), не означает, по мнению Конституционного Суда РФ, отказа от светского характера Российского государства, провозглашенного в ст. 14, и от свободы совести, гарантируемой ее ст. 28, поскольку «по своей формулировке не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в Российской Федерации, не ставит вопреки ч. 2 ст. 19 Конституции РФ граждан России в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности и призвано лишь подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» [6].

Действительно, вопросы, связанные с обладанием, юридическим закреплением и реализацией прав и свобод человека, предусмотренных конституциями большинства государств, в том числе, ст. 28 Конституцией РФ, а именно: свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, длительное время обсуждаются в обществе [9, гл. 2].

Необходимо проанализировать, рассматривается ли в правовых нормах понятие «вера» равнозначно с понятием «религия», и каким образом следует трактовать данную поправку гражданам России, которые осознанно не имеют веры в Бога (атеисты), либо их вера не связана непосредственно с личностью Бога (например, в буддизме). Таким образом, нужно обратиться к понятию «вера» и его юридическому смыслу, в том числе, в аспекте закрепленной в ч. 1 ст. 29 Конституции РФ гарантии каждому человеку и гражданину свободы мысли и слова.

Если обратиться к международным актам, то Европейская конвенция по правам человека [1] понятие «вера» не использует. Закрепляя в ст. 9 свободу мысли, совести и религии, подробное регулирование касается непосредственно религии. Общеизвестное определение «религия» в международном праве отсутствует, и многие государства столкнулись с трудностями определения этого понятия. Неоднократно предпринимались попытки различными государствами на законодательном уровне определить, что такое «религия» и такие родственные

термины, как «секта», «культ», «традиционная религия» и т. д. Однако на практике оказалось, что однозначное юридическое определение таких терминов не может применяться вследствие существующего религиозного многообразия.

Как отмечают европейские исследователи этого вопроса: «общая ошибка в том, что определение религии требует, чтобы вера в Бога была необходима для того, чтобы что-то считалось религией.... Кроме того, такие термины, как «секта» и «культ», часто используются в уничижительном, а не в правовом смысле» [8, с. 6].

Международным стандартам будет соответствовать закрепление не религии в узком смысле, а религии и веры. Аспект «вера», как правило, относится к глубоко укоренившимся в сознании и совести человека убеждениям, которые имеют основополагающее значение для его состояния и самоощущения в мире. Таким образом, атеизм и, например, агностицизм, как правило, считается приравненным к религиозным верованиям с точки зрения обладания права на защиту. Очень часто законодательство не защищает должным образом (или вообще не упоминает) права неверующих. И, хотя исследователи согласны, что не все убеждения имеют право на равную защиту, настаивают на рассмотрении вопроса о дискриминации неверующих и его законодательном разрешении.

Исходя из практики Европейского суда по правам человека, международные стандарты защиты мысли, совести и религии рассматривают религию в смысле религиозных убеждений, а понятие «вера» как более широкое, относящееся к глубоко укоренившимся убеждениям, а, следовательно, атеизм и агностицизм имеет право на защиту так же, как и религиозные убеждения. Кроме того, в равной степени должны быть защищены права неверующих.

Таким образом, любые ограничения, которые могут быть связаны с определением того, что считается религией, требуют самого тщательного изучения. Попытки дать определение религии не должны быть произвольными, субъективными или связанными с конкретным вероисповеданием, при этом любые критерии определения религии должны быть гибкими [8, с. 6]. Чтобы быть совместимым с международными стандартами в области прав человека, термин «вера» должен иметь широкую сферу охвата и не ограничиваться традиционными религиями или религиями и убеждениями с институциональными характеристиками или практикой, аналогичными традиционным религиям. Термин «вера» должен быть отделен от религии, и было очевидно, что закон защищает свободу религии и веры в очень широком смысле, т.е. также теистические, нетеистические, атеистические и агностические убеждения [7, с. 10].

Как отмечено в совместном заключении Европейской комиссии за демократию через право и Бюро Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по демократическим институтам и правам человека [8, с. 7], защита, предоставляемая правом на свободу мысли, совести и религии, как в ст. 9 Европейской конвенции по правам человека, так и в ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах [2], не ограничивается в ее применении традиционными религиями или религиями и верованиями, институциональные особенности или ритуалы которых аналогичны традиционным религиям. Очевидно, что Европейская конвенция по правам человека и Международный пакт о гражданских и политических правах едины в том, что защищают теистические, нетеистические и атеистические верования, а также право не исповедовать никакой религии и не иметь никакой веры. Ст. 9 Европейской конвенции по правам человека, как утверждается в рассматриваемом заключении, защищает пацифизм и любые верования, сходные с «религиозными или философскими убеждениями», «взглядами, которые достигли определённого уровня неоспоримости, значимости, сплочённости и важности» [10].

То, что свобода совести и вероисповедания должны быть широко истолкованы, дополнительно подтверждено Комитетом ООН по правам человека, который указал, что ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах не ограничивается в ее применении традиционными религиями или религиями и верованиями, институциональные особенности или практика которых аналогичны традиционным религиям. И законодательство, которое защищает свободу совести только в аспекте вероисповедания и религиозных убеждений не соответствует современным международным стандартам в сфере прав человека [8, с. 8].

Итак, новейшая редакция Конституции РФ констатирует, что тысячелетняя история нашего государства неразрывно связана с предками, передавшими нам идеалы и веру в Бога. Сам по себе этот текст, как и установил Конституционный Суд РФ, не может свидетельствовать о том, что Россия не поддерживает изученные международные стандарты. Именно православие, связанное с верой в Бога, было основной религией наших предков. Смысл данной поправки соотносится с Преамбулой Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4], где признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры и уважается христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России.

Таким образом, какие бы убеждения не формировали бы личность человека и его совесть, независимо от того, содержат ли его религиозные убеждения веру в Бога или нет, и есть ли у человека религиозные убеждения и вера вообще, в настоящий момент, и с учетом конституционных изменений, любой человек, любое религиозное объединение могут чувствовать себя на территории Российской Федерации свободными и защищенными в своем праве на свободу совести и вероисповедания.

Источники и литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

4. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

6. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.

7. Руководящие принципы относительно правосубъектности религиозных общин и общин, придерживающихся определенных убеждений. Опубликовано Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) // URL: <https://forb.by/sites/default/files/145431.pdf> (дата обращения 15.03.2020).

8. Compilation of Venice Commission Opinions and Reports concerning Freedom of Religion and Belief // URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI%282014%29005-e> (дата обращения 15.03.2020).

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

10. Комаров С.А., Лантева И.В., Тютенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация норм Конвенции и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд. /Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.-СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2015. – 426 с.

Архиепископ Ярославский Нил (Исакович) как исследователь буддизма в Сибири

Архиепископ Ярославский Нил (Исакович) (ум. 1874 г.) является выдающимся церковным иерархом XIX в., ученым и талантливым писателем. Однако его наследие до сих пор слабо изучено. Современные немногочисленные работы о нем описывают его чаще всего как церковного деятеля, ярославского краеведа, геолога. Но мало кто упоминает о его монографии, посвященной буддизму в Сибири. Цель настоящей статьи – актуализировать наследие преосвященного Нила как исследователя буддизма, приоткрыв тем самым еще одну область его деятельности.

Ключевые слова: архиепископ Нил (Исакович), буддизм в Сибири, ламаизм, шаманизм, капище, дацан, буддийская служба.

Archbishop of Yaroslavl Nile (Isakovich) as a researcher of buddhism in Siberia

Archbishop of Yaroslavl Nile (Isakovich) (died in 1874) is an outstanding church hierarch of the 19th century, a scientist and a talented writer. However, his legacy is still poorly explored. There are few contemporary works about him in which he is described mostly as a church figure, a Yaroslavl local historian and a geologist. Few researchers mention his monographs on Buddhism in Siberia. The purpose of this article is to actualize the heritage of the Reverend Nile as a researcher of Buddhism, thereby opening up another area of his scientific activity.

Keywords: Archbishop Nile (Isakovich), Buddhism in Siberia, Lamaism, shamanism, pagan temple, datsan, Buddhist worship

Преосвященный Нил, архиепископ Ярославский и Ростовский, является одним из целой плеяды выдающихся деятелей Русской Православной Церкви XIX века. Имя его, однако, не особо известно широкой публике. Нельзя сказать, что владыка Нил незаслуженно забыт потомками. Он, скорее, находится в тени своих знаменитых современников, канонизированных Церковью – святителей Филарета (Дроздова), Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника, или же ученых архиереев, известных своими фундаментальными богословскими и историческими трудами, таких как Макарий (Булгаков), Филарет (Гумилевский) и др. Тем не менее, его служение как архипастыря и миссионера, а также его научные изыскания и литературные труды стоят того, чтобы к ним обращаться и исследовать. Это был «ученый монах, знаток

* Шатравский Сергей Иосифович, кандидат богословия, доцент Института теологии Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Shatravsky Sergey Iosifovich, Candidate of theology, associate professor of the Institute of Theology of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

нескольких языков, переводчик Св. Писания и богослужебных текстов на монгольский язык, миссионер, полемист, духовный писатель, церковный историк и краевед, автор уникальных по своему содержанию и значению «Путевых записок» и научного труда по буддизму, геолог, обладатель уникальной минералогической коллекции...» [8, с. 12].

Современные авторы, интересующиеся творческим наследием архиепископа Нила, охватывают своим вниманием далеко не все аспекты его деятельности. Для одних исследователей большой интерес вызывает его труд «Путевые записки о путешествии по Сибири», который сравнивают с другими знаменитыми произведениями жанра путешествия и признают одним «из выдающихся произведений церковной путевой литературы середины XIX столетия» [9, с. 101]. Другие обращают внимание на владыку Нила как на ярославского краеведа и общественного деятеля, на его слова и поучения, опубликованные в «Ярославских епархиальных ведомостях» в 60-е годы XIX столетия. Имя преосвященного Нила можно также встретить в работах по истории минералогии: свою уникальную коллекцию минералов и раковин, собранных им во время путешествий по Сибири, владыка распорядился передать минералогическому музею Санкт-Петербургского университета [8, с. 105–107].

Однако немногие авторы специально обращаются к исследованию, проведенным архиепископом Нилом во время его пребывания на Иркутской кафедре, посвященным буддизму. Например, в небольшой монографии доцента Санкт-Петербургской Духовной Академии Карпука Д.А., посвященной жизни и творчеству преосвященного Нила (и, похоже, единственной такой монографии), этому вопросу посвящено лишь несколько страниц [8, с. 89–93]. Между тем труд «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» [13], являющийся вторым по значимости в научном наследии преосвященного Нила, не потерял своей актуальности и сегодня.

Стоит отметить, что владыка Нил был одним из первых деятелей Православной Церкви, занимавшихся исследованиями буддизма. До него, насколько нам известно, было написано лишь несколько небольших работ о буддизме [16; 17], автором которых является архимандрит Палладий (Кафаров), выдающийся русский востоковед, руководитель Пекинской духовной миссии. Именно Кафарова российский буддолог Е.А. Торчинов считает зачинателем научного изучения буддизма в России, наряду с академиком В.П. Васильевым [18, с. 208–209]. После преосвященного Нила этой теме посвящали свои труды известные православные миссионеры, богословы, преподаватели и профессора духовных академий. Вот имена некоторых из них: равноапостольный Ни-

колай (Касаткин), профессор Московской Духовной Академии А.И. Введенский, Киевской – Д.В. Горохов, Казанской – новомученик архиепископ Суздальский Гурий (Степанов). Последним из русских христианских мыслителей дореволюционного периода, в сферу многочисленных научных интересов которого входил буддизм, является В.А. Кожевников.

Несколько слов о жизни архиепископа Нила. Среди описаний его биографии, размещенных как на интернет-страницах [14; 15; 19], так и в различных изданиях, есть некоторые несоответствия. Во-первых, называются разные года его рождения [8, с. 13]. Чаще всего встречается 1799 г. Во-вторых, часто ошибочно пишут, что он является уроженцем Могилева [9 с. 101; 14; 15; 19]. В действительности будущий владыка родился в селе Орехи Оршанского уезда Могилевской губернии (ныне – поселок Ореховск в 20-ти км от Орши) в священнической семье. В Могилеве он закончил семинарию. Затем последовала учеба в Санкт-Петербургской Духовной Академии, по окончании которой в 1825 г. – постриг в монашество. С 1830 г. – ректор Ярославской Семинарии. Как раз в это время у архимандрита Нила проявляется интерес к миссионерской деятельности среди старообрядцев и язычников, который в полной мере стал реализовываться с возведением его в епископский сан в 1835 г.

В 1838 г. его переводят с Вятской кафедры в Иркутск, где он прослужит 16 лет до назначения в Ярославль в 1853 г. Регулярные поездки архиепископа Нила по самой большой епархии Российской империи – в первую очередь по Бурятии и Забайкалью – пробудили его интерес к буддизму, число последователей которого в Сибири в XIX в. постоянно росло [8, с. 68]. Сам факт того, что часть поданных империи исповедует буддизм, должен был, так или иначе, стимулировать иерарха к поиску способов ведения миссии среди этих народов, а значит – изучать их культуру, быт и религию. Для успешного ведения миссии в Сибири владыка выучил монгольский и бурятский языки. Одной из крупных удач преосвященного было обращение им в православие известного буддийского ламы Николая Дорджеева, ставшего впоследствии преподавателем православной семинарии в Иркутске, священником, переводчиком богослужебных книг на монголо-бурятский язык и, наконец, лектором Санкт-Петербургского университета [8, с. 68–71].

Главный труд архиепископа Нила, посвященный буддизму, был издан через пять лет после его отъезда из Иркутска. Начинается он с описания особенностей живущих в Сибири народов, кратко рассказывая о постепенном присоединении этих мест к Российской империи. Этой теме посвящены 15 страниц введения. Ученый указывает на то, что большинство проживающих на этих обширных территориях не являются автох-

тонными жителями: «Человек искони являлся здесь не столько жителем, сколько скитальцем; не ветвью древа, возрастшаго на родной почве, но осколком, откуда-то занесенным бурей переворотов» [13, с. 1]. Обращая внимание на их религиозную принадлежность, автор подчеркивает тот факт, что Сибирь никогда не представляла единства в составе народонаселения, особенно в ее Северной части. Самый многочисленный народ Восточной Сибири – буряты – почти все буддисты. Тунгусы в большинстве также приняли буддизм, хотя есть и такие, что «держатся шаманства или влаются между обоими верованиями» [13, с. 7].

Как замечает автор, несмотря на то, что Сибирь присоединена к России уже около 250 лет, быт ее коренных обитателей практически не изменился. «Где искони водворялись племена, там и ныне их же видим, и видим во всей простоте века Аврамова. Домо-обзаведение их ограничено убогою кущею, потребности в пище и одежде не простираются далее того, что получается от стад» [13, с. 10]. Общая древняя вера всех этих народов – шаманизм, который, однако, в силу исторических причин уже не представляет прежнего единства. Часть населения стала мусульманами, часть приняла христианство, часть – буддизм [13, с. 10–13].

Архиепископ Нил задается вопросом о причинах, в силу которых буддизм «случайно явившись, [...] умел встать твердою ногою, воздвиг капища, обстановил себя легионом жрецов и более столетия господствует от Амура до Лены, над значительнейшею частью монголо-бурятского и тунгусского племени» [13, с. 13–14]. Выяснение причин этого и явилось для автора поводом к изучению теории и практики буддизма. Говоря современным языком, ученый в своем исследовании использует методы наблюдения и опроса: «А шестнадцатилетнее служение мое в Восточной Сибири, многократные путешествия, обозрения капищ, сношения с туземными племенами и другие условия споспешествовали мне в труде моем, и не раз давали возможность снимать завесу с самых глубоких мистерий» [13, с. 14].

Владыка Нил использует для своих изысканий не только «пособия науки и опыта» [13, с. 14], но и «Ганджур-Данджур». Речь идет о двух больших сводах тибетского буддийского канона. Первый из них – Ганчжур – включает в себя, как это понимает сама традиция, проповеди основателя религии Будды. Второй – Данчжур – содержит комментарии к Ганчжур, «однако содержание этого свода выходит далеко за рамки комментирования положений буддизма. Это сложный комплекс сочинений, в которых представлены – религиозно-философская система буддизма и традиционные средневековые тибетские научные

знания в области философии, логики, медицины, технологии, грамматики и т.д.» [3, с. 3].

Первая глава сочинения преосвященного Нила посвящена общему взгляду на буддийское вероучение. Ученый разделяет буддизм «на две секты – фоистов и лам» [13, с. 14], различия между которыми в отсутствии иерархии у первых. Под фоистами понимаются последователи китайского буддизма (китайское слово «Фо» обозначает «Будда») [21, с. 166], под ламами – тибето-монгольской ваджраяны, в литературе часто называемой также ламаизмом. Здесь нужно отметить, что именование «ламаизм», возникшее еще в XVIII-XIX веках и прочно закрепившееся, в том числе, и в научной литературе, устарело, и сейчас его употребление не вполне корректно по ряду причин. Во-первых – это никогда не было самоназванием, Во-вторых, употребление термина не было однозначным и толковалось по-разному. В-третьих, в начале 1960-х духовный лидер этого направления буддизма Далай-лама XIV призвал мировую общественность отказаться от этого термина. «Поводом для этого послужили начавшиеся в Тибете акции против буддийской культуры, которые китайские власти обосновывали так: ламаизм Тибета есть деградировавшая форма буддизма, а потому достоянием культуры не является» [12, с. 8].

Однако в научной литературе, как западной, так и русскоязычной, термин «ламаизм» использовался как синоним ваджраяны и после обращения Далай-ламы [4; 6], встречается он и до сих пор, часто без категорических указаний на его некорректность [7; 21, с. 259]. Но для науки XIX века употребление этого понятия было вполне допустимым.

Интересно приводимое ученым летоисчисление изучаемых им буддистов: в 1857 году – время написания труда архиепископа – у них шел 2894 год [13, с. 17]. Отсчет, таким образом, начинается с 1037 г. до Р.Х. Но что означает эта дата – год нирваны Будды, как это обычно принято у большинства школ? Или его рождения? Или какое-то другое событие их священной легендарной истории? Ответа на этот вопрос автор, к сожалению, не дает. Можно отметить лишь, что подобная датировка совершенно не типична для большинства буддийских школ, и уж точно не разделяется никем из буддологов [1, с. 460–465].

Общая оценка буддизма архиепископом Нилом звучит так: «В нравственных уроках видно стремление к аскетизму; возвещается вечная борьба духа с материей, и делаются попытки дать в природе человеческой перевес первому. В обрядовой части буддизм приводит к действию все пружины древнего язычества. Дивит разнообразием

хуралов и гурумов, вдается в оргии и допускает экстазы, не разнящиеся от пифийских и шаманских» [13, с. 17–18]. Словом «хурал» обозначается религиозная служба в буддизме ваджраяны. Гурумы – это обрядовые действия, совершаемые, как правило, с целью защиты от злых духов.

Основную часть труда владыки Нила можно условно разделить на три раздела (сам автор такого деления не дает). Первый раздел посвящен изложению теоретических предпосылок сибирского буддизма согласно принятому канону Ганчжуру и Данчжуру, а также популярным в народе легендам. Описывая буддийскую космогонию и космологию, ученый указывает на неопределенность и двусмысленность буддийских источников, их противоречие в этих вопросах, что признают и сами опрошенные им буддисты [13, с. 19]. Главная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что буддизм махаяны и ваджраяны, распространяясь в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, не объявлял, как правило, местные верования и обычаи суевериями, ересью или неправильной религией, а включал эти традиции в себя, пытаясь дать им буддийское объяснение. Но далеко не всегда эти локальные культы легко и непротворечно вписывались в буддийскую картину мира. Кроме того, еще известный российский буддолог О.О. Розенберг «показал наличие нескольких уровней в буддизме и принципиальное отличие популярного, народного, буддизма от философского буддизма» [18, с. 210].

С одной стороны, буддийские писания не знают всемогущего Бога-Творца – факт, который, по словам преосвященного, мог бы подтвердить практически любой опрашиваемый им буддист. Факт, по сути, верный для всех буддийских направлений, однако, иногда, требующий дополнительной нюансировки в зависимости от изучаемой формы буддизма. Классический махаянский трактат об этом «Возражение по поводу творения Ишварой и опровержение единого творения Вишну» написан Нагарджуной, который считается основоположником махаяны и которого часто награждают эпитетом «Второй Будда» [2, с. 287–297].

С другой стороны, ряд мифов и легенд все же описывают подобное существо, отождествляемое с Буддой и носящее имя Абида [13, с. 19–23]. Есть история о творении Абидой первого человека по имени Мандза, который становится отшельником, но его соблазняет женщина. У них рождаются дети, у которых был ряд недостатков. Мандза страдал от этого и от своей злой жены-фурии. Наконец он возопил к Творцу - Абиде, который внял воплю несчастного и открыл ему причину выпавших на него испытаний. «Мандза, возблагодарив за благодеяния, поспешил исполнить веления Будды. И проходя море

житейской суеты, до самого преселения в мир нирваны, верен был правилу [...] – будь терпелив и воздержен» [13, с. 35].

Еще подробнее ученым описываются первые обитатели видимого мира – духовные божественные существа тенгерины. Среди мифов и легенд есть история, рассказывающая о падении части этих духов. Владыка Нил приводит классификацию буддийских богов, а также классы всех одушевленных тварей. Их шесть. Высшие – тенгерины (в классическом буддизме это боги (санскр. deva)), асурины и люди, низшие – бессловесные животные, бириты (санскр. preta – голодные души) и обитатели ада [13, с. 44–61].

Наиболее ценным представляется второй раздел книги преосвященного Нила, который рассказывает о практической обрядовой части буддизма. Очень скрупулезно описывается иерархия буддийского духовенства Сибири, состоящая из одиннадцати степеней [13, с. 68–85], облачения каждой из них, порядок ординации в чины духовного звания [13, с. 86–93], буддийские капища-дацаны (некорректное, но простительное для православного иерарха название для буддийских монастырей) и их устройство [13, с. 93–104], а также главная драгоценность и гордость дацанов – собрание священных книг Ганджур-Данджур [13, с. 105–114]. Далее следует подробное описание хуралов [13, с. 114–125] – буддийских богослужений и многочисленных обрядов, большинство из которых связаны с главными жизненными циклами человека – рождением, браком, смертью [13, с. 125–150]. Особое внимание автор уделяет описанию способов достижения человеком нравственного совершенства, а также наград и наказаний после смерти [13, с. 150–218].

Заканчивает свой труд преосвященный Нил историческими очерками, рассказывающими о борьбе буддизма с шаманизмом, об особенностях последнего и о вторжении буддизма в Сибирь. Отвечая на поставленный в начале книги вопрос о причинах укоренения буддизма в Сибири, ученый называет ряд факторов, способствовавших этому. Одним из таких факторов является врачебное искусство лам, которому посвящена отдельная глава книги, и которое усиливало влияние буддизма в бурятской среде. Миссионерская деятельность лам, не имевшая поначалу успеха, постепенно приспособилась к условиям и быту бурят. Еще один фактор – политические интриги некоторых честолюбивых лидеров буддизма. Но, пожалуй, главная причина успеха буддизма в данном регионе – это страх народа перед колдовским искусством лам. «Бедные шаманисты всюду были преследуемы. Ни леса, ни горы не укрывали их от мести лам, целыми стадами рыскавших по

всему Забайкалью и даже в окрестностях Иркутска. Само христианство ощутило тяготу их влияния. Из язычников почти никто не решался принимать Св. Крещение, боясь ламского прещения» [13, с. 253, 254].

Еще одна причина успеха буддизма, названная архиепископом Нилом, – это недалёковидные взгляды местного сибирского начальства, которое иногда издавало открытые предписания в пользу пропаганды буддизма. И лишь начиная с 1822 года, обратив внимание на небывалый успех пришедшей религии, оно стало вводить некоторые ограничения, например, разрешение лишь определенного числа кумирен и штатных священнослужителей-лам.

Давая общую характеристику монографии преосвященного Нила, можно отметить следующее. Автор мало предаётся теоретическим измышлениям о буддизме, работа его носит конкретно прикладной характер. Ученый, как это следует из названия книги, описывает ту форму буддизма, с которой сам был лично хорошо знаком. Примечательно наличие в книге предметного указателя.

Несмотря на миссионерские цели, ради которых был написан этот труд, архиепископ Нил пытается быть объективным, насколько это ему позволял его священный сан и статус. Утверждение современного российского буддолога Т.В. Ермаковой о том, что «изложение наряду с буддийской космологией шаманистских представлений объясняется тем, что буддизм приравнивался арх. Нилом к язычеству, его статус первой мировой религии тем самым имплицитно отвергался, что соответствовало задачам апологетики христианства» [5, с. 22] весьма спорно. Преосвященный делает достаточно четкое различие шаманского и буддийского мировоззрения, излагая первое зачастую в пику буддийскому. Он не пускается в одни лишь обличения чужой религии, как это иногда встречалось в последующих трудах некоторых православных авторов, например иеромонаха Мефодия, также использовавшего доступный ему материал тибето-монгольской ваджраяны [10; 11; 20, с. 34–45].

Не случайно даже через 50 лет после издания книги о владыке Ниле среди преподавателей духовных школ упорно ходили слухи о том, что он был «тайным буддистом»: их поражал сам факт того, что исследование было сделано не профессиональным буддологом, а епископом Русской Церкви. Православный архиерей пишет о буддизме такие вещи, с которыми нельзя познакомиться, не побывав на богослужениях буддистов. Вот сам собой и напрашивался вывод, что, если архиерей действительно присутствовал при буддийских ритуалах

и мистериях, наблюдал за совершением их обрядов, значит, он сам был буддистом!» [8, с. 89].

Конечно, в работе архиепископа Нила имеются определенная ангажированность. Но учитывая то, когда и кем была написана книга, можно сделать однозначный вывод: данная работа соответствует научным нормам и идеалам того времени, да и для современников представляет интерес, как минимум в качестве идеального образца исследования на данную тему, выполненного одним из выдающихся иерархов своего времени.

Источники и литература

1. *Андросов, В. П.* Будда Шакьямуни. Современное истолкование древних текстов / В. П. Андросов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 508 с.
2. *Андросов, В. П.* Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты / В. П. Андросов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 799 с.
3. Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк / Н. Д. Болсохова [и др.]; отв. редактор Р. Е. Пубав. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 199 с.
4. *Герасимова, К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма / К. М. Герасимова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 320 с.
5. *Ермакова, Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века: Россия и сопредел. страны / Т. В. Ермакова. – Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения, С.-Петерб. фил. – СПб.: Наука. С.-Петерб. изд. фирма, 1998. – 340, [4] с., [2] л. ил.
6. *Жуковская, Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии / Н. Л. Жуковская. – М.: Главная редакция восточной литературы, Издательство «Наука», 1977. – 200 с.
7. *Жуковская, Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011 / Н. Л. Жуковская – М.: Ориенталия, 2013. – 480 с. – («Буддология»).
8. *Карпук, Д. А.* Архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874): геолог, минералог, палеонтолог и богослов / Д. А. Карпук. – СПб: Изд-во СПбПДА, 2015. – 113 с. (PDF-версия).
9. *Мельникова, В. С.* Миссионер, ученый, философ, поэт: образ автора-путешественника в «Путевых заметках» архиепископа Нила (Исаковича) / В. С. Мельникова // Вестник Пермского университета (Российская и зарубежная филология), 2013. – Вып. 1 (21). – С. 100–107.
10. *Методий, иеромонах.* Буддийское мировоззрение или ламаизм и обличение его / иеромонах Методий. – Изд. 2-е испр. и доп. – СПб.: И. Л. Тузовъ, 1902. – 146 с.
11. *Методий, иеромонах.* Сравнение главнейших религиозно-нравственных положений буддизма с христианскими / иеромонах Методий // Миссионерское обозрение. – 1905, № 12. – С. 337–358; № 13. – С. 495–513.
12. *Монгуш, М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.) / М. В. Монгуш. – Новосибирск: Наука, 2001. – 200 с.
13. *Нил (Исакович), архиепископ.* Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири / Соч. Нила, архиепископа Ярослав. – СПб.: Тип. Г. Трусова, 1858. – 6, 386 с.

14. *Нил (Исакович)* [Электронный ресурс] // Энциклопедия и новости Приангарья. – URL: http://irkipedia.ru/content/nil_isakovich (дата обращения: 17.04.2020).
15. *Нил (Исакович)* [Электронный ресурс] // Русское Православие. Архиереи. – URL: <http://ortho-rus.tk/articles/arhierei-3843.html> (дата обращения: 17.04.2020).
16. *Палладий (Кафаров), архимандрит.* Жизнеописание Будды / архимандрит Палладий (Кафаров) // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб.: типография Штаба Военно-Учебных Заведений, 1852. – С. 385–489.
17. *Палладий (Кафаров), архимандрит.* Исторический очерк древнего Буддизма / архимандрит Палладий (Кафаров) // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. II. СПб.: типография Штаба Военно-Учебных Заведений, 1853. – С. 96–168.
18. *Торчинов, Е. А.* Введение в буддологию. Курс лекций / Е. А. Торчинов. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 304 с.
19. *Федюк, Г. П.* *Нил (Исакович)* / Г. П. Федюк [Электронный ресурс] // Яркие-педия. – URL: <https://yarwiki.ru/article/1002/nil-isakovich> (дата обращения: 17.04.2020).
20. *Шатравский, С. И.* Буддизм в трудах православных ученых и миссионеров второй половины XIX-начала XX вв. / С. И. Шатравский // *Философия и социальные науки.* – Минск: Издательский центр БГУ, 2012. – № 3/4. – С. 32–36.
21. Notz, Klaus-Josef. *Das Lexikon des Buddhismus* / Klaus-Josef Notz. – Fourierv Verlag, Wiesbaden, 2002. – 637 S.

III. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.И. Бердников*
DOI: 10.25839/t6738-5377-1877-d

Социально-правовые аспекты домашнего насилия

В данной статье рассматриваются современные подходы к пониманию семьи и брака. С позиций комплексного методологического подхода проводится анализ социально-правовых проблемы домашнего насилия. Делается вывод о необходимости формирования отлаженной системы профилактики домашнего насилия.

Ключевые слова: семья, насилие, домашнее насилие, профилактика, законопроект, регулирование семейных отношений, помощь пострадавшим.

Socio-legal aspects of domestic violence

The article discusses modern approaches to understanding of marriage and family unit. The analysis of socio-legal problems of domestic violence is presented from the perspective of the methodological approach. It is concluded that it is necessary to form a well-established system for preventing domestic violence.

Keywords: family, violence, domestic violence, prevention, bill, family regulation, assistance to victims.

Еще в конце XX века вопросам семьи стали уделять большое внимание, как в мировом сообществе, так и в России. Проблеме семьи посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных авторов. Эти вопросы в своих работах освещали К.П. Победоносцев, О.Е. Кутафин, А.Г. Харчев, А.И. Антонов, М.С. Мацковский, М.С. Тольц и наши современные авторы: С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова, Л.В. Карцева, О.Ю. Ильина, В.Л. Кабанов, Т.В. Шершень и др.

Но на такую проблему как домашнее насилие стали обращать внимание только в последнем десятилетии. Так эту проблему раскрывали и отечественные исследователи: Е. П. Агапов, А. С. Синельников, Е. И.

* **Бердников Александр Игоревич**, студент 1 курса, Юридический институт Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Арзуманов Игорь Ашотович**, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института ИГУ, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Berdnikov Alexander Igorevich, 1st year student, Institute of Law Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of ISU, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Холостова, Р. Г. Петрова, Т. Я. Сафронова, И. А. Фурманов, Ю. П. Платонова.

Новизна может быть связана с тем фактом, что до недавнего времени домашнее насилие воспринималось как частный вопрос самой семьи, а не общества. На данный момент мы можем видеть положительную тенденцию – люди более серьезно стали относиться к этой проблеме, именно поэтому эта тема как никогда актуальна, необходимо поднимать уровень осведомленности людей о домашнем насилии, как о вполне серьезном и опасном социальном феномене. Семья – это залог развития человека как личности, во многом это основа всего общества. Её значение для стабильного существования и развития общества невозможно переоценить. Именно поэтому остаются актуальными вопросы, касающиеся семьи и проблем, с которыми ей как институту общества приходится сталкиваться.

К.П. Победоносцев справедливо отмечал в семейных отношениях их личный, непередаваемый характер, целостность, общественный характер и считал их важными элементами как общественных, так и государственных отношений [11, с. 3]. О.Е. Кутафин писал о том, что семья – один из устоев общества, его важнейший компонент, связывающий общество с государством [6, с. 45]. На современном этапе развития Российской Федерации и российского общества институту семьи уделяется повышенное внимание, как со стороны государства, так и со стороны общества.

Важность и актуальность вопроса касающегося института семьи неоднократно отмечал и Президент РФ Владимир Владимирович Путин. Так в своем послании Совету Федерации от 15 января 2020 года он подчеркнул этот факт: «...семья – это любовь, счастье, радость материнства и отцовства, что семья – это крепкая связь нескольких поколений, где уважение к старшим и забота о детях всегда объединяют, дают чувство уверенности, защищённости, надёжности. Если для подрастающих поколений всё это станет естественной нравственной нормой, неотъемлемой частью, оплотом их взрослой жизни, мы действительно сможем решить историческую задачу – гарантировать развитие России как большой и успешной страны» [13].

При написании данной статьи был использован метафизический подход для того, чтобы подчеркнуть фундаментальность и неизменность института семьи, так со временем может меняться лишь её форма, но сущность остается неизменной. Также использован и диалектический подход при рассмотрении вопроса изменений и развития семьи. Благодаря этому мы соблюдаем такие важные принципы как

плюрализм, объективность, историзм и всесторонность. В данной статье использованы как общие методы исследования: логический и функциональный; так и статистический метод, и формально-юридический метод исследования [1, с. 63–81].

Вопреки распространенному мнению о том, что институт семьи в данный период подвержен деградации и разложению, все же считаем, что столь критичная оценка не является полностью состоятельной. Действительно институт семьи подвержен масштабным изменениям, но не полностью негативным. Поэтому правильнее говорить об эволюции и модернизации семьи, как социального института и основы современного общества. Но, что же понимается под термином «семья»?

В научной литературе существуют различные определения семьи: «семья – это социальная группа, члены которой объединены юридическими либо фактическими брачными отношениями, отношениями родства или свойства, взаимными правами и обязанностями, вытекающими из семейных правоотношений, общностью быта и эмоционально-психологическими связями» (Л.А. Колпакова) [2]; «семья – это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» (А.Г. Харчев) [2].

В тексте распоряжения Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» дается определение брака: «...ценность брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [10].

Подобную формулировку, но в более кратком изложении, мы можем найти в Законе о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ. Согласно закону, институтом брака признается союз мужчины и женщины. По вопросу о плюрализме мнений по поводу определения семьи свою позицию обозначил Комитет по правам человека

ООН: «...концепция семьи может отличаться в некоторых отношениях от государства к государству, и даже от региона к региону в пределах государства, и поэтому не представляется возможным дать стандартное определение этому понятию».

Такой фундаментальный и важный институт как семья требует соответствующего правового регулирования. В Российской Федерации регулирование и охрана семейных отношений обеспечены различными отраслями права. В ст. 38 Конституции РФ указано, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. В настоящее время мы можем найти нормы, регулирующие положения института семьи, в семейном, гражданском, жилищном и других кодексах РФ [19, ст. 38].

Семейные отношения урегулированы и отдельными международными актами. Одним из наиболее важных международных документов является Всеобщая декларация прав человека 1948 года [3]. Так, в п. 3 ст. 16 Декларации говорится: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». По ст. 16 «Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью...». Ст. 12 провозглашает невмешательство в семейную жизнь. Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г., установлено, что семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимая защита и содействие, с тем, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества [7].

Согласно определению Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-О, положения Конституции РФ и Семейного кодекса РФ во взаимосвязи с международными договорами обязывают государство и общество осуществлять защиту семьи как естественной и основной ячейки общества, естественной среды для роста и благополучия всех ее членов, особенно детей, в том числе при образовании семьи, пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и об их воспитании [9]. Не является тайной и тот факт, что нормы права в современном демократическом обществе не могут регулировать все семейные отношений. Но кроме норм права существуют и иные социальные регуляторы: нормы нравственности, обычаи, религиозные нормы и др.

Одной из главных и наиболее сложных проблем, с которой приходится сталкиваться современному институту российской семьи является проблема домашнего насилия. Этот феномен имеет достаточно

серьезное негативное влияние, как на самих членов семьи, так и на все общество. Домашнее насилие является опасным социальным явлением, последствиями которого может стать физический и психический вред. Насилие в семье может стать источником суицида или преступления, субъектом которого станет жертва. Особую опасность представляет тот факт, что в результате семейно-бытовых нарушений страдают социально незащищенные слои населения: женщины, дети и старики. Согласно данным Международной организации здравоохранения до 30% женщин хотя бы раз подвергались домашнему насилию в течение своей жизни [4].

Всемирная организация здравоохранения понимает под насилием преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [18, с. 26]. Однако семейные конфликты и насилие в семье зачастую остаются латентными. Причиной этому может быть несовершенство действующего законодательства или устоявшийся менталитет населения, недоверие к органам правопорядка и др.

Определить реальные масштабы этого социального феномена практически невозможно, поскольку большая часть случаев умалчивается потерпевшими. Действительно, побои в семье, особенно не повлекшие за собой серьезного вреда здоровью, не признаются обществом существенной проблемой, заслуживающей пристального внимания.

Но ведь гораздо выгоднее предупредить возможные негативные последствия, нежели разбираться с последствиями уже совершенного преступления. Стоит отметить, что семейно-бытовые негативные ситуации часто приводят к преступлениям, в том числе тяжким, особенно в отношении детей и женщин.

Значительная роль в предотвращении совершения семейно-бытовых преступлений принадлежит административно-правовым средствам профилактического воздействия. Проблема профилактики семейно-бытовых конфликтов и насилия в семье требует системного подхода к ее решению. Необходимо развивать систему социальной реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье. Нужно усилить работу по пропаганде семейных ценностей и созданию в обществе атмосферы нетерпимости к подобным нарушениям.

Важнейшим направлением укрепления семьи и улучшения ее состояния является противодействие любым формам проявления насилия. Вместе с тем, государственные меры, направленные на профилактику домашнего насилия, нельзя назвать эффективными. Законодательство не обеспечивает потерпевших достаточными средствами правовой защиты. Государственные органы не предоставляют необходимую помощь пострадавшим от семейного насилия, информацию об имеющихся социальных, медицинских, психологических и правовых ресурсах и средствах защиты.

Что же касается правового регулирования, то важным этапом в этом направлении стало принятие в феврале 2017 г. ФЗ «О внесении изменения в ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса РФ в отношении членов семьи или других близких лиц перешли в разряд административных правонарушений [8].

Уголовное наказание за данное деяние предусматривается только в случае административной преюдиции. В этом случае, ст. 116.1 УК РФ устанавливает наказание в виде штрафа до 40 тыс. руб., либо исправительные работы на срок до 6 месяцев, либо арест на срок до 3 месяцев. Административная ответственность за побои, в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ, предусматривает штраф от 5 до 30 тыс. руб., либо административный арест на срок до 15 суток, либо обязательные работы на срок от 60 до 120 ч.

Декриминализация домашнего насилия вызвала бурную полемику в обществе и научном сообществе. Сторонники нового закона заявляли, что прежняя редакция УК РФ дискриминировала семью и нарушала конституционное право граждан на частную жизнь. Частичная декриминализация побоев вызвала неоднозначную реакцию специалистов в области уголовного права.

В частности, свою позицию высказала В.И. Торговченкова, согласно которой установление административной ответственности за побои может произвести положительный эффект, поскольку административное законодательство не содержит норм о примирении с потерпевшим и не дает возможности прекратить преследование [17, с. 79–86]. Декриминализация побоев имеет за собой ряд неоспоримо позитивных моментов.

Во-первых, это упрощение системы привлечения виновного лица к ответственности. Минуя ряд обязательных процессуальных процедур,

закрепленных в уголовно-процессуальном законе, решаются одни из важнейших задач на пути реализации принципа превентивности, а именно, незамедлительность и адекватность наказания. Также снижается риск повторного преступления, не будем забывать, что попытки жертвы привлечь обидчика к уголовной ответственности происходили фактически при его участии, что могло спровоцировать его на новые акты насилия.

Статистические сведения, представленные на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ, свидетельствуют о значительном увеличении количества дел, рассмотренных судами по данной статье. Если за первое полугодие 2017 г. в суды поступило 74 402 дела по ст. 6.1.1 (побои), то за аналогичный период 2018 г. таких дел поступило уже 88 228, а за 2019 год – 88 671 дел [15].

Еще одним документом, регулирующим борьбу с домашним насилием, должен был стать отклоненный Госдумой в сентябре 2016 г. законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия», в настоящее время оказался вновь на повестке дня. 29 ноября 2019 года Совет Федерации вновь опубликовал для общественного обсуждения законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Вокруг данного закона развернулась ожесточенная полемика, собравшая как сторонников, так и противников данного закона.

По данным, размещенным на официальном сайте Совета Федерации, дискуссия вызвала значительный интерес со стороны общества. Поступило 11 186 комментариев, представляющих различные точки зрения [14]. Изучив комментарии некоторых граждан, можно сделать вывод, что большинство высказавшихся выступают либо категорически против закона, либо против закона именно в данной редакции.

Можно выделить несколько основных претензий к закону.

1. Расплывчатость формулировок понятий и самих статей, что может привести к серьезным проблемам из-за разночтения и возможности злоупотребления данным законом со стороны третьих лиц или правоохранительных органов.

2. Неопределенность круга действий и ситуаций, к которым оказывается применимо понятие «насилия», законопроект фактически уничтожает право граждан на неприкосновенность частной жизни и семейную тайну.

3. Согласно ст. 2 и ст. 24 п.1 можно будет объявить «нарушителем» без суда, следствия и доказательств практически любого человека.

4. Согласно законопроекту все государственные органы являются субъектами «профилактики». Также наличие среди субъектов обще-

ственных объединений и иных некоммерческих организаций. Указано, что они специализируются на профилактике семейно-бытовых насилий, однако отсутствуют требования по их регистрации, учёту, контролю над ними. Это может привести к тому, что заинтересованные объединения и организации будут вмешиваться в частную жизнь семьи.

5. Указание на всех граждан, которые могут обратиться по факту насилия (п. 2 ч. 1 ст. 17). Что опять же, несомненно, приведет к злоупотреблению со стороны данных лиц.

Свое заключение на проект федерального закона дал профессор И.В. Понкин, заключив, что «этот законопроект, по существу, направлен не на профилактику семейно-бытового насилия, он лишь риторически прикрыт декларациями такого содержания, а в реальности направлен на достижение совершенно иных целей, и в случае его принятия будет нанесён значительный ущерб конституционным правам граждан Российской Федерации и институту семьи в целом» [12].

Генеральная прокуратура также высказала свои замечания к законопроекту о профилактике бытового насилия в семье, обратив внимание, что ряд его положений близок к тем, которые уже установлены действующим законодательством [16].

Критическое отношение к законопроекту выразили представители всех основных религий страны. Патриарх Русской Православной Церкви Кирилл заявил, что в «борьбе с употреблением силы в разрешении семейных конфликтов нельзя допускать вторжения в семейное пространство чужих людей». По результатам анализа текста законопроекта, Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства выразила свое мнение. В заявлении комиссия подтвердила, что законопроект **содержит целый ряд правовых дефектов**, что делает его принятие недопустимым. Его нормы: противоречат общепризнанным правовым принципам разумности, справедливости и равенства; при применении на практике могут привести и приведут к грубому и массовому нарушению прав граждан и семей, защищаемых Конституцией Российской Федерации, нормами российского и международного права; содержат положения явно коррупциогенного характера [5].

Муфтий Москвы Ильдар Аляутдинов считает, что «законопроект в его нынешнем виде направлен не столько на сохранение семьи, сколько на разрушение семейных устоев». Зиновий Коган, вице-президент Конгресса еврейских религиозных общин, утверждает, что законопроект лишь навредит семье, а для борьбы с насилием достаточно УК РФ.

Исходя из этого, мы делаем вывод, что, домашнее насилие – это не только одна из распространённых, трудных и пагубных жизненных ситуаций, но и одно из самых распространённых нарушений прав человека. Поэтому государству и обществу необходимо консолидировать свои усилия для борьбы с домашним насилием и его последствиями.

Считаем, что на данный момент времени в Российской Федерации не существует отлаженной и функционирующей системы по противодействию домашнему насилию. Нельзя не согласиться, что нам нужен закон о домашнем насилии. Но считаем, что в поле регулирования данного закона должен подпадать не сколько сам процесс выявления фактов домашнего насилия и применения репрессивных мер к виновнику, а необходимо сосредоточиться на оказании помощи жертвам насилия. К сожалению, на сегодняшний день на борьбу с данной проблемой выделяется катастрофически мало средств. Многие правоохранительные органы сосредоточены более на виновнике и не обращают внимания на жертву.

В связи с этим, считаем необходимым, в целях защиты пострадавших государство должно предусмотреть доступ к финансовой помощи, а также к бесплатной или недорогостоящей высококачественной юридической помощи, медицинским, психосоциальным и иным консультационным услугам. Все меры защиты пострадавших должны быть легкодоступны всем, вне зависимости от их социального или правового статуса, а также состояния здоровья.

На государство необходимо возложить обязанность по расследованию актов насилия, судебному преследованию и наказанию виновных и по восстановлению прав пострадавших. Должно быть обеспечено реальное возмещение ущерба. При этом, недостаточно просто возместить ущерб, государство должно предоставить сатисфакцию и гарантии не повторения насилия.

Источники и литература

1. *Арзуманов, И.А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И.А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

2. *Векленко, В. В., Акиев, А. Р.* Юридическая природа понятия «Семья» / В. В. Векленко, А. Р. Акиев // Общество и право. – 2016. – № 2 (56) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-ponyatiya-semya>

3. Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета, 1995, 5 апреля.

4. *Давтян, М. Д.* Борьба с домашним насилием: развитие содержания обязательств государства в рекомендациях Комитета по ликвидации всех форм дискрими-

нации в отношении женщин / М. Д. Давтян // Право и современные государства. – 2018. – № 4 // URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-domashnim-nasilie-razviti-soderzhaniya-obyaza-telstv-gosudarstva-v-rekomendatsiyah-komiteta-po-likvidatsii-vseh-form>.

5. Заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства в связи с обсуждением проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // URL: <http://pk-semya.ru/novosti/item/7669-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasilija-v-rossijskoj-federatsii.html>

6. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь и др. Под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 426 с.

7. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLVI. – 1993.

8. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 7. – Ст. 1027.

9. Определение Конституционного суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) // www.consultant.ru.

10. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.

11. *Победоносцев, К.П.* Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – 639 с.

12. *Понкин, И. В.* Заключение от 24.12.2019 на проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» / И. В. Понкин // URL : <https://www.moral-law.ru/index.php?p=post&id=198>.

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента РФ // <http://kremlin.ru>.

14. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/>.

15. Судебный департамент при ВС РФ. Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

16. ТАСС. Генпрокуратура высказала замечания к законопроекту о профилактике бытового насилия в семье [Электронный ресурс] // URL : <https://tass.ru/obschestvo/7218093>

17. *Торговченков В. И.* К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России / В. И. Торговченков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1.

18. *Этьенн Г. и др.* Насилие и его влияние на здоровье // Доклад о ситуации в мире: пер. с англ. / Г. Этьенн. – М., 2003. – 376 с.

19. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 333 с.

Проблемы организации участия граждан в государственном управлении в различные периоды истории России

Статья посвящена исследованию проблемы организации народного участия в государственной жизни страны, путем управления государством через представительные органы, а также особенностям организации и функционирования представительных учреждений. Целью статьи является проведение сравнительно-исторического анализа создания и обеспечения институтов народного управления. В ходе проведения исследования использованы общенаучные методы, методы сравнения, описания, переход от абстрактного к конкретному.

Ключевые слова: демократия, народовластие, граждане, государственное управление, органы власти, представительные учреждения.

Problems of organizing citizens' participation in public administration in various periods of Russian history

The article is devoted to the study of the problem of organizing people's participation in the state life of the country, by managing the state through representative bodies, as well as the features of the organization and functioning of representative institutions. The purpose of the article is to conduct a comparative historical analysis of the creation and maintenance of public administration institutions. In the course of the research, general scientific methods, methods of comparison, description, and the transition from the abstract to the concrete were used.

Keywords: democracy, democracy of the people, citizens, public administration, authorities, representative institutions.

Идеал демократии труднодостижим. В России существовали ее различные модели. В Древней Руси и вплоть до XVIII века существовала модель прямой демократии. Первой формой народовластия являлось вече – собрание городской или племенной общины для решения наиболее важных вопросов. По сей день ведутся дискуссии о социальном составе вече. М.Б. Свердлов пишет, что «местные собрания, сельские и кончанские трансформировались в федеральный институт местного самоуправления. Племенное вече – верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени исчезло, а в наиболее крупных территориальных

* Гандембул Анастасия Игоревна, студентка 1 курса Юридического института СКФУ (г. Ставрополь, Россия). Научный руководитель – Лаута Олег Николаевич, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Северо-Кавказского Федерального Университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Ставрополь, Россия).

Gandembul Anastasia Igorevna, 1st year student of the Law Institute of NCFU (Stavropol, Russia). Scientific supervisor - Lauta Oleg Nikolaevich, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Stavropol, Russia).

центрах – городах – вече как форма политической активности городского населения появилось в XI–XII веках вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов». Можно сказать, что вече как орган власти с участием знати перестало существовать. Его заменила более высокая организация государственного аппарата.

Итак, социальный состав вече включал не только простой народ, но и князей, бояр, купцов и другие представителей знати. Однако «последнее слово» принадлежало простому люду, и древнерусская знать была обязана исполнять решение вече. Так новгородское вече несколько раз призывало на княжение своих избранников и отказывало в доверии различным княжеским родам. Поэтому знать стремилась уменьшить значение вече, а князья – его упразднение [8, с. 33–36].

Главным совещательным органом князя была Боярская Дума, являвшаяся продолжением княжеской думы X-XI веков. Боярская Дума не обладала политической самостоятельностью и принимала решения совместно с царем. Вместе они составляли единую верховную власть [3, с. 51–55]. Предполагалось, что князь, советуясь с Боярской Думой, учитывает общественное мнение. Но было ли оно действительно общественным? Ответ на этот вопрос можно дать, посмотрев на социальный состав Думы. В нее входили наиболее родовитые и влиятельные бояре, крупные феодалы и потомки князей. То есть фактически учитывалось мнение только правящих кругов, а не народа, что уже позволяет усомниться в истинности существования прямой демократии в период до XVIII века.

С середины XVI и до конца XVII века прямая демократия заменяется сословно-представительной. В 1549 году появляется первый Земский Собор – собрание представителей всех слоев населения для обсуждения политических, экономических и других государственных вопросов. Данное понятие, представленное во многих учебниках истории, не отражает истинную сущность таких собраний, ведь далеко не все население России принимало участие в собраниях. Крестьяне были лишены права сословного представительства [9, с. 30–33]. А ведь данный класс составлял подавляющее большинство населения. За всю историю Соборов крестьяне призывались на них лишь один раз в период общенационального кризиса. Количество участников на собраниях варьировалось от 37 до 700 человек. В то время как численность населения в стране в то время составляла 6,5 млн. человек [1, с. 123–125].

Таким образом, становится очевидным тот факт, что Земские Соборы как сословно-представительные органы представляли интересы не народа, а наиболее состоятельных и родовитых представителей

главенствующих классов. В результате усиления централизации в управлении и государственного закрепощения сословий, Земские Соборы прекратили свое существование, как и Боярская Дума.

В период правления Петра Великого страна претерпела многочисленные преобразования, менялся жизненный уклад народа, строился русский флот, вооружалась армия. Но основные реформы императора касались государственного управления. При Петре I в 1711 году был учрежден высший административный орган – Правительствующий сенат, координирующий деятельность всех центральных органов управления [4, с. 354–355]. С помощью нового органа император хотел достичь единства во всем управлении и положить конец злоупотреблениям должностных лиц. Однако Петр I не учел, что сенат, состоящий вначале из 9 представителей княжеского и боярского рода, не могут представлять мнение всего русского народа и действовать от его имени соответственно. Тем не менее нужно отдать должное великому реформатору в его стремлении бороться со злоупотреблениями чиновников. Для этих целей был создан институт фискалов, которые подчинялись только генерал-обер-фискалу. Однако эти «благие стремления» не имели должного стержня и были поверхностными. Мнимость борьбы с бюрократией подтверждает тот факт, что на должности контролирующих органов были назначены близкие друзья Петра I, объективность и непредвзятость которых вызывает сомнения.

О необходимости учета и признания общественного мнения впервые серьезно задумалась Екатерина II. В 1767 году императрица учредила Уложенную комиссию, в основе которой лежал современный взгляд на правовую систему [4, с. 354–355]. Екатерина II стремилась создать единый свод законов, учитывая при этом мнение народа о текущем положении дел в стране на различных социальных уровнях. Уложенная комиссия состояла из 564 депутатов. Право выдвигать депутатов теперь имели горожане, крестьяне, казаки и другие слои населения. Крепостные крестьяне по-прежнему не имели права голоса. В работе Уложенной комиссии принимали участие не только низшие слои населения, но и правительственные чиновники с дворянами, которые составляли численный перевес. Но не все так хорошо, как кажется на первый взгляд. Цель создания Уложенной комиссии заключалась в укреплении самодержавия. Иную форму власти Екатерина II считала неприемлемой для России. Императрица знала, что наказания от крепостных крестьян не могли быть приняты во внимание и их мнение никем не учитывалось. Попытка дать крестьянам свободу усилила бы и без того шаткое положение Екатерины и вызвала бы недоволь-

ство дворянства, а на такой риск она пойти не могла. Итогом работы Уложенной комиссии стало обострившееся противоречие депутатов разных сословий. Видные деятели XVIII и XIX веков считали, что Уложенная комиссия была ничем иным, как попыткой Екатерины II прославить свое имя, являясь своеобразной пропагандой, носившей популяристический характер и не приведший ни к каким позитивным изменениям в стране [4, с. 354–355]. Таким образом, работа Уложенной комиссии не принесла практических результатов, так как дворянство и депутаты стояли на страже только своих прав, интересов и привилегий.

XIX век стал для нашей страны временем зарождения первых идей дарования личной свободы гражданам. Они принадлежали великому реформатору М.М. Сперанскому. По его мнению, население должно обладать гражданскими и политическими правами (участие в государственном управлении для обладателей какой-либо собственности). Однако либеральным идеям было не суждено осуществиться. Они были задавлены консерваторами и нерешительностью императора [7, с. 168–175]. Тем не менее, начало было положено, и Россия продолжила свой путь к революции.

С приходом к власти Александра II абсолютная монархия, как прочно устоявшаяся многовековая форма правления в России, стала сдавать свои позиции, уступая место демократии, которая начала вновь зарождаться в государстве, пусть даже пока на местном уровне. Самым масштабным событием XIX века стала отмена крепостного права. 22 млн. крестьян получили свободу и различные гражданские права [4, с. 354–355]. Не менее важное место в реформах занимала реорганизация местного самоуправления и переход от подконтрольных государству структур к самостоятельному принятию решений. Сословные органы власти заменяются сословными учреждениями – земскими собраниями. Депутаты избирались от землевладельцев, владельцев городской недвижимости и сельских общин. Основной функцией земского собрания было руководство хозяйственными делами. Городское положение 1870 года закрепило независимость городского самоуправления от правительственной опеки. Теперь горожане, платившие городские повинности с земли или промысла, получили право избираться в Государственную Думу [7, с. 168–175].

Несмотря на это, представители самоуправления не могли участвовать в работе Государственного Совета – высшего органа законодательной власти в Российской империи. Причиной тому послужили принятые консерваторами меры по ограничению гражданских свобод и усилению государственного контроля над обще-

ственной жизнью. Реформы Александра II привели бы к демократизации государственного управления, однако преждевременная смерть императора положила конец либеральным идеям. Правление Александра II ознаменовалось начавшимся разрушением абсолютизма и зарождением демократических начал, которые проявлялись в возможности населения воздействовать на ход государственных дел снизу, через систему выборщиков, наказания и т.д. Тем не менее в XIX веке народ не мог влиять на расстановку политических сил в верхнем эшелоне власти.

В начале XX века Россия вступила в новую эпоху. После контрреформ Александра III первым шагом по пути компромисса с общественностью стал рескрипт Николая II, подготовленный А.Г. Булыгиным. Рескрипт предполагал участие избранных от населения людей в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений. Кроме того, Николай II подписал манифест 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», который содержал программу развития гражданских свобод: неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и организаций. Манифест закреплял преобразование монархии из самодержавной в дуалистическую, при которой появляется избираемый населением представительный орган. Однако сам император обладал широкими полномочиями в исполнительной и законодательной власти.

Действовавшие в это время Государственный Совет и Государственная Дума предполагали особый порядок выборов. Учреждались четыре избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. В рабочей курии к выборам допускались пролетарии, которые были заняты на предприятиях с числом работающих не менее 50. В итоге избирательного права лишились 2 млн. рабочих. Кроме того, выборы были не всеобщими – не допускались женщины, молодые люди до 25 лет, военнослужащие и национальные меньшинства, не равными и не прямыми [4, с. 354–355]. Оценивая работу Государственного Совета и Государственной Думы, можно сделать вывод, что гласный и открытый порядок обсуждения и принятия законов, контроль деятельности Правительства и использование трибуны для критики властей способствовали зарождению демократических принципов развития общества.

Советский период в истории России был самым длительным периодом существования представительских учреждений. До принятия действующей Конституции этот период содержит в себе положительные этапы, каждый из которых различается конституционно-

правовыми особенностями. Наиболее крупными достижениями считаются Конституция РСФСР 1918 года, Конституция СССР 1936 года, Конституция СССР 1977 года и конституционные поправки в Конституцию СССР 1988 года. В течении длительного времени данного периода представительный характер Советов был фактически номинальным. С 1922 года они ассоциировались с деятельностью Коммунистической партии [6, с. 421 – 428]. Все это привело к отрыву партии от народа и развалу советской государственности.

Принятие решений большинством голосов, выборность, делегирование прав и полномочий можно считать демократическими элементами советского периода. Однако, реальность такова, что работа государственных структур осуществлялась не по законам, а по негласным правилам. Образовавшаяся номенклатура регламентировала свои правила, права и полномочия. Таким образом, при наличии демократической Конституции, народных законов, «демократической» системы, фактически доминировали «теневые» правила и нормы. Революция совершалась не только для смены общественного строя, но и для ликвидации бюрократической машины царизма, против произвола чиновников и неэффективной системы власти. Однако, разрушив «старую» бюрократию, новая власть постепенно породила новую. Плановая экономика не могла существовать без бюрократии. Все важные решения страны принимались централизованно.

На современном этапе в Конституции РФ в ст. 2 говорится, что «единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», а в ст. 3 что «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [5]. Тем не менее и на современном этапе проблемы демократии имеют место быть. Ситуация усложняется широким распространением в массовом сознании стереотипов авторитарно-патриархальной культуры, выработанных историей России в досоветское и советское время [2, с. 70–72]. Власть постепенно отчуждалась от народа и впоследствии стала для него чужой. Граждане участвуют в выборах и референдумах, реализуя свое право осуществления власти. Но, к сожалению, наблюдается нестабильный рост числа участников в выборах. Если граждане не будут участвовать в политических процессах, следить за деятельностью избранных ими должностных лиц, бороться за свои права, то в России могут появиться люди, считающие что демократия не нужна стране. Демократическое развитие возможно с развитием гражданско-

го общества. Определить вектор развития политической системы России трудно, но необходимо постараться ликвидировать те недостатки, которые политическая система нашей страны имеет сейчас, чтобы обеспечить успешное ее развитие в будущем.

Россия всегда характеризовалась своей уникальной политикой, русский народ имеет свой неповторимый менталитет. Исходя из этого, формируется особая политическая модель российского государства. Изучив прошлый опыт деятельности представительных органов, участия народа в государственном управлении, позволяет сделать вывод, что своеобразие российской демократии заключается в особенностях политического, экономического, культурного развития государства, его территориальной организации, в длительном существовании недоверия граждан к власти, господстве тоталитарной и авторитарной политической культуры, позднем политическом развитии. В построении демократии в России сыграли большую роль сложный состав российского общества, многоукладность нашей страны и территориальный фактор, что объясняет специфику развития народовластия в нашем государстве.

Источники и литература

1. *Алексеев, Н.Н.* Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М.: Аграф, 2003. – С. 123–125.
2. *Гундаров, И.С.* Проблемы демократии в современной России: взаимодействие общества и государства / И.С. Гундаров // Право. Экономика. Общество. – Иркутск, 2017. – С. 70–72.
3. *Кавелин, К.Д.* Взгляд на юридический быт Древней России / К.Д. Кавелин. – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 51–55.
4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 1–4 / Н.М. Карамзин. – СПб.: Кристалл, 2000. – С. 354–355.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2014. – № 31. – Ст.4398.
6. *Леванов, Б.В.* История России XIX–XX вв.: учеб. пособие / Б.В. Леванов, В.А. Корнилов, В.В. Рябов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – С. 421–428.
7. *Савенкова, Л.В.* История развития народного представительства в дореволюционной России / Л.В. Савенкова // Вестник военного университета. – 2010. – № 4(24). – С. 168–175.
8. *Сергеевич, В.И.* Вече и князь: русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей / В.И. Сергеевич. – М.: Книга по Требованию, 2018. – С. 33–36.
9. *Сметанникова, Т.А.* Становление городского правопорядка в средневековье / Т.А. Сметанникова // История государства и права. – 2007. – № 14. – С. 30–33.

Приемы правового регулирования: идеологический аспект доктринально – дефинитивного анализа

Рассматривается понятие доктринальной категории, приемы правового регулирования в идеологической сфере общественных отношений. Анализируются различные дефиниции предлагаемые учеными. Выдвинуто обоснованное толкование данного термина, применительно с рассмотрением в различных нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: идеология, приемы правового регулирования, способы правового регулирования, формы правового регулирования, гарантия, поощрение, рекомендация.

Methods of legal regulation: ideological aspect of doctrinal – defenitive analysis

The concept of the doctrinal category is considered as the methods of legal regulation in the ideological sphere of public relations. Various definitions proposed by scientists are analyzed. A reasonable interpretation of this term has been put forward, with reference to consideration in various regulatory legal acts.

Keywords: ideology, methods of legal regulation, methods of legal regulation, forms of legal regulation, guarantee, promotion, recommendation.

Приемы правового регулирования призваны упорядочивать идеологическую сферу общественных отношений, формируя правовые модели развития общества и государства, поскольку идеология – это система взглядов, идей, концепций устройства общества и государства. «Идеология представляет собой не хаотический набор идей, а систему идей, включающих экономическую сферу, политическую, социальную, духовную» [7, с. 2]. Вопрос о приемах правового регулирования является дискуссионным в теории государства и права, и тем самым представляет собой актуальность. Ученые, при рассмотрении вопроса о методе правового регулирования, дают различные интерпретации этому термину и как следствие выделяют различные структурные элементы [11, с. 463–473]. В нашем исследовании, мы рассматриваем один из этих элементов – приемы правового регулирования.

* Глущенко Ярослав Александрович, студент Международно-правового отделения Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Арзуманов Игорь Ашотович, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Glushchenko Yaroslav Alexandrovich, student of the International Law Department Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - Arzumanov Igor Ashotovich, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

На протяжении многих лет, данная тема, так и методология в целом носит неоднозначный характер, ибо по справедливому замечанию Арзуманова И.А: «Если проводить логический ряд иерархии фундаментальных парадигмальных оснований методологии юридической науки, то он выстраивается следующим образом: общая философия, социальная философия, философия права и государства, теории государства и права» [4, с. 50].

В связи с этим, как в отечественной теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках сформировался плюрализм мнений. Дилемма также заключается в том, что даже при включении этой составной части в определение метода правового регулирования, дальнейшая сущность «приемов» не раскрывается.

Так, например, Власенко Н.А, давая дефиницию метода правового регулирования, упоминает «приемы», но в последующем о них ничего не говорится [5, с. 237]. Подобный подход также отражен у Пьянова Н.А. [9, с. 150]. С.А. Комаров дает определение методу правового регулирования как совокупности юридических приемов и средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование качественно однородных, обособленных общественных отношений [11, с. 340].

Условно, все предлагаемые варианты определения «приемов правового регулирования» можно разделить на несколько подходов.

1) Приемы правового регулирования – это способы правового регулирования. Такой точки зрения придерживается Кулапов В.Л, утверждая, что правовые приемы выражают последовательное и акцентированное использование правовых средств в процессе их воздействия на волю людей [8, с. 255]. Сторонником этой идеи также является Власов В.И, выделяя два этих термина в качестве тождественных [6, с. 206].

2) Приемы правового регулирования – это формы реализации субъективных прав и свобод. Данное мнение высказывает, в частности, Стифанько М.С: «Прием есть нечто иное, как определенная совокупность правил и действий лица, т.е. по своей природе является процедурой деятельности лица» [10, с. 51]. Иными словами, наяву, речь идет о претворении предписаний позитивного права в жизнь посредством правомерного поведения субъектов правоотношений.

По нашему мнению, данный подход является недостаточно обоснованным. Дело в том, что метод правового регулирования – это определенная упорядоченная система, которая состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов: средств и способов. Именно способы закрепляются в нормах права, которые выступают в качестве первичного средства, а включение в этот ряд форм

реализаций (приемов) явно неуместно, поскольку использование, исполнение, соблюдение являются практическими аспектами. К тому же, если говорить об этих формах, то необходимо учитывать базовый аспект – реализацию правовых предписаний в объективном смысле, ведь норма права присущ «общий» характер, она рассчитана на неопределенное количество ситуаций и лиц. А без реализации в объективном смысле, субъект не сможет реализовать свои субъективные права и обязанности, то есть воплотить их в жизнь.

3) Приемы правового регулирования – это определенные направления воздействия права, выраженные в императивном и диспозитивном методе. Данный подход, также встречается в отечественной теории права. То есть приемы – это диспозитивный и императивный метод. Такая точка зрения является очень спорной. Основной смысл заключается в том, что если мы не признаем существование отраслевых методов правового регулирования (гражданского, административного, уголовного, конституционного), то приемами являются первичные или общие – диспозитивный и императивный. Иными словами, можно так считать, но исключительно в рамках теории. Как указывает Пьянов Н.А: «Следует, однако, заметить, что никаких первичных, исходных методов правового регулирования в виде императивного и диспозитивного методов не существует» [9, с. 152].

Руководствуясь проделанным дефинитивным анализом, мы хотим предложить свой подход, а именно, приемы правового регулирования – это дополнительные способы правового регулирования. По своей природе способы – это пути регулирующего воздействия. Дозволение, обязывание, запрет – это основные, а дополнительными, в нашем случае будут выступать: гарантийный, рекомендательный, стимулирующий.

Примером формального закрепления гарантийного способа может послужить ст. 78 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которая гласит, что решения, принятые путем прямого волеизъявления граждан, решения и действия (бездействие) органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления могут быть обжалованы в суд или арбитражный суд в установленном законом порядке [2].

Примером рекомендательного способа может послужить ч. 1 ст. 75 УК РФ в соответствии с которой, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию

и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным [1].

Стимулирующий способ закреплен в ст. 41.6 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которой за примерное исполнение работниками своих служебных обязанностей, продолжительную и безупречную службу в органах и организациях прокуратуры, выполнение заданий особой важности и сложности применяются поощрения [3].

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз подчеркнуть дискуссионный характер и плюрализм доктринальных подходов в решении данного вопроса. Фактически, мы придерживаемся позиции Кулапова В.Л и Власова В.И, но акцентируя внимание на необходимости дифференциации приемов на: основные и дополнительные, связанные с идеологическим воздействием. Идеология – это ценностный подход, поэтому говоря о гарантийном способе, следует подразумевать значимость защиты базовых прав и свобод человека и институтов гражданского общества. Рекомендательный – свидетельствующий о гуманизации юрисдикционного процесса, например, с позиции объективности. Стимулирующий – принцип социальной справедливости, что также необходимо отнести к основным ценностям, стабилизирующим социально-экономические отношения в обществе.

Источники и литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // www.consultant.ru.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
4. *Арзуманов И. А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И. А. Арзуманов. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2019. – 235 с.
5. *Власенко Н. А.* Теория государства и права: учеб. пособие / Н. А. Власенко. – 3-изд., перераб. и испр. – М.: Издательство Норма, 2018. – 480 с.
6. *Власов, В. И.* Теория государства и права: учеб. пособие / В. И. Власов, Г. Б. Власова, С. В. Денисенко. – Изд. 4-е. – Ростов н/Д: Фенкис, 2015. – 322 с.
7. *Глуценко, Я. А.* Идеология и конституционный строй: опыт дефинитивного анализа / Я. А. Глуценко // *Exlegis: правовые исследования.* – 2019. – № 4. – С. 2–4.
8. *Кулапов В. Л.* Теория государства и права: учебник / В. Л. Кулапов. – М.: КНОРУС, 2014. – 384 с.
9. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права: учеб. пособие. – 2-изд., перераб. и доп. / Н. А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИРИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 528 с.

10. *Стифанько, М. С.* Проблемы понятия метода реализации правовой демографической политики Российской Федерации / М. С. Стифанько // Общество и право. – 2015. – № 4. – С. 50–55.

11. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Е.В. Далецкая*

DOI: 10.25839/c4845-7942-7866-k

Инквизиция как закономерный итог слияния интересов католической церкви и феодального государства в Западной Европе

В средние века в Западной Европе инквизиция вызывала страх у каждого человека. Даже в наше время эта церковная организация ассоциируется с пытками, жестокими казнями и прочими ужасными вещами. Но была ли борьба с ересями главной и единственной целью инквизиции? Возможно, ее деятельность имела более глубокий смысл, а появление инквизиции обусловлено предпосылками, не связанными с религиозной доктриной. В данной статье автор рассматривает инквизицию как инструмент репрессий, созданный в ответ на актуальные угрозы того времени с целью укрепления власти феодалов.

Ключевые слова: инквизиция, феодализм, средние века, социальная напряженность, охота на ведьм

Inquisition as a logical result of the merger of the interests of the Catholic Church and the feudal state in Western Europe

In the middle Ages in Western Europe, the Inquisition caused fear in absolutely any person. Even in our time, this church organization is associated with torture, cruel executions and other terrible things. But was the fight against heresies the main and only task of the Inquisition? Perhaps her activity had a deeper meaning, and the emergence of the Inquisition was due to premises not related to religious doctrine. In this article, the author considers the Inquisition as a tool of repression, created in response to current threats of that time in order to strengthen the power of the feudal lords.

Keywords: inquisition, feudalism, middle ages, social tension, witch hunt

Важнейшей характеристикой средневековья в Западной Европе в целом и конкретно позднего средневековья (XIV – XV вв.) принято считать существование вассально-ленной системы и феодализма, как особой иерархической системы общественных и политических отношений. Данный период озаглавлен демографическим и аграрным кризисом, антифеодальными восстаниями, кризисом папства и като-

* Далецкая Ева Владимировна, студентка 4-го курса Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Daletskaaya Eva Vladimirovna, 4th year student at the Institute of Theology named after Saints Methodius and Cyril of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

лической церкви, первыми предпосылками реформационного движения. Наблюдается появление новых форм управления государством. Вассалы и сеньоры по-прежнему образуют иерархическую пирамиду, на вершине которой находится король, но отныне подданные уже не просто индивиды социальной иерархии. Теперь они являются членами группы. Т.е. начинают формироваться первые сословия. Появляется новое сословие «городских бюргеров» и таким образом начинают различать уже три подобных группы: духовенство, дворянство и бюргерство [1, с. 176]. Господствующее положение в идеологии феодального государства принадлежало религии.

Демографическая ситуация в средневековой Европе характеризуется довольно резкими скачками, вызванными объективными факторами: эпидемии, голод, войны вызывают падение численности населения. Отсутствие этих факторов сопровождается активным его приростом, а также развитием городов. Разумеется, что в рамках всего средневековья и непосредственно в рамках позднего средневековья наблюдалась положительная динамика. Некоторые исследователи считают, что в период с XI века до второй половины XIV века наблюдался рост европейского населения примерно до 100 млн. человек. Далее резкий спад до 65–75 млн. человек и снова рост с начала XV века [7, с. 14]. Эпидемия чумы, именуемая «черной смертью», которая бушевала в Европе, Азии и Северной Африке (в Европе в 1348–1349 гг.), была самой серьезной в европейской истории, но далеко не единственной и, к сожалению, не последней. Она унесла жизнь одной трети населения Европы [6, с. 219]. В Германии с 1400 г. по 1500 г. насчитывается целых 40 лет всевозможных эпидемий.

Сильное влияние на демографическую ситуацию также оказывали и войны. В первую очередь, здесь стоит упомянуть серию военных конфликтов между Англией и Францией, длившихся с 1337 года по 1453 год, именуемых Столетней войной. Несколько поколений европейцев, прежде всего в Англии и Франции, знали, что они очевидцы глубокой и давней вражды между двумя королевскими домами: французскими Капетингами и английскими Плантагенетами. Время от времени англо-французские противоречия выливались в кровавые вооруженные столкновения и даже грандиозные для своего времени битвы, такие, как, например, сражения при Креси (1346), Пуатье (1356), Азенкуре (1415), Форминьи (1450) [2, с. 6].

Численность населения сокращали и болезни. Люди болели малярией, туберкулезом, эпилепсией, дизентерией. Целые области охватывались «антоновым огнем» или «огненной чумой», заболеванием, ко-

торое вызывалось канцерогенами спорыньи, т.к. крестьяне ели от голода и зараженные ею колосья [12, с. 13].

Аграрный кризис, начавшийся в начале XIV в. в Западной Европе, получил научное название «кризис феодализма». Он начался не ежеминутно, а созрел веками. Дух времени передает отрывок из «Обычай Бовэзи» Ф. де Бомануара (ок. 1250–1296), известного французского юриста: «Есть много состояний личной крепостной зависимости (servitutes). Ибо одни из крепостных так подчинены своим сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют [над ними] право жизни и смерти, могут держать их в заключении по своей воле – за вину или без вины – и никому за них не ответственны, кроме как одному Богу» [13, с. 360].

Так описывает крестьянскую судьбу староанглийский стихотворный текст под названием «Песнь крестьянина» (перевод в прозе): «Теперь мы должны только работать, нам не осталось ничего другого». И еще: «Так они грабят бедняка и полностью обчищают его [карманы]; богатые лорды делают это без всякого права, так что их земли и их люди находятся в убожестве – настолько большой ущерб наносят им бейлифы своими вымогательствами... Так произвол шагает по стране, наводя на всех ужас...». В завершение: «Чтобы уплатить налог королю, я продал зерно, предназначенное для посева, и теперь моя земля пустует и привыкает к отдыху. С тех пор как они увели из моего хлева мой лучший скот, я готов плакать, думая о своей судьбе, – так рождаются нищие, и наша рожь гниет на корню... По свету бродит отчаяние и горе; насколько лучше сразу погибнуть, чем так трудиться» [14, с. 319].

В XV в. к эпидемиям, холодным зимам и непродолжительным периодам крайней нищеты добавляется еще и голод, который уносит огромное количество жизней. Голод в те времена был не просто неурожайным годом, его период мог занимать несколько лет и сопровождался очень высокой смертностью и канибализмом, который порой носил массовый характер [13, с. 32]. Катастрофически падает производство зерновых. Крестьянину становится выгоднее заниматься животноводством, из-за чего оно получает широкое распространение [1, с. 166]. Самые главные причины систематического голода – низкая техническая оснащенность процессов труда, низкая урожайность, плохая сохранность урожая, система зависимости и бесправия крестьянства. [12, с.10].

Антифеодалные восстания, большие и малые по численности участников, сопровождают весь исторический период. В 1378 – 1382 гг. восстания охватывают всю Европу, а в XV в. по Европе прокатывается новая волна мятежей: во Франции, Каталонии и в Богемии [1,

с. 171]. Самыми крупными из них были Жакерия во Франции (1358 г.) и восстание Уота Тайлера в Англии (1381г.) [3, с. 340].

Чтобы понять масштабы подобных волнений, можно привести выдержку из анонимной хроники, принадлежащей аббатству св. Марии в Йорке о восстании 1381г.: «На другой день, в пятницу, общины из окрестностей и общины Лондона собрали страшные силы числом 100 000 и более, кроме 80 000, которые оставались на холме у Тауэра, чтобы стеречь тех, которые находились в Тауэре. И некоторые отправились на Майл-Энд на Брентвудской дороге, чтобы ждать прибытия короля после оповещения, им сделанного, а другие отправились на холм возле Тауэра...» [14, с. 331]. Сами восставшие совершали небывалые жестокости и насилие в отношении дворян, их жен и детей. «Воистину никогда христиане и сарацины не творили друг другу столько бесчинств... Я не посмею ни описать, ни сообщить об ужасающих и непереносимых издевательствах, которые они учиняли над благородными дамами», писал об участниках Жакерии в своей «Хронике» Жан Фруассар [6, с. 260].

Также, здесь можно упомянуть антипапское восстание в Перудже в 1375 г.: «Осадная машина размером в 50 футов метала камни в 1500 фунтов веса и наносила большой ущерб крепости... Так, камнем, пущенным этой машиной, был убит граф Франческо ди Санта Фьоре...» [14, с. 535]. Или народное восстание в Богемии, вызванное сожжением на костре ректора Пражского университета Яна Гуса (1415 г.), который выступал за реформацию церкви [1, с. 180].

Кризис католической церкви и папства также был многогранным. Церковь являлась крупным землевладельцем и обладала немалыми богатствами и властью. Таким образом, она и сама являлась неотъемлемой частью феодальной системы. В интересах Римско-католической церкви было сохранение существующего строя, своего авторитета и власти. Крупнейшие представители церковной иерархии могли входить в состав феодальной верхушки, а папа римский был главой своеобразной теократической монархии. Представители высшего клира часто являлись и представителями светской власти. В «Деяниях епископов Гамбургской церкви» летописец Адам Бременский так рассказывает об одном из таких случаев: «Наша церковь могла быть столь богатой, что нашему епископу нечего было завидовать Майнцскому и Кельнскому. Только епископ Вюрцбургский превышает его своим положением, потому что вместе с графскими обязанностями по округу в его руках было и самое герцогство. Нашему епископу сильно хотелось сравняться

с ним, и он всячески старался приобрести для церкви все графские места в епархии, с которыми связывалось право суда» [12, с. 58–59].

Широкое распространение получают различные секты и ереси. Они появляются на фоне претензий к индульгенциям, отдельному причастию мирян и духовенства, социальному неравенству и т.д. Борьба с ересями в Западной Европе не ослабевала на протяжении всего средневековья. Ереси – религиозные учения, противоречащие фундаментальным основам христианского вероисповедания. К первым ересям были причислены движения николаитов, гностиков, монотанистов, новатиан. Уже в поздней Римской империи, когда христианство обрело статус государственной религии, ереси рассматривались как преступление не только против церкви, но и против государства.

Крестьянско-плебейская секта апостоликов (XIII – нач. XIV в.), руководителем которой был «незаконнорожденный сын священника» [6, с. 202] Дольчино, резко критиковала духовенство, феодалов, требовала возвращения к апостольским временам раннего христианства, призывала к отказу от имущества и социальному равенству [11, с. 27]. В «Руководстве инквизитора» (1323 г.) читаем: «Итак, по мандату апостолика против вышеназванного Дольчино был объявлен крестовый поход – с отпущением грехов для его участников. Несколько раз инквизиторы собирали против него войско, но не могли с ним справиться, настолько в Ломбардской области выросло число его последователей различных рангов. В конце концов, ломбардские инквизиторы в согласии с Верчельским епископом объявили крестовый поход с полным отпущением грехов» [6, с. 202]. Другая средневековая секта, лолларды (XIV в.), возникшая из религиозно-благотворительных братств, также призывала к социальному равенству и даже принимала участие в восстаниях [11, с. 210]. В том же веке в Нарбонне, Тулузе и Каталонии церковь вела борьбу и сектой бегинов, или нищих братьев. В «Руководстве инквизитора» (1323 г.) после рассуждений об отказе бегинов добывать себе пропитание нищенством делается вывод: «А если их за это приговорят к смерти, они умрут славными мучениками» [6, с. 199].

Как видим, позднее средневековье характеризуется целым рядом факторов социальной напряженности, которые несли реальную или потенциальную угрозу господствующей религиозной доктрине и общественно-политической системе. По мере возрастания социального напряжения внутри феодального общества росла и роль инквизиции, главного карательного органа католической церкви.

Инквизиция – трибунал католической церкви, основанный для борьбы с ересями, вольнодумством, антицерковным и антифеодаль-

ным движением. Существовал во всех католических странах в XII – XIX вв. В 1252 году пытки стали официальным средством получения показаний. Первоначально инквизиция рассматривала только религиозные вопросы [3, с. 260].

Так каким же образом инквизиция из внутрицерковной структуры для борьбы с ересями стала универсальным инструментом запугивания и ликвидации неугодных церкви и государству? В 1233 году, когда папа Григорий IX поручил ведение инквизиции ордену монахов-доминиканцев. Инквизиторы назначались римскими папами и только им подчинялись. В своей деятельности инквизиция прибегала в первую очередь к доносителю. Следствие велось тайно и не имело никаких ограничительных сроков. Методы следствия были различны: от казуистических допросов до применения самых жестоких пыток. Представители светских властей должны были оказывать всяческое содействие инквизиции, иначе их подвергали анафеме [11, с. 144]. Особенной жестокостью отличалась испанская инквизиция. Так, например, главный испанский инквизитор Т. Торквемада лично отправил на костёр около 9 тыс. человек [3, с. 260].

Любые протесты того времени – это прямая угроза церкви и феодальному строю, поэтому любой протест, любое отклонение причислялись к ереси [9, с. 33]. А со второй половины XII в. к ереси причисляется и колдовство. Колдуны и ведьмы являлись идеальными виновниками всех проблем, прошедших и будущих. Ведьма – это, как правило, женщина-простолоюдинка, а значит, социально не защищена; в ведьм верили и боролись с ними и ранее; при условии, что ведьмой можно назначить практически любую, а ведуном практически любого, этот человеческий материал имел неисчерпаемые ресурсы и был всегда под рукой, т.е. за ним не нужно было отправляться в дорогостоящий поход. Конечно, применение этой системы было шире, чем формула: найти ведьму – убить ведьму – успокоить людей. Она была весьма гибкой и открывала перед церковью совершенно новые возможности: по обвинению в колдовстве можно было ликвидировать кого угодно.

Колдуны, знахари и т.п. всегда присутствовали в жизни как неотъемлемая ее часть. В варварских правдах, записях обычного права германских народов, есть упоминания и о ведьмах, и о пособничестве им, и о клевете на добропорядочных граждан. Как карались такие преступления, рассмотрим на примере Салической правды. Весьма умеренной была кара клеветников, которые обвиняли людей в колдовстве или пособничестве ведьмам. Титул LXIV Салической правды «О прислужнике при колдовстве», устанавливает наказание клеветнику, обви-

нившему другого человека в пособничестве ведьмам, в размере 63 солидов (§ 1), а обвинившему женщину в ведовстве – к вире в размере «трижды 89 солидов» (§ 2). Женщина-колдунья, уличенная в поедании человека, уплачивала 200 солидов [7, с. 58]. Здесь не идет речь о сжигании заживо или какой-либо другой казни виновного в колдовстве, скорее прослеживается обыденность таких дел. А вот в XII веке, в Кодексе города Куэнки, читаем: «XI.42. О женщинах, промышляющих знахарством и колдовством. Женщину, варящую зелье и занимающуюся колдовством, следует сжечь заживо или оправдать посредством испытания огнем» [6, с. 48]. Таким образом, прослеживается перенесение жестоких методов борьбы с еретиками, выработанное многолетней практикой, на борьбу с обвиняемыми в колдовстве.

«С XIII века колдовство начинает постепенно трактоваться как религиозное преступление, а следовательно, церковь считает своей обязанностью бороться с ним» [5, с. 8]. В «Руководстве инквизитора» (1323 г.), разъясняется, «что являют собой колдуны, прорицатели и заклинатели демонов» и их «следует допросить о том, сколько и какого рода ему известно способов колдовства, гадания и вызывания духов и кто его им обучил. Следует углубиться в подробности, учитывая личность и положение допрашиваемого, ибо допрос не должен быть одинаковым для всех. Одним будет допрос мужчины, другим женщины» [6, с. 200].

Поворотным моментом в деятельности инквизиции стала папская булла папы Иннокентия VIII «Desiderantes affectibus» (Всеми силами души) от 5 декабря 1484 года, которая провозглашает исключительное право на наказание виновных в ведовстве в Верхней Германии и некоторых областях вдоль Рейна двум доминиканцам, профессорам богословия и инквизиторам Генриху Инститорису и Якову Шпренгеру. Булла констатирует их полную неприкосновенность и лояльность по отношению к ним со стороны епископа Страсбургского, а противящихся их деятельности предписывает карать не только церковному суду, но и светским властям [15, 60–61].

Историческое значение этой буллы в том, что она являлась официальным признанием существования ведьм и разрешала инквизиции действовать любыми методами. Однако подготовительные работы были проведены немногим ранее. К тому времени предыдущий папа Сикст IV уже разрешил королям устанавливать свою инквизицию, произошло первое аутодафе и был назначен первый глава испанской инквизиции, печально известный Томас Де Торквемада [9, с. 43].

По свидетельству Лозинского, Инститорис сразу же приступил к карательным мероприятиям, но в городе Инсбруке натолкнулся на сопротивление такой силы, что вынужден был удалиться из города. Именно после этих событий появляется книга, утверждающая исключительное право инквизиторов на наказание ведьм, как самых опасных еретиков. «Молот ведьм», написанный в 1487 году инквизиторами Генрикусом Инститорисом и Якобом Шпренгером, по своей сути являлся пособием для инквизитора. Интересно, что в 1420 г. книга инквизитора Иоанна из Франкфурта носила название «Молот иудеев». Вероятно, авторы позаимствовали этот оборот и подобным образом озаглавили свою книгу, изменив только врага, на которого направлен молот инквизиции.

Этот демонологический трактат состоит из трех частей, последовательно раскрывающих своеобразное богословие авторов в вопросах существования колдовства, его роли в человеческой жизни, способов борьбы с ним, а также в конце трактата приводится послесловие. В нем собрано все, что только могла дать богословская мысль того времени: высказывания Аристотеля, Ионна Златоуста, Оригена, папы Григория Великого и Вильгельма Парижского.

Первая часть, теоретическая, рассуждает о трех силах: колдовстве, дьяволе и божьем пощении и состоит из 18 вопросов. Например, в шестом вопросе находим утверждение о том, что женщина более мужчины склонна к колдовству, потому что маловерна, что следует из этимологии слова *femina* (женщина), происходящего от *fides* (вера) и *minus* (менее), т.е. *femina* – имеющая меньше веры [15, с. 124].

Трактат называл ведовство опаснейшей из ересей. Он получил огромное распространение и в течение девяти лет последовало 9 изданий. В XVI в. трактат был издан 7 раз, продолжал издаваться в Германии, Франции и Италии [15, с. 64]. Нечем объяснить небывалую популярность книги. Можно только предположить: она являла собой ответ на запрос времени. Попробуем понять, почему возник данный запрос.

Юридическое положение женщин в раннем средневековье определялось сводами законов обычного права – варварскими правдами. На примере Салической правды можно сделать вывод, что варварское право франков строго регламентировало отношение к женщине. Чаще всего женщины за свои преступления, как и мужчины, выплачивали виру. Титул XXX «Об оскорблении словами» наказывает клеветника независимо от его пола, назвавшего женщину блудницей, вирой в размере 45 солидов (§ 3) [10, с. 34]. Так, в титуле XXIV «Об убийстве мальчиков» устанавливается, что за убийство мальчика вира 600 солидов (§ 1). Вира, выплачиваемая за убийство свободной женщины, была

такой же – 600 солидов (§ 2), за убийство женщины, имеющей детей, устанавливалась такая же вира (§ 6). К примеру, такая же вира устанавливалась за «человекоубийство скопищем» (XLI, § 3).

В XIV-XV веках все меняется. Женщина могла быть убита за прелюбодеяние руками собственного супруга. За сожительство женщины заставляли носить платье особого цвета и высмеивали. Во Франции XV в. каждый второй мужчина в возрасте от 18 до 24 лет хоть раз участвовал в изнасиловании. Наказание за это было не слишком суровым: небольшой тюремный срок, штраф или розги. Чаще насилию подвергались женщины из низших слоев. Разведенные жены порой подвергались групповому изнасилованию [5, с.147–148]. Например, в средневековой Франции XV в. самосуд над женщиной по «веским причинам» мог не вызвать никаких последствий для тех, кто его совершил [4, с.147–148].

Итак, католическая церковь назначила себе нового серьезного врага – ведьму. Общественное мнение к такому повороту событий было готово. Борьба с ней с XV века, до этого спорадическая, становится системной.

XV век был весьма трудным для Римской церкви, которая переживает в это время самый глубокий кризис за всю свою историю. По словам Ж. Дюби, с XIII в. выросли претензии Римского папы на власть «надо всем миром; он объявил себя верховным судьей надо всеми государями земли; всеми способами он стремился подчинить их своей власти... Папа был безраздельным главой той политической организации, в которую превратилась церковь, организации очень мощной, опиравшейся на кодекс законов, единую иерархию церковных трибуналов, высокой культурой активных проводников ее политики, налоговую систему,...наконец, опорой церкви служили две организации с полицейскими функциями, выслеживавшие малейшее отклонение и устанавливавшие с помощью проповеди единый образец поведения – орден доминиканцев и францисканцев, оба принужденные к подчинению центральной церковной власти» [6, с. 152–153]. Удивительно, что эта безупречно выстроенная система дает сбой в столкновениях с усиливавшейся монархией, и резиденция пап переносится в 1309 г. из Рима на окраину Франции в Авиньон. «Папство оказалось в конце концов в полном подчинении у королей Франции» [6, с. 153].

Начинается «великий раскол» 1378–1417 годов, благодаря которому Римская церковь получила сразу двух пап (в Авиньоне и в Риме). Одна часть европейских стран поддерживает авиньонского папу, другая часть – римского. Попытка низложить двух пап на соборе в Пизе и выбрать нового не получает должной поддержки, и теперь западная

церковь имеет уже трёх пап. Так продолжалось, пока двое из них не отрекаются от сана добровольно, а третьего не объявили низложенным. Вновь избранный папа был признан всеми. Эти события, разумеется, негативно сказались на престиже папы и церкви [1, с. 179].

Парадокс: власть католической церкви в обществе ослабла, а роль инквизиции, главного церковного трибунала, усилилась. Почему?

Во-первых, инквизиция была полицейским аппаратом, работа которого была хорошо отлажена на протяжении нескольких веков. Инквизиция судила и передавала исполнение приговора светским властям. В доказательство приведем хотя бы один пример. «Вместе с Дольчино схватили также Маргариту, еретичку и колдунью, сообщницу его в преступлении и грехе... Необходимо было осудить и казнить виновных; они были переданы мирскому суду. Означенная Маргарита была изрублена на куски на глазах Дольчино; затем его также изрубили на куски» («Руководство инквизитора» за 1323 год) [6, с. 203]. Светским властям не имело смысла отказываться от услуг инквизиции, которыми они пользовались на протяжении многих лет.

Во-вторых, к XV в. и феодализм, и католическая церковь вступили в полосу кризиса. Борьба с ведьмами и колдунами была весьма гибкой, и открывала перед государственной властью широкие возможности, а в XV в. приобрела юридический и светский характер. Это был не новый концепт, а старая добрая «политтехнология» страха, с помощью которого поддерживался авторитет церкви и верхушки феодального общества. Инквизиция на протяжении позднего средневековья являлась орудием борьбы с элементами, подрывающими устои феодального общества, и не была самодовлеющим институтом. Ее роль возрастала с XIII в. по мере роста кризисных явлений в обществе, а «объект», на который направлялась ее деятельность, зависел от текущего политического момента.

В истории с «Молотом ведьм» церковь нашла идеальный «объект» виновного, которого можно будет безнаказанно карать, но так, чтобы это можно было контролировать, и чтобы само общество было непосредственным участником этой самой кары, вымещая на нем свой гнев и своё недовольство. Массовая истерия под названием «охота на ведьм» была не чем иным, как продуманным итогом рациональной и вполне осознанной деятельности по формированию общественного мнения.

В-третьих, «уже первые франкские короли действовали в союзе с церковью и возглавлявшими ее римскими папами» [12, с. 43]. В 1478 году король Испании получил право назначать инквизиторов. Таким образом, инквизиция оказалась в юрисдикции светской власти и фактически

подвластна монархии и стала использоваться как инструмент для ее усиления. В кризисное время роль инквизиции возросла, потому что она стояла не только на защите «чистоты веры», но и на защите всей политической системы. Поэтому в непростых для себя условиях система перенаправила волны народного возмущения на нового универсального врага – ведьм, которых будут убивать еще как минимум два столетия.

В-четвертых, еретические секты несли в себе первые зачатки реформистских идей. Например, гуситы, которые по своим идеям были близки к лютеранам. На фоне кризиса папства требования церковных реформ являлись прямой угрозой феодализму и церкви как неотъемлемой его части. В борьбе с еретиками опыт инквизиции был неоспорим и продолжал использоваться властями.

Итак, мы видим, что инквизиции в странах Западной Европы в эпоху позднего средневековья – частный пример использования церковно-го института в интересах защиты устоев феодального государства.

Источники и литература

1. *Альдебер, Жак.* История Европы / Жак Альдебер; пер. с фр. М. П. Дешевицына; науч. редактирование и предисл. к рус. изд. В. С. Кошелева. – Минск: Вышэйшая школа, 1996. – 384 с.
2. *Басовская, Н. И.* Столетняя война: леопард против лилии / Н.И. Басовская. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 466 с.
3. *Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т.7: Застаўка – Кантата / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн, 1998. – 608 с.*
4. *Бессмертный, Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный – М.: Наука – 1991. – 240с.
5. *Демонология эпохи Возрождения (XVI – XVII вв.).* Пер с англ., лат., нем., франц. / Общая редакция и составление М.А. Тимофеева. – М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 1995. – 464 с.
6. *Дюби, Жорж.* Европа в Средние века / Жорж Дюби – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 316 с.
7. *Массимо, Ливи Баччи.* Демографическая история Европы / Ливи Баччи Массимо – Санкт-Петербург: ALEXANDRIA, 2010. – 300 с.
8. *Осипов А.И.* / Путь разума в поисках истины / А.И. Осипов – 6-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 496 с.
9. *Плавский З.И.* Испанская инквизиция: палачи и жертвы: ист. очерки / З.И. Плавский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 197 с.
10. *Салическая правда* / пер. проф. Н.П. Грацианского, под. ред. Семенова В.Ф. – Москва: МГПИ им. Ленина, 1950. – 167 с.
11. *Смирнова, Е. Д. и др.* Средневековый мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справ. / Науч. ред. В.А.Федосик, Е.Д.Смирнова; Сост. Е.Д.Смирнова. – Минск: Беларусь, 1999. – 338 с.

12. Средневековая Европа глазами современников и историков в 5 ч. Книга для чтения. Часть 2. Европейский мир V-XV вв. – Серия «Всемирная история и культура глазами современников и историков» // Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. – М.: Интерпракс, 1995. 384 с.

13. Урланис, Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) / Б.Ц. Урланис / Под редакцией С.С. Балзак. – М.: ОГИЗ–ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. – 436 с.

14. Хрестоматия по истории Средних веков. В 3-х т. [Для ун-тов и пед. ин-тов] / Под ред. акад. С. Д. Сказкина.– М., Соцэргиз, 1963. – Т. 2. (X-XV века). – 1963. – 751 с.

15. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / Пер. с лат. Н. Цветкова. Предисл. С. Лозинского. – 2-е изд. – М.: СП «Интербук». – 352 с.

М.А. Данилевич*

DOI: 10.25839/u6939-7966-2672-j

Православная семейная педагогика как путь духовного обновления общества

В данной статье освещается назначение, задача православной педагогики и основной закон, на котором она основывается. Осуществление православной педагогики начинается с родителей, ведь именно они своими поступками делают вклад в развитие нравственной жизни ребенка еще до рождения. Святые Отцы выделяют в жизни человека определенные этапы, значимые в его развитии до зрелого возраста. Это – период до рождения, младенчество, детство, отрочество и юность. В статье изложены основные рекомендации для каждого возрастного этапа, соблюдение которых способствует становлению человека, который живет, стараясь нарушать не только духовный закон, но и светский.

Ключевые слова: православная педагогика, Святые Отцы, нравственность, воспитание детей, родители.

Orthodox family pedagogy as a way of spiritual update of the company

This article highlights the purpose, task of Orthodox pedagogy and the basic law on which it is based. The implementation of Orthodox pedagogy begins with the parents, because it is they who, through their actions, contribute to the development of the moral life of the child before birth. The Holy Fathers distinguish certain stages in a person's life that are significant in his development until adulthood. This is the period before birth, infancy, childhood, adolescence and youth. The article sets out the main recommendations for each age stage, the observance of which contributes to the formation of a person who lives trying to violate not only spiritual law, but also secular.

Keywords: orthodox pedagogy, Holy Fathers, moral, parenting, parents.

На современном этапе развития общества очень остро стоит проблема воспитания будущих поколений, потому что именно от них за-

* Данилевич Маргарита Александровна, студентка 4-го курса Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского Государственного Университета (г. Минск, Беларусь).

Danilevich Margarita Alexandrovna, 4th year student of the Institute of Theology named after Saints Methodius and Cyril of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

висит духовное и нравственное состояние общества. Для того, чтобы наши новые поколения были правильно нравственно и духовно воспитаны необходимо приложить много усилий со стороны светского образования и духовного. Если со стороны светского образования этим занимаются учителя в школах, затем преподаватели в университетах и т.д., то со стороны духовного образования этим должны заниматься в первую очередь родители. То есть, нравственное и духовное состояние нашего общества зависит от вклада родителей в своего ребенка. А правильное духовное воспитание еще и ориентировано на спасение души каждого человека. Поэтому важность этого вопроса была и будет актуальна на протяжении многих веков.

Почему же так важна православная семейная педагогика?

Сущность педагогики заключается в служении больших меньшим. В Древней Греции педагогом именовали раба, приводящего сына своего господина в школу к учителям. В Новом Завете под педагогом понимается верующий в Господа. Школой жизни является Церковь, а тем таинственным учителем сам Христос, который Себя признает и именуют Учителем всех учителей. «...не многие делайтесь учителями, ибо один у вас Учитель, Христос» (Мф. 23:8).

Назначение педагогики – содействие, развитие и раскрытие богодарованного в личности в период её становления. Направленность педагогики – детовожделение ко Христу и во Христе через веру и Церковь. Цель православной педагогики – приблизить детей к Богу, посредством воцерковления, т. к. Церковь и Бог едины, как богочеловеческий организм, где Главой является Сам Христос, а телом – все живущие во Христе. Связь именно такова, как лозы и ветвей, головы и тела. [2, с. 1].

Главная задача педагогики – это приблизить подрастающее поколение к Богу и обучить настоящей жизни во Христе.

Православная педагогика, прежде всего, основывается на Евангельской заповеди Спасителя о любви: «Иисус сказал ему: "возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим": сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: "возлюби ближнего твоего, как самого себя"». На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40). В Ветхом и Новом Завете высшим мерилom человеческих отношений к Богу, ближним и себе является любовь. И учение Святых Отцов, которые также составляют православную педагогику, всегда строились, прежде всего, на этом законе. Святые Отцы имели не только богатый духовный опыт, но и педагогический. Они много писали о долге роди-

телей в должном воспитании детей, о подготовке их не только к жизни на земле, но и жизни вечной. «Святые Отцы не теоретически, но практически, опытно познали человеческую природу с ее немощами и страстями, научились побеждать духов злобы, глубоко постигли путь благочестия и спасения и этот свой богатый духовный опыт зафиксировали в своих писаниях» [4, с. 4].

«Существенной чертой Святых Отцов была особая сила слова, возрождающая к духовной жизни, являющаяся не только современникам, но простирающаяся действием и на все последующие века» [по: 4, с. 5]. Такая сила слова, проявившаяся в произведениях святых отцов, возможна только при высокой духовной образованности, присущей им.

В современной педагогике существует понятие непрерывности образования. Вместе с тем оно традиционно входило в систему отечественной педагогики. Святитель Феофан Затворник призывал всех верующих: «Начав делать – не останавливайся» [5, с. 417]. Еще одним важным аспектом является то, что воспитание должно начинаться не в какой-то определенный момент, а с младенчества, даже раньше, когда ребенок еще находится в утробе матери. Это зависит от нравственного состояния родителей. То, как воспитываются будущие родители, какой уклад у них в семье, какой образ жизни они ведут – все это непременно проявляется в их собственном родительстве. Когда мать благочестива, то и в душе ребенка закладывается благодатная почва, на которой после рождения будет легче вырастить добрые качества. «Если вы воспитаете своих сыновей, то они в свою очередь воспитают своих, а эти опять научат своих; продолжаясь, таким образом, до пришествия Христа, дело это доставит всю награду тому, кто послужил корнем», – говорит святитель Иоанн Златоуст [4, с. 111].

Следующим этапом является младенчество, когда ребенок уже появляется на свет. «Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него посредственно» [5, с. 50]. И основным средством здесь является частое причащение Святых Христовых Тайн. Также большое влияние оказывает прикладывание к Святому Кресту, Евангелию, осенение крестным знаменем, окропление святой водой. Родители при этом всегда сами должны иметь искреннюю веру и благочестие, только тогда это может духовно укрепить младенца. Основное правило воспитания души младенца: «ограждать младенца священными предметами всех видов; все же, могущее развратить в примерах, речи, песнях, изображениях, вещах и про-

чее, – удаляют. Но потом и во все последующее время воспитания (и в детстве, отрочестве, юности) надо хранить тот же порядок» [5, с. 47].

На основе изучения трудов Святых Отцов можно сделать предположение, что детство начинается, когда у детей обнаруживается смышлёность. «Как только дети начнут приходить в разум и понимать учение, тотчас должно им вливать молоко благочестия», – наставляет святитель Тихон Задонский [4, с. 96]. Ум детей еще не умеет различать понятия добра и зла и поэтому родителям необходимо в разговоре с ними давать суждения об основных христианских понятиях. Задача родителей: «настроить сердце детей так, чтобы иметь чувства здравые, истинные, приобретать навык услаждаться тем, что действительно истинно услаждает, и нисколько не сочувствовать тому, что, под прикрытием сладости, вливает яд в душу и тело» [5, с. 74].

В этот период родителям также важно помнить, что они являются для своих детей примером. И то, какие поступки совершают они, хорошие или плохие, накладывает отпечаток на сердцах детей. Так как в детстве уже дети способны к слушанию Слова Божия, запоминанию молитв, то, конечно, важно научить их первоначальным знаниям. Родителям необходимо читать детям Священное Писание, знать наизусть некоторые молитвы, правильно налагать на себя крестное знамение. «Чтобы в поведении детей не преобладали шалости, нужно следить за тем, чтобы они всегда были заняты чем-либо назидательным в соответствии с их способностями» [4, с. 156]. Родителям необходимо сохранить в детях данное от рождения чувство стыда. Нужно напоминать детям, что совершая плохой поступок, на них смотрит Бог и Ангел Хранитель, которые очень расстраиваются. Когда родители будут поступать таким образом, тогда у детей очень рано созреет убеждение, что всякое нарушение стыдливости есть грех. Чтобы приучать детей быть внимательными в Церкви, родителям хорошо было бы просить детей после богослужения рассказывать, что они усвоили из прочитанного, например, Евангелия, Апостола, проповеди и проч.

Таким образом, в учении святых Отцов указан порядок, в котором нужно содержать ребенка и в котором все более будет развиваться у него дух благочестия. «Родители должны следить за всеми движениями раскрывающихся сил детей и все направлять к спасению. Это закон – начать с самого первого дыхания дитяти, используя все средства, а не одно» [5, с. 76].

Когда, ребенку исполняется 7 лет, то у него начинается период отрочества. В церкви принято знать, что именно с семи лет ребенок уже способен отвечать за свои поступки перед Богом и приступать

к Таинству Исповеди. Святые Отцы выделяют некоторые правила воспитания в отрочестве. Нужно хранить весь порядок воспитания, начавшийся в детстве: «Непременное правило – хранить весь прежний порядок воспитания, ибо он вытекает из природы сил наших и требований христианской жизни... т.е. должно оградить... отроков благочестием всех окружающих, церковностью, Таинствами, и так же должно действовать на их тело, душу и дух» [5, с. 80]. В отрочестве наступает время обучения, поэтому родители должны следить, чтобы в процессе обучения главным было духовное и нравственное становление. Родители должны «хорошо понять и усвоить начала истинного христианского воспитания и действовать по ним, прежде всего, дома. Домашнее воспитание есть корень и основание всему последующему. Хорошо воспитанного и заправленного дома... не так легко сбить с прямого пути» [5, с. 114]. В школе подросток изучает много предметов и очень часто родители стремятся именно к тому, чтобы он приобрел как можно больше знаний и добился наибольших успехов. Но нужно помнить о том, что заниматься различными предметами нужно не для того только, чтобы достичь успеха в будущем, но и для того, чтобы использовать свои таланты на служение Богу и ближним. В период отрочества начинается собственно жизнь христианская, когда нужно «не только быть воспитанным по-христиански, но и решиться быть христианином» [4, с. 188].

Юность, по мысли святых отцов, является сложным периодом в жизни человека. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что «юность сама по себе слаба и удобопреклонна ко злу... Она легко склоняется ко греху, увлекаясь удовольствиями и постыдными страстями» [4, с. 568]. Опасность юношеского возраста состоит в том, что он постоянно стремится к чему-то новому, неизведанному, но не всегда это новое может быть ему полезным. Святитель Феофан Затворник дает такие рекомендации молодым людям: «Сколько есть сил и благоразумия, удерживайся от развлечений, беспорядочного чтения соблазнительных книг и мечтаний» [5, с. 97]. Главное в воспитании – это нравственное начало, поэтому необходимо сохранять прежний порядок воспитания. Соблюдать заповеди, несмотря на все встречающиеся искушения. Помнить о том, что главная красота в человеке – не телесная, а духовная, которая приобретается через совершенствование в добре. Иметь внимание ко всем внутренним движениям, избегать рассеянности ума, пристрастия в чувствах и делах, удаляющих от духовной жизни.

Святые Отцы, к которым мы непрестанно обращаемся в процессе воспитания детей, основывались, прежде всего, на деле спасения. Из

своего духовного опыта борьбы со страстями, стремления быть богоподобными, они и нам предлагают путь достижения святости. Этот путь нелегкий и начинается он от начала жизни человека. В современном мире очень много искушений, общество диктует нам свои стереотипы поведения, и соблюдение советов Святых Отцов становится все сложнее, они кажутся неактуальными. Но вопрос воспитанности и нравственного поведения всегда остается актуальным.

Педагоги, преподаватели в школах и университетах учат детей основным понятиям морали, как правильно вести себя, уважать старших, не навредить другу, но они не могут в силу своих ограниченных возможностей заложить в них веру в Бога и приучить их жить не только по общепринятым правилам, но и по заповедям. Научить их любить Бога и любить каждого человека, который находится рядом с ним. Это могут, в первую очередь, родители. И если родители не приучали детей к жизни с Богом в раннем детстве, то потом это будет сложнее сделать. Оттого, сколько усилий родители вкладывают в воспитание своих детей, зависит и то, какой в будущем вырастет гражданин той или иной страны.

Родители делают первый вклад в создание сознательного и разумного общества. И обращение к православной педагогике, соблюдение советов Святых Отцов, хотя бы стремление к ним – это путь оздоровления современного общества, путь его духовного обновления. Ведь если родители будут пытаться учить своих детей жить с Богом, им и самим придется меняться в лучшую сторону, чтобы быть хорошим примером для своих детей.

Источники и литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2013. – 1295 с.
2. *Зелененко, А., протоиерей.* О концепции православной педагогики и ее основополагающих принципах / Протоиерей Александр Зелененко // *Азбука воспитания*, 2019. – 11 с.
3. *Иоанн Златоуст, святитель.* Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста / Святитель Иоанн Златоуст. – М.: ДАРЪ, 2008. – 576 с.
4. *Маслов Н.В.* Духовные и нравственные основы образования и воспитания. Том 1 / Н.В. Маслов. – М.: Самшит-издат, 2013. – 384 с.
5. *Феофан Затворник, святитель.* Путь ко спасению. Письма о христианской жизни. Поучения / Святитель Феофан Затворник. – М.: Лепта книга, 2005. – 800 с.

Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации: проблемы и достоинства в контексте общественного восприятия

В статье анализируется общественное мнение в интернет-пространстве по поводу строительства Главного храма Вооружённых Сил Российской Федерации, как с учётом достоинств, так и недостатков. Поэтому поднимается ряд важных социально-религиозных проблем. Выдвигается тезис о том, что храм в своей идее, представляет собой устойчивую синергичную связь между верой и защитой отечества, что создаёт крепкое основание для объединения русского народа вокруг исторического наследия.

Ключевые слова: храм, Великая Отечественная Война, Церковь, общественное мнение, контекст, духовность, нравственное воспитание, идеология, общезначимость, историческая память, синергичная связь.

The main temple of the armed forces of the Russian Federation: problems and advantages in the context of public perception

The article analyzes public opinion in the Internet space regarding the construction of the Main Church of the Armed Forces of the Russian Federation, both taking into account the advantages and disadvantages. As a result, a number of important socio-religious problems are being raised. The Thesis is put forward that the temple, in its idea, represents a stable synergetic link between faith and the protection of the Fatherland, which creates a solid basis for uniting the Russian people around the historical heritage.

Keywords: temple, World War II, Church, public opinion, context, spirituality, moral education, ideology, generality, historical memory, synergistic connection.

В текущем году, в нашей стране отмечается юбилейная дата со дня победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 75-летие победы советского народа над нацизмом, в очередной раз будет сопровождаться знаменательными празднованиями по всей стране, а также в ряде стран СНГ. И помимо, широко известных парадов, торжественных мероприятий и всего прочего, особый интерес представляет окончание возведения Главного храма Вооружённых сил ил Российской Федерации, в парке «Патриот» г. Кубинки, посвященного 75-летию Победы и ратным подвигам русского народа во всех войнах России.

* Девятириков Юрий Витальевич, студент 3 курса исторического факультета Иркутского Государственного Университета, кафедра теологии (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Степанов Андрей Васильевич, ст. преподаватель кафедры теологии Иркутского Государственного Университета, магистр религиоведения (г. Иркутск, Россия).

Devyatirikov Yuri Vitalievich, 3rd year student of the Faculty of History, Irkutsk State University, Department of Theology (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - Stepanov Andrey Vasilievich, Art. Lecturer at the Department of Theology, Irkutsk State University, Master of Religious Studies (Irkutsk, Russia).

Помимо монументального характера храма – как архитектурного сооружения, особенно важным является и то, что основным источником финансирования постройки данного храма и всего комплекса вокруг него, будут народные пожертвования, что придаёт атмосферу постройки «всем миром» и конечно, закладывает в него мощный объединяющий посыл. Тем не менее, несмотря на множество достоинств строительства этого храма, мы также можем наблюдать негативную общественную реакцию на это событие. И целью данной работы, является выявление как положительных аспектов постройки данного храма в контексте общественного восприятия, так и отрицательных.

Актуальность теме исследования, придаёт ряд современных социально-религиозных проблем на территории России, среди них: во-первых, низкий индекс воцерковлённости православных людей. Так, по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения на 14 августа 2019 г.

Православие – самая распространённая религия среди россиян. Приверженность ей декларируют 63% россиян [6]. Но действительно воцерковлёнными людьми, по разным социологическим оценкам является около 5% православных, эту проблему признают и в самой Церкви [7]. В связи с этим, любое значительное действие Церкви, представляется особенно важным в контексте стимула к рефлексии православных людей на свою религиозность и веру. Под сложным и широким термином религиозности, в данном случае мы ориентируемся на терминологию И.Н. Яблокова, а именно как на: «определённый уровень интенсивности религиозных свойств (признаков) индивида и группы» [9, с. 123–124].

Во-вторых, проблема роста массовой секуляризации и падение авторитета православной веры, занимает важное место в пастырском попечении Церкви. Вследствие этого, строительство Главного храма Вооружённых сил России может поспособствовать не только духовно-нравственному воспитанию молодёжи, что является целью активной молодёжной политики Церкви, но также и развитию исторической памяти о наследии Великой Отечественной Войны, что является уже общенациональной задачей. Но тут важно выяснить, действительно ли, прослеживается данная перспектива?

В-третьих, помимо этого, особую актуальность привносит сама тема победы. Этот праздник, уже многие годы является одним из важнейших, если не самым главным для россиян. И анализ общественного мнения по поводу постройки данного храма в её честь, является важной темой для исследования, тем более, здесь синергично взаимо-

связаны две особенные темы для россиян, «Духовность и религия» и «Великая Отечественная Война». При написании работы, важную роль в методологии исследования, занял анализ интернет-пространства, как наиболее широко используемого и влиятельного в условиях современной общественной жизни.

В первую очередь, мы рассмотрим краткую характеристику самого храма как архитектурного сооружения и около храмового комплекса. Так, «Диаметр барабана главного купола составит 19,45 метров. 1945 год – окончание Великой отечественной войны. Высота звонницы составит 75 метров. В 2020 году исполняется 75 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Высота малого купола составит 14,18 метров. 1418 дней и ночей длились боевые действия в Великой Отечественной войне» [4].

Стены храма выполнены в совершенно новом и непривычном для традиционного храмостроения – зеленоватом оттенке, что отсылает к связи с вооружёнными силами России. А своды храма будут остеклены – тоже любопытное нововведение в храмостроительстве. Тем самым, будет создаваться особая атмосфера «светоносной сакральности» вокруг людей. А боковые приделы храма, будут посвящены святым – покровителям одного из родов войск и видов Вооружённых сил России: Придел Святого Илии Пророка – покровителя Воздушно-космических сил и Воздушно-десантных войск; Придел Святой Варвары Великомученицы – покровительницы Ракетных войск стратегического назначения; Придел Святого Апостола Андрея Первозванного – покровителя Военно-морского флота; Придел Святого Александра Невского – покровителя Сухопутных войск [4]. И это лишь малая часть архитектурных особенностей данного храма.

Помимо этого, важную роль будет играть мультимедийный музейный комплекс «Дорога памяти», выстроенный вокруг храма протяженностью 1418 шагов [4]. В этой галерее будут размещены миллионы фотографий участников Великой Отечественной Войны, которые были собраны со всей страны и за рубежом. Уже этого достаточно, чтобы говорить об обширной символичности и о взаимосвязи данного храма с темой войны, армии, и памяти победы.

Сам храм, будет построен в парковой зоне в 63 км от центра Москвы, в г. Кубинке. Это открывает несколько положительных достоинств: во-первых, это свидетельствует о расширении Москвы как главной столицы России, происходит освоение близлежащей территорий, что также в свою очередь, снимает нагрузку с инфраструктуры столицы и позволяет распределить обширный туристический поток.

Во-вторых, он расположен достаточно близко для центра столицы, что оставляет его достаточно доступным для многих людей. Важно и то, что новый храм гармонично сочетается с окружающим природным ландшафтом, а уединённость от мегаполисов создаст особое настроение «Погружения в себя», что обеспечит многим посетителям, возможность глубже погрузиться в воспоминания о войне и, особенно, о погибших, не отвлекаясь на городскую суету.

Многие известные деятели культуры, науки, общественности, с гордостью отзываются о постройке этого храма: Виктор Садовничий, ректор МГУ: «Это еще один памятник нашей истории, который будет отражать мощь, могущество нашего государства, нашей армии»; Игорь Бутман, композитор: «Мы должны обязательно собраться все вместе и помочь строительству нового храма, который будет олицетворять нашу мощь, нашу силу и нашу веру»; Моисеев Михаил Алексеевич, Председатель общественной организации «Российский союз ветеранов» «Это не просто дань моды – это действительно передача эстафеты памяти о том Великом подвиге...» [4] и это лишь малая часть отзывов.

Так же, как уже было сказано, особенно значительно – финансирование постройки данного храма на народные пожертвования. Это не только дань укоренившейся традиции, но также и важное социально-мировоззренческое событие для многих участвующих людей. Человек чувствует себя не только едиными с другими в этом общем деле, но и важными, в его исполнении. И конечно, для православных людей это может быть не только неким «духовным актом» способствующим укреплению их веры, но и моментом обращения внутрь себя, для осознания глубины и меры своей религиозности, то есть важнейшее духовное значение несомненно присутствует. Для Церкви, это особенно актуально в текущее время. Это также отдельное достоинство данного события.

Но помимо всего вышеуказанного, мы можем наблюдать и негативную реакцию по поводу строительства данного храмового комплекса. Попробуем очертить действительно волнительные для общества проблемы и дать краткий анализ.

1) Негативную волну в обществе, вызвала новость о стоимости постройки данного храма. Так, общая стоимость храма оценивается в 6 млрд. рублей, а около 3 млрд. было выделено из бюджета Москвы и Московской области [8]. Всё это вызвало рост возмущений в медийном пространстве, по поводу излишней роскошности постройки данного сооружения. Появлялись высказывания о том, что целесообразнее выделить деньги на помощь живым ветеранам, либо же построить

обширный музейный комплекс, либо направить деньги на другие нужды.

Также, был небольшой резонанс по поводу принудительного денежного сбора с военных Хабаровска, в сумме «500 рублей» [3]. Это также подорвало авторитет вокруг постройки данного храма, особенно в контексте слов о «добровольных пожертвованиях». Тем более, вопрос денежных отношений, в условиях современности воспринимается весьма болезненно. Всё это говорит о необходимости аккуратно и тактично заниматься проработкой данной тематики, не допускать перегибов, следить за общественным мнением.

2) Идеологический аспект – среди видных деятелей высказываются мысли о том, что строительство Главного храма Вооружённых сил России, это одна из попыток сотворения идеологии, связанной с памятью о Великой Отечественной Войне и Русским Православием. Так, протоиерей Всеволод Чаплин, высказал следующую мысль: «Думаю, этот храм мог бы быть центром притяжения для армии и верующей интеллигенции – людей, которые могут создавать смыслы для воинского служения. Сегодня в России есть кризис таких смыслов. Не все понимают, ради чего можно отдать жизнь и ради чего одерживать победы.

Вокруг этого храма могла бы вестись интеллектуальная, информационная, образовательная деятельность» [1], а руководитель центра проблем религии и общества Института Европы РАН Роман Лункин высказался о том, что: «Сам храм является идеологическим символом военного величия России, освященного православной идеей. И храм строится не для прихожан и не вокруг прихода. У храма другая идея создания. Поэтому там будет методический центр, где будут проходить обучение различные специалисты» [5]. Так ли это на самом деле и плохо ли это? Вопросы сложные и неоднозначные. Тем не менее, мы не можем не зафиксировать такой негативной оценки.

3) Теологический аспект – вопросы вызывает сочетание обширной военной символики в контексте религиозного сооружения. С одной стороны, строительство храмов в контексте военной тематики не новая идея, примеров множество, это и Храм Христа Спасителя в честь победы в войне 1812 г., и Храм-памятник защитникам Ленинграда и Сампсониевский храм, построенный в честь победы над шведами и т.д.

С другой стороны, такой обширной военной символики вокруг храма ещё не было. Конечно, это вызывает противоречивые реакции. Религиовед Александр Солдатов отмечает, что его «больше всего шо-

кирует... Культ войны... Похоже, это будет какой-то храм Марса, а не Христа, фигурально выражаясь» [10]. Вдобавок, стены храма будут украшены различными батальными сценами, что также вызывает вопросы. Всё-таки, важно помнить о том, что главная цель собрания народа божьего в Церкви – это спасение. Сочетается ли сотериологическая роль Церкви и широкая военная символика? Также неоднозначный вопрос, на который нет единого ответа. И массовый акцент на теме Победы вокруг храма, безусловно, важной и значимой, может сместить другую тему – тему Божественного.

4) Многоконфессиональный аспект – Российская Федерация позиционируется как многоконфессиональное государство, и одной из важнейших задач национальной безопасности, становится предотвращение столкновений и конфликтов, в нашем обширном многоконфессиональном обществе. На фоне этой темы, есть некие возмущения в контексте строительства Главного храма Вооружённых сил России.

Проблема, заключается в том, что в армии служат не только православные, но и представители других религий и конфессий и, акцентируя такое большое внимание на одной конфессии, можно спровоцировать рост возмущений у представителей другой. Появляются вопросы: Где главная синагога? Где главная мечеть? Уже, в Конституционный суд поступила жалоба о постройке храма от ветерана боевых действий Николая Рябчевского, он высказывает следующее: «Для объединения всех православных верующих военнослужащих воздвигается Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации», – при этом, не обозначая, кто будет объединять военнослужащих иных конфессий, атеистов и агностиков» [2]. И хотя, к счастью не наблюдается каких-либо широких возмущений по данному поводу, тем не менее, важно контролировать тему поликонфессиональности и желательно, не допускать даже незначительных поводов для возмущений, для сохранности стабильного и мирного сосуществования.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Главный храм Вооружённых сил России, является не только важным религиозным сооружением, но и общезначимым для всего русского народа в контексте исторической памяти о Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. И хотя процесс его строительства порождал череду проблем, остро воспринятых обществом, на наш взгляд, ряд из них можно решить более аккуратной и взвешенной политикой государства. Особенно важно оценивать и слушать общественное мнение по тем или иным вопросам, что уже позволит избе-

жать некоторых конфликтов. Тем не менее, на наш взгляд, его достоинства значительно превосходят недостатки.

На данный момент, впервые строится главный храм всей российской армии, а не отдельных подразделений, что является знаменательным и первым событием в истории России. А также, важен и другой фактор, ведь храм – это место, где люди объединяются в своих помыслах, здесь одновременно собираются мысли всех людей во имя чего-либо, в данном случае – во имя памяти о Победе и о погибших героях. И появляется перспектива появления не только монументального духовного центра, но и нравственно-культурного.

Интересно и то, что предпринимается попытка построить храм на двух социально-значимых основаниях, на религиозных и светских, а такие основания разрушить крайне тяжело. И хотя в обществе высказываются мысли об их несовместимости, тем не менее, нельзя не признать того, что тема защиты Отечества и тема Веры взаимодополняют друг друга, создавая синергичную, крепкую связь. И эта связь, может стать фундаментальным, объединяющим фактором для всего народа.

Источники и литература

1. Анонсированное Шойгу строительство "главного храма вооруженных сил" в парке "Патриот" обойдется в миллиарды, но сметы до сих пор нет // newsru.com URL: https://www.newsru.com/religy/17sep2018/minoboron_church.html.

2. Ветеран подал жалобу в Конституционный суд из-за строительства Главного храма ВС РФ // nakanune.ru URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/03/28/22536782/>.

3. Военные из Хабаровска заявили, что их принуждают сдавать деньги на храм Вооруженных сил // znak.com // URL: https://www.znak.com/2018-12-17/voennye_iz_habarovska_zayavili_chno_ih_prinuzhdayut_sdavat_dengi_na_hram_vooruzhennyh_sil%20-%207

4. Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации // hram.mil.ru URL: <https://hram.mil.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

5. Минобороны построят в «Патриоте» третий по высоте православный храм мира // РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/04/09/2018/5b8e74c29a7947d199ba2fae>.

6. Православная вера и таинство крещения // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9847> (дата обращения: 15.03.2020).

7. Сколько в России воцерковлённых христиан и почему // Православие.ру URL: <https://pravoslavie.ru/121035.html> (дата обращения: 15.03.2020).

8. СМИ узнали о 3 млрд рублей от Москвы и Подмоскovie на храм Минобороны // #ГоворитМосква //URL: https://govoritmoskva.ru/news/224664/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.

9. Яблоков, И.Н. Социология религии / И. Н. Яблоков. – М.: Мысль, 1979. – 182 с.

10. Торжество военного православия // Новая Газета // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/30/82141-hram-minoborony> (дата обращения: 09.03.2020).

Смена пола: религиозные и правовые аспекты

В статье исследуются две противоположные точки зрения на реализацию человеком одного из соматических прав – права на смену своей половой принадлежности. Проводился анализ высказываний представителей церкви, цитат из Библии, которые сопоставлялись с современным законодательством и правовой позицией по данной теме. Делается вывод о том, что необходимость защиты прав транссексуалов и их не дискриминация являются балансом между религией и правом в данном вопросе.

Ключевые слова: смена пола, религия, право, транссексуалы, дискриминация, христианство.

Gender reassignment: religious and gender aspect

Two opposing points of view on a person's realization of one of somatic rights – the right to change one's gender are analyzed in the article. There is an analysis of the statements of church representatives, quotes from the Bible, which were compared with modern legislation and the legal position on this topic. It is concluded that the need to protect the rights of transgender people and their non-discrimination are the balance between religion and law in this matter.

Keywords: sex change, religion, law, transgender people, discrimination, Christianity.

Современный этап развития общества характеризуются стремительным усовершенствованием медицины, генетики, биологии, что привело к появлению нового поколения прав человека – соматических прав, которые определяют правомочия человека по распоряжению собственным телом. Однако реализация этих прав вызывает множество вопросов, как с правовой, так и с религиозной точки зрения.

Право человека на смену своей половой принадлежности является одним из соматических прав. Термин транссексуализм (несоответствие между биологическим полом и тем, который человек хотел бы иметь) был введен в оборот в 1953 году. Первую попытку изменить пол провели в 1931 в Дании, до середины 60-х годов подобные операции не получили распространения: общество не готово было их принять. Однако, вскоре начали появляться первые специализированные

* Денисенко Надежда Вячеславовна, студентка 4 курса юридического факультета Гомельского государственного университета (г. Гомель, Беларусь). Научный руководитель – Иванова Юлия Игоревна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Беларусь).

Denisenko Nadezhda Vyacheslavovna, 4th year student of the Faculty of Law, Gomel State University (Gomel, Belarus). Scientific adviser - Ivanova Yulia Igorevna, senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus)

клиники, в которых проводили операции по смене пола. Сегодня только в США ежегодно делается около 500 подобных операций.

Процедура состоит из длительного употребления гормональных препаратов, хирургического изменения половых органов и при желании косметической коррекции лица и тела, а также замены всех документов. После этого транссексуалу приходится осваиваться в новом качестве – учиться ходить, говорить, одеваться и вести себя как представитель другого пола, проходить большую и длительную процедуру психологической адаптации [1].

Отношение к процедуре смены пола двоякое. Мнения представителей церкви и правозащитников по этому поводу сильно отличаются. Рассмотрим первую точку зрения.

Церковь и религия весьма скептически относятся к манипуляциям, связанным с отрицанием естественной природы человека, данной ему Богом. Митрополит Иларион – глава Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви – заявил, что в РПЦ осудили распространенные на Западе операции по перемене пола. «Это преступление против Бога, – подчеркнул Иларион. – Церковь никогда не согласится с тем, чтобы признать этот образ жизни нормальным, здоровым, чтобы признать те извращения, которые сегодня существуют во многих западных странах, когда, например, ребёнку с самого детства, едва – ли не с младенчества, внушают, что есть биологический пол, а есть тот пол, который он может сам себе выбрать».

Кроме того, митрополит считает, что такие действия родителей должны квалифицироваться как преступление и наказываться в уголовном порядке.

«Ребёнок должен, по крайней мере, дожить до совершеннолетия, прежде чем он сможет самостоятельно принять решение о том, оставаться ли ему тем, каким его Господь создал, или менять свой пол», – резюмировал представитель РПЦ [2].

В Библии сказано, что люди созданы по образу и подобию Бога как представители двух разных полов: мужского и женского (Быт. 1:27) [3]. Иисус основывался именно на этом, когда говорил: «Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью» (Мф 19:4–5) [3].

Кроме того, ветхозаветная заповедь «Не прелюбодействуй» уточняет, что люди должны заниматься сексом только в контексте супружеских отношений (Исх. 20: 14) [3]. Секс вне брака всегда является

грехом, будь то с человеком своего либо противоположного пола (Лев 18:22, 20:10) [3].

Следует заметить, что Библия называет воздержание и безбрачие высоким призванием. Иисус учил, что супружество предназначено не для всех: «Есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12) [3]. Апостол Павел также говорил, что «хорошо человеку не касаться женщины» (1 Кор. 7:1) [3], одновременно утверждая, что супружество – это вполне законный, нормальный выбор.

С религиозной точки зрения, разрушение семьи – одно из следствий смены пола. Человек, который является родителем ребенка, со сменой пола теряет статус отца или матери, при этом, не приобретая противоположного статуса (соответственно матери или отца); прекращается супружество: согласно Семейному кодексу Российской Федерации, брак юридически считается недействительным [4].

Самое страшное, что люди, идущие на операцию по смене пола, после её проведения нередко впадают в тяжелейшую депрессию: неизлечимое бесплодие, новые требования, новый круг общения, новая работа. Новая роль бывает настолько трудной, что многие впоследствии доходят до еще одного страшного греха – самоубийства [1].

Результаты операции по смене пола необратимы, а греховные извращения, по мнению представителей церкви, со временем могут уйти, и человек останется с несвойственной ему половой принадлежностью на всю жизнь, или же, перестав ежедневно принимать гормоны, совершенно потеряется в том, кто он. Подчеркивая негативную сторону операций по смене пола, можно привести пример Норри Мэй-Уэлби, жителя Австралии, который однажды решился сделать операцию по изменению пола и стал «женщиной». Однако со временем понял, что ошибся. Прекратил принимать гормоны и теперь не знает, к какому полу себя отнести. Врачи не смогли помочь ему разрешить этот вопрос. И власти вынуждены были так и указать в его документах: пол неопределенный [1].

Операция по смене пола, то есть изменение наружных половых органов и вторичных половых признаков, делает человека внешне похожим на представителей желаемого пола. Но биологически пол она не меняет [1]. Поэтому интимные отношения с таким человеком являются грехом, по этому поводу Писание говорит: «Не ложись с женщиною, как с женщиною: это мерзость» (Лев. 18:22) [3].

Исламская Республика Иран живет по законам Шариата, но в этой мусульманской стране еще в 1979 году указом духовного лидера были разрешены операции по смене пола. Сегодня Иран занимает второе место среди стран по количеству подобных операций. В основном на операцию решаются гомосексуалисты. Сожительство с человеком того же пола является в Иране грехом и карается смертью, поэтому местные гомосексуалисты делают операцию.

По мнению представителей иранского духовенства, подобная процедура является таким же незначительным грехом, как превращение пшеницы в муку, а муки – в хлеб. Поэтому гражданину Ирана всего лишь необходимо получить диагноз «транссексуал», после чего ему разрешается носить женскую одежду (вспомним, что говорит Библия на этот счет: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие» (Втор. 22:5)[3]). В Иране операция по смене пола стоит дешевле, чем в большинстве стран, но, даже если пациент не имеет всей суммы для оплаты, государство оплачивает до половины ее стоимости. А поскольку транссексуалы часто имеют трудности с поиском работы, то государство еще и предоставляет им кредит на развитие собственного бизнеса. В результате такой политики число транссексуалов в Иране составляет около 20 тысяч. Почему-то никто не задумывается над тем, что гомосексуалист, даже сменивший пол, так и остается гомосексуалистом с искусственно созданными элементами женского тела. Такой человек не становится женщиной: ни родить ребенка, ни хотя бы немного внешне походить на женщину, не обрекая себя на пожизненное употребление гормональных препаратов, он не может. «Извращение остается извращением, даже если на него надевают маскарадный костюм», – говорят представители церкви [1].

Абсолютным лидером по количеству операций по смене пола является Таиланд. Стоимость подобной операции в этой стране одна из самых низких в мире. Согласно буддийским верованиям, которых придерживаются местные жители, гомосексуалисты и лесбиянки – всего лишь души, таким способом наказанные за свои деяния в прошлой жизни.

Официально в стране проживает около десяти тысяч транссексуалов, но на самом деле их в несколько раз больше. В основном эти люди заняты в сфере секс-туризма и приносят государству большую прибыль. Многие семьи сознательно отправляют мальчиков на «преобразование» в «девочек», а затем заставляют заниматься проституцией: их фигуры наиболее подходят к европейским стандартам женщи-

ны – худощавые, длинноногие. Тайки же в большинстве своем низенькие и полные и не могут много «зарабатывать» [1].

Итак, с религиозной точки зрения, половые извращения, включая транссексуальность, однозначно являются грехом. Христианство допускает только один тип половой идентификации – гетеросексуальный (то есть влечение к противоположному полу). Бог, Которому мы поклоняемся, дал нам половую принадлежность еще до нашего рождения: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его: мужчину и женщину сотворил их» (Быт.1:27) [3]. Пол – это не выбор человека, но реальность, данная ему Богом. Стремление отказаться от принадлежности к тому полу, который дарован человеку Творцом, несет за собой только пагубные последствия. И даже та цель, которую ставили перед собой люди, идущие на операцию, не достигается: во многих случаях они приходят не к разрешению своих проблем, а к глубокому внутреннему кризису [1].

Что касается правовой точки зрения, то действующее законодательство некоторых государств, в частности, Республики Беларусь, предусматривает смену половой принадлежности. Тем не менее, большинство как белорусских, так и российских граждан негативно относятся к транссексуалам. Однако, если бы такие операции были неправомерными и необоснованными, то за их производство должна была наступать ответственность, не говоря о том, что на их возможность проведения не могло быть указания и в законе. Более того, действующее законодательство обязывает уважать личную жизнь лиц, перенесших операции по изменению пола [5, с. 295].

Ст. 14 Конституции Республики Беларусь закрепляет равенство всех перед законом и равную без всякой дискриминации защиту прав и законных интересов [6]. Дискриминация (от лат. *discriminatio* – различение) – общеправовой термин, обозначающий обычно ущемление прав юридических или физических лиц. Дискриминация означает осуществление на уровне закона или на практике различия между людьми на основании их принадлежности к определенной группе [7, с. 110].

В международных документах по правам человека предусматривается, что страна, их ратифицировавшая, обязана уважать и обеспечить всем людям, находящимся на ее территории и в пределах ее юрисдикции, права человека без каких-либо различий, таких, как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные взгляды, национальное или социальное происхождение, собственность, рождение или иной статус. Всеобщая декларация прав человека запретила все формы расовой и другой дискриминации. Не должно быть «...какого

бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст. 2 Всеобщей декларации) [8, с. 1]. Дискриминация запрещена в отношении «расы, пола, языка или религии» (ст. 1(3) Устава ООН) [9].

Проведенный анализ законодательства и практики его применения свидетельствует о необходимости сохранения сложившихся в обществе традиций и в то же время проявления толерантности к лицам, которые изменили пол в силу медико-психологических причин. Необходимо помнить, что дискриминация по половому признаку или признаку изменения пола недопустима.

Таким образом, с правовой точки зрения ущемление прав транссексуалов недопустимо и является дискриминацией по признаку принадлежности к определённой социальной группе.

На наш взгляд, необходимо найти баланс между религиозными и правовыми взглядами на смену пола.

Христиане должны всячески защищать интересы слабых и изолированных членов общества. В этом смысле, они призваны поддерживать все меры по защите основных прав человека для транссексуалов, охранять их достоинство и равенство и помогать защищать их от дискриминации. Однако, такая поддержка должна быть основана на честной оценке ситуации [10]. На наш взгляд, смена пола должна осуществляться в строгом соответствии с законом и только при наличии подтверждённого заболевания, как это закреплено в белорусском законодательстве.

Люди, работающие в сфере здравоохранения, образования и социальной помощи, должны предоставлять транссексуалам милосердную и высокопрофессиональную поддержку, в которой не будет никакого обмана, в той или иной его форме [10].

Кроме всего прочего, транссексуалы часто жалуются на одиночество. Иисус проводил очень много времени с людьми, поведения которых не одобрял (Лк. 5:30–32) [3]. Христиане призваны искренне любить всех людей и активно пытаться устанавливать с ними дружеские отношения, одновременно давая им понять, что они не одобряют определённых аспектов их поведения. Сила христианского Евангелия строится на обещании Иисуса помочь людям измениться. Поэтому христиане должны стараться создавать вокруг себя такую атмосферу, где транссексуалы могли бы узнать Бога, Который любит их и хочет помочь им обрести полное психическое здоровье [10].

Проводя параллель между религией и правом, нужно помнить, что дискриминация недопустима ни с точки зрения права, ни с точки зрения религии.

Источники и литература

1. Хаджебиекова, И. Смена пола: христианский взгляд / И. Хаджебиекова // Христианская газета // URL: <http://cgazeta.ru/2011/6/525-smena-pola-hristianskii-vzgljad.html>
2. Митрополит РПЦ Иларион. Операция по смене пола – это преступление // Свободная пресса // URL: <https://svpressa.ru/society/news/228246/>
3. Библия. – М.: Российское Библейское Общество, 2011. – 1408 с.
4. Федеральный закон «Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ» // URL: <http://pravo.gov.ru>
5. Симс, Э. Нарушения половой самоидентификации / Э. Симс // URL: http://admin.cmf.org.uk/pdf/cmffiles/russian/25_gender_identity_disorder.pdf
6. Конституционные основы реализации соматических (личностных) прав: теория и практика: монография / Д. Г. Василевич. – Минск: Адукацыя і выхаванне. – 2018. – 319 с.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2015. – 48 с.
8. Василевич, Д. Г. Соматические права человека и гражданина / Д. Г. Василевич // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2017. – № 1 – С. 106–112.
9. Всеобщая декларация прав человека. – М.: Проспект, 2017. – 8 с.
10. Устав Организации Объединенных Наций // URL: <http://www.un.org>

Д.М. Жигулина*

М.С. Кротов**

DOI: 10.25839/u5429-4123-6852-p

Сила нотариального акта в гражданском обществе Российской Федерации и Франции

В данной статье рассматривается нотариальный акт и его повышенная доказательственная сила в гражданском обществе. Путем анализа различных точек зрения, а также проведения сравнения французской и российской нотариальных систем были сформулированы и предложены возможные дальнейшие пути развития нотариального акта и российского нотариата в целом.

* Жигулина Дарья Михайловна, студентка Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Иркутск, Россия).

Zhigulina Daria Mikhailovna, student of the East Siberian branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Irkutsk, Russia).

** Кротов Максим Сергеевич, студент Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Иркутск, Россия).

Krotov Maksim Sergeevich, student of the East Siberian branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: нотариат, нотариальный акт, повышенная доказательственная сила, российская система нотариата, французская система нотариата, аутентичность акта, нотариус.

The power of a notarial act in the civil society of the Russian Federation and France

This article discusses the notarial act and its increased evidentiary power in civil society. By analyzing different points of view, as well as comparing the French and Russian notarial systems, possible further ways of developing the notarial act and the Russian Notariat as a whole were formulated and proposed.

Keywords: notary, notarial act, increased evidentiary power, Russian notary system, French notary system, authenticity of the act, notary.

Понятие «нотариат» берет своё начало еще в Древнем Риме. Его появление связывают с латинским термином «notarius», что означает «писец» или «секретарь» [1]. Российским законодательством не дается толкование нотариату, однако в ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации (далее по тексту – РФ) о нотариате закреплены его цели [2]. В РФ нотариат выступает как в качестве самостоятельной системы, так как является инструментом публичной власти, осуществляя полномочия, которые возложены законодательно [3].

Результатом деятельности нотариусов является нотариальный акт. Он представляет собой процедурно оформленное решение уполномоченного на то органа, выражающее волю государства, основанное на диспозиции нормы материального права и которое подтверждает субъективное право или юридический факт. Нотариальный акт, по мнению некоторых ученых-юристов, является «более безопасным по сравнению с актом, совершенным в простой письменной форме», а также характеризуется доказательственностью [4]. Данные полномочия, делегированные государством, существенно снизили количество возникающих споров между субъектами гражданского общества.

Необходимо отметить, что согласно Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ, с 1 января 2015 года нотариальный акт приобрел повышенную доказательственную силу, т.е. признание его незаконным осуществляется через особый судебный порядок [5]. Такая процедура особенно важна для дел, связанных с наследственным правом, а точнее – с завещанием, а также с долями в обществах с ограниченной ответственностью. Ряд ученых обращает внимание на схожесть нотариальных актов и судебных документов и подчеркивает их особую юридическую силу и значимость в регулировании гражданско-правовых отношений. Однако некоторые всё же сомневаются в

необходимости наделения нотариального акта повышенной доказательственной силой.

Международным законодательством закреплено, что нотариальные акты имеют силу для членов-участников международных конвенций. Таким образом, можно прийти к выводу, что нотариальная деятельность представляет собой специфический вид правотворчества, в результате которого принимается нотариальный акт, который устанавливает определенные права и обязанности в отношении установленного круга лиц [6]. На наш взгляд, для усовершенствования системы нотариата в РФ необходимо анализировать нотариальные системы зарубежных стран.

Рассмотрим одну из наиболее развитых систем нотариата Европы – нотариат Франции. Он представляет собой организованную систему, возглавляемую Высшим Советом нотариата, который образуется за региональными советами на уровне отдельных апелляционных судов, которые в свою очередь выступают объединениями нотариусов. Нотариус во Франции является государственным служащим. Он наделен правом удостоверять юридические акты, оформлять сделки и придавать им аутентичность [7]. Доказательственная сила во Франции является одним из средств доказывания, которое не требует дополнительных проверок. В случае возникновения противоречия различных средств доказывания доказательственная сила позволяет установить иерархию между этими доказательствами. Гражданский кодекс Франции в ст. 1319 закрепляет понятие аутентичности акта. Согласно этому понятию такой акт является абсолютно достоверный в части положений, которые он содержит. Система гражданского процесса отдает предпочтение именно письменному доказательству.

Необходимо отметить, что нотариальные акты наделены силой государственного акта, поскольку они выполняются от имени государства. Такой характер позволяет наделить их повышенной доказательственной силой и силой исполнительного документа, т.е. выполнение обязательства по аутентичному акту возможно без судебного решения. Признание акта аутентичным служит дополнительным механизмом юридической защиты в современном гражданском обществе.

В РФ для достижения достаточной защищенности данных применяют Единую информационную систему нотариата. Российская и французская система нотариата основана на латинской системе. В связи с этим они довольно схожи между собой. Однако, как указы-

валось ранее, французский нотариат является государственной системой, вследствие чего и нотариальный акт выступает в качестве государственного акта. В то время как в РФ – существуют как Федеральная нотариальная палата, так и внебюджетные палаты нотариусов, поэтому нотариальный акт не наделяется такой значимостью, как французский. Тем не менее, с последними изменениями такой акт всё же получил повышенную доказательственную силу. Мы считаем, что нотариальный акт в РФ необходимо наделить большей доказательственной силой, что позволило бы гражданскому обществу более доверительно относиться к системе современного нотариата.

Для увеличения как доказательственной, так и юридической силы нотариального акта необходимо закрепить положения, наделяющий акты такими силами, в нормативно-правовых актах. Так, например, можно внести изменения в Основы законодательства РФ о нотариате путем дополнения статей, устанавливающих признание нотариального акта аутентичным. Таким образом, нотариальный акт получит еще большую доказательственную силу, что положительно отразится на достижении поставленных для нотариата целей и задач. Также необходимо отметить, что представители французского и российского нотариата довольно часто проводят встречи, на которых делятся опытом и знаниями. Такие мероприятия очень важны для отечественной нотариальной системы, поскольку путем перенимания опыта коллег российская юриспруденция, в том числе, и нотариат, имеет больший выбор в избрании дальнейшего развития.

Источники и литература

1. *Миронов, А. Н.* Нотариат: учеб. пособие / А.Н. Миронов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 195 с.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ) // Российская газета, 1993, 13 марта.
3. *Чернявский, А. Г.* Государство. Гражданское общество. Право: монография / А.Г. Чернявский, Л.Ю. Грудцына, Д.А. Пашенцев; под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Чернявского. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 342 с.
4. *Сычев О.М.* Свободный, но ответственный нотариат в гражданском обороте // Юридический мир. – 2007. – № 7. – С. 52 – 53.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [www://https:// home.garant.ru /#/document/70831092/paragraph/266/highlight/фз%20457%20от%202014:5](http://www.garant.ru/#/document/70831092/paragraph/266/highlight/фз%20457%20от%202014:5)
6. *Ларина О.В., Щербинина Н.С.* Сущность нотариата и статус нотариального акта в российском законодательстве // The Scientific Heritage. 2019. № 39-3 (39).
7. Федеральная нотариальная палата. Новости // URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/notariat-yaponii-gosudarstvennye-zadachi-pod-svoyu-otvetstvennost/>

Проблема дискриминации атеистов и агностиков в рамках российского уголовного законодательства

Проводится анализ степени реализации конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания, принадлежащего каждому гражданину Российской Федерации и проблем реализации данного права. Помимо этого, проводится анализ правоприменительной практики связанной с раскрытием проблем ущемления прав неверующих людей, а также анализ теоретических и практических аспектов применения статьи 148 УК РФ. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления прав атеистов и агностиков.

Ключевые слова: уголовное законодательство, дискриминация, права атеистов, агностики, уголовная ответственность, религия, свобода совести.

Discrimination against atheists and agnostics under Russian criminal law

The degree of realization of the constitutional right to freedom of conscience and religion belonging to every citizen of the Russian Federation and the problems of realization of this right are analysed. In addition, an analysis of the law enforcement practice related to the disclosure of problems of infringement of the rights of non-believers is being carried out, as well as an analysis of theoretical and practical aspects of the application of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the rights of atheists and agnostics should be legally enshrined.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, discrimination, rights of atheists, agnostics, criminal responsibility, religion, freedom of conscience.

Российская Федерация в уголовном законодательстве устанавливает ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, целесообразно утверждать, что за пренебрежение любым из человеческих и гражданских прав, лицо подвергнется соответствующей санкции. Думается, что данная мера направлена на развитие в социокультурном пространстве российского государства, такого явления как «толерантность». Причём подразумевается, что толерантность затронет как можно больше субъектно-объектных

* Жук Ульяна Васильевна, студент Международно-правового отделения Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Арзуманов Игорь Ашотович, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Zhuk Ulyana Vasilievna, student of the International Law Department of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - Arzumanov Igor Ashotovich, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

и межличностных отношений, отношений между обществом и государством, а также тех отношений, которые будут касаться религиозного и вероисповедного аспектов. Поднимая вопрос о проблемах толерантности в религиозном контексте, мы непременно выйдем на уровень понимания вероисповедной политики как одной из доминирующих идеологических подсистем.

Идеология как система ментальных ценностей присуща любому человеческому обществу [1, с. 179]. Под идеологией принято понимать какую-либо систему взглядов и идей, а также мировоззрение в целом. Хочется отметить, что идеология далеко не всегда предполагает приверженность индивида к какой-либо конфессии, а зачастую, может наблюдаться, и прямо противоположная ситуация. То есть, идеология как система ментальных ценностей, предполагает собой некий плюрализм взглядов, в том числе, и на веру в Бога и в сверхъестественное в целом. Плюрализм, соответственно, предполагает многообразие, а многообразие в религиозном аспекте, это сосуществование систем не только религиозных культур [1, с. 187], но и культур, систем и мировоззрений, отрицающих веру во что-либо. Россия, как государство светское, предполагает цивилизованное сосуществование двух вышеперечисленных явлений посредством действия, поддержания и реформирования российского законодательства. Но, в связи с этим, возникает дилемма полного и правомерного использования, например, статьи 148 УК РФ.

На фоне этого многие представители профессионального юридического сообщества: государственные служащие, теоретики права, учёные-юристы дискутируют насчёт проблемы дискриминации атеистов и агностиков, а также дискутируют о несовершенстве использования и трактовки статьи 148 УК РФ. Не малое число авторов, таких как Т.К. Мухина [7], К.В. Кузнецов [6], В.О. Елисева и Е.С. Иванина [4], а также А.А. Долейко [2], размышляли на эту дискуссионную тему, предлагая свои варианты и видение разрешения данной правовой проблемы. Но, тем не менее, пока что данные дискуссии и споры так и остаются в формате гипотез и теорий, а случаев дискриминации людей, не приверженных к религии, становится всё больше и больше.

В контексте исследования данного правового явления, автором используется ряд методов. Среди них общенаучные – логический, состоящий из анализа, синтеза и приёмов формальной логики, а также функциональный, который направлен на выяснение форм воздействия одних социальных явлений на другие. Среди специальных методов необходимо выделить социологический, который применяется с целью получения данных о фактическом поведении субъектов и госу-

дарственных институтов. Среди частных научных методов, которые были применены, необходимо указать на формально-догматический метод. На основании всего вышперечисленного, автором считается целесообразным, начать более подробное раскрытие заявленной темы.

Российская Федерация – светское государство, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а все религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [5]. То есть, все члены религиозных организаций и просто люди, исповедующие любую религию и проживающие на территории Российской Федерации, находятся под защитой государства, их права признаются и защищаются. Помимо Конституции РФ, право на свободу вероисповедания и свободу совести, которые предполагают светский характер государства, обеспечивают также Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», а также Уголовный кодекс РФ, конкретно, ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповедания».

«Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих наказываются ...» – гласит ч. 1 ст. 148 УК РФ. Несмотря на то, что поправки об увеличении ответственности «за оскорбление чувств верующих», в том числе устанавливающие уголовную ответственность в виде лишения свободы, были внесены около семи лет назад, вопрос о целесообразности и правильности использования на практике данной статьи остаётся достаточно дискуссионным и однозначно нерешённым. Для правильной интерпретации данной статьи необходимо установить значения слов «верующий» и «чувство». Верующий – человек, признающий существование Бога [8, с. 75]. Чувство – это способность человека, что-то ощущать, испытывать и воспринимать [8, с. 888], и почему-то законодатель устанавливает данное слово в контексте, применительно только к людям религиозным, то есть верующим в существование Бога. В связи с этим, поднимается вполне резонный вопрос: как быть с чувствами атеистов – людей, которые отрицают существование Бога [8, с. 31], и с чувствами агностиков – людей, которые придерживаются идеалистического философского учения, которое отрицает возможность познания мира, а, следовательно, и возможность познания Бога, также ими отрицается [8, с. 18]. Можно сказать, что они занимают некое промежуточное положение и не относят себя, ни к категории верующих, ни к категории людей атеистических взглядов.

С учетом вышесказанного считается, что речь может идти о проблеме в российском законодательстве. Более того, исследуя проблему

неравноправия верующих и атеистов/агностиков, считается необходимым рассмотреть такое понятие как «дискриминация». Дискриминация – нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам и т.д. [10]. Путём функционального соотношения данного понятия с понятиями «атеист» и «агностик» придём к определению данного соотношения в рамках дефиниции «дискриминация неверующих» – т. е. нарушения и ущемления людей в праве на свободу вероисповедания, а именно – не исповедовать вообще ни одну из религий.

Необходимо отметить следующее логико-смысловое противоречие – ст. 148 УК РФ идёт в противоречие ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, в которой говорится о том, что права и свободы человека и гражданина гарантируются государством [14]. На практике же наблюдается явное нарушение и не гарантированность прав неверующих. Данное обстоятельство приводит к мысли о том, что государство, гарантируя соблюдение прав и свобод верующих, хотя того или нет, само навязывает субъектам права необходимость исповедования той или иной религии, создавая иллюзию того, что именно принадлежность к какой-либо форме вероисповедания позволит им быть всецело защищёнными. Конечно, не стоит отрицать важность и необходимость данной статьи в уголовном законодательстве РФ, так как подавляющая часть страны – люди, исповедующие ту или иную религию, но всё же, стоит рассмотреть данный вопрос на конкретных примерах правоприменительной практики, и доказать необходимость введения в действующее законодательство статьи, части или пункта, которые бы регламентировали права и свободы неверующих граждан, а также показать, что законодатель допустил некоторые недоработки при составлении ст. 148 УК РФ.

Так, например, 4 июля 2015 г. группа граждан, в количестве 120 человек, во главе с руководителем патриаршей комиссии по вопросам семьи, материнства и детства протоиереем Дмитрием Смирновым, сметая людей, заграждения и охрану, повредив рамки металлоискателей и, таким образом, избежав досмотра службы безопасности, ворвались на территорию радиостанции «Серебряный Дождь» и помешали проведению праздничных мероприятий, посвященных «дню рождения» станции. Они заявили, что музыка, доносящаяся из двора редакции на Петровско-Разумовской аллее, мешает вести службу в храме, расположенном на расстоянии около километра за Петровским парком

[11]. Позже стало известно, что радиостанция «Серебряный дождь» направила в прокуратуру жалобу на сотрудников РПЦ МП. А вот чувства неверующих работников радиостанции так и остались оскорбленными, а права нарушенными. Возникает риторический вопрос, – какой нормативный правовой акт поможет их восстановить?

Другой пример – в мае 2017 года, когда суд Екатеринбурга приговорил к условному сроку блогера Руслана Соколовского. Его признали виновным в оскорблении чувств верующих, возбуждении ненависти и незаконном обороте устройств для ведения скрытой записи. Он был задержан после публикации видео, на котором он играет в Pokemon Go в православном храме [13]. Он также был под угрозой внесения в список действующих экстремистов России по данным Росфинмониторинга [9]. Сам блогер утверждал, что цели нарушить или оскорбить чьи-то чувства у него не было, он просто хотел проверить на себе практику применения данного закона.

Вышеописанный прецедент можно рассматривать скорее как аморальный и безнравственный поступок, нежели как попытку действительно оскорбить чьи-то чувства. Многие считают Соколовского «узником совести», но, тем не менее, первоначальный приговор: три с половиной года условного срока, после снятия статьи за экстремизм, суд смягчил приговор и назначил Соколовскому новое наказание в виде условного срока до двух лет и трёх месяцев. Но суть в том, что условный срок так и остался, а цели оскорбить чьи-то чувства не было. Таким образом, прослеживается явная неопределённость данной статьи относительно умысла «правонарушителя», что ещё раз доказывает о необходимости пересмотра и внесения поправок в неё.

Еще один пример, отражающий несовершенство ст. 148 УК РФ произошёл в 2017 году в одном из самых престижных российских вузов – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). На одного из студентов напала группа из шестерых человек кавказской национальности, тоже студентов. Они били его, угрожали убить, насильно заставляли извиниться за высказывания в социальных сетях, сняли свои действия на видео и выложили в сети Интернет. Свои действия данная группа лиц аргументировала тем, что студент, Олег Терещенко, по их словам, задел их религиозные чувства. И в качестве основного аргумента они ссылались на положения законодательства, касающиеся «оскорбления чувств верующих».

Непредвзято рассмотрев комментарии О. Терещенко в социальных сетях, можно сделать вывод о том, что он спокойно и аргументированно

но высказывал свои атеистические взгляды. Общий смысл его комментариев можно уложить во фразу «религия – опиум для народа», причем религия любая. Также под постом, где обсуждалось, можно ли кавказским девушкам встречаться с русскими парнями, О. Терещенко написал, что законы России не позволяют ограничивать чью-либо свободу. Всё это, очевидно очень сильно возмутило группу молодых людей и они, под угрозой расправы, заставили О. Терещенко извиняться перед мусульманами, христианами, девушками кавказской национальности и просто всеми девушками. Когда правоохранительные органы начали расследование, нападавшие поспешили выложить в социальные сети новое видео – с извинениями [12].

На основании всего вышеизложенного возможно утверждать, что закон «об оскорблении чувств верующих», и понятие «оскорбление» в нём, могут трактоваться кем угодно и как угодно, зачастую позволяя людям совершать поступки, откровенно нарушающие права других, но оправдываемые этим самым законом. И дело здесь не в национальности или менталитете нарушающих, а в явной недостаточной четкости положений законодательства.

И это далеко не все случаи некорректной интерпретации положений данной статьи. Вкупе с вышеприведёнными примерами, поводом для привлечения к уголовной ответственности могут также служить лайки, репосты, комментарии в социальных сетях, различного рода картинки, так или иначе, затрагивающие тему религии и вероисповедания, что может быть неверно истолковано многими адептами той или иной религии. Это, конечно же, носит отрицательную коннотацию, а иронический смысл в данных явлениях может характеризоваться негативно, но, тем не менее, это не служит поводом для привлечения к уголовной ответственности и тем более для возбуждения уголовного дела. Помимо того, такие поступки зачастую совершаются детьми, у которых, в свою очередь даже и мысли не было оскорбить чьи-то чувства, у них, по правде говоря, вообще никаких мыслей не было, в силу не до конца сформированного представления о праве, морали, религии. Но судебная практика свидетельствует о том, что судьи без лишнего разбирательства могут вынести обвинительный приговор, изрядно усложнив последующую жизнь привлекаемого.

В заключении, ко всему вышесказанному хотелось бы сказать: ст. 148 УК РФ, безусловно, необходима, так как защита прав верующих является важной составляющей жизнедеятельности российского государства, как государства светского, но наравне с этим она также нуждается в серьёзной законодательной доработке. Может считаться

необходимым, расширить диспозицию ч. 1 ст. 148 УК РФ, добавив туда положения о защите чувств людей атеистических и агностических взглядов [3], либо же расширить ту же статью, посредством добавления ещё одной части, в которой бы узаконивалась защита прав и свобод людей, никак не относящих себя к какой-либо религии и вероисповеданию. Также, целесообразно будет формально определить смысл понятий «верующий/неверующий», «чувства», «чувства верующих/неверующих», «оскорбление», и «неуважение к обществу», закрепив отмеченные дефиниции в примечании к ст. 148 УК РФ.

Данные поправки помогут избежать неверно вынесенных судебных решений, касающихся привлечения индивидов к уголовной ответственности по делам «об оскорблении чувств верующих», а многим религиозным группам и отдельным представителям какой-либо религии или конфессии внесение вышеуказанных новелл может поспособствовать в дальнейшем использовании правильной трактовки данной нормы.

Посредством доработки или, может быть, даже полного изменения ст. 148 УК РФ, можно будет избежать возникновения такой проблемы, как дискриминация тех или иных групп населения по религиозному признаку. Также, после законодательного закрепления прав атеистов и агностиков, данная статья перестанет противоречить ч. 1 ст. 17 Конституции РФ.

Также хотелось бы отметить, что наши предложения позволят выработать единственно верную и правильную практику применения данной нормы как в правоприменительной практике органов власти и управления всех уровней и видов, так и в обычных взаимоотношениях между членами социума.

Источники и литература

1. *Арзуманов И.А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И.А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.
2. *Долейко, А. А.* Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания в российском обществе / А. А. Долейко // Молодой ученый. – 2018. – № 46. – С. 139–141.
3. *Друшляк, К. В.* Уголовная ответственность за нарушение права на свободу вероисповедания в Российской Федерации как светском государстве / К. В. Друшляк // Молодой ученый. – 2019. – № 4. – С. 297–299.
4. *Елисеева, В. О., Иванина, Е. С.* Проблемные вопросы оскорбления религиозных чувств верующих в рамках уголовного закона/ В. О. Елисеева, Е.С. Иванина // Молодой ученый. – 2019. – № 50. – С. 506–508.
5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993, ст.14 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.constitution.ru/>

6. Кузнецов, К. В. Формирование у студентов гуманитарных вузов умений антипропаганды религиозного экстремизма – одно из важнейших направлений работы педагогической науки / К. В. Кузнецов // Молодой ученый. – 2013. – № 2. – С. 380–382.

7. Мухина, Т. К. Просвещение родителей о деятельности деструктивных религиозных организаций / Т. К. Мухина // Молодой ученый. – 2015. – № 23. – С. 987–990.

8. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. //С.И. Ожегов. – М.: Высшая школа, 1993. – 944 с.

9. Росфинмониторинг – федеральный орган исполнительной власти России, осуществляющий функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма, а также по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию и координации деятельности в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти.

10. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ, ст.136 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

11. Электронный ресурс удалённого доступа // URL: <https://meduza.io/news/2015/07/06/serebryanu-dozhd-pozhalovalsya-v-prokuraturu-na-vtorozhenie-protoiereya-s-pastvoy>

12. Электронный ресурс удалённого доступа //URL: <https://www.mk.ru/social/2017/12/12/studenta-rankhigs-izbili-za-komentarii-v-seti-kogo-oskorblyayet-ateizm.html>

13. Электронный ресурс удалённого доступа //URL: <https://www.svoboda.org/a/29926893.html>.

14. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. С.А. Комарова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 333.

А.К. Зарубаева*

DOI: 10.25839/t6442-5117-7060-q

Исследование психотерапевтических функций христианства

В данной статье исследуются психотерапевтические функции христианства. В частности, каким образом религиозные действия воздействуют на сознание людей и приводят к их психоэмоциональному благополучию. В статье рассматриваются характерные признаки христианства и православия. Автор приходит к выводу, что религия оказывает благотворное влияние на психику. Данная статья будет интересна специалистам в области богословия, психологии и социологии.

Ключевые слова: религия, христианство, психология, исследование, функции.

Research of psychotherapeutic functions of Christianity

This article examines the psychotherapeutic functions of Christianity. In particular, how religious actions affect people's consciousness and lead to their psychoemotional well-being. The article deals with the characteristic features of Christianity and Orthodoxy. The

* Зарубаева Алина Константиновна, студентка 3-го курса Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Zarubaeva Alina Konstantinovna, 3rd year student at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

author comes to the conclusion that religion has a beneficial effect on the psyche. This article will be of interest to specialists in the field of theology, psychology and sociology.

Keywords: *religion, Christianity, psychology, research, functions.*

Христианство – самая крупная мировая религия. Число верующих насчитывает миллиарды человек. Людей объединяет одно мироощущение, вера, элементы поведения. Исследование психотерапевтических функций христианства – актуальный вопрос для современной психологии. И психотерапия, и религия направлены на духовную составляющую человека, переосмысление ценностей, раскрытие сил любви и разума. Следовательно, вопрос о психотерапевтических функциях, которые оказывает религия на людей, крайне важен для благоприятного развития здорового общества, где личность обладает стремлением к самосовершенствованию, чувством эмпатии и высокими моральными ценностями.

Рассмотрим понятия психотерапия и религия. Психотерапия (от греч. «psyche» – душа и «therapeia» – уход, лечение) – комплексное лечебное вербальное и невербальное воздействие на эмоции, суждения, самосознание человека при многих психических, нервных и психосоматических расстройствах [1]. Религия, во-первых, одна из форм общественного сознания, совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения, во-вторых, это сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-нибудь идее, принципу, нравственному закону, ценности [2].

Таким образом, и психотерапия, и религия влияют на самосознание человека и взаимодействуют с его внутренним состоянием. Как и религия, психотерапия работает с душой человека.

В целом психотерапевтические функции представляют собой способ обеспечить переориентацию потребностей и чувств, которые не удовлетворены, на объекты религии, что создает оптимизацию психического настроя. Американский психолог Поль Джонсон выделяет следующие психотерапевтические свойства религии.

– Каждая личность – ценна. Это ведущая идея религиозного вероучения. Именно она помогает людям избавиться от чувства собственного бессилия и беспомощности.

– Церковная община, ее прихожане удовлетворяют потребность человека в принадлежности к содружеству единомышленников.

– Невидимая непрерывная связь с Богом. Она является залогом психической внутренней стабильности и спокойствия души.

– Устойчивые религиозные жизненные ценности (в отличие от динамично меняющихся ценностей современного мира) дают надежду на победу добра над злом, что поддерживает физическое и духовное здоровье.

– Религиозный культ. Он выступает, как источник душевного здоровья, т.к. воздействует через чувство единения с другими, отрешенность от повседневных забот, сосредоточенность на возвышенном.

– Исповедь и отпущение грехов. Снимает напряжение, беспокойство, чувство вины, которые ведут к психическому расслаблению и душевному равновесию.

– Строгая регламентация поведения. Она дает духовную гигиену личности [3].

Эти свойства присущи любой религии, однако разберем особенности христианства и как следствие его психотерапевтические функции.

Согласно классификации религий известного датского ученого Г. Ван дер Леу в основу которой он положил такой психологический аспект, как тип выражения религиозных чувств, в христианстве ведущим чувством является любовь. Идея, заложенная в основу самой христианской веры, говорит, что Иисус Христос был ниспослан Землю, чтобы спасти мир и все человечество. Таким образом, христианство проповедует возлюбить Бога всем сердцем, а также полюбить ближнего своего как самого себя [4].

Также одной из отличительных особенностей христианства является такое понятие, как «свобода». Где свобода, там и свободный выбор. Цель творения состояла в том, чтобы к Богу человек приходил свободно. В свободе проявляется родство человека с Богом. Только человек может созидать нравственные ценности и любовь. Учет индивидуальных особенностей отличает христианство от других религий. Доктрина вочеловечивания была попыткой выразить словами интуитивную уверенность в нераздельности Бога и человека. Боговоплощение – это принятие Богом на себя всей полноты человеческого естества, а человек слаб. Тем более, что первородный грех служил напоминанием о человеческой слабости. В этом плане очень важно, что силу Иисус Христос проявляет в немощи (2 Кор. 12,9).

Христианство выступает индивидуалистичным в отношении своей главной цели, а именно – благоденствию в потустороннем мире индивидуальной бессмертной души. Однако такая опасность до некоторой степени ограничена благодатной ролью страдания. С психологической точки зрения страдание – это путь к самоуважению, доступный для каждого. Выделены четыре добродетели страдающих: сила смирения, сострадание к другим, доброта сердца и жажда справедливости.

Изменяется и назначение, и сам смысл исповеди. Она выступает, как компенсирующее средство неполноценности жизни. Христианин обязан регулярно исповедоваться, причем требуется не просто признать свой грех, а именно внутренне раскаяться. Искреннее и глубокое раскаяние – это в первую очередь переоценка событий и намерений. Исповедь заставляет работать совесть, а она является главным инструментом высшего духовно-нравственного закона. Именно поэтому после исповеди может возникнуть катарсис, состояние света, ясности и чистоты, сопровождающихся той самой радостью жизни.

И в заключение христианство требует посильного исполнения заповедей – делай, что можешь, но стремись жить по заповедям [5].

Исследуя особенности христианства, выявляются следующие психотерапевтические функции.

1. *Ориентировочная* функция, где существуют определенные нравственные координаты, которые помогают человеку ориентироваться в мире, осваивать нормы отношения к другим, формировать позитивное отношение к самому себе, строить временные ориентиры.

2. *Побуждающая* функция, где определяется направленность деятельности и поведения человека, избирательное направление его активности в принятии самого себя, принятии своих обязанностей, осознание ответственности за свой выбор.

3. *Смыслообразующая* функция, где определенным идеям и деятельности придается личностный смысл (значимость для себя), а именно решение вопросов о смысле жизни, преодоление трудностей, осознание своего духовного пути, способность воспринимать прошлое, настоящее и будущее и их значение в своем жизненном пути [6].

Таким образом, становится ясно, что христианство – это альтернативная психотерапия, которая позволяет человеку разобраться со своим внутренним Я, найти ориентиры в жизни и обрести гармонию. Если рассмотреть психотерапевтические функции христианства в аспекте их реализации на территории России, то будут заметны некоторые особенности. В России ведущей ветвью христианства является православие. С момента крещения Руси (РПЦ полагает себя исторически первой христианской общиной в России: официально-государственное начало было положено святым князем Владимиром в 988 году, согласно традиционной историографии) православие играет важную роль во многих сферах жизнедеятельности. Однако, стоит отметить, что согласно ст. 14 Конституции РФ «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [9, ст. 14].

В современных российских условиях происходят процессы, связанные с возрождением религиозной жизни, ростом влияния конфессий и особенно православия. Русская православная церковь стремится принять участие в разработке идей модернизации политических и религиозных институтов России, и это является приоритетным направлением взаимоотношений Церкви и государства. В настоящее время, выполняя не только психотерапевтические, но и важные социальные функции, РПЦ в России оказывает значительное влияние на общественные процессы через свои основные функции.

1. Культуротранслирующая функция, где особое внимание уделяется сохранению и развитию ценностей религиозной культуры, осуществлению передачи культурного наследия от поколения к поколению.

2. Нормативная функция, где оказывается стабилизирующее влияние на общественные отношения благодаря религиозным нормам.

3. Функция социализации, где у человека через систему православных ценностей и обрядовую деятельность вырабатывается новое видение тех или иных социальных ситуаций и проблем и, как следствие, способ успешной адаптации к новым и сложным условиям и обстоятельствам в социальной среде.

4. Функция адаптации, где религия рассматривается через принципы толерантности в отношениях между религиозными конфессиями. Эта функция также играет важную роль при адаптации мигрантов к новой для них социальной среде [7].

Помимо вышеперечисленных функций, Церковный институт выполняет другие социальные функции и задачи, а именно: сохранение и возрождение культурного наследия, формирование и поддержка важнейших социально-нравственных качеств, объединение российского общества, воспитание чувства патриотизма и др. Основная психотерапевтическая функция православия – это и есть само религиозное сообщество. Различные религиозные культовые действия – богослужения, молитвы, ритуалы, обряды – оказывают успокоительное и утешительное воздействие на верующих, придают им моральную стойкость и уверенность в себе. Этим объясняется и тот факт, что к религиозной вере зачастую тянутся те люди, которые пережили личные трагедии, имеют болезни, обременены личными невзгодами. Основная психотерапевтическая функция православия рассматривается как религиозное мировоззрение, позволяющее людям «сохранять душевное равновесие в горькие часы жизни, и примиряет их с неизбежным. Индивид знает, что другие сочувствуют ему, и находит утешение в знакомых и четко установленных ритуалах» [8].

Таким образом, христианство активно использует психотерапевтические функции в своей Церковной деятельности с целью создания дома Божьего, куда хочется идти и погрузиться в молитву. Благодаря религии люди находят утешение и спокойствие, обретают единомышленников и ориентируются на принципы добра и любви.

Источники и литература

1. Большая психологическая энциклопедия: словарь практического психолога: сайт. – М., 1998 // URL: <https://rus-big-psyho.slovaronline.com/>
2. Толковый словарь русского языка: словарь Ожегова: сайт. – М., 1992. // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
3. *Попова, М.А.* Критика психологической апологии религии (Современная американская психология религии): монография / М.А. Попова. – М., 1972. – 202 с.
4. *Смирнова, (Дубова) Е.Т.* Введение в религиозную психологию: учеб. пособие / Е.Т. Смирнова (Дубова). – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2003. – 160 с.
5. *Грановская, Р.М.* Психология веры. 2-е изд., перераб. (Серия «Мастера психологии»): академическая и специальная литература / Р.М. Грановская. – СПб.: Питер, 2010. – 480 с.
6. Психотерапевтические функции христианства: реферат: сайт // URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-92421.html>
7. Cyberleninka: научная электронная библиотека: сайт. – М., 2012. // URL: <https://cyberleninka.ru/>
8. *Волков, Ю.Г.* Социология: учебник / Ю.Г. Волков. – М., 2004. – 512 с.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. С.А. Комарова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 333.

В.А. Калинин*

DOI: 10.25839/u3856-1611-9607-e

Правовое обеспечение экологического просвещения как элемента идеологической функции государства

Рассматривается вопрос о реализации идеологической функции государства в части экологического просвещения на примере Российской Федерации. Исследуются правовое обеспечение экологического просвещения на различных уровнях национальной системы права и в деятельности органов исполнительной власти. Автор приходит к выводу о существовании определённых недостатков в реализации госу-

* **Калинин Валерий Алексеевич**, студент 1 курса Международно-правового отделения Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Арзуманов Игорь Ашотович**, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Kalinin Valery Alekseevich, 1st year student of the International Law Department Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

дарственной политики в области экологического просвещения и осуществляет попытку сформировать рекомендации для их устранения.

Ключевые слова: экологическое просвещение, идеология, функция государства, охрана окружающей среды, международное экологическое право, документ стратегического планирования, программный документ, отрасль права, орган государственной власти.

Legal provision of environmental enlightenments an element of the ideological function of the state

The article discusses the realization of the ideological function of the state in terms of environmental enlightenment on the example of the Russian Federation. The legal support of environmental enlightenment is studied at various levels of the national legal system and in the activities of executive authorities. The author comes to the conclusion that there are certain imperfections in the realization of state policy in the field of environmental enlightenment and attempts to formulate recommendations to eliminate these imperfections.

Keywords: environmental enlightenment, ideology, state function, environmental protection, international environmental law, strategic planning document, program document, branch of law, public authority.

На современном этапе всё острее проявляют себя глобальные экологические проблемы человечества, современные государства стремятся как можно эффективнее обеспечить защиту своей природной среды, действуя для этого сразу во многих сферах жизни общества. Российская Федерация в этом отношении не отстаёт от мирового сообщества, в нашей стране существует развитая система экологического права, деятельность в сфере охраны окружающей среды осуществляют множество государственных ведомств, государство осуществляет экологический контроль деятельности крупных природопользователей.

Тем не менее, ситуацию с состоянием окружающей среды в России сложно назвать благополучной: государственные программы в сфере охраны природы редко реализуются в полной мере, многие нормы экологического законодательства просто не применяются на практике, многие коммерческие и другие организации нередко действуют в ущерб окружающей среде и даже обычные граждане государства в своём повседневном быту регулярно нарушают не только нормы экологической этики, но и нормы экологического права. Это позволяет задать вопрос о факторах, влияющих на эффективность экологической политики государства.

Ключевым фактором такого рода, играющим роль в Российской экологической политике можно назвать очевидно низкий уровень экологической и эколого-правовой культуры населения. Средний гражда-

нин нашей страны обычно не имеет ни желания изменять свой повседневный образ жизни для заботы о состоянии окружающей среды, ни понимания того, каким образом он может помочь обществу справиться с «экологической» проблемой нашего времени. Проблема низкой экологической культуры усугубляется тем, что для перехода общества к экологически безопасному образу жизни всегда требуются серьёзные финансовые затраты – тяжело заставить человека «платить» за сохранение окружающей среды.

Мировая практика показывает, что для эффективного достижения целей и решения проблем, стоящих перед обществом, крайне важна совместная деятельность всех субъектов общественных отношений. Современное государство может достигнуть такого объединения общественных усилий, преодолеть правовой нигилизм и привить гражданам про-экологический стиль жизни только путём широкого вмешательства в идеологическую сферу общества, то есть, реализовав свою идеологическую функцию. Именно поэтому в настоящее время имеет смысл уделить внимание рассмотрению вопроса о таком факторе идеологической функции государства, как экологическое просвещение.

Современные российские правоведы уделяют большое внимание вопросу о системе экологического права России и её экологической политике. Многие авторы освещают эту тему в своих работах, например, Д.В. Шорников [1, с. 161], развивает общее представление о системе российского экологического права. В свою очередь А.В. Захаров [2, с. 335] уделяет внимание вопросу экологического воспитания в контексте преодоления глобальных вызовов человечеству. Отдельный аспект этого вопроса – экологическая культура в государственных документах долгосрочного планирования, раскрывает в своей работе Д.О. Буркин [3, с. 58]. И, наконец, именно вопросу экологического просвещения уделяет внимание Р.Х. Гиззатуллин [4, с. 682].

Перед тем как говорить о том, как идеологическая функция российского государства выражается в экологическом просвещении, необходимо определить, как автор понимает рассматриваемый понятийно-категориальный аппарат. Имеет смысл начать с определения идеологии. В общепринятом понимании под идеологией понимают систему ценностных детерминант мировоззренческого комплекса: систему взглядов на мир человека, его место в этом мире [5, с. 166–189]. В том числе подразумевается и взгляд человека как субъекта правоотношений в экологической сфере общественных отношений. Данная сфера касается базовых элементов безопасности человека и общества, в частности, сохранения здоровой среды обитания человека, в связи с

угрозами, возникающими в процессе хозяйственно-экономического развития территорий и т. д. Весь комплекс данных проблем объективно нуждается в эффективном государственно-правовом регулировании и своевременном осуществлении государством своих управленческих функций в данной сфере.

Как отмечает Н. А. Пьянов, функции государства это «определённые направления деятельности государства, в которых выражается его сущность, социальное назначение и, в целом, роль в общественной жизни» [6, с.79]. С.А. Комаров считает, что под функциями государства следует понимать основные (главные) направления (стороны, виды) деятельности государства по реализации стоящих перед ним задач для достижения определенных целей, обусловленных как классовой, так и общесоциальной его сущностью и социальным назначением [25, с. 127]. Исходя из приведённых определений и идеологической сферы жизни общества функций государства, можно вывести такое определение идеологической функции государства: «разнообразные направления деятельности государства в духовной (идеологической) сфере в которых выражается его сущность, социальное назначение и, в целом, роль в жизни общества».

Одним из элементов этой функции государства является и экологическое просвещение. Идеологическая функция государства, как и любая другая, может быть выражена в двух формах: в правовой форме под которой, в частности, понимается деятельность государства в области создания и применения норм права и организационной – разнообразной организаторской деятельности государства. С точки зрения разделения на правовую и организационную форму можно рассмотреть и правовое обеспечение экологического просвещения в Российской Федерации. Кроме того, стоит уточнить авторское понимание дефиниции «экологическое просвещение». Существует много доктринальных определений этого явления, но в рамках этой работы будет использоваться определение, данное в п. 1 ст. 74 закона «Об охране окружающей среды»: «Экологическое просвещение – деятельность, направленная на распространение экологических знаний, а также информации о состоянии окружающей среды, природных ресурсов, экологической безопасности» [7].

Поднимаемая проблематика предмета исследования предполагает использование диалектического и метафизического подходов, поскольку рассматриваемый вопрос касается непреложных и неизменных ценностей безопасности человека и общества. В данном исследовании используются также дедуктивный и индуктивный подходы [5, с. 44–63]. К об-

щенаучным методам данного исследования необходимо отнести анализ и синтез, а к частнонаучным – применённые в работе формально-юридический метод и метод сравнительно-правового анализа.

Основу правового обеспечения экологического просвещения в любом современном государстве, в том числе, и в РФ, составляют общепризнанные нормы и принципы международного права. Тем не менее, проанализировав список актов в области международного права окружающей среды [8] ратифицированных Российской Федерацией, можно заметить, что очень немногие из них содержат нормы, регулирующие вопросы экологического просвещения. Среди всех общепризнанных норм и принципов международного экологического права вопросы экологического просвещения регулируют лишь некоторые, так принцип 19 Декларации Конференции Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды декларирует важность распространения среди широких слоёв населения информации о проблемах окружающей среды, необходимости её охраны и улучшения [9].

Принцип 10 Рио-Де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию также утверждает важность предоставления населению доступа к информации, касающейся окружающей среды [10]. Кроме того, вопрос экологического просвещения затрагивается в ст. 27 Конвенции об охране всемирного природного и культурного наследия, в этой статье утверждается обязанность государств проводить различные просветительные и информационные программы для укрепления уважения и привязанности своих народов к культурному и природному наследию, а так же информировать общественность об опасностях, грозящих этому наследию [11].

Помимо общепризнанных норм и принципов, в систему права РФ входят так же и договорные нормы международного права окружающей среды. По информации Министерства Иностранных Дел РФ [12] на данный момент Российская Федерация является участником трёх многосторонних международных соглашений в области охраны окружающей среды: Парижского соглашения по климату [13]; Соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств [14]; а так же Соглашения об информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды [15]. Все три соглашения содержат нормы, регулирующие экологическое просвещение в странах-участниках, так: ст. 12 Парижского соглашения по климату утверждает, что страны- участники соглашения сотрудничают в области про-

свещения, подготовки кадров, информирования общественности, участия общественности и доступа общественности к информации по вопросам изменения климата [13].

Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств содержит нормы, регулирующие экологическое просвещение в п. 10 ст. 2 и п. 11 ст. 3; п. 10 ст. 2 утверждает, что одним из направлений сотрудничества государств-участников является принятие мер для развития экологического образования и воспитания населения, обеспечения гласности в вопросах экологии; в п. 11 ст. 3 признаётся рациональным объединять и концентрировать совместные усилия и ресурсы для реализации межгосударственных приоритетных направлений развития образования в области рационального использования природных ресурсов [14]. Наконец, в ст. 1 Соглашения об информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды устанавливается, что информационное сотрудничество стран-участников осуществляется в том числе в направлениях обеспечения информационно-методической деятельности в области обмена и массового распространения экологической информации, а также содействия экологическому образованию и воспитанию населения [15].

Подобное положение дел в международно-правовом регулировании экологического просвещения в Российской Федерации позволяет утверждать, что несмотря на то, что международно-правовые акты, в целом уделяют мало внимания вопросам экологического просвещения, нормы международного права создают основу для национально-правового регулирования этого элемента идеологической функции государства.

В национальном праве России вопрос об экологическом просвещении фактически не затрагивается на уровне конституционного права. Нормы Конституции РФ или федеральных конституционных законов этот вопрос не регулируют. Внимание на этот вопрос обращается в различных официальных документах стратегического, концептуального и доктринального характера. Такие документы устанавливают основные цели, задачи и средства деятельности государства в каком-либо направлении. Тем не менее, в большинстве действующих на данный момент документах стратегического планирования экологическое просвещение в какой-либо форме не упоминается, исключение составляют такие документы как: Экологическая доктрина Российской Федерации 2002 года [16], Основы государственной политики в обла-

сти экологического развития Российской Федерации до 2030 г. [17] и Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [18], каждый из названных документов играет свою роль в стратегическом регулировании экологического просвещения.

Впервые задачи и способы реализации экологического были закреплены в Экологической доктрине Российской Федерации 2002 года [16]. В разделе V этой доктрины закрепляются задачи государственной политики в области экологического просвещения: повышение экологической культуры населения, образовательного уровня и профессиональных навыков и знаний в области экологии. В том же четвёртом разделе называются ряд ключевых действий, необходимых для решения этой задачи, в том числе: формирование специализированных систем, направленных на образовательную и просветительскую деятельность в области экологии; включение элементов экологического воспитания в различные образовательные планы; гуманитаризация экологического образования и просвещения; специальная подготовка педагогических кадров для работы в области экологического просвещения и государственная поддержка образовательных организаций, занятых в эко-просветительской деятельности, разработка образовательных стандартов в этой области; кроме того – осуществление различных действий в области экологического просвещения среди деловых кругов и управляющего состава крупных организаций, а так же повышения профессиональной квалификации специалистов, занятых в природоохранных структурах. Отдельно стоит отметить указание на необходимость эко-просветительских материалов в СМИ и включение темы экологической культуры и просвещения в государственные программы развития.

В более поздних Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 г. в ст. 9 документа одной из основных задач государственной политики в области экологического развития названо формирование экологической культуры, а так же развитие экологического образования и воспитания [17]. Кроме того, в ст. 20 «Основ» перечислен ряд механизмов, используемых для выполнения этой задачи, среди них: формирование экологически-ориентированного мировоззрения у всех граждан и особенно у молодого поколения; поддержка распространения сведений экологической направленности в СМИ и через тематические мероприятия; учёт вопросов охраны окружающей среды при формировании образовательных стандартов путём внедрения соответствующих тре-

бований к формированию экологической грамотности учащихся и государственной поддержки образовательных учреждений, внедряющих экологическое образование; повышение экологической грамотности руководителей и специалистов организаций, оказывающих значительное влияние на экономическую сферу жизни общества; опять же, внедрение повестки формирования экологической культуры в государственные целевые программы. Стоит заметить, что перечисленные в «Основах» механизмы реализации экологического просвещения во многом отражают, конкретизируют и актуализируют соответствующие положения «Доктрины».

Помимо вышеназванных стратегических документов, вопросы экологического просвещения отражены в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [18]. Этот документ отличается большей конкретностью в обозначении необходимых действий. В ст. 25 «Стратегии» одной из её задач указывается развитие системы экологического образования и просвещения. В ст. 27 в качестве действий, необходимых для выполнения этой задачи называется: создание специализированных информационных систем обеспечивающих, в том числе, и граждан информацией о состоянии окружающей среды и источниках негативного воздействия на нее; распространение информации в том числе о состоянии окружающей среды.

Рассмотрение стратегических документов даёт представление о том, какие задачи поставило перед собой российское государство при выполнении своей идеологической функции в части экологического просвещения. Как уже упоминалось ранее, государство может выполнять свои функции в правовой и организационной формах, представляется разумным рассмотреть деятельность Российской Федерации в области экологического просвещения в зависимости от таких форм.

В основе правовой формы реализации рассматриваемого элемента идеологической функции государства лежит закрепление в законодательстве норм, регулирующих деятельность, связанную с экологическим просвещением. В настоящий момент нормы, регулирующие вопрос экологического просвещения можно найти лишь в федеральном законе «Об охране окружающей среды» [7]. В данном нормативно-правовом акте вопрос экологического просвещения регулирует ст. 74, п. 1 этой статьи определяет, что экологическое просвещение осуществляется посредством распространения разного рода экологических знаний, п. 2 возлагает обязанность проводить экологическое про-

свещение на федеральные и региональные органы государственной власти Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения, средства массовой информации, образовательные организации, различные учреждения культуры, природоохранные учреждения, а так же спортивные и туристические организации. Кроме того, этот список законодатель оставляет открытым, допуская, что подобная обязанность может быть возложена и на иные юридические лица. Несмотря на то, что такое нормативное закрепление субъектов эко-просветительской деятельности можно назвать важным шагом к правовому обеспечению этого вида деятельности, тот факт, что в российском отраслевом законодательстве правовому просвещению посвящены лишь две нормы одного НПА, позволяет делать вывод о недостаточном нормативном обеспечении этого вопроса.

Несколько иначе обстоит ситуация с организационной формой реализации идеологической функции государства в вопросе экологического просвещения. Эту форму реализации можно рассмотреть в двух аспектах: с точки зрения анализа отраслевых, программных и других актов, принятых с целью исполнения документов стратегического планирования и с точки зрения практической деятельности различных органов государственной власти в вопросе правового направлении экологического просвещения.

На данный момент в правовой системе РФ существует довольно значительное число программных актов, актов органов исполнительной власти и внутренних актов государственных организаций, предусматривающих деятельность в области экологического просвещения, среди них можно выделить: «План по реализации стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [19], в части XIV этого плана предусматривается проведение ряда мероприятий, среди которых повышение экологической осведомлённости госслужащих, изменение образовательных программ, распространение экологически-ориентированной информации в СМИ, проведение массовых мероприятий экологической направленности и т. д.

В «Перечне целевых показателей эффективности работы федеральных государственных учреждений, подведомственных Министерству природных ресурсов и экологии России» [20] присутствует раздел «Экологическое просвещение», в котором устанавливаются целевые показатели количества научно-популярных и пропагандистских статей в области экологического просвещения, а также посещаемости

информационных центров. В ст. 2 «Положения о национальных природных парках Российской Федерации» [21] в качестве одной из основных задач национальных природных парков в РФ. Точно так же и «Положение о Государственных природных заповедниках Российской Федерации» [22] закрепляет экологическое просвещение как одну из задач данного типа природоохранных организаций.

В ст. 6 «Государственной программы “Охрана окружающей среды”» [23] устанавливается финансирование экологического просвещения на приоритетных территориях Российской Федерации. Приведённые выше правовые акты – лишь немногие из тех, которые в той или иной мере затрагивают вопрос экологического просвещения. Рассматривая систему программных и других подзаконных актов в области экологического права в РФ можно сделать вывод о том, что упоминание о экологическом просвещении содержится во множестве разнообразных правовых актах, связанных с деятельностью органов государственной власти в направлении охраны окружающей среды. Тем не менее, остаётся открытым вопрос о том, как все эти положения реализуются на практике.

Когда речь заходит о практической реализации программ экологического просвещения в России, в первую очередь возникает вопрос о том, почему же, несмотря на все усилия государства, российская экологическая культура остаётся на довольно низком (и это подтверждается личным опытом любого обывателя) уровне развития. Ответ на этот вопрос может дать рассмотрение практической деятельности органов власти РФ в направлении экологического просвещения, несмотря на то, что эко-просветительская деятельность является постоянным направлением работы разного рода государственных организаций на местном уровне (к примеру, заповедников и национальных парков), экологическое просвещение в Российской Федерации так и не приобрело комплексный, системный характер. Разумно предположить, что причиной этого является качество организации федеральной системы экологического просвещения.

На данный момент центральным и, фактически, единственным элементом этой системы на межрегиональном уровне является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Стоит отметить, что в самом Министерстве не предусмотрено никаких специализированных подразделений, работа которых была бы направлена именно на координацию экологического просвещения. Согласно информации из Государственного доклада «О состоянии и охране окружающей природной среды в Российской Федерации в 2016 году»

[24], в последние годы обязанности по организации экологического просвещения были возложены на Отдел экологического образования и организации экскурсионно-туристической деятельности в заповедниках и национальных парках, но этот отдел организует экопросветительскую деятельность только в рамках особо-охраняемых территорий, имеющих федеральный статус, что, в итоге, и приводит к не комплексной «местной» реализации программ экологического просвещения. Фактически, в настоящее время организацией экологического просвещения на федеральном уровне занимается пресс-служба Минприроды России, разумеется, это ведомство не является в достаточной мере специализированным и не может в достаточной мере уделять внимание этому направлению деятельности. Подобное положение дел можно назвать ключевой проблемой практической реализации экологического просвещения в Российской Федерации.

Всё вышесказанное подводит к тому, чтобы сделать вывод о состоянии экологического просвещения в Российской Федерации. И так, на основании анализа норм международного права, являющихся составной частью системы права РФ и регулирующих вопросы экологической культуры и просвещения, можно сказать, что Российская Федерация имеет достаточную международно-правовую базу для формирования национальной системы экологического просвещения. Основываясь на текстах различных стратегических документов Российской Федерации можно сделать вывод о том, что документы такого рода, пусть и уделяя непропорционально мало внимания вопросам формирования экологической культуры, содержат весь необходимый набор задач и путей их выполнения, на которые органы власти могут опираться, реализуя государственную политику в направлении экологического просвещения. Тем не менее, российское законодательство крайне слабо регулирует этот вопрос, посвящая экологическому просвещению лишь статью 74 ФЗ «Об охране окружающей среды» [7]. И, напротив, в системе права РФ существует множество различных подзаконных актов, регулирующих вопросы деятельности конкретных, преимущественно региональных и местных организаций в направлении охраны окружающей среды. Несмотря на это, сохраняется низкий уровень систематизации эко-просветительской политики на межрегиональном уровне, причиной чего можно назвать слабое участие федеральных органов исполнительной власти в деятельности по этому направлению.

Исходя из сложившейся ситуации в вопросе экологического просвещения в РФ, можно сформировать ряд рекомендаций по совершенствованию механизма реализации этого элемента идеологической функции государства.

В первую очередь, автор считает необходимым заметить, что весьма положительное влияние на качество правового обеспечения экологического просвещения в государстве может оказать расширение законодательного регулирования вопроса экологического просвещения и, в частности, нормативное закрепление обязанности конкретных органов исполнительной власти совершать конкретные действия в области экологического просвещения.

Кроме того, стоит отметить важность создания в системе федеральных органов исполнительной власти элементов, специализирующихся на проведении комплексной пропаганды и просвещения с целью формирования высокой экологической культуры общества. Столь же полезным представляется и создание органа федеральной исполнительной власти, ответственного за регулярный мониторинг уровня развития экологической культуры общества и формирование обоснованных рекомендаций для реализации государственной политики в этом направлении.

Источники и литература

1. *Шорников, Д. В.* The Modern Russian Environmental Legislation and Prospects for Its Development / Д. В. Шорников // LAW RESEARCH INSTITUTE CHUNGBUK NATIONAL UNIVERSITY. – 2007. – № 18. – С. 161–169.

2. *Захаров, А. В.* Экологическое образование и экологическое воспитание в контексте преодоления современных глобальных экологических вызовов человечеству / А. В. Захаров // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – № 9. – С. 335–339.

3. *Буркин, Д. О.* Экологическая культура в государственных документах долгосрочного стратегического планирования / Д. О. Буркин // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 58–60.

4. *Гиззатуллин, Р. Х.* Об эколого-правовом просвещении / Р. Х. Гиззатуллин // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2018. – № 2. – С. 682–686.

5. *Арзуманов, И. А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И. А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

6. *Пьянов, Н.А.* Теория государства и права: учеб. пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 781 с.

7. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 № 7-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/

8. Официальный сайт Министерства Природных Ресурсов Российской Федерации // URL: <http://www.mnr.gov.ru/activity/>

9. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды от 16 июня 1972 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
10. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
11. Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия от 21 ноября 1972 года // URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>
12. Официальный сайт Министерства Иностранных Дел Российской Федерации // URL: <https://www.mid.ru/ru/home>
13. Парижское соглашение по климату от 12 декабря 2015 года // URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r.pdf>
14. Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств от 31 мая 2013 года. [Электронный ресурс] // Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств – URL: <http://docs.cntd.ru/document/499073502>(дата обращения: 15.05.2020)
15. Соглашение об информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды от 11 сентября 1998 года // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901725097>
16. Экологическая доктрина Российской Федерации от 31.08.2002 г. // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/548754
17. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года // URL: http://ecopalata.ru/wp-content/uploads/2015/02/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B_2030.pdf
18. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/
19. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2019 № 1124-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326043/
20. Приказ Минприроды РФ от 01.12.2008 № 318 «Об утверждении Перечней целевых показателей эффективности работы федеральных государственных учреждений, подведомственных Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83210/
21. Постановление Правительства РФ от 10.08.1993 № 769 «Об утверждении Положения о национальных природных парках Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110476/
22. Постановление Правительства РСФСР от 18.12.1991 N 48 "Об утверждении Положения о государственных природных заповедниках в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110541/2637a1d439a3c38d6f93a60eea88612833edbfea/ (дата обращения: 15.05.2020).
23. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Охрана окружающей среды"» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162183/

24. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году» // URL: <http://www.mnr.gov.ru>

25. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Д.В. Карпец*

DOI: 10.25839/u6750-6116-6614-d

Влияние правосознания граждан на правотворческую деятельность государства

В данной работе рассматриваются различные аспекты того, как правосознание влияет на правотворческую деятельность государства, дается представление о негативном влиянии представления граждан о законах и праве на процесс правотворчества на примере российского общества, указываются основные проблемы в правосознании граждан России и возможный путь решения данной проблемы.

Ключевые слова: правосознание, правотворческая деятельность государства, правосознание граждан России, правовой инфантилизм, правовой негативизм, правовой инфантилизм в правотворческой деятельности.

Influence of citizens' justice on the legal activities of the state

This article discusses various aspects of how legal consciousness affects the law-making activity of the state, gives an idea of the negative impact of citizens' views on laws and the right to the law-making process on the example of Russian society, identifies the main problems in the legal consciousness of Russian citizens and ways to solve this problem.

Keywords: legal consciousness, law-making activity of the state, legal consciousness of citizens of Russia, legal infantilism, legal negativism, legal infantilism in law-making activity.

Правосознание есть совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни. Правосознание отражает экономические и социальные условия, идеологию и уровень культуры в обществе. Это идеи и представления людей, выражающие их требования к установлению правовых норм, понимание и оценка действующего права, оценка поведения людей. [2, с. 99]. Правосознание является ведущей составля-

* Карпец Дмитрий Владимирович, студент Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Зарубаева Евгения Юрьевна, и.о. заведующего кафедры теории и истории права и государства Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, к.ю.н., доцент (г. Иркутск, Россия).

Karpets Dmitry Vladimirovich, student of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - **Zarubaeva Evgeniya Yurievna**, acting Head of the Department of Theory and History of Law and State of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Ph.D., Associate Professor (Irkutsk, Russia).

ющей современного правотворчества. Формирование права через специально разработанную правотворческую процедуру предполагает четко выраженные стадии подготовки законопроектов. Становится очевидным, что на этих стадиях правотворчества, правосознание играет ведущую роль. Правосознание представляет единственно возможный для генезиса права «строительный материал» в виде помыслов, чувств, представлений субъектов законотворческого процесса.

Роль правосознания в процессе правотворчества и правореализации выражается в том, что правосознание, во-первых, в известной мере как бы опережает юридическое право, является его непосредственным идейным источником, предшествует ему, существует до права; во-вторых, действует параллельно с правом: улавливает потребности его совершенствования в направлении отображения объективных общественных процессов; определяет изменения и перспективы развития права; оказывает непосредственное влияние на процесс и результаты правотворчества; в-третьих, служит ориентиром выбора целесообразного, оптимального варианта поведения в границах норм права, которые применяются или реализуются; в-четвертых, является интеллектуальным инструментом эффективного использования законодательства, толкования норм права; в-пятых, может использоваться как важный инструмент применения аналогии закона и права в целях преодоления пробелов в законодательстве; в-шестых, выступает в качестве идейно-нравственного измерителя профессионализма деятельности должностных лиц в системе органов государственной власти и местного самоуправления; в-седьмых, служит способом обеспечения законности и справедливости применения правовых норм (в частности, при определении юридической ответственности за правонарушение) и др.

Качество правотворческой деятельности напрямую зависит от уровня правосознания общества, субъекта правотворчества.

Напрямую оно влияет и на реализацию права. К сожалению, отсутствие должных правовых знаний, негативное отношение к праву влечет совершение правонарушений, со всеми вытекающими последствиями. Напротив, развитое правосознание обуславливает добровольность и полноту выполнения правовых предписаний, способствует достижению целей правового регулирования. Следовательно, в основе правотворческого процесса на всех интеллектуальных его витках лежит правосознание, обуславливая содержание этого процесса, его целевую направленность, логическую последовательность, социальную результативность.

Ценным является участие в правотворческой деятельности юристов, представителей научной правовой мысли, специальная профессиональная подготовка которых, их правовая культура, знание юридической техники играют важную роль в правильном, логичном формулировании правовых нормативов, что так существенно для их толкования при решении тех или иных задач в правоприменительной деятельности. Историческое развитие российского менталитета демонстрирует бесконечные метания между противоположными полюсами, взаимоисключающими крайностями, устремление то к истокам нашего прошлого, то к новым, нередко суррогатным рецептам современности, преклонение то перед высокой духовностью, то перед абсолютным цинизмом и бездуховностью. Страна мечется между имперской державностью и самостийностью, патернализмом и низвержением авторитетов, восхвалением своего и подобострастием перед иностранным, между патриотизмом и универсализмом, вселенской общечеловечностью и верой в исключительность, самобытного российского пути.

Все это в сочетании с другими негативными факторами объективного и субъективного характера не способствует утверждению идей свободы, права и законности, правового государства, прав человека и гражданина в российском обществе. Эти идеи не стали базовыми для формирования как общественного, так и индивидуального правосознания. Последствием этого являются различные деформации правосознания, наблюдаемые в российском обществе.

Деформация правосознания может приобретать различные формы:

а) правовой инфантилизм – форма искажения правового сознания, он может выражаться как в несформированности правовых знаний и установок, так и в форме пробелов правового сознания, возникающих в связи с отсутствием знаний о каком-то правовом явлении или правовом институте либо забыванием этих знаний (например, в экстремальных ситуациях) [4, с. 464].

б) правовой негативизм – осознанное игнорирование требований закона;

в) правовой нигилизм – одна из форм правосознания и социального поведения (личности, группы), характеризующаяся отрицательным (скептическим) отношением к закону и ценностям права [1, с. 858; 5, с. 292, 453].

Проблема правового нигилизма как деформации современного российского правосознания – одна из актуальнейших проблем в юридической науке [6, 7]. Чаще всего утверждается, что в основе этого явления лежат следующие факторы: невежество управленческого аппарата

и народа, слабая информированность о законах, порой умышленное, а чаще всего неосознанное интуитивное желание проигнорировать или даже нарушить законодательные акты. Ученые отмечают массовость таких явлений, особенно в последнее время. Так, правовой нигилизм в России распространен не только среди граждан, но и в официальных кругах: в государственных структурах, в исполнительной и законодательной ветвях власти, в правоохранительных органах [3, с. 344].

В правотворческой деятельности чаще всего проявляется правовой инфантилизм. Следствием этого является некачественная подготовка законопроектов и других нормативных правовых актов, проведение поверхностной правовой экспертизы, в результате которой пропускаются нормативные правовые акты не соответствующие законодательству, правилам законодательной техники и просто не имеющие собственного предмета правового регулирования. Потенциально это ведет к существенным проблемам в российской правовой системе. Также кризис современного правосознания в России во многом обусловлен положением, сложившимся в правовой сфере, существенным разрывом между конституционными нормами и реальными отношениями, отсутствием четкого и успешно функционирующего правотворческого процесса, системы объективных критериев оценки эффективности российского законодательства, деятельности государственных органов и должностных лиц.

Сама Конституция Российской Федерации во многом декларативна, представляет собой теоретическую модель пока еще недостижимого будущего. Правовая система страдает от избыточности и несогласованности нормативного материала. Объясняется это тем, что одни акты унаследованы от СССР; другие были приняты в РСФСР, когда она находилась в составе Союза; третьи представляют собой концептуально новые документы, в основе которых лежат либо американские юридические конструкции, либо модели, воспринятые из романо-германской правовой системы.

В законодательстве трудно разобраться даже юристу-профессионалу, а для неподготовленного человека оно практически недоступно. Все это осложняет осмысление необходимости права, его оценку, а также восприятие процессов правотворчества и правоприменения. Достаточно сказать, что в Государственной Думе Федерального Собрания из 450 депутатов VII созыва 88 человек (20%) имеют юридическое образование.

Важнейшим элементом совершенствования правовой системы должна стать научно обоснованная концепция правотворчества, кото-

рая может найти воплощение в Федеральном законе «О нормативных правовых актах Российской Федерации». Этот закон разработан давно, но все еще не принят Государственной Думой. Представляется, что основными компонентами такой концепции являются: определение социальных потребностей в законотворчестве, предмета и пределов законотворческой и иной правотворческой деятельности; требование юридического, экономического, финансового и иного обоснования законопроектов их авторами; независимая правовая (технико-юридическая, международно-правовая, криминологическая и т.д.) экспертиза законопроектов; независимая экономическая, экологическая, социально-демографическая экспертиза законопроектов; формирование широкодоступного федерального банка правовой информации; непрерывная кодификация и систематизация законодательства. Для разработки законопроектов необходимо формировать творческие авторские коллективы, состоящие из ведущих ученых и практиков. Следует усилить роль закона, повысить его авторитет как первичного регулятора наиболее важных общественных отношений.

На наш взгляд, в правотворческой деятельности правовая подготовленность должна иметь определяющее значение. Она должна отвечать требованиям современной науки и практики, отличаться объемом, глубиной знаний принципов и норм права. Депутату необходимо не просто устойчиво-положительное отношение к праву и практике его применения, но и солидарность с правовыми предписаниями, понимание полезности, необходимости и справедливости принятия закона. Особенности правового разума и правовых чувств депутата должны выражаться в особом профессиональном усмотрении, которое является источником предложений по совершенствованию правового регулирования, снятию и нейтрализации противоречий, возникающих в процессе правотворческой деятельности.

Помимо этого, следует заниматься активным просвещением граждан. Они должны понять, что основная цель правотворческой деятельности государства защитить их интересы, а не навязать им новые ограничения, в которых они не заинтересованы. Как только люди это поймут, они будут более уважительно относиться к требованиям закона, что приведет к сокращению проявлений правового нигилизма и негативизма, улучшит криминогенную обстановку и создаст более комфортную атмосферу в обществе. Однако, это невозможно без ответственного правотворчества, о чем говорилось выше.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что правосознание граждан России напрямую влияет на процесс правотворчества,

поскольку неграмотность законодателя и радикальные отношения общества к праву приводит к существенным проблемам в российском обществе. Только доверив законодательную деятельность ответственным профессионалам и донеся до общества истинные цели правотворчества, можно решить многие проблемы, назревшие в обществе.

Источники и литература

1. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М., 2007. – 858 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания: в 2 т. / И.А. Ильин. – М., 1993. – Т. 1. – С. 99.
3. Лукашева, Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. – М.: Юридическая литература, 1973. – 344 с.
4. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник. / Л.А. Морозова. – М.: Юр. Норма, 2016. – 464 с.
5. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
6. Комаров С.А., Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм в поведении личности: статья В сб.: Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции /Под ред. Н.Н. Вопленко. – Волгоград. Издательская группа ВРО МСЮ, 2001.
7. Комаров С.А., Вороненков Д.Н. Российское законодательство и правовой нигилизм личности: статья // В сб.: Проблемы российского законодательства: история и современность: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., Тольятти, 31 янв. – 1 февр. 2005 г. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2005. – Ч. 1. – С. 73–76.

Д.Л. Кобзова*

DOI: 10.25839/i1820-5108-1646-1

Институт брака в России: идеологический и правовой аспект

В данной статье рассматривается актуальность проблемы развития института брака в России. Дается краткая идеологическая и правовая характеристика института брака в дореволюционный, советский и современный периоды исторического развития России. Прослеживается влияние церкви на институт брака, на его духовное и правовое восприятие. Проанализировано реформирование брака на законодательном уровне. Дана оценка влиянию стран запада на институт брака в России.

* Кобзова Дарья Леонидовна, студент 1 курса Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Арзуманов Игорь Ашотович, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Kobzova Daria Leonidovna, 1st year student of the Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: институт брака, идеология брака, церковный брак, брак в СССР, современный брак, брачный договор, влияние запада на брак.

The institution of marriage in Russia: ideological and legal aspects

This article discusses the relevance of the problem of developing the institution of marriage in Russia. A brief ideological and legal description of the institution of marriage in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods of historical development of Russia is given. The author traces the influence of the Church on the institution of marriage, its spiritual and legal perception. The article analyzes the reform of marriage at the legislative level. The article assesses the influence of Western countries on the institution of marriage in Russia.

Keywords: *Institution of marriage, ideology of marriage, Church marriage, marriage in the USSR, modern marriage, marriage contract, influence of the West on marriage.*

Существуют различные мнения философов, политологов, социологов и психологов на определение понятия брака, так как оно отсутствует в законодательстве Российской Федерации. Но в юридической науке под браком понимается юридически оформленный союз мужчины и женщины, созданный на добровольных началах, устанавливающий и закрепляющий их личные и имущественные права и обязанности, имеющий цель создать новую ячейку общества – семью. Следует заметить, что понятия «брак» и «семья» не являются тождественными. Их различие заключается в том, что институт брака является механизмом, регулирующим отношения между субъектами, вступающими в брак, а институт семьи, в свою очередь, имеет главную цель урегулировать отношения между супругами, родителями и их детьми.

Отечественное правовое регулирование выделяет следующие принципы брака: добровольное заключение брака, возрастной ценз и разнополость брака, так как в законодательстве Российской Федерации запрещены однополые браки. Проанализировав мировую практику механизма современного института брака, можно заметить его реформирование как в идеологическом аспекте, так и в правовом. Большому изменению данный институт подвергся в странах запада, но и в России данное влияние нашло свое отражение.

Актуальность проблемы изменения отечественного института брака заключается в том, что в современном обществе происходит необратимое поприание традиций, обычаев, устоев и ценностей союза между мужчиной и женщиной. Идеология брака разрушается, а его духовная значимость обесценивается. В понимании большей части современного общества брак – сделка, влекущая за собой юридические последствия, а не вечный союз мужчины и женщины. Данную проблему исследуют многие учёные, ведь институт брака находится в постоянной динамике, развивается,

изменяется и, следовательно, требует оценки профессионалов. Авторы научных статей, такие как В. В. Никулин [11] и О. Н. Бельская [3] изучают и анализируют институт брака в своих работах на конкретном этапе развития общества. А такие авторы, как Н. А. Иванова [7], Л. А. Хачатрян [16] и И. А. Хоменко [17] прогнозируют дальнейшее развитие института брака в России, исследуют тенденции его изменения.

Методология исследования конкретной проблемы в данной статье включает в себя такой философский метод как диалектика, так как изучение и анализ института брака осуществляется посредством познания изменения, развития и движения явлений, тесно связанных с институтом брака. Также использовался логический метод познания, позволивший представить институт брака как результат определённого процесса, в ходе которого сформировались необходимые условия для его дальнейшего существования и развития в качестве системного образования. В большей степени применялся исторический метод исследования, ведь именно он позволил дать объективную оценку изучаемой проблеме, так как изменение института брака в отечественной идеологии и в праве целесообразно рассматривать, анализируя различные исторические периоды и оценивая обстоятельства, непосредственно влияющие на брак.

Институт брака в дореволюционной России находился в ведении православной церкви. Регулирование брачных отношений осуществлялось канонами – нормами поведения в области догматики отдельно взятой церкви, её организации и культовых действий, возведённых в закон. Необходимыми условиями вступления в брак являлись: принадлежность брачующихся к православию; добровольное и свободное согласие жениха и невесты, их родителей, но в некоторых случаях требовалось и разрешение начальства жениха, если он состоял на государственной или военной службе; брачный возраст – лицам старше 80 лет запрещалось вступать в брак; психофизиологическая дееспособность лиц к супружеству; отсутствие родственных и свойственных связей между брачующимися [13]. Существовали канонические препятствия к церковному браку.

Особенно важным обстоятельством, не допускающим заключение нового брака, считалось состояние лица в другом браке. Вступить в брак могли вдовы или вдовцы, холостые или разведённые люди, при этом разведённые не более трёх раз [13]. При заключении брака в первый раз происходило «Таинство Венчания», во второй и третий – «Последование о второбрачных». Также церковь не венчала тех лиц, которые отрицают истины христианской веры и нравственности, тех, кто состоит в духовном сане, монашествующих и лиц, осуществивших

смену пола. Церковь категорически не признавала однополые браки и иные формы сожителства, не соответствующие определению брака как союза мужчины и женщины [13]. Расторжению церковный брак подлежал только по решению духовного суда, даже при наличии взаимного согласия супругов и при отсутствии споров между ними. Духовный суд признавал единственную причину для развода – прелюбодеяние. Но, тем не менее, расторгал браки в связи с отпадением одного из супругов от православия, неспособности одного из супругов к брачному сожителству, заболеванием одного из супругов, которое может нанести вред другому супругу или детям.

Для имущественных отношений в церковном браке характерен раздельный режим собственности супругов, и абсолютно исключено применение режима совместной собственности. Церковь сравнивала брачный союз мужчины и женщины с союзом Христа с Церковью. Отсюда появилось учение о вечности брачного союза и его нерасторжимости. Именно поэтому процент разводов в царский период России был минимален, около 1–3%, и институт брака был крепок и устойчив. Цель брака в дореволюционный период заключалась в боголюбие, верности и терпимости супругов друг к другу.

Революция 1917 года в корне изменила механизм института брака. Мировоззрение, морально-нравственные ценности, идеология брака и семьи стали совершенно другими. Собственную культуру брака, существовавшую в дореволюционной России, основывающуюся на традициях, обычаях, религиозных ценностях и каноническом праве сменили нормы нового советского законодательства, отменяющего церковный брак. Изданный в декабре 1917 года Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» полностью отстранял церковь от участия в регистрации браков. Церковное венчание лишалось юридической силы, а право принимать церковное благословение предоставлялось верующим только после зарегистрированного брака в государственных органах. Процедура заключения брака теперь носила предельно простой характер: добровольное согласие брачующихся и их письменное либо устное заявление [5]. Такие требования для регистрации брака как разрешение начальства, родителей, принадлежность к православию теперь отсутствовали. Но браки между лицами с родственными и свойственными связями и лицами, не достигшими брачного возраста, признанными недееспособными и уже состоявшими в браке также запрещались [5].

В соответствии с принятым Декретом «О расторжении брака» бракоразводные дела входили в подсудность местных судов, если инициатива развода исходила от одного из супругов, и в подведомственность ЗАГСов, если решение о разводе являлось взаимным желанием обоих супругов [6]. Важно отметить, что в стране зарождалась новая культура бракосочетания. Развивалось строительство «Дворцов бракосочетания», церемониальный акт включал в себя обмен кольцами брачующимися, торжественную музыку, присутствие свидетелей, родственников, праздничные одежды. Процедура государственной регистрации брака поверхностно копировала церковное «Таинство венчания».

Дальнейшее развитие институт брака получил в Кодексе законов РСФСР «Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Кодекс разграничивал понятие развода, которое прекращало брак и понятие недействительности брака, которое обладало обратной силой. Особое внимание уделялось равноправию супругов – теперь изменение места жительства одним из супругов не обязывало другого следовать за ним [9]. В 1926 году Кодекс законов «О браке, семье и опеке» ввёл правила об общем имуществе супругов, нажитом ими в процессе совместной жизни, предоставлял право расторгнуть брак только в ЗАГСе и устанавливал единый брачный возраст для женщины и мужчины – 18 лет [10].

Осложнение процесса расторжения брака устанавливалось в Кодексе «О браке и семье» 1969 года: если супруги обоюдно решили расторгнуть брак, и у них нет несовершеннолетних детей и имущественных споров, то брак расторгался в органах ЗАГСа, если же присутствуют несовершеннолетние дети и один из супругов не согласен на развод, то дело должно рассматриваться в суде [11]. В советский период возможность заключить и расторгнуть брак предоставлялась большинству граждан. Упрощение процессов брака и развода однозначно отрицательно повлияло на идеологическую ценность брака и семейных отношений. Заключение брака носило формальный характер, а его духовные и нравственные обычаи исчезали.

Секуляризация брака в советский период, утрата его сакральности, потеря важности и значения церковного брака привели к отсутствию понимания весомости и существенности святости брака и семейной жизни. Большая часть общества в современной России не имеет представления об идеале, вечности и духовной составляющей брака. Для многих церковное венчание остается всего лишь традицией, красивым и торжественным церемониальным актом, участие в котором не находит влияния на их жизнь. Институт брака на данном

этапе развития общественных отношений переживает морально-нравственный кризис. Он находится под влиянием форм семейного уклада западных стран и постепенно принимает тенденции западного общества. Это проявляется в том, что: в современной России молодые супружеские пары более позднее вступают в брак, увеличивается внебрачная рождаемость детей, происходит предварение брака или его полная замена сожительством, причем все это приобретает массовый характер. Одним из наиболее неоднозначных и сложных институтов, заимствованных от стран запада, является институт брачного договора.

В США брачный договор достаточно давно является привычным механизмом самостоятельного регулирования своих прав и обязанностей в браке и в случае его расторжения. В России же данный вид договора развивается, но не пользуется особой популярностью. Для общества заключение брачного договора противоречит природе брака, которая целью брака ставит создание семьи, а не осуществление имущественной сделки. Для заключения подобного вида договора необходимо выполнение следующих условий: обоюдное согласие сторон; письменная форма договора и его нотариальное заверение. В договоре могут быть прописаны только имущественные вопросы. Супруги имеют право установить три режима владения: совместный, долевой и раздельный. Молодой институт брачного договора в России стремительно совершенствуется, но при этом ценность брака для лиц, решивших заключить его, уменьшается.

Для западных стран в области брачно-семейных отношений характерен принцип эмоционального удовлетворения и психологического комфорта. Именно этот принцип обуславливает появление альтернативных форм брака, включая гомосексуальные союзы. Однополые браки в России – острая дискуссионная тема. Сторонники либеральных взглядов выступают за разрешение регистрации таких союзов. Приверженцы консервативных и умеренных позиций настаивают на аморальности и нецелесообразности браков между двумя мужчинами или двумя женщинами. Ведь исторически сложилось так, что однополый брак в России – табу. Рождение нового человека возможно только в симбиозе мужчины и женщины, а гомосексуализм – нравственный удар по традициям русской семьи. В настоящее время Семейный кодекс РФ не регламентирует четкого понятия запрета однополого брака, но и официальное признание таких браков в России отсутствует. Однако количество общественных объединений и сообществ, пропагандирующих

движение ЛГБТ и выступающих за установление прав и свобод субъектов однополного брака на законодательном уровне, возрастает.

Таким образом, современная Россия, перенимая тенденции запада, может разрушить собственный институт брака, который основывался на сложившихся традициях и нравственных устоях, церковных канонах, регулирующих отношения между мужчиной и женщиной, и потерять своё главное предназначение – вечность и нерасторжимость духовного воссоединения мужчины и женщины. Нужно сказать, что будущее России – это те ценности, на которые она ориентируется. Несмотря на влияние запада каждый брак в нашей стране – это своеобразный мир, основанный на преемственности, традициях, эмоциях, чувствах, определенных ценностях. Неоспоримо важно понимать ту ценность брака, которую заложили в него церковные каноны и ту его духовную значимость, которую так легко потерять в условиях современного общества.

Источники и литература

1. *Арзуманов, И. А.* Каноническое право как этический фактор правосознания. // Право и этика в глобальном обществе риска: IX Байк. Междунар. Пр. шк. (23–28 авг. 2016г.): материалы ФБГОУ ВО «ИГУ», Юрид. Инст. (отв. Ред. Д. В. Шорников) / И. А. Арзуманов. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2016. – С. 8–17.
2. *Арзуманов, И. А., Ганусенко, И. В.* Русское гражданское право во второй половине 19 в.: учебное пособие / И. А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 24–29.
3. *Бельская О. Н.* Психологический феномен брака и семьи в современной и до-революционной России / Евразийский союз учёных. – 2016. – № 3. – С. 24.
4. *Валк, С. Н., Обичкин, Г.Д.* Декреты Советской власти: сборник / Г. Д. Обичкин // Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957–1997. – С. 237–248.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» от 31 декабря 1917 г. // URL: <https://www.prlib.ru/item/709081>
6. Декрет «О расторжении брака» от 19.12.1917 г. // URL: <https://www.prlib.ru/item/709081>
7. *Иванова, Н. А.* Брачный договор как способ защиты имущественных прав супругов / Н. А. Иванова // Политические науки и право. Правовые тенденции в современном обществе. – 2015. – № 2 – С. 1–4.
8. Каноническое право: учеб.-метод. пособие / сост. И. А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 86 с.
9. Кодекс законов РСФСР «Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» от 16.09.1918 г. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2902#027538695473645425>
10. Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19.11.1926 г. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3552#02712511756550282>

11. Кодекс «О браке и семье» от 30.06.1969 г. // URL: <https://base.garant.ru/3961644/>

12. Никулин В. В. Правовые и социальные аспекты брачно-семейных отношений в советской России (1917–1920-е годы). // Исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 108–122 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19612

13. «О канонических аспектах церковного брака» от 01.12.2017 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/5075384.html>

14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг., Москва – 1942 г. – С. 1057. // URL: <http://istmat.info/node/27646>

16. Хачатрян, Л.А. Тенденции изменения российской современной семьи / Л. А. Хачатрян. // Вестник Пермского университета. – 2014. – № 4 – С. 112–115.

17. Хоменко, И. А. Современная семья: состояние и перспективы развития / И. А. Хоменко // Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 4. – С. 117–126 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-semya-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>

18. Чистяков, О.И. Российское законодательство X-XX веков. – В 9 тт. – Т. 9. // О.И. Чистяков. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 369–376.

А.А. Козлова*

DOI: 10.25839/n5046-8761-4275-j

Соматические права: этико-правовые аспекты дефинитивного анализа

Рассматриваются некоторые этико-правовые аспекты сущности соматических прав. Проводится анализ доктринальных источников посвященных вопросам биоэтики и развитию теории соматических прав. Дается оценка степени их разработанности. Делаются выводы о содержании и значимости теории соматических прав.

Ключевые слова: соматические права, репродуктивные права, конституционное право, медицинское право, биоэтика.

Somatic rights: ethical and legal aspects of definitive analysis

This article is devoted to the analysis of the nature of somatic rights. The positions of scientists engaged in the development of the theory of somatic rights are studied. Estimates of the content of these rights are given.

* **Козлова Анастасия Алексеевна**, студентка 2 курса Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Арзуманов Игорь Ашотович**, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Kozlova Anastasia Alekseevna, 2nd year student of the Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: *somatic rights, reproductive rights, constitutional law, medical law, bioethics.*

Современное представление о категории прав в связи с динамичным развитием общества постоянно изменяется: права уточняются, дополняются, наряду с ранними правами возникают новые. Данная тенденция связана, в первую очередь, с приоритетом прав человека, его значимостью. В связи с этим, актуальность данной темы предопределена особым взаимодействием права, личности и развитием биомедицины. Такое взаимодействие нередко порождает большое количество философских споров о допустимости вмешательства права и медицины в сфере телесной целостности человека, его естество, что и привлекает внимание представителей правовой и философской доктрины, подходящих к их рассмотрению с помощью различных научных методов, как общих, так и специальных.

Затрагивая разработанность методологии в области изучения соматических прав, можно сказать о том, что их подробная характеристика в научных работах не дается в силу специфики темы. Думается, следует исходить из методов, установленных работами общеметодологического направления, например, таких как Н.А. Пьянов [14, с. 13], А.В. Юрковский [18, с. 16] и др. Кроме того, необходимо опираться именно на те методы, которые использует отрасль конституционного [11, с. 152] и основывающиеся на ней отрасли медицинского права [2, с. 28], права социального обеспечения [6, с. 38], а также канонического права [3, с. 7].

В доктрине первенством выделения соматических прав отдают В.И. Круссу [5, с. 43] развивающим свою теорию преимущественно с позиций конституционного права и философии права. Сущность данных прав он определял в первую очередь как право человека распоряжаться своим телом. Именно по причине их тесной связи с личностью, или, как определял А.И. Ковлер [7, с. 425], связи с телесной субстанцией, данные права получили название «соматические» («сома» от греч. – тело). М.А. Лаврик [11, с. 17], основываясь на теории соматических прав, выведенной В.И. Круссом, определял данные права в узко-юридическом смысле как признанная обществом и нашедшая правовое закрепление возможность человека самостоятельно распоряжаться собственным телом.

Сам термин «соматические права» является обобщающим и включает в себя такие права, как: право на жизнь и смерть, права по распоряже-

нию собственными тканями и органами, репродуктивные права, право в сфере владения и пользования генетическим материалом.

Относительно корректности существования теории соматических прав высказывается много критических замечаний, подвергающих под сомнение обоснованность самого обоюдного вмешательства правового в область физиологии и физиологии в область правового. Возникает вопрос, не попадает ли данная теория под понятие, так называемых, юридических химер – правовых конструкций, не имеющих реального отражения в действительности [17, с. 6]. Думается, несмотря на отсутствия прямого закрепления данной группы прав в правовых актах, основания для ее выделения все же существуют. Так, конституционное право содержит огромное количество примеров отражения данных прав в основных законах государств в их наиболее общем виде.

Пример, касающийся человеческой телесности, можно встретить в ст. 26 Конституции Румынии, в которой установлено, что человек может располагать собой, своим телом, если это не нарушает права других лиц и установленный общественный порядок. Похожий пример установлен Конституцией Турецкой республики, где говорится о том, что телесная целостность личности не может быть никоим образом нарушена, за исключением медицинского вмешательства с согласия лица и случаев, прямо установленных законом.

Положения, касающиеся сексуальных прав человека, также можно увидеть в конституциях ряда стран. Так, Конституции Андорры (ст. 14), Молдавии (ст. 28) и Румынии (ст. 26) устанавливают уважение и охраны интимной, частной, семейной жизни со стороны государства, ее органов. Ст. 24 Конституции Бельгии содержит положения о правах ребенка на сексуальную, физическую, психическую и нравственную неприкосновенность.

Основной закон о свободе высказываний, принятый в Швеции, как основная часть Конституции регулирует вопрос о обороте порнографического материала в условиях свободы выражения.

Помимо примеров, позитивно регулирующих репродуктивные права, в Конституциях ряда стран установлены случаи их ограничения [12, с. 49–54].

Одним из примеров служит Конституция Швейцарии от 1999 года, которая запрещает проведение клонирования любой формы и любое вмешательство в наследственный материал половых клеток и эмбрионов человека, перенесение генов, не принадлежащих людям в человеческие зародыши, суррогатное материнство, торговлю материалом, производным из зародышей и т.д. [15, с. 179]. Похожие положе-

ния, затрагивающие права на ткани, органы и наследственный материал человека, встречаются также в ст. 74 Конституции Германии.

Ст. 15 Конституции Словакии и ст. 6 Конституции Чехии устанавливают косвенный запрет на аборт, предоставляя гарантию охраны человеческой жизни еще до рождения.

Иной подход отображен в Конституции Словении (ст. 55, ст. 41), где признается свободное принятие решения о рождении ребенка.

Кроме того, важным источником права, регулирующим данную группу прав, является Конституция Европейского Союза, представляющая собой Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. На замену ему пришел Лиссабонский договор, в состав которого вошла Хартия Европейского союза об Основных правах. Согласно ей человек имеет право на физическую и психическую целостность (ст. 3). Из этого права вытекает положение, установленное ч. 2 ст. 3, в котором говорится о том, что вмешательство в данную целостность в рамках медицины и биологической науки допустимо только с добровольного и осознанного согласия заинтересованного лица. Кроме того, устанавливается запрет на занятие евгеникой, которая в качестве своей цели ставит задачу о проведении отбора, селекции людей. Также запрещается превращение человека, его частей в источник прибыли, клонирование как способ искусственного размножения человека [8, с. 49–54].

В ст. 21 гл. 3 «Равенство» Хартии Европейского союза об Основных правах устанавливается недопустимость дискриминации, в частности, по признакам генетической черт и сексуальной ориентации [16].

Таким образом, в содержании конституций ряда стран прямо отражена данная группа прав. Тем не менее, подавляющее большинство стран не стремятся отражать в своих конституциях соматические права, а осуществляют их регулирование с помощью текущего законодательства. Однако тенденция их закрепления в конституционном праве имеет место, что проявилось, например, при принятии такого источника права, как Хартии Европейского союза об Основных правах.

Говоря о регулировании данных прав конституционным правом, возникает закономерный вопрос о том, к какому поколению прав они относятся. Так, А.И. Ковлер выдвигал свою точку зрения о том, что соматические права (они же личностные) являются разновидностью личных прав, то есть правами первого поколения. Данная точка зрения основывается на том, что данная категория прав имеет естественное происхождение, связана с частной жизнью человека, она неразрывна от личности, непередаваема другим лицам.

Другим подтверждением данной теории являются примеры из истории источников права, когда закон стремился защищать человеческое тело, его целостность. Так, например, в начале XVII века в «Законах ранних английских королей» устанавливалась цена за тело человека и его органы. Также во времена Петра I законодатель включал в сферу своего регулирования такого права группы соматических прав, как права на смерть, устанавливая обязанность казнить неудавшихся самоубийц. Артикул Воинский от 26 апреля 1714 г. предписывал палачу отнести тело самоубийцы «в бесчестное место, волоча прежде по улицам или обозу». Свод законов Российской империи от 1845 г. декриминализировал самоубийство, оставив в качестве наказания за его попытку исключительно церковное покаяние [15, с. 12].

Несмотря на данные примеры, точно говорить о том, что соматические права относятся к первому поколению прав, нельзя. Так, нельзя говорить о том, что права в сфере владения и пользования генетическим материалом, ряд репродуктивных прав, права на смерть в виде эвтаназии, как и другие права первого поколения, возникли в XVII–XVIII веках, так как их реализация требует непосредственного медицинского вмешательства с использованием современных технологий.

Другой точкой зрения, которой придерживаются, например, Смирнов А.М. [15, с. 81], Кокамбо Ю.Д. [8, с. 83], является позиция, рассматривающая соматические права, как новую группу прав – права четвертого или пятого поколения. Этот подход к выделению соматических прав в самостоятельную группу нового поколения, рассматривает их с точки зрения современности, исходя из сформированных на данном этапе у общества правосознания и морали. Он также базируется на реализации соматических прав с помощью современных технологий.

Поднимая вопрос о корректности подхода о выделении соматических прав в самостоятельную группу, можно вспомнить примеры из истории права, в которой ряд соматических прав находили свое отражение задолго до появления современных технологий.

Третья точка зрения, которую придерживается и сам основатель данной теории соматических прав В.И. Крусс, рассматривая оба варианта, справедливо замечает то том, что соматические права не вписываются в существующую классификацию прав и свобод. Их специфика не позволяет поставить их в один ряд с позитивными социальными правами. М.А. Лаврик также замечая двойственность соматических прав, делает акцент на том, что соматические права связаны не только с личными правами, но и с культурными, экономическими. Они носят

комплексный характер, находятся в тесной связи со всеми существующими группами прав.

Данная специфика основывается в первую очередь на том, что появление различных видов соматических прав в разное время обусловлено не столько развитием государства и права, сколько развитием самого общества, его правосознания, моральных ценностей, а также прогрессом медицины, техники и технологий. Данное соприкосновение вопросов морали и этики с вопросами прогресса в сфере соматических прав породили такой сложный феномен, как биоэтику.

Биоэтика-область исследований о нравственной стороне деятельности человека в сфере медицины и биологии. С точки зрения права, исследования биоэтики важны для решения вопроса о необходимости ограничения соматических прав. Вопрос о том, могут ли права на распоряжение телом быть абсолютными, носит философско-правовой характер.

Так, представители Русской Православной Церкви, которая долгое время осуществляла регулирование ряда соматических прав (права на жизнь и смерть, репродуктивные права) с начала непосредственного развития права в России, в «Основах социальной концепции Русской Православной церкви» [13] размышляют с точки зрения религиозных представлений о жизни, о допустимости искусственного вмешательства в естество человека. Такое активное вмешательство по улучшению и изменению людей, не обусловленных необходимостью, может рассматриваться как попытки людей поставить себя на месте Бога, что искажает существо человека.

Так, например, согласно Основам канонические правила приравнивают намеренное прерывание беременности (аборт) к убийству, рассматривая его как посягательство на жизнь будущей личности. Тем не менее, в случаях прямой угрозы жизни матери при продолжении беременности, осуществление аборта допускается, так как рассматривается в качестве необходимости.

Применение же биомедицинских методов для преодоления бесплодности, например посредством суррогатного материнства, Русской Православной Церковью рассматриваются как противоестественные манипуляции, что нарушают целостность личных брачных отношений и допускают вмешательство третьей стороны. Согласно данной точки зрения, вынашивание зародыша женщиной, рождение и возвращение ребенка, а после передача его родителям-заказчикам недопустимы с моральной точки зрения, так как отношения ребенка и матери не должны рассматриваться в качестве договорных обязательств.

Иной вопрос, поднятый в Основах социальной концепции Русской Православной церкви и являющийся предметом многих спорах, касается клонирования и трансплантологии. Может ли человек являться объектом научных исследований? Или объектом договорных отношений? Говоря о клонировании, Русская Православная Церковь исходит из того, что данная процедура выступает в качестве вызова человека природе.

Вопрос же трансплантации органов рассматривается не так однозначно. Если пересадка органов основывается на добровольном пожертвовании, вызванном необходимостью, то она должна рассматриваться, как акт доброй воли и милосердия.

Подобные исследования в сфере биоэтики помогают законодателю определить допустимое для общества на данном этапе развития направление осуществления правового регулирования соматических прав.

Таким образом, появление, развитие и правовое закрепление соматических прав – это закономерный результат развития общества. Тем не менее, при их дальнейшем развитии, активном техническом прогрессе, инновациях в области медицины нередко встает вопрос о возможности злоупотребления данными правами и необходимости их ограничения во избежание нарушений прав и законных интересов других лиц.

Как считают Абашидзе А.А. и Солнцев А.М. [1, с. 81] термин «соматические права» еще не до конца сформировался в сознании людей, что и вызывает, например, проблемы генетической дискриминации, обусловленным генетическим прогрессом. В связи с этим теория соматических прав нуждается в дальнейшем развитии и всестороннем рассмотрении, в том числе и с позиции морали и нравственности общества.

Источники и литература

1. *Абашидзе, А.А., Солнцев, А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права человека / А. А. Абашидзе, А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1. – С. 69–82.
2. *Акопов В. И.* Медицинское право: учебник и практикум для вузов / В. И. Акопов. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 287 с.
3. *Арзуманов И. А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И. А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.
4. *Алексеев, С. А.* Конституционное право: учеб. пособие: Т. 1 / С. А. Алексеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
5. *Ананских, И. А., Чернова, О. Ю.* Соматические права в системе прав человека / И. А. Ананских, О. Ю. Чернова // Юр. наука. – 2013. – № 12. – С. 11–17.

6. Григорьев, И. В. Право социального обеспечения: учебник и практикум / И.В. Григорьев, В.Ш. Шайхатдинов. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 428 с.

7. Ковлер, А. И. Антропология права: учебник. / А. И. Ковлер. – М.: Норма, 2002. – 480 с.

8. Кокамбо, Ю. Д. Соматические права человека как новое поколение прав личности / Ю. Д. Кокамбо // Вестник Амурского государственного университета. – 2015. – № 68. – С. 82–85.

9. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / Крусс В. И. // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

10. Кувырченкова, Т. В. Актуальные проблемы правового регулирования личных прав и свобод человека в условиях модернизации Российского государства / Т. В. Кувырченко // Вестник ТеГУ. – 2015. – № 2. – С. 174–182.

11. Лаврик, М. А. К теории соматических прав человека / М. А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.

12. Лаврик, М. А. Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практики зарубежных государств / М. А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 1. – С. 44–62.

13. Основы социальной концепции Русской Православной церкви // URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/>

14. Пьянов, Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 283 с.

15. Смирнов, А. М. К вопросу о выделении соматических прав в самостоятельную группу прав человека / А. М. Смирнов // Образование и наука. – 2018. – № 10. – С. 81–45.

16. Хартии Европейского союза об Основных правах от 21 декабря 2009 г. // URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/>

17. Хохлов, Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки / Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 4–14.

18. Юрковский А. В. Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. А. В. Юрко вского – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 620 с.

В.В. Кузьмина*

DOI: 10.25839/n9792-3495-8435-q

Особенности института ответственности за клевету

Анализируются особенности уголовной ответственности за клевету, ее соотношение с механизмом гражданско-правовой защиты права на честь, достоинство

* Кузьмина Валерия Владимировна, студентка 1 курса Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Арзуманов Игорь Ашотович, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Kuzmina Valeria Vladimirovna, 1st year student of the Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

и деловую репутацию. Изучаются проблемы правового регулирования ответственности за распространение порочащих сведений, в частности, вопросы о возмещении морального вреда. Сопоставляются данные судебной статистики по уголовным и гражданским делам о защите чести, достоинства и репутации.

Ключевые слова: клевета, порочащие сведения, защита чести, достоинства и репутации, моральный вред, диффамация

The features of institution of responsibility for slander

The article analyzes the features of criminal liability for slander, its correlation with the mechanism of civil law protection of the right to honor, dignity and reputation. Author explored the problems of legal regulation of liability for the dissemination of defamatory information, in particular, the issues of compensation for emotional distress. The data of judicial statistics on criminal and civil cases on the protection of honor, dignity and reputation are compared.

Keywords: slander, defamatory information, protection of honor, dignity and reputation, emotional distress, defamation

Честь и достоинство – одни из главных ценностей личности, однако в последнее время в связи с увеличением влияния СМИ на нашу жизнь, появлением сети «Интернет», развитием различных средств связи появилось множество новых способов очернить ее честь и достоинство, подорвать репутацию путем распространения порочащих сведений. Поэтому как никогда важно должным образом обеспечить защиту права каждого на честь, достоинство и репутацию. Как посягательству на основные права личности клевете должно быть отведено особое место в законодательстве, вместе с тем не только определение этого места, но и того, каким должно быть соответствующее наказание за распространение порочащих сведений, вызывает на практике много вопросов, что порождает определенные пробелы в правовом регулировании.

Проблема реализации права на защиту чести, достоинства и репутации уже много лет является предметом исследования и дискуссий отечественных специалистов в области права. О месте клеветы в системе российского законодательства высказывались П.В. Крашенинников [11], аналитики международной правозащитной группы «Агора» [4]; отдельным аспектам защиты чести, достоинства и репутации уделяли внимание А.М. Эрделевский [21], К.С. Безроднова [2]; различным проблемам института ответственности за клевету и пробелам в защите чести, достоинства и деловой репутации посвятили статьи многие правоведы [7; 8].

Изучение данного вопроса осуществлялось в рамках диалектического философско-мировоззренческого подхода (было прослежено развитие российского законодательства о клевете в течение последних лет, выявлена взаимосвязь между существующей судебной практикой

по делам о праве на честь, достоинство и репутацию и особенностями уголовно- и гражданско-правовой защиты этих прав) [1, с. 63–81]. В основе исследования лежат такие принципы научного познания, как плюрализм (учтены различные взгляды по отдельным аспектам рассматриваемой проблемы), объективность (стремление выявить действительные пробелы правового регулирования ответственности за посягательство на честь, достоинство и репутацию), всесторонность (охвачены различные стороны института ответственности за клевету, ее соотношение с защитой чести, достоинства в гражданском праве, диффамацией).

При изучении данного вопроса использовались такие общенаучные методы исследования, как: анализ (исследована правовая доктрина, посвященная изучаемому вопросу и выделены наиболее значимые положения), сравнение (были сопоставлены различные точки зрения, а также частно- и публично-правовые механизмы защиты нарушенного права на честь, достоинство и репутацию) и дедукция (для выведения общего итога). Из специальных методов был использован статистический анализ (изучена судебная статистика и сделаны соответствующие выводы). Из перечня частных методов правовой науки был использован формально-догматический метод (изучались нормы права, посвященные защите чести, достоинства и репутации).

Клевета напрямую связана с такими понятиями, как честь и достоинство личности, репутация. Являясь нравственными, оценочными категориями, данные понятия представляют определенную сложность как для определения места института ответственности за клевету в системе законодательства, так и для введения раскрывающих их смысл норм-дефиниций. Однако трактовку чести и достоинства дает юридическая наука. Так, А.М. Эрделевский понимает «честь» как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании», а «достоинство» как «сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании» [21, с. 134]. К.В. Безроднова также определяет честь как объективную оценку личности – оценку ее социальной значимости, моральных и иных качеств со стороны общества, а достоинство как субъективное представление личности о положении, занимаемом ей в обществе [2, с. 103]. Термин «репутация» доступно раскрывает толковый словарь С.И. Ожегова: «приобретаемая кем-чемнибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-чего-нибудь» [17]. Т.е. репутация – это уже

сложившееся в обществе мнение, предопределяющее определенный статус лица в обществе.

Право на честь и достоинство, защита этих прав и репутации закреплены в важнейших международных актах и основных законах большинства стран мира: Декларация прав и свобод человека и гражданина провозглашает честь и достоинство человека высшей ценностью для общества и государства [11]; ст. 21 и 23 Конституции Российской Федерации гарантируют охрану достоинства личности государством и право на защиту своей чести и доброго имени [10]; п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отмечает, что провозглашенная свобода выражения мнения может быть сопряжена с определенными ограничениями в рамках закона с целью, помимо прочих, защиты репутации или прав других лиц [9]. Очевидно, что честь, достоинство и репутация являются одними из базовых ценностей личности и играют далеко не последнюю роль в жизни общества, и потому крайне важно обеспечить надежную защиту этих прав.

Одной из форм посягательства на честь, достоинство и репутацию является клевета. Обусловленное абстрактностью данных понятий, место института ответственности за клевету не ограничивается рамками какой-либо одной отрасли права. В системе российского законодательства нормы, имеющие отношение к институту защиты чести, достоинства и репутации, содержатся в Уголовном и Гражданском кодексах. Также в период так называемой «либерализации» Уголовного законодательства клевета была декриминализована и перенесена в Кодекс об административных правонарушениях. Однако, спустя несколько месяцев вновь стала уголовно-наказуемым деянием.

Подобные «скачки» породили жаркие дискуссии среди правоведов о реальной необходимости уголовной ответственности за данное деяние. Так, П.В. Крашенинников, один из инициаторов законопроекта о криминализации клеветы, объяснял свою позицию тем, что предусмотренные КоАП РФ штрафы в несколько тысяч рублей для граждан и в пару сотен тысяч для юридических лиц являются недостаточной мерой наказания. Между тем, подчеркнул он, «клевета – это определенный вид психологического насилия, который зачастую воспринимается людьми гораздо хуже, чем физическое насилие» [11].

Абсолютно противоположной точки зрения придерживается Д. Гайнутдинов, считающий достаточным наличие только гражданско-правового регулирования, т.к. лицо, пострадавшее от распространения порочащих его честь, достоинство или репутацию сведений, в «наибольшей степени заинтересовано в восстановлении нарушенно-

го права и возмещении причиненного вреда», что обеспечивается нормами Гражданского кодекса [4, с. 9].

Как бы то ни было, в настоящее время юридическая ответственность за распространение порочащих честь, достоинство и репутацию сведений относится и к публично-правовым, и к частноправовым механизмам защиты нарушенных прав. Рассмотрим, какую специфику имеет институт ответственности за подобное деяние в уголовном и гражданском праве.

Нормы о клевете содержатся в ст.ст. 128¹ «Клевета» и 298¹ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава» Уголовного кодекса. Законодатель определяет клевету как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Таким образом, объектом клеветы являются честь, достоинство и репутация человека, предметом – сведения, порочащие честь и достоинство или подрывающие репутацию лица. С объективной стороны клевета состоит в распространении таких сведений, при этом данное деяние должно совершаться с прямым умыслом (субъективная сторона), т.е. лицо должно осознавать, что распространяет ложную информацию, и желать этого. Данное преступление имеет формальный состав – клевета считается оконченной с момента распространения порочащих сведений вне зависимости от того, наступили ли какие-либо общественно-опасные последствия, и был ли вообще причинен вред интересам потерпевшего [18; 3, с. 290–291].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, в каких формах может быть осуществлено распространение порочащих сведений: путем опубликования в различных средствах массовой информации, в сети Интернет и с использованием других средств телекоммуникационной связи, изложением в служебных характеристиках, публичных выступлениях, или сообщением в той или иной, в том числе, устной, форме хотя бы одному лицу [14].

Что касается меры наказания, то за клевету законодателем для лица, совершившего данное преступление, устанавливается штраф в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательные работы на срок до ста шестидесяти часов. Не лишним будет отметить, что до декриминализации клеветы было возможно привлечь виновного к исправительным работам или лишению свобо-

ды сроком до одного года, а максимальный размер штрафа при этом был более чем в шесть раз меньше нынешнего.

Уголовная ответственность за клевету предусматривает ряд квалифицированных составов: клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации; клевета, совершенная с использованием своего служебного положения; клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера; особо тяжкой формой клеветы признается клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Ст. 298¹ расположена в 31 Главе Уголовного кодекса, посвященной преступлениям против правосудия. Выделение такого состава преступления объясняется особой, в отличие от обычной клеветы, общественной опасностью данного деяния: распространение клеветнической информации в отношении указанных лиц может подорвать доверие к представителям судебной власти или правоохранительных органов, умалить их авторитет и помешать отправлению правосудия.

Обязательным элементом здесь является стремление повлиять на деятельность перечисленных лиц, связанную с проведением предварительного расследования, исполнения судебного решения или отправления правосудия путем распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство личности или подрывающих его репутацию. Подобные действия, движимые иной мотивацией, например, личной неприязнью, подлежат квалификации по ст. 128¹. Квалифицирующим признаком состава клеветы против правосудия выступает клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления [18].

В отношении санкций законодатель разграничивает ответственность за клевету в отношении лица, участвующего в рассмотрении дел в суде и лица, участвующего в производстве расследования либо исполнения судебного решения. В первом случае, максимальная мера наказания несколько выше – виновный подвергается штрафу в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период до трех лет либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов.

В Гражданском кодексе нормы, касающиеся охраны чести, достоинства и репутации, закреплены в ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» главы 8, посвященной нематериальным

благам и их защите. Таким образом, законодатель относит рассматриваемые категории к личным неимущественным правам, лишенным материального содержания, которые неразрывно связаны с личностью (ст. 150): нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы [5].

Согласно установленной норме в рамках реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации гражданин вправе обратиться в суд с требованием опровержения порочащих его сведений, если распространившим эти сведения не будет доказано, что они соответствуют действительности. Закон также защищает честь, достоинство и репутацию умерших граждан. Опровержение осуществляется тем же способом, которым были распространены сведения, или иным аналогичным способом, указанным в резолютивной части судебного решения.

Если для возбуждения уголовного дела по факту клеветы необходимым условием является осознание клеветчиком ложности распространяемых сведений, то в гражданском праве наличие или отсутствие прямого умысла не будет учитываться судом, и основанием для подачи и последующего рассмотрения искового заявления будет служить совокупность следующих обстоятельств: факт распространения сведений об истце, их порочащий характер и несоответствие действительности. Причем отказ в возбуждении уголовного дела или вынесение приговора по ст. 128¹ не исключает возможности гражданского судопроизводства по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации [14].

Как видим, юридической ответственности подлежит распространение порочащих сведений только при условии, что данные сведения ложны. Однако опорочить честь, достоинство или репутацию личности могут и распространенные достоверные сведения. Здесь мы сталкиваемся с понятием «диффамация». Верховным Судом РФ данное понятие разъясняется как тождественное распространению несоответствующих действительности порочащих сведений [14]. Но в цивилистической доктрине существует более широкий подход к трактовке диффамации, которая понимается как распространение любых, в том числе, и достоверных, порочащих сведений [8, с. 2].

Возникает вопрос, какие же сведения следует считать порочащими? Ответ на него дает Постановление Пленума Верховного Суда РФ: это сведения, содержащие информацию о нарушении законодательства или деловой этики, неэтичном, неправильном или недобросовестном поведении, совершении нечестного поступка и проч., которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию [14]. Понятно,

что сообщение подобных сведений третьим лицам может изменить мнение общества о человеке или организации в негативную сторону, подорвать репутацию или даже причинить моральный вред гражданину и нематериальный ущерб юридическому лицу.

Если такие сведения не соответствуют действительности, то возникшие на этой почве общественные отношения регулируются ст. 128¹ Уголовного и ст. 152 Гражданского кодексов. Но отношения, порожденные достоверной диффамацией, законодательно не закреплены. В некоторой степени их можно отнести к статьям 152² ГК РФ и 137 УК РФ, посвященным охране частной жизни граждан. Даже не углубляясь в содержание понятия «частная жизнь», точный перечень составляющих которого законодательно не установлен, можно с уверенностью утверждать, что все возможные случаи распространения порочащей достоверной информации туда не попадают. Следует отметить, что данный вопрос тесно переплетается с правом на свободу мысли и слова, свободой СМИ [9, ст. 29; 8, ст. 10] – где та грань, когда распространение легально полученных достоверных сведений, огласка которых не запрещена законом, должно быть юридически наказуемо с целью защиты чести, достоинства и репутации?

Ответ можно найти в практике зарубежных стран. В частности, заслуживает внимания подход, выработанный в американском законодательстве: если распространение истинных сведений причинило реальные физические или моральные страдания, потерпевший вправе получить компенсацию. Уголовный кодекс Швейцарии признает подлежащим ответственности распространение ложных сведений, если целью этого являлось выставление потерпевшего в негативном свете и распространение сведений не было направлено на охрану общественных интересов [8, с. 4]. Как видим, в российском праве подобные нюансы не учтены, и отечественная юридическая наука пока что не выработала единой точки зрения как в целом о достаточности существующего правового регулирования защиты чести, достоинства и репутации, так и о необходимости изменения законодательства и введения ответственности за достоверную диффамацию.

Но вернемся к гражданско-правовому механизму защиты, который предусматривает определенные особенности опровержения порочащих сведений в зависимости от лица, их распространившего и способа распространения. Так, лицо, чьи права на честь и достоинство или репутацию были нарушены опубликованием порочащих сведений в СМИ, вправе требовать от распространившего такие сведения средства массовой информации, если оно не может предоставить доказа-

тельства истинности обнародованной информации, издания опровержения, текст которого может быть составлен потерпевшим самостоятельно. Наряду с этим истец может требовать опубликования своего ответа (комментария, реплики) в том же СМИ, которое ответственно за распространение порочащих сведений [5, ст. 152; 13, ст. 42, 46].

Законодатель также предусмотрел ситуации, когда из-за широкой огласки опровергающую информацию невозможно довести до всеобщего сведения. В таком случае истец, если никаким другим образом удалить порочащие честь, достоинство или репутацию сведения не представляется возможным, может требовать изъятия и уничтожения, содержащих соответствующие сведения экземпляров материальных носителей, без какой бы то ни было компенсации.

В связи с массовым использованием различных средств телекоммуникации, развитием глобальной сети «Интернет» стало возможным передавать и публиковать информацию анонимно. Тогда, как и кого привлекать к ответственности за распространение порочащих чью-либо честь, достоинство и деловую репутацию материалов? В подобной ситуации или в любом другом случае, когда невозможно установить личность ответчика, закон дает возможность гражданину обратиться в суд с просьбой признать сведения не соответствующими действительности.

Ст. 152 закрепляет за физическими и юридическими лицами право требовать возмещения убытков, которые они претерпели в результате умаления деловой репутации, и за гражданами право взыскать компенсацию морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений. Здесь мы сталкиваемся с, пожалуй, одной из самых главных проблем, касающихся не только охраны чести, достоинства и деловой репутации, но и всего гражданско-правового механизма защиты нематериальных благ – проблемой компенсации морального вреда.

Моральный вред определяется как нравственные или физические страдания, принесенные вследствие действий (бездействия), посягающих на принадлежащие гражданину нематериальные блага или нарушающие его личные неимущественные права [5, ст. 151]. Компенсация морального вреда, причиненного распространением порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, осуществляется независимо от вины ответчика [5, ст. 1100], иначе говоря, неважно, осознавал ли он порочащий характер сведений, намеренно ли эти сведения были распространены, суд может обязать его выплатить денежную компенсацию пострадавшему. При этом, одна-

ко, ни зависимость размера денежных выплат от определенных обстоятельств, ни сами обстоятельства, которые следует учитывать при вынесении решения, законодательно не установлены. Судья должен самостоятельно оценить серьезность причиненных страданий, обстоятельства причинения вреда и индивидуальные особенности потерпевшего, руководствуясь при этом «требованиями разумности и справедливости» [5, ст. 1101]. То есть решение о характере и степени причиненного вреда, тяжести перенесенных страданий всецело зависит от субъективного восприятия судьи, что четко прослеживается в судебной практике: назначенные денежные выплаты в качестве компенсации морального вреда по схожим искам сильно различаются между собой.

Например, с иском к гражданину С. о защите чести, достоинства и деловой репутации в Петродворцовый районный суд г. Санкт-Петербурга обратился заведующий хирургическим отделением одной из больниц города гражданин Б. Б. просил суд признать сведения, размещенные С. на созданной им странице в социальной сети «ВКонтакте», порочащими и несоответствующими действительности. Опубликованная С. информация, обвиняющая больницу, где работал Б. и самого истца в фальсификации диагнозов и отказе лечить онкологические заболевания, была признана судом не соответствующей действительности, а требования Б. выплатить сто тысяч рублей в качестве компенсации морального вреда удовлетворил частично, постановив взыскать с С. десять тысяч рублей [16].

С подобным иском в Мотовилихинский районный суд г. Перми обратился директор ветеринарной клиники Б. Гражданин С. распространял в социальных сетях сведения о том, что ветеринары из клиники Б. намеренно убивают животных, и обвинял сотрудников и лично Б. в садизме и обмане клиентов. Как и в предыдущем случае, суд удовлетворил иск Б., но размер взысканной с С. компенсации составил уже пятьдесят тысяч рублей [15].

Как видим, суммы заметно отличаются, несмотря на схожесть приведенных ситуаций. И пока законодательно не будут закреплены критерии, позволяющие определить размеры компенсации морального вреда, такая картина в судебной практике не изменится.

Проблема компенсации морального вреда касается не только гражданско-правовых отношений – уголовное законодательство также содержит в себе нормы, связанные с этим понятием, однако здесь все представлено куда более абстрактно. Само понятие «моральный вред» встречается в Уголовном кодексе лишь однажды в п. «к» ст. 61 – доб-

ровольное возмещение морального вреда закреплено как одно из обстоятельств, способствующих смягчению наказания. О возможности причинения преступлением «нравственных страданий» говорится в примечании к ст. 117 УК РФ «Истязание» и ч. 3 ст. 137, говорящей о незаконном распространении сведений, содержащих описание полученных несовершеннолетним «в связи с преступлением физических или нравственных страданий». Несколько чаще моральный вред упоминается в Уголовно-процессуальном кодексе [19]. Так, ч. 1 ст. 42 вводит понятие «потерпевший», которым, в случае с физическими лицами, признается претерпевший в результате преступления физический, имущественный или моральный вред; а ч. 4 этой статьи закрепляет за судом по иску потерпевшего определение размера возмещения морального вреда при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства. Как видно из смысла представленных норм, законодатель предусматривает возможность того, что преступление, помимо физического и имущественного ущерба, может причинить и моральный вред, однако ни одна норма Особенной части не содержит в себе прямое указание на возможность обязать осужденного выплатить компенсацию за причиненные моральные страдания.

Еще одной проблемой, затрагивающей непосредственно ответственность за клевету, является назначение наказания. Как и в случае с компенсацией морального вреда, предусмотренного Гражданским кодексом, в Уголовном законе нет четко установленных критериев, которые помогали бы судье определить степень распространенности сведений и то, насколько порочащими они являются. В каком случае достаточной мерой наказания будет штраф (но уже и здесь возникает вопрос о размере денежной суммы), а когда необходимо назначить обязательные работы. Пока что законодатель не дал ответа на эти и подобные вопросы.

Таким образом, изучив особенности привлечения к ответственности за распространение порочащих честь, достоинство и репутацию сведений в Уголовном и Гражданском праве и выявив сопутствующие этому проблемы каждой из отраслей, рассмотрим их влияние на судебную практику.

Согласно данным судебной статистики за 2018 год, в РФ было рассмотрено 3024 дела по искам о защите чести, достоинства, деловой репутации к гражданам и юридическим лицам, из которых удовлетворено было 37,9% [6]. За тот же период по делам о клевете (совокупно по всем квалифицирующим составам) судами было вынесено 571 ре-

шение, 467 из которых – оправдательные, что составляет 81,8%. Примечательно, что из 104 осужденных 74 человека обязали выплатить штраф [20]. Подобная ситуация наблюдается и в предыдущие годы [6; 20].

Из представленных данных следует, что для защиты своих чести, достоинства и репутации потерпевшие намного чаще прибегают к гражданско-правовому механизму защиты. Это в первую очередь связано с особенностями привлечения к уголовной и деликтной ответственности. Сущность уголовной ответственности заключается в наступлении определенных неблагоприятных последствий для совершившего преступление лица [7, с. 15] – в случае с клеветой с виновного взимается штраф или назначаются обязательные работы. При этом, суд не обязывает осужденного опровергнуть распространенные им порочащие сведения, в законодательстве, а, следовательно, и на практике, наблюдаются проблемы с определением компенсации морального вреда, а суммы от штрафов, как известно, идут в пользу государства. Здесь также необходимо отметить, что обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности за клевету является наличие прямого умысла в составе преступления. Совершенно иная картина наблюдается в случае с привлечением к ответственности по Гражданскому кодексу: во-первых, не имеет значение вина ответчика, во-вторых, в случае признания распространенных порочащих сведений, несоответствующими действительности, суд обяжет ответчика опровергнуть эти сведения, также предусмотрено право истца требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда.

В свете существующей судебной практики видится близкой к истине указанная ранее точка зрения ряда исследователей о том, что потерпевший более заинтересован в очищении своего имени и получения определенной денежной компенсации, чем в применении к правонарушителю мер уголовного наказания. Тем, что деликтная ответственность в первую очередь направлена на восстановление нарушенного права, носит компенсационный характер, и не требует того, чтобы распространение порочащих сведений непременно носило злонамеренный характер, и обуславливается большая «популярность» гражданско-правового механизма защиты чести, достоинства и репутации.

Подводя общий итог всему сказанному выше, можно заключить следующее: клевета как посягательство на честь, достоинство и репутацию – базовые, неотчуждаемые ценности, нуждается в соответствующем правовом регулировании, способном обеспечить должную за-

щиту нарушенных прав и равносильную причиненному вреду компенсацию. Однако, в российском законодательстве на данный момент существует немало проблем, мешающих четкой реализации защиты чести, достоинства и репутации.

Источники и литература

1. *Арзуманов, И.А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И.А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

2. *Безроднова К. В.* Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – 162 с.

3. *Бриллиантов А. В.* Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник / под общей ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 936 с.

4. *Гайнутдинов Д.* «Ответственность за клевету по российскому законодательству», подготовленное по результатам анализа законодательства РФ по тематическому направлению «Криминализация клеветы». – 10 с. [Электронный ресурс] // Мониторинг новых российских законов // URL: <https://monitoring.mhg.ru/sites/default/files/files/cleveta-final.pdf> (дата обращения: 20.03.2020)

5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>

6. Гражданское судопроизводство: Показатели по отдельным категориям дел [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ // URL: <http://stat.апи-пресс.рф/>

7. *Гулиева, Н. Б.* Соотношение гражданско-правовых и уголовно-правовых способов защиты чести, достоинства и репутации / Н.Б. Гулиева // Уголовная юстиция. – 2018. – С. 14–17.

8. *Жаглина, М. Е.* Диффамация и защита чести, достоинства и деловой репутации / М.Е. Жаглина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 2. – С. 50–55.

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2020)

10. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

11. Крашенинников предлагает вернуть в Уголовный кодекс статью «Клевета»: Новости [Электронный ресурс] // URL: <https://er.ru/news/87551/>

12. О Декларации прав и свобод человека и гражданина : Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // URL: <http://www.consultant.ru>

13. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // URL: <http://www.consultant.ru>

14. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // URL: <http://www.consultant.ru>

15. Решение Мотовилихинского районного суда Перми от 11.07.2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>

16. Решение Петродворцового районного суда Санкт-Петербурга от 21.08.2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>

17. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова онлайн. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27025>

18. Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями 2019–2020 года [Электронный ресурс] // Уголовный кодекс РФ: Последняя действующая редакция с комментариями. – URL: <http://stykrf.ru/298-1>

19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>

20. Уголовное судопроизводство: Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ. – URL: <http://stat.апи-пресс.рф/> (дата обращения: 1.04.2020)

21. *Эрделевский, А. М.* Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. – М.: П.Валент, 2007. – 272 с.

В.Е. Кукель*

DOI: 10.25839/x3332-9206-5468-s

Место религиозного искусства в современном российском обществе

В данной статье затронута проблема хранения и содержания религиозного искусства. Не до конца понятным и определенным остается вопрос о том, кто же является владельцем предметов религиозного искусства. Церковь или музей? В статье анализируется исторический опыт нашего государства в области хранения старины и древнерусского наследия. Также то, в каком моменте находимся мы сейчас в данном вопросе. Выдвигается тезис о том, что только при наличии общедоступности для всех, люди смогут самоопределяться.

Ключевые слова: государство, церковь, общество, музей, религиозное искусство, объекты религиозного искусства.

The place of religious art in modern Russian society

This item has a one big problem in the Russia's modern society, the problem of storage and maintenance of an ancient religion art. There is the incomprehensible question: Who is owner of the religion art objects? The Orthodox Russian Church or a museum community? In this item it analyses a historical experience of storage and maintenance of a Russian ancient religion art. There was a topic of accessibility of art for everyone. Because there is a one way of self-determination, it is an art and history.

Keywords: state, church, society, museums, religion art and the objects of Russian ancient religion art.

* **Кукель Виктор Евгеньевич**, студент 3 курса Исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Kukul Viktor Evgenievich, 3rd year student at the Faculty of History of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Среди двух сообществ в нашей стране существует определенный спор: между представителями музейного ремесла и представителями православного собрания людей. Данный неразрешенный вопрос заключен в том, чтобы определить, где должны находиться предметы религиозного искусства. В музеях и галереях или в церквях и храмах? Данная тема является актуальной, поскольку вопрос о сохранении религиозного искусства стоит не первое столетие и до сих пор не является решенным. В дореволюционной России были предприняты первые попытки сохранить некоторые объекты религиозного искусства, однако еще были неразрешенные проблемы. После революции в советский период вопрос о сохранении решили в пользу государственных музеев, но положение церкви было в данный период бедственным и поэтому качественный диалог между музеями и церковью не был возможен. Нашему времени досталась задача разрешить этот вопрос. Кто должен стать хранителем религиозного искусства в современной России?

Во второй половине XX века в Российской Империи история сформировывается в самостоятельную науку, в обществе появился сильный интерес к прошлому наследию страны и мирового сообщества. На этом фоне появляется вопрос о сохранении объектов культурного наследия, и если, например, со светской живописью проблем нет (их место в галереях искусств и музеях, исключая частных коллекционеров), то с иконами и другой церковной утварью появилась проблема, они являлись собственностью церкви и решение должны быть приняты за ней [5].

Рассматривая синодальный период, мы можем сделать вывод, что церковь в это время была практически полностью подвластна государству, именно поэтому и разрешение вопроса о сохранении церковного искусства был за государством. В сообществе среди художников, иконописцев, государственников, представителей священства и других возникает дискуссия, считать ли церковную утварь культовыми предметами или достоянием древнерусского искусства. Результатом данной дискуссии стало появление по всей стране, так называемых древнехранилищ [6]. Древнехранилища представляли собой коллекции, в которых была собрана древнерусская старина, по большей части религиозного значения. В 1911 году Св. Синод издает распоряжение о создании древнехранилищ во всех епархиях. При Министерстве внутренних дел образуется комитет по охране древностей.

Древнехранилища были богаты на экспонаты, например древнехранилище в Великом Устюге за 8 лет работы стало насчитывать около 600 памятников культуры. Древнехранилища пополняли свои кол-

лекции не только с пожертвований Церквей, Храмов и Монастырей, но также местные жители приносили то, что у них имелось в избах, помимо этого древнехранилища вели переговоры с частными коллекционерами, по итогу которых покупали некоторые объекты [5].

В синодальной России в преддверии революции, Церковь сама смогла осознать значимость некоторой церковной утвари, как объектов имеющие определенное культурное наследие. [2] После осознания началась проводиться масштабная работа по выявлению и сохранению. Церковь на своей основе смогла создать высокоорганизованный институт по сохранению религиозного искусства, в котором работали как люди светского сословия, так и люди, относящиеся к религиозному культу [6]. Они видели ценность в сохранении икон, крестов, статуэток и прочее, рассматривали эти предметы как наследие древнерусской культуры.

Стоит заметить, что именно на основе древнехранилищ в советский период были созданы краеведческие музеи по всей стране, которые до сих пор работают и служат нам [5]. Коллекции древнехранилищ перешли туда, а зачастую им даже не нужно было переезжать, здание оставалось прежним [3.] После свершения революции как мы уже знаем древнехранилища перестают существовать в прежнем виде, теперь они являются краеведческими музеями. Несмотря на то, что советский период был сложным временем для Церкви, храмы разрушались, священников убивали, а религиозное искусство часто продавалось за границу или вовсе уничтожалось. Однако, именно краеведческие музеи сумели сохранить множество действительно ценных объектов [5].

Также в связи с тем, что XX век ознаменовался торжеством науки, появилось реставрационное ремесло, именно в этот период множество икон было спасено, и они смогли дойти до нас так, как хотел бы иконописец, чтобы мы смотрели на его творения. Многие из икон были так называемыми «черными табличками», и только после того как их стали реставрировать, многие узнали о например Андрее Рублеве, поскольку до этого он являлся местночтимым, а во всей остальной России о нем практически не знали. Таким образом, благодаря реставрационным работам удалось сохранить иконы не только прямым образом, но и косвенным. Узнавали о древних иконописцах и мастерах, их работы становились достоянием культуры и их старались сохранять, известность, в данном случае, часто спасала и сохраняла различные культурные объекты.

Подбираясь к нашему времени, стоит сказать о том, что советский режим был вынужден прекратить свое существование, уступив место демократическому режиму, для церкви который стал также новым пе-

риодом [3]. Все то, что было необсуждаемо многие десятилетия стало обсуждаемым. Появлялись новые дискуссии, которые должны были разрешить вопросы, которые наболели у многих поколений в нашей стране. Одним из таких, стал вопрос о перемещении церковного искусства обратно в церкви [3].

Обращаясь к истории, стало возможным установить то, что предметы религиозного искусства стали сохраняться еще в синодальный период в так называемых древнехранилищах, которые перешли в дальнейшем в различные музеи и галереи, которые в основном и были созданы на базе тех самых древнехранилищ [3]. То есть, по сути, разбросанные по всей стране музеи и галереи сейчас и представляют собой те самые древнехранилища [1]. С развитием науки появляется реставрационное ремесло, которое занималось сохранением различных объектов, носящих в себя какую-либо культурологическую ценность. Большинство мастеров-реставраторов были вынуждены работать на базе музеев и, таким образом, была сложена некая преемственность [2].

Реставраторы работают в музеях и других культурологических центрах, и, таким образом, только в этих местах возможен наиболее качественный уход за объектами религиозного искусства. Неразрешенным остается вопрос о том, считать ли древнюю церковную утварь объектами религиозного искусства [3]. Создавались первоначально они как утварь, целью которой была помощь в богослужениях. Однако Церковь на протяжении многих веков в нашей стране являлась неким культурологическим центром [6]. Грамота, художественные ремесла, архитектура и прочие ремесла были передовыми именно у Церкви.

Многое из прошлых веков смогло сохраниться только в стенах церкви и монастырей, как в оплотах безопасности в те времена. Именно поэтому практически все, что мы имеем из прошлых веков тем или иным образом, относится зачастую к религиозному культу [2]. Все это относилось и относится к достоянию нашего прошлого, которое является нашей неотъемлемой частью.

Сейчас мы живем в светском государстве и уже далеко не все из нас являются частью какого-либо религиозного культа, но, однако все мы живущие на данной земле не независимо от вероисповедания имеем право знать то, что влияло на нас на протяжении многих столетий, как развивалось наше общество.

В первую очередь, это необходимо для определения самих себя и нашей идентичности. Именно поэтому мы можем предположить, что древние объекты религиозного культа должны быть видимыми и до-

ступными для всех, кто желает, а осуществить это возможно только музеях и галереях.

Источники и литература

1. Дрвслехранилище ЯГУАК // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Дрвслехранилище_ЯГУАК](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дрвслехранилище_ЯГУАК).
2. «Лаврское дрвслехранилище – музей в полном смысле слова» //Интервью хранителя дрвслехранилища Свято-Троицкой Александро-Невской лавры Романа Катаева // Православие.ру // URL: <http://www.pravoslavie.ru/115698.html>
3. Место иконы: храм или музей? // Нескучный сад // URL: <http://www.nsad.ru/articles/mesto-ikony-hram-ili-muzej>
4. Музей или храм? К вопросу о передаче Исаакиевского собора Русской Православной Церкви // Православие.ру // URL: <http://www.pravoslavie.ru/100084.html>
5. Малова, О.А. Древнслехранилище Великого Устюга / О.А. Малова // Историко-краеведческий сборник. – Вологда: ЛиС, 1993. – С. 5.
6. Почему иконы должны храниться в музеях // livejournal //URL: <https://shakkokitsune.livejournal.com/1256209.html>.

Е.К. Макаренко*

DOI: 10.25839/e7468-3093-7219-z

Религиозный экстремизм как межотраслевой институт права

Рассматриваются особенности религиозного экстремизма как межотраслевого института права. Делаются выводы о том, что данный институт имеет место, как в российской, так и в зарубежных системах права. Но, при этом нет единообразного подхода к юридическому толкованию дефиниций, которыми оперируют государственные и межгосударственные органы при применении данных норм на практике.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, противодействие, законодательство, межотраслевой институт права.

Religious extremism as an inter-branch institute of law

The features of religious extremism as an interdisciplinary institution of law are considered. Conclusions are drawn that this institution takes place both in Russian and in foreign legal systems. But at the same time, there is no uniform approach to the legal interpre-

* Макаренко **Елизавета Константиновна**, студентка 1 курса Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Арзуманов Игорь Ашотович**, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Макаренко Елизавета Константиновна, 1st year student of the Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

tation of the definitions used by state and interstate bodies when applying these norms in practice.

Keywords: *extremism, religious extremism, opposition, legislation, interdisciplinary institute of law.*

Религиозный экстремизм признается большинством ученых и политических деятелей одним из наиболее опасных видов экстремизма. И в практике имеется немало примеров успешной деятельности экстремистских организаций, выступающих под эгидой различных религиозных течений. В доктрине существует множество мнений по поводу толкования термина «религиозный экстремизм». Рассмотрим некоторые из них.

Так, В.Г. Кокорев, проведя подробный анализ возникновения и толкования таких понятий как «экстремизм» и «религия» [1], дает следующее определение религиозному экстремизму: «совершение общественно опасных противоправных деяний по религиозным мотивам, а также феномен общественной жизни, выражающийся в крайней форме реализации радикальной религиозной идеологии, направленной на разжигание нетерпимого отношения к представителям других конфессий либо проявляющийся в рамках одной конфессии».

В.И. Василенко в своей совместной с В.В. Малышевым работе [2] рассматривает религиозный экстремизм в качестве «социально-политического движения, стремящегося повлиять на процесс общественного развития, исходя из собственных религиозно-правовых норм и вероучительных догм». Н.А. Хаустова, рассматривая идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма [3], определила данное явление как «деструктивную деятельность личности или группы личностей, базирующейся на определенной религиозной идеологии, в основе которой лежит отрицание господствующих в обществе ценностей и призыв их устранить и заменить».

Проанализировав данные определения, можно выделить основные признаки религиозного экстремизма, на которые обращают внимание все авторы. Это направленность против установленного в обществе общественного строя и непосредственная связь с религиозной идеологией. Данные признаки могут быть определены как основополагающие характеристики понятия «религиозный экстремизм».

В Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» [4] понятию «экстремистская деятельность (экстремизм)» соответствует список деяний, которые следует квалифицировать как проявления экстремизма. Что же касает-

ся понятия «религиозный экстремизм», российский законодатель не дает строгого однозначного определения данной дефиниции. При этом судам нередко приходится иметь дело с преступлениями и правонарушениями религиозно экстремистского характера, и отсутствие законодательно закреплённой дефиниции порой вызывает значительные трудности и противоречия в работе правоохранительных органов.

Данный недостаток преодолён в законодательстве Республики Казахстан. Принимая закон «О противодействии экстремизму» [5], правотворческие органы предусмотрели введение понятия «религиозный экстремизм», который трактуется законодателем Республики Казахстан как «разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан». Закрепление данного понятия как самостоятельной дефиниции свидетельствует о его высокой значимости и востребованности для правоприменительной практики органов государственной власти.

Закрепляя в своих конституциях нормы о равенстве всех граждан перед законом вне зависимости от религиозной принадлежности, личных убеждений, верований или мировоззрений [6, ст. 19; 7, ст. 14, 20; 8, ст. 3, 4, 33; 9, ст. 14; 10, ст. 25], современные страны дают своим гражданам право выбора на исповедание той или иной религии, к которой они больше склоняются. И такой институт права как религиозный экстремизм имеет место быть в правовой системе любого государства, устанавливающего свободу вероисповедания. Так как множественность религиозных течений предполагает, что какое-то из них может претендовать на признание его превосходства над другими. А если это произойдет, то общественный строй, установленный конституциями государств будет нарушен. Что свидетельствует о проявлении религиозного экстремизма.

Для обеспечения стабильности общественного устройства законодателями различных стран устанавливаются нормы, направленные на противодействие любому проявлению действий экстремистской направленности, в том числе и осуществляемых на религиозной основе. В данном случае мы можем говорить об учреждении так называемого межотраслевого института права, который представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, в которых имеют место быть проявления религиозного экстремизма. Межотраслевым институт является, потому что синтезирует в себе нормы уголовной, гражданской и административной отраслей

права, что наглядно продемонстрировано в законодательстве нашей страны.

В УК РФ [11] преступления экстремистского характера относятся к категории преступлений против государственной власти, а именно «преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». К ним относятся публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации, финансирование экстремистской деятельности и др.

Кроме того, лица, совершающие действия экстремистской направленности, подлежат привлечению к административной и гражданско-правовой ответственности. В КоАП РФ [12] статьи, предусматривающие ответственность за совершение экстремистской деятельности, содержатся в главах 13 и 20, т.е. относятся к административным правонарушениям в области связи и информации, а также к правонарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность. Необходимые основания и совокупность условий для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности были детально рассмотрены Е.Я. Савченко в ее исследовании [13]. В частности она отмечает связь экстремистской деятельности с такими институтами гражданского права как “Гражданско-правовая ответственность”, “Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда”, “Защита чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”.

Согласно мнению большинства исследователей, законы, запрещающие возбуждение религиозной вражды и оскорбления религиозных чувств верующих, в Канаде, Дании, Франции, Германии и Нидерландах имеют сходный опыт применения и предусматривают как уголовную, так и гражданскую ответственность [14]. Что свидетельствует о том, что нормы, устанавливающие ответственность за деятельность религиозно экстремистского характера в зарубежных странах, имеют место быть не только в отрасли уголовного права.

Кроме этого, институт религиозного экстремизма активно развивается в отрасли международного права, доказательством этого является множество заключенных международных договоров и соглашений в данной области общественных отношений. Например, таких как Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 г. [15], Модельный закон «О противодействии экстремизму» 2009 г. [16], Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г. [17] и др.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что религиозный экстремизм как межотраслевой институт права состоялся. Он имеет место и в российской, и в зарубежных системах права. Но, при этом нет единообразного подхода к юридическому толкованию дефиниций, которыми оперируют государственные и межгосударственные органы при применении данных норм на практике.

Источники и литература

1. *Кокорев В. Г.* Понятие и признаки религиозного экстремизма // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 5. – С. 89–97.
2. *Василенко, В. И., Малышев, В. В.* Религиозный экстремизм и терроризм / В. И. Василенко, В. В. Малышев // Социология власти. – 2012. – № 3. – С. 233–240.
3. *Хаустова, Н. А.* Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма / Н. А. Хаустова // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2018. – № 1. – С. 47–50.
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
5. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31 «О противодействии экстремизму» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031>
6. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. // www.consultant.ru
7. Конституция Японии от 3 мая 1947 г. // Конституции государств (стран) мира // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>
8. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции государств (стран) мира // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>
9. Конституция Ирака от 15 октября 2005 г. // Конституции государств (стран) мира // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=338>
10. Конституция ОАЭ от 18 июля 1971 г. // Конституции государств (стран) мира // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=89>
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // www.consultant.ru
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // www.consultant.ru
13. *Савченко, Е. Я.* Экстремизм и вопросы гражданско-правовой ответственности / Е.Я. Савченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 1. – С. 32–36.
14. *Тарасевич, И. А.* Законодательство зарубежных стран о борьбе с религиозным экстремизмом: конституционно-правовой анализ / И. А. Тарасевич // URL: <http://www.tds.net.ru/index.php/blog-tarasevicha-ivana-anatolevicha/>
15. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Модельный закон «О противодействии экстремизму» от 14 мая 2009 г. [Электронный ресурс] // www.consultant.ru
17. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г. // URL: <https://www.un.org/ru/sections/general/documents/>

Вероисповедальная политика российского государства в период 1905–1917 гг.

В статье анализируется политика государства по отношению к церкви в период 1905–1917 гг. с опорой на нормативно-правовую базу этого периода. Автор затрагивает вопрос о взаимодействии церкви и государства при разрешении религиозных преступлений, рассматривает взаимоотношения между Русской Православной церковью и нехристианскими вероисповеданиями. В заключение делается вывод об изменениях в политике Российского государства в указанный период.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Первая русская революция, православие, секты, конфессии, вероисповедальная политика, религиозные преступления.

Religious policy of the Russian state in the period 1905–1917

The article analyzes the policy of the state in relation to the Church in the period 1905–1917, relying on the regulatory framework of this period. The author addresses the issue of the interaction of the Church and the state in resolving religious crimes, considers the relationship between the Russian Orthodox Church and non-Christian religious. In conclusion is drawn about changes in the policy of the Russian state in the indicated period.

Keywords: Russian Orthodox Church, The first Russian revolution, Orthodoxy, sects, confessions, religious politics, religious crimes.

Церковь и государство в Российской империи были тесно связаны. Православие, представленное Русской православной церковью (далее – РПЦ) – это основная религия, объединяющая около двух третей населения империи. В 1721 г. после реорганизации Петром I РПЦ патриаршество отменяется и вводится синодальное правление. Священный синод возглавляет РПЦ, она становится полностью подконтрольной императору и фактически одним из министерств. Надзором за деятельностью Синода занимается синодальный обер-прокурор.

РПЦ носила статус государственной. Император являлся защитником РПЦ, государство содержало её, признавало за церковными

* **Макарова Юлия Андреевна**, студентка 1 курса Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Деревскова Валентина Михайловна**, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Makarova Yulia Andreevna, 1st year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Derevskova Valentina Mikhailovna**, head of the department of theory and history of state and law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

праздниками статус государственных, православные священники были представлены в школах и в армии. Наряду с государственной и признаваемыми религиями, в Российской империи выделялись непризнаваемые государством конфессии, которые именовались сектами и разделялись по степени их вредности на «вреднейшие», «вредные» и «менее вредные», они же «терпимо непризнанные». Признанные религии именовались «признанными терпимыми», были распространены среди значительного числа населения империи: католики, протестанты, мусульмане, иудеи, буддисты. «Признанно терпимые» имели право отправлять культ, вести религиозное обучение, владеть имуществом. Можно сказать, что при Петре I завершился и законодательно закрепился процесс превращения церкви в одно из важнейших государственных учреждений, полностью подчинённых высшей светской власти.

До 17 апреля 1905 г. отпадение от православной веры считалось уголовным преступлением («сворачивание из православия» каралось каторгой до 10 лет).

Политика государства по отношению к религиозным преступлениям несколько изменилась в период Первой русской революции. Это было связано отчасти с изменениями настроений в обществе, произошедшими в этот период.

Циркуляр МВД от 18 августа 1905 г. предписывал губернаторам в случаях обнаружения лиц, склонных к переходу в иную веру, незамедлительно ставить в известность православное епархиальное начальство, после в течение одного месяца со дня получения заявления от лица, передавать его местному духовному начальству. Ранее о переходе православного в иную веру духовное начальство обязывалось извещать губернатора, призванного контролировать подобные ситуации [2, с. 176].

В начале 1903 г. Николай II провозгласил свободу совести в Указе от 12 декабря 1904 г. и пообещал пересмотреть законодательство о расколе [5, с. 51]. Указом от 4 апреля 1905 г. старообрядцы получили право именоваться раскольниками. Под раскольниками следует понимать представителей «менее вредных» конфессий, которые ограничивались в свободе вероисповедания. Приверженность к старообрядчеству сама по себе не являлась преступлением. В ст. 60 Устава «О пресечении и предупреждении преступлений» говорилось: «Раскольники не преследуются за мнения их о вере, но им запрещается сворачивать и склонять кого-либо в раскол свой под каким бы то видом». В то время как отправление религий, отнесённых к «непризнанным, нетерпимым

и вреднейшим» классифицировалось как противоправное и влекло государственное преследование в уголовное и административном порядке. Подобным преследованиям в Российской империи подвергались: молоканяне, духоборы, хлысты (объявлены особо вредными), мормоны, штундисты (с 1894 г. запрещены, так как объявлены «сектою особо вредною в церковном и общественно-государственном отношениях»), адвентисты седьмого дня (с 1906 г. легализованы). Особое отношение к раскольникам обусловлено убеждениями государства, что они, как представители «менее вредных» конфессий, не могут принести какой-либо существенный вред обществу и государственному строю.

В 1905 г. обсуждался вопрос о внесении изменений в религиозную политику и законодательство. В ходе пересмотра действовавших узаконений принцип веротерпимости был расширен: запрещалось насильственное «держание в вере», переход в ислам не преследовался, лица, числившиеся православными, но ранее принадлежащие к другим исповеданиям, теперь могли придерживаться своего культа. В политике вероисповедания наметились либеральные тенденции, но в законодательстве, как и раньше, сохранялась иерархия конфессий, возглавляла которую РПЦ, то есть государство обеспечивало правовую защиту православия.

Переломным для РПЦ стали Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и Высочайший манифест 17 октября 1905 г. [8, с. 710]. В этих документах на правительство была возложена обязанность «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов». Православным было предоставлено право перехода в другую религию, поэтому отменялись некоторые статьи Уложения о наказаниях, предусматривавшие суровые санкции за отпадение от православия в другое христианское вероисповедание, а также за отступление от христианства в нехристианскую веру. Воспользоваться этим правом в России пожелали 170 тыс. католиков, 36 тыс. мусульман, около 10 тыс. протестантов [7, с. 304]. Правительство ослабило политику в отношении старообрядцев и сектантов, но им, как и прежде, запрещалось, распространять свою веру. РПЦ сохраняла статус «первенствующей и господствующей».

Изменилось законодательство, регламентирующее борьбу с религиозной преступностью. Нормативные документы, устанавливающие ответственность за религиозные преступления, содержались в главе II «О нарушениях ограждающих веру постановлений» Уголовного Уло-

жения 1903 г. Эта глава введена законом от 14 марта 1906 г. и состояла из 24 статей. Скорее всего, принятие этого закона в период Первой русской революции было вызвано ростом числа преступлений на религиозной основе, которые совершали не только представители неправославных религиозных конфессий, но и люди, проживавшие в городах и сёлах, выступавших против РПЦ как опоры государства и её служителей на местах.

В период Первой русской революции власти были заняты подавлением революционного движения, поэтому борьба с религиозными преступлениями ослабилась. В связи с этим снова стали разрастаться разгромленные при Александре III секты, враждебно относившиеся к политике государства. Так, например, в Казанской губернии наибольшую опасность представляла секта хлыстов, в её южных уездах, а также на севере Симбирской губернии наблюдалось вероотступничество христиан-чувашей в сектанство и язычество [4, с. 178].

Власти пытались противостоять наметившимся тенденциям. Законом 1906 г. к ранее действующим также были отнесены такие разновидности уголовно-религиозных преступлений, как: «поношение нехристианских вероисповеданий», «осуществление бесчинства при богослужении не православных конфессий», «самовольное совершение христианского священнодействия неуполномоченными лицами».

Внесение данных поправок было обусловлено случаями разгрома мечетей и синагог в период революции, что на основании решений Уголовного кассационного департамента 1892 г. № 11 и 1899 г. № 21 подводилось под такие преступления, как богохуление и кощунство.

Была также оставлена ответственность за преступления, связанные с публичной поддержкой раскола. Споры с расколом, организациями, защищавшими интересы староверов, которые велись на страницах газет, вызывали критику. Жёсткие меры были приняты против исламской пропаганды, направленной на вовлечение в ислам исконно православных групп населения.

В российском законодательстве был заложен строжайший запрет на отпадение от православия и христианства. Отчасти эта мера была связана с желанием государства сохранить господство православия как официально признаваемой религии. Отпавшие лишались всех прав состояния, а домашнее «имение» бралось под опеку. Тот, кто побуждал к вероотступничеству, также приговаривался к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторгу сроком от 8 до 10 лет. На каторжные работы обычно ссылали в Сибирь, при этом вероотступников

крестили. В случае применения насилия срок каторги увеличивался и составлял от 12 до 15 лет [10, с. 64].

Толчком к принятию серьёзных уголовно-правовых мер стало появление в населённых пунктах бродячих исламских проповедников – мугаллимов в 1910–1912 гг. Они несли в народ идеи ваххабизма, старались привлечь к себе население, недовольное национальной политикой правительства.

В то же время в Россию начали активно проникать различные протестантские конфессии. Например, пятидесятничество. Первыми проповедниками этого учения стали выходцы из евангельских христиан Н.П. Смородин и А.И. Иванов, обращенные в новую веру американскими миссионерами, прибывшими в 1911 г. в Финляндию. Новообращенные миссионеры развернули активную работу в Петербурге и создали в 1913 г. общину евангельских христиан в духе апостольском – «единственников». Пятидесятники вербовали себе сторонников из числа баптистов, евангельских христиан.

Указанный период государственной политики в отношении сектантов имел следующие характерные черты: доработка уже имеющихся законов, относившихся к сектантству; выработка законов в отношении вновь появившихся сект; большая работа вне законодательной области по поиску мер борьбы с религиозным инакомыслием; кризис взаимоотношений государственной власти и церкви, судебной и исполнительной властей [3, с. 358].

Характер деятельности РПЦ значительно изменился после объявления свободы вероисповедания. Если до 1905 г. «иноверию» препятствовала не только церковь, но и гражданская власть (открытый разрыв с РПЦ был уголовно наказуем), то с момента принятия Указа от 17 апреля 1905 г. и Манифеста 17 октября 1905 г. эти внешние ограничения были сняты. В циркуляре Святейшего Синода епархиальным архиереям предложено отозваться на этот Указ и его возможные последствия. Полученные отзывы показали, что указ рассматривался как «покушение на права православной церкви», создание благоприятных условий для «иноверия» (церковная реформа). Позицию священнослужителей можно понять, так как они осознавали проблемы, возникшие в результате перехода «иноверцев» из православия в другие вероисповедания и образования многочисленных религиозных сект.

Распространению и общей активизации сектантства в последние годы существования Российской империи способствовали кризис РПЦ, падение её духовного авторитета в обществе. Наряду с официальной РПЦ, влиятельной силой оставалось старообрядчество.

Миссионер В.Н. Эсливанов негативно высказывался по поводу закона о веротерпимости: «Иноверие, в частности мухаммеданство, получило полную свободу для качественного роста. Не удовлетворившись данным ему правом и, толкуя свободу вероисповедания как свободу для пропаганды ислама, стало открыто количественно увеличивать свой рост за счёт языческих и христианских народностей» [12, с. 4].

После 1905 г. многие руководители РПЦ критиковали деятельность гражданских властей. Рост панисламских настроений привёл к тому, что некоторые представители церкви призывали установить запрет на допуск к власти не только «иноверцев», но и крещёных представителей нерусских народностей [6, с. 51].

Законом от 14 марта 1906 г. была введена норма, регулирующая ответственность за «нарушение свободы индивидуального культа», то есть для властей устанавливался запрет на вмешательство в процесс богослужения нехристианских народностей. Впервые в истории России законодательно обеспечивались права не православных конфессий, а также полностью устранились постановления о неисполнении религиозных обязанностей (за исключением погребения христиан по христианскому обряду). Был установлен такой состав преступления, как «отпадение из православия раскольника, ранее обращённого в православие», ограничилось наказания за «ненасильственное совращение из православия в другую веру, когда подобное деяние было совершено предосудительными способами».

Демократизация законодательства по борьбе с религиозными преступлениями осуществлялась посредством перенесения в другие главы, не связанными с ответственностью за религиозные преступления, правонарушений, которые ранее считались религиозными (лжеприсяга, святотатство, оскорбление или насилие над священниками). За преступления, ранее квалифицированные как тяжкие (кошунство, совращение) были понижены и смягчены меры ответственности.

Однако за отдельные преступления карательные санкции были существенно усилены. К ним относятся: богохуление (совершённое не публично); ненасильственное совращение на переход из одного христианского вероисповедания в другое; самооскопление либо оскорбление другого (положения данной статьи были подвергнуты критике со стороны профессора В. Вульфферта, так как они оказались по отношению к ереси более жестокими, чем законы, принятые в XVIII в.) [1, с. 195]; оскорбление православного священника с целью оказания неуважения к православной церкви.

Несовершенства закона от 14 марта 1906 г. были связаны с противоречиями между Святейшим синодом и Министерством юстиции.

Новым этапом в развитии законодательства о религиозных преступлениях стала вторая кодификация уголовного законодательства страны в рамках подготовки и издания Уголовного уложения 1903 г., в котором религиозные преступления составляли Особенную часть.

Рассмотрим составы преступлений, представленных в главе «О нарушении ограждающих веру постановлений». Редакционная комиссия распределила преступные посягательства на 8 групп:

1. Надругательства и осмеяние церкви и религиозных верований.
2. Неисполнение церковных требований, признаваемых со стороны государства имеющими общегражданское значение.
3. Нарушение уважения к усопшим.
4. Нарушение свободы отправление веры.
5. Сокращение при указанных в законе условиях.
6. Проповедь некоторых лжеучений.
7. Принадлежность к вероучениям, признаваемым нетерпимыми в государстве.
8. Нарушение некоторых особых постановлений об ограждении православной веры от отвлечения православных в другие вероисповедания [10, с. 54].

Такие исследователи как В.Н. Ширяев, Н.С. Тимашев предлагают свои варианты классификации преступлений. Однако предусмотренные главой II преступные деяния настолько разнообразны, что систематизация их по единому основанию представляется невозможной. Поэтому при анализе составов преступных деяний лучше использовать официальную классификацию, составленную редакционной комиссией.

В первую группу религиозных преступлений в Уголовном уложении 1903 г. вошли надругательство и осмеяние церкви и религиозных верований, богохуление, кощунство и бесчинство в церкви и молитвенном доме.

Понятие богохуление рассматривалось в широком и узком смыслах. В широком смысле, означало оказание неуважение к христианскому или иному признанному в России вероисповеданию, состоящее в оскорбительном отзыве (брани, грубых по форме и содержанию высказываниях) или направленном на имеющий религиозное значение предмет оскорбительного действия; в узком – оказание неуважения православному или иному христианскому вероисповеданию. Закон использовал понятие только в узком смысле [10, с. 71].

Изменилось и положение старообрядцев (статья 73) с принятием Указа от 17 апреля 1905 г., который, как отмечалось ранее, уравнил старообрядчество с последователями инославных вероисповеданий. Государственный Совет при обсуждении закона от 14 марта 1906 г. ещё раз обратил внимание на выражение «христианское вероучение», под которым понимались все христианские вероисповедания, не исключая старообрядческие и иные христианские секты [9, с. 22]. Субъектом богохуления, как и ранее, могло выступать любое физическое лицо независимо от того, принадлежит ли оно к христианскому или иному вероисповеданию, является иностранцем или российским подданным [9, с. 29].

В качестве непосредственных объектов действия виновного в статье 73 повторялся традиционный перечень: «...само Божество, Богородица, святые силы небесные, святые угодники, святые таинства, святой крест, святые мощи, иконы и другие предметы, имеющие характер священных, догматы и вообще вера христианская, православная церковь». РПЦ, как объект, была введена в статью по настоянию представителя Синода и Особого совещания при Государственном Совете. Члены совещания отметили, что православная церковь представляет собой общество исповедующих господствующую в России веру, «...установление, имеющее свою особую миссию по отношению к населяющим обширное наше отечество народностям» [9, с. 30].

Для обозначения действия, которым совершается богохуление, закон употреблял выражения «возложение хулы», «поношение» и «поругание действием». О возложении хулы говорилось относительно объектов поклонения, о поношении – относительно всех остальных объектов действия, перечисленных в статье. В отношении таинств и имеющих религиозное значение предметов использовалось выражение «поругание действием». Понятия «возложение хулы» и «поношение», как отмечали практически все представители юридической науки того времени, имели одно и то же значение [11, с. 358; 9, с. 30]. К поруганию действием закон относил поступки, состоящие в бесчинстве над священными предметами. Это могло выражаться в их повреждении, разрушении, изготовлении в богохульном виде, то есть имеющим характер принижения их культовой значимости, а равным образом в их захвате [10, с. 72]. Н.С. Тимашев отмечал, что «необходимым моментом деяния должно быть признано физическое прикосновение виновного к осквернённому предмету», а само прикосновение «...должно иметь характер уничижительного издевательства»

[9, с. 31]. В связи с этим символическое оскорбление не классифицировалось как богохуление.

Для классификации преступления как богохуления было необходимо, чтобы преступление было совершено публично, умышленно, в распространённых или публично выставленных произведениях печати, письме или изображении, в молитвенном доме. Также богохуление было наказуемо, если оно при отсутствии перечисленных условий совершалось с целью произвести «соблазн». Для этого было достаточно, чтобы присутствующие принадлежали к тому вероучению, по отношению к которому слова, выражения, действия могли иметь оскорбительное значение и произвести соблазн, а это обстоятельство было известно виновному [10, с. 74].

Богохуление наказывалось в зависимости от условий его совершения. Наиболее тяжким считалось богохуление в церкви или при отправлении общественного богослужения, наказанием служила каторга или ссылка на поселение. Деяние, совершённое в молитвенном доме публично посредством распространения или выставления сочинения или изображения, наказывалось ссылкой на поселение. Деяние, совершённое с целью соблазна, предполагало заключение в исправительный дом или крепость сроком до 3 лет.

Принятие Уголовного уложения 1903 г. свидетельствовало о развитии русского уголовного права в целом и в разработке составов религиозных преступлений в частности. При подготовке проекта Уложения из главы «О нарушении ограждающих веру постановлений» были исключены следующие составы преступлений: лжеприсяга, святотатство, уклонение от исполнения непосредственных церковных постановлений, например, уклонения родителей от исповедания детей, переход из христианства в другие религии.

После Первой русской революции была проведена активная работа правительства по законодательному урегулированию отношений государства и конфессий, государства и РПЦ. В период с 1906 по 1914 гг. законодательная база не обновлялась. Ранее провозглашённые принципы свободы вероисповедания не находили отражения в реальной жизни.

Результатом проводимой политики стала дестабилизация системы государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. МВД империи, поначалу разработало достаточно прогрессивные для того времени вероисповедальные законопроекты, однако впоследствии вернулось на консервативно-охранительные позиции в вероис-

поведальной политике и само ликвидировало не востребованные результаты своей нормотворческой деятельности.

Структура Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ) с 1909 г. несколько изменилась, так как в его ведение были переданы функции регулирования духовных дел старообрядцев и части сектантов.

Активно происходил процесс политизации религиозной сферы. Революция ускорила процесс образования национальных политических партий, которые создавали свои политические программы на основе религиозно-националистических доктрин и взглядов. Это располагало вовлечению духовенства не православных исповеданий в политическую борьбу, что было ранее невозможно.

В начале Первой мировой войны обострились некоторые вопросы религиозно-национальной сферы, что оказало влияние на характер вероисповедальной политики. В этот нестабильный период государство стремилось оградить православие от влияния других конфессий. Осенью 1914 г. в России началась «антисектантская кампания» против баптистов, адвентистов, лютеран и других сектантов, обвиняемых в пособничестве Германии. Происходило сужение границ веротерпимости и в отношении других конфессий. По стране прошла волна стихийных и организованных «немецких» погромов. Репрессии затронули и протестантское духовенство.

Условия военного времени повлияли на специфику деятельности ДДДИИ. Он совместно с Департаментом полиции с ноября 1916 г. разрабатывал проект «Устава благочиния и безопасности». «Устав» стал своеобразным шагом назад, так как содержание статей в вопросах обеспечения права на свободу вероисповедания соответствовало отдельным положениям дореволюционного законодательства. Это говорило о том, что государства отказывается, либо откладывает на неопределённый срок процесс реформирования церковной политики и выполнения декларированных в 1905 г. обещаний свободы вероисповедания.

Влияние на религиозную политику правительства в данный период оказывало и окружение семьи Николая II, в частности, Г.Е. Распутин. Кризис духовной, религиозной жизни российского общества – один из элементов общеполитического кризиса, который привел к изменению государственного строя в России.

Православие – господствующая религия в России. В разные периоды вектор государственной политики был направлен то на сужение, то на расширение политики вероисповедания. Например, дореволю-

ционное правительство стремилось законодательно урегулировать и закрепить меняющиеся отношения в нормативных актах. Разработанные Указ от 12 декабря 1904 г., Указ от 4 апреля 1905 г., Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», Циркуляр МВД от 18 августа 1905 г., Высочайший манифест 17 октября 1905 г и другие правовые акты позволили сделать это. Однако после Первой русской революции провозглашённые права и свободы верующих не находили нормативных гарантий. Законодательная база, регулирующая церковно-светские отношения, перестала обновляться. Это послужило причиной политизации религиозной сферы. В короткий период образовывались национальные политические партии, способствовавшие вовлечению духовенства не православных исповеданий в политическую борьбу, что было ранее недопустимым.

Обострила ситуацию начавшаяся Первая мировая война. Значительно сузились границы веротерпимости. По стране прошла волна стихийных и организованных погромов, разгоревшихся на религиозной почве. В России началась «антисектантская кампания» против баптистов, адвентистов, лютеран и других сектантов, обвиняемых в пособничестве Германии. Репрессии затронули и протестантское духовенство. Период 1905–1917 гг. стал переломным моментом в отношениях между церковью и государством. РПЦ не хотела терять господствующие позиции, а правительство не могло в полной мере урегулировать всё, что требовалось временем.

Новый период в религиозных отношениях в нашей стране начнётся с установлением советской государственности, изданием Советом Народных Комиссаров Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г.

Источники и литература

1. Вульферт, А. К. По поводу статьи 96 Уголовного уложения / А. К. Вульферт // Вестник права. – 1904. – № 10. – С. 255–259.
2. Дородницын, А., Скворцов, В. Результаты последнего исследования штунды и молоканских толков в таврическом сектантстве / А. Дородницын, В. Скворцов // Миссионерское обозрение. – 1899. – № 1–3. – С. 166–193.
3. Юшков, С. В. История государства и права СССР: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. / С.В. Юшков. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 767 с.
4. Левин В. Ф. Борьба Российского государства и Русской Православной Церкви с религиозными правонарушениями в 1820-е–1917 гг.: на материалах Среднего Поволжья : 07.00.02 : дис. ... д-ра ист. наук. / В. Ф. Левин – Саранск, 2011. – 345 с.
5. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милюков – М., 1994. – Т. 2. – Ч. 1. – 415 с.

6. Отчет о деятельности «Братства святителя Гурия» за 1906/07 «братский» год. – Казань, 1908. – С. 50–53.

7. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания [по годам]: Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. – Т. XII. – СПб.: Синод. тип., 1910. – 268 с.

8. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате : [Издание официальное]. – СПб.: Сенат. тип., 1905. – Отдел первый. – № 63. – С. 710–718.

9. *Тимашев, Н. С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву / Н. С. Тимашев // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – № 1. – С. 1–52.

10. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С указателями: предметным алфавитным и сравнительными: 1) уголовного уложения с уложением о наказаниях и уставом о наказаниях; 2) уложения о наказаниях с уголовным уложением, и 3) устава о наказаниях с уголовным уложением. – СПб. : Гос. тип., 1903. – 340 с.

11. *Ширяев, В. Н.* Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Временник Демидовского юридического лицея / В. Н. Ширяев. – М., 1910. – Книга 100. – 427 с.

12. *Эсливанов, В. Н.* Трудности и нужды Казанской инородческой миссии: речь, произнесенная в общем собрании «Братства святителя Гурия» 26 апреля 1915 г. / В. Н. Эсливанов. – Казань: Центральная типография, 1915. – 14 с.

Е.А. Маркова*

DOI: 10.25839/r6268-6289-0901-r

Взаимодействие христианства и политики: социально-исторический анализ

В статье рассмотрены взаимоотношения христианства и политики на примере дореволюционного и послереволюционного периода России. Проанализированы характерные черты религии в дореволюционный и послереволюционный период. Выявлены факторы, повлиявшие на ослабление религии в России. На основе проведенного анализа, сделан вывод о том, что институт религии и политики взаимодополняют друг друга. Также сделан вывод о том, что взаимодействуя вместе, оба института имеют большее влияние, чем работая поодиночке.

Ключевые слова: религия, христианство, дореволюционная, послереволюционная Россия, Российская империя, СССР, РПЦ.

* **Маркова Елизавета Александровна**, студент 1-го курса Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Гуринович Людмила Анатольевна**, старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Markova Elizaveta Aleksandrovna, 1st year student at Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - **Gurinovich Lyudmila Anatolyevna**, senior lecturer of the Department of Social Work, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Interactions of christianity and politics: socio-historical analysis

The article deals with the relationship of religion and politics on the example of the pre-revolutionary and post-revolutionary period of Russia. The characteristic features of religion in the pre-revolutionary post-revolutionary period are analyzed. The factors influencing the weakening of religion in Russia are revealed. Based on the analysis, it is concluded that the Institute of religion and politics complement each other. It is also concluded that working together both institutions have a greater impact than working alone.

Keywords: religion, Christianity, pre-revolutionary, post-revolutionary period of Russia, Russian Empire, USSR, ROC.

Изменение общественного строя в нашей стране повлекло за собой трансформацию многих сторон общественной жизни: от основы ценностного восприятия мира и воспитания подрастающего поколения до акцентирования на индивидуальном развитии взамен коллективного. Эти изменения расставили новые акценты на деятельности различных социальных институтов, возвращая в социальную реальность такие институты, как религия, уводя в новые социальные взаимодействия общественно-политические институты, особенно сильно преумноженные еще на первых этапах развития нашей обновленной страны.

Целью нашего исследования поставлено выявление общественных аспектов взаимодействия таких социальных институтов, как государство и религия.

В античные времена религия была общепринятой идеологией, поэтому взаимоотношения между политикой и религией начинаются уже в этот период [1]. Но стоит признать тот факт, что взаимоотношения между религией и политикой были напряженными. Оба института понимали необходимость друг в друге, но все-таки стремились подчинить себе «соперника». Такая необходимость заключалась в обладании обеими сторонами общественно-важными ресурсами, без которых они не могли существовать по отдельности. Политика во все времена обладала военными ресурсами, а религия имела идеологию, подчиняла массы. Определить победителя в данной борьбе сложно, институты поочередно одерживали победу. Огромных успехов эти два института смогли достигнуть после объединения [1].

На протяжении веков в России будет длиться борьба духовной и световой власти. Общество стало отделяться от религии уже в дореволюционной России. Государство излишне управляло религией, что вызвало недовольство у населения, считающего церковь институтом духовной сферы общества. Также стоит отменить, что причиной зату-

хания религия как института был и тот факт, что в стране не было существенных изменений со стороны государственной власти. Страна требовала перемен, которых государство не могла дать. Церковь в свою очередь поддерживала политику, но их союз оказался достаточно слабым по сравнению с бушующим населением.

Преобладающей религией на Руси, в Российской империи и в России является православие, представленное Российской Православной Церковью. Церковь со стороны самодержавия находилась в привилегированном положении по отношению к другим концессиям. В 1721 году Петер I преобразует РПЦ. Он ввел синодальное правление и отменил ранее существовавшее патриаршество. РПЦ возглавлял Священный Синод, который находился под контролем императора. Синод становится фактически одним из министерств. Также государство учреждает особую должность синодального обер-прокурора для надзора над деятельностью Синода [7].

Независимой Церкви больше всего боялось светской государство, так как это могло привести к ослаблению власти и империи в целом. Именно поэтому в деятельности РПЦ всегда доминировал интерес страны, из-за чего восточные иерархии обвиняли РПЦ в подчиненности национальным интересам. Непосредственное объединение РПЦ с государственным аппаратом вызвало негативные эмоции у населения, так как верующие желали видеть совершенно другие взаимоотношения двух равноправных институтов. Причиной недовольства также стала «дехристианизация». «Смысл категории «дехристианизация» понимается как отказ от христианского вероучения и культа, от христианского образа повседневной жизни и поведения» [6]. Также стоит отметить распространение атеизма, которое оказало огромное влияние на население. Несмотря на то, что данное убеждение имело большой спрос у интеллигенции, другие сословия тоже были подвержены данной идеологии. Охлаждение к церкви происходило и у крестьян.

Существенное влияние на ситуацию в стране оказал открытый аграрный вопрос. Крестьянство имело в несколько раз меньше земель, чем требовалось для существования. Крестьянство расслаивалось и по уровню дохода, вследствие проводимых реформ. «К 1917 году в европейской части России 76,3 % хозяйств относились к беднякам» [9]. Падению нравственности крестьян способствовало разрушение родовых и территориальных общин. Правительство не оказывало должного внимания данным проблемам, и это привело к тому, что крестьяне начинают принимать методы противоречивые канонам церкви, такие как грабеж и применение насилия. Война стала, так же фактором

ослабления Церкви. «Количество мобилизованных в процентном соотношении составляло 47,7% трудоспособного населения [9]. Низкий жизненный уровень, увеличение налогового бремени так же способствовало развитию религиозного индифферентизма, именно как протеста против социального строя, и одного из государственных институтов. Крестьянство переставало смиряться и в борьбе идеального и материального, стали делать на последнее» [9]. Все больше и больше от церкви отделялось крестьянство. Из привычной жизни начали исчезали церковные обычаи и традиции. Продолжал активно распространяться атеизм.

Данное течение оказывало огромное влияние на рабочий класс, который в свою очередь влиял на образ мышления народа и был настроен решительнее всех. «К примеру, в Курске взорвали аналой с чудотворной иконой Божьей Матери, были совершены и другие акты кощунства» [9]. Общий язык с Церковью пыталась найти либеральная интеллигенция, создавая кружки с религиозной направленностью, но все таки большая часть интеллигенция была охвачена дехристианизацией. Иллюзии о том, что у подрастающего поколения возродятся религиозные чувства, были бессмысленны.

Если раньше в церковно-приходских школах Закон Божий был обязательной дисциплиной, то теперь в обычных школах начали проявляться два течения: духовное и светское, антирелигиозное. «Сторонники светского образования считали, что церковные школы калечат молодое поколение. Оно воспитывается в страхе и невежестве, его «не развивают, а забивают, ... учат верить во все старинные поповские сказки и строго держаться всех суеверий и предрассудков»» [3].

Постепенно школы и вовсе перестали прививать своим ученикам религиозные чувства. Поэтому надежды на то, что в будущем религия снова сможет укрепнуть были потеряны. На отношение к религии повлиял и брак. Во второй половине XIX века, вследствие усиления свободомыслящих тенденций, стал актуален, так называем, гражданский брак. Создание данных браков являлось протестом христианских норм да и религии в целом. Дело в том, что Церковь относила брак к одному из семи важнейших таинств, и требовала четкого выполнения супружеских обетов. Церковь считала брак союзом на всю жизнь. В западных странах гражданские браки уже давно имели место быть.

Гражданский брак так же подразумевал возможность развода. В России же процедура развода была довольно трудоемкой. Суд признавал лишь самые существенные доводы. Даная проблема была весьма актуально среди населения, в особенности для интеллигенции. Но возникает вопрос: Почему люди не хотели соблюдать Церковные

нормы? Ответ на вопрос прост – общество желало развиваться, а не стоять на месте, Церковь со своей религией тормозили развитие, так как реформ в религии не происходило, она была не измена. Нравственные устои в мире менялись, в религии же все оставалось на своих местах.

Одной из причин падения РПЦ было сотрудничество с самодержавием. Конечно, со стороны самодержавия это давало Церкви значительные привилегии, но поднятию престижа РПЦ у народа и решению ее проблем не способствовало. Все вышеперечисленные факты способствовали ослаблению РПЦ во всех сферах жизни. Религия переставала нести особую важность в жизни людей. Если раньше люди боялись Бога, сейчас она переставала в него верить. Если раньше исповеди были обязательные, теперь это не несло особого значения «...из общего числа 580 прихожан села Дмитровского Звенигородского уезда Московской губернии на годовой исповеди побывали лишь 214 человек. В селе Архангельском Верейского уезда Московской губернии 580 прихожан не явились на исповедь» [8].

Массовое отделение от церкви было зафиксировано Синодом в 1916 году. Таким образом, из-за многочисленных недовольств со стороны населения церковь как институт социализации уходила на второй план, теряя свою значимость. Люди переставали верить в данный духовный институт. Стране нужны были перемены, новый уклад жизни, новая вера, пережитки прошлого должны были остаться в прошлом. Но самые страшные страницы своей 1000-летней истории Церкви еще предстоит пережить после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

После революции в России начинает активно поддерживаться партийными и государственными органами атеизм. Атеизм не был формально закреплён в СССР, как элемент государственной идеологии. С приходом к власти большевиков в стране активно развивалась марксистская теория. Согласно марксистской теории, когда общество захватывает противоположный класс, освободив себя от одной из самых гнетущих земных сил – экономической эксплуатации – религия постепенно и довольно быстро теряет своё влияние. Бывшим эксплуатируемым она, в общем-то, больше не нужна, а бывшие эксплуататоры как-то неохотно примеряют на себя смирение и терпение.

Данная ситуация наблюдалась в после революционной России. В.И. Ленин о борьбе с религией говорил следующие слова: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбу-

ке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» [5].

Как такового, атеизма в стране не было, но была поставлена задача по «отмиранию религиозных предрассудков». В стране, так же массово истребляется все, что связано с религией. Осуществляются массовые аресты и преследования духовенства, религиозных проповедников.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стал первым постановлением правительства, декрет отделял Церковь от государства и школы, также он лишал ее прав юридического лица и собственности, религия стала частым делом граждан. «Имущество Церкви, включая храмы, было национализировано, было организовано более 200 судебных процессов, расстреляно около 2000 человек, в том числе митрополит Петроградский Вениамин.

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК издали постановление «О религиозных объединениях», которым Церковь лишалась всего, кроме отпращиваний культа [2]. Принимается декрет «О земле», согласно которому, земли Церкви уходили в пользование государства; «О расторжении брака»; «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», согласно которым брак становится частным делом, а соблюдение или несоблюдения религиозных обрядов не имеет никакого значения.

Декларация прав народов России утверждает отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений [2]. «В период коллективизации в 1929–1931 гг. в массовом порядке закрывались сельские храмы, священники объявлялись кулаками и ссылались. По всей стране снимали колокола, сжигали иконы и богослужebные дома. В монастырях размещали дома отдыха, детские колонии, тюрьмы, больницы или склады. К 1939 году во всей России осталось лишь около 100 храмов. Церковная организация в СССР была почти полностью разрушена» [2].

Такая политика продолжалась до 1939 года и привела к более дифференцированной религиозной политике. Атеизм не был государственной идеологией, поэтому полной ликвидации религиозной жизни и официального запрета на религию в СССР не было.

Более того, в определенные исторические периоды СССР оказывало поддержку религиозной жизни, преследуя свои политические интересы. В период Второй Мировой войны государство осознает, что с помощью Церкви может привлечь союзников. В данный период от-

крываются некоторые закрытые большевиками храмы, открывают свои двери духовные академии и семинарии, выпускается журнал «Московская патриархия», снова выпускаются церковные календари и книги.

«Свято-Троицкая Сергиева лавра» снова принимает прихожан в 1946 году [2]. В СССР приезжают церковные делегации из других стран. При этом все религиозные дела находятся под контролем государства. Появляется «Совет по делам религии», контролирующий и регулирующий дела Церкви, государства, общества.

Относительная свобода для Церкви была недолго, с приходом к власти Н.С. Хрущева, Церковь вновь отделять от государства. Вновь начинается антирелигиозная компания, которая «...привела к закрытию 7 тысяч церквей, из восьми семинарий уцелело три, из 85 монастырей – только 15» [2]. «После отставки Хрущева закрытие церквей было приостановлено. По подсчетам, к концу 1930 г. в СССР, наряду с приверженцами других религий, было репрессировано около 300 тыс. верующих, половину из которых составляли священнослужители, половина из этих 300 тыс. была расстреляна» [2].

После принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 год) Церковь становится официально свободной [2]. Закон сохраняет «Совет по делам религий», но лишает его властных полномочий по отношению к религиозным организациям. Он стал информационный, консультативный и экспертный центр.

Даже в тяжелые времена Русская Православная Церковь продолжала нести служения. Предпосылки окончания войны между Церковью и Государство наступили только в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на все невзгоды Церковь смогла выстоять, пережить репрессии, также она участвовала в жизни страны и общества. Церковь не просто смогла выжить в марксистском обществе, она сумела дожить и до нашего времени и перенести все свои традиции обычай через века.

В нашей стране политика и религия объединились слишком поздно, но объединившись, они осознали все мощь взаимодействия. Либерализация общественной системы (вторая половина 1980-х годов) повлияла и на Церковь. Снимается контроль над религией и свободой вероисповедания граждан. Происходит активное строительство новых церквей.

Социально-экономического и политического положение страны способствовало улучшению отношений между религией и политикой. Ситуация, конечно, улучшилась, но говорить о решении проблем в данной сфере пока рано. Есть необходимость уточнения выполняемых

функций каждым из институтов, например, по воспитанию толерантности среди граждан нашего полирелигиозного государства, по распространению влияния на институционализацию социальных норм, на духовное и этическое изучение основ семейной политики и т.д. Также необходимо обозначить социальные сферы распространения религиозных идей в нашем светском государстве.

Таким образом, религия и политика на протяжении многих веков были связаны между собой, и данная связь остаётся актуальной, и по сей день. В определенный период религия находилась в регрессивном состоянии, что могло привести к полному упадку данного института, но в ходе истории стало ясно, что сильнее такого аппарата, как взаимодействия церкви и государства просто нет.

Также стоит отменить и то, что церковью, несмотря на все существенные изменения, смогла окрепнуть и двигаться дальше. Сейчас религия в России занимает существо значимое место в общественной жизни.

Источники и литература

1. *Восканян, С. С., Ермакова, С. С.* Религия как инструмент политического манипулирования: исторические аспекты и современность / С. С. Восканян, С. С. Ермакова // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-kak-instrument-politicheskogo-manipulirovaniya-istoricheskie-aspekty-i-sovremennost/>
2. *Гойтимиров Ш. И.* Основы истории религий: Учебник для 8–9 классов общеобразовательных школ. – М., 2009 // URL: <https://religion.wikireading.ru/81914>
3. *Крутицкая Е.В.* Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С. 246.
4. *Макаров Ю.Н.* Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР: окт. 1917-го-конец 1930-х годов // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003176888#?page=8>
5. *Ленин В.И.* Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.). – Полн. собр. соч. – Т. 17. – С. 418.
6. *Ран Л.А.* Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // URL: <http://blogs.pravkamchatka.ru/nevod/?p=76>.
7. Религия в Российской империи // URL: <http://acathist.ru/en/bogoslovie/russkaya-tserkov/item/petr-velikij-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov>.
8. Русское Православие: вехи истории // URL: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html.
9. *Фабинский, М.* Православные верующие в России перед Октябрьской революцией // М. Фабинский / Молодой ученый. – 2012. – № 4 (39). – С. 335–339.

Особенности правового взаимодействия государства и религиозных объединений в России

В данной работе автором подробно рассматривается модель правового взаимодействия государства и религиозных объединений в Российской Федерации. В частности, рассматриваются типы государственно-конфессиональных отношений в светском государстве, выделяются уровни нормативно-правовых актов, содержащих нормы, касающиеся религиозных объединений и др.

Ключевые слова: государство, религиозные объединения, особенности правового взаимодействия, светский характер, религия.

Features of legal interaction between the state and religious associations in Russia

In this article, the author considers in detail the model of legal interaction between the state and religious associations in the Russian Federation. In particular, the types of state-confessional relations in a secular state are considered, the levels of normative legal acts containing norms relating to religious associations are highlighted, and so on.

Keywords: state, religious associations, features of legal interaction, secular nature, religion.

В условиях прогрессирующего процесса глобализации современный мир становится все более и более унифицируемым. Данный процесс способствует развитию и распространению выработанных и испытанных временем ценностей, которые, безусловно, не носят всеобъемлющего характера, но в связи с культурными и социальными аспектами жизни общества определенного государства и индивидуальной адаптацией выступают в качестве универсальных инструментов развития большинства стран. Одной из них является светская модель государства.

Светский характер государства считается фундаментальным принципом создания и последующего развития современного право-

* **Носырев Роман Вячеславович**, студент 2 курса Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Кузьмин Игорь Александрович**, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Nosyrev Roman Vyacheslavovich, 2nd year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - **Kuzmin Igor Aleksandrovich**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

вого государства. В России это явление отражено в части 1 статьи 14 Конституции РФ как один из основополагающих принципов всего конституционного строя страны [6]. Изучению развития и претворению в жизнь этого принципа, выражающего независимость и баланс между интересами государства и религиозных объединений, а также их правовому взаимодействию современная наука уделяет недостаточное внимание. В связи с чем, мы решили рассмотреть правовое взаимодействие государства с религиозными объединениями в Российской Федерации и выделить некоторые его особенности.

Для начала необходимо разобраться, что подразумевается под дефиницией «светское государство». За основу возьмем определение, данное в «Большом юридическом словаре», согласно которому светское государство определяется как «конституционно-правовая характеристика государства, включающая в себя взаимное невмешательство как государства и его органов в дела церкви, так и церкви в дела государства, что находит выражение в четком разделении сфер компетенции и функций органов государства и религиозных объединений» [1].

В светском государстве выделяются следующие типы отношений между государством и обществом: во-первых, сегрегационный – характерен для атеистических государств; во-вторых, сепарационный – предполагает нейтралитет государства в отношении религии, взаимное невмешательство государства и религиозных объединений в деятельность друг друга; в-третьих, кооперационный тип (тип социального партнерства) – предполагает решение государством социальных проблем совместно с религиозными объединениями.

В Российской Федерации на данный момент осуществляется поиск оптимального варианта взаимоотношений с религиозными объединениями, но некоторыми авторами отмечается, что Россией реализуется кооперационная модель, которая на основе принципа отделения при отсутствии государственной религии обеспечивает легитимность государственно-конфессиональных отношений [7, 15].

В целом, государственно-конфессиональные отношения представляют собой «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства с одной стороны, и религиозных объединений, с другой стороны [16]. В основе этих отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений» [2, с. 9]. Основным предметом изучаемых отношений выступает реализация конституционного права

на свободу совести и вероисповедания, а также осуществление гарантированных законом прав религиозных объединений и исполнение ими обязанностей.

Субъектами государственно-конфессиональных отношений со стороны государства являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования в лице соответствующих органов [12, с. 8].

Так, федеральный уровень представлен такими органами, как Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ; Федеральное агентство по делам национальностей и др. На уровне субъекта Российской Федерации такими органами выступают Управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям, Координационный межконфессиональный совет при Законодательном Собрании Иркутской области и др. На муниципальном уровне субъектами чаще всего выступают администрации муниципальных образований.

Для изучения правового взаимодействия государства и церковью необходимо обратиться к правовой основе, регламентирующей данные отношения. Основные положения, касающиеся правовой основы закрепляются в статье 2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), исходя из которой правовой основой выступают только те нормативно-правовые акты и отдельные нормы права, принятые специально для регулирования соответствующих правоотношений [8]. По мнению М. О. Шахова, в данный список должны еще быть включены и те правовые нормы, в которых свобода совести и свобода вероисповедания упоминаются среди других прав и свобод, и нормы, обеспечивающие и регулирующие наиболее общие права и свободы человека, например свободу слова [16]. Исходя из чего, предлагаем выделить пять уровней источников права, регулирующих государственно-конфессиональные отношения.

1. *Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры.* В данную группу входят Всеобщая Декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека и др.

2. *Нормы Конституции Российской Федерации.* Нормы Конституции являются основополагающими данных отношений. Основные

положение, касающиеся взаимоотношений государства с религиозными объединениями, закрепляются в статьях 14 и 28. Также в Конституции содержатся и другие нормы, косвенно регулирующие данные отношения (право на свободу слова и мысли, право на объединение и т.д.).

3. *Нормы федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации*, полностью или частично затрагивающие реализацию права на свободу совести, свободу вероисповедания и деятельность религиозных объединений. Основу данной группы составляют Федеральные законы «О свободе совести и о религиозных объединениях» и «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, основным предметом правового регулирования является свобода совести, свобода вероисповедания, деятельность религиозных объединений.

Для реализации отдельных положений указанных актов были приняты такие нормативно-правовые акты, как указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные акты Министерства юстиции РФ и других федеральных министерств. Например, Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий», приказ Минюста России «О государственной религиозно-экспертной экспертизе» и др. Эта группа является самой объемной, так как на федеральном уровне действует более ста законов и иных правовых актов, в которых в том, или ином аспекте упоминаются: свобода совести и религиозные организации.

М. О. Шахов данную группу подразделяет на следующие подгруппы [2, с. 86–90; 16]. Во-первых, в данную группу входят нормы, обеспечивающие равноправие граждан независимо от их отношения к религии. Например, в п. 2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» указывается, что «гражданин Российской Федерации имеет право избирать, быть избранным, участвовать в референдуме независимо от... отношения к религии, убеждений...» [11].

Во-вторых, нормы, ограничивающие вмешательство органов власти и иных организаций в деятельность религиозных объединений. Данные нормы содержатся в нормативных актах, регулирующих деятельность правоохранительных органов. Например, в ст. 19 ФЗ «О Федеральной службе безопасности» установлен запрет на исполь-

зование конфиденциального содействия на контрактной основе священнослужителей и полномочных представителей, официально зарегистрированных религиозных организаций [10].

В-третьих, нормы, регламентирующие соблюдение и порядок реализации прав верующих граждан в организациях и учреждениях, внутренний распорядок которых ограничивает свободу поведения. Например, в ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» закреплено, что «военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица...» [9].

В-четвертых, нормы, определяющие гражданско-правовое положение религиозных организаций, их участие в гражданском обороте, имущественные права, налогообложение. Например, в ст. 213 Гражданского кодекса регулируется право собственности религиозных организаций [3].

В-пятых, нормы, устанавливающие порядок осуществления отдельно взятых видов деятельности религиозных организаций. Например, учреждение религиозного средства массовой информации регулируется нормами ФЗ «О средствах массовой информации».

В-шестых, нормы, запрещающие некоторые виды деятельности религиозных организаций. Например, Законом Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле» религиозным организациям запрещается быть учредителями и членами товарной биржи.

В-седьмых, нормы, обеспечивающие уважение прав и религиозных чувств верующих граждан. Например, ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» регламентируется реализация конституционной обязанности по несению военной службы лицами, если данная служба противоречит их убеждениям или вероисповеданию.

В-восьмых, нормы, устанавливающие ответственность за правонарушения, связанные с религией, свободой совести, деятельностью религиозных объединений. Например, ст. 282¹ Уголовного Кодекса РФ устанавливается ответственность за создание экстремистской организации [13].

4. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, связанные с вопросами свободы совести и деятельности религиозных объединений.

Действие данных нормативных правовых актов территориально ограничено пределами субъекта РФ. Например, в данную группу можно отнести Закон Республики Башкортостан «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан», Закон Республики

Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» и др.

Из обзора данных нормативных правовых актов становится очевидным, что взаимоотношения между государством и религиозными объединениями тщательно урегулированы. В ст. 4 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывается, что со стороны государства осуществляется политика невмешательства в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству, также государство не вмешивается в определение гражданином своей религии и т.д. Вместе с тем, религиозные объединения не вправе оказывать материальную поддержку и другую помощь политическим партиям и политическим движениям. Важным признаком светского государства также является отсутствие возложения выполнения функций государственных органов на религиозные объединения, но зато и внутренние дела этих объединений остаются без государственного вмешательства. Также следует отметить такую интересную особенность, как отсутствие в современном государстве институтов церковных судов, да и религиозные нормы не являются легитимными формами государственного права. Государство также не финансирует религиозную деятельность организаций [4, 5].

Тем не менее, в пункте 3 данной нормы установлено, что «государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры...». Такое положение свидетельствует о том, что государство заинтересовано в деятельности религиозных объединений и оказывает им всестороннюю поддержку.

Светский характер не говорит об ущемлении свобод человека. Наоборот, государство такого типа в равной мере не занимается пропагандой атеизма, как и не преграждает путь деятельности религиозных объединений. Оно оказывает содействие в благотворительности, культурно-просветительской деятельности церкви, реализует правовое регулирование и предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот. Эта поддержка не обусловлена конфессиональным принципом, она выходит за религиозные границы, представляя собой общественную ценность.

Правовое взаимодействие государства и религиозных объединений представляет собой взаимодействие данных институтов путем законодательного урегулирования. Данный вопрос имеет весомое зна-

чение в жизни общества, он в течение многих веков оберегает память о необходимости «дружбы» государства и религии.

В заключение можно констатировать, что народами сделаны огромные шаги к усовершенствованию светской системы организации и развития национальных социумов, многие страны закрепили светский характер в своих основных законах, что говорит об известной приоритетности данной черты в современном государстве. Можно предположить, что данная тема и в будущем будет представлять большой интерес для науки и человеческой практики и что когда-нибудь человечеством может быть создана совершенная модель светского государства.

Источники и литература

1. Большой юридический словарь / Под. ред. А. В. Малько. – М.: Проспект, 2009. – 702 с.
2. Вероисповедная политика Российского государства: учебное пособие / Отв. ред. М. О. Шахов. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 207 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [редакция от 16 декабря 2019 г.] // www.consultant.ru.
4. *Канищев, К. В.* Государство и религия: исторические и современные проблемы / К. В. Канищев // Концепт: философия, религия, культура. – 2018. – № 2. – С. 74–80.
5. *Карпушкин, А. В.* Конституционно-правовые аспекты религиозной толерантности во взаимоотношениях государства с религиозными объединениями / А. В. Карпушкин // Общественные науки. Политика и право. – 2008. – № 4. – С. 91–95.
6. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
7. *Мирошникова Е. М.* Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы: монография. – М.: Институт Европы РАН, 2007. – 180 с.
8. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ [редакция от 02 декабря 2019 г.] // www.consultant.ru.
9. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ [редакция от 01 марта 2020 г.] // www.consultant.ru.
10. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ [редакция от 02 декабря 2019 г.] // www.consultant.ru.
11. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [редакция от 01 апреля 2020 г.] // www.consultant.ru.
12. *Понкин, И. В.* Комментарий к некоторым статьям Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» / И. В. Понкин. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. – 120 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [редакция от 02 августа 2019 г.] // www.consultant.ru.

14. Шахов, М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации // М. О. Шахов. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.

15. Шиманская, О. К., Матина, Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в современной России: методология, подходы, правовой аспект / О. К. Шиманская, Е. Г. Матина // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 3–7.

Н.А. Осипова*

DOI: 10.25839/e2090-0369-4559-e

Организационное сопровождение международной деятельности Русской православной церкви

В статье показана международная деятельность Русской православной церкви на современном этапе. В частности, рассмотрена деятельность Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по организационному сопровождению Русской православной церкви на международной арене. Показано сотрудничество Русской православной церкви с Министерством иностранных дел Российской Федерации, а также с Поместными и Автономными Православными Церквями. Дан краткий обзор последних событий, которые касаются данного сотрудничества. Результатом исследования является характеристика деятельности Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и его структурных элементов.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Отдел внешних церковных связей, Патриарх Кирилл, межхристианское сотрудничество, межрелигиозный диалог, Поместные Православные Церкви, Автономные Православные Церкви.

Organizational support of the international activities of the Russian Orthodox Church

This article covers the international activities of the Russian Orthodox Church at the present time. It particularly reviews the activities of the Department for external church relations of the Moscow Patriarchate on organizational support of the Russian Orthodox Church in the international arena. It shows the cooperation of the Russian Orthodox Church with the Ministry of

* **Осипова Наталия Александровна**, студентка 1-го курса Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). Научный руководитель – **Шатравский Сергей Иосифович**, доцент кафедры религиоведения Института теологии Белорусского государственного университета, проректор по научной работе Института теологии Белорусского государственного университета, доцент кафедры апологетики Минской духовной академии, кандидат богословия, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Osipova Natalia Aleksandrovna, 1st year student of the Institute of Theology named after Saints Methodius and Cyril of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). Scientific supervisor - **Shatravsky Sergey Iosifovich**, Associate Professor of the Department of Religious Studies of the Institute of Theology of the Belarusian State University, Vice-Rector for Research at the Institute of Theology of the Belarusian State University, Associate Professor of the Department of Apologetics of the Minsk Theological Academy, Candidate of Theology, Associate Professor (Minsk, Republic of Belarus).

Foreign Affairs of the Russian Federation, as well as with the Autocephalous and Autonomous Orthodox Churches. A brief overview of the recent events related to this cooperation is made. The result of the research work is a description of the activities of the Department for external church relations of the Moscow Patriarchate, its structural elements.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Department for external church relations, Patriarch Kirill, inter-christian cooperation, interreligious dialogue, Autocephalous Orthodox Churches, Autonomous Orthodox Churches.*

Международная деятельность любого государства, организации или предприятия подразумевает существование специальных структур, координирующих данную деятельность. Церковь, являясь институтом гражданского общества, осуществляет свою деятельность не только внутри государства, но и на международной арене. В мире насчитывается огромное количество разнообразных религиозных организаций, которые, представляя интересы народа своей страны, взаимодействуют между собой.

Русская православная церковь (РПЦ) также имеет орган, занимающийся организацией церковно-дипломатической деятельности. Таким является Отдел внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата, председателем которого с 2009 года является митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Являясь органом исполнительной власти и подчиняясь Священному Синоду и Патриарху, ОВЦС делится на четыре Секретариата, регулирующие межправославные, межхристианские и межрелигиозные отношения, а также дела дальнего зарубежья. Отдел выполняет такие важные задачи, как поддержание связи РПЦ с Поместными Православными Церквями, иными христианскими и нехристианскими объединениями или религиозными организациями, а также с общественными, межправительственными и международными организациями. Кроме этого, Отдел внешних церковных связей подготавливает документы и проекты, а также принимает решения по всем вопросам, касающимся деятельности РПЦ на международной арене [9].

Отдел был образован в 1946 году, осуществляет деятельность на основе Устава Русской православной церкви и собственно Устава Отдела [9]. Каждый год Священным Синодом и Патриархом Кириллом устанавливается план действий на год, в течение которого ими же могут выдаваться дополнительные распоряжения. После интронизации Священного Патриарха Кирилла, состоявшейся в 2009 году, при ОВЦС было создано два учреждения: Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества, а также Секретариат Московской Патриархии по зарубежным учреждениям, который в 2010 году был переименован в Управление. Это было сделано

с целью распределения части функций по более узкому профилю для облегчения работы сотрудников самого Отдела [6, с. 8].

Так как Церковь, в первую очередь, служит людям, то для укрепления и развития связей с обществом был создан Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества. Гражданское общество, как таковое, включает в себя огромное количество разнообразных организаций, политических партий, творческих союзов и иных объединений. Для регулирования деятельности и построения связей между РПЦ и данными объектами был создан упомянутый отдел. Однако, впоследствии, в 2015 году он был преобразован в Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ [3].

Что касается Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям, было принято решение ввести под прямое подчинение Патриарху приходы, епархии и иные учреждения РПЦ, находящиеся за рубежом. Таким образом, была упрощена работа Патриарха, связанная с архипастырским служением в зарубежных епархиях. Создание этого отдела способствовало также оказанию финансовой, хозяйственной и административной помощи данным учреждениям. Но дипломатической деятельностью продолжал заниматься непосредственно сам ОВЦС.

Рассмотрим каждый из четырех Секретариатов ОВЦС по отдельности. Первым и главным является Секретариат, занимающийся межправославными отношениями. Основным направлением его деятельности является координация взаимодействия с Автокефальными Православными Церквями, такими как: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская (Греческая), Албанская, Польская, Чешских земель и Словакии и Православная церковь в Америке.

Данный отдел координирует деятельность Поместных Церквей, а также имеет связь с Автономными Православными Церквями, которые выделяются диптихом Московского Патриархата, и с монастырями. Им контролируется соблюдение всеми церквями установленных канонов и поддержание взаимоотношений с православными людьми по всему миру. Для того, чтобы производить данный контроль, Секретариатом организовываются встречи, конференции и форумы, осуществляются визиты и паломничества. Все это укрепляет отношения и позволяет решать возникающие вопросы. С помощью этого секретариата ОВЦС также налаживается связь со старообрядцами [13].

Межхристианский Секретариат ОВЦС регулирует отношения между РПЦ и инославными организациями и Церквями. Самая многочисленная из них – Римско-католическая Церковь. Помимо нее суще-

ствуется ряд направлений в протестантизме, таких как лютеранство, англиканство, кальвинизм, баптизм, пятидесятничество и др. Все они, в большей или меньшей степени, влияют на мировое сообщество, так как являются представителями гражданского общества. Из этого следует необходимость налаживания благоприятных связей между РПЦ и данными христианскими направлениями [15].

Например, связь Римско-католической церкви с РПЦ важна для решения множества вопросов, касающихся современной ситуации в мире, так как у обеих церквей наблюдается схожесть интересов и мнений по данному вопросу. Всемирный альянс реформатских церквей и Всемирная лютеранская федерация ведут давний диалог с РПЦ, что благотворно сказывается на православно-протестантских отношениях. Стоит упомянуть о Евангелической Церкви в Германии, а также Евангелическо-Лютеранской Церкви в Финляндии, с которыми много лет ведется диалог. Такой диалог важен, поскольку Российская Федерация является многонациональной и поликонфессиональной страной, на ее территории существуют различные протестантские общины. Это же касается стран СНГ.

Стоит также отметить взаимодействие Секретариата по межхристианским отношениям с международными христианскими организациями. Самым многочисленным, включающим более 340 конфессий, является Всемирный Совет Церквей. Его участниками выступают христианские организации и церкви из более чем, ста стран мира. РПЦ и большинство Поместных Православных Церквей являются членами данной организации. На этом Совете РПЦ свидетельствует инославному миру о православии, высказывает свое мнение по социальным вопросам, сохранению традиционных ценностей в глобализирующемся мире.

Секретариат по межрелигиозным отношениям ОВЦС был образован 24 декабря 2015 года. Тогда же представителем РПЦ в данной области был назначен митрополит Волоколамский Иларион. В область деятельности данной структуры входит поддержание и развитие связей с иными религиями мира. Секретариат контролирует положение православных христиан в мире, которые подвергнуты гонениям. Это особо актуально в связи со сложившейся напряженной обстановкой на Ближнем Востоке. Православная Церковь всеми силами стремится поддерживать дружеские отношения с представителями ислама [14].

Последним в составе ОВЦС является Секретариат по делам дальнего зарубежья. Он в полной мере олицетворяет РПЦ как участника международных отношений. Секретариат взаимодействует с международными организациями, которые входят в Организацию Объеди-

ненных наций (ООН), с Европейским Союзом, с Советом Европы, с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и другими. С данными организациями Патриархат сотрудничает по вопросам войны и мира, борьбы против экстремизма и терроризма, предотвращения дискриминации по национальному и религиозному признаку, а также по правовым вопросам [12]. Им же осуществляется сотрудничество с внешнеполитическими ведомствами, межгосударственными институтами, с органами власти и с различными нерелигиозными, общественными объединениями и политическими партиями в странах дальнего зарубежья. Все это осуществляется с целью защиты и сохранения духовных ценностей в обществе.

Как было упомянуто ранее, Отдел внешних церковных связей находится в подчинении у Священного Синода и Патриарха. Таким образом, все вопросы, находящиеся в ведении у ОВЦС, решаются на заседаниях Священного Синода, которые проводятся в Даниловом монастыре, в Москве. На этих заседаниях постоянно присутствуют митрополиты многих стран, как например: митрополит Минский и Заславский Павел, Патриарший экзарх всея Беларуси; митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий; митрополит Астанайский и Казахстанский Александр, глава Митрополичьего округа в Республике Казахстан и иные. На заседаниях выносятся определенный вопрос местного или международного значения, и принимаются постановления по нему.

Русская православная церковь, являясь самой крупной православной церковью в мире, имеет особое влияние на государственную политику. РПЦ и Российская Федерация имеют целый ряд общих интересов в гуманитарной и культурной сфере, территориальных и в области безопасности, что ведет к взаимовыгодному сотрудничеству Церкви и государства. Православная Церковь оказывает важное влияние на формирование образа России за рубежом. Правительство РФ активно использует церковную дипломатию для решения тех внешнеполитических вопросов, где невозможно государственное вмешательство, поскольку оно может быть воспринято как вызов. Тем не менее, Церковь отделена от государства и самостоятельно решает возникающие перед ней вопросы, связанные с мировой политикой, что придает ей высокую значимость. Таким образом, не совсем корректно считать РПЦ орудием для проведения Российской Федерацией своей внешней политики. В любом случае, данный тандем делает Россию более стабильной в глазах мирового сообщества, укрепляет ее моральный авторитет.

Взаимодействие Русской православной церкви с Министерством иностранных дел (МИД) Российской Федерации (РФ) началось еще

в 90-е годы XX века, и в настоящее время достигло значительных положительных результатов. На данный момент ведется рабочий диалог между ОВЦС и МИД РФ, где обсуждаются глобальные проблемы человечества, такие как терроризм, экстремизм, религиозное и расовое притеснение. На постоянной основе в Отделе внешних церковных связей проводятся заседания Рабочей группы по взаимодействию РПЦ и МИД России.

Важным событием для взаимоотношений между РПЦ и МИД стало присвоение Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу степени почетного доктора Дипломатической академии МИД РФ. Торжественное вручение диплома состоялось 30 апреля 2015 года в Дипломатической Академии, после которого Патриарх Кирилл выступил с речью. В ней он обозначил основные точки взаимодействия МИД РФ с РПЦ на современном этапе при существующих международных волнениях и напряженности. Он отметил, что современная система международных отношений переживает трудные времена. Различные перевороты, войны и кризисы дестабилизируют мировой порядок. Русскую православную церковь наиболее сильно беспокоит ситуация на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке, а также в Азии, где христиане подвергаются гонению. Простые люди оказались беззащитны перед нависшей над ними угрозой в лице терроризма и экстремизма. Проводится настоящий геноцид христиан, сопровождающийся массовыми жестокими расправами и казнями с целью изгнания их с традиционного места проживания. Часто это проводится под исламистскими лозунгами [5].

МИД оказывает свое почтение РПЦ посредством проведения торжественных церемоний в великие православные праздники. Так, 20 мая 2019 года в Особняке МИД в Москве состоялся ежегодный торжественный прием в честь празднования Пасхи. Прием был организован лично Министром иностранных дел Сергеем Лавровым, в нем приняли участие Патриарх Кирилл, представители Поместных Православных Церквей, государственные и общественные деятели, дипломатический корпус. Сергей Лавров поздравил участников с праздником и оценил деятельность Русской православной церкви. В частности, он отметил, что на протяжении многих эпох РПЦ своей деятельностью помогает российскому обществу сплотиться вокруг непреходящих ценностей, дабы преодолеть различные политические и социальные катаклизмы, происходящие в мире. В своей речи он обратил внимание на наиболее острые вопросы современности, касающиеся кризиса на Украине, ситуации в Ближневосточном регионе и борьбы

с терроризмом, а также псевдолиберальных ценностей Европы. Министр иностранных дел заявил, что МИД РФ собирается и дальше укреплять взаимоотношения с РПЦ для защиты христиан за рубежом [10].

Проблема массового гонения христиан на Ближнем Востоке рассматривалась и на XXIV заседании Рабочей группы по взаимодействию Русской Православной Церкви и МИД России, состоявшемся 3 декабря 2019 года в Москве в Большом особняке Министерства иностранных дел Российской Федерации. Совместное руководство заседанием приняли на себя председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион и заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Е.С. Иванов. На заседании были рассмотрены вопросы по защите прав верующих в различных регионах мира, а также обсуждались варианты совместного сотрудничества в преодолении гуманитарного кризиса в Сирийской Арабской Республике [7].

Взаимоотношения РПЦ с Поместными Православными Церквями входят в часть церковной повестки дня, касающейся внешних связей и являются одним из направлений международной деятельности Московского Патриархата. Взаимодействие РПЦ с православными зарубежными учреждениями строится на принципах духовного окормления прихожан, свидетельства перед иными странами ценностей русского православия. При этом принимаются во внимание национальные традиции и религиозные особенности страны, где располагается Поместная Церковь. Из истории известно, что Поместные Православные Церкви и иные зарубежные приходы вовлекались в политическую жизнь страны, в которой располагаются и, таким образом, смена политического режима или изменение вектора внешней политики не оставались незамеченными. Данный вопрос касается церковной собственности, которая находится в иных странах, так как ею начинают интересоваться местные правительства, что порой негативно сказывается на положении Православной Церкви. Поскольку Поместные Православные Церкви находятся в разных частях мира, то и их прихожане различаются по национальности. Таким образом, организация деятельности православной церкви в различных странах, является церковной дипломатией. Следовательно, взаимодействие с данными церквями позволяет укреплять отношения между Российской Федерацией и зарубежными странами [13].

Рассмотрим взаимоотношения РПЦ с некоторыми из Автокефальных и Автономных церквей. Первое и самое важное место среди них

занимает Константинопольская православная церковь. Главой Константинопольского Патриархата является Патриарх Варфоломей I. В целом, отношения с Константинопольским Патриархатом весьма напряженные, что связано с расхождением мнений в ряде канонических вопросов. Существует споры по вопросу юрисдикции. С октября 2018 года Русская православная церковь прервала евхаристическое общение с Константинопольским патриархатом. Причиной этому послужили «антиканонические действия Константинопольского патриархата, вступившего в общение с раскольниками на Украине и посягающего на каноническую территорию Русской православной церкви» [2]. В сообществе Поместных Православных Церквей Патриарх Константинопольский обладает первенством чести, но его юрисдикция не распространяется за пределы Константинопольского Патриархата. Это объясняется тем, что существует две эклезиологические модели: католическая (с единым центром) и православная, которая не имеет единого административного центра. Как бы то ни было, Константинопольский патриархат проводит активную деятельность по распространению православия в мире.

Антиохийская православная церковь напрямую связана с современными проблемами в межрелигиозных и международных отношениях, а именно с кризисным положением православных христиан, проживающих на землях Ближнего Востока и Северной Африки. Для урегулирования этой проблемы и привлечения общественного мнения проводятся круглые столы, форумы, семинары, а в 2011 году состоялся визит Патриарха Кирилла на территорию Антиохийского Патриархата. Тема гонения на православных христиан обсуждалась также во время приезда в 2012 году в РПЦ Блаженнейшего Патриарха Александрийского Феодора. 24 мая 2019 года в России состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с главой Американской архиепископии Антиохийского Патриархата архиепископом Нью-Йоркским, митрополитом всей Северной Америки Иосифом и членами сопровождающей его делегации. На данной встрече обсуждались действия Константинопольского патриархата в Украине. Святейший Патриарх Кирилл отметил, что Антиохийская церковь «нередко в критический момент, занимая правильную позицию, вносила свой вклад в сохранение единства Православия» [16]. Глава РПЦ оценил уровень двусторонних отношений между Антиохийской и Русской Православными Церквями как особо высокий.

В июне 2016 года на острове Крит в Греции состоялось очень важное мероприятие, объединившее десять из пятнадцати Поместных

Православных Церквей. Данное мероприятие носит название Всеправославный Собор или же более официально это звучит как Святой и Великий Собор Православной Церкви. Подготовка к Всеправославному Собору заняла около пятидесяти лет, однако в последний момент от участия оказалась Русская православная церковь, а также Грузинская, Антиохийская, Сербская, и Болгарская. Причиной этому послужило несогласие с повесткой дня. Таким образом, Священный Синод постановил, что данная конференция не может рассматриваться именно как Всеправославное собрание, и документы, которые были приняты по его итогам, не отражают мнение всего православного мира.

Вопросы, рассматриваемые на Всеправославном Соборе, не включали в себя положения об изменении каких-либо догматов или канонических правил. В основном, они касались роли, которую занимает Православная Церковь в современном мире, взаимоотношения с иными конфессиями и современным обществом. Однако некоторые богословы, в том числе и представители Русской православной церкви, обнаружили некую двоякость формулировок предлагаемых на Соборе постановлений, но не захотели собирать по данному вопросу отдельное собрание, поэтому просто отказались от участия.

В основном на Всеправославном Соборе обсуждалось шесть тем, и были приняты итоги по каждой из них. Самой важной темой считается отношение Православной Церкви с иным христианским миром. Диалог с иными конфессиями не должен рассматриваться как отступление от православной веры. В первую очередь это касается участия Православной Церкви во Всемирном Совете Церквей, где она не признает равенства всех конфессий и не готова пойти на компромисс и принять объединение всех христианской Церквей [4, с. 90].

Что касается роли Православной Церкви в современном мире, то главы Поместных Православных Церквей пришли к выводу о необходимости приложения всех усилий для защиты человеческой жизни в современных политических условиях. Участники собора осудили военные действия, происходящие в мире, и выразили обеспокоенность гонениями на христиан. Это является угрозой не только для межрелигиозных, но и для международных отношений в целом.

Очень важным именно для Поместных Православных Церквей стало обсуждение вопроса о православной диаспоре, проживающей в различных уголках мира. Согласно канонам православной церкви, в каждом месте, где присутствует православный приход, должен быть свой епископ. Пока что такое невозможно, поэтому для Церквей в США, Канаде, Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии

и Океании создано специальное Европейское Собрание, которое отражает единство Православной Церкви и оказывает поддержку православным общинам в этих регионах.

Были рассмотрены также внутрицерковные вопросы, касающиеся брака и важности соблюдения поста, особенно в настоящее время. Важно отметить, что именно положение о возможности брака между православными и представителями иных конфессий, вынесенное на обсуждение Собора, вызвало основной протест и последующий отказ от участия пяти Поместных Православных Церквей. Был также рассмотрен вопрос о пути предоставления автономии какой-либо православной общине, если для этого существуют все необходимые церковные и канонические предпосылки [8].

Отношение Русской православной церкви к постановлениям, принятым на Всеправославном Соборе нельзя назвать отрицательным. Несмотря на то, что собор на Крите не признается, как Всеправославный, все же он рассматривается РПЦ как важное событие в истории Поместных Православных Церквей, и что такой принцип всеправославного консенсуса является основой для взаимного сотрудничества. В свою очередь, участники Всеправославного Собора считают обязательным исполнение всеми Православными Церквями, даже, если они не участвовали, тех решений, которые были приняты. По большинству пунктов Русская православная Церковь согласна с мнением Всеправославного собора, однако некоторые формулировки и положения рассматриваются как неточные или устаревшие.

26 февраля 2020 года в столице Иордании городе Аммане состоялось собрание Предстоятелей и делегаций Поместных Православных Церквей. Проведение данной встречи было инициировано Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским Феофилом III с целью обсуждения ситуации в межцерковных отношениях и вопросов сохранения православного единства. В собрании приняли участие Блаженнейший Патриарх Феофил, представители Русской, Сербской, Румынской и Польской Православных Церквей, а также Чешских земель и Словакии. В составе официальной делегации Русской православной церкви – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, заместитель председателя ОВЦС протоиерей Николай Балашов, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Александр (Елисов), председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда. На

встрече обсуждались вопросы, касающиеся угрозы разделения Православной Церкви, раскола в Украине и опасных процессов на канонической территории Сербского Патриархата – в Северной Македонии, в Черногории. Результатом встречи стало составление текста итогового пресс-релиза, где были отмечены конкретные проблемы, перед которыми стоит Православие в настоящее время. По итогу было принято решение о проведении новой встречи в 2020 году [11].

Что касается Автономных Православных Церквей, то, в качестве примера, рассмотрим отношения между Русской православной церковью и Автономными Церквями Японии и Китая.

Автономная Японская православная церковь находится в составе Московского Патриархата. Представительство Московского Патриархата располагается в Токио и осуществляет свою деятельность с 1970 года. Там же действуют Храм в честь святого благоверного князя Александра Невского и Токийский Никольский домовый храм подворья Русской Православной Церкви. В префектуре Тиба находится женский монастырь Святой Софии. Собор Воскресения Христова в Токио является кафедральным храмом и резиденцией, при нем действует православная семинария. Этот Собор был построен в честь Николая Касаткина, основателя Православной церкви в Японии. Постоянно издается православный журнал «Сэйкё Дзихо», что переводится как «Православный Вестник». В Японии также действует общество православной молодежи и сестричество [17].

Автономная Китайская православная церковь, как и Японская, входит в состав Московского Патриархата. Священники из России совершают Богослужения при дипломатических представительствах в Пекине и Шанхае. Что касается последнего, то в Шанхае каждое воскресенье, а также на великие праздники, проводятся Богослужения или в Храме Святителя Николая Чудотворца, или при консульстве РФ. Действуют приходы в Гонконге, где регулярно совершаются богослужения, а также в Шэньчжэне и Гуанчжоу. В 2013 году Святейший Патриарх Кирилл посетил приходы православной церкви в Китае. В ходе этого визита состоялась встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и иными государственными деятелями. Патриархом Кириллом были проведены богослужения в Пекине, Шанхае и Харбине, после чего он пообщался с православными верующими, проживающими в Китае. Итогом данного визита стала презентация Патриархом Кириллом своей книги «Свобода и ответственность», переведенной на китайский язык [1].

По итогу всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Отдел внешних церковных связей, организационно сопровождающий международную деятельность Русской православной церкви, а также лично сам Патриарх Кирилл проводят активную деятельность по взаимодействию с правительством Российской Федерации на внутригосударственном уровне, и с Поместными и Автономными Православными Церквями на международном уровне. Также Секретариаты ОВЦС по межрелигиозным отношениям и по делам дальнего зарубежья координируют взаимодействие Русской православной церкви с нехристианскими Церквями, международными организациями и нерелигиозными структурами.

Источники и литература

1. Визит Святейшего Патриарха Кирилла в Китай // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2960004.html>
2. Журналы заседания Священного Синода от 14 сентября 2018 года // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5268260.html>
3. Журналы заседания Священного Синода от 24 декабря 2015 года // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4304773.html>
4. *Иларион, митрополит Волоколамский*. Об итогах Соборания Предстоятелей в Шамбези и Всеправославном Соборе / Митрополит Волоколамский Иларион // Церковь и время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2016. – № 1 (74). – С. 84–97.
5. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси*. Выступление в Дипломатической академии МИД РФ / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Православие.ru // URL: <http://www.pravoslavie.ru/79087.html> (дата обращения: 02.04.2020).
6. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси*. Доклад на Архиерейском совещании / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Церковь и время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2010. – № 1 (50). – С. 5–54.
7. О XXIV заседании Рабочей группы по взаимодействию МИД России и Русской Православной Церкви // Министерство иностранных дел Российской Федерации // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3929770
8. *Осипов А.И.* Критский собор 2016 // URL: <https://alexey-osipov.ru/books-and-publications/intervyu/kritskiy-sobor-2016-radio-radonej/> (дата обращения: 03.04.2020).
9. Отдел внешних церковных связей (ОВЦС) // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/52719.html>
10. Предстоятель Русской Православной Церкви принял участие в Пасхальном приеме в Министерстве иностранных дел // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5437816.html> (дата обращения: 02.04.2020).
11. Святейший Патриарх Кирилл принял участие во встрече Предстоятелей и делегаций Поместных Православных Церквей в Аммане // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5597933.html>

12. Секретариат по делам дальнего зарубежья Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата // Отдел внешних церковных связей // URL: <https://mospat.ru/ru/department/secretary-2/>

13. Секретариат по межправославным отношениям // Отдел внешних церковных связей // URL: <https://mospat.ru/ru/department/orthodox-connections/> (дата обращения: 02.04.2020).

14. Секретариат по межрелигиозным отношениям Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата // Отдел внешних церковных связей // URL: <https://mospat.ru/ru/department/interrel/> (дата обращения: 02.04.2020).

15. Секретариат по межхристианским отношениям Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата // Отдел внешних церковных связей // URL: <https://mospat.ru/ru/department/sekretariat-3/> (дата обращения: 02.04.2020).

16. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с главой Американской архиепископии Антиохийского Патриархата // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5440517.html>

17. Японская Автономная Православная Церковь // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/81248.html>

А.Н. Пашков*

DOI: 10.25839/u4221-3464-9425-a

Анализ опыта деятельности Комиссии по вопросам религиозных объединений в г. Владивосток

В статье рассматривается опыт деятельности комиссии по вопросам религиозных объединений в г. Владивосток. Данная комиссия была создана в 2017 году и продолжает свою деятельность. Актуальность работы заключается в сложной религиозной ситуации во Владивостоке и фактическом отсутствии регулирования межрелигиозных отношений. Мы пришли к выводу, что деятельность комиссии недостаточно эффективна и предложили способы выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *религия, комиссия, Дальний Восток, отношения, государство.*

Analysis of the experience of the Commission on religious associations in Vladivostok

The article describes the experience of the commission on religious associations in Vladivostok. This commission was created in 2017 and continues its activities. The relevance of the work lies in the emergence of religious situations in Vladivostok and the actual

* **Пашков Андрей Николаевич**, студент Дальневосточного Федерального университета (г. Владивосток, Россия). Научный руководитель – **Бубнов Евгений Сергеевич**, доцент кафедры теологии Дальневосточного федерального университета, к. филос. н., доцент (г. Владивосток, Россия).

Pashkov Andrey Nikolaevich, student of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). Scientific adviser – **Bubnov Evgeny Sergeevich**, Associate Professor of the Department of Theology of the Far Eastern Federal University, Ph.D. D., associate professor (Vladivostok, Russia).

regulation of interreligious relations. We concluded that the activities of the commission are not sufficiently effective and proposed.

Keywords: *religion, commission, Far East, relations, state.*

Российская Федерация является многонациональной и многоконфессиональной страной. На данный момент Конституцией России гарантируется свобода совести и вероисповедания каждому гражданину страны [5, ст. 28]. Поэтому, ссылаясь на социологические и религиозно-ведческие исследования, мы можем констатировать наличие большого количества официально зарегистрированных религиозных организаций – будь то мировые религии или же “пародийные”.

В зависимости от региона религиозная ситуация разнится: где-то преобладают представители РПЦ, где-то буддизма, а где-то и протестантизма. С точки зрения конфессионального разнообразия Владивосток является уникальным городом. В нем сосуществуют Русская православная церковь (Московский патриархат), акефальная (автономная) Дальневосточная епархия РПЦЗ, старообрядчество, Армянская апостольская церковь.

В 1990-е годы возродились католическая и лютеранская общины. Число их прихожан невелико. В городе действуют пять баптистских, адвентистская, методистская, а также пятидесятнические, пресвитерианские, харизматические и другие христианские общины. Также представлены мормоны, иудеи, мусульмане, кришнаиты [1, с. 420–434].

Периодически появляются свидетельства существования в городе религиозных групп саентологов, кедрозвонов, бахаи, неоязычников и других так называемых «новых религиозных движений». В последнее время активизировались представители организации “Аллатра”. Такое разнообразие представляет большой интерес для исследователей религии и служит платформой для развития государственно-конфессиональных отношений.

В современной России нередко возникают конфликты и разногласия на религиозной почве. Для урегулирования подобных ситуаций предусмотрены соответствующие статьи в законодательстве. Но их наличие не может обеспечить предотвращение конфликтов в полной мере.

Одним из наиболее эффективных средств для разрешения таких ситуаций являются площадки, на которых представители религиозных организаций, администрации города, а также общественность могут обсуждать возникающие вопросы.

Во Владивостоке подобным органом является Комиссия по вопросам религиозных объединений. Мы предлагаем рассмотреть опыт ее работы и оценить эффективность. Данная Комиссия была создана в 2017 году на основании Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4]. Она является коллегиальным органом, образованным в целях обеспечения взаимодействия территориальных органов, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти Приморского края, органов местного самоуправления муниципальных образований Приморского края, иных организаций и учреждений с религиозными объединениями.

Основной задачей Комиссии является содействие органам государственной власти Приморского края в реализации государственной политики в области прав граждан и религиозных объединений на свободу совести и свободу вероисповедания, содействие развитию государственно-конфессиональных отношений и межрелигиозному диалогу в интересах консолидации общества на территории Приморского края [2].

Комиссия осуществляет следующие функции:

- оказание консультативной, информационной и методической помощи органам государственной власти и местного самоуправления Приморского края в целях развития и укрепления государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений;

- организация и проведение мониторинга, анализ ситуации в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, выработка предложений и рекомендаций по организации работы в части предупреждения межконфессиональных конфликтов в Приморском крае;

- выработка предложений по корректировке правовых актов по вопросам государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений;

- систематизация, обобщение и распространение позитивного опыта по взаимодействию органов государственной власти, муниципальных образований и религиозных объединений в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений;

- привлечение по согласованию специалистов образовательных организаций высшего образования, расположенных на территории Приморского края, для проведения организационно-методической работы по сбору и обобщению религиозоведческой информации.

Данная комиссия осуществляет свою работу на протяжении четырех лет, но в общем доступе мы не смогли обнаружить полную информацию о ее деятельности за исключением редких информационных сообщений о заседании комиссии на новостных ресурсах. После обращения в администрацию города нам были предоставлены повестки и протоколы заседаний за 2017–2019 гг.

Проанализировав данные документы, мы можем констатировать, что деятельность комиссии является недостаточно эффективной в современных условиях. Мы считаем, что для улучшения эффективности необходимо предпринять следующие меры.

1. Обеспечить информационное сопровождение, как предстоящих заседаний, так и прошедших. Это поможет повысить информированность заинтересованных граждан.

2. Возобновить обсуждение организации площадки для межрелигиозного и межэтнического взаимодействия.

3. Пригласить к участию в комиссии представителей религиозных организаций, не представленных в ее составе.

4. Провести опрос представителей религиозных организаций г. Владивосток по правовым проблемам, с которыми они сталкиваются в своей деятельности.

5. Необходимо начать анализировать деятельность органов исполнительной власти в плане административных и уголовных дел, связанных с религией на территории г. Владивосток.

Источники и литература

1. Особенности современной религиозной ситуации на российском Дальнем Востоке. Гражданское общество: опыт Запада и Востока *Civil Society: The Experience of West and East*: материалы междунар. науч.-практ. Семинара (Владивосток, 04-05 ноября 2003 г.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. – 2004. – С. 420–434.

2. Постановление администрации Приморского края № 246-па от 26.06.2017. «О создании комиссии по вопросам религиозных объединений» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/450308050> (дата обращения: 16.03.2020).

3. Протокол заседания комиссии по вопросам религиозных объединений от 10. 01.2019 г. / Департамент внутренней политики Приморского края. – Владивосток, 2019, № 332. – 4 с.

4. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // *Собрание законодательства РФ*. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 333 с.

Церковь, государство и общество: отдельные проблемы взаимодействия

Данная статья посвящена проблемам российских церковно-государственных отношений. Анализируется происходящее ранее и современное состояние, показывает специфику взаимодействия государства и церкви, выявляются принципы, на которые опираются церковь и государство сегодня. Целью данной статьи является рассмотрение отношений, выявление основных направлений взаимодействия между церковью и государством в России в период противоречивых процессов в дореволюционный период, в советское время и на данный период времени, что и является актуальным.

Ключевые слова: государство, Русская Православная Церковь, общество, власть, права человека, модели церковно-государственных отношений.

Church, state and society: individual problems of interaction

The article deals with issues of Russian church and state relationship. It analyzes what is happening earlier and in the modern state, which reflects the principles of interaction between the church and the state today. This article is devoted to examining the relationship between the church and the state in Russia during the period of controversial processes in the pre-revolutionary period, in Soviet times and this period.

Keywords: State, Russian Orthodox Church, society, power, human rights, models of church-state relations.

Вопросы начала взаимодействия церкви и государства в России, как правило, рассматриваются в литературе относительно 988 года – времени правления Святого князя Владимира, когда Киевская Русь приняла христианство.

Представители научного сообщества анализируют процессы взаимоотношений между государством и церковью, исследуя вопросы о том, как религия мотивирует действия в гражданском обществе, используя этнографические, антропологические методы; сравнение религий в отдельно взятом государстве с религиями других стран, приходят к помощи статистических данных, иногда наступают периоды,

* Пруцкой Марк Андреевич, студент 1 курса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия). Научный руководитель – Воротилина Татьяна Викторовна, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, канд. юрид. наук, доцент (г. Ставрополь, Россия).

Prutskoy Mark Andreevich, 1st year student of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). Academic Supervisor - **Tatyana Viktorovna Vorotilina**, Associate Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Cand. jurid. Sciences, Associate Professor (Stavropol, Russia).

когда дискуссии и споры до такой степени активизируются, что такого рода аналогии заслуживают особого внимания не только у политологов, но и у представителей других научных направлений.

Существуют различные модели отношений между религиями и светской политической сферой. Есть страны, в которых государство нейтрально в отношении всех религий на своей территории и представляет им всем равный статус. Вот, например, в скандинавских странах близость между церковью и государством привела к включению деятельности национальных церквей в систему соцобеспечения, однако влияние на политическую сферу для них было ограничено.

Существуют религиозные группы, которые могут выйти из общества и сформировать малые сообщества, чтобы внутри них практиковать «свою истинную» веру, что, по их мнению, защитит их самих и их детей от разрушительного влияния общества.

В работах Кристиана Штекеля описываются три модели религиозно-государственных отношений: модель государственной церкви, модель избирательного сотрудничества и модель отделения церкви от государства [7, с. 195–223].

В политической истории России было, как минимум, два момента, когда между обеими сторонами (церковью и государством) произошли напряженные отношения. Первый раз, когда верх над светской властью пыталась взять церковь (Никон). Второй раз, когда Пётр I обезглавил церковь (ликвидировал патриаршество), осуществил её полное огосударствление. Оба эти процесса закончились не в пользу церковной власти. Но церковь продолжала удерживать свои духовные позиции: «Православие, самодержавие, народность» – официальная политическая доктрина Российской империи, которая сохранила актуальность вплоть до Февральской революции 1917 года.

Пришедшие к власти большевики, пропагандируя атеизм, марксистско-ленинское учение об отмирании государства в будущем, включая и церковь, попытались изолировать религиозные организации от общества, применяя гонения на церковь.

На смену религиозной идеологии пришла коммунистическая. Одним из первых постановлений советской власти стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [10]. Именно в первые годы советской власти уничтожилось огромное количество храмов, церквей, наблюдались массовые гонения на церковных представителей.

В период 40-х годов XX столетия социально-политическая ситуация, сложившаяся в России повлияла на изменение государственной

политики в отношении православной церкви. Патриотические антифашистские позиции в годы Великой Отечественной войны, международная политика сыграли немалую роль, так как союзники поставили обязательным условием открытия Второго фронта либерализацию церковной жизни в СССР. В 1943 году, в Кремле состоялась встреча И. Сталина с духовенством, в ходе которой церкви гарантировалась поддержка государства во всех вопросах, и при Правительстве СССР был создан Совет по делам с Русской православной церкви.

Начался процесс открытия храмов, монастырей, восстановления духовных школ, возобновилось издание церковной литературы.

Но в 50-е годы политика государства в отношении церкви опять ужесточилась, и постепенное возрождение интереса к религии значительной части российских граждан было отмечено только в 1970–1980 годы. Официальная дата начала изменений церковно-государственных отношений – это встреча членов Священного Синода православной церкви с М.С. Горбачёвым в 1988 году, приуроченная к празднованию 1000-летия крещения Руси [8].

С этого времени начался процесс активного возвращения церковных святынь, храмов, монастырей, отмечается также прямое бюджетное финансирование со стороны государства. Материально обеспечивались строительство, ремонт, реставрация церквей. Государство на протяжении 90-х годов предоставляла различные льготы церковным организациям. Заключались договоры о предоставлении церкви возможности присутствия в армии, милиции, в некоторых государственных учреждениях. Церковь допустили в образовательную сферу (в виде православных гимназий, факультативов). На законодательном уровне религиозные объединения получили право преподавать историю мировых религий, знакомить обучающихся с принципами религиозного воспитания в любых дошкольных и учебных заведениях. Происходило постепенное восстановление единой системы религиозного образования.

Начиная с 1990-х годов государственные и муниципальные музеи принимают активное участие в популяризации культуры православия, регулярно проводятся выставки по истории, искусству, книгопечатанию, рассказывающие о православии. С 1993 года проводятся Рождественские чтения, форумы. На пике перестройки советское правительство приняло закон о религиозных организациях, приблизивший страну к полному отделению церкви от государства. Данный закон запрещал введение государственной религии и отвергал любое право государства на вмешательство в религиозные дела. Церквям и другим религиозным

организациям было разрешено свободно проводить богослужения и заниматься миссионерской деятельностью, владеть собственностью, открывать школы и семинарии, издавать религиозную литературу.

Возникающие проблемы во взаимодействии церкви и государства на сегодняшний день бывают чаще всего из-за плохого функционирования российской юридической системы и особенностей федерального устройства.

Церковь является неотъемлемой частью создаваемого в России гражданского общества, элементом его духовной сферы. Она оказывает влияние и функционирование политических институтов и процессов социума.

На фоне политических разногласий и борьбы, происходящих в обществе, церковь призывает к миру и сотрудничеству людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она не участвует непосредственно в политической деятельности (партии, движения, блоки, союзы и прочие), но принимает активное участие наряду с мирянами и гражданами в выборах, сходах, референдумах. Никто не препятствует участию православных мирян в деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Таким образом, церковь непосредственно может влиять на законодательство, касающееся общественной морали. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ вносит изменения в уголовное и административное законодательство в части противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан [11]. В ходе подготовки и принятия закона об охране здоровья, которым были введены важные изменения в российском законодательстве об абортах, церковь выступала как непосредственный, официальный консультант законодателя. Когда затрагивался и вопрос о демографическом кризисе в России, церковь выступила с предложением о диалоге государственной власти со средствами массовой информации для прояснения позиции церкви по борьбе за здоровье, демографической позицией и программой по защите материнства и детства.

Сегодня российская православная церковь активно осуществляет и свою международную деятельность по следующим направлениям:

- диалог с другими христианскими конфессиями и организациями, представителями иудаизма, буддизма и ислама по вопросам сохранения нравственности в современном мире;

- совместная деятельность церкви с министерствами иностранных дел России, с международными, общественными и межгосударственными организациями ради сохранения мир;

– российская православная церковь имеет своих представителей при ООН и других международных организациях.

В одном из своих выступлений патриарх Кирилл отмечал, что на современном этапе существует «большой запрос на культуру и духовное наследие православия», что население страны ощущает потребность «пробывать в православной культуре и получать знания о ней» [2].

А вот позиция официальной власти: «Мы должны всецело поддерживать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность и должен это делать... Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Мы не собираемся идти по этому пути» [2].

Итак, церковно-государственные отношения в России претерпели много изменений, на основании чего можно сделать вывод:

– современные церковно-государственные отношения можно определить как партнёрские взаимоотношения власти и Русской православной церкви. На основе законодательства и церковных канонов, основными принципами взаимодействия являются автономность, невмешательство в дела друг друга с целью обеспечения политической стабильности общества, укрепления нравственно-духовного здоровья всего российского народа;

– анализ исторических аспектов показывает, что многие проблемы можно решить посредством взаимоотношения церкви с обществом и государством в условиях экономического и политического развития, в созидательной работе на благо России.

Источники и литература

1. *Матияшин, В. Я.* Русская православная церковь в мире / В. Я. Матияшин // *Международная жизнь*. – 2008. – № 12. – С. 51–60.

2. Стенограмма встречи Председателя правительства РФ В. В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных общин России 8 февраля 2012 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html>

3. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

4. Христианская этика и светское право / Основы социальной концепции Русской православной церкви // URL: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=183> (официальный сайт РПЦ).

5. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // URL: <http://mospat.ru/index.php?mid=463>

6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» // URL: <http://www.won.gov.ru/dok/proj/4335/>.

7. Штекль, К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России / К. Штекль // Государство, религия церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 3. – С. 195–223.

8. Встреча Михаила Горбачева с патриархом Пименом. 29 апреля 1988 года // URL: Ed-glezin.livejournal.com/999722.html

9. Полякова, Е.А. Церковно-государственные отношения в России в период 40-х годов XX – начала XXI века / Е.А. Полякова / Вестник МГУКИ. – 2018. – № 3 (83). – С. 38–45.

10. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (утратил силу) // СУ РСФСР. – 1918. – № 18. – Ст. 263.

11. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ г. «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // Российская газета, 2013, 2 июля.

А.А. Роднёнок*

DOI: 10.25839/f8825-9020-5499-t

О содержании идеологической функции современного государства

В статье рассматривается вопрос о неоднозначности выделения среди функций государства идеологической функции в контексте содержания статьи 13 Конституции Российской Федерации. Автор рассматривает правовые формы осуществления идеологической функции государства, и исследуются методы реализации данной функции. В качестве аргументационной части приводятся различные мнения исследователей по данному вопросу.

Ключевые слова: функция государства; идеология; государственная идеология; идеологическая функция государства; правовое государство.

On the content of the ideological function of the modern state

The article raises the question of ambiguity functions of the state allocation of functions in the context of the ideological content of article 13 of the Constitution of the Russian Federation. The author considers the legal forms of the ideological function of the state and the methods of implementing this function. As part of argumentation provides various views of scholars on this issue.

Keywords: state function; ideology; the state ideology; ideological function of the state; legal state.

* **Роднёнок Анастасия Александровна**, студентка 1 курса Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Кузьмин Игорь Александрович**, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Rodnenok Anastasia Alexandrovna, 1nd year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - **Kuzmin Igor Aleksandrovich**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Исторически сложилось, что у каждого государства есть ряд определенных функций, которые оно осуществляет. Речь пойдет о функциях в рамках правового государства. В отечественной теории государства и права функции государства определяются как основные направления его деятельности, в которых выражается его сущность и социальное назначение [8, с. 127]. Иными словами функцию государства можно определить как роль, которую государство выполняет для реализации потребностей общества как системы более высокого уровня организации или интересов составляющих общество классов, социальных групп, отдельных индивидов [2].

Государство, реализуя те или иные функции, тем самым воздействует на общественные процессы и на общество в целом. Таким образом, функции государства образуют своего рода механизм воздействия на различные общественные отношения, которые определяют главные направления его деятельности.

В данной статье речь пойдет о такой функции государства как идеологическая, о ее назначении, роли и особенности. Идеологическая функция – это разнообразные направления деятельности государства в духовной (идеологической) сфере [5, с. 33].

Существует множество мнений по поводу разъяснения данного термина. Так, например, С.Г. Кара-Мурза определяет идеологию как «комплекс идей и концепций, с помощью которых человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе».

В свою очередь А.И. Яковлев утверждает, что «идеологию можно определить как духовно-практическое образование, как совокупность мировоззренческих взглядов и практических действий, направленных на реализацию в жизни интересов и потребностей различных классов и социальных групп» [7, с. 25].

На наш взгляд наиболее точное определение идеологии дает А.И. Клименко, который предлагает под ней применительно к деятельности государства понимать «систему, состоящую из двух подсистем. При этом, первая – это иерархически выстроенное содержание идеологии: идеи, имеющие непосредственное ценностное деятельностно-установочное значение, а вторая – механизм, при помощи которого носитель – транслятор идеологии внедряет положения своей идеологии в общественное сознание и оказывает влияние не только на идеологию (в первом смысле), но и на психологию как на уровне общественного сознания» [4, с. 16].

Идеологическая функция тесно связано с иными функциями государства. Наряду с территорией, суверенитетом идеология является неотъемлемым признаком государства как определенная система взглядов и идей. Важно отметить, что идеология «оправдывает» власть в государстве, легитимирует ее. Посредством создания определенных взглядов, убеждений, мировоззрений у людей на политическую власть в государстве. Позволяет объяснять правомерность издаваемых законов, поскольку легитимность власти является одни из наиболее значимых ее критериев. Законы, будучи не легитимными, т.е. не воспринимаемые населением, вряд ли имеют право на существование в правовом государстве.

Под содержанием идеологической функции, в первую очередь, следует понимать реализацию каких-либо догм, установок путем формирования тех или иных мировоззренческих ценностей.

Так, в статье 67.1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» закрепляется, что Российская Федерация чтит те идеалы, которые были переданы предками, а также признает исторически сложившееся государственное единство [9]. Иными словами, государство признает уже сформированные ценности, которые существовали раньше, и которые сложились в государстве как определенные взгляды, идеи, мировоззрения. Современная идеология народа и государства, на наш взгляд, должна взять лучшее от прошлого, настоящего и будущего.

Также данная статья закрепляет приоритет интересов детей. В ч. 4 ст. 67.1 говорится: «Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [9]. Все это свидетельствует о некой правовой идеологии, которая проявляется в гарантии прав человека на детство, на всестороннее развитие. В данном случае, правовая идеология содержит большой нравственный потенциал, подразумевающий приоритет прав и свобод личности.

Идеологическая функция государства подразумевает существенное воздействие на общественное сознание, она тесно связана с правовым и политическим сознанием как формами общественного сознания. Рассмотрим основные цели и задачи государственной идеологии для того чтобы понять сущность идеологической функции. Для недопущения ценностного разложения общества, а также для поддер-

жания авторитета, от которого зависит само существование государства, политической власти в этом обществе государство осуществляет идеологическую функцию. Отсюда вытекают следующие наиболее значимые идеологические задачи государства: 1) снятие социальной напряженности; 2) единообразие ценностей 3) сплочение общества; 4) легитимация государственной власти; 5) мобилизация общества для достижения конкретных целей; 6) повышение уровня сознания людей.

Как и любая система, идеологическая имеет свою определенную структуру, включающую следующие элементы: стереотипы; идеи; принципы; различные мифы; упорядоченную доктрину; лозунги, символы, имеющие идеологическое значение; авторитетные мнения и т.д.

Взгляд на идеологию исключительно как на духовное образование в настоящее время априори считается ошибочным. Поскольку идеология – это не только идеи, убеждения, взгляды, это еще и политические решения, законы, концепции, социальные и экономические программы. Иными словами все, что образует понятия «жизнь» и «практика». Однако, необходимо отметить, что духовный элемент все-таки присущ обоим этим понятиям. Грань между идеальным и практическим настолько условна, что ее порой бывает трудно заметить. Так, например, экономическая программа – это не только практика, но и совокупность определенных идей и взглядов.

Практическая важность идеологии определяется, прежде всего, исполнением значимых социальных функций. Так Т. Парсонс, представитель американской социологической теории, считал, что «идеология – это политическая религия». Исходя из этого, Толкотт выделил такую идеологическую функцию как защита стабильности институциональных ценностей.

Американский социолог Н. Смелзер в качестве основных функций идеологии выделяет следующие: 1) ослабление социальной напряженности, когда люди осознают расхождение между провозглашаемыми ценностями и реальными условиями своей жизни; 2) защита интересов различных социальных групп; 3) придание значения деятельности людей.

В свою очередь А.К. Уледов, специалист по социальной философии и социальной психологии, отмечает наличие таких функций идеологии, как: познавательная, оценочная, прогнозирования, мировоззренческая, функция передачи социального опыта, защиты и обоснования социальных интересов. В защите и обосновании социальных интересов он видел наиболее значимое значение [6].

Немаловажное значение имеет идеологическая подфункция, она проявляется в соотношении идеологии с социальным обеспечением. Она влияет на сущность и характер мировоззрений различных слоев населения на стороне жизни и на социальное обеспечение. Поскольку результативное социальное обеспечение укрепляет доверие граждан к государству.

Идеологическая функция реализуется посредством определенных форм и методов. К ним относят такие правовые формы как правотворческая, правоисполнительная и правоохранительная.

Правотворческая форма заключается, прежде всего, в издании нормативно-правовых актов, в которых определяются основные принципы взаимоотношения власти и общества. Конституция Российской Федерации является важнейшим правовым документом, в котором закреплены положения, определившие содержание идеологической функции. Идеологические принципы закреплены в главе 1 «Основы конституционного строя», в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина, а также в преамбуле [10].

Правоисполнительная форма состоит в деятельности государственных органов всех уровней по исполнению и соблюдению законодательства, созданного в рамках реализации идеологической функции государства. Особенность состоит в том, что идеологические ориентиры и планы в первую очередь соблюдаются государственными органами при издании тех или иных правовых актов. Иными словами государственный орган, принимая тот или иной акт, вынужден оценивать его на предмет соответствия принципам демократии, соблюдения прав и свобод человека.

Правоохранительная форма выражается в установлении ответственности за правонарушения, а также создание эффективного механизма реализации ответственности. За нарушение идеологических установок и основных принципов Конституции Российской Федерации предусматривается уголовная, административная и материальная ответственность. Так, в главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации содержится – «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»; в главе 8 Гражданского кодекса Российской Федерации – «Нематериальные блага и их защита» установлена материальная ответственность за нарушение конституционных принципов.

К методам осуществления идеологической функции относят метод убеждения и метод принуждения.

Поскольку суть идеологической функции заключается в воздействии на сознание людей посредством убеждения, основным методом

осуществления данной функции является метод убеждения. Идеологические установки выражены, прежде всего, в нормах-принципах, под которыми понимаются «наиболее обобщенные правовые конструкции, выражающие закономерности права, его природу и назначение в социально структурированном обществе» [1, с. 27]. Государство как бы убеждает людей в целесообразности поведения согласно этим принципам.

Еще одним немаловажным средством убеждения является пропаганда. Она обеспечивается посредством распространения идей через СМИ, и имеет своей целью доведение той или иной информации об идеологических установках до общества, а также формирование положительных взглядов, убеждений.

Такой метод как принуждение для идеологической функции не является основным, но, тем не менее, имеет место быть. Метод принуждения реализуется посредством правоприменительных актов и состоит в понуждении субъектов правоотношений к предписанному поведению вопреки их воли. Принуждение связано с признанием незаконными правовых норм, противоречащих идеологическим принципам, которые закреплены в Конституции РФ. В ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации устанавливается принцип ее прямого действия. Таким образом, судьи вправе применять Конституцию Российской Федерации непосредственно при разрешении различных категорий дел. Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет конституционный контроль соблюдения важнейших прав и свобод человека и гражданина, за обеспечением верховенства Конституции Российской Федерации на территории страны.

Таким образом, подводя итог, отметим, что идеология, понимаемая как система ценностей, а более предметно – как определенное мировоззрение, всегда являлась не только предметом деятельности государства любого исторического типа, но и основой этой деятельности.

Рассмотрев идеологическую функцию государства, можно сказать, что любые преобразования в обществе, а также в сфере государственно-правового строительства всегда проводятся на определенной идеологической основе. Такая идеологическая программа необходима для каждого развивающегося государства, чтобы в обществе не накапливалось множество проблем, связанных с ошибками, допущенными в области реформирования государства и его основных институтов. Именно поэтому в современный период для укрепления государственности так важно выработать подходящую разумную государ-

ственно-правовую идеологию, которая бы придавала осмысленный ход проводимым преобразованиям.

С одной стороны, идеология – это своеобразный способ выражения личных и коллективных чувств, верований и желаний, субъективно интерпретированная картина объективной реальности, объединяющая отдельных индивидов и целые социальные группы во времени и в пространстве, а с другой – отображение конкретных социально-экономических, политических и духовных интересов определенных социальных общностей и формулировка способов их реализации в действительности.

Также необходимо подчеркнуть, что идеологическая функция имеет ряд своих особенностей и играет значимую роль в государстве. Формы реализации идеологической функции государства обладают своей спецификой. Главная особенность связана с тем, что воздействие осуществляется на нематериальную, духовную сферу общества. Идеологические положения должны соответствовать целям государства и не ущемлять личные и политические права и свободы граждан. Задача государства состоит в неукоснительном соблюдении и защите идеологических положений. Отметим, что обсуждение темы идеологии и ее роли в государстве и обществе в рамках научных конференций, политических дискуссий имеет место быть, поскольку данная тема изучена далеко не полно в общей теории государства и права.

Источники и литература

1. Баранов, А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования / А. В. Баранов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. – Томск, 2011. – С. 25–27.
2. Дембицкий, А. А. Понятие функции государства: сущность и определение / А. А. Дембицкий // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 4 (60). – С. 236–238.
3. Добрынин, Е. Ю. К вопросу о понимании функции государства / Е. Ю. Добрынин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2007. – № 4. – С. 10–14.
4. Клименко, А. И. Взаимосвязь правового и социалистического сознания в осуществлении идеологической функции государства: дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Клименко. – М., 2005. – 200 с.
5. Пьянов, Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие в 2 ч. – Ч. 1. – Теория государства / Н. А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 290 с.
6. Уледов, А. К. Духовная жизнь общества / А. К. Уледов. – М.: Мысль, 1980. – 271 с.
7. Яковлев, А. И. Государственная идеология / А. И. Яковлев. – Калуга: Облиздат, 2001. – 315 с.

8. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

9. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

А.С. Серый*

DOI: 10.25839/b7731-5251-9138-g

Роль и место религии в процессе общего хода всемирной истории и развития человечества

В статье рассматривается вопрос роли и места религии в процессе общего хода всемирной истории и развития человечества. Описывается круг проблем, связанных с недостаточным уделением этому вопросу внимания, переоценкой или обесцениванием роли религии в процессе развития, а также отсутствием единообразной системы взглядов относительно истории человечества. Наконец, в статье кратко представлена диалектическая модель процесса развития человечества с позиций идеализма, которая, по мнению автора, конкретно отвечает на поставленный вопрос.

Ключевые слова: история, развитие, сознание, мировоззрение, мифология, традиции, религия, иудаизм, философия, христианство, церковь, наука.

The role and place of religion in the overall course of the world history and development of mankind of humanity

The article deals with the role and place of religion in the process of world history and human development. A range of problems related to the lack of attention to this issue, the reassessment or devaluation of the role of religion in development, as well as the lack of a uniform system of views on the history of mankind are described. Finally, the article briefly presents a dialectical model of the process of human development from the perspective of idealism, which, according to the author, specifically answers the question raised.

Keywords: history, development, consciousness, worldview, mythology, traditions, religion, Judaism, philosophy, Christianity, church, science.

Актуальность рассматриваемого вопроса обуславливается имеющимися проблемами – различными трудностями и препятствиями,

* Серый Александр Сергеевич, студент 4 курса Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Шастина Анжелика Размиковна, старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Seryu Alexander Sergeevich, 4th year student of the Baikal State University (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - Shastina Anzhelika Razmikovna, senior lecturer of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of State and Law, Baikal State University (Irkutsk, Russia).

которые возникают на пути нормального течения процесса общего хода истории и развития человечества в политической, экономической, социальной и духовной сферах.

К основным политическим проблемам современности, прежде всего, относятся международный терроризм, угроза локальных войн, а также опасность глобальной войны. В истории прошлого, как и в настоящие дни, подобные проявления, зачастую связаны с проявлениями фанатизма со стороны приверженцев различных вероисповеданий. Российская Федерация с сентября 2015 года по сей день является страной-участницей в боевых действиях против террористических формирований в Сирии, которые осуществляют деятельность по всему миру, оправдывая ее преступный характер своим пониманием определенных религиозных идей и заявляя о «религиозном» характере целей своей деятельности.

Говоря о политике, следует также особо отметить правотворчество, как одно из основных направлений государственной деятельности. Несмотря на эволюционно значимую историческую взаимосвязь между религиозным мировоззрением и появлением права, сегодня этому не уделяется должного внимания. Для нашей страны (правопреемницы СССР, где господствовала светская идеология), наиболее актуальна проблема неэффективности правовых решений, которая проявляется, например, в разнице между понятиями «законность» и «справедливость», а также в разнице между, казалось бы, четко проработанной в рамках юриспруденции теорией и реальной практикой правоприменения.

Экономическая сфера жизнедеятельности человека в настоящее время характеризуется существованием проблем, связанных с истощением ресурсов, безработицей, бедностью, голодом, болезнями, а также разделением мира на полюса экономического развития. Вышперечисленное, является одним из факторов образования политических конфликтов, которые, как уже было сказано, зачастую, проводятся «под знаменем» религии.

Стоит также упомянуть о пропорциональности отношения доходов верующих людей различных религиозных направлений в различных странах к соответствующим показателям темпов экономического роста. Экономического успеха добивались преимущественно такие государства, в которых благодаря религии создавался благоприятный нравственный фон, формировалась трудовая этика, нормы морали, стимулировавшие экономическую деятельность. Что касается нашей страны, можно отметить, что народная этика, основанная на религиозных предпосылках, в советский период была, по существу, уничто-

жена, а новой этики, исходящей из нерелигиозных мотивов в полной мере создать не удалось. Трудовая активность, во многом поддерживавшаяся командно-административными методами и общественным энтузиазмом, имеет преходящий характер, (что продемонстрировала история СССР). Сегодня особенно актуальна задача восстановления трудовой этики, что способствует окончательному переходу к рыночным отношениям [5, с. 111].

Также, следует выделить факт преобладания капиталистической модели в мировой экономике, которая является продолжением материалистической концепции в философии, (противоположной идеализму, лежащего в основе религии). При капитализме – у одних доход растет, за счет того, что реальный доход других постоянно снижается. Так, увеличивается социальное неравенство и появляется класс людей, не имеющих полноценно социальных прав и гарантий. Увеличивается разрыв между слоями населения, государствами по критерию экономической развитости. В подобной системе нет иной направленности развития и смысла жизни, кроме как приумножать капитал и тем самым улучшать благосостояние. Это, в свою очередь, определяет наличие проблем в социальной и духовной сферах жизнедеятельности, к которым относятся: деградация массовой культуры; разложение уровня нравственности и социальной ответственности; преступность; рост безграмотности; наркомания; деградация института семьи; снижение демографического роста; увеличение смертности; ослабление связей между поколениями и так далее.

Особо следует выделить: утрату представителями различных вероисповеданий стремления объективно искать истину, развиваться в познаниях, объединять людей – в угоду личной выгоде или чувствам. На социально-политическом уровне это приводит к появлению экстремизма, разжиганию ненависти и розни, оскорблениям чувств и так далее.

Вопрос места и роли религии в процессе общего хода всемирной истории и развития человечества, помимо существования перечисленных выше проблем, является актуальным также в силу дискуссионности его характера.

История эволюции человечества идет по пути глобализации, ведь люди постоянно объединялись, чтобы выжить. Но, несмотря на это, суровая реальность такова, что человеческое сообщество XXI века сильно разобщено. Религия когда-то выполняла эволюционную роль обеспечения потребности человека в единстве, однако, в том виде, котором она существует и преподносится сегодня, не выполняет своей

функции. Развелось большое количество «церковных организаций» (учения, приверженцами и распространителями которых они себя заявляют, давно выродились и подменились традициями, утратив свой первоначальный смысл и вектор развития). Постоянно появляются новые конфессии, течения, учения, которые противоречат одно другому и каждое из которых претендует на исключительность в вопросе толкования того, «что есть истина».

Наука, в свое время противопоставившая себя религии, как наиболее совершенный способ познания окружающего мира и инструмент прогресса – в своей среде также неоднородна. В научной среде постоянно появляется все больше различных течений и учений, представители каждого из которых продвигают «уникальные» идеи, определения понятий, модели развития и решения проблем, противопоставляя свои гипотезы и теории другим.

Главная проблема, таким образом, заключается в отсутствии: во-первых, единообразного понимания природы самих проблем, а во-вторых, общих моделей их решения. Люди отказываются рассматривать все в неразрывном единстве и диалектической взаимосвязи. И начинается всем известное Тургеневское явление «Отцы и дети», где происходит столкновение «консерваторства» и «новаторства». Происходит постоянное противопоставление открывающегося «нового» имеющемуся «старому», и наоборот. Наука противопоставляет себя религии, религия – науке, тогда как их эволюционная природа одинакова, каждая из них занимает конкретное место и выполняет, несомненно, важную роль в процессе общего хода всемирной истории и развитии человечества.

Такое противостояние давно требует того, чтобы была сформирована общая система взглядов на историю человечества, в которой роль и место религии, зачастую либо переоцениваемые, либо же обесцениваемые – стали на свои места.

В окружающем нас мире все единообразно и взаимосвязано. От ядра атома и до самой большой галактики, (от микроуровня, до макроуровня), во Вселенной все движется и подвержено изменениям, связанным с переходом от одного качества, состояния к другому. Главной характеристикой, формой и условием протекания любых (физических, химических, геологических, биологических, психических, исторических, и т.д.) процессов в окружающем нас мире – является общая величина, называемая временем. Каждый человек соподчиненно является: частью Вселенной, частью природы, частью живой природы, частью человечества, (под которым понимается вся совокупность пред-

ставителей биологического вида *Homo sapiens* – человек разумный). В этом плане, история человечества представляет собой процесс, подвластный всеобщему закону времени.

Учитывая взаимосвязь понятий «время» и «история», (где время, главным образом, характеризуется такими свойствами, как длительность и направленность), под историей человечества следует понимать – длящийся процесс восхождения и поступательного развития от низшего к высшему, характеризующийся периодичностью (т.е. данный процесс условно можно разделить на стадии, последовательно сменяющие друг друга) и временной упорядоченностью (т.е. данный процесс подчиняется «закону причины и следствия», согласно которому эпоха настоящего является «следствием» эпох прошлого и «причиной» для эпох будущих).

Данные положения, следует рассматривать в качестве единой основы дальнейшего исследования вопроса, касающегося места и роли религии в процессе общего хода истории и развития человечества.

Следующим шагом, будет являться представление периодизации истории человечества отличным от традиционно-научных способов, основанных на «материалистических» концепциях, которые не способствуют решению вышеперечисленных проблем. Развитие человечества обычно рассматривается по-капиталистически в контексте категорий материальных (в частности, экономических явлений). Вопреки этому, далее процесс общего хода всемирной истории и развития человечества будет представлен в зависимости от идеальных категорий «сознание» и «мировоззрение».

Здесь, уместно привести определение термина «сознание», данное американским ученым физиком-теоретиком Митио Каку в книге «Будущее разума» [3], который предложил под этим словом понимать совокупность обратных связей, необходимых для корректировки статического состояния объекта по отношению к окружающему миру. Другими словами, если, рассматривать сознание как физическую величину, то уровень развитости объекта пропорционален количеству этих «обратных связей», позволяющих воспринимать и обрабатывать определенное количество информации.

Наличие сознания, таким образом, как средства восприятия и обработки информации (в том числе с целью ее передачи), характерно всем существующим на планете представителям живой природы. Говоря о представителях вида *Homo sapiens* (человек разумный), стоит отметить количественно большее число «обратных связей» по сравнению с эволюционно предшествовавшими ему видами. Благодаря чему

именно человек оказался наиболее приспособленным для выживания и в конечном итоге стал доминировать перед подобными себе по физическим данным видами. Это и находит свое качественное отражение в преимуществе человека: перед обычными растениями, которые имеют набор определенных параметров, необходимых лишь для восприятия и обработки информации о температуре, влажности, освещении и так далее; перед видами животных, которым доступна возможность воспринимать и обрабатывать информацию о местоположении в пространстве, а также способность передавать информацию в виде сигналов из мозга к конечностям, чтобы передвигаться; наконец, перед видами животного мира, к которым относятся древнейшие приматы человекообразных обезьян (наши так называемые «предки»), которые в ходе эволюции обрели навык восприятия и обработки информации, связанной с развитием ориентации в среде себе подобных (т.е. стали взаимодействовать внутри вида друг с другом, жить коллективно, и объединяться в группы с определенной внутренней иерархией и примитивным разделением функций). Наличие всех этих способностей, в совокупности, является характеристикой первого этапа в рассматриваемом нами процессе общего хода всемирной истории и развития человечества.

Второй этап развития тесно связан с появлением в животной среде вида, представители которого способны воспринимать и обрабатывать информацию в контексте прошлого, настоящего и будущего, а соответственно с развитием у них способности ориентироваться во времени. Другими словами, человек способен осознавать и анализировать определенные закономерности прошлого, представлять в воображении определенный желаемый результат на будущее, составлять план по его достижению и следовать этой цели, а не руководствоваться в своей деятельности только лишь инстинктами. Этот этап характеризуется выделением вида *Homo Sapiens* (человек разумный), к которому относится сегодня каждый из нас.

Здесь же, у человека начинает формироваться мировоззрение. Последнее определяется как – система взглядов, образных представлений об окружающем нас мире [2, с. 545] и месте в нем человека, общее отношение к действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами позиции, убеждения, идеалы, принципы деятельности и познания, ценностные ориентации. Мировоззрение придает деятельности человека осмысленный, организованный и целенаправленный характер.

Переход к третьему этапу развития, связан с появлением речи и созданием (языка) определенной системы звуков, отдельные из ко-

торых или их сочетания являлись бы отражением некоего определенного образа. Это лежит в основе появления мифологического типа мировоззрения, которое, по сути, является выражением «детской» эпохи человечества и соответствует первобытной эпохе.

Миф, в буквальном переводе с греческого языка, это – слово, рассказ, сказание [2, с. 546] или речь. Человек на этом этапе уже понимает, что каждый процесс и событие в окружающем его мире – является «следствием» определенной «причины». Так, появились первые сказания и верования в духов и богов, которым приписывались любые следствия в виде явлений, причины которых были невидимы и непонятны (гром, молния, извержение вулкана, ветер и так далее).

Мифологическое мировоззрение представляет собой взгляд на действительность, основанный на образных представлениях, а также их пересказах. Суть мифа состоит в попытке образным языком, (понятным и интересным даже детям), передать какие-либо истории из прошлого или же определенные взгляды и представления на то, что есть в действительности, затем сделать из этого какие-либо выводы для принятия решений в целях будущего выживания и организации эффективной деятельности. Соответственно, главным в мифе выступает вовсе не буквальное соответствие объективной реальности и исторической действительности, но его содержание и смысл того, что скрыто за тем или иным образом (вывод, поучение, побуждающие действовать так или иначе).

Четвертый этап развития связывается с появлением мировоззрения традиционного. Этимология слова «традиции» уходит в латинский язык и в буквальном переводе означает «предание», «обычай», «передача» [2, с. 1337]. Происхождение слова также связано с латинским «tradere» – передавать. Появление мифов было связано с появлением речи, как уникального способа передачи информации. Традиционный тип мировоззрения является продолжением мифологического. Производной информацией от мифологического типа мировосприятия, например, здесь выступают различные суеверия, ритуалы, обряды, различные мудрости, песнопения и так далее. Все это связано с тем, что происходило у людей в настоящем времени, в обыденной жизни (приятие еды, похороны, свадьбы, прием у правителя и тому подобное).

Традиционный тип мировоззрения представляет собой систему взглядов на окружающий мир, сквозь призму определенных особенностей (культурных, национальных), которые проявлялись в повседневной жизни людей. Появление данного типа мировоззрения логично связывать с развитием путей сообщения, обеспечивающих связь

между племенами, государственными образованиями. Любые особенности (культурные, национальные) начинают выделяться лишь на фоне других. В истории человечества это имело место, когда представители различных общностей (с различными мифами, обычаями) начали сталкиваться с другими и определенным образом осуществлять (передачу информации) взаимодействие – либо мирно (в рамках торговли, работорговли, заключения союзов, обмена опытом), либо конфликтуя (примером тому могут послужить завоевания, пленение жителей, уничтожение культурных ценностей). Данному этапу соответствует эпоха мощных взлетов и падений великих языческих цивилизаций Египта, Ассирии, Вавилона, Персии, Греции. На этом этапе, появляется письменность, зачатки права, государственности, которые обуславливают переход к следующему периоду [6, с. 66–68].

Пятый этап развития характеризуется появлением мировоззрения религиозного. Потребность людей в безопасности, является согласно общеизвестной пирамиде потребностей Абрахама Маслоу – является одной из базовых. Наличие огромного количества опасностей, смена господствующих империй, естественное стремление людей при этом выжить – это привело к необходимости объединяться. Соответственно, встал вопрос более эффективного обеспечения единства, сплоченности и передачи информации, чем это осуществлялось ранее (в рамках мифологического и традиционно-обыденного мировоззрения).

Термин «религия», является этимологически производным от латинских слов: «religare» – связывать; «relegere» – возвращаться назад, вспоминать; «religio» – быть благочестивым, совестливым [1, с. 32]. Появление религиозного типа мировоззрения, исходя из буквального понимания смысла термина «религия», решило вопрос потребности: обеспечивать длительную сплоченность (связь, единство) между членами групп; обеспечивать единое понимание памятной информации прошлого, а также создать способ ее хранения и передачи поколениям будущим; обеспечивать порядок и мирное проживание на одной территории в соответствии с четко закрепленными общепринятыми нормативами поведения (нормами морали, правилами, законами).

Образным языком, позаимствованным из мифологии, первопричина всего сущего, любого имеющегося следствия, а в особенности непонятого, неведомого и неподвластного людям, (в области явлений, процессов и событий, как окружающего мира, так и внутренне-го), называлась, как и в язычестве, словом «Бог».

Самой первой религией, в том смысле, о котором выше шла речь, по праву стоит считать иудаизм. Это монотеистическое направление

окончательно сформировалось во время господства Персидской империи и правления царя Артаксеркса, который освободил и позволил израильтянам вернуться на родину из плена, в котором они оказались при правлении Вавилонского царя Навуходоносора. Именно в это время, иудейским деятелем Ездрой, осуществляется активное восстановление культуры, лежащей в основе иудаизма. Основывается он на мифах о сотворении Адама и Евы, о потопе, о Вавилонской башне; на преданиях об Аврааме, Исааке и Иакове (которые считаются родоначальниками иудаизма); на традициях Торы (Законах Моисея); на истории от времен пророка Моисея (освобождения от власти Египта и основании Израильского государства) до Вавилонского пленения.

Примечательно, что имя Бога на древнееврейском языке звучит как «Яхве» и буквально переводится как «Причиняющий быть» (т.е. Тот, кто является причиной всего того, что происходит в будущем). Именно поэтому законам Торы приписывался статус «законов Божьих». Практические выводы, сделанные на основе наблюдения за причинно-следственными связями (закономерностями), источником которых являлись мифы и предания о истории прошлого, древние тексты, своды законов других государств, личный опыт, житейские ситуации в рамках обыденности, – все это закреплялось в качестве правил общеобязательных для членов группы и обеспечивающих будущее народа. Наличие правил означает наличие ответственности за их нарушение. Так возникает необходимость обеспечения правопорядка в группах.

Появляются правители, авторитет и власть которых признаются божественными, как и характер появления законов, соблюдение которых они были призваны обеспечивать. Божественной признавалась природа законов и власти правителей и на более ранних этапах развития (например, при Хаммурапи, Египетских фараонах, правителях Ассирии, Вавилона, Персии), однако религию, как средство обеспечения сплоченности, характеризует именно отказ от языческого многобожия и развитие идей монотеизма. Именно многобожие стоит рассматривать, как причину наличия проблем, обуславливаемых отсутствием единства в сфере взаимодействия индивидов в конкретных группах, а также в сфере взаимодействия одних групп с другими.

Широкое распространение и усовершенствование письменности (системы графических «значков», которые использовались для изображения определенных звуков или их сочетаний с целью передачи информации) привело к появлению в этот период времени первых греческих и еврейских текстов «Священного Писания», в которых по-

колениям будущего передавалась история прошлого, и закреплялись соответствующие законы.

Так, появление речи, письменности, объединение большого количества людей в группы (первые государства), образование зачатков права, власти, а также выделение культурных особенностей на фоне последовательной смены держав на мировой арене – связано с появлением монотеизма и, соответственно, религии.

Шестой этап развития человечества связан с появлением философского мировоззрения. Эволюционно, появление данного типа мировоззрения следует за мифологическим, традиционным и религиозным, которым присвоен исторический период первобытности, период смены культурных пластов языческих цивилизаций, период появления монотеизма. Данный этап связан, преимущественно, с христианским периодом в истории (со времен Греко-Римской античности и до конца эпохи возрождения).

Христианство – это религиозно-философское направление, появившееся в начале нашей эры, на территории Иудеи (в Израиле) во время рассвета господства Римской империи, вскоре после того, как иудейский патриот Йешуа (Иисус), среди части населения, оппозиционно настроенной по отношению к власти Рима, называемый словом «Христос», которое издревле обозначало титул того, кого необходимо уважать, слушать и кому необходимо повиноваться (цари, судьи, вожди, священнослужители, предсказатели и так далее), провозгласил наступление «Царства Божьего», (по примеру Моисея и Ездры, обещавших израильский народ независимостью от господствовавших над ними правлений Египта, Персии). В итоге, Йешуа был арестован и приговорен римским наместником Пилатом к высшей мере уголовного наказания того времени за терроризм и бунт – смерти на кресте.

Исторический фон появления христианства, связан с продолжением эпохи смены господствующих держав. Римская империя, сменив Греческую завоевывала все большие территории. Люди, которые веками оседали на своих территориях, имели свои мифы, свои традиции и культурные особенности, памятники свое национальное право, свою историю, свою религию, оказались под давлением цивилизации, где все было совершенно иным. Борьба против мощнейшей военной машины Римских легионов, была обречена на провал. Естественно, встал вопрос выживания в подобных условиях необратимо меняющейся действительности, а соответственно и нового типа понимания окружающей действительности, соответствующего имеющимся условиям.

Итогом этого стало формирование и распространение идеи, отвечающей на все те же самые извечные вопросы, которые человек пытался найти ранее. Они были связаны с темами смысла жизни, существования идеальной реальности, добра и зла, законности и справедливости, истины, счастья, способов познания, долга и желаний. Эта христианская идея легла в основу формирования универсальной в условиях того времени модели единого общества (частью которого может быть любой человек, независимо от пола, национальности, цвета кожи, прошлого опыта, положения в обществе и так далее) – церкви; общества, которое легко приспосабливается к меняющейся реальности и выживает, несмотря на любые гонения; общество, которое приносит социальную пользу, проповедуя идеи единства, развития, и идеализма (где лучше умереть, остаться бедным, но если стоит выбор перед тем поступить, как хочется или как нужно – поступить правильно).

Основателем христианства, по праву стоит считать апостола Павла – римского гражданина еврейского происхождения, который уникальным образом, представил идею, захватившую спустя определенное время умы всего населения Римской империи (евреев – представителей религиозного типа мировоззрения; греков, римлян и варваров – представителей языческих систем взглядов, основанных на мифологии, традициях и их совокупности), распространившиеся впоследствии по территории всей Европы, и сегодня лежащие в основе современной культуры, европейского искусства и творчества, философии Эпохи Возрождения, определившие появление науки. Народы европеоидной расы во многом обязаны христианству той ведущей ролью, которую признает за ними история, а другие расы обязаны тем, что пробудились к развитию. Сегодня, христианство считается самым многочисленным вероисповеданием по количеству его приверженцев.

Слово «философия» является производным от греческих слов «любовь» и «мудрость» [2, с. 1423]. Современная наука определяет философию, как особую форму познания мира, вырабатывающая систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно-обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности (бытия), познания, существования человека, об отношении человека и мира. Отличительной особенностью этого типа мировоззрения, является постоянное стремление к истине. Философия не останавливается на достигнутом, так как не является совокупностью раз и навсегда готовых знаний. Это открытость к новым подходам и решениям одних

и тем же «вечных вопросов». Универсализм философии заключается в рациональном, объективном, здоровом и критичном рассмотрении мира, выйдя за рамки образных понятий (мифологии), за рамки чьего-то уникального опыта или диктуемые культурными особенностями (традиций), за рамки жестких правил, основанных на абстрактном понимании действительности (религии).

Необходимость распространения философского мировоззрения во многом повлияла на развитие грамотности в сфере написания и чтения книг. Книги являются основным источником философии. Наследия мифологии, традиций, культуры, религии (священные писания), формируются на этом этапе в определенные сборники и помещаются в библиотеки. Так, к слову, появляется современная Библия (от греч. «biblos» – «книги» [4, с. 45]). Новые идеи также записываются, переписываются и активно распространяются, захватывая все большее количество людей. Изначально этот процесс происходит вручную (переписыванием на свитки и листки из пергамента, которые сшиваются в первые книги). Это мастерство (в рамках христианства) развивается в монастырях и церковных школах. Кульминацией процесса можно считать появление печатного станка Гуттенберга и вместе с ним начало эры книгопечатания.

Это характерно для всего периода «христианской истории человечества», начиная со времен Павла, заканчивая Эпохой Возрождения (периодом зарождения науки).

Наконец, последний этап развития человечества, связан с появлением мировоззрения научного. Исторически, эта эпоха характеризуется великими открытиями (в разных научных областях – химии, физике, географии и так далее).

Научной, называется деятельность человека по сбору данных (объективных знаний об окружающей действительности), фактов, их систематизации, а также выработки их толкований. Научное мировоззрение состоит из научных истин, логически доказанных умозаключений, идей, теоретических выводов, вошедших в науку и закрепившихся в качестве научных в результате обработки, обоснования и информации, собираемой человеком на всех этапах его развития. Наука, исходя из этого, является наиболее действенным способом эффективного применения этой информации на практике. Именно благодаря науке, в конечном итоге человечество современности существует в эпоху наиболее развитых технологий (информационных, коммуникационных, компьютерных и так далее) и уже стоит на пороге следующего этапа развития, который, по мнению многих ученых, будет свя-

зан

с созданием искусственного интеллекта.

Итак, вернемся к поставленному вопросу и резюмируем вышесказанное.

Тенденция совершенствования механизмов взаимодействия между церковью (являющейся религиозным институтом), обществом и государством (институтами, которые в настоящее время развиваются преимущественным образом благодаря науке) – является эволюционно необходимой для человечества. И вопрос места и роли религии в процессе общего хода истории и развития человечества, в этом контексте, должен стоять на первом месте.

Религия, в процессе общего хода всемирной истории, поэтапно представленном в данной статье, занимает четко определенное место и характеризует конкретный период и уровень развития человечества. С момента ее появления, она играет несомненную роль в этом процессе и определяет появление всех последующих этапов – является причиной перехода человечества к следующим уровням развития. Эпохи прошлого, как уже говорилось, согласно характеристикам времени, являются причинными к следственным им эпохам настоящего и будущего.

«*Nanos gigantum humeris insidentes*» в переводе с латинского буквально означает «мы стоим на плечах гигантов». Эта метафора обозначает общую формулу преемственности в познании, науке и искусстве, согласно которой: новые достижения опираются на открытия, уже сделанные ранее.

В связи с этим, переоценка и обесценивание роли религии, а также попытка ставить ее не на свое место, говоря о ее влиянии на прогресс и развитие человечества (например, на уровень мифологии или традиций, или же превыше философии и науки) – недопустимы.

Кроме этого, по этимологическому определению, «религия» выполняет функции обеспечения:

- а) сплоченности и единства (связь);
- б) сохранения культурно-исторического наследия прошлого (память);
- в) социального порядка (благочестие, совесть, мораль, правопорядок).

Таким образом, невозможно говорить о религиозности систем существующих взглядов (вероучений, вероисповеданий, идеологий), если их суть не соответствует буквальному определению понятия «религия», и не выполняет вытекающих из этого определения эволюци-

онных функций, которые в совокупности должны обеспечивать развитие, а не «застой» на месте. В лучшем случае подобные системы взглядов носят мифологический характер (выполняют роль поучительных сказаний) или же сугубо традиционный (выполняют роль преданий, ритуалов, обрядов), а в худшем – являются проявлением фанатизма (который как минимум приводит к разжиганию розни, ненависти и конфликтов).

Точно также невозможно говорить о научности систем взглядов (учений, доктрин, выводов, идей), которые не опираются достаточным образом на совокупность всех знаний и достижений, вырабатываемых и достигаемых человечеством на каждом этапе прошлого (т.е. которые отказываются от религии). Иначе говоря, такие системы взглядов лженаучны и если в лучшем случае не решают имеющиеся проблемы (что, как минимум, проявляется, в неэффективности государственной деятельности в сфере правотворчества, обеспечения национальной безопасности и так далее), то в худшем – усугубляют и приводят к появлению утопий (по типу фашистского национализма, основанного на псевдонаучной евгенике).

Именно поэтому, с целью обеспечения нормального течения и прогрессивного развития в процессе общего хода всемирной истории человечества, а также разрешения имеющихся на пути этого процесса проблем:

а) в рамках науки, следует пересмотреть традиционно научные (материалистические) предпосылки к пониманию истории, в которых нет места религии;

б) в рамках идеологий, распространителями которых являются представители различных вероисповеданий, необходимо отказаться от фанатичного консерватизма и «зашоренности» мышления – которые противоречат философии и науке.

Только так представляется возможным совершенствование механизмов взаимодействия церкви, общества и государства, а также разрешение глобальной проблемы отсутствия единства, разобщенности человеческого сообщества, что эволюционно значимо и необходимо для обеспечения безопасности, выживания, прогрессивного развития и будущности.

Источники и литература

1. *Аванесов, С. С.* Философия религии: Курс лекций / С. С. Аванесов. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2003. – 192 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

3. Каку, М. Будущее разума. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 500 с.

4. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя / Под ред. С. Г. Бархударова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

5. Элбакян Е. С., Медведко С. В. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социс. – 2001. – № 8. – С. 103–111.

6. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

П.Н. Ткаченко*

DOI: 10.25839/j1152-2133-5788-h

Право на свободу совести и вероисповедания в Китае в контексте трансформации политического режима

Анализируется проблема реализации прав и свобод человека, прав на свободу вероисповедания в Китае через призму жесткого тоталитарного режима. Рассматривается специфика правового регулирования в сфере свободы совести, основные принципы политики Китая в отношении религии, деятельность религиозных организаций и ограничения на эту деятельность, которые вводятся органами власти.

Ключевые слова: права человека, свобода совести и вероисповедания, религиозная деятельность, тотальный контроль, религиозные организации, религиозный экстремизм.

Right to freedom of conscience and confession in China in the context of political mode transformation

The problem of the realization of human rights and freedoms, the right to freedom of religion in China through the prism of a strict totalitarian regime is analyzed. The article considers the specifics of legal regulation in the field of freedom of conscience, the basic principles of China's policy regarding religion, the activities of religious organizations and the restrictions on this activity, which are introduced by the authorities.

Keywords: human rights, freedom of conscience and religion, religious activity, total control, religious organizations, religious extremism.

Права человека на данный момент занимают центральное место для обсуждения в науке, политике, дипломатии. Ученые, критики,

* **Ткаченко Полина Николаевна**, студентка 1-го курса международно-правового отделения Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Арзуманов Игорь Ашотович**, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Tkachenko Polina Nikolaevna, 1st year student of the International Law Department of the Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

журналисты рассматривают вопросы реализации прав и свобод человека с самых разных позиций: с точки зрения философии и гуманизма, с точки зрения специфики правовой системы определенного государства, с позиции проведения культурной, экономической, социальной политики, в свете борьбы с преступностью и т.д.

Права человека способны решать как внутренние и внешние, так и глобальные задачи. Но проблема в том, что реализуются эти права в разных государствах по-разному. Обычно это зависит, в первую очередь, от того, какой мировоззренческой моделью пользуется та или иная страна, и на каких духовных ценностях она основывается. Допустим, что касается Запада, там человеческие ценности базируются на приоритете прав отдельного индивида, на Востоке же наоборот – государственные интересы обладают приоритетом по отношению к правам отдельной личности. Именно поэтому стоит разобраться, в чем же причина проблемного осуществления конституционных прав граждан.

Данным вопросом интересуются средства массовой информации США, а именно правительственные и неправительственные организации, организации научно-производственных объединений, которые опираются на сведения СМИ самого Китая [8; 9; 10; 11; 20]. Ряд исследований, касаемо политического режима в Китае провели французский китаевед и политолог Жан-Люк Доменак (Jean-Luc Domenach), профессор Высшей школы социальных исследований г. Парижа Ив Ширье (Eve Chevrier), Мишель Боннен (Michel Bonnin), профессор Тюбингенского университета Гюнтер Шуберт (Gunter Shubert), отечественный ученый, доктор исторических наук К.А. Кокарев [13].

Чжан Си, Ху Яньли посвятили свои работы вопросам религии в Китае [18; 19]. А.А. Исаева подняла тему, касающуюся свободы религии в современном Китае [12]. И.А. Арзуманов коснулся идеологических аспектов стран Азии [1, с. 9–17; 5, с. 100–113].

При исследовании проблемы использовались общенаучные методы, а именно историко-правовой (для того, чтобы проследить трансформацию политического режима во времени); анализ (помог выявить особенности, отдельные свойства исследуемых объектов); индукция (для того, чтобы прийти к итогу, общему выводу). Диалектический подход позволил изучить объект в процессе его развития, со всеми происходящими изменениями в состоянии динамики. В рамках диалектического подхода рассматриваются общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства, права и иных государственно-правовых явлений. С помощью него отражается спе-

цифика идеологической сферы общественных отношений [2, с. 44–63]. Культурологический подход поспособствовал изучению систем ценностей, социальной и творческой самореализации людей.

Китай – огромная, многонациональная страна, обладающая необыкновенной историей, удивительной культурой и уникальными традициями. Конституция Китая обеспечивает граждан рядом важнейших прав. Все равны перед законом; имеют право избирать и быть избранным; имеют право на свободу слова, печати, собраний, создания обществ, шествий и демонстраций; свободу вероисповедания; неприкосновенность на личную свободу и человеческое достоинство и др. [21].

Но не только Конституция посвящает свои положения правам и свободам граждан Китая. Белая книга – это официальный документ, который может содержать в себе описание каких-либо решений, государственных сообщений, поясняющие политику. Белая книга также наделяет людей правами и охраняет их [4]. Положение по делам религии четко определяет законные права и интересы народа, места сбора мероприятий, требования к религиозному персоналу [23].

Западные средства массовой информации, а особенно США, утверждают, что в современном Китае права человека не просто нарушаются, но и пренебрегаются властью, игнорируются и блокируются. Чтобы разобраться в этом, нужно обратиться к многовековой истории Китая.

Конфуцианство стало официальной государственной идеологией в период правления династии Хан. В основе учения Конфуция лежат отношения между государством и людьми, между людьми, которые принадлежат к различным слоям общества и в целом между всеми людьми в государстве. Фундамент конфуцианства – правила воспитания человека и гражданина великой державы. Конфуций считал, что первоочередной задачей любого правителя должно быть воспитание человека. Без человеческого фактора невозможно построить мощное государство. Но самым трудным является перевоспитание человека, т.к. в силу собственной лени, он поступает неправильно, не так, как должен поступить, поэтому реформатору необходимо было создать образец поведения, т.е. разработать право, которое бы могло регулировать поведение людей [7].

Считается, что основной проблемой реализации прав и свобод человека в Китае является политический режим. Политический режим трактуется многими учеными как совокупность методов (приемов), способов и средств осуществления государственной власти. Принято разделять виды режимов на демократические и антидемократические

[25, с. 105–106]. Несмотря на то, что Китай провозглашает себя социалистическим государством с демократической диктатурой народа, есть веские причины утверждать, что данной стране соответствует именно антидемократический политический режим.

Антидемократические режимы подразделяют на собственно антидемократические и псевдодемократические. Псевдодемократические политические режимы маскируются под демократию, т.е. создают видимость того, что признают народовластие, фиксируют в документах права и свободы граждан, допускают многопартийность, а на самом деле народ к власти не допускается, а закрепленные в правовых актах свободы граждан не реализуются.

К собственно демократическим относят ряд различных видов режимов, среди которых самыми распространенными являются авторитарный и тоталитарный режимы. Тоталитарный по сравнению с авторитарным является более жесткой формой режима. Существуют некоторые аспекты, по которым можно сравнить эти два режима.

Во-первых, тоталитарный режим полностью отрицает демократию, особенно это характерно для режимов тоталитарного социализма, т.е. для тех, которые выдают себя за демократические, а по существу таковыми не являются. В авторитарном же режиме присутствуют черты демократии.

Во-вторых, в отличие от тоталитарного режима, у авторитарного отсутствует всесторонний контроль над жизнью общества, некоторые сферы жизни иногда могут быть относительно независимыми. Тоталитарный режим, в свою очередь, осуществляет тотальный контроль над всеми сферами общественной жизни.

В-третьих, при тоталитарном режиме устанавливается официальная идеология, а инакомыслие преследуется, и самое главное, что непослушание власти влечет за собой применение методов принуждения, которые проявляются в терроре, насилии и внесудебной расправе. Авторитарный режим допускает определенный плюрализм в области идеологии, а что касается методов принуждения, то как правило, они не применяются. Самый важный аспект состоит в том, что при тоталитарном режиме отсутствует политический плюрализм, оппозиция не допускается, власть находится в руках одной правящей партии. То же самое и с авторитарным режимом: власть в руках диктатора либо правящей партии [16, с. 131–136].

Взгляды ученых в вопросе о политическом режиме Китая расходятся. Политический режим следует рассматривать в качестве составной части политической системы. А политическая система – это явление

ние стабильное и неизменное, что нельзя сказать о политическом режиме, т.к. его следует рассматривать в динамике, потому что он имеет способность изменяться во времени, трансформироваться.

В работе Е.А. Кремнева выделяются разные точки зрения относительно политического режима в Китае. Французский китаевед и политолог Жан-Люк Доменак (Jean-Luc Domenach) рассматривает китайский политический режим как «посттоталитаризм». Он считает, что тоталитарный режим, который был основой государства в прошлом, сыграл свою роль, и эти пережитки не дают уйти Китаю в демократию. По мнению Мишеля Боннена (Michel Bonnin), чтобы определить существующий политический режим в Китае следует применять именно термин «тоталитаризм», потому что, наблюдая за Коммунистической партией Китая, он сделал вывод о том, что правительство пытается осуществлять полный контроль общества, особенно идеологический. Доктор исторических наук К.А. Кокарев рассматривает политический режим как «либерально-авторитарный». Он определяет китайский режим, как уникальную модель, которая сочетает в себе либерализм и авторитаризм [13].

Согласно Конституции Китайской Народной Республики, китайское руководство уважает и соблюдает права человека. Но реализуются ли они на самом деле?

Тоталитарный режим с каждым годом в Китае поддается трансформации, т. е. такому состоянию, за которым неизвестно, что будет дальше. В настоящее время мировые СМИ критикуют политику правительства Китая. И это неудивительно, потому что власти ввели в стране «систему социального кредита» [8]. Система разработана для того, чтобы следить за жизнью каждого гражданина Китая, как в сети, так и в реальной жизни. Все наблюдения о невыплаченных штрафах или нарушенных законах представляют собой «балл честности». Те, кто обладают высоким «баллом честности» и занимают определенное место в социальном рейтинге, обладают рядом привилегий. Они могут получать скидки в магазинах, номера высшего класса в отеле, бесплатный вай-фай.

Чтобы избежать неприятностей и привлечения к ответственности, гражданин элементарно не должен нарушать закон, уплачивать налоги, погашать кредит вовремя. «Баллы» в этой системе за совершенные проступки вычитаются, а место в рейтинге теряется. Китайские власти утверждают, что «система социального кредита» создана никак не для нарушения личной свободы людей, а, наоборот, для воспитания в гражданах таких человеческих качеств, как искренность, порядоч-

ность и здравомыслие. Главная задача этой системы заключается не в том, чтобы внушить страх гражданам, что они полностью подконтрольны, а в том, чтобы они стали более ответственными и действовали в рамках, установленных государством.

Усиленный контроль власть Китая осуществляет не только за жизнью людей в виртуальном мире и их общественными делами, но и за их религиозной деятельностью. Государство может осуществлять всесторонний контроль непосредственно само либо через специальные религиозные организации, которые наблюдают за любой религиозной деятельностью в стране. Чтобы контроль носил тотальный характер, с помощью деятельности этих организаций ограничивается практика иностранных миссионеров и даже религиозных организаций, которые проповедуют признанные государством религии [12].

В Китае установленными и санкционированными государством признаются только пять религий: буддизм, ислам, католицизм, даосизм, протестантизм. Проповедование остальных религий расценивается как незаконное. На данный момент, например, запрещена законом «Христианская церковь уезда Наньлэ» [12, с. 43].

За религиозной деятельностью следят уполномоченные на то должностные лица и проверяют, чтобы все действия религиозной организации и ее сотрудников соответствовали религиозным учениям и концепциям. Ученые отмечают, что свобода вероисповедания состоит в том, чтобы религиозные убеждения соответствовали не только закону, но и интересам правительства и его распоряжениям.

Правовое регулирование в сфере свободы совести в Китае обладает такой чертой, как подконтрольный характер религии. Чтобы сохранить контроль религиозных организаций и их сотрудников, правительство Китая управляет абсолютно всеми сторонами деятельности данных союзов.

Существует несколько правил, в соответствии с которыми государство управляет религиозной деятельностью.

Во-первых, только правительство Китая имеет право создавать, изменять статус и лишать регистрации религиозные организации. Сейчас, чтобы зарегистрировать любую религиозную организацию нужно одобрение Патриотического единого фронта китайского народа [12, с. 47].

Во-вторых, начиная с выбора места и заканчивая строительством, т. е. теми делами, которые важны для деятельности любой организации, осуществляется контроль правительством. Чтобы построить любой храм, монастырь, церковь или мечеть, обязательным является

утверждение отдела по вопросам религии народного правительства Китая на уровне округа. Причем это одобрение должно быть получено до того момента, как начнется само строительство объекта [12, с. 48].

Правительство Китая может не только контролировать строительство религиозных объектов, но и применять по отношению к возведению этих объектов карательные меры. Допустим, существует такая практика, как снятие крестов с церквей или разрушение самих церковных зданий органами государственной власти Китая. Осенью 2019 года власти Китая начали ликвидировать мечети и минареты, так говорится в интернет-издании «Independent» [11]. Взрывать купола и разрушать религиозные объекты начали с деревни около города Линься, где проживает самая многочисленная народность Китая – хуэй. Затем постройки продолжили сносить в Нинся-Хуэйском автономном районе, в районе Внутренняя Монголия, в провинциях Ганьсу и Хэнань. По всей стране законом запрещено использовать арабскую письменность.

В-третьих, правительство Китая самостоятельно выбирает персонал религиозных организаций и управляет им. Назначать на должность или освобождать от нее могут только уполномоченные на то лица, а обо всех действиях они сообщают в Отдел по религиозным вопросам не ниже уровня округа [12, с. 50].

Таким образом, правительство Китая в целях выявления, предотвращения и пресечения правонарушений, осуществляет тотальную деятельность религиозных организаций. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что такие процедуры со стороны государства следует расценивать как ограничение свободы совести и вероисповедания, а также активное вмешательство в дела религиозных организаций и нарушение прав человека и гражданина.

Под особый контроль властей попадают представители национальных меньшинств, особенно уйгуры и тибетцы. Комиссия ООН по правам человека в своем отчете в августе 2018 года сообщила, что около миллиона представителей этнических меньшинств находятся в закрытых лагерях Синьцзян-Уйгурского автономного округа, как утверждает правительство, на перевоспитании. Там китайцев принуждают петь революционные песни, изучать идеи Си Цзиньпина. Те, кто уже прошел «перевоспитание», говорят, что находящиеся там люди подвергается пыткам. Сами же власти утверждают, что это делается для профилактики террористической деятельности [14].

В июне 2019 года была снесена мечеть Керия Айтика [10]. Уйгуры, тибетцы, этнические казахи, которые встали на защиту, находятся в лагерях. Там заключенных избивают, пытаются, заставляют отречься

от ислама. Китайцы народности хуэй после заявления правительства о том, что мечеть построена нелегально и подлежит сносу, начали митинговать, в результате чего погибло более пяти человек. Чтобы разогнать митингующих, полиция использовала слезоточивый газ, дубинки, ножи. По данным самих протестующих, около 50 человек были ранены, а 2 убиты. Сами же местные власти утверждают, что раненых около 5 человек, а убитых вовсе нет.

Что касается христианства, по мнению Коммунистической партии Китая, оно рассматривается как источник распространения идей, которые могут нарушить единство и целостность китайского общества. Особенно это относится к православию.

Незадолго до начала празднования большого традиционного праздника в Китае – Праздника фонарей – власти Китая задержали и обыскали прихожан подпольных христианских церквей. 9 декабря 2018 года лидер одной из крупнейших общин «Церкви раннего дождя» Ван И вместе со своей женой был арестован. Священнику и еще более 100 прихожанам было предъявлено обвинение в подрывной антигосударственной деятельности. Полицейские и чиновники врываются в дома граждан, которые посещали церковь, отбирали Библию, изымали мобильные телефоны. Кто-то из этих людей был посажен на домашний арест, за кем-то установили постоянную слежку [20].

Особое правовое положение в Китае у сектантов. «Еретическое учение Фалуньгун» запрещено во всей стране, а в России книга Ли Хунчжи «Чжуань Фалунь» внесена в Федеральный список экстремистских материалов. Суть этого учения заключается в том, чтобы помочь человеку привести его духовное состояние в порядок с помощью различных физических упражнений и медитации. Но правительство видит в этом ярко-выраженный политико-организационный характер. В отчете под названием «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у практикующих Фалуньгун в Китае» известно, что правительство казнило большое количество людей, практикующих фалуньгун. А их органы, включая почки, печень, роговицу, сердце, были насильно изъяты и проданы иностранцам по очень высоким ценам [15].

Госдеп США летом 2019 года выступил с докладом, в котором китайское правительство снова обвинялось в нарушении прав и свобод граждан. Компартия Китая заявила, что ограничивает права только в том случае, когда угрозе подвергаются интересы государства. Пекин полностью отвергает обвинения, касающиеся дискриминации уйгуров, тибетцев, мусульман. Но по данным религиозных объединений

и СМИ, поступают сообщения даже о том, что действия правительства приводят к смерти людей, насильственному исчезновению, изъятию органов [17].

Также в 2019 году бюро этнических и религиозных дел Гуанчжоу сделало серьезное заявление: оно пообещало выплатить порядка 1500 долларов каждому, кто будет докладывать о готовящейся или уже существующей незаконной религиозной деятельности. Такой способ борьбы, как полагают власти, поможет раскрыть подпольные организации и наказать виновных в их организации. Сотрудники бюро порекомендовали снять иконы с изображением Иисуса и повесить на их место портрет Си Цзиньпина [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правительство КНР боится религиозного экстремизма, который может поспособствовать нарушению политического строя, внутригосударственного уклада, может оказать влияние на мировоззрение людей и подвергнуть общество неуправляемости. Чтобы избежать дестабилизации в стране, влияния иных, неустановленных государством религий, правительству приходится применять жестокие методы расправы к тем, кто не подчиняется власти. Это дает повод утверждать, что политический режим данного государства является недемократическим и больше всего относится к тоталитарному. Поскольку здесь имеет место применение методов принуждения, проявляющихся в массовых репрессиях, жестких наказаниях.

Что касается трансформации политического режима, то можно сказать, что на данный момент за последнее время случаев изъятия органов или смертей не зафиксировано, как это было в прошлые годы. Китай старается вести более демократичную политику в отношении прав и свобод граждан. Главная цель демократии, как известно, – обеспечить и защитить права граждан. Но вопрос не в том обеспечиваются ли они, а в том, как они обеспечиваются, каким образом они реализуются? С одной стороны, власть Китая можно понять, так как они осуществляют государственную деятельность, исходя из принципов нерушимости национальных традиций, с учетом исторических особенностей развития страны. Чтобы не допустить вмешательства в устоявшиеся институты, нарушения внутригосударственных порядков, Китай оберегает эти обычаи, традиции, которые стабильны и уже веками испытаны.

Идеология является мощным регулятором сознания человека, а через сознание можно внушить определенные мысли и идеи относительно чего-либо. Власть боится, что вера и идеология могут оказать

большое влияние на граждан, что в дальнейшем сломает все то, что строилось столетиями. Подтверждение тому – появление культовых организаций, занимавшихся преступной деятельностью в 1980-х годах [23]. Лидеры таких организаций сопротивлялись государственным указам, подстрекали народные массы к свержению правительства. Компартия не готова ни к каким радикальным переменам. С другой стороны, свобода вероисповедания – это конституционная норма, т. е. право, предоставленное государством народу. Это право властью не обеспечивается, а наоборот, наказывается. Со стороны государства такая политика неприемлема.

Сейчас в рамках политического режима происходит относительная либерализация. Китай активно поддерживает международные инициативы в обеспечении мира и прав человека. На данный момент в Тибете проводится более 1700 буддийских мероприятий, а в храмах проживет более 46000 монахов и монахинь. Практически у всех верующих есть залы для Священных Писаний [22]. Китай пытается исправить свои ошибки, и, чтобы избежать напряженной обстановки в обществе, принимает различные Положения, касаемо религии, где призывает общество уважать всех и жить в гармонии. А в свою очередь, правительство обязуется защищать и оберегать религиозные убеждения каждого [23]. Административно-правовые нормы в отношении религии постоянно совершенствуются, поддаются изменениям.

Закон КНР о региональной национальной автономии обещает народу, что власть будет ставить интересы человека превыше всего, обещает стараться способствовать развитию социальной сферы национальных меньшинств [24]. Возможно, власть все-таки придет к выводу, что люди не должны становиться жертвами политических репрессий, а, наоборот, должны взаимодействовать с правящей верхушкой. Это поможет стабилизировать обстановку в государстве, обеспечить безопасность как органам управления, так и населению страны.

Источники и литература

1. *Арзуманов И.А., Личичан О. П.* Культурные ценности как факторы осуществления идеологической функции государства и социально-экономического развития территорий. / Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: материалы Междунар. науч.– практ. конф. Иркутск, 217 мая 2019 г. / [науч. ред. И. А. Арзуманов]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 227 с.
2. *Арзуманов, И.А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ: монография / И.А. Арзуманов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

3. *Афони́на, Л. А.* Китайская модель регулирования религиозной деятельности / Л. А. Афони́на // Центр политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока 2016 г. [Электронный ресурс] // НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА «КИБЕРЛЕНИНКА». – URL: <https://cyberleninka.ru>
4. Белая книга Китая / Религия и свобода совести в Китае / Информационный портал // URL: <http://russian.china.org.cn>
5. Вероисповедная политика России в Восточной Сибири 18–21 вв.: Философско-политический и философско-правовой аспекты: учеб. пособие / И. А. Арзуманов – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 263 с.
6. В Китае обещают денежное вознаграждение за доносы на христиан / Союз православных журналистов // URL: <https://spzh.news/ru/news/61334-v-kitaje-obeshhajut-denezhnoje-voznagrazhdenije-za-donosy-na-khristian>
7. Все о Китае // URL: <https://mychinaexpert.ru/osnovnye-idei-konfucianstva/>
8. Град Инфо Большой китайский брат. Как устроена самая мощная в мире система тотального контроля за населением // URL: <http://guardinfo.online/>
9. Информационный портал «Share America» // URL: <https://share.america.gov/ru/>
10. Информационное агентство России «Islam News» // URL: <https://islamnews.ru/news-Kitajskie-musulmane-pogibli-zashhishhaja-mechet-ot-policii/>
11. Интернет-издание «Independent» // URL: <https://www.independent.co.uk/>
12. *Исаева, А. А.* Свобода религии в Китае и России: современные правовые рамки и система государственных ограничений / А. А. Исаева // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 28. – С. 41–58.
13. *Кремнев Е. А.* Политическая система и политический режим в КНР на современном этапе: подходы к определению / Е. А. Кремнев // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2014. – № 1 (13). – С. 6–11.
14. Мусульмане в Китае // URL: <http://www.islam.ru/pressclub/histori/china>.
15. Об истинной сути еретического учения Фалуныгун. Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге // URL: <http://stpetersburg.chinese-consulate.org/rus/zt/zfbps/>
16. *Пьянов, Н. А.* Теория государства и права: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 528 с.
17. США обвинили Китай в репрессиях против уйгуров // URL: <https://ria.ru/20190924/1559085052.html>
18. *Чжан Си.* Особенности изучения религии в Китае в начале XX века // Вестник СПбГУ. – Сер.17. – 2016. – Вып. 2. – С. 135–140.
19. *Ху Яньли.* Философско-религиозные учения Китая в контексте социокультурной глобализации / Яньли Ху // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 1. – С. 282–286.
20. Русская служба News // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46615341>
21. *中华人民共和国宪法* Конституция КНР // URL: <https://www.spp.gov.cn>
22. *中国宗教概况.国家宗教事务局* Обзор религии Китая // URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/22/content_8406.htm
23. *宗教事务条例* Положение по делам религии // URL: <http://www.gov.cn>

24. 中华人民共和国民族区域自治法 Закон Китайской Народной Республики о региональной национальной автономии // URL: <http://www.gov.cn>

25. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Д.А. Хаустов*

DOI: 10.25839/j7568-0967-2278-n

Типичные нарушения федеральных законов в деятельности религиозных объединений

В работе на основе анализа практики работы органов юстиции и органов прокуратуры приводятся наиболее типичные нарушения законодательства в деятельности религиозных объединений в России. На основе этого делается вывод о необходимости совершенствования работы по своевременному выявлению и профилактики нарушений законодательства в деятельности религиозных объединений.

Ключевые слова: прокурорский надзор, типичные нарушения закона о свободе совести и свободе вероисповедания, религия, религиозные объединения, свобода совести и свобода вероисповедания.

Typical violations of law in the activities of religious associations

Based on the analysis of the practice work of justice agencies and Prosecutor's offices, the article presents the most typical violations of the law in the activities of religious associations in Russia. Based on this, a conclusion is drawn on the need to improve work on the timely detection and prevention of violations of the law in the activities of religious associations.

Keywords: prosecutorial supervision, typical violations of the law on freedom of conscience and freedom of religion, religion, religious associations, freedom of conscience and freedom of religion.

В России в соответствии со ст. 28 Конституции РФ в качестве одной из базовых ценностей человека и гражданина закрепляется свобода совести и свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять ре-

* Хаустов Денис Алексеевич, студент 2 курса Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Онохова Вера Вениаминовна, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Khaustov Denis Alekseevich, 2nd year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Onokhova Vera Veniaminovna**, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

лигиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [12, с. 78–81]. В то же время данная свобода ограничена необходимостью соблюдения Конституции РФ и федеральных законов (в частности, Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), которые могут ограничивать права и свободы человека и гражданина, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, нрав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 1 ст. 55 Конституции РФ) [1]. Однако законодательство защищает и гарантирует свободу как общественных объединений в целом, так и религиозных объединений, в частности.

В то же время, следует отметить, не всегда религиозные объединения соблюдают предписания законов, что приводит к нарушению чьих-либо прав, свобод и законных интересов. Обнаружение и пресечение этих нарушений осуществляют, прежде всего, органы юстиции и органы прокуратуры.

В данной статье рассмотрим типичные нарушения федеральных законов религиозными объединениями, которые были выявлены территориальными органами Минюста России и органами прокуратуры.

О выявленных нарушениях, имеющих характер административного правонарушения, орган юстиции передает сообщение органу или должностному лицу, которые правомочны рассматривать дела об административных правонарушениях. В случаях, когда в выявленных правонарушениях имеются признаки преступления, материалы проверки направляются в органы прокуратуры или следственные органы [6].

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести и свободе вероисповедания, о религиозных объединениях осуществляют органы прокуратуры [5].

В соответствии со ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» при осуществлении прокурором возложенных на него функций он: «рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба; использует полномочия, предусмотренные ст. 22 настоящего Федерального закона» [6].

Анализ практической деятельности органов прокуратуры и органов юстиции по осуществлению надзора за деятельностью религиозных объединений позволяет выделить наиболее типичные нарушения законодательства о свободе совести и свободе вероисповедания, о создании и деятельности религиозных объединений. Так, на основе анализа судебной практики можно выделить следующие типичные нарушения.

1) Использование при осуществлении своей деятельности неполного наименования религиозной организации, либо искажение наименования.

Так, при проведении 23 марта 2017 года прокуратурой Октябрьского района г. Иваново проверки в отношении местной религиозной организации «Свидетелей Иеговы» в г. Иваново было установлено, что имеющаяся на здании вывеска с указанием наименования не соответствует полному официальному наименованию религиозной организации, что было зафиксировано в протоколе и на фотографиях, произведенных при проведении проверки. В связи с этим прокуратура требовала признать религиозную организацию виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.26 КоАП РФ, и назначить наказание в виде административного штрафа. При рассмотрении дела в ходе заседания суд постановил указанную религиозную организацию признать виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.26 КоАП РФ, и назначить ей наказание в виде административного штрафа в размере 35000 рублей [7].

2) Наличие наименования, которое содержит слово «Россия» или является производным от этого слова, но при этом документов, разрешающих использование этого слова в наименовании организации, полученных в установленном законом порядке, у религиозной организации отсутствуют, что нарушает требования п. 4 ст. 4 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [4], а также п. 5 ст. 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [5].

Например, в 2016 г. при изучении Минюстом России документов, содержащихся в материалах учетного дела религиозной организации «Духовное управление буддистов России» было выявлено, что в учетном деле организации отсутствуют документы, подтверждающие право использования в наименовании слова «Россия». Документы, подтверждающие указанное право, запрошенные Минюстом России в рамках проверки, организацией не представлены. В связи с этим в адрес организации до 2019 г. было вынесено несколько предупреждений об устранении выявленных нарушений, которые организация

не выполняла в указанные сроки. В дальнейшем Минюст России обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о ликвидации этой организации в связи с неоднократными и грубыми нарушениями ею законодательства Российской Федерации, которое было удовлетворено [10].

3) Невыполнение требований законодательства об обязанности религиозного объединения ежегодно информировать орган, принявший решение о ее государственной регистрации, о продолжении своей деятельности.

К примеру, в нарушение п. 3.1 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», п. 9 ст. 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» местная православная религиозная организация прихода Храма Безсеребренников Косьмы и Димьяна деревни Селезнёво Орловско-Ливенской епархии Русской Православной Церкви не представила документы, содержащие отчет о деятельности религиозной организации. Указанная организация была признана судом виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.7 КоАП РФ [8].

4) Ведение религиозной организацией образовательной деятельности без соответствующей материально-технической базы, подготовленных преподавателей, а также без лицензии, дающей право на осуществление такой деятельности.

В соответствии с ч. 13 ст. 91 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» лицензирование образовательной деятельности образовательных организаций, учредителями которых являются религиозные организации, осуществляется по представлениям соответствующих религиозных организаций (в случае, если такие религиозные организации входят в структуру централизованных религиозных организаций, по представлениям соответствующих централизованных религиозных организаций). При лицензировании образовательной деятельности духовных образовательных организаций представляются сведения о квалификации педагогических работников, имеющих богословские степени и богословские звания.

Например, Управление Минюста России по Республике Ингушетия обратилось в суд с административным иском о ликвидации Централизованной религиозной организации «Духовный центр мусульман Республики Ингушетия» (Муфтият Ингушетии), ссылаясь на то, что по результатам внеплановой выездной проверки, проведенной на основании требования прокуратуры Республики Ингушетия от 16 марта 2016 г. и распоряжения Управления Министер-

ства юстиции Российской Федерации по Республике Ингушетия от 18 марта 2016 г. № 51-р, были выявлены нарушения законодательства Российской Федерации и порядка деятельности Муфтията Ингушетии, определенного его уставом, а вынесенные предупреждения об устранении нарушений не были выполнены.

В результате проверок было установлено, что в нарушение ч. 13 ст. 91 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» религиозная исламская организация «Духовное образовательное учреждение среднего профессионального образования Ингушетия исламский колледж», учредителем которой является Муфтият Ингушетии, лицензии на осуществление образовательной деятельности не имеет. В ходе судебного заседания суд принял решение удовлетворить административное исковое заявление Управления Минюста России по Республике Ингушетия о ликвидации и исключении из Единого государственного реестра юридических лиц Централизованной религиозной организации «Духовный центр мусульман Республики Ингушетия» (Муфтият Ингушетии) [11].

5) Отсутствие в уставе организации необходимой информации, установленной российским законодательством. Так, в соответствии с п. 2 ст. 10 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в уставе религиозной организации указываются наименование, место нахождения религиозной организации, вероисповедание и в случае принадлежности к существующей централизованной религиозной организации ее наименование, цели, задачи и основные формы деятельности, порядок создания и прекращения деятельности, структура организации, ее органы управления, порядок их формирования и компетенция, источники образования денежных средств и иного имущества организации, другие сведения, относящиеся к особенностям деятельности данной религиозной организации. Вопреки данным требованиям закона в уставе религиозной организацию «Духовный центр мусульман Республики Ингушетия» (Муфтият Ингушетии) не были указаны вид деятельности, вероисповедание, предмет деятельности и порядок прекращения деятельности. К тому же Муфтият Ингушетии, являясь некоммерческой организацией, вопреки требованиям ст. 3 Федерального закона «О некоммерческих организациях», не содержал в своем уставе описание символики [11].

К типичным нарушениям, допускаемым религиозными организациями также можно отнести:

✓ несоблюдение порядка деятельности, установленного уставом организации (нарушается периодичность проведения заседаний выс-

шего органа управления, не избираются члены контрольно-ревизионного органа, органов управления) [2];

✓ преследование цели вербовки новых членов организации путем неправомерного воздействия на людей, находящихся в бедственном положении, или под психологическим давлением;

✓ нарушение порядка приглашения иностранных граждан в Россию;

✓ осуществление религиозными организациями обучение малолетних лиц религии без согласия их родителей или лиц, их заменяющих; представление документов с недостоверной информацией (например, сведений об учредителях) [3].

В уставах религиозных организаций встречаются положения, негативно влияющие на отношения в семье, отношения к браку, образованию и здоровью, вытекающих из вероучения и обязательных для членов объединения и служителей культа, которые могут негативно сказываться на семье, воспитании и образовании детей, состоянии здоровья последователей религиозного учения (направления).

Кроме указанных типичных нарушений в деятельности религиозных объединений имеют место и другие нарушения федеральных законов [9, с. 49–58] и они довольно разнообразны, затрагивают различные правоотношения, охраняемые как гражданско-правовыми, так и административно-правовыми и уголовно-правовыми нормами.

На наш взгляд, сложившаяся на практике ситуация свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования работы по своевременному выявлению и профилактики нарушений законодательства в деятельности религиозных объединений.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 дек. 1993 г.: [в ред. от 14.03.2020] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>

2. Обзор типичных нарушений обязательных требований, выявленных при осуществлении контрольно-надзорных функций Управлением Минюста России по Тюменской области в 2015 году // URL: <https://minjust.ru/ru/node/242488#>

3. Обзор типичных нарушений законодательства Российской Федерации, допускаемых некоммерческими организациями, в том числе общественными объединениями и религиозными организациями, в документах, представляемых для государственной регистрации // URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/obzor-tipichnyh-narusheniy-zakonodatelstva-rossiyskoy-federacii-dopuskaemyh-nekommerchesk-21>

4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О некоммерческих организациях» // www.consultant.ru.

5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // www.consultant.ru.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 28.11.2015) «О прокуратуре Российской Федерации» // www.consultant.ru.
7. Постановление мирового судьи судебного участка № 5 Октябрьского судебного района г. Иваново Ивановской области от 2 мая 2017 г. по делу № 5-173/2017 // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/MsaRiNgY9TdI/>
8. Постановление мирового судьи судебного участка Новосильского района Орловской области от 26 июня 2015 г. по делу № 5-214/2015 // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/FG2nSTDeSjUJ/>
9. Прокурорский надзор за исполнением законов о свободе совести, религиозных объединениях и противодействии религиозному экстремизму: пособие [Текст] / под ред. д-ра юр. наук, проф. В. В. Меркурьева. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – 175 с.
10. Решение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2020 г. // URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/APF80agd8RIX/>
11. Решение Верховного Суда Республики Ингушетия № 3А-13/2019 3А-13/2019~М-18/2019 М-18/2019 от 16 сентября 2019 г. по делу № 3А-13/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uufJонxajfx4/>
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

Д.А. Чипизубов*
DOI: 10.25839/b0856-4791-5249-x

Правовая основа деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны на основе анализа нормативно-правовых актов указанного исторического периода. Делается вывод о том, что эта политика была продолжением курса, заложенного еще в 1920–30-х гг., но с еще большими возможностями церкви осуществлять свою религиозную деятельность, но, под административным надзором государственных органов. Значительные изменения в этом вопросе произойдут после смены политического руководства страны.

***Ключевые слова:** Русская православная церковь, Великая Отечественная война, Совет по делам РПЦ, религиозная политика.*

* **Чипизубов Дмитрий Александрович**, студент 1 курса Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Деревскова Валентина Михайловна**, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Chipizubov Dmitry Alexandrovich, 1st year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor – **Derevskova Valentina Mikhailovna**, head of the department of theory and history of state and law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Legal basis of the Russian Orthodox Church during the great Patriotic war

The article discusses the policy of the Soviet state in relation to the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War on the basis of the analysis of regulatory legal acts of the specified historical period. It is concluded that this policy was a continuation of the course laid down in the 1920s and 1930s years, but with even greater opportunities for the church to carry out its religious activities, but under the administrative supervision of state bodies. Significant changes in this matter will occur after the change of the political leadership of the country.

Keywords: *Russian Orthodox Church, the Great Patriotic war, the Council for ROC Affairs, religious policy.*

Накануне Великой Отечественной войны правовое положение Русской православной церкви (далее – РПЦ) определялось рядом нормативно-правовых актов, среди которых постановления СНК СССР, Президиума ВЦИК и ЦИК СССР союзных республик. Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» закреплялись основные принципы законодательства по отношению к церкви, главными из которых являлись прекращение права владения собственностью и лишение статуса юридического лица РПЦ [9]. Так, ещё на стадии формирования Советского государства уже закладывались основы его религиозной политики, одной из которых является прекращение деятельности церкви как государственного института.

Несмотря на отделение церкви от государства, СНК не мог не учитывать того факта, что в стране было значительное число верующих, в связи с чем впоследствии главным документом, регулирующим правовой статус РПЦ, других религиозных обществ и являющимся фундаментом религиозной политики, стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Данный нормативно-правовой акт сохранял свою юридическую силу в военные годы и утратил свою юридическую силу согласно ст. 4 Постановления Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1990 г. о порядке введения в действие закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» [10]. Целью Постановления от 8 апреля 1929 г. являлось удовлетворение потребностей верующих в отправлении религиозных обрядов. Данная цель достигалась при помощи четкого регламентирования деятельности религиозных обществ и отказом от радикальных антирелигиозных мер, например, в документе отсутствовали прямые указания об изъятии и ликвидации церквей, также любой нормативно-правовой акт должен был опираться на данное постановление и не противоречить ему.

Продолжение данной политики находит своё отражение в УК РСФСР 1926 г., в котором в отдельной главе закреплены нормы, связанные с нарушением правил об отделении церкви от государства. Несмотря на ограничительный характер статей данной главы в отношении деятельности церкви, согласно ст. 127 УК РСФСР [8], лица, незаконно воспрепятствующие совершению богослужения, привлекаются к уголовной ответственности, что говорит о защите верующих государством. Итогом данной религиозной политики является закрепление в Конституции СССР 1936 г. свободы вероисповедания и отделения церкви от государства.

В 1934 г. создаются постоянная комиссия по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР и постоянные местные комиссии по рассмотрению религиозных вопросов, в которые входили представители прокуратуры, ОГПУ, милиции. Целью данных комиссий являлось взаимодействие с религиозными объединениями по вопросам, связанным с их деятельностью, в строгом соответствии с Постановлением «О религиозных объединениях». С 1937 г. активно обсуждается вопрос ликвидации церковного законодательства, в том числе отмены постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», инициатором которого выступал Г. М. Маленков [1, с. 164]. Несмотря на критику данной религиозной политики, в 1938 г. принимается Постановление Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации комиссии по культовым вопросам, а все дела по вопросам религиозных объединений передаются церковному отделу НКВД. Так, деятельность РПЦ была подвержена строгому административному контролю со стороны государства.

В 1937 г. по итогам переписи населения было установлено, что 43,3% опрошенных человек (42,2 млн.) признали себя не верующими, в то время как 56,7% (55,3 млн.) указали себя верующими [13, с. 46]. В дополнении к данной статистике отмечаются и неэффективные результаты антирелигиозной пропаганды ввиду отсутствия решительных действий со стороны государства [2, с. 85], также в 1934 г. в руководящих органах партии во главе с С. М. Кировым выделяется умеренная группа, осуждающая «левацкие перегибы» в области религиозной политики [1, с. 157]. Таким образом, учитывая большое количество верующих среди населения, в предвоенный период Советское государство формирует правовую базу РПЦ, в основе которой лежит её полное отделение от государства и обеспечение потребностей верующих в религиозной сфере.

С началом Великой Отечественной войны религиозные отношения между государством и РПЦ приняли новый курс развития. Церковь развёртывается активная патриотическая деятельность, которая выражается в сборе пожертвований, помощи ранеными и пострадавшим от войны, моральной и идеологической поддержке населения при помощи культовых обрядов и пропаганды. Однако данные действия противоречили Постановлению от 8 апреля 1929 г. ввиду того, что РПЦ могла лишь осуществлять действия, связанные с удовлетворением потребностей верующих. Таким образом, в первую очередь РПЦ требовалось приобретение прав юридического лица со всеми вытекающими последствиями. Первым положительным изменением по отношению к РПЦ является прекращение антирелигиозной пропаганды, Постановлением Президиума Союза Воинствующих безбожников от 27 июня 1941 г., сворачивается антирелигиозная политика [14, с. 175], другим положительным сдвигом в религиозной политике является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. о создании Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков, членом которой становится митрополит Николай [13, с. 56].

Окончательная нормализация отношений Советского государства с РПЦ происходит с 1943 г. 5 января 1943 г. И. В. Сталин даёт согласие на открытие специального счёта РПЦ в Государственном банке СССР, что фактически утверждало за РПЦ статус юридического лица [19, с. 140]. Такое решение полностью легализовало сбор средств РПЦ в помощь Советской армии.

После встречи И. В. Сталина с руководством РПЦ 4 сентября в Советском государстве начинает реализовываться кардинально новая религиозная политика. Так, 8 сентября 1943 г. проводится Архиерейский собор, итогом которого стало избрание Патриарха Московского и Всея Руси и утверждение состава Священного Синода.

Постановлением СНК от 14 сентября 1943 г. «Об организации Совета по делам Русской Православной церкви при СНК СССР» создаётся Совет по делам РПЦ, который в свою очередь дополняется Постановлением СНК от 18 декабря 1943 г. «О штатах и должностных окладах работников аппарата уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК союзных, автономных республик, краевых и исполнительных комитетов», регулирующий назначение уполномоченных при субъектах СССР. Утверждается новый институт уполномоченных, цель которого координация работы РПЦ и Советского государства, их сотрудничество на основе горизонтальных правоотношений, которые,

однако, приняли субординационный характер. Деятельность уполномоченных строго регламентировалась, все вопросы, связанные с церковью, рассматривались в соответствии с Постановлением СНК от 8 апреля 1929 г., которые неоднократно игнорировались во время войны.

Постепенно институт уполномоченных становится контролирующим и регистрационным органом, действия которого регулируются инструкциями. С 1 ноября 1943 г. устанавливается обязательная подотчетность церковных общин Совету по делам РПЦ, а согласно Инструкции от 5 февраля 1944 г. в полномочия сотрудников Совета по РПЦ дополняются следующими положениями: рассмотрение заявлений от групп верующих об открытии церквей; регистрация общин; ведение учета действующих церквей; наблюдение за деятельностью религиозных общин и их соответствие законам СССР [3, с. 12–14].

Контролировали деятельность РПЦ и территориальные органы НКГБ СССР. Так, согласно директиве от 22 сентября 1943 г., данные органы были обязаны «обеспечить неослабное агентурное наблюдение за деятельностью епископов и остального духовенства православной церкви, пресекая возможные попытки с их стороны, превышения предоставленных им прав или использования этих прав в антисоветских целях», однако данные полномочия реализовывались с целью обеспечения безопасности государства, другие пункты данного документа оглашали следующие положения: «не препятствовать духовенству проводить в жизнь официальные решения Патриарха Сергия и Синода, касающиеся назначений и перемещений священников по епархиям, открытия богословских курсов, свечных заводов, распространения печатных изданий Патриарха и Синода. «Каждая вновь открываемая церковь обеспечивалась проверенной агентурой из числа духовенства или церковного актива», что только подтверждало с одной стороны факт о контроле РПЦ государством, с другой стороны показывало усиление взаимоотношения между ними [16, с. 49].

Кроме того, в связи с созданием нового органа стремительно меняется и правовая база РПЦ, утверждаются Постановления СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей», от 1 декабря 1944 г. «О православных молитвенных домах», от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православным монастырям» [4, с. 113].

Данные документы окончательно закрепляли за РПЦ право ограниченного юридического лица; запрещали закрытие уже зарегистрированных церквей; давали право приобретения, аренды зданий и транспортных средств; строительства храмов, исключая при это право распоряжения имуществом; возможность найма рабочей силы; при этом,

по-прежнему регламентировались некоторые аспекты религиозной жизни, например, порядок пользования колоколов и других предметов культа [3, с. 12].

Очень спорным является и Постановление от 28 ноября 1943 г. СНК СССР «О порядке открытия церквей». С одной стороны, процедура придавала легитимность процессу открытия церквей, но, с другой стороны, требовалось прохождение ходатайства о регистрации через три инстанции: местные органы власти, Совет по делам РПЦ и СНК СССР. Так, на основании данного Постановления из 301 ходатайства о возвращении верующим церкви и молитвенных домов на территории Южного Урала удовлетворены было лишь 33 заявления, например, на период 1945–1947 гг. в Иркутской области зафиксировано 184 недействующих церквей, 162 из которых использовались не по назначению, что составляло 88% от общего количества церквей. Стоит отметить, что отклонение заявлений не всегда имело законный или обоснованный повод: наличие церкви в соседнем районе, техническое состояние здания, занятость здания под «общественные надобности», малочисленность верующих, подделка заявлений о регистрации обеими сторонами. В связи с этим Инструкция от 5 февраля 1944 г. для уполномоченных Совета по делам РПЦ была дополнена секретным циркуляром, где рекомендовалось использовать законные мотивы для отклонения ходатайств верующих [12, с. 69]. Таким образом, даже уже официально будучи религиозной организацией, РПЦ встречала препятствия в осуществлении культовой деятельности на административном уровне со стороны Советского государства.

Продолжается развитие отношений церкви и государства Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «Об утверждении предложения Совета по делам Русской Православной церкви при СНК СССР о разрешении открытия в г. Москве православного богословского института и богословско-пастырских курсов» [6, с. 177–190]. Комиссией по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации при СНК СССР принимается Постановление от 3 ноября 1944 г., которое устанавливает возможность освобождения священников от военного призыва [13, с. 63]. Кульминацией данного процесса можно считать тот факт, что 20 апреля 1945 г. заместителем прокурора СССР Г. Н. Сафоновым было направлено письмо начальникам следственных отделов прокуратур республик, краев, областей и городов республиканского подчинения, в котором требовалось привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР должностных лиц за злоупотребление властью или служебным положением, виновных в нарушении за-

конов о религиозных общинах, связанных с грубым оскорблением религиозных чувств населения [13, с. 68].

В целом, положительные изменения государственно-церковных отношений, в особенности в правовой сфере, дали ошибочные надежды на либерализацию данных отношений. Так, в январе 1944 г. было отвергнуто предложение председателя Советов по делам РПЦ Г. Г. Карпова о проекте союзного закона «О положении церкви в СССР», как итог Совет по делам РПЦ вносил лишь частные коррективы в церковно-государственные правоотношения. Куратор религиозных вопросов в Совете Министров К. Е. Ворошилов сравнивал религиозную политику Советского государства с «клапаном», который необходимо было про помощи уполномоченных Совета «то открывать, то закрывать, исходя из конкретных условий места, времени и обстоятельства» [18, с. 113]. Как итог, церковная политика имела положительная преобразования, однако в её правовой основе лежал контролируемый и ограничительный характер со стороны государства. В свою очередь Г. Г. Карпов отмечал, что данная политика не является «случайной или неожиданной» и «не носит временного характера, вызванного войной», данные изменения правоотношений прямое продолжение религиозной политики 1920-х–30-х гг. [5, с. 17–18].

В ходе 1940-х гг. религиозная политика Советского государства, опирающаяся на органы Советов по делам РПЦ, заложила фундамент несколько иной правовой основы РПЦ, которая подразумевала более широкую возможность взаимодействия церкви с государством и её влияния на население. После войны продолжалась данная религиозная политика Советского государства. Окончательно правовая база РПЦ была закреплена «Положением об управлении Русской Православной церковью», утвержденное СНК СССР [15, с. 323–326], которое закрепляло за настоятелем прихода возможность руководства религиозной деятельностью, что в свою очередь противоречило Постановлению «О религиозных объединениях».

Постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. закреплялись права РПЦ владения и пользования имуществом. Положительные изменения продолжались и в образовании. Так, Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. открывались духовные академии в Москве, Ленинграде, Киеве [6, с. 177–190], впоследствии богословско-пастырские курсы преобразовывались в семинарии, но вся учебная деятельность духовных учреждений регулировалась Министерством образования СССР. Становится вновь актуальным вопрос налогообложения РПЦ. Так, Постановлением Совета Министров СССР

от 3 декабря 1946 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов», по которому служители церкви приравнивались к «некооперированным кустарям» [11], т. е. они выплачивали налоги наравне с ремесленниками.

Однако со сменой руководства меняется и курс религиозной политики. Секретным Постановлением Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. вводится налогообложение на церковный доход, серьёзно «поломавший бюджет церкви» [19, с. 145]; Постановлением «О монастырях в СССР» сокращается численность монастырей. Целью такого нового курса религиозной политики Советского государства было ограничение деятельности РПЦ, итогом чего стали Постановление ЦК КПСС «О мерах ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и Постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», на основе которых были отмены распоряжения и постановления СНК 1940-х гг., касающихся в первую очередь статуса ограниченного юридического лица РПЦ. Таким образом, в Советском государстве происходит смена курса политики, направленного на «административный натиск на церковь» и ликвидировавшего правовую базу, заложенную в 40-х гг.

Источники и литература

1. *Бакшеева, Е. Б.* Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви на Дальнем Востоке России: Октябрь 1922–июнь 1941 гг.: дис. ... к.и.н. / Е. Б. Бакшеева. – Хабаровск, 2004. – 204 с.
2. *Беглов, А. Л.* Церковное подполье 1920–1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений : дис. ... к.и.н. / А. Л. Беглов. – М., 2004. – 249 с.
3. *Гюева, И. А.* Церковь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Вестник Владикавказского научного центра. – 2005. – № 2. – С. 12–14.
4. *Горбатов, А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е–1960-е гг.: дисс. ... к. и. н. / А. В. Горбатов. – Кемерово, 2009. – 437 с.
5. Доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г.Г. Карпова епископам (24.11.1944) // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – № 12. – С. 17–18.
6. *Катаев, А. М.* Духовные школы Русской Православной церкви в 1943–1949 годах / А. М. Катаев // Вестник церковной истории. – 2006. – № 1. – С. 177–190.
7. *Морозова, Е. Н.* Государственная власть, Русская Православная церковь и общество в годы Великой Отечественной войны / Е. Н. Морозова // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. – 2004. – № 2 (26). – С. 48–55.
8. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.: Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

9. Об отделении церкви от государства и церкви от школы: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

10. О порядке введения в действие закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»: Постановление ВС РСФСР от 25.10.1990 г. № 268-1. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

11. О порядке обложения налогами служителей религиозных культов: Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

12. *Потапова, А. Н.* Религиозная политика Советского государства и её осуществление на Южном Урале в 1941–1958 гг.: дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2004. – 200 с.

13. *Прядкина, О. А.* Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 1941–1954 гг.: На материалах областей Верхнего Поволжья: дис. ... к.и.н. / О. А. Прядкина. – Кострома, 2004. – 276 с.

14. *Табунщикова, Л. В.* Союз воинствующих безбожников на Донской земле: веки истории (1929–1941 гг.) / Л. В. Табунщикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-1 (86). – С. 172–175.

15. *Цыпин В. А.* История Русской Церкви. Кн. 9. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. Монастыря, 1997. – 478 с.

16. *Цыремпилова, И. С., Злыгостева Ю. Г.* Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х–1980-х гг. (на примере Байкальского региона) / И. С. Цыремпилова // Власть. – 2010. – № 10. – С. 47–50.

17. *Чеботарев С.А.* Отношения государства и церкви в середине 1940-х – середине 1960-х гг.: На материалах Тамбовской области: дис. ... к.и.н. / С. А. Чеботарев. – Тамбов, 2004. – 342 с.

18. *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М.: Изд-во АИРО-XX, 1999. – 248 с.

19. *Чумаченко, Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция / Т. А. Чумаченко // *MagistraVitaе*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2008. – № 15 (116). – С. 138–149.

К.С. Элтеко*

DOI: 10.25839/v6446-3946-3071-u

К вопросу о либерализации права в мусульманских государствах

Данная статья посвящена анализу современных тенденций развития прав человека в мусульманских государствах. Автором рассматривается влияние процесса глобализа-

* **Ксения Сергеевна Элтеко**, студентка 3 курса Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – **Шастина Анжелика Размиковна**, старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Elteko Ksenia Sergeevna, 3th year student of the Baikal State University (Irkutsk, Russia). Scientific adviser - **Shastina Anzhelika Razmikovna**, senior lecturer of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of State and Law, Baikal State University (Irkutsk, Russia).

ции на мусульманское право в современных исламских государствах в контексте либерализации. В работе сопоставляется исламская концепция понимания прав человека с либерально-демократическими взглядами и позициями международного сообщества по данному предмету. Проанализировав нормативно правовые акты, принятые по вопросу прав человека мусульманскими государствами, автор приходит к выводу о том, что мусульманское сообщество вынуждено адаптироваться к международным стандартам в области прав человека. При этом мусульманские государства выработали собственный подход к пониманию прав человека через призму толкования положений Корана и Сунны в духе современного понимания прав человека.

Ключевые слова: право, ислам, либерализация, права человека, мусульманское право, исламская концепция прав человека.

To the question of the liberalization of law in muslim states

This article is devoted to the analysis of modern trends in the development of human rights in Muslim States. The author examines the impact of the globalization process on Muslim law in modern Islamic States in the context of liberalization. The paper compares the Islamic concept of understanding human rights with the liberal-democratic views and positions of the international community on this subject. After analyzing the normative legal acts adopted on the issue of human rights by Muslim States, the author comes to the conclusion that the Muslim community is forced to adapt to international standards in the field of human rights. At the same time, Muslim States have developed their own approach to understanding human rights through the prism of interpreting the provisions of the Koran and Sunnah in the spirit of modern understanding of human rights.

Keywords: law, Islam, liberalization, human rights, Muslim law, Islamic concept of human rights.

Одним из значимых аспектов глобализации в сфере права является универсализация позитивного мирового опыта в области прав человека, их защиты на международном уровне. Данное явление способствует выработке в современных мусульманских государствах нового подхода к пониманию положения личности в государстве. При этом, актуальные проблемы, стоящие перед мировым сообществом, требуют от мусульманского мира принятия современных решений. Мусульманское право, сохраняя свою ортодоксальность, должно учитывать мировые тенденции и приоритеты в области развития прав человека [3, с. 10–13].

Первоочередную роль в разработке подхода к пониманию прав человека в мусульманском государстве играет толкование догм, содержащихся в источниках мусульманского права и посвященных правам человека. Исходя из принципа верховенства шариата, мусульманские мыслители выделяют около 70 стихов Корана, посвященных правам человека. Считается, что в их основе лежат такие начала, как достоинство и свобода человека, равенство и справедливость. Обраще-

ние к религиозным источникам позволяет синтезировать нормы шариата с международными нормами о правах человека.

Международные стандарты в области прав и свобод человека, отраженные в различных международных актах, в частности во Всеобщей декларации прав человека, играют на сегодняшний день значимую роль в межгосударственных отношениях, развитии национально-го законодательства и диалоге культур. Данные обстоятельства стали одной из причин создания концепции понимания прав человека в исламском мире.

В частности, в рамках данного направления были разработаны Всеобщая декларация прав человека в исламе 1981 г., принятая Исламским советом Европы, а также Исламская декларация прав человека 1990 г. одобренная на XIX совещании министров иностранных дел стран-членов Организации «Исламская конференция» в Каире.

В Исламской декларации прав человека закреплены все основные общепризнанные права человека. На уровне юридического содержания большинство положений о правах человека совпадают с принятыми в международном праве стандартами, большинство из них излагается в духе современных либеральных концепций. Однако есть некие принципиальные расхождения.

Ярким примером является описание принципа равенства, который, с одной стороны, содержит формулировку схожую с мировыми стандартами прав человека «все люди равны в отношении основ человеческого достоинства, обязанностей и ответственности без каких-либо различий по расе, цвету кожи, языку, месту проживания, полу, религиозным убеждениям, политической принадлежности, социальному статусу или другим критериям» (п. «а» ст.1), а с другой стороны, отражает религиозную специфику «никто из них не имеет превосходства над другими кроме тех, кто отличается большим благочестием и совершает праведные поступки» (п. б ст. 1).

В декларации явно прослеживается зависимость прав и свобод человека от религиозных предписаний. Заключительные статьи декларации говорят о том, что все права и свободы ограничены нормами исламского шариата [4, с. 190–201].

Наиболее остро на сегодняшний день стоит вопрос о правах женщин в мусульманском регионе. Политика данных государств в последние десятилетия направлена на уравнивание женщин и мужчин в правовом статусе путем расширения прав женщин. Всеобщая декларация прав человека в исламе закрепляет равноправие между женщиной и женщиной мужчиной при условии выполнения женщиной своих

семейных обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении защиты ее чести и достоинства.

В Исламской декларации прав человека содержится положения, согласно которым женщина обладает равенством с мужчиной в человеческом достоинстве; она имеет права в той же мере, в какой исполняет обязанности; она и пользуется гражданской правоспособностью, обладает самостоятельным имущественным статусом и имеет право на сохранение своего имени и происхождения по рождению.

Аналогичные положения содержатся в конституциях ряда мусульманских государств. Конституция Бахрейна говорит о правах женщины следующим образом «государство обеспечивает сочетание обязанностей женщины по отношению к семье с ее деятельностью на уровне общества, а также ее равенство с мужчиной в политической, социальной, культурной и экономической жизни при условии, что при этом не затрагиваются нормы исламского шариата».

Конституция Йемена 1994 г. называет женщин «сестрами мужчин», но одновременно предусматривает, что женщины обладают правами и обременены обязанностями в том виде, в котором они не только установлены законом, но и императивно предписаны шариатом.

Концепция развития ОАЭ «Видение-2021» одним из приоритетных направлений развития называет поддержание восходящей роли женщины и помощь им в получении максимального влияния во всех сферах. В соответствии с данной концепцией женщины должны получить более широкие возможности и защиту от всех форм дискриминации.

Новая стратегия развития Саудовской Аравии «Видение Саудовской Аравии 2030» ставит целью создания равных возможностей для мужчин и женщин, называя женщин одним из наиболее важных активов. Либеральные тенденции в области прав женщин усматриваются не только в закреплении в нормативных актах принципа равенства и уважения достоинства женщины, но и в расширении круга прав. Так, начиная с 1994 года, мусульманские государства вносят изменения, согласно которым женщинам начинают предоставлять политические права.

В 1994 году Оман стал первым государством Персидского залива, предоставившим женщинам активное и пассивное избирательное право. Бахрейн предоставил избирательные права женщинам в 2002 году, Кувейт – в 2003 году, Объединенные Арабские Эмираты – в 2006 году, Саудовская Аравия – в 2015 году [1, с. 79]. На фоне данных изменений начали создаваться и расти феминистские мусульманские организации, выступающие за равенство всех мусульман независимо от пола.

Права женщины с точки зрения исламской концепции прав человека рассматриваются сквозь призму религиозных приоритетов и культурных традиций мусульманского общества, учитывая ее социальный статус, роль в семье и место в общественной жизни.

Характерная черта, отличающая правовое понимание принципа равенства женщин в мусульманских государствах от либеральной концепции заключается в том, что мужчина и женщина наделяются не тождественными правами, а равными возможностями обладать данными правами. Вместе с тем, не смотря на различия в формулировках и содержании прав, в последние десятилетия прослеживается явная установка мусульманских государств на расширение круга прав женщины, вовлечения во все сферы общественной жизни, запрета дискриминации по признаку пола [2].

На наш взгляд, концепция прав женщины в мусульманском государстве, сформировавшаяся на сегодняшний день, наделяет женщин необходимым объемом прав и является оптимальной для исламского региона, так как учитывает культурные, религиозные и политические аспекты.

Говоря о либерализации права в мусульманских странах нельзя не обратить внимание на практический аспект данного вопроса. Л.Р. Сюкияйнен высказывает мнение о «несовпадении официально провозглашенных норм законодательства с массовым правосознанием и сложившейся в обществе системой ценностей, которые формируются под определяющим влиянием традиций, прежде всего, исламских догм» [4, с. 125–129].

В частности, Л.Р. Сюкияйнен указывает на то, что под воздействием исламских принципов и местных традиций, положения правовых норм корректируется, наполняется особым содержанием. Конституционное закрепление принципа свободы и равенства не всегда последовательно отстает от практики, и соответствуют букве закона.

На наш взгляд, следует учитывать следующие особенности, присущие либерализации прав в мусульманском регионе: религиозный характер понимания прав человека; использование традиционных для исламской мысли понятий и категорий; права и свободы человека ограничены не свободой других людей, а императивными нормами шариата; обращение к текстам Корана и Сунны как к источнику прав и свобод человека.

Таким образом, в современных реалиях мусульманское право вынуждено адаптироваться под мировые стандарты в области защиты прав человека под влиянием процессов глобализации. Международные стан-

дарты по правам человека нашли отражение в той или иной форме в национальном законодательстве большинства мусульманских государств.

Придерживаясь схожих с общепринятыми формулировок прав человека, исламская концепция наполняет их специфическим содержанием, не выходя за рамки допустимой интерпретации. Несмотря на особую позицию по некоторым вопросам, современный исламский подход стремится к закреплению на национальном уровне разделяемых мировым сообществом стандартов, расширению прав человека и созданию условий их реализации. Об этом свидетельствует сопоставление международных актов с документами, принятыми мусульманскими странами.

Специфика исламского подхода к правам человека выражается в преломлении общепринятых прав и свобод человек на общую исламскую систему ценностей и принципов шариата. При этом, современная правовая политика мусульманских государств направлена на толкование положений Корана и Сунны в духе понимания прав и свобод человека.

Статус индивида в исламе основан, прежде всего, на подчинении его религиозным догмам, которые определяют права человека. Именно такая позиция, на наш взгляд, дает возможность достичь компромисса, который позволяет учитывать как международные предписания, так и религиозные и культурные приоритеты исламского общества.

Мусульманские государства сегодня стоят на пути либерализации, однако данный процесс имеет свои особенности, которые отражают специфику и приоритеты мусульманского общества.

Источники и литература

1. Лысенко В. И. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Ближневосточно-Азиатский регион / Под общ. ред. Э. А. Памфиловой. – Вып. 5 – М., 2017. – 1366 с.
2. Сизов Ю. И., Курбанова З. А. Социально-правовой статус женщин в мусульманском обществе // Вестник ВолГУ. – Серия 5: Юриспруденция. – 2014. – № 2.
3. Сюкияйнен, Л. Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли // Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Изд-во Дом марджани, 2012. – 88 с.
4. Сюкияйнен, Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий // Л.Р. Сюкияйнен. – М.: ООО «Садра», 2014. – 210 с.

Нормативно-правовое регулирование отношений государства и церкви в современной России

Статья посвящена рассмотрению теоретических вопросов регулирования отношений в обществе через нормы права. Значительное внимание уделяется исследованию системы нормативно-правового регулирования, отражающейся на государственно-церковных отношениях в Российской Федерации. Выделена наиболее весомая и важная нормативно-правовая база, определяющая стороны отношений государства и церкви. Значимость конституционных принципов, признающих высшей обязанностью и ценностью государства, защищающих свободы совести и светскости государства. Выявлены наиболее часто возникающие проблемы реализации законодательства. Автор дает ответы на ряд вопросов: что представляют собой в нынешней России институт государства и институт церкви? Каково их взаимодействие? Какое место в общественной жизни занимает религия? Как представлен правовой механизм регулирования отношений между государством и церковью?

Ключевые слова: государство, церковь, правоотношения, нормативно-правовой акт, законодательство, светское государство, институт, регулирование.

Regulatory legal regulation of state and church relations in modern Russia

The article is devoted to the consideration of the theoretical aspects of the legal regulation of public relations. Considerable attention is paid to the study of the system of legal regulation that affects state-church relations in the Russian Federation. The most significant and important regulatory framework that defines the aspects of relations between the state and the church is highlighted. The significance of constitutional principles recognized as the supreme duty and value of the state protecting freedom of conscience and secularism of the state. The most frequently encountered problems of implementing legislation are identified. What are state institutions and church institutes in present-day Russia? How do they interact with each other? What place does religion take in public life? How is the legal mechanism for regulating church-state relations presented?

Keywords: state, church, legal relations, normative legal act, legislation, secular state, institution, regulation.

Особо пристальное внимание в общественной жизни уделялось религии. Она всегда занимала важное место в балансировании жизни

* Юлубаева Алина Ренатовна, студентка 1 курса Юридического института СКФУ (г. Ставрополь, Россия). Научный руководитель – Лаута Олег Николаевич, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Северо-Кавказского Федерального Университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Ставрополь, Россия).

Yulubaeva Alina Renatovna, 1st year student of the Law Institute of NCFU (Stavropol, Russia). Scientific supervisor – Lauta Oleg Nikolaevich, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Stavropol, Russia).

населения. Активное обсуждение важности взглядов на религию началось очень давно, и с развитием общества стало одним из ведущих вопросов, обращённых к её последующему развитию. Рассмотрение и анализированное взаимодействия государства и религии получили своё распространение с формированием религии. Вопросы, связанные с сопоставлением государства и церкви, выявлением их природы, функциональным и социальным назначением, занимают важное место в таких науках как теория государства и права, история государства и права зарубежных стран и России, правоведение.

Государство и церковь – два контрастных мира, один из которых – небесный, другой – земной. Оба стремятся к главенствующей роли, к определённому влиянию на общество. Для контроля и недопущения хаоса разработаны законодательные акты, регулирующие взаимоотношения государства и церкви. Имея различную природу, институты государства и церкви используют свои подходы и средства для достижения поставленных задач и целей. Государство руководствуется материальной силой и использует аппарат принуждения, в свою очередь, церковь располагает морально-нравственными ресурсами, направлена на духовное обогащение и воспитание граждан, поддержание и сохранение культурных ценностей. Государственно-церковные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают политический режим Российской Федерации и статус церкви, процессы и следствия их взаимоотношений.

Одной из ведущих функций права является регулятивная, предназначенная для сбалансирования общественных отношений, это одно из основных направлений воздействия права на общественные отношения [8, с. 84–85], придание им правового облика. Конкретная функция реализуется через механизм правового регулирования, воздействие права на отношения в обществе с помощью системы правовых путей, позволяющих осуществлять закреплённые в правовых нормах законы поведения [5]. Несмотря на изменчивость функций права, регулятивная функция права, относящаяся к числу его внутренних функций, остается постоянной по своей сущности, не подвергающейся каким-либо изменениям [6].

Область правового регулирования институтов церкви и государства на сегодняшний день не во всех странах достигла демократизма, определённый ряд стран в международной практике с не демократическим строем исповедуют конкретную религию и не признают влияние других. В свою очередь, Российская Федерация, признанная право-

вым, демократическим, светским государством, предоставляет свободу в вероисповедании и беспрепятственно даёт развиваться религиям.

Главными правовыми источниками, регулирующими нынешние государственно-церковные отношения в Российской Федерации, выступает главный и основной закон государства – Конституция Российской Федерации [1] и Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» [4]. Русская православная церковь, являясь юридическим лицом, представлена в совокупности двух правовых статусов: общего и специального. Анализируя общий правовой статус, имеет место быть ч. 4 ст. 13 и ст. 30 Конституции РФ. Эти статьи отражают право на создание объединений граждан и их равенство перед законом и нормы ГК РФ, устанавливают для права и обязанности для некоммерческих организаций.

Обращаясь к специальному правовому статусу Русской Православной церкви, рассмотрим ряд нормативно-правовых актов. Конституция РФ затрагивает положения в отношении РПЦ [1].

Ст. 14 говорит о светском характере государства: Российская Федерация – это светское государство. Ни одна религия не может признаваться государственной и быть обязательной. Религиозные организации и объединения обособлены от государства и равны перед законом [9, ст. 14]. Ст. 28 гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, даёт возможность исповедовать единолично или коллективно любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и распространять религиозные и другие убеждения и действовать в соответствии с их содержанием [9, ст. 28].

Не обошёл стороной отношения государства и церкви, религии и общества в целом Гражданский кодекс Российской Федерации [2].

В ст. 123.26 ГК РФ даётся представление о религиозных организациях (объединениях): предполагается существование на добровольной основе таких объединений для совместного вероисповедания и распространения вероучения. Отдельное внимание заслуживает ст. 123.28 ГК РФ, содержащая вопросы об имуществе религиозных организаций: дозволена собственность на созданное, приобретенное и пожертвованное имущество, определен особый статус богослужебного имущества, что говорит о специальной правовой охране указанного имущества. В ГК РФ фиксируется, что перечень такого имущества определяется в порядке, установленном законом о свободе совести и о религиозных объединениях.

Ведущим законом, регламентирующим деятельность всяких религиозных организаций, является Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» [4].

В преамбуле признаётся особая роль православия в истории России, а также выказывается уважение и глубокое почтение к христианству, буддизму, исламу и иудаизму, как неотчуждаемой части исторического наследия народов России, стремление к взаимопониманию и уважению в вопросах, относящихся к религии. В ст. 4 установлены ограничения для государства по отношению к религиозным объединениям. Представители государственной власти обязаны обеспечить светский характер образования в образовательных учреждениях. Государство может проводить санкционирование, оказывать финансовую и другую помощь в реставрации и поддержании защиты зданий и объектов, являющихся реликвиями истории и культуры. Ст. 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» регулирует права собственности РПЦ как религиозной организации. Данная статья устанавливает процесс безвозмездной передачи в собственность Церкви или на такой же основе пользование имуществом религиозного назначения, являющихся федеральной или муниципальной собственностью.

Трудовой кодекс Российской Федерации регламентирует трудовую деятельность в религиозных объединениях [3]. В гл. 54 регулируется труд работников религиозных организаций. Согласно ст. 342 сторонами трудового договора выступают религиозная организация и лицо, на момент заключения договора, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Такому работнику устанавливается приемлемая продолжительность пребывания на работе – не более 40 часов в неделю. В случаях, установленных договором, работник обязан нести полную материальную ответственность. Ст. 343 ТК РФ устанавливает и придает правовое значение внутренним установлениям религиозной организации, это соответствует положениям ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии со ст. 15 которого государство уважает внутренние установления Русской православной церкви. Однако это уважение проявляется в случае строгого соответствия данных установлений с действующим законодательством РФ.

Представляет большой интерес современный источник РПЦ такой документ, как «Основы социальной концепции Русской православной церкви» [7].

В преамбуле четко установлено, что этот документ отражает официальное положение Московского Патриархата во взаимоотношениях

с государством и обществом, в частности, глава III Основ социальной концепции устанавливает принципы и виды таких взаимоотношений, показывает и объясняет природу как государства, так и Церкви и демонстрирует огромную значимость их в современном мире.

Взаимодействуя с РПЦ, органы государственной власти и должностные лица, обязаны подчиняться, прежде всего, закону и подзаконным актам.

Таким образом, проблема взаимоотношений между государством и церковью и сегодня является злободневной и актуальной, и, бесспорно, требует усовершенствования нормативно-правового регулирования, для более яркого представления светскости государства.

Подводя итог, следует признать, что область государственно-церковных отношений регулируется широким кругом как законов, так и подзаконных нормативных правовых актов. Государство, уважая внутренние установления РПЦ, требует, чтобы такие установления соответствовали закону. Взаимоотношения государства и церкви реализуются через нормативно-правовые акты. Государство имеет ряд норм, посвященных именно регулированию религиозных отношений и условиям существования религиозных объединений. Четкое разграничение и в тоже время единство позволяют рассматривать государство в правовом оформлении, а религию в её государственном обеспечении.

Только в правовом, демократическом государстве возможно достичь согласия или же некоего компромисса в вопросах религии и вероисповедания.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993] // Российская газета, 1993, 25 декабря.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2020).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // URL: <http://www.consultant.ru>
4. Федеральный закон Российской Федерации “О свободе совести и религиозных объединениях” от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>
5. *Авакьян, С.А.* Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – С. 27–34.
6. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учеб. / А.Б. Венгеров. – М.: Омегал, 2002. – 608 с.
7. Основы социальной концепции Русской православной церкви // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

8. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

В.В. Янчевская*

DOI: 10.25839/w4711-5406-3459-w

ветственность власти в свете неолиберальной и консервативной идеологий

Проводится сравнительный анализ ключевых аспектов консервативной идеологии И.А. Ильина и неолиберальной идеологии. Затрагиваются позиции ответственности власти со стороны полярных идей и взглядов, которые в современном мире должны перекликаться и взаимодействовать друг с другом.

Ключевые слова: идеология, консерватизм И.А. Ильина, неолиберализм, ответственность власти, традиции, глобализация.

Responsibility of authority in the light of neoliberal and conservative ideologies

A comparative analysis of key aspects of conservative ideology by I.A. Ilyin and neoliberal ideology. It touches on the positions of responsibility of the authorities on the part of polar ideas and views, which in the modern world should overlap and interact with each other.

Keywords: ideology, conservatism by I.A. Ilyin, neoliberalism, responsibility of the authorities, traditions, globalization.

Идеология в современном мире играет важнейшую роль, как в политике, так и в других сферах. Размытые границы различных сфер позволяют ей пропитывать жизнь современного человека полностью, со всех сторон. С начала формирования идеологии как понятия, определенной категории прошло буквально две сотни лет, но в сознании людей этот образ зародился гораздо раньше. Одной из первых идеологий, признанных образов мышления, стал консерватизм. Зарождение консерватизма связывают с Великой Французской революцией, он стал ответной реак-

* Янчевская Валерия Владимировна, студентка 2 курса Международно-правового отделения Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). Научный руководитель – Арзуманов Игорь Ашотович, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Yanchevskaya Valeria Vladimirovna, student of the International Law Department Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). Scientific supervisor - **Arzumanov Igor Ashotovich**, Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Law Institute of Irkutsk State University, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

цией на идеи, лозунги революционеров. Основоположники консерватизма – Эдмунд Берк, Жозеф де Местр, Клеменс Меттерних и др. признавали основными ценностями: верность традициям, приверженность к существующим социальным нормам и порядкам, единство прошлого, настоящего и будущего, отрицание кардинальных реформ и революции.

В экономической сфере консерваторы придерживались позиции вмешательства государства только в том случае, если это необходимо для поддержания традиций и устоявшихся правил. «Отцом» консерватизма можно считать традиционализм – все трансформации, различные течения берут начало именно в верности существующему укладу и его сохранении. В настоящий момент консерватизм XIX века нельзя сравнивать с существующими идеологиями: практически все настоящие идеологии в разных странах – это модификация, синкретизм нескольких направлений общественно-политической мысли. Например, прямое продолжение – неоконсерватизм, зародившийся в XX веке, противопоставленный неолиберализму, совмещал в себе основы консерватизма и либерализма: сильное государство, не противоречащее основам социального уклада и естественному неравенству, а главное – вмешательство в экономику [5].

Консерватизм и власть – понятия неразрывные, их нельзя отделить друг от друга и рассматривать одно без связи с другим. В России это проявилось особенно четко. Н.М. Карамзин, М.Н. Катков, П. Победоносцев, С.С. Уваров, основываясь на принципах консервативной идеологии, говорили о монархизме с безусловной верой в государя и, естественно, о его ответственности перед русским народом. Самодержавие и православие – столпы русской народной мысли XIX века. Позднее С.С. Уваров добавил народность, отделив путь России от западного. По мнению многих историков, именно с этого периода – периода зарождения монархизма, начала проявляться исключительность русского пути, нашедшая свое отражение в общественно-политических движениях, а также во многих работах идеологов XIX – XX века.

В целом феномен противоположностей, появление одного против другого просматривается и в идеологии. Так консерватизм и либерализм – полярные идеи, однако неолиберализм, в современном его состоянии, отличается от своей основы в фундаментальных аспектах экономической составляющей. Он сформировался в качестве оппозиции социал-демократизму, планированию и был основан на экономике и процессах глобализации.

Неоконсерватизм изначально не рассматривался как сформированная идеология или продолжение либерализма. В 1930-е он высту-

пал в качестве экономической составляющей либерализма, позднее, в 80-е стал обособленной идеологией. Существует три школы, развивающие экономико-политическую мысль: чикагская (Милтон Фридмен); лондонская (Фридрих фон Хайек); фрайбургская (Вальтер Ойкен, Людвиг Эрхард). Каждая из школ берет за основу принципы, отличные от либерализма, например: неолиберализм не отрицает регулирование рынка государством, но признает его полную свободу, конкуренцию и экономический рост. Неолиберальная идеология в большинстве своем не ставит во главу угла рынок, а признает поддержку государства для обеспечения социальной защиты населения [10].

Как и везде, в неолиберализме существуют крайности, признающие рынок полностью самостоятельным и независимым от государства. Такого мнения придерживается Ф. Хайек, полностью отрицающий даже намеки на смешанную экономику. Однако, здесь возникает вопрос об обществе потребления, массе, а не народе, трансграничной торговле, полному стиранию границ разумного потребления. Хайек воспринимал регуляцию жизни исключительно рынком, транслирование информации при помощи рыночных механизмов, борьбы спроса и предложения. Экономисты выделяют совершенный тип конкуренции, который практически невозможен в реальности, всегда на поле будут выходить реклама, отзывы, сговор, бренды, и спрос с предложением не будут единственными игроками.

Разумные границы свободы и контроля должны присутствовать в любых идеологиях, поэтому встает вопрос об ответственности власти. Власть зависима от ответственности, это звенья одной цепи, где первое не сможет осуществлять свои функции без второго. Власть и ответственность может проявляться в двух моделях: модель власть-подчинение и диалог, совместная работа. Если первая – всем известна, то вторая – это не диалог на равных, это построение таких отношений, где власть в любом случае будет подчинять при помощи механизма социальной ответственности. Уже на основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что неолиберализм и консерватизм принимают обе модели – каждая свою.

Консерватизм претерпевал несколько этапов, одним из таких был этап революционной России и так называемый «Консерватизм русской эмиграции», одним из самых его ярких представителей был И.А. Ильин. Здесь опять же отмечается реакционный характер движения идеологии – ответ на революционный 1917 год. И.А. Ильин особенно отмечает «органический» (внутренний) тип мышления в поли-

тике, следование не определенным механизмам – механическому (внешнему) типу, а гармоничное духовное взаимодействие государства и общества. Когда на первый план выходит не политическая игра или политическую институт в лице государства, а взаимодействие двух сторон – народа и власти.

И.А. Ильин акцентирует особое внимание на идентичности и уникальности каждого народа и государства, не отождествляя и не смешивая традиции и культуры. В этом проявляется существенное различие между идеологиями, важное для понимания меры ответственности. Неолиберализм смешивает, расплывает уникальность, основываясь на интересах потребителей, следование определённой мировой тенденции.

Государствам при построении наиболее эффективного способа управления, режима необходимо отталкиваться от предпочтений, традиций, уникальности общества. «Органическая» мысль Ильина фокусирует внимание на идентичности каждого народа и тезисе «у всякого народа своя особая душа», поэтому нелепо и неразумно привязывать народам единый тип, единый образ мысли и организацию. Согласно И.А. Ильину, успешность государственного строительства определяется его соответствием не абстрактным схемам, а фундаментальным духовным основам народа, характеру и уровню его правосознания.

Власть, основанная на неолиберальной идеологии, – это власть, для которой традиции стираются и не играют решающего значения. Здесь спусковым крючком в осуществлении управления, поиске наиболее эффективных методов будет общая тенденция управления – «механическая», внешняя, как выделяет ее И.А. Ильин [6].

Можно ли объединить две полярные мысли? Скорее да, чем нет. Политика США и в целом государство – прямое тому доказательство. США – это государство со своими принципами и идеалами, традициями и моралью. Америка – государство, где каждый ищет свое, пытается найти лучшей жизни, и даже, будучи гражданином этой страны, придерживается своих национальных или религиозных убеждений и взглядов, поэтому возникает вопрос: как государству искать такой способ управления, удовлетворяющий и включающий особенности различных стран? Невозможно отвечать интересам всех одновременно, поэтому необходим консенсус, поэтому национальная идентичность стирается, поэтому принципы И.А. Ильина сложноосуществимы. Несомненно, США имеет свои недостатки, как в управлении, так и в жизни в целом, однако это ведущая страна с первой экономикой. Люди, приезжающие в Америку, ищут лучшей жизни, ищут себя, воз-

можно из стран, где чтят традиции и основывают на этом управление. Правильно ли тогда отождествлять понятия традиция и власть?

Следующий аспект мысли И.А. Ильина – форма осуществления власти, кем власть осуществляется. Ильин не отрицает возможность демократии, напротив он признает ее и не считает худшим режимом, проблема возникает только в основах демократического режима, структуре народа, его правосознании и чувства ответственности. Ильин считает демократию невозможной без достаточного уровня внутренней свободы. Внешняя политическая свобода, предоставляемая формальной демократией, оказывается нужной и необходимой, когда накладывается на благодатную почву зрелого правосознания, духовности и нравственности, когда развивает внутреннюю свободу. Демократия – проявление внутренней и внешней свободы, в противном случае, при недостатке одного, приведет к катастрофическим последствиям или завоеванию власти группой, одним лицом, под «маской» формальной демократии.

Представители различных неолиберальных школ по-разному относятся к осуществлению власти. Демократия в большей степени находит свое отражение именно в неолиберализме, а не в консервативной идеологии Ильина. Во многом это связано со временем и историческим периодом, в которых развивались идеологии. Однако стоит отметить, что не во всех неолиберальных школах придерживаются этого мнения. В некоторых демократия в неолиберализме приветствуется, однако не так однозначно. Так, власть остается властью, от кого бы она ни исходила, и высшей степени опасности она достигает, как раз, находясь не в частных, а именно в общественных руках. То есть власть общества, народа, демократия – это благо при верном подходе, при высоком уровне ответственности и правосознания [4]. Здесь можно рассмотреть подход, сходный с подходом Ильина.

Особое внимание в работах И.А. Ильина уделяется монархической и республиканской форме правления. Монархия для Ильина – тот путь, по которому должна была развиваться Россия, это единственно верное направление для сохранения ее идентичности и собственного пути. В работе «О монархии и республике» Ильин проводит четкое разграничение между республиканским и монархическим правосознанием. Для него «монархическое правосознание тяготеет к олицетворению государственной власти и всенародного коллектива; а республиканское правосознание тянет к растворению личного и единоличного начала, а также и самой государственной власти в коллективе» [7, с. 39]. Монархическое правосознание – это творче-

ское, художественное созерцание, приводящее к одухотворенному, религиозному порядку осуществления власти, в то время как республиканское правосознание этого не требует. Для республиканского правосознания важны кадры, штампованные политики четко, не раздумывая, совершающие определенные действия, что в понимании Ильина не приемлемо.

Республика в неолиберализме – лучшая форма правления, потому как для тех требований, которые предъявляет идеология этого достаточно. Ведь религиозное олицетворение власти не требуется, власть должна выполнять определенные функции – контролировать рынок и поддерживать социальную сферу. Монархию в том виде, в котором представляет ее И.А. Ильин, сложно воплотить в жизнь в полностью неолиберальном обществе.

Монархическое правосознание дает четкие установки, формирует дисциплину и субординацию, в то время как республиканское поощряет новаторство и личную инициативу. Монархический строй способен соблюсти традиции, но все они включают не только доброе, правильное, но и то, от чего скорее нужно избавляться. При республиканском строе от традиций будет оставаться лучшее, но возможное «новаторство» станет сущим проклятием для всего народа [7, с. 49].

И.А. Ильин в своих работах представлял путь России, как особенный, аутентичный. Россия, в его понимании, не может следовать общемировым тенденциям, однако сложно отмечать тенденции к глобализации в первой половине XX века. Бесспорно, индустриальная революция сделала свой вклад, но традиции и монархическая форма правления, как их проявление и продолжение, должна была остаться. Любая резкая смена власти не может положительно сказываться как на судьбе народа, так и на судьбе государства. Это кардинальная ломка процессов, происходивших годами, постепенная реформация при традиционном монархизме – тот путь, который видел И.А. Ильин для России.

Неолиберальная идеология – нечто новое в нашем понимании, хотя уже сейчас отмечают невозможность и в некоторой степени неактуальность полностью неолиберального мира.

Обобщая концепцию ответственности власти, можно сделать следующие выводы. Консерватизм в любом его проявлении предполагает большее участие и в экономической сфере, и тем более в социальной. Предположения о том, что участие и влияние государства на социальную жизнь недопустимы, не находят отражения в современном обществе. Здесь возникает вопрос о пределах регулирования – правовых границах дозволенного поведения. Безусловно, существует часть об-

ественных отношений, которая не может контролироваться государством в силу моральных и этических норм, но все-таки, полностью исключать государственное воздействие нельзя. Отсюда вытекает следующее утверждение об ответственности нелиберального правительства, которое в самой крайней идеологической форме отпускает общество в «свободное плавание». Что может привести к неисправимым последствиям. Даже в утопичном мире, где контроль государства над жизнью граждан не требуется, будут возникать ситуации, которые необходимо разрешить третьим лицам. Невозможно представить такую правовую, экономическую, политическую культуру общества, где опосредованной, несосредоточенной регуляции будет достаточно. Непосредственное решение проблем и применение мер было и будет основной задачей управляющей структуры [11, с. 84].

Консерватизм и нелиберализм – это то, что должно переплетаться. Квинтэссенция идеологий – то, чего придерживаются многие государства, учитывая, как свою культуру, так и мировое экономическое положение. Что правильно и необходимо в современном мире.

Источники и литература

1. Арзуманов, И.А., Юрковский, А. В. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-восточной Азии XX-XXI в. Часть 1. / И.А. Арзуманов, А. В. Юрковский // Известия Иркутского государственного университета серия «Политология. Религиоведение». – 2012. – № 2 (9) в 2-х частях. – Ч. 1. – С. 106–115.

2. Арзуманов, И.А. Вероисповедная политика и гражданский гуманизм (к вопросу от реализации положений ст. 13 Конституции РФ) / И.А. Арзуманов/ Известия Иркутского государственного университета серия «Политология. Религиоведение». – 2010. – № 2 (5). – С. 113–123.

3. Арьянова, Д.А. Проблема экономической власти в теории западногерманского нелиберализма / Д.А. Арьянова // Молодой ученый. – 2009. – №4. – С. 75–78.

4. Быковская, Г.А., Черенков, Р.А. Нелиберализм в контексте историко-политического процесса / Г.А. Быковская, Р.А. Черенков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 5. – С. 156–164.

5. Гарбузов, В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика / В.Н. Гарбузов // Метаморфозы истории – 1997. – № 1. – С. 136–162.

6. Жиганова, М.В. Эволюция консерватизма в трудах И.А. Ильина / М.В. Жиганова // Вопросы науки и образования – 2017. – № 6(7). – С. 174–176.

7. Ильин, И.А. О монархии и республике (О монархии исследование) /Цит. по: Ильин И.А. О монархии и республике. Собр. Соч. в 10 тт. –Т. 3. – М.: Изд-во «Русская книга», 1994. – 592 с.

8. Ильин, И.А. Из лекций Понятия монархии и республики. Собр. соч. в 10 тт. – Т. 4. //И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1994. – 620 с.

9. *Лобановская, Е.А.* Государственность и государство в правовом учении И. А. Ильина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Е.А. Лобановская. – СПб., 2007. – 177 с.

10. *Панов, А.Т.* Власть и ответственность / А.Т. Панов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета – 2010. – № 3. – С. 163–166.

11. *Шабельник В.В.* Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе: дис. к-та полит. наук / В.В. Шабельник. – М., 2006. – 184 с.

12. *Шмелев, Д.В.* Неолиберализм Валери Жискар д'Эстена: теория и внутривнутриполитическая практика (1974–1981): автореф. дис. ... к.и.н. / Д.В. Шмелев. – Казань, 2001. – 26 с.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия» (Иркутск, 27 марта 2020 года)

В ходе работы Международной научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические взаимодействия» участники конференции постановили.

Отмечая важность гармоничного взаимодействия и взаимно уважительного диалога между Церковью, Государством и Обществом, признавая роль и значение религиозных идеалов и убеждений в историческом развитии Государства и Общества, осознавая безусловность и безальтернативность единства пути Церкви, Государства и Общества в Российской Федерации, ознакомившись в ходе конференции с текущим состоянием познания проблем взаимодействия Церкви, Государства и Общества, определяя динамику взаимодействия Церкви и Государства в контексте сопряженности и влияния на Общество в целях его развития, повышения и укрепления духовной культуры граждан, участники конференции считают необходимым призвать Государство, религиозные объединения и в целом социальные институты обратить внимание на следующие аспекты взаимодействия Церкви, Государства и Общества:

1. Обратить внимание органов государственной власти и местного самоуправления в России на необходимость в рамках правового регулирования общественных отношений, в том числе в контексте уголовно-правовой политики государства, определить культурно - идеологический базис поступательного развития законодательства страны.

2. Обратить внимание на необходимость изменения подхода к пониманию категории «государственная идеология», исключив ее зауженное восприятие как «политической идеологии», в отношении которой также необходимо сохранение многообразия и плюрализма. В понятие «государственная идеология» необходимо включать культурно-мировоззренческие ценности российского общества, сформированные на основе ценностей многовековой культуры страны и опыта ее духовного развития. Такое понимание «государственной идеологии» должно проходить «красной нитью» через все национальное законодательство и стать унифицированным основанием для единообразного развития права, процессов его реализации и применения.

3. Обратить внимание на качество и полноту отражения вопросов религии и веры в законодательстве России, предложить наделить все-российские религиозные объединения правом законодательной инициативы.

4. Обратить внимание на имеющиеся противоречия между положениями частей 1 и 2 статьи 67.1 Конституции России и в рамках будущих пересмотров Конституции, либо принятия нового Основного закона России, устранить данные внутренние противоречия.

5. Включить в качестве факультативного учебного курса, преподаваемого в организациях высшего образования и дополнительного образования, курс «Религиозная культура и традиции России».

6. Учитывать религиозно-культурную составляющую при организации социальных пространств в населенных пунктах России, в том числе, при размещении объектов религиозного характера.

7. Обратить внимание на развитие в России тенденции «вне верия» (в том числе, легкомысленного отношения людей к вопросам религиозных и культурных ценностей) при наличии в стране многообразия религиозно-нравственных учений. Эта тенденция означает отсутствие у населения устойчивого, сложившегося базиса знаний и культурных ценностей, отсутствие сознательного выбора тех или иных культурных ценностей. Эта тенденция может быть изменена исключительно постоянным развитием системы этического воспитания учащихся, чему следует уделить особое внимание.

8. Поддерживать инициативы сотрудничества государства и религиозных организаций традиционных конфессий России в части укрепления толерантности, межконфессионального и международного мира и сотрудничества, развития культуры и нравственности населения.

9. Обратить внимание на духовное развитие российского студенчества (в том числе, студентов-юристов), обладающего потенциалом и стремлением духовно-нравственного совершенствования. Наладить взаимодействие между органами государственной власти, образовательными учреждениями и религиозными организациями традиционных конфессий России в осуществлении духовно-нравственного и этического воспитания студентов.

Считаем необходимым опубликовать данную резолюцию, а равно направить ее текст в органы государственной власти Российской Федерации и религиозные организации Российской Федерации.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**«Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые
и идеологические аспекты взаимодействия»**

(Иркутск, 27 марта 2020 года)

Подписано в печать 14.09.2020.
Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура «Times».
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ л. 34,4.
Тираж 125 экз. Заказ № 93942.

Издательство МАТГиП
119415, Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1
Тел.: (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru
www.matgip.ru

Отпечатано в типографии «Onebook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва».
e-mail: info@onebook.ru
www.onebook.ru

